3 1761 07488193 9

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p3p4proiskhozhden01kova

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ

К. Т. СОЛДАТЕНКОВА,

находящихся въ продажѣ.

Октябрь 1899 г.

ихъ, Ю. *Исторія Греціи.* Пер. ***М. Гершензона.*** *Т. I.* Предисловіе переводчика. III—V стр.—Введеніе—преданіе.—Главы I—XVII, начая софистическимъ движеніемъ и Пелопоннесскою войною.—Стр. III+500.—1897 г.—Ц. 2 р.—*Т. II.*—Кончая Аристотелемъ и завоеваніемъ Азіи.—Главы I—XV.—Стр. X+527.—1899 г. Ц. 2 р.

ісъ Дж. *Американская республика.* Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** *Часть I.* Національное правительство. Стр. I—XII+503.—1889 г.—*Часть II.* Правительства Штатовъ.—Политическія партіи. Стр. 515. 890 г.—*Часть III.* Общественное мнѣніе.—Объяснительные примѣры и замѣчанія.—Строй общественной жизни. Стр. 554. и указателя I—XIII.—1890 г. Каждая часть по 3 р. 50 к.

ідесъ, Георгъ. *Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Т. I.* Двѣ части. Пер. ***В. М. Спасской*** и ***В. М. Фриче,*** подъ редакціей ***Н. И. Стороженка.*** Съ предисловіемъ и примѣчаніями редактора. Стр. XI+33.—1899 г.—Ц. 1 р. 50 к.

ье, Гастонъ. *Цицеронъ и его друзья.* Очеркъ римскаго общества времена Цезаря. Пер. ***Маріи Корсакъ.*** Стр. 340.—1880 г. Ц. 2 р.

же. *Паденіе язычества.* Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы Западѣ въ IV вѣкѣ. Пер. подъ редакціей и съ предисловіемъ ***С. Корелина.*** Съ алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ. тр. XX+584.—1892 г. Ц. 4 р.

ъ, Адольфъ. *Исторія всемірной торговли.* Пер. ***Э. Циммермана.*** *Часть первая.* Предисловіе автора. Отъ древнѣйшихъ временъ до открытія Америки въ 1492 г. Стр. X+236.—1876 г.—*Часть вторая.* Предисловіе автора. Со времени открытія Америки до французской революціи. Стр. XII+430.—1876 г.—*Часть третья.* Торговля и культура вообще. Важнѣйшія отрасли производства. Деньги и кредитъ. Великобританія. Средняя Азія, Китай и Японія стр. VII+527.—1876 г. Ц. за три части 7 р. 50 к.

Вегеле, Францъ. *Дантъ Алигьери.* Его жизнь и сочиненія. Пер. третьяго изданія ***Алексѣя Веселовскаго.*** Съ указателемъ личны именъ и хронологическимъ обзоромъ жизни Данте. Стр. XV+446. 1881 г. Ц. 3 р.

Вейсъ, Германъ. *Внѣшній бытъ народовъ* съ древнѣйшихъ врем до нашихъ дней. Пер. ***В. Чаева.*** Т. I. Часть I. Исторія одежды, воо женія, построекъ и утвари народовъ древняго міра. — Восточные роды. — 1945 отдѣльныхъ изображеній по рисункамъ сочинителя Отъ переводчика. IV. — Предисловія автора VIII. — Указатель рис ковъ. — Стр. 387. — 1873. Ц. 4 р. — Т. I. Ч. II. Западные народы Стр. 503+6. — 1874 г. Ц. 4 р. — Т. III. Ч. I. (съ XIV по XVI стол съ 900 рис. Пер. ***В. Чаева.*** Введеніе II. Указ. рисун. Стр. 343. — 18 Ц. 4 р. — Т. III. Ч. 2. Съ 16 стол. до настоящ. врем. Пер. ***В. ева.*** Съ 900 изобр. — Указ. рисун. Стр. 449. — 1879. Ц. 4 р.

Викторовъ, П. *Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ орг низмѣ. — Выпускъ первый.* Общія основы нормальныхъ и болѣзн ныхъ настроеній въ связи съ ихъ отношеніемъ къ мимикѣ, поведен усовершенствованію и вырожденію личности. Стр. XI+181. — 188 Ц. 1 р. 50 к.

Гаймъ, Р. *Гердеръ его жизнь и сочиненія.* Пер. ***В. Н. Невѣдо скаго.*** *Томъ первый.* — Стр. XVI+849. — 1888 г. Ц. 5 р. — *Т второй.* Стр. XVI+880. — Указатель XXXI. 1888 г. Ц. 5 р.

Его-же. *Романтическая школа въ Германіи.* Вкладъ въ исто нѣмецкаго ума. Пер. ***В. Невѣдомскаго.*** Съ дополненіями, поправк и алфавитнымъ указателемъ. Стр. X+774+XI. — 1891 г. Ц. 5

Его-же. *Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Описаніе его жизни и рактеристика.* Пер. съ нѣмецкаго Стр. XVI+529. Приложеніе **Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ**: *О границахъ дѣятельность государст* Стр. VIII+166. — 1899. Ц. 3 р.

фонъ-Гартманъ, Эдуардъ. *Сущность мірового процесса или филосо безсознательнаго.* По 4-му изданію. Полное изложеніе системы. ***А Козлова.*** *Выпускъ второй* и послѣдній. Стр. V+431. — 187 Ц. 2 р. 50 к.

Гаспари, Адольфъ. *Исторія итальянской литературы.* Пер. ***К. Б монта.*** *Томъ I.* Итальянская литература среднихъ вѣковъ. Съ би графическими и критическими замѣтками и алфавитнымъ указател Стр. 406+LXXVIII. — 1895 г. Ц. 3 р. — *Томъ II.* Итальянская тература эпохи Возрожденія. Стр. 580 и приложеній съ указате I—LXXXIV. — 1897. Ц. 3 р.

Гервинусъ, Г. Г. *Автобіографія.* Съ четырьмя портретами. Предисл приложенія и указатель собственныхъ именъ Пер. ***Эдуарда Цим мана.*** Стр. VII+357. — 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герцбергъ, Г. Ф. *Исторія Византіи.* Переводъ, примѣчанія и прил нія ***П. В. Безобразова.*** Съ рисунками. Стр. IX+674. — 1894 г. Ц.

Геттнеръ, Г. *Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ* Нѣмецкая литература. *Книга I.* 1678—1740 р. Пер. ***А. Пыпи А. Плещеева.*** Стр. 383. — 1872 г. Ц. 2 р.

бонъ, Эдуардъ. *Исторія упадка и разрушенія римской имперіи.* зд. ***Джорджа Белля.*** 1877 г. Съ примѣчаніями ***Гизо, Венка, Штрей-ера, Гуго*** и др. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** Съ портретомъ автора. редисловіе англійскаго издателя. Письмо ***Гизо*** къ его переводу (изд. 828). Письмо ***Сюара*** къ ***Гизо.***—Очеркъ жизни и характера ***Гиббона*** Пер. съ очерка, написаннаго ***Гизо***). Предисловіе ***Гиббона*** къ 1-ой сти изданія in 4°, къ первому изданію in 8° и къ 1-й части.— *асти: I.* Стр. XLI+543.—1883 г. Ц. 4 р.—*II.* Стр. 383.—1883 г. . 4 р.—*III.* Стр. 592.—1884 г. Ц. 4 р.—*IV.* Стр. 588.—1884 г. . 3 р. 50 к.—*V.* Стр. 570.—1885 г. Ц. 3 р. 50 к.—*VI.* Стр. 613—885 г. Ц. 3 р. 50 к.—*VII.* Съ заключеніемъ и указателемъ именъ событій. Стр. CXXI+511.—1886 г. Ц. 3 р. 50 к.—Ц. за 7 то-овъ 26 р.

о. *Исторія цивилизаціи во Франціи.—Томъ III.* Съ I до XV екціи. Стр. 298.—*Томъ IV.* Съ XVI до XIX лекціи. Стр. 69. Къ имъ: «Поясненія, историческія таблицы и историческія доказательства подробности». Съ 62 по 388 стр. Оба тома въ одной книгѣ. Пер. ***Маріи Корсакъ.***—1881 г. Ц. 4 р.

йстъ, Рудольфъ. *Исторія государственныхъ учрежденій въ Англіи Englische Verfassungsgeschichte).* Пер. подъ редакціей ***С. А. Вен-ерова.*** *Періоды: I.* Англосаксонская эпоха.—*II.* Англонорманское енное государство.—*III.* Эпоха государственныхъ чиновъ.—*IV.* поха Тюдоровъ и реформаціи.—*V.* Стюарты и конституціонная орьба.—*VI.* Парламентское правленіе XVIII стол. Стр. 857+X.—885 г. Ц. 4 р. 50 к.

сонъ, А. *Джонъ Рёскинъ, какъ соціальный реформаторъ.* Пер. ***Н. Николаева.*** Стр. X—336.—1899 г. Ц. 1 р.

еръ. *Иліада.* Пер. ***Н. М. Минскаго.*** Стр. X+416.—1896 г. Ц. 75 к.

нъ, Фридрихъ. *Исторія скандинавской литературы отъ древ-нѣйшихъ временъ до нашихъ дней.* Съ прилож. этюда ***Ф. Швейцера:*** Скандинавское творчество новѣйшаго времени». Пер. ***К. Бальмонта.*** съ алфавитнымъ указателемъ именъ. Стр. II+409+VI.—1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

гуаръ, Л. *Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ.* Съ приложеніемъ «Введенія» и «Дополненій». Пер. ***М. В. Лучицкой,*** подъ редакціей ***М. В. Лучицкаго.***—*Томъ первый.* Введеніе: очеркъ исторіи реставраціи по ***Эрнесту Додэ*** и исторіи Франціи съ 1830 по 1832 г. Стр. XXI+612.—1893 г. Ц. 4 р.—*Томъ второй:* іюльская монархія съ 1832 по 1848 г.—Февральская революція. Стр. XXVI+648.—1894 г. Ц. 4 р.—*Томъ третій:* Съ февральской революціи по 1862 г. Стр. XXII+698.—1896 г. Ц. 4 р.—*Томъ четвертый.* Послѣднее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—71 г. Дополненія: коммуна третьей республики до окончат. утвержденія ея въ 1879 г.—Стр. XXIII+395—1897 г. Ц. 4 р.

нъ, Джонъ Ричардъ. *Исторія англійскаго народа.* Пер. ***П. Нико-лаева.***—*Томъ первый*—съ 449 по 1461 годъ. Стр. 450.—1891 г. Ц. 3 р.—*Томъ второй*—съ 1461 по 1603 годъ. Стр. 396.—1892 г.

Ц. 2 р. 50 к.—*Томъ третій*—съ 1603 по 1683 годъ. Стр. 365. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.—*Томъ четвертый*—съ 1683 по 1815 годъ. Съ алфавитнымъ указателемъ. Стр. 308+CXIII.—1893 г. Ц. 2 р. 50

Гюббаръ, Гюставъ. *Исторія современной литературы въ Испаніи*. Пер. ***Ю. В. Доппельмайеръ.*** Съ алфавитнымъ указателемъ. Стр. IV +362+V.—1892 г. Ц. 2 р.

Добролюбовъ, Н. А. *Матеріалы для біографіи, собранные въ 1861-1862 годахъ (Н. Г. Чернышевскимъ). Томъ I.* Переписка. Авгус 1853—5 ноября 1861.—Обзоръ бумагъ.—Нижегородское время. (С тябрь 1844—іюль 1853). Стр. 674+X.—1890 г. Ц. 2 р.

Дройзенъ, I. Г. *Исторія эллинизма.* Пер. съ французскаго, дополн наго авторомъ изданія, подъ редакціей ***А. Буше-Леклерка.*** — *То первый*: исторія Александра Великаго. Пер. ***М. Шелгунова.*** Съ при женіемъ. Стр. III+399. Примѣчанія стр. 185.—1891 г. Ц. 3 р. 50 к. *Томъ второй*: исторія діадоховъ. Пер. ***М. Шелгунова.*** Стр. 38 Примѣчанія стр. 104. Приложенія. Стр. 13.—1893 г. Ц. 3 р.—*То третій*: исторія эпигоновъ. Пер. ***Э. Циммермана.*** Стр. IV+50 Примѣчанія. Стр. 117. Алфавитный указатель именъ и содержаніе со ненія. Стр. 508. Примѣчанія 117 стр. Алфавитный указатель LXX стр.—1893 г. Ц. 4 р. 50 к.

Давидъ-Соважо, А. *Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ искусствѣ.* Трудъ, увѣнчанной парижской академіей моральныхъ и литическихъ наукъ. Пер. ***А. Серебряковой.***—Извлеченіе изъ докл ***С. Марта.*** Стр. XII+350.—1891. Ц. 2 р.

Забѣлинъ, И. *Кунцево и древній Сѣтунскій станъ.* Историчес воспоминанія. Съ портр. боярина ***Л. К. Нарышкина.*** Списокъ разстоя селеній Сѣтунскаго стана. Стр. 257.—1873 г. Ц 2 р.

Зиберъ, Н И. *Очерки первобытной экономической культуры.* С 506.—1883 г. Ц. 4 р. 50 к.

фонъ-**Игерингъ**, Рудольфъ. Профессоръ геттингенскаго университет *Борьба за право.* Съ примѣчаніями. Пер. ***П. П. Волкова.*** Стр. 77. 1874 г. Ц. 75 к.

Іодль, Фридрихъ. Профессоръ философіи въ пражскомъ университет *Исторія этики въ новой философіи. Томъ первый*: до ко восемнадцатаго вѣка (съ двумя вводными главами о греко-римской христіанской этикѣ). Отъ редактора перевода.—Предисловіе автора. Примѣчанія. Стр. XVI+284+71.—1896 г. Ц. 2 р. *Томъ второ* Кантъ и этика въ 19 столѣтіи. Переводъ подъ редакціей ***Владим Соловьева.*** Предисловіе отъ автора. Примѣчанія. Стр. XVI+401 108.—1898 г. Ц. 2 р.

Ингрэмъ, Джонъ. *Исторія политической экономіи.* Пер. ***А. Н. Мик шевскаго***, съ библіографическими и другими примѣчаніями и указате именъ. Второе изданіе. Стр. VIII+352+VIII.—1897 г. Ц. 1 р. 50

Каронинъ, (Н. Е. Петропавловскій). *Собраніе сочиненій.* Съ порт томъ, факсимиле и біографич. очеркомъ. Редакція ***А. А. Попо*** *Томъ I.* Стр. XI+714.—*Томъ II.* Стр. 734. М. 1899 г. Ц. за тома 3 р.

рреръ, Мориць: *Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества.* Пер. ***Е. Корша.*** Т. I. Зачатки культуры и восточная древность. Введеніе. Стр. 445.—1870. Ц. 3 р.— Т. II. Эллада и Римъ. Предисловіе IV. Стр. 484.—1871. Ц. 3 р. 50 к. —Т. III. Возрожденіе и реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. Предисловіе II. — Введеніе. (Стр. 551. — 1874. Ц. 4 р.— Т. IV. Пора духовнаго разсвѣта.—Предисловіе II. Введеніе. Стр. 548. —1875. Ц. 4 р.

валевскій, Максимъ. *Происхожденіе современной демократіи.— Томъ III.* Народная монархія. Стр. 334. — 1897 г. Ц. 2 р.— *Томъ IV.* Венеціанская демократія. Предисловіе автора. Стр. XI+ 352.— 1897 г. Ц. 2 р. *Томъ I, часть III и IV.* Общественныя и политическія доктрины XVIII вѣка.—Политическія доктрины. Изданіе второе исправленное и дополненное. Стр. VI—577—1899. Ц. 2 р. 50 к.

о-же. *Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. I.* Стр. XXXVI+712 Ц. 2 р. 50 к.

глеръ, Францъ. *Руководство къ исторіи искусства.* Съ четвертаго изд., обработаннаго ***Вильгельмомъ Любке.*** Пер. ***Е. Ѳ. Корша.*** *Часть первая.* Съ 320 рисунками въ текстѣ.— Отъ переводчика. Древній Востокъ, Греція, Римъ, древне-христіанское искусство, Сассониды, Скифы. мугаммеданское искусство, средневѣковой Западъ, романскій стиль, Стр. XVI+610.—1869 г. Ц. 5 р.—*Часть вторая* съ 167 рисунками въ текстѣ—до настоящаго времени. Съ мѣстнымъ указателемъ художественныхъ произведеній. Стр. 633.—1870 г. Ц. 5 р.

но-Фишеръ, Г. Э. *Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы.* Въ двухъ частяхъ. Пер. ***И. П. Рассадина.*** Стр. 185.— 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

рціусъ, Эрнстъ. *Исторія Греціи. Второй томъ.* До конца Пелопонесской войны. Пер. съ четвертаго изд. ***А. Веселовскаго.*** (Второе исправленное изданіе). Съ примѣчаніями. Стр. 650+XLVIII.—1883 г. Ц. 5 р.—*Третій томъ.* Пер. съ четвертаго изд. ***М. Корсакъ.*** Съ примѣч. Стр. 736+LIII.—1880 г. Ц. 4 р.

-Лавелэ, Эмиль. *Балканскій полуостровъ.* Пер. съ примѣчаніями и дополненіями. ***Н. Е. Васильева.*** *Часть первая*: Прибрежье Дуная: Вѣна, Кроація, Боснія и Сербія. Стр. 214.—*Часть вторая*: Балканскій полуостровъ: Сербія, Болгарія, Румелія, Турція и Румынія. Посвящено «знаменитому защитнику порабощенныхъ національностей— ***В. Е. Гладстону***». Стр. 411. Приложенія 488 стр.—1889 г. Ц. 6 р.

виссъ, Эрнестъ, и **Рамбо,** Альфредъ. *Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Томъ I.* Зачатки средневѣкового строя. Съ 395— 1095 годъ. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.***—Римскій и варварскій міръ.— Папская власть.—Италія.—Распространеніе христіанства.—Королинги.— Арабы и Исламъ.—Франція.— Германія. — Британскіе острова. — Восточная Европа.—Славяне. Стр. VI+820. — 1896 г. Ц. 3 р.— *Томъ II.* Феодальная эпоха. Крестовые походы. 1095—1270 г. Пер. ***М. О. Гершензона.***—Папство и церковь. — Европейскія государства до конца XIII в.—Перевороты въ Азіи. Монголы. Стр. XV+885 г.—

1897 г. Ц. 3 р.—*Томъ III.* Образованіе большихъ государствъ 1270—1492. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** — Королевская власть в Франціи. — Столѣтняя война. — Англія. — Нидерланды. — Испанія. — Ита лія: Возрожденіе. — Германія. — Скандинавія. — Восточная Европа. — Та мерланъ. Стр. XXI+993. — 1897 г. Ц. 3 р. *Томъ IV.* Возрожденіе Реформація; Новый Свѣтъ. 1492—1559. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** — Италія въ эпоху возрожденія. — Итальянскія войны. — Франція. — Пре образованія политическія и общественныя. — Экономическій прогрессъ земледѣліе, промышленность, торговля. — Французская литература. — Искусство въ Европѣ. — Науки. — Испанія. — Германія и реформація. — Швейцарія. — Реформаціи во Франціи. — Англія въ царствованіе Гер риха VII. — Англія и реформація. — Скандинавскія королевства. — Вен грія. — Польша подъ управленіемъ послѣднихъ Ягеллоновъ. — Оттома ская Имперія. — Революція въ сѣверной Америкѣ. — Индостанъ. — Импер Великаго Могола. — Португальцы. — Америка. Ея открытіе и первы европейскія колоніи. Стр. XXII+933. 1898 г. Ц. 3 р.—*Т.* V Религіозныя войны. 1559 — 1648. Пер. ***В. Невѣдомскаго.*** — Гл I—XXII. Римское правительство и католическая реформація. — Цар ствованіе Филиппа II. — Религіозныя войны во Франціи о Нидерла дахъ. — Окончательное введеніе протестантства въ Англіи и Шотла діи. — Возстановленіе внутренняго спокойствія и улучшеніе эконо мическаго положенія во Франціи. — Людовикъ XIII и Ришельё. — Французская литература. — Искусство и науки въ Европѣ. — Герма ская и тридцатилѣтняя война. — Стюарты и революція въ Англіи. — Испанія при преемникахъ Филиппа II. — Италія подъ владычеством Испаніи. — Польша. — Румыны. — Венгрія и Трансильванія. — Оттома ская имперія. — Крайній Востокъ. — Америка. — Стр. XX+880. — Ц. 3

Лампрехтъ, Карлъ. *Исторія германскаго народа.* Пер. ***П. Николаев*** *Томъ первый. Часть I и II.* до XI в. Стр. XXII+608. — 1894 Ц. 4 р. — *Томъ второй. Части III и IV* до XIV вѣка. Ст XXII+656. — 1895 г. Ц. 4 р. — *Томъ третій. Часть V.* до XV вѣка. Стр. XVIII+545. — 1896 г. Ц. 3 р.

Лансонъ, Гюставъ. *Исторія французской литературы.* Со второ французскаго изданія, пересмотрѣннаго и исправленнаго автором *Томъ I.* До XVIII вѣка. — Предисловіе автора. Стр. 788 — 1897. 3 р. 50 к. Том. II. *Восемнадцатый вѣкъ и современная эпох* Стр. 638. — 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Леббокъ, Джонъ. *Красота природы и чудеса міра, въ которомъ м живемъ.* Пер. подъ редакціей проф. *А. П. Павлова.* Съ 36 полит пажами. Стр. 255 — 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лессингъ, Г. Э. *Гамбургская драматургія.* Пер. ***И. П. Рассади*** Съ предисловіемъ, примѣчаніями разныхъ комментаторовъ и алфав нымъ спискомъ именъ писателей и названій нѣкоторыхъ лицъ и пр метовъ, встрѣчающихся въ «Драматургіи». Отъ переводчика. Стат С. Стр. 8+503+XVII. — 1883 г. Ц 3 р.

Лотце, Германъ. *Микрокозмъ.* Мысли естественной и бытовой исто человѣчества. Опытъ антропологіи. Пер. ***Е. Корша.*** *Часть перв*

1. Душа. 2. Тѣло. 3. Жизнь.—Отъ переводчика.—Отъ автора. Стр. XVI+XXX+509.—1866 г. Ц. 2 р.—*Часть вторая*. 4. Человѣкъ. 5 Духъ. 6. Ходъ міра. Стр. 529.—1866 г. Ц. 2 р.—*Часть третья*. 7. Исторія. 8. Прогрессъ. 9. Общая связь вещей между собою.—Стр. 739.—1867 г. Ц. 2 р. 50 к.

обке, Вильгельмъ. *Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени*. Пер. ***В. Чаева***. Съ 321 рисунками въ текстѣ, предисловіемъ автора, и указателемъ именъ художниковъ и мѣстъ. Стр. IX+668.—1870 г. Ц. 6 р.

агаффи, Дж. П. Профессоръ дублинскаго университета. *Исторія классическаго періода греческой литературы*. Пер. ***Александры Веселовской***. *Томъ первый*. Поэзія. Съ приложеніемъ статьи проф. Сэйса о поэмахъ Гомера. Предисловіе и приложенія. Стр. VII+460+32.—1882 г. Ц. 3 р.—*Томъ второй*. Проза. Съ указателемъ личныхъ именъ въ обоихъ томахъ. Стр. 725+XIV.—1883 г. Ц. 3 р.

арта, Констанъ. *Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи* Пер. ***М. Корсакъ***. Съ предисловіемъ къ 1 и 2-му изданію. Стр. 380.—1880 г. Ц. 2 р.

ауреръ, Георгъ Людвигъ. *Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти*. Пер. ***В. Корша***. Съ предисловіемъ автора. Стр. IV+360.—1880 г. Ц. 2 р. 75 к.

оммсенъ, Ѳ. *Римская исторія*. Пер. съ шестого изд. ***Н. Д. Ахшарумова***. Предисловіе. Стр. 901.—Т. I. До битвы при Пиднѣ. Съ военной картой Италіи.—Предисловіе V. Стр. 901. 1877 г. Ц. 6 р.—Тоже пер. ***В. Н. Невѣдомскаго***. Стр. 941.—1887 г. Ц. 6 р.—Т. II и III. Съ шестого изд. Пер ***Н. Д. Ахшарумова*** и ***Н. А. Веселовскаго***. Предисловіе. Стр. 539.—1880. Ц. 7 р.—Т. V. Провинція съ временъ Цезаря, до временъ Діоклетіана. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго***. Предисловіе. Стр. XII+648.—1885. Ц. 3 р. 50 к.

орлей, Джонъ. *Руссо*. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго***. Примѣчанія къ первому изданію. Указатель именъ и предметовъ. Стр. 443+XIX.—1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

орлей, Джонъ. *Дидро и энциклопедисты*. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго***. Предисловіе и приложенія. Стр. 503.—1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

ефедовъ, Ф. Д. *Сочиненія* въ 2 том. Ц. 3 р.

иколаевъ, П. *Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ*. Соціологическій этюдъ. Предисловіе. Стр. 299.—1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

арксъ, Генрихъ. *Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи*. Съ двумя портретами автора. Пер. ***В. Невѣдомскаго***. Предисловіе автора. Стр. II+VIII+452.—1894 г. Ц. 3 р.

елисье, Жоржъ. *Литературное движеніе въ XIX столѣтіи*. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. Пер. ***Ю. В. Доппельмайеръ***. Съ алфавитнымъ указателемъ. Стр. 410+II.—1895 г. Ц. 2 р.

ешель, Оскаръ. *Исторія эпохи открытій*. Пер. со 2-го изданія ***Э. Циммермана***. Предисловіе нѣмецкихъ издателей. Стр. IX+483.—1885 г. Ц. 3 р.

Платонъ. *Творенія*. Пер. съ греч. ***Владиміра Соловьева***. *Томъ первый*. Посв. ***А. А. Фету***. Пред. перев. V — XII.—Жизнь и произведенія Платона (Предварительный очеркъ). Стр. 1 — 30.— Отдѣлъ первый (Сократическіе діалоги).—М. 1899.—Ц. 1 р. 50 к.

Полонскій, Я. П. *На закатѣ*. Стихотворенія. 1877 — 1880 г. Стр. 181.—1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо, Т. *Современная англійская психологія*. (Опытная школа). Пер. со второго, дополненнаго изданія. Редакція перевода и критическіе этюдъ ***П. Д. Боборыкина***. Стр. XXVIII+345.—1881 г. Ц. 2 р.

Риль, А. Профессоръ. *Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма*. Пер. ***Е. Корша***. «Отъ переводчика» и предисловіе автора. Стр. VII+426+VIII.—1888 г. Ц. 2 р.

Саади-Ширази. *Гюлистанъ*. «Цвѣтникъ розъ». Съ персидскаго подлинника пер. ***И. Холмогорова***. Съ примѣчаніями и поясненіями. Стр. 353.—1882 г. Ц. 1 р.

Столповская, Анна. *Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа*. Съ приложеніемъ рецензіи на статью г. ***В. С. Соловьева***—«Китай и Европа». Предисловіе и введеніе. Перечень источниковъ. Стр. 474.—1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Страбонъ. *Географія*. Въ семнадцати книгахъ. Пер. съ предисловіемъ и указателемъ ***Ѳ. Г. Мищенко***. Стр. 856+CCLXXVII. —1879 г. Ц. 10 р.

Суриковъ, И. З. *Стихотворенія*. 1863—1880 г. Полное собраніе. Съ портретомъ автора, факсимиле, фотографическимъ снимкомъ памятника съ могилы покойнаго поэта. Біографическій очеркъ жизни его ***Н. А. Соловьева-Несмѣлова***. Изданіе четвертое посмертное. Письма къ разнымъ лицамъ.—Пѣсни.—Перечень стихотвореній въ хронологическомъ порядкѣ и алфавитнымъ указателемъ стихотвореній. Стр. CXC+396+5.—1884 г. Ц. 3 р.

Тикноръ. *Исторія испанской литературы*. Пер. съ 4-го изданія ***Н. И. Стороженко***. Съ біографическимъ очеркомъ, примѣчаніями и библіографическимъ указателемъ и т. д. *Томъ первый*. Первый періодъ — отъ начала письменности до первой половины царствованія Карла V или отъ конца XII ст. до начала XVI. Второй періодъ—отъ вступленія на престолъ австрійскаго дома до его прекращенія, или отъ начала XVI до конца XVII в. Стр. LIII+435.—1883 г. Ц. 3 р.—*Томъ второй*. Пер. подъ редакціей ***Н. И. Стороженко***. Второй періодъ — продолженіе. Стр. 448.—1886 г. Ц. 3 р.—*Третій томъ*. Пер. подъ редакціей ***Н. И. Стороженко***.—Конецъ второго періода и третій періодъ — отъ восшествія на престолъ бурбонской династіи до воцаренія Наполеона, или отъ начала XVIII до начала XIX в.—Восемь приложеній.—Алфавитный указатель. Стр. 409+CII. — 1891 годъ. Ц. 3 р. 50 к.

Токвиль, Алексисъ. *Воспоминанія*, изданныя графомъ ***Токвилемъ***. Пер. ***В. Невѣдомскаго***. Съ предисловіемъ гр. ***Токвиля*** и приложеніями. Стр. 319.—1893 г. Ц. 2 р.

Трайль, Г. Д. *Общественная жизнь Англіи*. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, прав

и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи съ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.—*Томъ I.* Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I. Пер. ***Л. Ч.,*** подъ редакціей ***П. Николаева.*** — Введеніе ***Трайля.*** Стр. 471. - 1896 г. Ц. 3 р. — *Томъ II.* Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 497. — 1897 г. Ц. 2 р. 50 к. *Томъ III.* Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 514.—1897 г. Ц. 2 р. 50 к. *Томъ IV.* Отъ воцаренія Іакова I до смерти Анны. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 537.—1898 г. Ц. 2 р. 50 к. *Томъ V.* Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 544.—1898. Ц. 2 р. 50 к. *Томъ VI.* Съ 1815 года до общихъ выборовъ 1855 года. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 588—1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

юкъ Хэкъ. *Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка.* Пер. ***П. Викторова.*** «Отъ переводчика». Вступленіе автора. Стр. V+391.—1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

енделенбургъ, Адольфъ. *Логическія изслѣдованія.* Часть первая и вторая.—1868. Ц. 4 р.

инлей, Георгъ. *Греція подъ римскимъ владычествомъ со времени завоеванія римлянами до паденія имперіи ихъ на Востокѣ* 146 г. до Р. Х.—717 г. по Р. Х. Пер. ***Софьи Никитенко.*** Предисловіе къ первому изданію 1843 г. Хронологія.—Каталогъ изданій византійскихъ историковъ, напечатанныхъ въ Парижѣ и перепечатанныхъ въ Венеціи, съ прибавленіями, необходимыми для его полноты.— Стр. XVIII+444.—1877 г. Ц. 4 р.

иске, Джонъ. *Открытіе Америки съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія.* Въ двухъ томахъ. Пер. ***П. Николаева.*** Посвящается ***Эдуарду Августу Фриману.*** Предисловіе автора. *Томъ I.* Древняя Америка. Морскіе пути до Колумба и его путешествіе. Стр. 339+IX.—1892. Ц. 2 р.—*Томъ II.* «Новый міръ» Завоеваніе Мексики и Перу. Лосъ Казасъ. Общіе выводы. Съ картой новыхъ открытій, составленной въ 1500 г. ***Хуаномъ де-ла-Коза.*** Стр. 372+IX.—1893. Ц. 2 р.

онъ-Фрикенъ. А. *Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанства.* Съ рисунками. Посвящено памяти ***В. П. Боткина.*** *Часть первая.* Римскія катакомбы.—Стр. 189.—1873 г. Ц. 1 р.— *Часть вторая.* Надписи и символическія изображенія. Стр. 250.— 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.—*Часть третья.* Изображеніе Спасителя, Богоматери и апостоловъ первыхъ христіанъ. Стр. 190. — 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.—*Часть четвертая.* Живопись и пластика у первыхъ христіанъ Запада и Востока. Стр. 403.—1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

го же. *Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Часть первая.* Посвящено ***К. Т. Солдатенкову.*** Стр. 310.—1891 г. Ц. 2 р.— *Часть вторая.* Стр. 313+II.—1895 г. Ц. 2 р. *Часть третья.* Стр. 358.—1898 г. Ц. 2 р.

ойгтъ, Георгъ. *Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гумманизма.* Со 2-го изданія пер. ***И. П. Рассадина*** съ предисловіемъ и алфавитнымъ указателемъ. *Томъ I.* Стр. 540+VI.

1884 г. Ц. 3 р. 50 к.—*Томъ II.* Стр. 455+XXXV.—1885 г. Ц. 3 р.

Фриманъ, Эдуардъ. *Историческая географія Европы.* Пер. ***М. В. Лучицкой***, подъ редакціей профессора ***И. В. Лучицкаго*** М. 1892 г. *Томъ I.* Текстъ. Предисловіе ***И. Л.*** и предисловіе автора V.—Систематическое оглавленіе. Стр. XXXIX — 433. «Алфавитный указатель». Стр. XXXI.—*Томъ II.* 74 карты въ хронологическомъ порядкѣ, съ объяснительнымъ текстомъ. 1892 г. Ц. за два тома 6 р.

Его же. *Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 г.* съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи.—Главные періоды европейской исторіи. *Шесть лекцій 1895* г., съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Пер. ***П. Николаева.*** Отъ переводчика. — Предисловіе автора. Стр. V+338.—1893 г. Ц. 2 р.

Фуллье, Альфонсъ. *Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ.* Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 535.—1895 г. Ц. 3 р.

Шекспиръ. *Драматическія сочиненія.* Пер. ***Н. Кетчера,*** выправленныя и пополненныя по найденному ***Пэнъ Калльеромъ*** старому экземпляру in folio 1632 г. *Часть 1.* Король Іоаннъ.— Ричардъ II.—Генрихъ IV. Стр. 408. 1862 г. — *Часть 2.* Генрихъ V.— Генрихъ VI. Стр. 421. 1863 г. — *Часть 3.* Ричардъ III. — Генрихъ VIII. — Комедія ошибокъ. — Макбетъ. Стр. 380. 1864 г.—*Часть 4.* Укрощеніе строптивой. — Коріоланъ. — Все хорошо, что хорошо кончится.—Отелло.—Стр. 445. 1864 г.—*Часть 5.* Тимонъ Аѳинскій. —Два Веронца. — Юлій Цезарь. — Антоній и Клеопатра. Стр. 376.—1863 г.—*Часть 6.* Зимняя сказка.—Троилъ и Кресида.—Виндзорскія проказницы.—Ромео и Джульетта. Стр. 437. 1866 г.—*Часть 7.* Крещенская ночь.—Гамлетъ.—Тщетный трудъ любви.—Мѣра за мѣру. Стр. 433. 1873 г.—*Часть 8.* Король Лиръ.—Много шуму по пустому. — Цимбелинъ. — Какъ вамъ угодно. Стр. 444. 1877.—*Часть 9.* Буря.—Венеціанскій купецъ.—Въ ночь на Ивана сновидѣніе.—Титъ Андроникъ.—Периклъ. Стр. 402. 1879 г.—Цѣна каждой части 1 р., послѣдней 2 р.

Шмидтъ, Карлъ. *Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ.* Пер. ***Эдуарда Циммермана.*** Съ третьяго дополненнаго и исправленнаго ***Вихардомъ Лангв*** изд. *Исторія педагогики. Томъ первый.* До-христіанская эпоха.—Воспитаніе у дикихъ народовъ, на Востокѣ, у грековъ и римлянъ. Изд. четвертое, значительно дополненное, исправленное и передѣланное ***Эммануиломъ Ганнакомъ***, директоромъ педагогическаго института въ Вѣнѣ. Съ портретомъ автора, краткимъ очеркомъ его жизни. Предисл. къ IV изд. д-ра ***Фр. Диттеса*** и редактора книги д-ра ***Э. Ганнака.***— Указатель собственныхъ именъ и предметовъ. Стр. XXVIII.+815.—1890. Ц. 5 р.—*Томъ четвертый.* Отъ Песталоцци до настоящаго времени. Въ двухъ частяхъ. 1881 г. Ц. 7 р.

Шоу, Альбертъ. *Городскія управленія въ Западной Европѣ.* Пер.

А. В. Бяловескаго.—Отъ переводчика.—Предисловіе автора.—*Часть первая.* Городскія управленія въ Великобританіи.—*Часть вторая.* Очерки городскаго хозяйства на материкѣ Европы.—Стр. VII+3+651.—1899. Ц. 2 р. 50 к.

Андрьюсъ, И. М. *Историческое развитіе современной Европы отъ Вѣнскаго конгреса до нашего времени.* Пер. съ англійскаго *М. В. Лучицкой*, подъ редакціей *И. В. Лучицкаго.* Томъ I. Стр. VIII—355.—Томъ II стр. VIII—346. Указатель на оба тома стр. XXII. 1899 г. Ц 3 р.

Эсменъ, А. *Основныя начала государственнаго права.* Пер. съ французскаго Н. К., подъ редакціей и съ предисловіемъ *М. Ковалевскаго. Томъ I.* Предисловіе. Введеніе. Текстъ. Приложенія. Стр. X+450. 1898 г. Ц. 1 р. *Томъ II.* Стр. VIII+399. 1899 г. Ц. 1 р.

Библіотека экономистовъ.

Общія объясненія редакторовъ „Библіотеки", М. П. Щепкина и И. А. Вернера, см. въ I выпускѣ изданія.

Давидъ Рикардо. Выбранныя мѣста изъ его сочиненій. Съ портр. автора.—Жизнь и труды Рикардо и библіографическій указатель его сочиненій. Пер. *Н. В. Фабриканта. Выпускъ II.*—1895 г. Ц. 1 р.

Т. Р. Мальтусъ. *Опыты закона о народонаселеніи.* Пер. *И. А. Вернера. Выпускъ III.* Съ предисловіемъ редакторовъ «Библіотеки» и статьею переводчика о жизни и трудахъ Мальтуса. Стр. LXIV+249.—1895 г. Ц. 1 р.

Джонъ Стюартъ Милль. *Основныя начала политической экономіи.* Съ портр. автора. *Выпускъ IV.* Пер. *А. Н. Миклашевскаго,* со статьею переводчика о жизни и трудахъ Милля.—1895 г. Ц. 1 р.

Давидъ Юмъ—*Опыты* и **Іеремія Бентамъ**—*Принципы законодательства.*—О вліяніи условій времени и мѣста на законодательства.—Руководство политической экономіи. Съ портр. авторовъ. *Выпускъ V.*—Съ автобіографіей Юма, статьею *Леона Сэ.*—«Юмъ, какъ экономистъ», съ библіографіей.—«Жизнь и дѣятельность Бентама». *С. Рафаловичъ.* Дополненія ред. и библіографія соч. Бентама. Стр. XXVIII+119 и XLIII+136. Оба автора въ одномъ выпускѣ. Пер. *М. О. Гершензона.* 1896 г. Ц. 1 р.

Франсуа Кенэ. Выбранныя мѣста. Съ портр. автора.—Объясненія отъ редакціи «Библіотеки». Ст. «Жизнь и произведенія *Франсуа Кенэ*», *Александра Миклашевскаго,* съ полнымъ спискомъ экономическихъ и философскихъ произведеній Кенэ. Въ приложеніи Tableau Economique. *Выпускъ VI.* Стр. LII+279.—1896 г. Ц. 1 р.

Жанъ Батистъ Сэ. *Трактатъ политической экономіи.* Пер. *Е. Н. Каменецкой.* Съ портр. авт. Съ объясненіемъ отъ редакціи и ст.

«Жизнь и труды». *Ж.-Б. Сэ*. Стр. XXI+112.—**Фредерикъ Бастіа** Кобденъ и Лига.—Экономическіе софизмы и Гармоніи.—Что видно и чего не видать Пер. *З. С. Яновской*, со статьею «Жизнь и труды Бастіа» и библіографическимъ спискомъ. Стр. XVI+240.—Оба писателя въ одномъ *VII выпускѣ*.—1896 г. Ц. 1 р.

Ж. Симондъ де-Сисмонди. *Новыя начала политической экономіи*. Пер. *Б. О Эфруси*. Съ портр. автора и ст. переводчика — «Жизнь и труды С. де-Сисмонди». *Выпускъ VIII*. Стр. LVIII+292.—1897 г. Ц. 1 р.

Д. Э. Кэрнсъ. Выбранныя мѣста. Съ портр. автора. Логическій методъ пол. экон. Стр. 127.—Основные принципы и цѣнность. Стр. 147.—Международная торговля. Стр. 80.—Со ст. «Жизнь и сочиненія Д. Э. Кэрнса». Стр. XXXI.—1897. Ц. 1 р.—Пер. *Туганъ-Барановскаго*. *Выпускъ IX*.

Ричардъ Кобденъ. *Лига и борьба противъ хлѣбныхъ законовъ.—Рѣчи Кобдена въ парламентѣ и на митингахъ* Пер. *Е. Н. Каменецкой*. Съ предисл. *М. П. Щепкина*. Вып. X. Стр. LVIII+314. 1899 г. Ц. 1 р.

Дозволено цензурой.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., соб. домъ.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ III и IV.

Изданіе К. Т. Солдатенкова

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1899.

JUL 28 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

JC
421
K68
1899
c.1
v.3-4

ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДОКТРИНЫ

XVIII-го вѣка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общественныя и политическія доктрины XVIII-го вѣка.

Стран.

ГЛАВА I. Экономическія теоріи прошлаго вѣка. Право собственности и право труда.—Гармонія интересовъ и экономическая свобода . . . . . 1—150

ГЛАВА II. Крестьянскій и рабочій вопросы въ литературѣ и наказахъ 1789 г. . . . . 151—217

ГЛАВА III. Податныя теоріи прошлаго столѣтія и ихъ вліяніе на наказы 1789 г. . . . . 218—256

Часть четвертая.

Политическія доктрины.

ГЛАВА I. Англоманія и американофильство . . . . . 259—329

ГЛАВА II. Теорія демократической монархіи . . . . . 330—361

ГЛАВА III. Родоначальники доктрины 1789-го года 1) Монтескье.—Генезисъ его основныхъ политическихъ ученій . . . . . 362—416

ГЛАВА IV. Родоначальники доктрины 1789-го года.—2) Руссо, его теорія народнаго самодержавія и закона, какъ выраженія общей воли. . . . . 417—535

ГЛАВА V. Пропагандисты новой доктрины . . . . . 536—577

ЧАСТЬ III.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ

ДОКТРИНЫ ФРАНЦІИ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

ГЛАВА I.

Экономическія теоріи прошлаго вѣка. Право собственности и право труда.—Гармонія интересовъ и экономическая свобода.

Въ первыхъ двухъ частяхъ настоящаго труда мы старались познакомить читателя съ общественнымъ и политическимъ строемъ Франціи стараго порядка. Изъ его критики сложилась та революціонная доктрина, какую дѣятели 89-го года провели въ законодательство и административную практику. Чтобы узнать, гдѣ черпали члены Учредительнаго собранія руководившіе ими принципы, необходимо выяснить себѣ тотъ путь, какимъ на почвѣ существующихъ экономическихъ и государственныхъ порядковъ сложилась ходячая въ концѣ XVIII-го вѣка доктрина. Это и составитъ задачу ближайшихъ главъ.

Экономическія и общественныя доктрины Франціи XVIII вѣка всецѣло вытекли изъ критики современныхъ имъ хозяйственныхъ порядковъ и существующаго строя соціальныхъ отношеній. Въ такихъ, повидимому, отвлеченныхъ трактатахъ, какъ «Духъ законовъ» или «Разсужденіе Руссо объ источникѣ неравенства», поднимались и такъ или иначе рѣшались не одни только общечеловѣческіе вопросы, но и тѣ, которые составляли злобу дня, предметъ ежечасныхъ заботъ, если не правительства, то общества. Это еще въ большей мѣрѣ можетъ быть сказано о сочиненіяхъ первыхъ экономистовъ, начиная отъ Вобана и Буагильбера, переходя затѣмъ къ Кенэ и Гурнэ и заканчивая основанной обоими школой физіократовъ. Производство и обращеніе богатствъ, порядки землевладѣнія, относительныя преимущества и недостатки по-

кровительственной политики и свободы торговли, роль денегъ, законность процента и значеніе кредита въ народномъ хозяйствѣ, регламентація промысловъ, распредѣленіе дохода между правительствомъ и подданными, обложеніе налогомъ производителей или однихъ продуктовъ потребленія, собственности или также промысловъ и торговли, валоваго или чистаго дохода, вліяніе, оказываемое податными изъятіями на благосостояніе націи, отношеніе, въ какомъ стоитъ къ ней откупная система,— всѣ эти экономическія задачи обсуждаются въ періодической печати и въ цѣломъ рядѣ брошюръ и трактатовъ не въ виду одного ихъ научнаго интереса, но также той пользы, какая ожидается отъ правильнаго ихъ рѣшенія для всего строя народной жизни и, въ частности, для матеріальнаго благосостоянія такъ долго оставленныхъ въ забвеніи народныхъ массъ. Запустѣніе земель и нищенское состояніе ихъ вѣковыхъ воздѣлывателей—ближайшій стимулъ къ зарожденію той новой науки о народномъ хозяйствѣ, которая задолго до Адама Смита и физіократовъ въ сочиненіяхъ Буагильбера [1]) обогащается не только цѣлымъ рядомъ въ высшей степени любопытныхъ наблюденій, но и строитъ уже нѣкоторыя теоремы.

Къ Буагильберу непосредственно примыкаетъ и школа физіократовъ. Она усвоиваетъ многія изъ его положеній и даетъ имъ новое развитіе. Руководимая, подобно ему, исканіемъ не одной отвлеченной истины, но и общественной пользы, она находитъ въ критикѣ существующаго указаніе новыхъ путей для обезпеченія народнаго благополучія. Каковы бы ни были ошибки физіократической доктрины, справедливость требуетъ сказать, что она, какъ нельзя лучше, поняла дѣйствительную причину матеріальнаго упадка Франціи, и, въ частности, производительныхъ классовъ.

Пренебреженіе интересами земледѣлія и, какъ прямое послѣдствіе этого, равнодушіе къ благосостоянію той массы населенія, которая прямо или косвенно извлекала изъ него средства къ жизни, можетъ быть съ полнымъ правомъ признано за

---

[1]) Сравни Horn. L'économie polifique avant les phisiocrates, главы V—VII.

одно съ физіократами, главнымъ источникомъ того экономическаго нестроенія, какое представляла собою Франція середины прошлаго вѣка. Меркантилизмъ и связанное съ нимъ покровительство обработывающей промышленности и внѣшней торговли, отодвигая земледѣліе на задній планъ, сосредоточивая капиталы и трудъ на городскихъ производствахъ, обезлюдивая села и сокращая количество влагаемыхъ въ землю затратъ, искусственно, хотя и безсознательно, поддерживали средневѣковый строй земледѣльческаго хозяйства съ его монополіей собственности, наслѣдственной арендой, половничествомъ, сеньеріальными повинностями и платежами. Обширная земельная площадь оставалась невоздѣланной, часть ея пропадала подъ болотами и лѣсами, часть доставляла слабый доходъ въ формѣ помѣстнаго и общиннаго выпаса. Сеньеріальное, а кое-гдѣ и крѣпостное право, являлись непреодолимымъ препятствіемъ къ замѣнѣ чиншеваго или оброчнаго держанія съ его разъ навсегда установленной рентой болѣе доходнымъ для собственника и болѣе выгоднымъ для земледѣлія фермерскимъ хозяйствомъ. Систематически разоряемые помѣщичьими, церковными и государственными поборами, крестьяне-оброчники поставлены были въ невозможность вести сколько-нибудь интензивное хозяйство. Двухпольная система во многихъ мѣстностяхъ, особенно къ югу отъ Луары, продолжала господствовать не только надъ многополіемъ, какое на правахъ исключенія можно было встрѣтить во Фландріи и отчасти въ Эльзасѣ и Нормандіи, но и надъ трехпольемъ, сдѣлавшимся уже съ XIV вѣка общимъ явленіемъ въ Англіи, если не говорить о герцогствѣ Уэльскомъ и примыкающемъ къ нему Ланкаширѣ.

Прибавимъ, что большинство сеньеріальныхъ и церковныхъ поборовъ падало всѣмъ своимъ бременемъ не на чистый, а на валовой доходъ; съ цѣлью обезпечить правильность ихъ поступленія, крестьянинъ-воздѣлыватель долженъ былъ подчиниться строгой регламетаціи во времени и порядкѣ производства своихъ работъ; помѣщичьи монополіи, безъ особой выгоды для тѣхъ, кто ими пользовался, отнимали у земледѣльца добрую часть его общей выручки. Легко понять послѣ этого, почему, вмѣстѣ съ подъемомъ сельскаго хозяйства и развитіемъ фермерства,

забота объ изъятіи валоваго дохода отъ обложенія и о подчиненіи ему одного «produit net» съ самаго начала сдѣлалась центромъ того новаго ученія, родоначальникомъ котораго былъ Кенэ. Съ другой стороны, изучая фискальную систему старой Франціи, въ которой налоги на потребленіе (въ формѣ aides и gabelles) играли главную роль и трудящійся людъ, обложенный, наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ, поголовной податью и подоходнымъ налогомъ (capitation, vingtième), въ то же время одинъ призванъ былъ къ уплатѣ земельнаго (taille)— вполнѣ объясняешь себѣ источникъ того кореннаго ученія физіократовъ, по которому единственнымъ предметомъ обложенія должна быть чистая выручка, получаемая собственникомъ земли.

Отправляясь отъ этихъ практическихъ требованій, вызванныхъ тѣми спеціальными условіями, въ какія поставленъ былъ классъ сельскихъ производителей, Кенэ и его школа свели ихъ въ стройную систему, получившую въ ихъ устахъ названіе «естественнаго порядка человѣческихъ обществъ» (ordre naturel et essentiel des sociétés politiques). Эта система сдѣлалась, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, экономическимъ credo громадной массы лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ составленіи наказовъ 1789 года, а также въ редакціи тѣхъ законовъ, которыми произведена была Учредительнымъ собраніемъ параллельная съ политической общественная революція. Правда, нѣкоторыя изъ выставленныхъ школою положеній нашли критику въ собственныхъ ея рядахъ и по такимъ вопросамъ, какъ свобода хлѣбной торговли, относительное преимущество крупнаго и мелкаго производства, вредъ и польза соединенія обрабатывающей промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ, невозможность или наоборотъ необходимость обложить налогомъ, наравнѣ съ рентой, и прибыль капиталиста, сказалось чувствительное разнорѣчіе. Это обстоятельство наложило свою печать и на заявленныя многими наказами требованія, и на задуманныя или проведенныя собраніемъ общественныя и налоговыя реформы. Но въ общемъ цѣлость выставленной впервые Кенэ доктрины не была нарушена и всякому, кто желаетъ познакомиться съ характеромъ тѣхъ воззрѣній,

какія руководили дѣятелями 1789 г. въ ихъ соціальныхъ реформахъ, приходится восходить къ ней, какъ къ первоисточнику. Въ этомъ отношеніи вліяніе физіократовъ столь же несомнѣнно, какъ вліяніе Монтескье и Руссо въ сферѣ политической. Теорія «produit net» оставила свой слѣдъ въ наказахъ ни больше, ни меньше того, какъ теоріи общественнаго договора и раздѣленія властей. Мало того, она въ такой же мѣрѣ обусловила собою декреты 4-го августа и содержаніе многихъ статей «Декларацiи правъ», въ какой Contrat Social и Esprit des lois наложили свою печать на конституцію 1791 г.

Въ чемъ же, спрашивается, состояла сущность того новаго экономическаго ученія, первымъ провозвѣстникомъ котораго былъ Кенэ? Большинству читающей публики оно, по всей вѣроятности, извѣстно только по знаменитому афоризму «laissez faire, laissez passer», усвоенному послѣдователями Адама Смита и доселѣ остающемуся неоспоримымъ труизмомъ въ глазахъ такъ называемой манчестерской школы. Надо замѣтить, однако, что, хотя это положеніе и отвѣчаетъ вполнѣ той проповѣди экономической свободы, которую можно найти въ сочиненіяхъ Кенэ, но оно передаетъ только одну изъ сторонъ выставленной физіократами программы. Въ зародышѣ оно встрѣчается еще у Буагильбера и формулировано окончательно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не знаменитымъ врачемъ герцогини Помпадуръ, а его современникомъ и единомышленникомъ Гурне, инспекторомъ мануфактуръ и ближайшимъ учителемъ Тюрго.

На сколько этотъ афоризмъ выражаетъ собою вредъ протекціонной системы и исключительнаго поощренія обрабатывающей промышленности и внѣшней торговли въ ущербъ земледѣлію, онъ вправѣ считаться однимъ изъ принциповъ физіократіи. Но имъ передается только положеніе, занятое новой доктриной по отношенію къ предшествовавшей ей школѣ меркантилизма и не затрогивается ни мало та оригинальная и частью парадоксальная сторона физіократіи, которая состоитъ въ признаніи первенствующей роли сельскаго хозяйства, какъ единственнаго источника чистаго дохода (produit net) и потому самому единственнаго кормильца государственной казны. Значеніе, какое физіократы придавали этой именно части своего ученія, весьма

характерно сказывается въ перепискѣ маркиза Мирабо, друга и послѣдователя Кенэ, съ Жанъ Жакомъ Руссо.

«Все физическое и нравственное благосостояніе обществъ,— говоритъ знаменитый маркизъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,— сводится къ умноженію чистаго дохода (accroissement du produit net). Всякое посягательство противъ общества сказывается неизмѣнно въ одномъ фактѣ: въ уменьшеніи чистаго дохода» [1]).

Физіократы ставили себѣ задачей указать тѣ пути, которыми достигается извлеченіе наибольшаго чистаго дохода, иначе говоря, увеличеніе числа и качества продуктовъ земли при наименьшихъ затратахъ. Въ ея рѣшеніи они видѣли высшее право на признаніе, заявляя устами аббата Бодо, что справедливость лежитъ въ томъ, чтобы масса естественныхъ продуктовъ не подвергалась сокращенію и ростъ ея не встрѣчалъ препятствій [2]). Такимъ образомъ, ученіе о порядкѣ достиженія наивысшаго дохода съ земель возводится физіократами на степень не только естественнаго, но и этическаго закона.

Подобно всякому естественному закону, и этотъ законъ не создается, а только признается правительствомъ. Абсолютнѣйшій въ мірѣ монархъ связанъ тѣмъ, что физіократы называютъ «l'ordre naturel et essentiel des sociétés». «Гражданское общежитіе (l'ordre civil), учитъ Летронъ, не можетъ поднять руки на порядки, которыми обусловливается полученіе наибольшаго чистаго дохода» [3]). Дюпонъ де-Немуръ выражаетъ ту же мысль, когда говоритъ, что дѣло законодателя—только провозглашать законы, лежащіе въ основѣ естественнаго порядка человѣческихъ обществъ [4]).

---

[1]) Shreckeisen Moultou. См. Rousseau. Ses amis et ses ennemis, T. II, стр. 361.

[2]) La justice consiste à ne pas diminuer la masse des productions, à ne pas empêcher son accroissement. (Daire. Recueil des principaux économistes, томъ, посвященный физіократамъ, стр. 819).

[3]) „Ce sont les lois physiques de la reproduction des subsistances qui doivent gouverner les sociétés comme ce sont elles qui les nourrisent". (De l'ordre essentiel des sociétés politiques, стр. 38). L'ordre civil qui n'est que d'institution secondaire, n'a aucun pouvoir sur ces lois.

[4]) De l'origine et des progrès d'une science nouvelle, 1786 г., стр. 29 и 67.

Но каковы же эти законы и какимъ способомъ могутъ они быть выведены? Кенэ пытается установить ихъ дедуктивно, слѣдуя пріему, уже испытанному англійскими метафизиками съ Гоббсомъ и Локкомъ во главѣ. Вліяніе ихъ и въ особенности послѣдняго сказывается въ характерѣ признаваемыхъ имъ основныхъ посылокъ. Подобно англійскимъ публицистамъ, Кенэ, независимо отъ Руссо, говоритъ о естественномъ состояніи, «l'état de pure nature»; за одно съ Локкомъ онъ учитъ, что въ этомъ состояніи, предшествующемъ государственному общежитію, или, какъ онъ говоритъ, «порядку справедливости» [1]), предметы, необходимые для удовлетворенія потребностей человѣка, пріобрѣтаются трудомъ [2]). Тотъ же трудъ является для него, какъ и для Локка, источникомъ собственности и по оставленіи естественнаго состоянія [3]). Этотъ трудовой источникъ происхожденія собственности, а слѣдовательно и дохода, на столько дорогъ представителямъ новой школы, что мы одинаково находимъ его въ сочиненіяхъ всѣхъ ея адептовъ: у Ле-Мерсье-де ла-Ривьера, у Летрона и Бодо. Мало этого, изъ страха допустить на этотъ счетъ какое-либо разномысліе, Дюпонъ де-Немуръ позволяетъ себѣ въ своихъ Эфемеридахъ явное искаженіе текста рукописи, присланной ему его другомъ и патрономъ Тюрго. Только въ виду протеста съ его стороны рѣшается онъ возстановить первоначальную редакцію, въ которой, на ряду съ трудомъ, источникомъ дохода, получаемаго собственникомъ, признается естественная производительность почвы. Для Дюпона собственность на землю не имѣетъ иного происхожденія, кромѣ «emploi de la personne et de ses richesses mobiliaires aux travaux et aux dépenses préparatoires de la culture» [4]). Земледѣліе, думаетъ онъ, немыслимо безъ предварительной затраты не толь-

---

[1]) „l'ordre de la justice". См. Quesnay. Droit naturel" (Recueil Daire, стр. 44).

[2]) Que la portion des choses dont l'homme jouit dans l'état de pure nature s'obtient par le travail (ibid).

[3]) Dans l'ordre de la justice le droit de l'homme aux choses est déterminé par une possession effective de droit naturel acquise par le travail.

[4]) De l'origine et des progrès d'une science nouvelle, 1768 г., стр. 20.

ко личнаго труда, но и пріобрѣтеннаго тѣмъ же путемъ капитала (avances foncières). Тюрго не видитъ неизбѣжности этихъ avances, горячо спорить на этотъ счетъ и съ Бодо, и съ Дюпономъ, доказывая, что то, что физіократы считаютъ результатомъ предварительныхъ затратъ, является на самомъ дѣлѣ неоплаченнымъ даромъ природы [1]). Такимъ образомъ задолго до Смита и Рикардо онъ кладетъ основаніе для теоріи земельной ренты, какъ чего-то отличнаго отъ заработка и прибыли [2]). Это существенное восполненіе и исправленіе слишкомъ односторонняго ученія не находитъ еще въ XVIII вѣкѣ благопріятной для себя почвы. Мнѣ неизвѣстно въ памфлетной литературѣ этого времени ничего, что бы доказывало, что взгляды Тюрго [3]) на

---

[1]) Въ письмѣ отъ 2-го февраля 1770 года, воспроизведенномъ Шеллемъ въ его интересной монографіи о Дюпонѣ, какъ экономистѣ, Тюрго, жалуясь на тѣ искаженія, съ какими отпечатанъ въ Эфемеридахъ его трактатъ „Объ образованіи и распредѣленіи богатствъ“, говоритъ: L'endroit des avances foncières en particulier m'a fait bien mal au coeur. Vous savez combien j'ai disputé avec l'abbé Beaudeau sur cet article. Je puis avoir tort, mais chacun veut être soi et non un autre“. (Schelle, стр. 128). (То, что сказано на счетъ предварительныхъ затратъ въ землю, особенно огорчила меня. Вы знаете, сколько я спорилъ на этотъ счетъ съ аббатомъ Бодо. Быть можетъ я неправъ, но всякій желаетъ быть самъ собою).

[2]) Горнъ приписываетъ, правда, честь открытія источника и природы ренты Буагильберу, но этотъ послѣдній писатель не даетъ достаточно полнаго развитія своему ученію о рентѣ, какъ о той добавочной прибыли, какую земли лучшаго качества даютъ сравнительно съ прочими, и которая всецѣло поступаетъ въ руки собственника. Вотъ, впрочемъ, подлинныя слова знаменитаго современника и единомышленника Вобана: „Ce que l'on a dit du sort des mauvaises terres d'être en perte au laboureur et au maître, le blé étant à bas prix, est commun au sou la livre à celles du premier degré d'excellence; parceque, si les charges de la culture sont moindres, le profit est pour le maître, qui afferme son bien à un prix proportionné. См. Horn. L'économie politique avant les physiocrates (стр. 151).

[3]) Вотъ буквальный текстъ того мѣста трактата „Объ образованіи и распредѣленіи богатствъ“, въ которомъ можно видѣть зародышъ теоріи ренты: § 14. Le produit net de la terre, ou revenu, se divise en deux parts: l'une comprend la subsistance et les profits du laboureur, qui sont la récompense de son travail et la condition sous la

источникъ ренты нарушили единомысліе экономистовъ по вопросу о происхожденіи собственности. Близость физіократіи въ этомъ отношеніи къ теоріи Локка выступаетъ въ тѣхъ ограниченіяхъ, какія родоначальникъ школы, Кенэ, а за нимъ и его послѣдователи, въ родѣ аббата Бодо, ставятъ праву индивидуальнаго присвоенія. Для Кенэ границей пріобрѣтенія собственности трудомъ является узурпація правъ сосѣда (usurpation sur le droit de possession d'autrui). Пока ея нѣтъ, индивидуальное присвоеніе отвѣчаетъ требованіямъ естественной справедливости. Еще ближе къ Локку стоитъ Бодо, когда, излагая «нравственную доктрину» физіократовъ, онъ ставитъ въ обязанность человѣку, на ряду съ стремленіемъ къ самосохраненію и личному счастью, заботу о томъ, чтобы «преслѣдованіе этой цѣли не было препятствіемъ къ достиженію ея другими, а наоборотъ находило себѣ осуществленіе въ общемъ самосохраненіи и счастьи» [1]). Что это, въ самомъ дѣлѣ, какъ не буквальное воспроизведеніе требованія Локка, чтобы присвоеніе одного не мѣшало присвоенію другихъ и оставляло въ пользованіи всѣхъ достаточное количество равнокачественныхъ предметовъ? [2]).

Можно было бы ожидать, что трудовое начало происхожденія собственности встрѣтитъ рѣшительный отпоръ въ лицѣ тѣхъ писателей XVIII в., которыхъ привыкли считать чуть не родоначальниками комунистическихъ теорій нашего времени. Говоря это, я имѣю въ виду Руссо и Мабли. Но и тотъ, и другой, далеко не заняли по отношенію къ теоріи Локка и тому

---

quelle il se charge de cultiver le champ du propriétaire; *ce qui reste est cette partie indépendante et disponible que la terre donne en pur don à celui qui la cultive au dellà de ses avances et du salaire de ses peines, et c'est la part du propriétaire ou le revenu avec le quel celui-ci peut vivre sans travail et qu'il porte où il veut.*

[1]) Que nul homme n'espère jamais sa conservation et son bien-être en empêchant la corservation et le bien-être d'autres hommes; que tout homme opère le plus qu'il est possible sa conservation et son bien-être en procurant la conservation et le bien-être d'autres hommes (Introduction à la philosophie économique. Recueil Daire, стр. 818).

[2]) Essay on civil Gouvernement.

толкованію, какое она получила въ изложеніи физіократовъ, положенія открытыхъ противниковъ, а наоборотъ постарались примирить ее съ ученіемъ объ общности имуществъ, какъ о счастливой особенности естественнаго состоянія. Расходясь съ физіократами въ своихъ политическихъ симпатіяхъ, рѣшительно протестуя противъ превозносимаго ими «легальнаго деспотизма» [1]). Руссо, подобно имъ, высоко ставитъ авторитетъ Локка и слѣдуетъ ему въ объясненіи источника происхожденія собственности. Что касается до Мабли, то онъ охотно признаетъ себя послѣдователемъ (disciple) физіократіи, которой, по его словамъ, мы обязаны выясненіемъ природы налоговъ и указаніемъ тѣхъ путей, какими можно достигнуть высокаго уровня земледѣлія [2]).

Различіе обѣихъ школъ, школы Руссо и школы Кенэ, въ сферѣ соціальныхъ вопросовъ было различіемъ исключительно теоретическимъ. Ни самъ Руссо, ни его ученикъ Мабли, не считали возможнымъ упраздненія права собственности. Въ знаменитомъ разсужденіи «О происхожденіи неравенства», вмѣстѣ съ нападками на вредъ, причиненный прекращеніемъ общности состояній, мы встрѣчаемъ несомнѣнное доказательство тому, что въ глазахъ автора отмѣна собственности въ настоящихъ условіяхъ культуры является немыслимой. Объявивши, что гражданское состояніе перестало существовать въ тотъ самый моментъ, когда впервые пришло на умъ возвести загородь и назвать своимъ участокъ земли, расположенный въ ея предѣлахъ, Руссо на одной изъ ближайшихъ страницъ покидаетъ эту теорію захватнаго происхожденія собственности и, слѣдуя Локку, говоритъ буквально слѣдующее: «Невозможно допустить возникновенія собственности на землю иначе, какъ приложеніемъ къ ней труда. При выходѣ изъ естественнаго состоянія, человѣкъ не могъ затратить на пріобрѣтеніе необходимыхъ ему предметовъ ничего, кромѣ этого труда; трудъ одинъ создаетъ право воздѣлывателя на продукты вспаханной имъ земли и, соотвѣт-

---

[1]) Loménie. Les Mirabeau, т. II, стр. 237. Письмо Руссо къ Мирабо старшему отъ 26 іюля 1767 г.

[2]) Начало трактата Doutes sur l'ordre naturel des sociétés.

ственно, на самую землю, впредь до ближайшаго урожая; и такъ изъ года въ годъ, послѣдствіемъ чего является непрерывность владѣнія, легко переходящая въ собственность» [1]). Въ одномъ изъ примѣчаній къ своему разсужденію Руссо утверждаетъ даже, что распредѣлительная справедливость воспротивилась бы строгому проведенію равенства естественнаго состоянія, если бы оно вообще было мыслимо въ гражданскомъ общежитіи [2]). Въ другомъ изъ своихъ сочиненій онъ еще опредѣленнѣе высказывается въ пользу обоснованности правъ собственника. «Не можетъ быть сомнѣнія, пишетъ онъ, что собственность самое священное изъ всѣхъ правъ, и во многихъ отношеніяхъ даже болѣе необходима, чѣмъ свобода: отъ нея въ большей степени зависитъ сохраненіе жизни... Она составляетъ дѣйствительную основу общества и гарантію обязательствъ, принятыхъ взаимно гражданами» [3]).

Въ свою очередь Мабли, послѣ горячихъ нападковъ на право собственности и превознесенія тѣхъ благъ, какія связаны съ общеніемъ имуществъ, категорически отрицаетъ возможность возстановить это общеніе. «Никакая сила человѣческая, пишетъ онъ, не добьется упраздненія неравенства иначе, какъ путемъ еще большихъ безпорядковъ, чѣмъ тѣ, къ какимъ повело созданіе собственности. Разъ сдѣлана эта глупость (sottise), мы

---

[1]) См. Oeuvres complètes de Rousseau, изд. 1790, т. VII, стр. 136.

[2]) Ibid., стр. 238, прим. 19. „La justice distributive s'opposerait même à cette égalité rigoureuse de l'état de nature, qnand elle serait praticable dans la société civile.

[3]) „Discours sur l'économie politique“ въ VII томѣ „Oeuvres“, стр. 304 и 305. Историкъ соціализма въ XVIII вѣкѣ Лихтенбергеръ, сочиненіе котораго вышло въ одинъ годъ съ моимъ, сходится со мною въ оцѣнкѣ взглядовъ Руссо на источникъ происхожденія собственности. Сопоставляя ихъ съ тѣми, какіе высказаны были авторомъ Духа Законовъ, который также испыталъ на себѣ вліяніе Локка, онъ справедливо замѣчаетъ: между обоими значительное сходство. Il est évidant, пишетъ онъ, que la théorie de Rousseau sur les raports de l'Etat et de la propriété est, sous des formes plus violentes, à peu près celle de Montesquieu: la propriété est une concession des lois civiles et elle est utile et respectable dans l'etat de société. Par conséquent elle ne doit pas être violée arbitrairement. (Le Socialisme au XVIII siècle. Paris 1895 г., стр. 160).

осуждены быть вѣчной ея жертвой. Говорить, что мы должны отказаться отъ имуществъ и вернуться къ порядкамъ, установленнымъ природой, значило бы тратить слова по-пустому» [1]).

Примѣру обоихъ учителей слѣдуютъ и ихъ ближайшіе адепты. Ни у Марата, ни у Бриссо, ни у аббата Фоше, ни у Арманъ-де-ла-Мезъ, нельзя встрѣтить призыва къ упраздненію частной собственности; тѣмъ менѣе у Робеспьера. Самъ Бабефъ категорически отрицалъ, чтобы въ планы основаннаго имъ об-

---

[1]) См. „Doutes sur l'ordre naturel des sociétés politiques". Collection complète des oeuvres de Mably. Изд. 1794 г., т. XII, стр. 12. Мы не станемъ, разумѣется, отрицать того факта, что и въ XVIII в. встрѣчались рѣшительные противники собственности, видѣвшіе въ современномъ обществѣ не болѣе, какъ вырожденіе первобытнаго человѣчества, и составлявшіе свои идеалы подъ вліяніемъ частью Платоновой республики и не вѣрно понятыхъ учрежденій Спарты, частью подъ вліяніемъ тѣхъ „утопій", какія построены были еще въ XVI и XVII вѣкахъ Томассомъ Морусомъ и Кампанеллой, частью наконецъ подъ вліяніемъ того образца комунистическаго общества, какое они находили въ описаніи быта туземцевъ Америки, въ частности Перу, и въ основанной іезуитами теократо-комунистической республики Парагвая. Соціальные романы были въ это время въ большомъ ходу. Вкусъ къ нимъ развился еще въ XVII вѣкѣ, благодаря успѣху Исторіи Северамбовъ Вераса изъ Алэ (1677 года) и знаменитыхъ „Похожденій Телемака", написанныхъ епископомъ Фенелономъ. Въ этихъ сочиненіяхъ, какъ и въ „Исторіи острова Колеява", въ „Путешествіяхъ Кира" и въ его „Покоѣ", въ „Сетосѣ", написанномъ Терасономъ, и въ переведенныхъ съ англійскаго вымышленныхъ мемуарахъ Гауденція изъ Лукки, высказывается пристрастіе къ естественному состоянію, изображаемому подобнымъ золотому вѣку или безгрѣшному состоянію первыхъ людей, незнающему собственности и нерѣдко даже постояннаго брака, въ которомъ продукты земель поступаютъ въ общественные магазины, изъ которыхъ и совершается распредѣленіе ихъ между семьями, сообразно нуждамъ каждой. Нѣкоторые писатели отступаютъ впрочемъ отъ полнаго идеала комунизма, какъ онъ начерченъ Кампанеллою (Смотри мой этюдъ о немъ въ Журналѣ Философіи и психологіи за 1893 годъ), во-первыхъ въ томъ смыслѣ, что допускаютъ основаніе постоянныхъ очаговъ и индивидуальнаго моногамическаго брака, иногда впрочемъ съ оговоркой, что правителямъ дозволено будетъ держать нѣсколько женъ, во вторыхъ же въ томъ, что предпочитаютъ общенію имуществъ мел-

щества «равныхъ» входило немедленное осуществленіе подобнаго переворота. Но это не значитъ, чтобы принципъ собственности казался перечисленнымъ мною писателямъ и государственнымъ дѣятелямъ отвѣчающимъ справедливости. Подобно Руссо и Мабли, они смотрѣли на него, какъ на неизбѣжное зло, и всячески старались парализовать его гибельное вліяніе законодательными мѣропріятіями, ограничивающими роскошь, устанавляющими максимумъ владѣнія, облагающими имущество не

кую собственность, при которой каждая семья владѣла-бы участкомъ, достаточнымъ для ея собственнаго прокормленія. Соціальнымъ романомъ надо признать также и знаменитую Базиліаду Морели, общія положенія которой изложены были затѣмъ въ болѣе систематическомъ видѣ въ извѣстномъ „Кодексѣ Природы", долгое время ошибочно приписываемомъ Дидеро. Замѣчательно, однако, что это сочиненіе не встрѣтило сочувствія даже у писателей, которые, какъ Рейналь, могутъ считаться единомышленниками и послѣдователями Руссо. Одинъ Д'Аржансонъ, радовавшійся всякому протесту противъ матеріальнаго неравенства и питаемой имъ роскоши, отнесся къ Кодексу Природы съ симпатіей и даже поставилъ его выше Духа Закона. (Excellent livre, livre des livres... au dessus de l'Esprit des Lois du prsésident de Montesquieu). Въ эпоху революціи этотъ трактатъ, относительная извѣстность котораго поддерживалась именемъ Дидро, сдѣлается Евангеліемъ для Бабэфа и основаннаго имъ общества „равныхъ". Но въ серединѣ XVIII вѣка Морелли слыветъ еще самое большее за смѣлаго софиста, приписывающаго собственности тѣ недостатки, какіе связаны со скупостью (мнѣніе аббата Рейналя). Самый энергическій противникъ матерьяльнаго неравенства и собственности, приходской священникъ Жанъ Мелье, извѣстенъ современникамъ только своимъ атеизмомъ. Въ полномъ видѣ его „Завѣщаніе" напечатано было много времени спустя и не могло поэтому повліять на сложеніе общественной доктрины XVIII-го вѣка. Тоже надо сказать и о другомъ противникѣ собственности, маркизѣ Д'Аржансонѣ, мемуары котораго отпечатаны были въ сколько нибудь полномъ видѣ лишь въ серединѣ текущаго столѣтія; современникамъ они извѣстны были только по выдержкѣ появившейся въ Амстердамѣ въ 1794 году подъ названіемъ „Разсужденій о правительствѣ Франціи". Она ограничивается въ сферѣ соціальныхъ вопросовъ проповѣдью равномѣрнаго обложенія и содержитъ въ себѣ нападки на роскошь. Что же касается до знаменитаго аббата Сенъ Пьера, то его, какъ вѣрно указываетъ Лихтенбергеръ, отнюдь нельзя считать комунистомъ;

только подоходнымъ, но и прогрессивнымъ налогомъ, отрицающими свободу завѣщательнаго распоряженія и препятствующими созданію маіоратовъ и субституцій.

Въ памфлетѣ, озаглавленномъ «Проектъ уголовнаго законодательства», Маратъ подымая вопросъ объ источникѣ собственности, указываетъ, вслѣдъ за Руссо, на роль, какую играла въ ея образованіи сила и захватъ; переходя, затѣмъ къ теоріи трудоваго ея происхожденія, онъ доказываетъ, что если продукты земли могутъ быть присвоены воздѣлывателю, то того-

---

это сторонникъ общественной благотворительности и прогресивнаго налога, а также налога на наслѣдства, доходъ съ котораго затрачивался бы на содержаніе нищихъ. Аббатъ Сенъ Пьеръ не прочь также ограничить роскошь путемъ законодательныхъ запретовъ; но нигдѣ онъ не говоритъ ни слова о необходимости отмѣнить собственность и возстановить общеніе имуществъ. Монтескье разумѣется еще въ меньшей степени можно признать предшественникомъ современнаго соціализма, хотя, говоря о демократіяхъ, онъ и становитъ жизненность ихъ въ зависимость отъ возможнаго уравненія состояній и отсутствія роскоши. Похвалы равенству встрѣчаются и въ Персидскихъ письмахъ, гдѣ онъ рисуетъ идеалъ совершеннаго общества въ утопіи быта троглодитовъ (письмо 12 и 14, а также 123), и въ Духѣ Законовъ, въ книгѣ 4 и 5, говорящихъ объ условіяхъ демократическаго образа правленія; и въ Разсужденіяхъ о причинахъ величія и паденія римлянъ, въ которыхъ средствомъ къ обезпеченію равенства признается раздѣлъ земель на одинаковые участки, а средствомъ къ ея поддержанію регламентація приданыхъ, дареній и наслѣдствъ (глава III). Вообще нельзя не согласиться съ недавнимъ авторомъ Исторіи соціализма въ XVIII вѣкѣ, что важнѣйшими задачами времени было рѣшеніе вопросовъ религіи и правительства, отнюдь не собственности. Мы прибавимъ отъ себя, что невыгоды государственнаго вмѣшательства въ сферу экономической жизни и притязанія королей считать своими всѣ земли Франціи (оно не разъ категорически было высказываемо Людовикомъ XIV) понуждало скорѣе къ противодѣйствію, нежели къ поддержкѣ ученій, близкихъ по характеру къ государственному соціализму. Утопическій комунизмъ или точнѣе сантиментальная идеализація первобытнаго состоянія и часто сливающійся съ нимъ анархизмъ были гораздо болѣе въ духѣ времени, чѣмъ ученіе о сосредоточеніи въ рукахъ государства права собственности на всѣ орудія производства, подъ чѣмъ надо разумѣть соціализмъ въ строгомъ смыслѣ слова. Болѣе подробное изложеніе

же отнюдь нельзя сказать о почвѣ, ихъ взрастившей. Правовой характеръ собственность могла бы пріобрѣсть только подъ условіемъ первоначальнаго раздѣла всей земли на равныя доли; но и этого, думаетъ онъ, еще недостаточно для ея законности. Слѣдуя Локку, Маратъ выставляетъ по отношенію къ самимъ долямъ два требованія. Надо, чтобы уступленная частному лицу собственность служила только къ удовлетворенію его насущныхъ потребностей (absolument nécessaire à l'éxistence), необходимо, во-вторыхъ, чтобы прочіе люди, благодаря такому при-

---

соціальныхъ утопій прошлаго вѣка можно найти въ книгѣ Лихтенбергера. (Le socialisme au XVIII siècle. Paris 1895 года). Авторъ включаетъ въ число предшественниковъ современнаго соціализма многихъ публицистовъ, которые ограничились одной лишь декламаціей о невыгодахъ неравнаго распредѣленія состояній, не отрицая въ тоже время необходимости сохранить собственность. Вотъ почему въ его сочиненіи встрѣчаются главы о Рейналѣ и Мерсье, хотя первый въ своей „философской исторіи обѣихъ Индій" и объявляетъ собственность краеугольнымъ камнемъ общественной организаціи, а равенство опасной химерой, проповѣдь которой побуждаетъ къ убійству и разбою. (Книга 18 глава II), второй же въ своей соціальной утопіи, озаглавленной. „Годъ 2440-ой", повторяя общія жалобы на роскошь высшихъ классовъ и нищенство крестьянъ, относитъ идеалъ равенства исключительно къ эпохѣ естественнаго состоянія, возвращеніе къ которому не мыслимо и не желательно. Сочиненія обоихъ писателей любопытны не по близости къ соціализму высказываемыхъ ими мыслей, а потому, что свидѣтельствуютъ объ общераспространенности среди мыслителей прошлаго вѣка, не исключая и самыхъ ревностныхъ послѣдователей Руссо, ученія о трудѣ, какъ о творцѣ собственности. Для Рейналя она не имѣетъ другого основанія; собственникъ въ правѣ, учитъ онъ, дѣлать изъ своего имущества, что заблагоразсудитъ. Но государство можетъ своей политикой останавливать ростъ большихъ недвижимыхъ состояній, препятствующихъ умноженію числа жителей, оно можетъ, отмѣнить право первородства и наслѣдованіе по завѣщанію. Что же касается до Мерсье, то признавая, за одно съ Локкомъ, что источникъ собственоcти — трудъ, онъ, подобно англійскому философу, желалъ бы ограничить право индивидуальнаго присвоенія однимъ необходимымъ. (S'il est permis de se procurer le néceesaire, autant est-on vil et coupable en recherchant le superflu, si ce n'est pour le répandre aussitôt) Смотри у Лихтенбергера главу VII, стр. 183 и 196.

своенію, не лишены были нужнаго имъ для жизни. Ничто лишнее не можетъ принадлежать намъ по праву, пишетъ Маратъ, разъ кто-либо лишенъ необходимаго (manque du nécessaire). Біографъ Марата, Бужаръ, считаетъ возможнымъ сопровождать эти выписки слѣдующимъ заявленіемъ: «такое развитіе принциповъ не опережало ли собою вѣка, и зависимость политической организаціи отъ соціальной не установлена-ли впервые Маратомъ? Мы утверждаемъ, что ученикъ превзошелъ учителя, что Маратъ пошелъ дальше Руссо». Это заявленіе падаетъ само собой при простомъ сопоставленіи взглядовъ Марата съ ученіемъ Локка о границахъ права собственности. И тотъ, и другой писатель, одинаково признаютъ ими размѣръ личныхъ потребностей присвоителя и возможность одновременнаго удовлетворенія нуждъ прочихъ членовъ общества. Въ чемъ же, спрашивается лежитъ оригинальность Марата? Компилятивный характеръ его памфлета сказывается и въ тѣхъ практическихъ совѣтахъ, какіе авторъ даетъ для борьбы съ пауперизмомъ. Тщетно стали бы соціалисты искать зародыша своихъ идей въ слѣдующемъ отрывкѣ, дающемъ только теоретическое признаніе англійской практикѣ общественнаго призрѣнія съ ея запрещеніемъ нищенства и устройствомъ рабочихъ домовъ для дѣйствительно неимущихъ: «не питайте бѣдныхъ въ бездѣліи, но поставьте ихъ въ возможность пріобрѣсть трудомъ то, что имъ нужно; обучите ихъ для этого какому-нибудь ремеслу, дабы они жили, какъ подобаетъ людямъ свободнымъ; а для этого откройте національныя мастерскія». Разсужденіе объ источникѣ происхожденія собственности необходимо Марату для обоснованія взгляда на несправедливость лишать жизни лицъ, виновныхъ въ нарушеніи собственности кражей. Онъ протестуетъ противъ суровости падающихъ на воровъ наказаній и замѣчаетъ, что «никакая пропорція не можетъ быть установлена между цѣною золота и цѣною жизни».

Одинъ изъ историковъ французскаго соціализма въ эпоху революціи, Поль Жане, считаетъ возможнымъ отнесть къ числу первыхъ провозвѣстниковъ соціализма знаменитаго жирондиста Бриссо, редактора газеты «Le Patriote français» и автора «Фило-

софскихъ разсужденій о собственности и воровствѣ» [1]). То же дѣлаетъ и профессоръ Оларъ въ статьѣ, напечатанной имъ въ журналѣ «La Révolution française» за 1884 г. [2]). Но я не могу согласиться съ подобной оцѣнкой. Приводимыя цитаты изъ сочиненія, напечатаннаго Бриссо въ ранней молодости и которое самъ онъ въ позднѣйшіе годы называлъ «амплификаціями школьника» [3]), доказываютъ только его близкое знакомство съ теоріей Локка и ея толкованіемъ во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ на чемъ опирается всецѣло мнѣніе тѣхъ, кто признаетъ Бриссо однимъ изъ первыхъ по времени соціалистовъ. Излагая процессъ происхожденія собственности, Бриссо, между прочимъ, говоритъ: «Природа дозволяетъ человѣку, потребности котораго неотложны, присвоить себѣ продукты земли въ предѣлахъ этихъ потребностей. Всевышній далъ землю въ даръ всѣмъ живущимъ. Мое право собственности не ограничено исключительно тою хижиной, какая находится въ моемъ владѣніи. Я могу осуществлять его въ любой странѣ (въ размѣрѣ моихъ потребностей). Кто, какъ не лица, имѣющія потребности и ищущія ихъ удовлетворенія, должны быть признаны настоящими собственниками? Животныя знаютъ собственность по той же причинѣ. Они даже образцовые собственники, такъ какъ, утоливши голодъ, они оставляютъ поле въ распоряженіе нуждающимся. Собственность необходимо оканчивается тамъ, гдѣ прекращается потребность». Что это, какъ не повтореніе на новый ладъ извѣстнаго положенія Локка, что въ основѣ собственности лежитъ нужда и удовлетвореніе ея трудомъ, что границей потребностей опредѣляется и граница собственности, что всякое присвоеніе, выходящее за эти предѣлы и лишающее ближнихъ необходимаго, не отвѣчаетъ справедливости и потому не должно быть допущено?

---

[1]) Les oigines du socialisme contemporain, par Paul Janet, Paris, 1883, стр. 93.

[2]) La politique et l'éloquence de Brissot, Juillet-Décembre 1883, стр. 22 и слѣд.

[3]) amplification d'écolier (Mémoires, V). Надо замѣтить, впрочемъ, что принадлежность Бриссо приписанныхъ ему мемуаровъ давно подвергнута сомнѣнію.

Повторяя мысль Руссо объ общеніи имуществъ въ періодъ естественнаго состоянія, Бриссо утверждаетъ, что въ это время воромъ считался богатый, тогда какъ въ наше время имъ признается тотъ, кто хочетъ отнять собственность у богатаго. «Какой переворотъ въ мысляхъ!» восклицаетъ разбираемый нами авторъ, который вслѣдъ затѣмъ спѣшитъ прибавить: «но законы, признающіе собственность, установлены. Подчинимся же имъ (respectons les). Нарушить то несправедливое соглашеніе, на которомъ они основаны, значило бы занести руку на земледѣліе. Будемъ поэтому защищать собственность и покровительствовать ей, но перестанемъ говорить о томъ, что источникъ ея лежитъ въ естественномъ правѣ». А отсюда тотъ выводъ, что смертная казнь—наказаніе слишкомъ суровое по отношенію къ воровству. «Неужели же, восклицаетъ авторъ, мы допустимъ, чтобы изъ уваженія къ гражданской собственности, которая въ источникѣ своемъ представляется узурпаціей (usurpation sociale), рабочіе умирали съ голоду, противясь велѣнію того естественнаго закона, который предписываетъ имъ заботу о самосохраненіи». Вотъ къ чему сводится, въ концѣ концовъ, мнимый соціализмъ Бриссо—къ признанію собственности неизбѣжнымъ зломъ, связаннымъ съ выходомъ изъ естественнаго состоянія, зломъ, которое надо терпѣть въ интересахъ производства, парализуя его по возможности съ помощью законодательства. Послѣднему вмѣняется въ обязанность не доводить этого принципа до абсурда, ставя его выше жизни, карая смертью того, кто въ минуту нужды забудетъ о его святости и нерушимости. Трудно сказать, чтобы во всемъ этомъ было много новаго, чтобы разсужденія Бриссо не заключали въ себѣ простаго пересказа того, что ранѣе и несравненно лучше выражено было Руссо и Мабли—его прямыми предшественниками и учителями [1]).

Изъ всѣхъ дѣятелей революціи Бабефъ одинъ приближается къ идеалу современныхъ реформаторовъ, отнюдь однако не соціали-

---

[1]) Мы недоумѣваемъ поэтому, читая у Олара, что въ приведенныхъ отрывкахъ „Brissot avait fait preuve d'une véritable originalité de pensée".

стовъ, а комунистовъ. И все же надо сказать, что его систематическое отрицаніе собственности, нашедшее сравнительно мало послѣдователей, было скорѣе теоретическимъ положеніемъ, нежели практическимъ требованіемъ. Въ своемъ журналѣ Бабефъ не разъ объявляетъ, что далекъ отъ мысли произвесть передѣлъ имуществъ, провесть, какъ онъ выражается, аграрный законъ. Его проповѣдь ограничивается развитіемъ мысли Руссо о желательности, чтобы «каждый владѣлъ необходимымъ и никто излишнимъ», и пожеланій Мабли, чтобы въ корнѣ истребленъ былъ зародышъ алчности и честолюбія [1]). Но всѣхъ этихъ неопредѣленныхъ выраженій, какъ и болѣе категорическаго заявленія: «фактическое равенство не есть химера», недостаточно для признанія, что задачей заговора «равныхъ» было ниспроверженіе собственности и возстановленіе общности имуществъ. Правда, въ ихъ манифестѣ встрѣчались слова: «не нужно болѣе частной собственности на землю; земля не принадлежитъ никому; мы желаемъ общественнаго пользованія ея продуктами, они принадлежатъ по праву всѣмъ»; но въ томъ же документѣ повторялся протестъ противъ проекта раздѣлить имущества (loi agraire) и самъ глава заговора считалъ возможнымъ заявить на судѣ, что «онъ проповѣдовалъ» систему благополучія всѣхъ «какъ чисто спекулятивную идею» [2]). Единомышленникъ и со-

---

[1]) См. „Le tribun du peuple“, № 35.

[2]) Je n'ai prêché le système du bonheur de tous qu'en simple speculation philantropique, qu'en simple proposition au peuple et sous la grande condition de son acquiescement. On sut alors à quel point d'éloignement j'en pouvais être; car on ne peut, sans une excessive illusion, se flatter que ce consentement soit facile à obtenir, et il est bien plus aisé, je l'avoue, d'en calculer tous les obstacles, les oppositions à l'infini, et de les juger d'avance insurmontables. См. „Défense géfnérale de Babeuf devant la Haute-Cour de Vendôme (an V). Victor Advielle. Histoire de Babeuf et du Babouvisme. T. II, стр. 35. Въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи, le Socialisme et la revolution française, А. Лихтенбергеръ высказывается насчетъ Бабувизма приблизительно въ томъ же смыслѣ, что и я (см. стр. 141). Иначе смотритъ на него Espinas въ своей Philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution. Для него Бабувизмъ „крайнее выраженіе якобинства“, стремился къ практическому перевороту, къ народной диктатурѣ и возстановленію общности имуществъ (см. стр. 195—400).

юзникъ Бабефа. Антонель, ограничивается повтореніемъ его взглядовъ, когда говоритъ: «право собственности есть самое печальное созданіе нашей фантазіи. Я убѣжденъ, что общность имуществъ одна справедлива, одна заключаетъ въ себѣ добро, одна отвѣчаетъ благороднѣйшимъ чувствамъ, которыми надѣлила насъ природа, что безъ нея немыслимо существованіе мирныхъ и истинно счастливыхъ обществъ». Комунистическій идеалъ Бабефа сложился задолго до революціи, и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Мабли, Руссо и Морелли. Въ его перепискѣ съ секретаремъ провинціальной академіи въ Аррасѣ, Дюбуа де-Фоссэ, можно найти уже выраженіе взглядовъ, обнародованіе которыхъ поведетъ смѣлаго реформатора къ эшафоту. Въ письмѣ отъ 8-го іюля 1787 г., Бабефъ замѣчаетъ, что проектъ допущенія всѣхъ и каждаго къ равному пользованію собственностью и другими общественными преимуществами кажется ему «предпочтительнѣе всѣхъ другихъ». «Нужно-ли, пишетъ онъ, допускать какія-либо различія между людьми; вѣдь природа не подчинила насъ другимъ законамъ, кромѣ тѣхъ, какимъ слѣдуетъ все живущее. Можно-ли думать, чтобы въ ея намѣренія входило обдѣленіе кого-либо пищей, одеждой и жилищемъ, и вѣроятно-ли, чтобы нѣчто подобное встрѣчалось въ первыя эпохи существованія міра? То, что извѣстно намъ о нравахъ нашихъ собратій,—краснокожихъ, не опровергаетъ-ли утвержденія тѣхъ, кто говоритъ о неравенствѣ, какъ о чемъ-то искони существовавшемъ? Бабефъ напоминаетъ своему корреспонденту извѣстное положеніе Руссо о первомъ захватчикѣ, какъ о виновникѣ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій. Будучи по природѣ равны между собою, люди ничѣмъ не должны бы владѣть въ частную собственность и пользоваться всѣмъ сообща; никто при рожденіи не можетъ быть ни богаче, ни бѣднѣе другихъ, никому не слѣдуетъ оказывать меньше уваженія, чѣмъ другимъ». Тогда какъ Руссо относитъ такіе порядки равенства къ эпохѣ, когда люди жили въ лѣсахъ, Бабефъ, считаетъ возможнымъ примирить ихъ со всѣми удобствами современной общественной жизни. Будущій руководитель «общества равныхъ» (égaux) объявляетъ себя еще въ 1787 г. готовымъ сдѣлаться граждa-

нимъ такой новой республики, въ которой, всякое полезное занятіе пользовалось бы равнымъ признаніемъ и почетомъ [1]).

Разсужденія, подобныя только что приведеннымъ и прототипомъ которыхъ неизмѣнно служитъ Руссо и Мабли, не разъ попадаются у современниковъ и участниковъ революціи. Въ числѣ другихъ Арманъ де-ла-Мезъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ апрѣлѣ 1793 года, высказываетъ, какъ незыблемую истину, то положеніе, что «согласно естественному закону, всѣ призваны къ равенству земельнаго владѣнія, всѣ имѣютъ равное право на почву и ея продукты. Не считая возможнымъ поднять вопроса объ уравненіи состояній, думая, что общество допустило право собственности въ интересахъ всѣхъ, ораторъ признаетъ, что тѣже интересы побуждаютъ къ установленію извѣстныхъ предѣловъ въ пользованіи этимъ правомъ. Поступать иначе, значило бы оставлять слабаго на произволъ сильнаго» [2]). Объявляя вслѣдъ затѣмъ, что «произведенную въ умахъ революцію надо завершить однохарактернымъ переворотомъ въ дѣйствительности». Арманъ де-ла-Мезъ поясняетъ свою мысль, говоря, что основу республиканской конституціи Франціи должно составить ограниченіе права собственности [3]). Такимъ образомъ, несмотря на свои комунистическія посылки, онъ въ общемъ выводѣ не требуетъ уравненія состояній, а только ограниченія свободы частнаго лица въ распоряженіи имуществомъ. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ примѣру Руссо и Мабли, одновременно отрицающихъ и утверждающихъ принципъ собственности, приз-

---

[1]) См. Correspondance inédite de Babeuf avec Duboix de Fosseux. (Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf. T. II, стр. 190—195).

[2]) Mais quel est donc ce droit de propriété? Entend on par là la faculté illimitée de disposer à son gre? Si on l'entend ainsi, je le dis hautement, c'est admettre le droit du plus fort.

[3]) La situation morale du peuple n'est aujourd'hui qu'un beau rêve qu'il faut réaliser; et vous ne le pouvez qu'en faisant dans les choses la même révolution qne vous avez faite dans l'esprit... Voulez-vous de bonne foi le bonheur du peuple?.. Déclarez aujourd'hui que la base de la constitution réqublicaine des Français sera la limite du droit de propriété (см. Amédé le Fort. Le socialisme pendant le révolution, стр 72 и 80).

нающихъ ее одинаково несправедливой и неизбѣжной и не находящихъ другаго выхода изъ той диллемы, въ какую ставитъ ихъ, съ одной стороны, противоестественность, а съ другой— необходимость собственности, кромѣ урегулированія ея законодателемъ. Въ этомъ отношеніи Арманъ де-ла-Мезъ не расходится ни съ Робеспьеромъ, включающимъ собственность въ составленную имъ декларацію правъ человѣка и въ то-же время ограничивающимъ пользованіе ею правами и интересами ближнихъ [1]), ни съ аббатомъ Фошэ, который, вслѣдъ за Руссо, объявляетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право на землю, право владѣть въ качествѣ собственника всѣмъ нужнымъ для своего существованія. Право это создается трудомъ и не знаетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія кладутъ ему «les droits de ses égaux» [2])—права равныхъ, иначе говоря, согражданъ. Подобно своимъ предшественникамъ, аббатъ Фошэ отказывается отъ мысли достигнуть уравненія имуществъ путемъ насильственнаго переворота. «Передѣлъ земель всегда сопровождался, говоритъ онъ, явнымъ нарушеніемъ велѣній природы и правъ человѣчества». Его практическая программа сводится въ концѣ концовъ только къ слѣдующему: «Чрезмѣрныя состоянія, противорѣчащія «общественному удобству» (convenance sociale), должны подвергнуться постепенному сокращенію. Средствомъ

---

[1]) Déclaration des droits de l'homme et des citoyens par Robespierre. Lettre à ses commetants 1792, стр. 7:

Art. VII. La propriété est le droit qu'a chaque citoyen de jouir et de disposer de la portion de biens qui lui est garantie par la loi.

Art. VIII. Le droit de propriété est borné, comme tous les autres, par l'obligation de respecter le droit d'autrui.

Atr. IX. Il ne peut préjudicier, ni à la sureté, ni à la liberté, ni à l'existence, ni à la propriété de nos semblables.

Art. X. Toute possession, tout trafic qui viole ce principe est essentiellement illicite et immoral.

[2]) „Sublime Rousseau, âme sensible et vraie, tu as entendu l'un des premiers l'ordre éternel de la justice. Oui, tout homme a droit à la terre et doit y avoir en propriété le domaine de son existence: il en prend possession par le travail et sa portion doit être circonscrite par les droits de ses égaux". Sixième discours de l'abbé Fauchet, Bouche de fer, № 22, nov. 1790.

къ тому является законодательство; оно постоянно должно имѣть въ виду, что собственность частнаго лица находитъ ограниченіе въ правѣ, какое общество имѣетъ на любаго изъ своихъ членовъ. Оно также не должно терять изъ виду, что общежитіе настолько выгодно для людей, насколько каждый владѣетъ въ немъ чѣмъ-либо и никто лишнимъ» [1]).

Совершенно одиноко стоитъ въ ряду общественныхъ реформаторовъ, проникнутыхъ, какъ общее правило, комунистическими пристрастіями авторъ одной мало распространенной брошюры, появившейся едва за два года до начала революціи. Я разумѣю Карла Роберта Госселэна и его трактатъ, озаглавленный: «Разсужденія гражданина по вопросу, въ чемъ состоитъ счастіе народа и какими средствами оно можетъ быть достигнуто» [2]).

По мнѣнію автора, свобода останется пустымъ звукомъ до тѣхъ поръ, пока невозможность удовлетворять своимъ потребностямъ будетъ удерживать людей въ рабствѣ. Чтобы положить конецъ такому порядку, не нужно ни общенія имуществъ, ни отказа отъ гражданскаго общежитія, ни прекращенія земледѣльческой культуры. Говоря это, авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду тѣхъ, кто, подобно Руссо, видитъ въ возстановленіи естественнаго состоянія и связаннаго съ нимъ комунизма препятствіе къ раціональному земледѣлію. «Что же нужно,—спрашиваетъ онъ,—для достиженія общественнаго благополучія? Собственность должна быть распредѣлена такъ, чтобы каждый въ трудѣ находилъ средства къ существованію». Всѣ бѣдствія человѣче-

---

[1]) Cet ordre nécessaire peut s'établir doucement: des lois bonnes et véritablement humaines vont y préparer les esprits et les coeurs... Tout homme a naturellement droit à tout ce qni lui est nécessaire... L'Etat à l'égard de ses membres est maître de tous leurs droits par le contrat social... Le droit que chaque particulier a sur son propre fond est toujours subordonné au droit que la communauté a sur tous. L'état social n'est avantageux aux hommes qu'autant qu'ils ont tous quelque chose et qu'ancun d'eux n'a rien de trop. Ibid. VI discours de l'abbé Fauchet.

[1]) Полный титулъ сочиненія Госселэна слѣдующій: „Reflexions d'un citoyen, adressées aux notables sur la question proposée par un grand roi (Fréderìc II): En quoi consiste le bonheur des peuples et quels sont les moyens de le procurer? ou sur cette autre: D'où vient la misère et quels sont les moyens d'y remédier. Paris. 1787.

скія произошли отъ того, что люди не поняли или не хотѣли понять слѣдующей истины: собственность на землю принадлежитъ въ совокупности всему человѣческому роду; частное лицо имѣетъ только пользованіе ею въ размѣрѣ своихъ потребностей. За обществомъ должно быть признано поэтому право вносить измѣненія въ распредѣленіе собственности.

Госселэнъ указываетъ практическія средства къ производству такихъ измѣненій. Они лежатъ въ правѣ короля сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ пустопорожнія земли государства съ тѣмъ, чтобы надѣлять ими нуждающихся. Той же цѣли могутъ служить домены и церковныя имущества, которыя слѣдуетъ раздать бѣднымъ подъ условіемъ платежа ими ценза какъ духовенству, такъ и казнѣ. «Государство должно также ассигновать извѣстную сумму для покупки ежегодно у частныхъ лицъ излишка ихъ земель; этотъ излишекъ подлежитъ равному раздѣлу между неимущими».

Принципъ неотчуждаемости каждымъ даннаго ему государствомъ надѣла призванъ воспрепятствовать дальнѣйшему скопленію собственности въ рукахъ немногихъ. Прогрессивный же налогъ поведетъ къ уменьшенію чрезмѣрныхъ состояній и къ установленію золотой середины между бѣдностью и богатствомъ: государство должно запретить какъ дробленіе надѣловъ, такъ и ихъ округленіе. Никто не можетъ владѣть одновременно двумя надѣлами. Государство же должно озаботиться судьбою многочисленнаго потомства, выдѣляя каждому наслѣднику, начиная съ старшаго, опредѣленный участокъ земли и допуская переходъ надѣла къ младшему сыну. При бездѣтной смерти, надѣлъ поступаетъ къ тому изъ родственниковъ, у котораго дотолѣ не было своего участка [1]).

Таково въ общихъ чертахъ ученіе единственнаго представителя идеи государственнаго соціализма, какого выставила французская публицистика въ годы, непосредственно предшествую-

---

[1]) См. статью André Lichtenberger: „Un précurseur oublié dn socialisme“ (Révoluion Française 15 Juni 1892). Статья эта включена авторомъ въ недавно изданное имъ сочиненіе Le socialisme utopique, (стр. 132—160).

щіе революціи. Трактатъ Госселэна, повидимому, оставленъ былъ безъ вниманія: ни одинъ изъ современниковъ не говоритъ о немъ ни слова, да и въ позднѣйшіе годы распоряженіе революціоннымъ правительствомъ секуляризированными церковными имуществами и конфискованной у дворянъ собственностью въ слабой степени отвѣчаетъ тѣмъ совѣтамъ, какіе даетъ авторъ «Разсужденій объ общественномъ благоденствіи».

Въ наказахъ 1789 года попадаются, правда, изрѣдка ходатайства о надѣленіи церковной и доманіальной собственностью неимущихъ, отнюдь однако не безвозмездно, а подъ условіемъ покупки. Просители довольствуются требованіемъ, чтобы предназначенныя къ отчужденію земли раздроблены были на мелкіе участки, что сдѣлало бы возможнымъ пріобрѣтеніе ихъ людьми небогатыми. Не разъ высказывается также желаніе установить максимумъ владѣнія, запретить соединеніе въ однѣхъ рукахъ многихъ фермъ и большаго числа арпановъ. Но всѣ эти практическіе запросы находятъ свой прототипъ въ пожеланіяхъ, высказанныхъ задолго до Госселэна, какъ нѣкоторыми экономистами, маркизомъ Мирабо и Клико Блервашемъ, такъ и женевскимъ философомъ и его продолжателемъ Мабли. Они вытекали непосредственно изъ тѣхъ условій, какія созданы были сельскому населенію процессомъ округленія помѣстій, развитіемъ крупнаго фермерства и сокращеніемъ числа крестьянскихъ хозяйствъ. Ставить ихъ въ связь съ той или другой теоріей значило бы добровольно насиловать факты и придавать противникамъ собственности то вліяніе на ходъ развитія общественнаго мнѣнія, какого они на самомъ дѣлѣ не имѣли.

Что поражаетъ всякаго, кто знакомится съ содержаніемъ мѣстныхъ и общихъ наказовъ—это единогласное признаніе ими чего-то совершенно противнаго началамъ соціализма и государственнаго вмѣшательства, я разумѣю—свободы собственности, свободы дать ей то назначеніе, какое признано будетъ наиболѣе доходнымъ, другими словами, наиболѣе отвѣчающимъ личному интересу владѣльца [1]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,

---

[1]) Сравни Le socialisme et la révolution par Lichtenberger, стр. 18 и слѣдующія.

такъ какъ подобное требованіе прямо вытекало изъ желанія покончить съ тѣми стѣсненіями, какія наложены были на собственность въ интересахъ сеньеровъ и казны, и парализовали частную предпріимчивость крестьянина, мѣшая ему измѣнять порядокъ сѣвооборота, выбирать наиболѣе удобное время для уборки, замѣнять хлѣбопашество травосѣяніемъ или винодѣліемъ и даже приступать къ продажѣ продуктовъ своихъ земель ранѣе отчужденія помѣщикомъ его годовой выручки. Немудрено, поэтому, если проповѣдуемая физіократами свобода собственности нашла дружный откликъ въ сельскихъ наказахъ. тѣмъ болѣе, что сами физіократы, какъ проникнутые ученіемъ Локка, далеки были отъ мысли возводить собственность въ какой-то категорическій императивъ, требующій всегда и во всемъ безусловнаго признанія, не допускающій компромиссовъ и ограниченій въ интересахъ общаго блага. Мы увидимъ впослѣдствіи, что далеко не такова была теорія учениковъ и послѣдователей Кенэ. Они не останавливались передъ мыслью нарушить принципъ собственности, когда дѣло шло объ упраздненіи сеньеріальнаго права или церковныхъ латифундій. Помѣщичьи монополіи, хотя опиравшіяся на несомнѣнныхъ и общепризнанныхъ титулахъ, не находили пощады въ ихъ глазахъ. Интересы земледѣлія побуждали ихъ къ ниспроверженію такихъ исторически сложившихся видовъ собственности, какъ право помѣщиковъ на ярмарочныя и провозныя пошлины. Преданность индивидуалистическимъ принципамъ не помѣшала занести руку и на тотъ видъ собственности, какую представляли собою исключительныя права цеховыхъ сообществъ на производство извѣстныхъ промысловъ, и на тѣ пріобрѣтенныя дорогою цѣною должности, въ созданіи которыхъ изощрялась фискальная политика французскихъ королей. Собственность, какъ понимали ее физіократы. очевидно, не была той строгой формой квиритскаго dominium, какое извѣстно древнимъ римскимъ юристамъ, и принципъ «salus populi suprema lex» далеко не былъ такъ чуждъ провозвѣстникамъ новой экономической доктрины, какъ даетъ поводъ думать выставленное ими положеніе: «laissez faire». Строгая послѣдовательность внесла бы большую стройность въ ихъ систему, но парализовала бы ея практическое вліяніе. Позднѣйшая

критика не нашла бы у нихъ столько противорѣчій, но историку въ меньшей мѣрѣ пришлось бы настаивать на вліяніи, оказанномъ ими на ходъ законодательства и на пережитую Франціей соціальную революцію.

§ 2.

Принципъ собственности съ многочисленными ограниченіями, вызываемыми общественной необходимостью—таково одно изъ началъ, на которыхъ опиралась господствующая въ концѣ XVIII вѣка соціальная доктрина. Признаваемая одними за неизбѣжное зло, другими за столь же несомнѣнное добро, собственность въ одно слово выставляема была основой общежитія, фундаментомъ, на которомъ зиждется отличная отъ натуральнаго состоянія государственная гражданственность. Но рядомъ съ собственностью экономисты и публицисты прошлаго вѣка выдвигали и другое столь-же, если не болѣе незыблемое начало—свободу. Для Кенэ выходъ изъ естественнаго состоянія не сопровождается добровольнымъ или вынужденнымъ отказомъ отъ той и другой. «Естественное право, учитъ онъ, примѣнимо ко всѣмъ состояніямъ, въ какихъ только могутъ оказаться люди». Развивая ту же мысль, одинъ изъ его послѣдователей, Летронъ, прямо говоритъ, что, наравнѣ съ собственностью, свобода не только первичный, но и неотъемлемый и потому основной законъ всякаго человѣческаго сообщества, — законъ, отвѣчающій нашей физической природѣ, и потребностямъ, наконецъ требованіямъ воспроизводства (lois de reproduction). Гражданскій порядокъ не имѣетъ власти надъ обоими. Отъ ихъ соблюденія или нарушенія зависитъ отнесеніе общественныхъ мѣръ въ категорію дѣйствій нравственныхъ или безнравственныхъ. Счастіе или несчастіе людей, живущихъ въ общежитіи, не имѣетъ, въ свою очередь, другой причины. Свобода и собственность опредѣляютъ собою характеръ человѣческихъ отношеній одинаково до и послѣ образованія гражданскаго общества (établissement des sociétés civiles); установленіе ихъ нельзя приписать ни договору или частному признанію, которое всегда можно взять

обратно, ни человѣческой власти. Отвѣчающія требованіямъ справедливости, они имѣютъ источникомъ своимъ волю верховнаго законодателя, приказъ, данный имъ совершеннѣйшему его созданію—человѣку» [1]). Такимъ образомъ, для Летрона свобода, подобно собственности, стоитъ подъ защитою одновременно естественнаго и божескаго закона, отвѣчаетъ требованіямъ человѣческой природы, разума и небеснаго промысла. Ея нарушеніе равнозначительно ниспроверженію правды на землѣ. И такое воззрѣніе совершенно въ духѣ основателя школы, какъ показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ его Droit naturel: «тамъ, гдѣ законы и власть не гарантируютъ собственности и свободы, нѣтъ ни полезнаго людямъ правительства, ни выгоднаго для нихъ сообщества (il n'y a ni gouvernement, ni société profitables), а только угнетеніе и анархія (il n'y a que domination et anarchie sous apparence d'un gouvernement) [2]); въ такихъ условіяхъ естественное состояніе (l'état de pure nature) выгоднѣе гражданскаго общежитія, такъ какъ основу послѣдняго въ данномъ случаѣ составило-бы одно насиліе (l'état violent de la société)». Читая это, трудно согласится съ тѣми, которые видятъ въ физіократахъ защитниковъ абсолютизма. Все, что можно сказать на этотъ счетъ, это то, что они дѣйствительно стояли за единство суверитета и являлись противниками теоріи раздѣленія и равновѣсія властей [3]). Но верховная власть въ ихъ глазахъ не была свободна отъ подчиненія естественному закону, и самое ея назначеніе сводилось къ признанію въ формѣ положительныхъ законовъ тѣхъ велѣній разума и справедливости, какія заключаютъ въ себѣ законы естественные. Кенэ категорически заявляетъ поэтому, что, хотя соединенные въ гражданское общество люди должны подчиняться, помимо естествен-

---

[1]) Recueil Daire, стр. 868.

[2]) Ibid., стр. 52.

[3]) „Il faut que l'autorité souveraine soit unique, пишетъ Дюпонъ, излагая принципы новой школы. L'idée de plusieurs autorités dans un même état ne présente qu'une absurdité complète. Si elles sont égales, il n'y a point d'autorité; il ne peut y avoir que plus ou moins d'anarchie. Si l'une d'entre elles est supérieure, celle-là est l'autorité; les autres ne sont rien". (Origines de la science nouvelle, стр. 29, § 7).

ныхъ законовъ, и законамъ положительнымъ, но эти послѣдніе заключаютъ въ себѣ не болѣе, какъ «декларацію» или передачу первыхъ [1]).

Нужно-ли говорить, что въ этомъ отношеніи ученіе физіократовъ сходилось вполнѣ и съ тѣмъ, какого держался Монтескье, и съ тѣмъ, какому слѣдовалъ Руссо и его школа.

Это не мѣшало однако экономистамъ и публицистамъ впадать въ изумительное противорѣчіе съ самими собою, физіократамъ проповѣдывать необходимость легальной деспотіи, Монтескье и Тюрго установлять право на трудъ, а Руссо и Мабли допускать вмѣшательство государства въ сферу землевладѣнія и установленіе имъ легальнаго максимума собственности.

Признавая естественные законы обязательными для правительства, ограничивая задачу послѣдняго исключительно проведеніемъ ихъ на практикѣ, физіократы, повидимому, не задавались мыслью о томъ, что ихъ pium desiderium не можетъ найти осуществленія при отсутствіи всякаго контроля народа за правительствомъ. Съ большимъ или меньшимъ основаніемъ они полагали, что рекомендуемая ими реформа можетъ быть осуществлена на дѣлѣ только сильною властью, а для этого необходимо было, по ихъ мнѣнію, сохранить за королемъ полноту самодержавія. «Верховная власть должна быть единой, училъ Кенэ, система противовѣсовъ ложна; ея послѣдствіемъ можетъ быть только внутренній разладъ между сильными міра и угнетеніе слабыхъ» [2]).

«Вмѣсто того, чтобы давать жизнь политическимъ обществамъ, какъ думаетъ Монтескье, глухая и безконечная борьба, происходящая въ средѣ государствъ съ смѣшаннымъ образомъ правленія, является для нихъ разъѣдающей болѣзнью, отъ которой всѣ они рано или поздно гибнутъ», пишетъ другой авторитетный представитель школы, аббатъ Бодо [3]). Тѣ же воззрѣнія проводилъ и авторъ трактата «О естественномъ и необходимомъ порядкѣ политическихъ сообществъ», который всѣ фи-

---

[1]) Le droit naturel (Recueil Daire, стр. 82).

[2]) См. сочиненія Кэне въ сборникѣ твореній физіократовъ, изданомъ Daire, стр. 81.

[3]) Ibid., стр. 787.

зіократы признавали на столько совершеннымъ выраженіемъ ихъ политическихъ взглядовъ, что, направляя противъ него свою критику, Мабли думалъ нанесть ударъ всей школѣ [1]). «Законодательная власть, писалъ Ле Мерсье де-Ла-Ривьеръ въ 1767 году, нераздѣльна съ властью исполнительной, которая по своей природѣ можетъ быть осуществляема только однимъ человѣкомъ... Разъ признано, что въ государствѣ существуетъ единство власти, единый очагъ всякаго авторитета, воля одного должна предписывать законы. Тѣ, кого онъ призываетъ къ своему совѣту, имѣютъ только совѣщательный голосъ. Еслибы они располагали правомъ участія въ рѣшеніяхъ, авторитетъ необходимо былъ бы присвоенъ большинству, а тѣмъ самымъ самодержавіе перестало бы сосредоточиваться въ рукахъ одного [2]). Природа всякаго авторитета требуетъ, чтобы онъ не былъ дѣлимъ; раздѣлить его, значитъ лишить возможности дѣйствія, а это то же, что упразднить его вовсе, ибо всякая власть является властью лишь настолько, насколько поставлена въ возможность выражать свою волю въ отдѣльныхъ актахъ» [3]).

Какъ мало отвѣчали подобныя воззрѣнія господствующему теченію, можно судить по тому, что ни одинъ изъ наказовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ, не счелъ возможнымъ воспроизвесть взглядовъ физіократіи на необходимость самодержавія и что въ средѣ самаго учредительнаго собранія авторитетный представитель школы—Дюпонъ де-Немуръ, шелъ за одно съ тѣми, кто требовалъ раздѣла верховной власти между королемъ и народнымъ представительствомъ. Правда, и въ эту эпоху своей жизни другъ и сотрудникъ Тюрго продолжалъ высказывать общую всѣмъ физіократамъ мысль о томъ, что власть призвана только приводить въ исполненіе требованія естественнаго права, выраженныя въ формѣ особой декларацiи, подобной той,

---

[1]) См. Doutes sur l'ordre naturel des sociétés poliques, Томъ IX. Сочиненій Mably, стр. 1—156.

[2]) См. главу XII, стр. 136. сочиненія Ле-Мерсье де-Ла-Ривьера: „L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques".

[3]) Ibid., глава XVII, стр. 216.

какую обнародовали американцы [1]). Правда, нападки на англійскую конституцію, въ виду недостаточнаго признанія ею естественныхъ правъ—свободы личности и свободы торговыхъ сдѣлокъ, продолжали сыпаться изъ-подъ его пера съ прежней силой и энергіей, но они встрѣчали уже рѣшительный протестъ въ лагерѣ уцѣлѣвшихъ послѣдователей школы, въ родѣ аббата Морелле, «находившаго несправедливымъ отвергать ту или другую конституцію только потому, что въ ней встрѣчаются нѣкоторые недостатки, которые могутъ быть исправлены со временемъ» [2]). Самъ Дюпонъ, ограничивая задачу законодательства приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ обѣщаній, какія должна заключать въ себѣ «декларація правъ», признавалъ необходимость передать его всецѣло въ руки собранія, возобновляемаго ежегодно по частямъ и распадающагося на двѣ камеры, изъ которыхъ ни одна не могла бы постановлять ничего безъ содѣйствія другой. Онъ стоялъ за отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной и требовалъ для послѣдней полной независимости во всемъ, за исключеніемъ права объявлять войну безъ согласія націи [3]). Очевидно, всѣ эти предложенія были далеки отъ того единства и полноты королевскаго самодержавія, изъ-за котораго ратовали Кенэ и его ближайшіе послѣдователи. Обстоятельства измѣнились и физіократамъ приходилось ждать осуществленія своихъ надеждъ не сверху, а снизу. Неудивительно поэтому, если они поспѣшили оставить своего прежняго союзника и перешли

---

[1]) La législation toute entière d'un pays doit être renfermée dans une déclaration des droits ainsi que l'ont fait les états de l'Amérique; la nation ayant une fois reconnu ce qui est juste, ne peut plus doner à personne l'autorité de faire des lois, mais seulement des règlements pour assurer la conservation des droits. Dans ce sens restreint on peut admettre l'organisation d'uu pouvoir législatif, à la condition, qu'il ne soit pas permanent. (Examen comparé de la constitution d'Angleterre avec celle d'Amérique, a 1789. Cp. Schelle Du Pont de Nemours et l'école physiocratique, стр. 274).

[2]) См. Lettre à M. le maréchal de Beauvou sur le gouvernement d'Angleterre. Письмо это появилось въ 1789 г. въ редактированомъ Mallet du Pan Mercure de France. См. Lavergne. Les économistes français du XVIII siècle, стр. 363; Schelle. Du Pont de Nemours, стр. 277).

[3]) Schelle, стр. 276.

на сторону народнаго самодержавія. Эта перемѣна фронта какъ нельзя лучше показала, что идея легальнаго абсолютизма и нерасположеніе къ конституціи не были тѣсно связаны съ сущностью физіократической доктрины. Рѣшительное нежеланіе общественнаго мнѣнія послѣдовать за новой экономической школой въ защитѣ неограниченности и безконтрольности королевской власти даже въ сферѣ экономической заставило ихъ отказаться отъ этой части своего ученія.

Болѣе счастливымъ противорѣчіемъ, чѣмъ то, какое мы нашли между общественными и политическими идеалами Кенэ и его адептовъ, представляетъ разладъ между проповѣдью гражданской и политической свободы, какую заключаетъ въ себѣ Духъ Законовъ, и провозглашаемымъ имъ же правомъ на трудъ. «Современные соціалисты, справедливо замѣчаетъ Луи де-Ломени, ошибаются, приписывая конвенту изобрѣтеніе этого права. Они должны были бы признать эту честь за Монтескье» [1]). И дѣйствительно, въ 23-ей книгѣ Духа Законовъ, въ главѣ 29, значится: «Раздача милостыни не исчерпываетъ обязанностей государства по отношенію къ неимущимъ. Оно должно обезпечить гражданамъ пищу, приличную одежду и такую житейскую обстановку, которая не противорѣчила бы требованіямъ здоровья... Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что у него нѣтъ работы... Трудно допустить, чтобы всѣ вѣтви народной промышленности процвѣтали въ равной мѣрѣ, чтобы ни одна изъ нихъ не терпѣла временнаго застоя и не ставила работающихъ въ ней въ нужду (dans une nécessité momentanée). На государство падаетъ обязанность спѣшить имъ на помощь, частью для предупрежденія народнаго бѣдствія, частью для устраненія повода къ возстанію. Госпитали и вообще все, способное предотвратить нищенство (la misére), поэтому необходимы» Монтескье отдаетъ, впрочемъ, предпочтеніе не постояннымъ мѣрамъ призрѣнія, а временнымъ (secours passagers), отвѣчающимъ характеру самого зла, какое они призваны парализовать [2]). Можно думать на основаніи это-

---

[1]) Louis de Loménie. Les Mirabeau, т. II, стр. 153.

[2]) La mal est momentané; il faut donc des secours de même nature.

го, что временное устройство національныхъ мастерскихъ для не находящихъ труда рабочихъ вполнѣ отвѣчало бы желаніямъ автора Духа Законовъ.

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, откуда заимствовано ученіе Монтескье о правѣ на трудъ, намъ легко будетъ прійти къ заключенію, что прототипомъ ему послужила англійская система общественнаго призрѣнія съ ея преслѣдованіемъ нищенства и устройствомъ рабочихъ домовъ для всѣхъ, кто готовъ трудиться, но не находитъ занятія [1]). Успѣхъ, какой «право на трудъ» и вытекающая изъ него обязанность государства доставлять работу нуждающимся нашли въ средѣ современниковъ и участниковъ революціи, объясняется уже тѣмъ обстоятельствомъ, что средневѣковые кормильцы бѣднаго люда—монастыри давно утратили это значеніе, а замѣнившая ихъ частная благотворительность неспособна была удовлетворить все увеличивающемуся запросу на призрѣніе, въ виду перехода многихъ оброчныхъ владѣльцевъ въ сельскихъ батраковъ (monoeuvres, laboureurs) и быстрому росту питаемаго ими городскаго пролетаріата. И въ Англіи вопросъ о государственномъ призрѣніи нищихъ впервые возникъ съ упадкомъ церковной помощи и упраздненіемъ осуществлявшихъ ее нѣкогда монастырскихъ конгрегацій. Высказываясь въ пользу секуляризаціи церковныхъ имуществъ, физіократы въ лицѣ Тюрго не могли не оказать поддержки предложенію Монтескье. «Бѣдный, пишетъ Тюрго въ 1756 году, имѣетъ несомнѣнное право на изобиліе богатыхъ» [2]).

Но это право и соотвѣтствующая ему обязанность не должны выражаться въ одномъ фактѣ частной благотворительности. Тюрго объявляетъ себя противникомъ системы, «послѣдствіемъ которой надо считать, что положеніе лѣнтяя предпочтительнѣе положенію того, кто зарабатываетъ жизнь трудомъ». Всякій здоровый человѣкъ долженъ обезпечивать себѣ существованіе въ потѣ лица. Общественная помощь, оказываемая устроенными

---

[1]) См. мою статью о Секуляризаціи монастырскихъ имуществъ въ Англіи и ея экономическихъ послѣдствіяхъ въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1877 годъ.

[2]) См. въ Энциклопедіи Дидеро статью: Fondation.

съ этою цѣлью союзами, предпочтительнѣе частной, но только подъ условіемъ, если она будетъ не даровой; надо доставлять неимущимъ не милостыню, а возможность трудиться. Тюрго рекомендуетъ слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру жителей Байэ (Bayeux), которые добровольно обложили себя сборомъ съ цѣлью искоренить нищенство въ своей средѣ. Для всѣхъ способныхъ къ труду они устроили систему общественныхъ работъ, что, прибавляетъ Тюрго, не мѣшало бы сдѣлать и другимъ городамъ [1]).

Тюрго не остановился на одномъ теоретическомъ развитіи мысли о недостаточности добровольной общественной помощи и собственнымъ примѣромъ доказалъ необходимость прибѣгнуть, въ случаѣ временной нужды, къ благотворительности принудительной. Въ бытность свою интендантомъ Лимузена онъ добился изданія бордоскимъ парламентомъ приказа, которымъ всѣмъ безъ различія, какъ привилегированнымъ, такъ и непривилегированнымъ, вмѣнялось въ обязанность прити на помощь потерпѣвшимъ отъ неурожая 1769 года. Перваго марта слѣдующаго года самъ Тюрго обнародовалъ распоряженіе, въ силу котораго на собственниковъ и постоянныхъ обывателей лиможскаго генералитета возложена была повинность содержанія неимущихъ до ближайшей уборки. Устроенныя на частныя средства публичныя мастерскія ввели у себя систему выдачи рабочимъ кожаныхъ жетоновъ, обмѣниваемыхъ на хлѣбъ и похлебку. Кто трудился больше другихъ и могъ предъявить больше жетоновъ, чѣмъ требовалось для покрытія запроса на продовольствіе, обмѣнивалъ излишекъ на деньги. Мужчины и женщины одинаково находили занятіе въ этихъ вновь устроенныхъ рабочихъ домахъ, такъ какъ администраторы ихъ охотно затрачивали деньги на пріобрѣтеніе орудій производства и сырья, напримѣръ веретенъ, льна, хлопка, шерсти, и на оплату тѣхъ, кто брался обучить тканью крестьянскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Въ общественныя мастерскія поступали только тѣ, кого не соглашались принять на работу частныя лица подъ условіемъ пропитанія и небольшой денежный платы. Матерямъ и дѣтямъ дозволялось брать отъ администраціи заказы

---

[1]) См. Alfred Neymarck. Turgot et ses doctrines, T. I, p. 397.

и выполнять ихъ на дому, не покидая семьи. Тюрго не скрываетъ желанія обратить временныя бюро благотворительности въ постоянныя (des bureaux de charité permanents); онъ хочетъ затратить на нихъ доходъ, получаемый церковными конгрегаціями [1]).

Въ 1775 году ему удается склонить правительство къ устройству повсемѣстныхъ и постоянныхъ «приказовъ общественнаго призрѣнія». Эдиктъ 2 мая этого года содержитъ въ себѣ слѣдующее обѣщаніе: ежегодно Его Величество ассигнуетъ отдѣльнымъ провинціямъ особый фондъ для помощи неимущимъ въ формѣ доставленія имъ труда (en leur offrant du travail). Съ этою цѣлью Его Величество остановился на мысли объ устройствѣ общественныхъ мастерскихъ (ateliers de charité) [2]).

Такимъ образомъ дано было впервые оффиціальное признаніе тому, что, начиная съ революціи, привыкли называть «правомъ на трудъ». Въ указѣ, отмѣняющемъ цеховое устройство, Тюрго объявляетъ право трудиться—«первымъ, священнѣйшимъ и неотчуждаемымъ видомъ собственности» [3]) и возлагаетъ на правительство обязанность особой заботливости о томъ классѣ общества, «члены котораго лишены всякого иного достоянія, кромѣ личнаго труда и промысла, и потому самому имѣютъ преимущественно передъ другими необходимость и право пользоваться этими средствами заработка во всемъ ихъ размѣрѣ» [4]).

---

[1]) См. Instruction sur les bureaux de chaité (1770), Oeuvres, т. II, стр. 1—20.

[2]) Turgot et ses doctrines par Alfred Neymarck. T. I, стр. 418.

[3]) Cependant Dieu, en donnant à l'homme des besoins, en lui rendant nécessaire la ressource du travail, a fait du droit de travailler la propriété de tout homme et cette propriété est la première, la plus saorée et la plus imprescriptible de toutes. (Edit snpprimant les jurandes et communautés). — Единомышленникъ и сотрудникъ Тюрго, Дюпонъ де-Немуръ, высказывалъ тѣ же мысли въ редактированномъ имъ экономическомъ журналѣ, Ephémérides du citoyen; à 1777. T. XI. (Schelle. Du Pont de Nemours et l'école phsysiocratique. Paris. 1888, стр. 118).

[4]) Le souverain doit surtout cette protection à cette classe d'hommes qui n'ayant de propriété que celle de leur travail et de leur industrie, ont d'autant plus le besoin et le droit d'employer dans toute leur étendue les seules resources qu'ils aient pour subsister.

Прямымъ отголоскомъ этихъ воззрѣній, прямымъ воспроизведеніемъ мыслей Тюрго объ устройствѣ національныхъ мастерскихъ и недостаточности существующихъ богадѣленъ, являются отдѣльныя статьи наказовъ и тѣ безчисленныя сочиненія и брошюры, которыя, начиная съ 1789 года, стремятся поставить на новую ногу систему помощи неимущимъ.

«Въ каждой провинціи должны быть установлены ateliers de charité, читаемъ мы въ наказѣ дворянства Артуа. Они обезпечутъ возможность одновременнаго полученія двухъ выгодъ— устраненія праздности и затрату на пользу общества пособій, заслуженныхъ трудомъ» [1]). Городъ Бордо, требуя возложенія на приходы обязанности содержать нищихъ, стоитъ за устройство съ этою цѣлью такихъ же ateliers de charité для всѣхъ, кто въ состояніи трудиться; издержки по ихъ устройству и содержанію покрываются налогомъ на бѣдныхъ (taxe des pauvres), распоряженіе суммами котораго ввѣрено особому приказу общественнаго призрѣнія. Въ виду возможной недостаточности составленнаго такимъ образомъ фонда, четвертая часть церковныхъ доходовъ отчисляется на благотворительность. Той же цѣли должны служить штрафы и конфискаціи, которымъ подвергаются лица, виновныя въ вымогательствахъ и обманѣ» [2]). Трудно не видѣть въ приведенномъ отрывкѣ почти буквальнаго повторенія того, что высказано было двадцать пять лѣтъ ранѣе министромъ-реформаторомъ.

Задачу приказовъ общественнаго призрѣнія духовенство Булоне видитъ прежде всего въ доставленіи частной работы неимущимъ. Только тѣ, чье существованіе не было бы обезпечено этимъ путемъ, въ правѣ расчитывать на помощь деньгами или продуктами [3]).

Духовенство Шатонефъ (Chateanneuf en Thimerais) также считаетъ устройство мастерскихъ для лицъ, не находящихъ работы, лучшимъ средствомъ борьбы съ нищетою и бродяжничествомъ. Завѣдующіе ими приказы общественнаго призрѣнія раздаютъ да-

---

1) Archives Parl., т. II, стр. 83.
2) Ibid., стр. 404.
3) Ibid., стр. 421.

ромъ рабочимъ пеньку, ленъ, хлопокъ и шерсть для выдѣлки тканей на дому, а это доставляетъ занятіе женщинамъ и дѣтямъ [1]). Дворянство той же провинціи, за одно съ среднимъ сословіемъ, рекомендуя секуляризацію монастырскихъ имуществъ, желаетъ, чтобы на проценты, получаемые ежегодно съ образовавшагося такимъ образомъ капитала, государство содержало не только церковный причетъ, но и нуждающихся въ трудѣ рабочихъ. Съ этою цѣлью ежегодно отчисляется въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія извѣстная сумма на помощь заказами и продуктами.

Духовенство Шателеро, отвергая въ принципѣ мысль о секуляризаціи, считаетъ въ то же время возможнымъ производство въ пользу бѣдныхъ ежегоднаго вычета изъ дохода церковныхъ земель [2]). Среднее сословіе Кондомъ желало бы достигнуть того же, пріурочивъ четвертую часть дохода съ церковной десятины на устройство приказовъ общественнаго призрѣнія и мастерскихъ для незанятыхъ рабочихъ [3]). Городъ Віеннъ въ Дофинэ высказываетъ общее требованіе, говоря, что законодательство о бѣдныхъ должно положить въ основу слѣдующіе принципы: готовой трудится нищетѣ надо доставлять работу, старости и болѣзни—помощь въ нуждѣ, праздности же презрѣніе и строгій полицейскій надзоръ [4]).

Но къ чему умножать цитаты? Погоня за полнотой заставила бы привести отрывки изъ большинства общихъ наказовъ средняго сословія [5]), дворянскихъ и духовныхъ; но это не позволило бы еще утверждать, что устройство національныхъ мастер-

---

[1]) Ibid., стр. 639 и 653.

[2]) Ibid., стр 688.

[3]) Ibid., т. III, стр. 39.

[4]) Ibid., стр. 86.

[5]) Дюпонъ де-Немуръ въ составленномъ имъ въ 1789 году „Tableau comparatif des demandes contenues dans les cahiers des trois ordres“, говоря объ ateliers de charité, замѣчаетъ, что ихъ устройства потребовали среднее сословіе Калэ, Ренна, дворянство Дурдана, Шартра, Монтаржиса, Верманду, Сенъ-Кантена и Кверси. Дворянскія кайе обыкновенно выговариваютъ, что содержимымъ на счетъ общества нищимъ будетъ поручена работа по постройкѣ и содержанію большихъ дорогъ (см. стр. 126 и 127).

скихъ и система помощи нуждающимся въ формѣ доставленія имъ труда предлагаются избирателями подъ непосредственнымъ вліяніемъ Тюрго и физіократической школы. Что ручается намъ за то, что это требованіе не есть самопроизвольное выраженіе народныхъ нуждъ и желаній? Приходскія кайе, отвѣтимъ мы, составленныя въ селахъ, нерѣдко полуграмотными писцами, подъ прямымъ внушеніемъ собраннаго на сходку крестьянства, кайе, которыя поэтому несравненно болѣе, чѣмъ общія, вводятъ насъ въ реальную обстановку деревенской жизни. Правда, и въ ихъ редакціи подчасъ участвовали лица высшаго общественнаго состоянія, адвокаты, священники и даже литераторы, въ родѣ женевца Дюмона и англичанина Ромильи [1]). Нерѣдки были также случаи составленія сельскихъ наказовъ по присланнымъ изъ сосѣдняго города или столицы образцамъ. Флери присоединилъ къ сборнику мѣстныхъ кайе Верманду двѣ различныя редакціи подобныхъ образцовъ, въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчается упоминаніе о налогѣ на бѣдныхъ, возложенномъ въ каждомъ приходѣ на собственниковъ, о провинціальныхъ кассахъ общественнаго призрѣнія и т. п. [2]). Многія приходскія кайе воспроизвели подобные запросы [3]), но большинство ограничилось или неопредѣленнымъ ходатайствомъ объ упраздненіи нищенства, или указаніемъ на необходимость принять строгія мѣры противъ бродягъ, воспретить имъ хожденіе партіями, сборъ павшихъ колосьевъ (glandage) и т. п. [4]). Отъ этого до системы

---

[1]) Дюмонъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что по дорогѣ въ Парижъ ему и его спутнику, Ромильи, поручено было составленіе одного изъ приходскихъ кайе.

[2]) Fleury. Baillage de Vermandois. Elections aux Etats généraux de 1789, стр. 118, 120 и 123.

[3]) Такъ, напр., кайе Кателэ въ Булоне говоритъ о „Caisse de charité, dont les fonds soient supportés par tous les particuliers et propriétaires de la paroisse“. Loriquet, т. II стр. 19 и 207, 338; т. I, стр. 317, 181.

[4]) Cahier de Bernieulles en Boulonais, ст. 14. Les députés aux états généraux demanderont que les ordonnances pour le glanage soient éxécutées, qu'il soit infligé des peines rigoureuses contre les personnes en état de travailler qui s'avisent de glaner et qu'il soit enjoint aux cavaliers de maréchaussée d'y veiller exactement, ст. 16. Ils demanderont qu'il

государственной помощи неимущимъ и признанія права на трудъ, еще далеко, такъ далеко, что можно смѣло утверждать, что безъ гуманнаго воздѣйствія ходячихъ въ обществѣ доктринъ, задачи призрѣнія, какъ ихъ понимало большинство крестьянства, не вышли бы изъ сферы полицейскихъ предписаній противъ лицъ, добывающихъ пропитаніе милостыней, насильственнаго выселенія ихъ на родину и скорѣе упраздненія, нежели развитія существующей системы богадѣленъ, которыя многими кайе признаются очагами праздности и пьянства [1]).

Но если въ сельскихъ наказахъ, вышедшихъ непосредственно изъ рукъ землевладѣльцевъ и фермеровъ, и безъ того обремененныхъ налогами и потому враждебныхъ всякому проекту новой подати въ пользу нищихъ, рѣдко когда заходитъ рѣчь о правѣ на трудъ, то того же отнюдь нельзя сказать о предшествующей революціи памфлетной литературѣ. Выдавая себя за сторонниковъ непредставленнаго въ избирательныхъ собраніяхъ класса рабочихъ (journaliers, manoeuvres, laboureurs, quatrième ordre, pauvres), французскіе публицисты 1788 и 1789 годовъ сплошь и рядомъ призываютъ государство къ «организаціи общественной помощи не находящимъ работы труженикамъ». Фавръ, Жане и Эспинасъ [2]) не прочь видѣть въ этомъ проявленіе идей, близкихъ къ современному соціализму. Я не могу присоединиться къ ихъ мнѣнію, и вотъ по какой причинѣ. Основу теорій, отрицающихъ разумность и справедливость существующаго общественнаго уклада, составляетъ, какъ извѣстно, ученіе о непримиримости интересовъ владѣтельныхъ и невладѣтельныхъ классовъ. Но объ этомъ въ 1789 году еще нѣтъ и помину. Будущій жирондистъ Кондорсэ, этотъ, можно сказать, единственный послѣдователь физіократической доктрины въ рядахъ Конвента, еще проповѣдуетъ «теорію экономическаго согласія», такъ горячо проводимую всей школой Кэне. Въ особомъ трактатѣ, озаглавленномъ

---

soit fait défense aux mendiants d'aller en troupes et à plus de quatre ensemble. (Loriquet, т. II, стр. 187 и 188; см. также Cahier de Bécourt, ст. 6, ibid., стр. 179 Cahier d'Attin en Boulonnais, ст. 8 стр. 159).

[1]) Ibid., т. II, стр. 139.

[2]) Espinas. La philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution, VI partie. Le socialisme et la révolution.

«О единствѣ интересовъ», онъ ставитъ себѣ ту самую задачу, какую со временемъ будутъ преслѣдовать Бастіа и его школа [1]).

Ту же мысль мы находимъ одновременно у Ламберта, автора мемуара, представленнаго сперва шалонской академіи, а затѣмъ провинціальнымъ штатамъ, и озаглавленнаго въ его окончательной редакціи «Cahier des pauvres». «Интересы богатыхъ и бѣдныхъ тождественны, пишетъ онъ, и неразрывны. Доказать ихъ согласіе—такова избранная мною задача. Я увѣренъ, что тамъ, гдѣ ни во что не ставятъ бѣдняка, нѣтъ достаточной безопасности» [2]). Какъ членъ избирательнаго собранія прихода Сентъ-Этіеннъ дю-Монъ въ Парижѣ, Ламбертъ приступаетъ къ редакціи «Тетради жалобъ неимущихъ» и вноситъ въ нее слѣдующее требованіе: надо создать особую систему помощи и попечительства по отношенію ко всѣмъ бѣднякамъ, найти имъ занятіе, предупредить необходимость ихъ эмиграціи и бродяжничества и воспрепятствовать ихъ скопленію въ столицѣ. Ламбертъ подвергаетъ критикѣ существующую систему общественнаго призрѣнія. По его словамъ, она грѣшитъ совершеннымъ непониманіемъ той истины, что недостатокъ средствъ не долженъ быть причиною заточенія [3]). Онъ желалъ бы поэтому, чтобы такъ называемые dépôts de mendicité—родъ французскихъ рабочихъ домовъ, съ болѣе суровой дисциплиной, чѣмъ ихъ англійскіе образцы, были пріурочены впредь исключительно къ содержанію лицъ, грозящихъ общественной безопасности; чтобы для бродягъ и проститутокъ были устроены исправительныя колоніи. Всѣмъ же способнымъ трудиться государство должно обезпечить возможность заработка.

Другіе одновременные писатели идутъ значительно далѣе въ своихъ требованіяхъ. Кормите неимущихъ, откройте для нихъ

---

[1]) См. Condorcet, Oeuvres, v. XVIII, стр. 45. Je vais essayer de prouver que ces prétendues oppositions d'intérêts n'existent pas. Въ другомъ сочиненіи Vie de Turgot (a 1786, т. 5, Oeuvres, стр. 175) Кондорсе указываетъ на Тюрго, какъ на ближайшаго виновника всего движенія въ пользу реформы общественнаго призрѣнія.

[2]) См. Chassin, Elections et cahiers de Paris, т. II, стр. 579.

[3]) „Que le dénuement du pauvre ne soit plus pour lui un titre de réclusion“.

мастерскія, надѣлите ихъ землею для корчеванія — таковы тѣ совѣты, какіе даетъ правительству авторъ памфлета: «Quatre cris d'un patriote à la nation». Еще опредѣленнѣе высказывается въ пользу государственной помощи пролетаріямъ и организаціи труда составитель другой брошюры «Argument des pauvres aux états généraux». «Ваше Величество, пишетъ онъ въ обращеніи къ королю, создайте за-одно съ націей на протяженіи церковныхъ земель приказы общественнаго призрѣнія для всѣхъ бѣдныхъ, живущихъ согласно правиламъ чести. Почему бы не предоставить имъ всего дохода отъ монастырскихъ земель? Способные къ работѣ нашли бы ее въ устроенныхъ для этой цѣли мастерскихъ, неспособные имѣли бы пенсію, отвѣчающую ихъ общественному положенію, и жилище въ монастыряхъ [1])». Настаивать на томъ, что всѣ эти требованія не болѣе, какъ воспроизведеніе мыслей Тюрго о правѣ на трудъ, нѣтъ, кажется, необходимости. Границы государственнаго вмѣшательства въ сферу общественнаго призрѣнія выражены совершенно въ духѣ Монтескье, Руссо и физіократической школы въ слѣдующемъ положеніи, заимствуемомъ нами изъ «Проекта кайе средняго сословія Парижа», проекта, которому не суждено было сдѣлаться оффиціальнымъ выраженіемъ взглядовъ столичной буржуазіи: «каждый разъ, когда общество доставило работу способному трудиться и помощь неспособному, оно исполнило свою обязанность по отношенію къ тѣмъ, кто живетъ въ его средѣ» [2]).

Вліяніе, какое физіократы имѣли на установленіе такъ называемаго права на трудъ, наглядно выступаетъ въ самый годъ революціи въ фактѣ обнародованія единомышленникомъ Тюрго— Бонсерфомъ, извѣстнымъ авторомъ предложенія объ упраздненіи феодальныхъ правъ, проекта организаціи общественныхъ работъ съ цѣлью доставленія помощи неимущимъ [3]). Бонсерфъ, заодно съ Тюрго, утверждаетъ, что «каждый человѣкъ имѣетъ

---

[1]) См. Chassin, т. II, стр. 159.

[2]) Projet de cahier pour le Tiers état de Paris. Chassin. Le génie de la révolution, т. I, стр. 288.

[3]) Брошюра Бонсерфа носитъ слѣдующее заглавіе: „De la nécessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers".

право на существованіе, но это право, замѣчаетъ онъ, предполагаетъ соотвѣтственную обязанность, которая лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ трудѣ. Общество должно поэтому обезпечить средства къ жизни тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые лишены ихъ; оно можетъ осуществить свои обязательства по отношенію къ нимъ двоякимъ образомъ: или позволяя имъ обрабатывать національныя земли, или раздавая невоздѣланные участки въ ихъ пользованіе. Бонсерфъ предлагаетъ утилизировать силы не находящихъ труда рабочихъ для осушенія болотъ, посадки лѣсовъ, проведенія и исправленія дорогъ, и т. п. Эти разнообразныя предпріятія осуществляются частью государствомъ, частью общинами. Оставить нуждающихся на произволъ судьбы, значило бы создавать серьезную опасность для внутренняго мира и спокойствія. «Число не имѣющихъ работы возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Необходимо привлечь ихъ къ полезнымъ занятіямъ, необходимо также воспрепятствовать ихъ соединенію въ группы, такъ какъ въ этомъ случаѣ они становятся опасными и въ состояніи внести смуту въ умы массъ, расположить ихъ къ преступленіямъ». Я не безъ цѣли привелъ эти послѣднія слова. Они какъ нельзя лучше доказываютъ, что въ лицѣ Бонсерфа мы не имѣемъ дѣла съ соціалистомъ, которому дорога организація рабочаго класса для болѣе успѣшной борьбы съ капитализмомъ. Наоборотъ, онъ врагъ всякой идеи ассоціаціи, всякаго esprit de corps. И въ этомъ отношеніи, какъ мы вскорѣ увидимъ, онъ является вполнѣ человѣкомъ своего времени, выражаетъ его мысли и предубѣжденія.

Угрозы Бонсерфа по отношенію къ государству, не сознающему своей обязанности обезпечить неимущимъ трудъ или средства къ пропитанію, повторяются годъ спустя Ле-Квиніо, авторомъ сочиненія, озаглавленнаго «Школа земледѣльцевъ» [1]). Обя-

---

Библіотека британскаго музея въ Лондонѣ владѣетъ однимъ экземпляромъ этой рѣдкой брошюры, которая помѣчена въ каталогѣ № 479—481. Bibl. de la révolution française.

[1]) Полное заглавіе: Ecole des laboureurs, ouvrage dans le quel on explique aux citoyens des campagnes ce que c'est que la Révolution

занность доставлять работу нуждающимся признается на этотъ разъ не за государствомъ, а за противниками революціи— аристократами и слѣдующими ихъ примѣру зажиточными буржуа [1]). Обращаясь къ обоимъ, авторъ заявляетъ: «Неужели совѣсть не подсказываетъ вамъ вашего долга, не говоритъ вамъ о необходимости обезпечить заработокъ тѣмъ, кого изъ мирныхъ земледѣльцевъ вы обратили въ челядь и потянули за собой въ города? Теперь вы хороните ваши сокровища и вызываете забастовку въ производствѣ. Какая вопіющая несправедливость, еще болѣе ужасная, чѣмъ убійство въ порывѣ гнѣва! Вѣдь это чистый разбой и кража (car c'est assassiner le public avec loisir et reflection et le voler de même)».—Таковъ крайній выводъ, какой сторонники права на трудъ дѣлаютъ изъ провозглашаемаго ими начала. Авторъ чувствуетъ противорѣчіе, въ какомъ его взгляды стоятъ съ признаніемъ принципа частной собственности. «Мнѣ возразятъ, пишетъ онъ, что доходъ, получаемый кѣмъ либо съ имущества, составляетъ его достояніе. И это правда... Но это не значитъ, чтобы онъ могъ хоронить его въ сундукахъ, ибо золото и серебро, какъ средства обмѣна, принадлежатъ не ему одному, но и государству, всей націи». Несмотря на слабость аргументаціи и внутреннее противорѣчіе, сочиненіе Ле-Квиніо заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ первое, еще смутное выраженіе мысли о томъ, что орудія производства и обмѣна должны состоять въ общемъ обладаніи. Авторъ, повидимому, самъ сознаетъ трудность установить подобное положеніе, не занося руки на право собственности. Чтобы пояснить свою мысль, онъ прибѣгаетъ къ аналогіи капитала и денегъ съ колодцемъ, изъ котораго всѣ въ правѣ черпать воду, но никто не долженъ отводить, въ сторону. Аналогія

Française ou lettre familière aux laboureurs de Bretagne par Joseph Marie le Quinio, citoyen de France et avocat à Vannes, Vannes 20 Juillet, 1790.

[1]) Après Vos Seigneurs et leurs gens d'affaires, Messieurs les bourgeois des villes, perdus par l'ambition de s'égaler à ceux qui leur étaient supérieurs et par leur mauvais exemple, se montaient audessns de Vous (ouvriers des campagnes) et se croyaient aussi des êtres plus importants que Vous.

эта, разумѣется, не устраняетъ недоразумѣнія и интересна только тѣмъ, что въ ней нагляднѣе обрисовывается взглядъ автора на общность орудій производства. Но если такъ, то гдѣ же мѣсто для собственности, съ которой авторъ, повидимому, не хочетъ разорвать вполнѣ. Сочиненіе Ле-Квиніо знаменуетъ собою переходъ отъ теоріи Тюрго о правѣ на трудъ къ болѣе радикальнымъ ученіямъ новаго времени. Внутреннее противорѣчіе автора достаточно объясняютъ намъ причину его неуспѣха. Въ теченіе всей революціи мы ни разу не встрѣтимъ практической попытки осуществить идеалы Ле-Квиніо. Регулируя рыночныя цѣны на продукты, запрещая оптовую ихъ закупку и содержаніе въ складахъ, наконецъ, установляя максимумъ цѣнъ на хлѣбъ, конвентъ ни въ чемъ не дастъ выраженія той мысли, что капиталъ и деньги—общее достояніе націи или что предприниматели должны доставлять работу даже въ ущербъ себѣ. Теорія Ле-Квиніо не даетъ ни практическихъ, ни теоретическихъ ростковъ. Во все время революціи коммунистическія ученія вращаются почти исключительно въ сферѣ аграрныхъ вопросовъ. Революція, направленная противъ аристократіи землевладѣнія и осуществленная не безъ содѣйствія аристократіи капитала, не видитъ расчета въ возстановленіи противъ себя буржуазіи смѣлой проповѣдью націонализаціи движимыхъ имуществъ. Въ ея рядахъ встрѣчаются люди, которые готовы указать и на опасность, какой общественная благотворительность можетъ грозить народному благосостоянію, поощряя праздность и увеличивая заработную плату. Въ числѣ ихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Пеллетье авторъ брошюры: «Возрожденіе Франціи» [1]). Если бы, говоритъ авторъ, богадѣльни и владѣли достаточнымъ капиталомъ, дозволяющимъ имъ приходить на помощь неимущимъ, общество тѣмъ не менѣе понесло бы въ цѣломъ существенный уронъ отъ ихъ размноженія. Простой народъ, который не ищетъ ничего, кромѣ возможности беззаботнаго существованія и празд-

---

[1]) La régénération de la France par M. Pelletier a. 1789. (T. LXXVI. Собраніе брошюръ, относящихся къ французской революціи въ библіотекѣ британскаго музея въ Лондонѣ).

ности, толпою устремился бы въ эти учрежденія, хозяйства остались бы безъ нужнаго числа рукъ, земли — безъ воздѣлывателей, мастерскія — безъ рабочихъ, плата за трудъ возрасла бы неимовѣрно, а вмѣстѣ съ нею и цѣна на мануфактураты; иностранцы пріобрѣли бы надъ нами рѣшительный перевѣсъ въ торговлѣ, нашъ вывозъ прекратился бы вовсе, золото и серебро отлили бы за-границу и государство впало бы въ совершенное изнеможеніе. Но, скажутъ намъ, возможно устроить такъ, чтобы принятые въ богадѣльню проводили время въ трудѣ; для этого надо только обезпечить имъ сверхъ содержанія незначительный заработокъ (намекъ на проекты Тюрго). На это мы отвѣтимъ, что разъ потребности существованія будутъ покрыты, никто не захочетъ трудиться. По природѣ своей человѣкъ лѣнивъ и, чтобы привязать его къ повседневному занятію, необходимъ стимулъ нужды [1]). Пеллетье полагаетъ, что въ настоящемъ ихъ видѣ учрежденія общественнаго призрѣнія служатъ только интересамъ черни. Онъ хотѣлъ бы пріурочить ихъ также къ потребностямъ обѣднѣвшаго дворянства и буржуазіи. Соотвѣтственно онъ требуетъ установленія въ нихъ трехъ различныхъ видовъ труда: грубой работы (gros ouvrages) для призрѣваемыхъ изъ народа, ремеслъ (arts mechaniques) для средняго сословія, искусствъ (arts libéraux) для дворянъ. Продукты работы продаются годъ спустя послѣ ихъ выдѣлки; этимъ Пеллетье думаетъ избѣжать справедливыхъ жалобъ рабочаго люда на конкуренцію общественныхъ мастерскихъ. Чтобы породить въ лицахъ, находящихъ въ нихъ пріютъ и занятіе, необходимое рвеніе, онъ предлагаетъ заинтересовать ихъ имущественно, сдѣлавъ ихъ участниками въ дѣлежѣ выручки. По истеченіи года со времени поступленія въ богадѣльню, каждый работникъ становится полноправнымъ ея членомъ, своего рода акціонеромъ. Для покрытія издержекъ по устройству рабочихъ домовъ и ихъ содержанію, а также для закупки сырья должны служить одинаково общинныя и церковныя имущества. Части ихъ ежегодной выручки достаточно для этой цѣли; придется пустить въ продажу тѣ изъ «communaux», ко-

---

[1]) Ibid., стр. 218.

торые приносятъ наименѣе дохода, и обложить земли церквей и аббатствъ годовымъ сборомъ. Въ отличіе отъ существующихъ учрежденій общественнаго призрѣнія, затѣваемыя Пеллетье богадѣльни-мастерскія имѣютъ еще ту особенность, что въ нихъ находятъ убѣжище цѣлыя семьи нуждающихся. Тѣмъ самымъ устраняются препятствія, какія богадѣльни ставятъ естественному росту населенія.— Таковъ въ немногихъ словахъ одинъ изъ первыхъ проектовъ устройства чего-то подобнаго будущимъ фаланстерамъ Фурье. Не трудно схватить связь, какую неосуществившееся предложеніе Пеллетье имѣетъ съ общимъ ученіемъ философовъ и экономистовъ XVIII вѣка объ обязанности государства обезпечить работу нуждающимся. Основу всѣхъ соціальныхъ теорій революціи неизмѣнно составляютъ, съ одной стороны, стремленіе воскресить нѣкоторыя преимущества предшествовавшаго собственности комунизма, а съ другой—проповѣдуемое Тюрго и его школой право на трудъ.

Большинство писателей и политическихъ дѣятелей революціи выдвигаетъ, впрочемъ, только послѣднее. Въ этомъ легко убѣдиться, читая дебаты, поводъ къ которымъ въ клубѣ якобинцевъ подалъ вопросъ о назначеніи, какое слѣдуетъ дать національнымъ имуществамъ, образовавшимся благодаря секуляризаціи церковныхъ земель. Къ чему сводятся обязанности государства по отношенію къ неимущимъ, — спрашиваетъ себя одинъ изъ ораторовъ этого клуба, Польверель? Къ тому, чтобы доставить работу всякому, кто можетъ и хочетъ трудиться, принудить къ ней всѣхъ уклоняющихся отъ нея, наконецъ, обезпечить даровую помощь тѣмъ, кто, не въ силахъ болѣе зарабатывать пропитанія собственнымъ трудомъ. Говоря это Польверель, очевидно, повторяетъ Тюрго, точно также, какъ и тогда, когда предлагаетъ установить общественныя мастерскія (ateliers de travaux publics) для всѣхъ возрастовъи половъ и выдавать служащимъ въ нихъ опредѣленную заработную плату, — плату, менѣе значительную чѣмъ та, какую рабочіе получаютъ отъ частныхъ предпринимателей, но достаточную для содержанія ихъ съ семьей [1]).

---

[1]) Opinion de M. de Polverel sur l'aliénation et l'emploi des biens nationaux, 25 Juin, 1790. (Aulard. Société des Jacobins. T. I, стр. 161).

Мы видѣли, въ какое противорѣчіе впадаютъ физіократы, требуя полной экономической свободы и деспотіи, неприкосновенности имущества и права на трудъ, т. е. обязанности собственниковъ содержать работающихъ. Къ числу тѣхъ же противорѣчій, повторяемыхъ вслѣдъ за физіократами и составителями наказовъ, надо отнести утвержденіе, что собственность возможна только для лицъ физическихъ, отнюдь не для корпорацій, и что, не нарушая ея принципа, правительство можетъ отнять землю у монастырей. Эта мысль высказана была французской публицистикой прошлаго вѣка при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда генеральный контролеръ Машо, въ маѣ 1749 года, добился установленія подоходнаго налога въ формѣ vingtième, духовенство отказалось платить его и поспѣшило откупиться. Предсѣдатель общаго собранія (assemblée générale du clergé) выразилъ его основную точку зрѣнія на церковные иммунитеты, говоря: «мы никогда не согласимся, чтобы то приношеніе, которое мы дѣлаемъ государству и въ которомъ можно видѣть только доказательство нашей любви и уваженія къ правительству, сдѣлалось печатью нашего подчиненія его податнымъ требованіямъ». Чтобы избѣжать дальнѣйшей оппозиціи, правительство отступило, согласившись на полученіе взамѣнъ постояннаго обложенія десятимилліоннаго взноса изъ церковной казны.

Но эта настойчивость духовенства въ охраненіи своихъ иммунитетовъ, по словамъ Барбье [1]), возстановила противъ него общественное мнѣніе. Вольтеръ выразилъ всеобщее недовольство, говоря: «достойно готтентотовъ правительство, допускающее изъятіе отъ податей богатыхъ и дозволяющее имъ сказать бѣдному: ты одинъ долженъ платить, такъ какъ ты одинъ трудишься; мы же праздны и потому свободны отъ налоговъ» [2]). Цѣлый рядъ однохарактерныхъ брошюръ высказывалъ то же недовольство. Подъ вліяніемъ этого раздраженія отпечатана была въ энциклопедіи Дидро извѣстная статья Тюрго, подъ словомъ «Fondation». Въ ней впервые провозглашалось право

---

[1]) Barbier, Journal, томъ V, стр. 332.

[2]) Voltaire, La voix du sage et du peuple.

гражданской власти «располагать фондами, издревле пріуроченными къ извѣстнымъ церковнымъ или благотворительнымъ цѣлямъ, измѣнять назначеніе этихъ фондовъ и даже совершенно упразднять ихъ». «Общественная польза, писалъ Тюрго, есть высшій законъ, противъ котораго нельзя привести ни первоначальнаго намѣренія тѣхъ, кто создалъ эти фонды, ни опасенія задѣть мнимыя права корпорацій. Частныя лица, подчасъ невѣжественныя или ограниченныя, не могутъ связывать своими капризными велѣніями грядущихъ поколѣній. У корпорацій нѣтъ никакихъ правъ по отношенію къ государству. Такія права могутъ принадлежать только частнымъ лицамъ, такъ какъ они существуютъ независимо отъ государственнаго общества и служатъ для него составными элементами. Государство должно охранять ихъ свободу и собственность. Другое дѣло корпораціи—онѣ не имѣютъ жизни сами по себѣ и въ собственныхъ интересахъ; онѣ созданы обществомъ и въ интересахъ общества; онѣ должны поэтому прекратить свое существованіе, какъ скоро перестанутъ быть полезными. Ни одно дѣяніе рукъ человѣческихъ не создано для безсмертія. Постоянно умножаемыя подъ вліяніемъ тщеславія, корпорацім поглотили бы въ концѣ-концовъ всѣ капиталы государства, всякую частную собственность. Необходимо поэтому сохранить возможность ихъ упраздненія (il faut bien, qu'on puisse à la fin les détruire). И Тюрго иллюстрируетъ свою мысль, говоря: «если бы всѣ и каждый изъ жившихъ имѣлъ свою могилу, скоро не нашлось бы земли для обработки» [1]).

Когда возникла мысль о дѣятельной помощи американцамъ и возможности ближайщей войны съ Англіей, на сцену выступилъ и вопросъ о томъ, нельзя ли утилизировать церковныя имущества для этой цѣли. Въ мемуарахъ Башомона отъ 26 марта 1775 года значится: «имѣется въ виду проектъ продажи церковныхъ имуществъ и обращенія полученныхъ отъ нея суммъ на нужды государства. Это не извратило бы ихъ назначенія. Вѣдь они наслѣдственное достояніе бѣдныхъ и ничто не мѣшаетъ государству обезпечить членамъ духовенства доста-

[1]) Статья эта перепечатана въ сборникѣ Дэра. Сочиненія Тюрго, томъ I, стр. 308.

точный, хотя и ограниченный доходъ» [1]). Подъ вліяніемъ такихъ мыслей возникли первые планы секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Авторъ брошюры, озаглавленной «Виды и желанія гражданина или средство прійти на помощь народу», говоря, что роскошь монаховъ составляетъ скандалъ для общества, требовалъ, чтобы ихъ имущества обращены были къ первоначальному назначенію—помощи бѣднымъ и устройству богадѣленъ; и то, и другое, было бы согласно съ волею дарителей. Съ какимъ негодованіемъ узнали бы они о томъ употребленіи, какое монахи даютъ своимъ сокровищамъ». Авторъ другой брошюры «Новый проектъ реформы религіозныхъ орденовъ» выставляетъ мотивомъ къ секуляризаціи, что данныя королями разрѣшенія на легаты и даренія церквамъ и монастырямъ надѣлили духовенство только правомъ пользованія. Имѣя въ виду благо подданныхъ и необходимость свободнаго обращенія земель на рынкѣ, король долженъ отмѣнить неотчуждаемость церковныхъ имуществъ и предписать продажу тѣхъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ монастырямъ [2]). Въ 1780 году общественное мнѣніе настолько уже было проникнуто мыслью о необходимости секуляризаціи для покрытія государственнаго долга, что Метра въ своихъ мемуарахъ говоритъ о ней, какъ объ одномъ изъ средствъ, которыя позволили бы министерству Неккера выйти изъ финансовыхъ затрудненій. «Слѣдуетъ, пишетъ онъ, приступить къ отчужденію доменовъ и къ присвоенію казнѣ церковныхъ имуществъ» [3]).

Едва ли нужно подвергать серьезной критикѣ тѣ положенія, которыми старались оправдать секуляризацію; едва ли нужно доказывать, что церковная собственность по своему источнику ничѣмъ не отличается отъ другихъ; что трудъ въ формѣ корчеванія никѣмъ незанятыхъ земель, добровольная уступка своихъ надѣловъ лицами, ищущими покровительства и защиты у могущественнаго аббата, даренія, завѣщанія, королевскія пожало-

---

[1]) Mémoires secrets de Bachaumont, XXX, 189.

[2]) Содержаніе этихъ брошюръ, принадлежащихъ 1776 и 1779 годамъ, передано Charles Gomel (Les causes financières de la rèvolution), стр. 460 у 463.

[3]) Correspondance secrète. Métra, X, 20.

ванія лежатъ въ основѣ тѣхъ латифундій, какія сосредоточились въ рукахъ галликанской церкви въ концѣ XVIII вѣка. Сдѣланныя въ ея пользу распоряженія говорили не о временныхъ и переходящихъ преимуществахъ, а о наслѣдственномъ владѣніи. Становясь на точку зрѣнія историческаго права, такъ же трудно было бы отрицать неприкосновенность церковной собственности, какъ и неприкосновенность собственности феодальной. Эта собственность не была условной, не зависѣла отъ исполненія тѣхъ или другихъ обязательствъ по отношенію къ неимущимъ. Можно было сожалѣть, разумѣется, о несоблюденіи въ концѣ XVIII вѣка тѣхъ старинныхъ каноновъ, которыми треть ежегоднаго дохода церкви пріурочивалась къ задачамъ общественнаго призрѣнія. Но нельзя было видѣть въ немъ юридическаго основанія къ отнятію собственности у духовенства Правда, тѣ ближайшіе мотивы, которые въ средніе вѣка вызывали щедрую раздачу имуществъ въ его пользу, исчезли; церковь перестала осуществлять многія изъ тѣхъ задачъ общежитія, публичной защиты и покровительства, какія нѣкогда она раздѣляла съ государствомъ. Но тѣ же мотивы можно было выдвинуть и противъ феодальной собственности, историческое оправданіе которой также лежало въ осуществленіи нѣкогда ленными владѣльцами многихъ общественныхъ функцій, совершенно утраченныхъ ими за послѣднія столѣтія. Такимъ образомъ, противъ церковной собственности, какъ и противъ феодальной, нельзя было выставить строгаго юридическаго основанія; но та и другая требовали если не отмѣны, то реформы, такъ какъ перестали отвѣчать тому верховному изъ всѣхъ правъ, какимъ еще римскіе юристы провозгласили salus populi. Реформѣ предпочли упраздненіе. Ближайшей причиной тому было, что неотчуждаемость земель церкви сдѣлалась преградой къ удовлетворенію того естественнаго запроса на землю, какой высказывала разбогатѣвшая буржуазія, спѣшившая раздѣлить съ дворянствомъ преимущества владѣтельнаго класса. Во Франціи конца XVIII вѣка повторилось такимъ образомъ то же явленіе, какое сказалось въ Германіи въ эпоху реформаціи и въ Англіи во времена Генриха VIII. Торжество средняго сословія тамъ и здѣсь требовало одинаково свободнаго обращенія цер-

ковныхъ земель на рынкѣ, а этого можно было достигнуть путемъ ихъ секуляризаціи. Этотъ, такъ сказать экономическій мотивъ церковнаго обезземеленія съ наглядностью выступаетъ въ наказахъ 1789 года, независимо отъ того, воспроизводятъ ли ихъ редакторы теорію Тюрго о конечности всякихъ корпорацій и принадлежности права собственности исключительно частнымъ лицамъ. Правда, изъ приходскихъ наказовъ рѣдко какой говоритъ о необходимости упразднять церковныя имущества. Многіе желаютъ только сокращенія ихъ района, продажи въ пользу государства земель тѣхъ аббатствъ, которыя подвергнутся закрытію. Но въ тѣхъ немногихъ кайе, въ которыхъ требуется безусловное отчужденіе всѣхъ духовныхъ владѣній, сплошь и рядомъ высказывается желаніе чтобы они тѣмъ самымъ сдѣлались предметомъ обращенія на рынкѣ. Одно меньшинство наказовъ средняго сословія высказывается въ пользу сохраненія за церковью ея доманіальнаго фонда; эти наказы хотятъ, чтобы духовенству обезпечена была возможность покрывать доходомъ съ него необходимыя издержки культа, а также и тѣ, какихъ требуетъ общественное положеніе церковныхъ іерарховъ (le nécessaire religieux et social) [1]). Но чего историки секуляризаціи церковныхъ имуществъ обыкновенно не отмѣчаютъ,—это полнаго несоотвѣтствія того употребленія, какое дано было отнятымъ у церкви землямъ, съ тѣмъ назначеніемъ, какое желали придать имъ французскіе избиратели. Идетъ ли дѣло въ сельскихъ наказахъ о полной или частичной конфискаціи монастырской собственности, одинаково высказывается требованіе, чтобы эта конфискація пошла на пользу народному образованію и общественному призрѣнію. Составители сельскихъ кайе ходатайствуютъ объ основаніи на созданный такимъ образомъ фондъ стипендій въ пользу неимущихъ семинаристовъ, о выдачѣ денежной помощи ученикамъ-ремесленникамъ, лишеннымъ возможности покрыть издержки, связанныя съ полученіемъ мастерства [2]), а также всѣмъ нуждающимся въ работѣ или пособіи нищимъ [3]), объ основаніи госпиталей, приказовъ об-

---

[1]) Les cahiers des curés par Chassin. Стр. 344.

[2]) Loriquet, Cahiers du Pas-de-Calais, стр. 93, томъ I.

[3]) Ibid., стр. 46 и 63, тома I.

щественнаго призрѣнія (bureaux de charité), сиротскихъ домовъ и богадѣленъ [1]). Только изрѣдка высказывается желаніе, чтобы часть этого фонда была затрачена на покрытіе налоговъ, платимыхъ провинціей, или пошла на погашеніе государственнаго долга [2]). Иногда составители наказа сопровождаютъ требованіе о томъ или другомъ употребленіи церковныхъ имуществъ категорическимъ заявленіемъ, что за конфискаціей должно послѣдовать упраздненіе и самихъ обителей. Въ наказѣ прихода Сасси въ бальяжѣ Окзеры мы читаемъ, напримѣръ: «аббатства и женскіе монастыри должны подвергнуться закрытію въ виду ихъ безполезности и далеко не примѣрной жизни ихъ обитателей. Принадлежащіе имъ зданія и доходы слѣдуетъ обратить на госпитали» [3]).

Въ одномъ изъ анонимныхъ кайе, въ редакціи котораго замѣтно вліяніе янсенистовъ, въ пользу секуляризаціи приводятся слѣдующіе мотивы: духовенство дѣлаетъ дурное употребленіе изъ имуществъ, которыхъ оно призвано быть экономомъ; оно даетъ имъ иное назначеніе, чѣмъ то, для котораго они были созданы; нація должна поэтому вступить въ пользованіе ими, помня, что въ собственность они не принадлежатъ никому, какъ ей. Пора положить конецъ чрезмѣрнымъ богатствамъ духовенства, пора оживить въ его средѣ духъ первыхъ христіанскихъ обществъ. Не съ согласія церкви возникли чудовищныя латифундіи епископовъ и другихъ высшихъ прелатовъ [4]).

Вообще нельзя сказать, чтобы приходское духовенство шло заодно съ высшимъ въ отстаиваніи неприкосновенности церковной собственности. Тогда какъ продиктованный епископомъ шартрскимъ наказъ гласитъ о необходимости не допускать ни подъ какимъ видомъ отчужденія церковныхъ имуществъ, во

---

[1]) Ibid., стр. 88, 120, 129, 298. - Duval. Cahiers du baillage d'Alençon. Стр. 124. См. также Arch. Parl., VI, 21.

[2]) Loriquet, т. I, стр. 243. — Duval. Cahiers du baillage d'Alençon стр. 11.

[3]) Demay. Cahiers des paroisses du baillage d'Auxerre 1789. Bulletin de la société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne, a 1885, томъ XXXIX, стр. 46.

[4]) Chassin, Les élections et cahiers de Paris, томъ II, стр. 114.

многихъ сельскихъ кайе, въ составленіи которыхъ участвовало главнымъ образомъ низшее духовенство, ни словомъ не упоминается о неприкосновенности «священнаго фонда» (domaine sacré) [1]). Въ деревенскихъ наказахъ Прованса напримѣръ не разъ высказывается протестъ противъ несправедливаго распредѣленія церковнаго дохода между низшимъ и высшимъ духовенствомъ. Обычныя жалобы на роскошь аббатовъ и епископовъ и на упадокъ нравственности между монахами часто сопровождаются предложеніемъ: отнять у церкви имущества и упразднить духовныя обители [2]). Къ религіознымъ и нравственнымъ соображеніямъ присоединяется при этомъ чисто экономическое—польза пустить въ обращеніе церковныя земли (mettre les biens-fonds du clergé dans le commerce). Нескрываемый приходскими наказами, этотъ мотивъ съ меньшей откровенностью выступаетъ въ общихъ кайе бальяжей. Въ нихъ въ пользу секуляризаціи приводятся обыкновенно нравственные мотивы: необходимость поднять положеніе низшаго духовенства увеличеніемъ его содержанія, вернуть бѣднымъ имущества, которыя дарители частью предназначили въ ихъ пользу, прійти на помощь государству въ его финансовыхъ затрудненіяхъ [3]). Но и въ этихъ кайе не разъ выступаетъ указанный выше доводъ. Когда среднее сословіе Экса ставитъ въ обязанность генеральнымъ штатамъ обсудить мѣры, при помощи которыхъ церковныя земли могутъ сдѣлаться предметомъ обращенія на рынкѣ, оно высказываетъ общую мысль всего вновь образовавшагося класса капиталистовъ: онъ стремился къ пріобрѣтенію недвижимой собственности и не скрывалъ желанія ниспровергнуть преграды, стоявшія ему на пути, какъ-то: неотчуждаемость земель духовенства и доманіальнаго фонда.

Враждебность къ церковнымъ имуществамъ стоитъ въ пря-

---

[1]) Chassin, Les cahiers des curés, стр. 344.

[2]) Arch. Parl., томъ VI, Cahier de la communauté de Cuger, Provence, стр. 278; см. также стр. 305.

[3]) Cahier du tiers de Pont L'Eveque. (Arch. Parl., томъ V, стр. 684, стр. 408; смотри также томъ I, стр. 697, 718; томъ II, стр. 8, 39, 101, 146, 154, 302, 328, 341, 387, 493, 501, 533, 590, 614, 693; томъ III, стр. 61, 263, 181, 184, 596, 629, 669, 685, 757; томъ IV, стр. 8, 259).

мой связи съ однимъ изъ изумительнѣйшихъ противорѣчій общественной теоріи прошлаго вѣка—преслѣдованіемъ ею такъ называемаго «esprit de corps», другими словами, всякой попытки установить солидарность между лицами, связанными единствомъ интересовъ и образующими изъ себя самостоятельную, отличную отъ другихъ общественную группу. Полагая въ основу своей системы широкую проповѣдь свободы, какъ экономической, такъ и политической, энциклопедисты и физіократы признавали ее только за частными лицами, отнюдь не за корпораціями. Послѣднихъ, по ихъ мнѣнію, вовсе не должно существовать. Между государствомъ и индивидомъ нѣтъ мѣста ни для какой второстепенной общественной силы, если не говорить о той, какую представляетъ собою семья; да и та должна допустить значительное ограниченіе своей сферы дѣятельности и вліянія, благодаря развитію системы публичнаго образованія, отмѣнѣ майоратовъ и субституцій и ограниченію свободы завѣщаній.

Чтобы понять причину того антогонизма, въ какой философія прошлаго вѣка вступила съ тѣми свободными союзами, которые позволяютъ общими усиліями отстаивать общіе интересы, надо принять въ разсчетъ препятствія, какія ставила экономическому и политическому возрожденію Франціи существующая въ XVIII вѣкѣ сословная организація, податныя изъятія дворянства и духовенства, монополизація промысловъ цехами, а торговли компаніями. Борясь съ ними, писатели прошлаго вѣка ошибочно обобщали причину существующихъ нестроеній и думали найти ее въ томъ духѣ исключительности и неравенства, который въ ихъ глазахъ присущъ вообще корпораціи. Отправляясь отъ той мысли, что общая воля всегда преслѣдуетъ пользу всѣхъ, тогда какъ частный союзъ можетъ имѣть цѣли, противныя общему благу, Руссо предупреждалъ французовъ противъ опасности чрезмѣрнаго развитія «esprit particulier», свойственнаго, по его мнѣнію, всякимъ сообществамъ и отвѣчающаго въ нашихъ представленіяхъ понятію корпоративнаго духа [1]).

---

[1]) Malheureusement l'intérêt personnel se trouve toujours en raison inverse du devoir et augmente à mesure que l'association devient plus

Все, что Сіэйсъ пишетъ противъ привилегій и необходимости отмѣнить сословія не болѣе, какъ развитіе этого основнаго взгляда Руссо на противоположеніе intérêt particulier, выразителемъ котораго являются корпораціи, и intérêt général, воплощеннаго въ государствѣ [1]). Тюрго раздѣляетъ тѣ же опасенія, какъ видно изъ факта внесенія имъ въ текстъ декрета 1776 г. объ отмѣнѣ цеховаго устройства слѣдующаго постановленія: запрещается всѣмъ ученикамъ и рабочимъ вступать въ ассоціаціи или устраивать между собою сообщества подъ какимъ бы то ни было предлогомъ [2]).

Самъ Адамъ Смитъ не чуждъ тѣхъ же предубѣжденій. Не запрещая прямо союзовъ между рабочими, что кажется ему неосуществимымъ, авторъ «Богатства народовъ» не скрываетъ къ нимъ своей враждебности: когда рабочіе одного ремесла, говорилъ онъ, сходятся между собою хотя бы съ цѣлью развлечься, ихъ бесѣды почти всегда оканчиваются или заговоромъ противъ общества, или какой-нибудь интригой къ повышенію заработной платы. Смитъ совѣтуетъ законодателю воздержать-

---

étroite... preuve invincible que la volonté la plus générale est aussi la plus juste et que la volontè du peuple est en effet la voix de Dieu (Discours sur l'économie politique. Oeuvres, т. VII, стр. 268). — *Contrat Social:* „Il importe pour avoir bien l'énoncé de la volonté générale, qu'il n'y ait pas de société partielle dans l'état et que chaque citoyen n'opine que d'après lui“ (глава III).

[1]) См. трактатъ Sieyes. Essai sur les privilèges.—Si dans votre étroite politique vous distinguez un corps de citoyens pour le mettre entre le gouvernement et le peuple, ou ce corps partagera les fonctions du gouvernement et alors ce ne sera pas la classe privilègiée dont nous parlons, ou bien il n'appartiendra pas anx fonctions essentielles du pouvoir public, et alors qu'on m'explique ce que peut etre un corps intermédiaire sice n'est une masse etrangère nuisible, soit en interceptant les rapports directs entre les gouvernans et les gouvernés, soit en pressant sur les ressorts de la machine publique, soit enfin en devenant partout ce qui le distingue du grand corps des citoyens, un fardeau de plus pour la communauté.

[2]) „Edit de Février 1776, art 14. Défendons pareillement à tous maîtres compagnons et apprentis desdits corps et communautés de former aucune association ni assemblée entre eux sous quelqne prétexte que ce puisse être“.

ся отъ всякихъ мѣръ, содѣйствующихъ упроченію рабочихъ союзовъ» [1]).

Современники революціи очень опредѣленно высказываютъ то же воззрѣніе. Первой задачей правительства при регулированіи отношеній предпринимателей и рабочихъ—воспротивиться возникновенію какихъ-либо ассоціацій. «Братства между коммерсантами или ремесленниками, а также между рабочими отнюдь нежелательны» [2]). Таково мнѣніе автора «Регенераціи Франціи», уже цитированнаго мною Пелетье.

Нѣкоторые наказы 1789 г. высказываются въ томъ же смыслѣ; такъ, напримѣръ, наказы средняго сословія Нима и Монпелье [3]). Когда въ 1791 г., нѣкоторые ремесленники обнаружили намѣреніе сплотиться съ цѣлью повышенія платы за трудъ, докладчикъ закона, запрещавшаго всякаго рода союзы, Шапелье, въ слѣдующихъ словахъ выразилъ точку зрѣнія, на какую, заодно съ публицистами и экономистами прошлаго вѣка, становились члены учредительнаго собранія въ отношеніи къ праву ассоціацій. «Не слѣдуетъ, сказалъ онъ, допускать никакой организаціи между членами той или другой профессіи подъ предлогомъ защиты ими сообща какихъ-то общихъ выгодъ. Въ государствѣ нѣтъ больше корпорацій. Въ немъ не существуетъ другихъ интересовъ, кромѣ личнаго, всякаго гражданина въ отдѣльности, и общаго, всего гражданства. Нельзя терять изъ виду того принципа, что одному частному соглашенію должно быть предоставлено установленіе размѣра заработковъ... Об-

---

[1]) Сравни Ferdinand Béchard: Les Réformes de Turgot. Revue de la Révolution. 1883. стр. 196. Neymarck, Turgot et ses doctrines, I, стр. 541 и 452.

[2]) On dira qu'il faut une police parmi les commerçants et parmi les ouvriers. Oui, sans doute; la première loi de police est d'empêcher, autant qu'il est possible, qu'il ne se fasse aucune association, qu'il n'y ait aucune confraternité parmi les commerçants et parmi les ouvries (La Régénération de la France par M. Pelletier à 1789. стр. 210).

[3]) См. Charles Chabot. La révolution française et la question ouvrière (Révolution française par Dide et Aulard, t. V, Juillet-Décembre 1883, стр. 488). Les cahiers contiennent des demandes comme celle-ci de prohiber les associations de compagnonages, demandes formulées pas tiers-état de Nimes et de Montpellier.

щества, къ устраненію которыхъ направленъ проектъ предлагаемаго нами закона, прибавилъ Шапелье, поставили себѣ цѣлью общую помощь въ предѣлахъ опредѣленной профессіи, помощь больнымъ, не имѣющимъ работы. Они признали удобнымъ создать въ своей средѣ кассы для сосредоточенія пожертвованій и раздачи пособій. Но, поступая такимъ образомъ, они потеряли изъ виду, что забота о доставленіи труда нуждающимся по праву принадлежитъ одной націи и ея органамъ—публичнымъ властямъ, точно также, какъ ей одной выпадаетъ въ удѣлъ принимать мѣры къ общественному призрѣнію неспособныхъ трудиться неимущихъ» [1]). Предложенный коммиссіей законъ прошелъ единогласно; ассоціаціи были воспрещены и учредительное собраніе доказало тѣмъ самымъ полную солидарность своихъ взглядовъ въ этомъ вопросѣ съ ходячей въ XVIII вѣкѣ общественной доктриной.

Враждебность физіократовъ къ частнымъ корпораціямъ и поддерживаемому ими esprit de corps непосредственно вытекала изъ ихъ представленія объ экономической солидарности, будто бы существующей между всѣми классами общества. Согласно ихъ ученію, все населеніе государства распадается на двѣ группы—производительную и непроизводительную (stérile). Устами аббата Бодо они старались выяснить, что послѣдняя квалификація вовсе не тождественна признанію безполезности обнимаемыхъ ею лицъ, а означаетъ только то, что эти лица не являются производителями богатствъ, даютъ имъ лишь новую форму или содѣйствуютъ обращенію ихъ въ обществѣ [2]). Не признавая

---

[1]) См. Moniteur 15 іюня 1791 года.

[2]) La piupart des objets propres aux jouissances des hommes ne sont pas usés et consommés tels que la nature les a produits, ni sur les lieux de leur naissance; mais ils ont besoin d'être façonnés, transporté et même souvent d'être negociés. Il y a donc dans un grand état des hommes agricoles qui font des dèpenses et des travaux pour faire produire ces objets à la terre: il y en a d'autres qui les roçoivent encore bruts et informes de la main des cultivateurs et qui les façonnent, qui leur donnent la forme; enfin il en est d'autres qui les achètent dans un lieu... qui les transportent dans un autre, et qui les revendent en gros et en détail, c'est à dire qui les négocient... Certes ce sont trois choses très utiles... mais ces trois choses ne sont pas les mêmes... La production

подобно Адаму Смиту и созданной имъ школѣ, что источниками богатства являются одновременно земля, трудъ и капиталъ; приписывая исключительно производительнымъ силамъ почвы и утилизирующей ихъ сельскохозяйственной работѣ честь образованія цѣнностей, думая, что промышленность и торговля не увеличиваютъ ихъ путемъ модификаціи и перемѣщенія продуктовъ, физіократы послѣдовательно приходили къ заключенію, что всѣ классы общества живутъ исключительно доходомъ съ земледѣлія. Правда, уже современникъ Тюрго и Дюпона, извѣстный моралистъ Кондильякъ, отказывался признать вѣрность положенія, будто обрабатывающая промышленность и обмѣнъ не увеличиваютъ суммы народнаго богатства, и старался установить тотъ взглядъ, что безъ нихъ многіе изъ произведенныхъ землею продуктовъ пропали бы даромъ и никогда не сдѣлались бы цѣнностями [1]). Тотъ же писатель старался опереть свой

---

est le terme de division entre deux sortes de dépenses et de travaux; les dépenses et les travaux agricoles ont pour but, ponr fin la production .. Au contraire les travaux, les dépenses des manufacturiers et négociants s'étendent depnis la production, mais exclusivement jnsqu'à la consommation ou l'anéantissement. Qu'on nous dise à présent comment dans notre langue on pouvait et on devait caractériser des travaux, des dépenses, qui ont pour but, pour fin, pour dernier terme la prodnction, autrement que par le mot productifs. Comment pourrait-on caractériser des travaux, des dépenses, qui ne commencent qu'après la production, qui ont pour but, pour fin, pour dernier terme l'anéantissement autrement que par le terme non productifs ou stériles?... Classe stérile, dépense stérile, travaux stériles, se disent donc, non pas comme nuisibles; ni même comme inutiles; tout au contraire, rien n'est plus utile que les façons et le négoce, mais, c'est aux jouissances des hommes, à la consommation qu'ils servent, jouissances et consommations qui anéantissent chaque production naturelle qui en est la matière. (Explicatiou sur le vrai sens du mot stérile appliqué à l'industrie, въ сборникѣ Eugéne Daire. Physiocrates, т. II, стр. 868, 869 и 870).

[1]) C'est le colon, писалъ Кондильякъ, qui fournit toutes les matières premières; mais telle matière première, qui entre ses mains serait inutile et sans valeur devient utile et acquiert une valeur, lorsque l'artitan a trouvé le moyen de la faire servir aux usages de la société. A chaque art qui commence, a chaque progrès qu'il fait le colon acquiert donc une richesse nouvelle, puisqu'il trouve une valeur dans une production qui au paravant n'en avati pas. Cette production mise en valeur par

взглядъ и на болѣе спорномъ положеніи, говоря, что при всякой продажѣ цѣнность отчуждаемаго больше цѣнности получаемаго взамѣнъ, почему торговля и ведетъ необходимо къ увеличенію массы богатствъ [1]). Но оба основанія одинаково отвергаемы были физіократомъ Ле-Трономъ, обвинявшимъ Кондильяка въ смѣшеніи понятій, «въ принятіи издержекъ за продукты и расходовъ за приращенія», въ непониманіи того, «что цѣнность мануфактуратовъ составляется изъ цѣнности сырья и издержекъ обработки», что при продажѣ всякаго рода предметовъ рѣшающимъ моментомъ является величина спроса на одно сырье и что обмѣниваемыя цѣнности всегда равны между собою и потому не даютъ прироста ни одной изъ сторонъ [2]).

Разъ было допущено, что доходъ, доставляемый земледѣліемъ, одинъ покрываетъ издержки потребленія всѣхъ безъ различія классовъ общества,—немудрено было вывести то заключеніе, что всѣ одинаково должны желать его увеличенія, другими словами, что промышленники, разумѣя подъ ними предпринимателей и рабочихъ, а также торговцы заинтересованы во всемъ что можетъ поднять уровень сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и въ матеріальномъ благосостояніи собственниковъ и

---

l'artisan fait prendre un nouvel essort au commerce parce qu'elle est un nouveau fonds et elle devient pour le colon une nouvelle sorte de richesses, parccqu'à chaque productton qui acquiert une valeur, il se fait une nouvelle consommation. C'est ainsi que tous, colons, marchands, artisans, concourent à augmenter la masse des richesses (см. Condillac. Du commerce et du gouvernement, ch. VII. Les arts augmentent la masse des richesses, въ Bibliothèque des principaux économistes, стр. 270).

[1]) Ibid., глава VI.

[2]) Le Trosne. De l'intérêt social. Вступленіе. „On a regardé comme productifs les travaux du commeree et de l'industrie c'est à dire qu'on a pris des frais pour des produits, et des dépenses pour un accroissement des richesses... Глава I, § VI. Quant aux ouvrages de main-d'oeuvre, le prix est composé de la matière première et des frais de fabrication; глава I, § X. Comme ce sont les productions elles-mêmes, qui sont la seule matière des echanges, il s'ensuit qu'on peut dire exactement que c'est la terre qui produit non seulement tous les biens, mais toutes les richesses; глава II, § I. L'échange est de sa nature un contrat d'égalité qui se fait de valeur pour valeur égale. (Engène Daire. Physiocrates, т. II, стр. 885, 593, 896, 903).

земледѣльцевъ, все равно—будутъ ли послѣдними фермеры, половники или батраки. Но если тахъ называемыя classes stériles, которыхъ Тюрго переименовываетъ въ classes salariées, заинтересованы въ большей доходности земледѣлія, оплачивающаго ихъ услуги изъ той части валовой прибыли, которая идетъ ежегодно на предварительныя затраты по хозяйству, то, въ свою очередь, и классы производительные (собственники и земледѣльцы) находятъ выгоду въ благосостояніи остальныхъ и и въ частности тѣхъ, кого Кенэ называетъ «послѣдними классами общества». Ихъ обѣднѣніе, учитъ онъ, повело бы къ сокращенію размѣровъ потребленія, а слѣдовательно, и спроса на продукты земли, что въ конечномъ результатѣ вызвало бы уменьшеніе общаго дохода націи [1]). Общество, пишетъ въ свою очередь Ле-Мерсье де-Ла-Ривьеръ, распадаесся на два главныхъ класса тѣхъ, которые являются первыми собственниками доставляемыхъ землею сырыхъ продуксовъ, и тѣхъ, къ которымъ переходитъ часть этихъ продуктовъ въ обмѣнъ на затраченный ими трудъ. Всѣ доходы этого послѣдняго класса не болѣе, какъ заработки (des espèces de salaires), уплачиваемые имъ первыми собственниками земельныхъ продуктовъ или сырья по мѣрѣ того, какъ у нихъ является запросъ на чужія услуги [2]).

Всего далѣе идетъ въ анализѣ различныхъ экономическихъ группъ и ихъ взаимоотношенія Тюрго въ своемъ трактатѣ «О распредѣленіи богатствъ». Въ отличіе отъ предшествовавшихъ ему экономистовъ, онъ различаетъ уже не только собственниковъ и арендаторовъ, земледѣльцевъ и промышленниковъ, но и предпринимателей и рабочихъ. Это даетъ ему въ общемъ, независимо отъ торговцевъ, пять различныхъ по характеру ихъ дохода общественныхъ классовъ, изъ которыхъ одни участвуютъ въ раздѣлѣ валовой, а другіе—чистой выручки.

---

[1]) Quesnay. *Maximes générales du gouvernement*. 20 maxime. Qu'on ne diminue pas l'aisance des dernières classes de citoyens, car elles ne pourront pas assez contribuer à la consommation des denrées qui ne peuvent être consommées que dans le pays, ce qui serait diminuer la reproduction et le revenu de la nation. (Recueil Daire, т. I, стр. 90). Dialogue sur les travaux des artisans, стр. 211. Plus vous les payerez cher, plus chacun d'eux pourra augmenter sa consommation.

[2]) L'ordre naturel des sociétés politiques. Сборн. Daire, стр. 479.

Рядомъ съ собственникомъ, въ пользу котораго идетъ та часть «produit net», которая не поглащается налогомъ, мы встрѣчаемъ въ сферѣ сельскаго хозяйства какъ земледѣльцевъ, такъ и фермеровъ—капиталистовъ, а въ сферѣ промышленности простыхъ исполнителей, рабочихъ или ремесленниковъ, и предприниматей. По мнѣнію Тюрго, ремесленники и батраки, мы скажемъ, сельскіе и городскіе рабочіе, представляютъ между собою много общаго, прежде всего то, что живутъ одинаково одной заработной платой (salaires), выплачиваемой имъ изъ суммы доставляемыхъ землею продуктовъ. Эта заработная плата приблизительно та же въ обоихъ классахъ; и все же они различны: тогда какъ земледѣльцы, сверхъ платы за трудъ, доставляютъ еще своей работой доходъ собственнику, ремесленники не порождаютъ, помимо личнаго заработка, ничего, ни для себя, ни для другихъ [1]).

Это обстоятельство даетъ, по словамъ Тюрго, право отнести земледѣльцевъ въ классъ производительный, а рабочихъ въ классъ «саларіата» (salariés). Фермеръ и предприниматель имѣютъ между собою то общее, что одинаково вкладываютъ въ дѣло капиталъ, безъ котораго не можетъ преуспѣть ни земледѣліе, ни промышленность. Доходъ каждаго изъ нихъ составляется изъ процента на капиталъ, оплаты ихъ личнаго труда и предпріимчивости и погашенія той части капитала, которая подлежитъ ежегодной потери, какъ-то: падающаго скота, портящихся орудій и т. п. Все это выплачивается фермеру изъ валоваго продукта земель, а предпринимателю въ цѣнѣ поставляемыхъ имъ мануфактуратовъ. Собственнику достается только чистый доходъ, въ формѣ платимой ему фермеромъ ренты. Изъ этого дохода онъ, помимо налога, оплачиваетъ трудъ если не сельскихъ рабочихъ (эти издержки всецѣло падаютъ на фермеровъ), то ремесленниковъ и предпринимателей, мануфактураты которыхъ необходимы ему въ такой же мѣрѣ, какъ и фермеру. Чѣмъ больше валовой доходъ, тѣмъ легче фермеръ уплачиваетъ самому себѣ ожидаемый процентъ на капиталъ и издержки его

---

[1]) Тюрго еще далекъ отъ мысли, что часть продуктовъ труда идетъ въ пользу капиталиста-предпринимателя.

погашенія, заработную плату себѣ и привлеченнымъ имъ къ труду земледѣльцамъ, ренту собственнику и вознагражденіе за услуги лицамъ, занятымъ въ обработывающей промышленности и торговлѣ. Поэтому всѣ классы общества одинаково въ выигрышѣ при возрастаніи валовой выручки земель и, наоборотъ, одинаково терпятъ отъ ея пониженія. Тюрго является такимъ образомъ сторонникомъ гармоніи интересовъ, хотя въ меньшей степени, нежели чистые физіократы. Дѣло въ томъ, что онъ уже сознаетъ «желѣзный законъ заработной платы», ея тяготѣніе къ уровню затратъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему въ другомъ мѣстѣ говоритъ о возможности для рабочихъ откладывать часть своихъ заработковъ и образовывать такимъ образомъ запасы, позволяющіе имъ рано или поздно перейти въ ряды собственниковъ [1]).

Но это противорѣчіе разрѣшается тѣмъ, что для Тюрго эта превышающая издержки существованія добавочная плата, къ раздачѣ которой онъ самъ побуждалъ предпринимателей, даже въ голодные годы является скорѣе чѣмъ-то желаемымъ, нежели въ дѣйствительности существующимъ.

Въ рѣшительномъ противорѣчіи съ физіократами стоитъ по вопросу объ экономической солидарности школа Руссо въ лицѣ ея главнаго выразителя—Мабли. Для него не можетъ быть сомнѣнія, что современныя общества раздѣлены на классы, которые, благодаря собственности на землю, алчности и чванству, имѣютъ не только разные, но и противорѣчащіе другъ другу интересы. Надо быть крайне увѣреннымъ въ собственномъ краснорѣчіи и умѣніи орудовать софизмами, говоритъ онъ по адресу Ле-Мерсье де-Ла-Ривьеръ и его единомышленниковъ, чтобы вѣрить въ возможность убѣдить рабочаго, живущаго своимъ трудомъ, что онъ въ наилучшихъ условіяхъ, что захватъ земли немногими собственниками, утопающими въ изобиліи и удовольствіяхъ, представляетъ собою общественное благо и что земледѣльцу лучше оставаться чужимъ фермеромъ, нежели собственнымъ хозяиномъ. Всего же труднѣе кажется ему доказать людямъ, ничего не имѣющимъ, что они живутъ

---

[1]) Сравни Neymarck, Turgot et ses doctrines, T. I, стр. 430.

въ условіяхъ, обезпечивающихъ наибольшую сумму «радостей (jouissances) и счастія, (bonheur)» [1]).

Руссо высказывалъ ту же мысль, говоря о взаимной ненависти гражданъ (haine mutuelle des citoyens) и связывая ее съ существованіемъ бокъ о бокъ бѣдности (misère) и богатства (opulence) [2]).

Къ числу сторонниковъ теоріи экономической гармоніи нельзя отнесть также ни аббата Кондильяка, ни извѣстнаго противника всей физіократической доктрины—Форбонне. Для перваго все общество распадается исключительно на классъ собственниковъ и классъ саларіата. Первымъ принадлежатъ всѣ земли и всѣ продукты; вторые ничѣмъ не владѣютъ и живутъ только платою за трудъ. Этотъ заработокъ (salaire) доведенный конкурренціей до минимума, едва достаточенъ для покрытія издержекъ существованія [3]). Форбонне не только раздѣляетъ это послѣднее мнѣніе, но еще допускаетъ возможность паденія заработной платы ниже того, что необходимо для жизни. «Доходъ, доставляемый трудомъ, пишетъ онъ, рѣдко превышаетъ издержки существованія; онъ падаетъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ ниже этого уровня» [4]). Но всего рѣзче, если не говорить о Мабли, выступаетъ противъ мнимаго согласія интересовъ Лингэ, авторъ извѣстнаго трактата «Теорія гражданскихъ правъ, или руководящіе принципы общежитія» [5]).

Наслѣдственность имуществъ, пишетъ онъ, увѣковѣчила на-

---

[1]) Doutes sur l'ordre naturel des sociétés politiques (Oeuvres, т. XI, стр. 38 и 39).

[2]) Discours sur l'économie politique, стр. 396. Сравни съ этимъ положеніе Мабли. La propriété nous partage en deux classes, en riches et en pauvres. Les premiers préféreront tonjours leur fortune domestique à celle de l'étât, et les seconds n'aimeront jamais un gouvernement et des lois qui permettent qu'ils soient malhenreux. (De la législation ou principes des loix, Oeuvres, т. IX, стр. 90).

[3]) Condillac, du Commerce et du Gouvernement, часть первая, глава XXVIII.

[4]) Forbonnais, Principes économiques. (Recueil des principaux economistes), стр. 207.

[5]) Théorie des loix civiles ou principes fondamentaux de la société. Londrez, 1767, 2 т.

слѣдственность лишеній. Само общество основано на этомъ изумительномъ извращеніи естественныхъ правъ [1]). Чтобы избавить богатаго отъ необходимости трудиться, общество сочло нужнымъ создать особые органы, на которые и падаетъ все бремя труда, тогда какъ богатые присвоиваютъ себѣ результаты его. Этой цѣли отвѣчало прежде рабство, теперь—саларіатъ. Отмѣняя личную свободу, общество ни мало не задавалось мыслью о возстановленіи прирожденнаго равенства людей. Отреченіе богатыхъ отъ принадлежащихъ имъ преимуществъ было только видимымъ. Все осталось приблизительно въ томъ же положеніи, что̀ и прежде; измѣнилось только имя. Большинство продолжаетъ жить на жалованіи и въ зависимости отъ меньшинства, присвоивавшаго себѣ всѣ имущества.

Рабство уцѣлѣло, но подъ менѣе грубымъ прозвищемъ. Оно украсило себя титуломъ «служительства» (domesticité). Это имя лучше звучитъ, оно возбуждаетъ въ умѣмысль о чемъ-то менѣе скорбномъ и тяжеломъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи то, что разумѣется имъ, заключаетъ въ себѣ еще бо̀льшую обиду для человѣческаго достоинства [2]). Говоря о «служительствѣ», мы бы сказали саларіатѣ, Лингэ не имѣетъ въ виду «тотъ праздный классъ добровольныхъ рабовъ, какой представляетъ собою многочисленная свита сильныхъ міра сего», а тѣ массы поденщиковъ и батраковъ (journaliers, manoeuvres etc.), которыми одинаково кишатъ села и города. Вотъ какими красками описываетъ онъ условія ихъ быта. «Они стонутъ подъ грязнымъ рубищемъ и не причастны къ изобилію, порождаемому ихъ трудомъ. Съ выходомъ изъ рабства они пріобрѣли только возможность ежечасной голодной смерти. Отъ этого бѣдствія, по крайней мѣрѣ, избавлены были содержимые собственникомъ невольники; свободный рабочій, всегда плохо оплачиваемый, при забастовкѣ не находитъ ни въ комъ заботы о себѣ. Кому нужда спасать его отъ гибели. Но за то онъ свободенъ, скажете вы. Въ этомъ то и кроется его горе. Онъ, правда, ни отъ кого не зависитъ, но никто также и не дорожитъ имъ.

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 267.
[2]) Ibid., стр. 462.

Всѣ стараются нанять его подешевле; заработной платы ему едва хватаетъ на пропитаніе, а между тѣмъ онъ работаетъ безъ устали. Его торопятъ всячески, изъ боязни, чтобы желаніе сохранить подольше заработокъ не парализовало его энергіи. Скаредная расчетливость ни на минуту не теряетъ рабочаго изъ виду и обсыпаетъ его упреками при малѣйшемъ перерывѣ занятій; стоитъ ему вздохнуть минуту, и его обвиняютъ въ кражѣ хозяйскихъ денегъ. Но разъ работа кончена, его отсылаютъ совершенно хладнокровно, и никто не задается вопросомъ, хватитъ ли ему 20 или 30 су, полученныхъ за день, чтобы прокормить себя и семью до новой работы. Онъ свободенъ; да, на гибель себѣ; потому-то и щадятъ его такъ мало, жертвуютъ его здоровьемъ и жизнью.

Рабъ дорогъ былъ хозяину, такъ какъ за него заплачены были деньги. Другое дѣло поденщикъ: его обученіе не стоитъ ничего тому, кто пользуется его работой. Легкость, съ которой выбывшіе изъ строя замѣняются другими, поддерживаетъ полнѣйшее равнодушіе хозяевъ къ ихъ участи. Самая смерть ихъ проходитъ незамѣтно. Рабочіе свободны! Но если эта свобода не всегда стоитъ имъ жизни, то она во всякомъ случаѣ отравляетъ имъ существованіе, дѣлаетъ богатаго жестокимъ и неумолимымъ и ставитъ бѣднаго въ невозможность расчитывать на состраданіе». «Рабъ, по крайней мѣрѣ, былъ всегда на глазахъ, и, когда онъ стоналъ, его вопли доходили до хозяевъ; поденщика же видятъ мимоходомъ. Онъ страдаетъ и гибнетъ одиноко въ своей хижинѣ. Какъ не сказать, послѣ этого, что участь раба несравненно лучше участи поденщика. Говорятъ, послѣдній не имѣетъ господина. Но утверждать это, не значитъ ли злоупотреблять словами? Развѣ нужда не самый строгій, самый жестокій повелитель! Нужда влечетъ рабочихъ въ кабалу. Благодаря ей, они подчинены приказамъ не одного, а множества хозяевъ. Они слуги всякаго, у кого есть деньги. Но, скажутъ намъ: «если они не довольны однимъ хозяиномъ, они могутъ выбрать себѣ другого. Рабы не имѣли этой свободы и потому были несчастны». Какой софизмъ! Какъ не принять во вниманіе, что число предпринимателей ограничено, а число рабочихъ—громадно. Рабочіе живутъ только наймомъ своихъ рукъ: имъ надо найти лицъ,

готовыхъ купить ихъ услуги, иначе имъ грозитъ голодная смерть. Значитъ ли это быть свободнымъ? Приходится просить, умолять прежде, чѣмъ получишь заработокъ. Какъ же называть независимыми тѣхъ, кто въ самомъ существованіи своемъ зависитъ отъ доброй воли богатаго?

Лингэ посвящаетъ цѣлую гляву развитію того положенія, что рабство было болѣе благопріятно росту населенія и всеобщему благосостоянію, нежели смѣнившій его саларіатъ. «Поражаешься, пишетъ онъ, быстрымъ исчезновеніемъ населенія въ предѣлахъ Европы. Его приписываютъ упадку земледѣлія; но самъ этотъ упадокъ чѣмъ вызванъ? Говорятъ, плохой администраціей, налогами. Все это такъ; но гдѣ корень всѣхъ этихъ общественныхъ болѣзней?»

Лингэ не боится заявить, что онъ лежитъ въ отмѣнѣ рабства. И одинъ уже этотъ фактъ доказываетъ, что въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло не со сторонникомъ новыхъ соціалистическихъ вѣяній, а съ апологетомъ старыхъ порядковъ. Онъ самъ откровенно высказываетъ свою точку зрѣнія, говоря: «въ обществѣ необходимы различія, необходимы классы; оставьте міръ, каковъ онъ есть, и не набрасывайте ненавистной тѣни на принципы вашихъ предковъ, отъ которыхъ вы уклонились только на бумагѣ. Не задавайтесь вопросомъ о справедливости этихъ принциповъ; довольствуйтесь ихъ необходимостью. Гражданская несвобода возникла вмѣстѣ съ обществомъ и нужна для его существованія».

Такимъ образомъ, ученіе Лингэ не заключаетъ въ себѣ въ сущности ничего революціоннаго, если не считать, что раскрытіе общественныхъ язвъ, безъ всякаго призыва къ ихъ искорененію, само уже является протестомъ противъ существующаго. Въ этомъ отношеніи едва ли какой писатель XVIII вѣка пошелъ далѣе Лингэ, рѣзче и опредѣленнѣе высказался на счетъ безвыходности того положенія, въ какое ставитъ рабочаго капиталистическое производство. Едва-ли что новаго прибавлено современной критикой экономическихъ порядковъ къ слѣдующей картинѣ взаимоотношеній рабочаго и предпринимателя: «Предприниматель сберегаетъ на всѣхъ затратахъ рабочаго; если послѣдній вздумаетъ что-либо отложить въ сторону,

ему приходится урвать не отъ излишка, а отъ необходимаго. Кровью, жизнью расплачивается онъ за свои сбереженія. Всякое увеличеніе издержекъ дѣлаетъ его заработокъ недостаточнымъ, и это же обстоятельство ставитъ его въ необходимость согласиться на уменьшеніе платы. Вотъ почему послѣдняя и падаетъ со дня на день».

Помимо живаго изображенія тѣхъ послѣдствій, къ какимъ ведетъ «желѣзный законъ заработной платы», взгляды Лингэ, разумѣется, не представляютъ собою ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что раньше было сказано физіократами и въ частности Тюрго и на всѣ лады повторено противниками физіократической школы, какъ меркантилистами въ родѣ Форбоннэ, такъ и послѣдователями Руссо, Мабли и Кондильяка. Но большая рѣзкость формы причина тому, что при самомъ началѣ революціи сторонники теоріи экономическихъ противорѣчій съ особенной охотой останавливались на воспроизведеніи взглядовъ человѣка, идеалы котораго принадлежали, однако, скорѣе прошедшему, чѣмъ настоящему или будущему. Рядъ брошюръ, озаглавленныхъ то «Наказомъ бѣдныхъ», то «Первымъ воплемъ нищеты», то «Тетрадью жалобъ четвертаго сословія», то «Ходатайствами и донесеніями неимущихъ въ генеральные штаты», всячески развиваютъ мысль, что внѣ трехъ признанныхъ закономъ сословій существуетъ еще четвертое, которое правительство почему-то не сочло нужнымъ призвать въ ряды народнаго представительства; у этого сословія нѣтъ другой собственности, кромѣ личнаго труда, но оно заинтересовано болѣе всѣхъ другихъ въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ причина дороговизны хлѣба, упраздненіе монополій, замѣна налога на личность пропорціональнымъ обложеніемъ, устройство общественныхъ мастерскихъ, надѣленіе свободными землями нуждающихся и тому подобное.

Авторъ одной изъ названныхъ брошюръ опредѣлаетъ численность этого класса, заявляя, что дороговизна хлѣба обратила цѣлыхъ 28 милліоновъ въ нищету [1]). Другой, говоря о томъ,

---

[1]) См. Essai d'un citoyen snr les causes de la famine. (Chassin, Les élections et cahiers de Paris, т. II, стр. 574).

что 4 фунта хлѣба, необходимые для пропитанія поденщика, обходятся ему въ $14^1/_2$ су, доказываетъ, что бо́льшая половина заработка идетъ исключтельно на пищу [1]). Третій ходатайствуетъ о сложеніи съ неимущихъ всякаго налога и объ обложеніи богатыхъ сообразно ихъ платежной способности (faculté) [2]). Четвертый желаетъ образованія кассы для раздачи пособій «инвалидамъ труда». Пятый идетъ еще далѣе въ своихъ требованіяхъ, говоря: «кормите нищихъ, надѣлите ихъ землями для обработки» [3]). Шестой требуетъ особаго представительства для защиты интересовъ тѣхъ, кто не имѣетъ собственности, и установленія въ ихъ пользу государственнаго налога, падающаго не на землю, а на движимыя имущества, и потому задѣвающаго главнымъ образомъ интересы богатыхъ, капиталистовъ [4]). Въ изображеніи бѣдствій рабочаго класса авторы названныхъ брошюръ придерживаются тѣхъ же темныхъ красокъ, какими такъ богата начертанная Лингэ картина. «Откуда, читаемъ мы въ наказѣ четвертаго сословія, взялся этотъ громадный классъ поденщиковъ, людей на жалованьи, людей, на судьбѣ которыхъ отражаются всѣ внезапныя перемѣны какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, всѣ физическія и политическія революціи? Алчность, въ связи съ дурной политикой, отвѣчаетъ авторъ, причина тому, что собственность и богатство, сосредоточившись въ немногихъ рукахъ, поставили большинство въ положеніе лицъ, всецѣло зависящихъ отъ того, есть или нѣтъ у нихъ работы. Не находя защиты въ обществѣ, они поставлены въ необходимость отдавать время, силы и здоровье въ обмѣнъ за плату, едва обезпечивающую имъ жилье и пищу [5]).

---

[1]) Le premier pas à faire ou le crie de l'indigence.

[2]) См. Cahier du quatrième ordre.

[3]) Quatre cris d'un patriote.

[4]) A la commune de la ville de Paris, Chassin, т. II, стр. 595; смотри также Pétition de 150,000 ouvriors et artisans de Paris, стр. 592.

[5]) Cahier du quatrième ordre, celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigens etc. l'ordre sacré des infortunes, pour suppléer au droit de députer directement aux états généraux, ce qui appartient à tout français, mais ce dont cet ordre ne jouit pas encore, par M. du Tourny de Villiers, Hôtel Cluny, rue Neuve des Mathurins, 25 Avril 1789.

§ 4.

Мы прослѣдили параллельное развитіе двухъ рѣзко противоположныхъ точекъ зрѣнія на взаимное отношеніе классовъ, участвующихъ въ народномъ производствѣ; мы показали, что противъ выдвинутой физіократами теоріи экономической гармоніи школа Руссо выставила рядъ серьезныхъ возраженій, которыя побудили ученика и послѣдователя Кенэ, Тюрго, высказать едва ли не впервые мысль о томъ, что заработная плата опредѣляется суммою необходимыхъ средствъ существованія.

Отправляясь отъ этого положенія, публицистика второй половины XVIII вѣка не замедлила выставить въ противность ученію о гармоніи интересовъ теорію экономическихъ контрастовъ и экономической розни. Это обстоятельство необходимо должно было отразиться и на судьбѣ основнаго тезиса физіократіи—свободѣ экономическихъ сдѣлокъ. И она должна была встрѣтить возраженія и критику, вліяніе которыхъ замѣтно въ наказахъ 1789 г. Отправляясь отъ той мысли, что непроизводительные классы, къ числу которыхъ, какъ мы видѣли, Кенэ относитъ одинаково всѣхъ занятыхъ промыслами и торговлей, получаютъ свой заработокъ изъ чистаго дохода собственниковъ и что «земля такимъ образомъ является и для нихъ единственнымъ источникомъ богатствъ, а земледѣліе средствомъ къ ихъ умноженію», глава физіократовъ естественно приходилъ къ тому заключенію, что дешевизна земельныхъ продуктовъ и въ частности хлѣба отнюдь не въ интересахъ даже низшихъ классовъ общества. Дешевизна предметовъ первой необходимости, разсуждалъ онъ, ведетъ къ пониженію заработной платы, уменьшаетъ поэтому благосостояніе трудящагося люда, сокращаетъ районъ земледѣлія, а слѣдовательно, уменьшаетъ общую сумму труда и возможность найти занятіе, наконецъ, она уничтожаетъ или умаляетъ получаемый государствомъ доходъ съ земель. Отсюда совершенно естественнымъ являлось со стороны физіократовъ требованіе — не препятствовать вывозу хлѣба за - границу. Въ число «правилъ», которыхъ должно держаться государство въ своей экономической поли-

тикѣ. Кенэ включалъ требованіе абсолютной свободы торговли. «Полиція торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней, наиболѣе надежная, наиболѣе вѣрная и наиболѣе доходная для націи и государства, писалъ онъ, состоитъ въ полной свободѣ конкурренціи» [1]).

Тогда какъ Кенэ приходилъ къ проповѣди свободной торговли, отправляясь отъ интересовъ земледѣлія, другой родоначальникъ физіократіи, Гурнэ, основывалъ то же положеніе на критикѣ французскаго меркантилизма. Далеко не отличаясь односторонностью Кенэ, признавая, что на-ряду съ земледѣліемъ, промышленность и торговля являются «постояннымъ источникомъ государственнаго благосостоянія» [2]), Гурнэ по словамъ Тюрго, клалъ въ основу своей доктрины ту напростѣйшую истину, что «всякій сознаетъ свои интересы лучше постороннихъ, которымъ эти интересы безразличны». Отсюда, говоритъ Тюрго, Гурнэ дѣлалъ тотъ выводъ, что всякій разъ, когда интересъ частнаго лица не расходится съ интересомъ государства, надо предоставить каждому полный просторъ дѣлать что ему угодно. Въ сферѣ торговли, думалъ онъ, нѣтъ противорѣчія частныхъ интересовъ съ общимъ; свобода поку-

---

[1]) См. Maximes génerales du gouvernement. Положенія; 16, 18 и 19

[2]) Эта сторона въ ученіи Гурнэ почему-то ускользнула отъ вниманія историковъ политической экономіи, а между тѣмъ она ясно высказана въ предисловіи къ сдѣланному имъ переводу трактатовъ Джозіа Чайлдъ и Томаса Кульпеперъ, единственнаго печатнаго труда, дошедшаго до насъ отъ друга и учителя Тюрго. (Это довольно рѣдкое сочиненіе имѣется въ національной библіотекѣ въ Парижѣ. Оно не носитъ имени автора и озаглавлено слѣдующимъ образомъ: Traité sur le commerce et les avantages qui résultent de la réduction de l'intérêt de l'argent. Par Josiah Child (1669), avec un petit traité contre l'usure par Tomas Culpeper (1621) Amsterdam et Berlin chez Jean Neanlure). Тюрго вѣрно передаетъ поэтому мысль Гурнэ, когда говоритъ, что доходы государства составляются изъ ежегодныхъ продуктовъ земель и чистой выручки индустріи. (Eloge de Gourney, стр. 273). Замѣтимъ при этомъ, что встрѣчающійся у Гурнэ терминъ commerce вполнѣ покрывается употребляемымъ Тюрго терминомъ industrie, и что оба выражаютъ собою всѣ виды производительной дѣятельности, за исключеніемъ земледѣлія

покъ и отчужденій—единственное средство обезпечить, съ одной стороны, продавцу цѣну, способную поощрить производство, а съ другой — потребителю наилучшій и возможно дешевый товаръ [1]). Въ этомъ отношеніи теорія обоихъ родоначальниковъ школы, Гурнэ и Кенэ, является развитіемъ мыслей, высказанныхъ полувѣкомъ ранѣе Буагильберомъ. И для него, какъ для Гурнэ, «сосцами государства являются одновременно земледѣліе и промышленность»; и для него интересы государственнаго дохода тѣсно связаны съ интересами потребленія [2]). Съ другой стороны, подобно Кенэ, Буагильберъ доказываетъ непослѣдовательность тѣхъ, кто высказывается въ пользу постоянной дешевизны хлѣба. Послѣдстіемъ такой дешевизны, думаетъ онъ, было бы сокращеніе производства и безработица [3]). За-одно съ Кенэ и Гурнэ, наконецъ, Буагильберъ думаетъ, что «личная выгода должна быть душою всякихъ торговыхъ сдѣлокъ, что она одна устанавливаетъ равновѣсіе между интересами продавцовъ и покупателей, что малѣйшее вмѣшательство въ ту или другую сторону немедленно все испортитъ». «Надо предоставить полную свободу природѣ; нарушая ежедневно, какъ мы это дѣлаемъ, ея операціи, вызываешь неурядицу и бѣдствія» [4]). Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалось не только profession de foi новой школы, но и критика ею существующей меркантильной политики,—политики, послѣдствіемъ которой являлась монополія отдѣльныхъ видовъ ремесленной и торговой дѣятельности, ихъ правительственная регламентація, искусственное развитіе обрабатывающей промышленности въ ущербъ земледѣлію, ограниченіе внутреннаго и внѣшняго рынка.

Въ эпоху появленія физіократической школы Франція начи-

---

[1]) Eloge de Gourney, Turgot, Oeuvres, томъ I, стр. 270 и 272.

[2]) „La ruine de la consomation est la ruine du revenu“, говоритъ онъ. (Détail de la France, partie II, chap. IX).

[3]) Traité des grains, вышедшій послѣ 1707 года. Oeuvres de Boisguilbert въ Recueil des principaux économistec, стр. 358.

[4]) Faut encore une fois qu'on laisse faire la nature; aussi n'est ce que parcequ'on la déconcerte et qu'on dérange tous les jours ses opérations que le malheur arrive. (Dissertation sur la nature des richeses, de l'argent et des tributs, ibid, стр. 409).

нала испытывать на себѣ всѣ неудобства искусственнаго развитія мануфактуръ съ помощью высокаго тарифа «Кольберъ, пишетъ аббатъ Шуази въ своихъ мемуарахъ, считалъ возможнымъ обойтись безъ леванскихъ шелковъ, безъ испанской шерсти и голландскихъ суконъ, безъ фландрскихъ шитыхъ обоевъ, безъ лошадей англійской и арабской крови. Онъ установилъ во Франціи всѣ соотвѣтственные виды производства; послѣдніе стоили странѣ большихъ издержекъ, часть которыхъ осталась не покрытой» [1]). Самъ Кольберъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ задачи системы, неразрывно связанной съ его именемъ: «Понизить до крайняго предѣла вывозныя пошлины на продукты собственныхъ мануфактуръ, уменьшить ввозныя пошлины на необходимое для фабрикъ сырье и закрыть доступъ произведеніямъ иностранной промышленности поднятіемъ до возможно высокаго уровня взимаемыхъ съ нихъ пошлинъ» [2]).

Кольберъ смотрѣлъ на предложенныя имъ мѣры, какъ на «костыли», которыми правительство намѣрено только временно поддержать плохо стоящую еще на ногахъ туземную промышленность, но преемники его въ министерствѣ продолжали возвышать тарифъ въ 1687 и 1693 гг., преслѣдуя при этомъ отчасти и фискальныя цѣли. Протекціонизмъ торжествовалъ во Франціи, вызывая къ жизни явленія, довольно близкія къ тѣмъ, съ которыми познакомила насъ исторія американской и русской торговой политики. Цѣна на мѣстные мануфактураты возрастала даже въ болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ увеличеніе пошлинъ на иноземные. Ткани Бове и сукна Каркассона стоили въ Парижѣ дороже чѣмъ заграницей. Потребители, такимъ образомъ, нисколько не выигрывали отъ искусственнаго развитія обрабатывающей промышленности. Упадокъ земледѣлія, отмѣченный всѣми современниками второй половины царствованія Людовика XIV,—упадокъ, вызванный не однѣми войнами, но и сосредоточеніемъ большаго числа рабочихъ рукъ на фабрикахъ, позволяетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы народное производство

---

[1]) Clément, Histoire du systéme protesteur, стр. 41.

[2]) Ibid., стр. 36. Мемуаръ, поданный Кольберомъ королю Людовику XIV и отпечатанный въ сборникѣ Клемана.

много выиграло отъ торжества кольбертизма. Правительство поддерживало фабрикантовъ, устраняя въ ихъ интересахъ всякую конкурренцію, запрещая, напримѣръ, частнымъ лицамъ кустарное производство кружевъ даже для собственнаго потребленія [1]). Обличительная литература уже съ третьей четверти XVIII в. доказывала, что рабочее сословіе далеко не получаетъ отъ протекціонизма ожидаемыхъ правительствомъ выгодъ. «Сплошь и рядомъ, жалуются авторы направленныхъ противъ Кольбера брошюръ, фабриканты пускаютъ въ ходъ всякаго рода уловки, чтобы заставить выдѣлывающихъ кружева дѣвушекъ покинуть родительскій домъ и промѣнять свою домашнюю свободу на положеніе, близкое къ рабству, не получая при этомъ ничего, кромѣ хлѣба и воды». Обогащались одни только промышленники, охотно бравшіе, напримѣръ, съ туземныхъ кружевъ бо́льшую плату, чѣмъ та, какая требовалась еще недавно съ венеціанскихъ. Справедливо указывали на то, что примѣру Франціи въ дѣлѣ созданія запретительныхъ тарифовъ не замедлятъ послѣдовать другія государства, что и они въ свою очередь поставятъ преграды ея ввозу.

«Несомнѣнно, значилось еще въ 1688 г. въ выходившихъ за-границей памфлетахъ, что уже въ настоящее время иностранныя государства нашли новые пути къ снабженію себя всѣмъ необходимымъ, всѣмъ тѣмъ, что они извлекали прежде изъ нашихъ провинцій. Если во Франціи при крайнемъ изобиліи хлѣба и вина, уже чувствуется недостатокъ въ деньгахъ, то не потому ли, что голландцы перестали вывозить изъ нея эти товары?».

---

[1]) Д'Аржансонъ отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ успѣшную борьбу крупныхъ промышленниковъ съ кустарями, отчего, говоритъ онъ, и происходитъ постепенное приниженіе уровня благосостоянія народныхъ массъ. Въ кварталѣ святого Антонія въ Парижѣ имѣлось не мало мелкихъ ремесленниковъ, не подчиненныхъ мастерамъ. Нынѣ ихъ издѣлія съ трудомъ выдерживаютъ конкурренцію болѣе совершенныхъ фабричныхъ. Изъ самостоятельныхъ производителей они постепенно становятся поэтому подчиненными органами крупнаго производства. „Nuls travailleurs pour soi, sinon comme machines et automates“. (Mémoires, édition Rathery, t. XII, стр. 390 и 391. Сравни Лихтенбергера, стр. 97 по 99).

Не замедлило сказаться и другое послѣдствіе международной войны тарифами. Голландцы рѣшили создать у себя шелковое производство и выдѣлывать французскія ткани, а это обстоятельство, разумѣется, отразилось на упадкѣ того же производства во Франціи. Въ 1690 году появляется въ Голландіи брошюра, озаглавленная: «Вздохи и жалобы Франціи, обращенной въ рабство и взывающей къ свободѣ». Въ этомъ сочиненіи говорится, между прочимъ: «мы желали обойтись безъ шерстяныхъ матерій, выдѣлываемыхъ за-границей; иностранцы сочли возможнымъ обойтись безъ нашихъ шелковъ. Торговля въ полномъ упадкѣ; изъ 7 и 8 тысячъ станковъ, работавшихъ въ Турѣ, дѣйствуетъ въ настоящее время не болѣе 800 или 900».

Въ 1701 году делегаты отъ коммерсантовъ представляютъ министру мемуары, въ которыхъ не разъ встрѣчается воспроизведеніе мыслей, близкихъ къ только что приведеннымъ. Делегатъ отъ Дюнкирхенскихъ купцовъ пишетъ, напримѣръ, слѣдующее: «Стремленіе защитить мѣстныя мануфактуры отъ конкурренціи англійскихъ товаровъ съ помощью высокихъ пошлинъ ведетъ только къ обогащенію небольшаго числа туземныхъ промышленниковъ. Всѣмъ извѣстно, что Франція въ урожайные годы изобилуетъ виномъ и виноградными водками, что англичане прежде забирали ихъ у насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ созданъ высокій тарифъ, они привыкли запасаться виномъ въ другихъ странахъ (Испаніи, Португаліи) и обнаруживаютъ даже готовность прекратить съ нами всякую торговлю, такъ какъ увѣрены, что поставятъ насъ тѣмъ въ крайне затруднительное положеніе. Очень вѣроятно, что эта увѣренность оправдается на дѣлѣ» [1]).

Физіократическое движеніе вытекло изъ протеста противъ кольбертизма. Защита имъ земледѣльческихъ интересовъ противъ промышленныхъ и торговыхъ была только одной изъ сторонъ той оппозиціи, какую встрѣтила въ его рядахъ меркантильная политика. Я не скажу даже, чтобы оригинальность новаго направленія лежала главнымъ образомъ въ этомъ односторонпемъ пристрастіи къ сельскому хозяйству, такъ какъ

---

[1]) Ibid., стр. 39 и 52.

гораздо ранѣе Кенэ Кантильонъ уже намѣтилъ въ этомъ отношеніи главныя положенія физіократіи. Другой родоначальникъ школы, Гурнэ, почти не касается земледѣльческихъ интересовъ; но по всей его дѣятельности, какъ и у Кенэ, красною нитью проходитъ борьба съ протекціонизмомъ. Гурнэ, котораго до послѣдняго времени мы знали почти исключительно по отзывамъ его ученика, Тюрго, не могъ понять, «почему государство беретъ на себя поощреніе однихъ видовъ производства и запрещеніе другихъ». Онъ видѣлъ въ этихъ «злоупотребленіяхъ остатки готическаго варварства» и доказательство тому, что правительство сдѣлалось жертвою монополизирующихъ инстинктовъ, допустило торжество частныхъ интересовъ надъ общимъ» [1]). По словамъ его біографа, бывшій интендантъ торговли считалъ величайшимъ заблужденіемъ всякое покровительство мануфактурамъ въ ущербъ земледѣлію, какъ-то: запрещеніе вывозить сырье и въ частности хлѣбъ, въ надеждѣ, что дешевизна припасовъ доставитъ предпринимателямъ дешевыхъ рабочихъ. Создавать извѣстныя мануфактуры на счетъ государственной казны, надѣлять ихъ привиллегіями, милостями, изъятіями, устранять конкурренцію со стороны всякаго однохарактернаго производства въ видахъ обезпеченія предпринимателямъ прибыли, которой они не въ состояніи добиться при свободной промышленности—все это въ его глазахъ доказывало только непониманіе правительствомъ той истины, что торговая сдѣлка по природѣ своей обоюдна и что нельзя только продавать иностранцамъ, не покупая у нихъ ничего взамѣнъ» [2]). Всякое производство, которое не покрываетъ съ избыткомъ издержекъ, училъ онъ, не приноситъ никакой пользы, и затрачиваемыя на него суммы не иное что, какъ налогъ, взыскиваемый правительствомъ съ націи и пропадающій для нея совершенно безплодно [3]). Благодаря Шелю, мы пріобрѣли возможность узнать мысли Гурнэ изъ того непосредственнаго источника, какимъ является не разъ редактированные имъ до-

---

[1]) Eloge de Gournay 22 іюля 1759 г. (Turgot, Oeuvres, т. I, стр. 267).
[2]) Ibid., стр. 274.
[3]) Ibid., стр. 275.

клады по текущимъ вопросамъ экономической политики. Назначенный въ 1751 году интендантомъ торговли, Гурнэ въ тѣ немногіе годы, въ которые министерствомъ финансовъ (contrôle général des finances) завѣдывалъ Моро Де Сешель (съ іюля 1754 по іюнь 1756 года), пріобрѣлъ возможность непосредственнаго воздѣйствія на направленіе французской промышленной и торговой политики. Правда, и ранѣе этого его мнѣніе было испрашиваемо между прочимъ министромъ Трюденъ, но всѣ его заявленія въ смыслѣ, благопріятномъ освобожденію хозяйственной дѣятельности отъ правительственной опеки, встрѣчали рѣшительный отпоръ въ благопріятномъ регламентаціи «торговомъ бюро» и его прямомъ начальникѣ государственномъ контролерѣ.

Тщетно Гурнэ протестовалъ, напримѣръ, въ докладѣ отъ перваго сентября 1752, противъ созданія особой кассы для раздачи денежныхъ пособій въ интересахъ поощренія тѣхъ или другихъ промышленниковъ, кассы, составленной всецѣло изъ штрафовъ съ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи промышленныхъ уставовъ; тщетно въ томъ же году высказывалъ онъ основной принципъ современнаго фритредерства, говоря: торговля и промышленность могутъ быть руководимы правительствомъ и безъ содѣйствія конфискацій и денежныхъ пенсій, скажу болѣе, торговля и мануфактуры никогда не получатъ надлежащаго развитія пока мы будемъ придерживаться противоположнаго взгляда [1]). Не съ большимъ успѣхомъ доказывалъ Гурнэ въ другомъ мемуарѣ, поданномъ въ декабрѣ того же года, безполезность налогать правительственныя пломбы на мѣстные мануфактураты въ удостовѣреніе ихъ доброкачественности, такъ какъ на практикѣ наложеніе такихъ пломбъ происходитъ обыкновенно безъ достаточнаго контроля въ доброкачественности товара и правительство такимъ образомъ принимаетъ на себя ничѣмъ не оправдываемое ручательство передъ потребителями. «Предоставьте фабриканту свободное распоряженіе своимъ товаромъ, освободите его отъ всякихъ штрафовъ за несоблюденіе промышленныхъ регламентовъ, училъ Гурнэ, такъ какъ, поступая наоборотъ, вы только разоряете ихъ, лишая воз-

---

1) См. Schelle. Vincent de Gournay. 1897 годъ, стр. 53.

можности производить, напримѣръ, тѣ легкія матеріи, какія изготовляются за границей и на которыя имѣется уже значительный спросъ во Франціи».

Въ административной кореспонденціи интенданта торговли еще яснѣе выступаетъ его враждебность къ законодательному опредѣленію вѣса и качества фабрикатовъ, будутъ-ли ими полотна или сукна. Такая регламентація, говоритъ онъ, останавливаетъ возможность конкурренціи. Несомнѣнно, что цѣна нисшаго по качеству продукта задерживаетъ ростъ цѣнъ на товары высшаго достоинства. Оптовые торговцы, извѣщенные о томъ, что та или другая фабрика можетъ употреблять только шерсть извѣстнаго качества, произвольно увеличиваютъ ея цѣну. У фабриканта отнята возможность избѣжать послѣдствій этой искуственной дороговизны временнымъ переходомъ къ производству другихъ тканей. Чтобы парализовать вліяніе дороговизны, онъ рѣшается затрачивать меньше сырья на выдѣлку. Такимъ образомъ опредѣленіе правительствомъ качества фабрикатовъ ведетъ въ концѣ концовъ не къ тому результату, какой преслѣдуется имъ [1]). Напрасно, говорилъ по другому поводу, тотъ же Гурнэ (15-го марта 1754 года) въ своемъ обращеніи къ Трюдену, обвиняютъ нашихъ промышленниковъ и торговцевъ въ алчности; это стремленіе къ большему заработку можетъ имѣть только самыя благотворныя послѣдствія для государства, разъ допущена будетъ между ними полная свобода конкурренціи. Таже свобода—лучшая удержь для недобросовѣстности; честный негоціантъ ставитъ тысячу мошенниковъ въ необходимость торговать честно» [2]).

Защищая свободу торговли вообще, Гурнэ требовалъ ея въ частности и для торговли хлѣбомъ. Еще въ 1752 году онъ говорилъ тому же Трюдену: стѣсненія, которыми обставлена эта торговля, производимые у крестьянъ обыски съ цѣлью воспрепятствовать образованію ими запасовъ и недостаточному снабженію рынковъ, принужденіе ставить на послѣдній отъ каждаго двора столько то мѣшковъ зерна и штрафованіе лицъ, винов-

---

[1]) Ibid., стр. 60.
[2]) Ibid., стр. 68.

ныхъ въ нарушеніи этихъ регламентовъ, можетъ въ концѣ концовъ только повести и къ тому, что подданные Его Величества запустятъ занятіе земледѣліемъ, такъ какъ это занятіе ставитъ ихъ въ такіе тиски, которыхъ бы они избѣжали, отказавшись вовсе отъ хлѣбопашества [1]).

Ревнитель экономической свободы не могъ обойти молчаніемъ того вреда, какой успѣху промышленности ставило цеховое устройство. Указывая на то, что срокъ ученичества продолжительнѣе въ Ліонѣ, чѣмъ въ Амстердамѣ, Гурнэ ставилъ въ связь съ этимъ фактомъ то обстоятельство, что число мастеровъ въ Ліонѣ менѣе значительно. Промышленность этого города страдала также, по его мнѣнію, и отъ неизвѣстнаго, какъ онъ думалъ за границей, запрещенія мастеру держать болѣе опредѣленнаго числа станковъ и учениковъ, наконецъ отъ того обстоятельства, что въ Ліонѣ не въ примѣръ иностраннымъ городамъ, фабрикантъ не могъ продать своего товара, не пріобрѣтши предварительно за деньги права считаться купцомъ. Если число мастеровъ ограничено только что указанными постановленіями, то не меньшія стѣсненія существуютъ и по отношенію къ числу рабочихъ. Съ 1744 года, пишетъ Гурнэ, прошло черезъ Ліонъ не мало иногородныхъ тружениковъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ остаться въ Ліонѣ, такъ какъ чужеземцами считаются здѣсь даже подданые короля, разъ они не принадлежатъ къ мѣстнымъ жителямъ. А между тѣмъ ростъ промышленности и торговли обусловливается умноженіемъ населенія. Сокращая число лицъ, участвующихъ въ обрабатывающей промышленности, необходимо уменьшаютъ ея размѣры; удлиненіе срока ученичества, увеличенье издержекъ, связанныхъ съ пріобрѣтеньемъ правъ мастера, гибельны для государства и города, такъ какъ удаляютъ изъ него лицъ, готовыхъ предаться промышленной дѣятельности; ими объясняется, въ частности, и массовая эмиграція ліонскихъ рабочихъ [2]).

По свидѣтельству д'Аржансона, эта проповѣдь свободной промышленности и торговли встрѣчала сочуствіе во вновь назначенномъ государственномъ контролерѣ—Моро де Сешель. Неуди-

---

[1]) Ibid., стр. 73.

[2]) Ibid., стр, 94 по 99.

вительно поэтому, если годы, слѣдующіе за его назначеніемъ, ознаменованы появленіемъ во Франціи ряда монографій, благопріятныхъ ученіямъ фритредерства и болѣе или менѣе непосредственно внушенныхъ интендантомъ торговли Гурнэ. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ нѣкіимъ Де Лиль, на глазахъ и съ совѣта Гурнэ, какъ сообщаетъ Дюпонъ де Немуръ [1]), новые принципы экономической политики формулируются слѣдующимъ образомъ: необходимо обезпечить свободу промышленности и торговли, сдѣлать послѣднюю выгодной съ нами для иностранцевъ и умножить число рукъ, занятыхъ обработкой сырья и обмѣномъ. Для этого ненужно ни монополій, ни стѣсненій, нужно, чтобы рабочіе могли перемѣщаться и не прикованы были къ мѣсту, чтобы всѣ имѣли право заниматься ремесломъ и принимать учениковъ; нѣтъ необходимости удлинять срокъ ученичества и регулировать его продолжительность закономъ. Къ чему настаивать на прохожденіи промежуточной стадіи подмастерьи, къ чему требовать образцовой работы? Разъ человѣкъ не способенъ къ ней, сама конкурренція устранитъ его отъ труда, для котораго онъ не созданъ. Всѣ подданные имѣютъ право на равное покровительство. Нельзя надѣлять кого либо привиллегіями, отказывая въ нихъ другимъ. Что же касается до иностранцевъ, то къ чему отталкивать ихъ? Они вѣдь только замѣщаютъ тѣхъ, въ комъ чувствуется недостача [2]).

Въ своей частной перепискѣ, съ которой впервые знакомитъ насъ сочиненіе Шеля, Гурнэ защищалъ тѣ же положенія. Попытки правительства нормировать число суконъ, изготовляемыхъ въ Лангедокѣ отдѣльными мастерами для торговли съ Левантомъ, и запретить фабрикацію ихъ изъ болѣе дешевой шерсти, встрѣчали со стороны интенданта торговли слѣдующую критику: всѣ эти стѣненія только мѣшаютъ росту нашей промышленности и устраняютъ конкурренцію, столь необходимую для того, чтобы воспрепятствовать наводненію левантскихъ рынковъ менѣе цѣнными иностранными сукнами [3]).

---

[1]) Ibid., стр, 122 и 126.

[2]) Ibid., стр. 128 и 129.

[3]) Письмо Гурнэ къ интенданту Лангедока отъ 13-го августа 1751 года.

«Задача мануфактуръ съ государственной точки зрѣнія, писалъ Гурнэ въ 1753 году архіепископу Нарбонскому, Ла Рошъ Эймонъ, лежитъ не въ обогащеніи того или другого фабриканта, а въ томъ, чтобы доставить занятіе возможно большему числу людей неимущихъ или праздныхъ. Государство несомнѣнно обогащается тогда, когда всякій находитъ въ немъ возможность трудиться. Послѣдствіемъ свободы является также отсутствіе стачекъ и заговоровъ съ цѣлью искусственнаго поднятія цѣнъ; она также лучшее средство противъ ревнивой конкурренціи иностранныхъ торговцевъ [1]).

Одновременно Гурнэ отклонялъ частныя ходатайства о дарованіи привиллегій тому или другому фабриканту, говоря, что опытъ убѣдилъ правительство въ причиняемомъ ими вредѣ, и что широкіе размѣры, какіе приметъ сбытъ вновь изобрѣтеннаго фабриката, вознаградятъ промышленника сторицею за отсутствіе привиллегіи [2]).

Когда, съ цѣлью остановить ввозъ во Францію вошедшихъ въ моду англійскихъ ситцевъ и поддержать тѣмъ косвенно шерстяное и шелковое производство, правительство не только стало грозить смертью контрабандистамъ, но и привлекло къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ открытомъ ношеніи ситцевыхъ платій, Гурнэ рѣшительно сталъ на сторону тѣхъ промышленниковъ, которые ходатайствовали о разрѣшеніи имъ туземнаго производства тѣхъ же тканей. Въ приложеніи къ докладу Форбоннэ, высказывавшемуся въ смыслѣ запрещенія, отпечатана была замѣтка анонимнаго автора, которымъ былъ никто иной, какъ Гурнэ, замѣтка, гласившая: «никакой строгостью нельзя остановить роста потребностей или побудить людей дѣйствовать вопреки ихъ интересамъ». Заявленіе это было рѣшительнымъ осужденіемъ правительственной политики, думавшей, что запретами можно остановить естественное стремленіе къ пріобрѣтенію болѣе дешеваго и вошедшаго въ моду товара [3]).

Сторонникъ экономической свободы, какимъ былъ Гурнэ, не

---

[1]) Ibid., стр. 137.
[2]) Ibid.,
[3]) Ibid., стр. 164 и 165.

могъ очевидно примириться съ существованіемъ каноническихъ запретовъ противъ роста; онъ сознавалъ вполнѣ, въ какой связи стоитъ низкій уровень процента со свободой кредитныхъ сдѣлокъ, и въ какой мѣрѣ обусловливается имъ подъемъ земледѣлія, промышленности и торговли. Чтобы обезпечить торжество этихъ еще новыхъ ученій, онъ нетолько взялъ на себя трудъ перевесть два англійскихъ трактата о торговлѣ и ростѣ, въ которыхъ высказывались тѣ же взгляды, я разумѣю трактаты Чайльди и Кульпепера, но и рѣшился прибѣгнуть къ папскому двору съ цѣлью побудить его къ признанію законности процентовъ. Въ письмѣ къ французскому послу въ Римѣ Шуазелю отъ апрѣля 1755 года, Гурнэ подробно развиваетъ ту мысь, что низкій уровень процента въ протестантскихъ странахъ, незнающихъ каноническихъ запретовъ противъ роста, ставитъ католическія въ экономическую зависимость отъ нихъ, какъ отъ своихъ кредиторовъ. «Страны, могущія ссужать другихъ деньгами, пишетъ онъ, привлекаютъ къ себѣ сперва звонкую монету, а затѣмъ и жителей тѣхъ странъ, которыхъ онѣ снабжаютъ деньгами [1]).

Тѣ же мысли должны были найти болѣе широкое развитіе въ примѣчаніяхъ, которыми Гурнэ собирался снабдить переведенные имъ англійскіе трактаты. Но опозиція государственнаго контролера Машо воспрепятствовала, какъ значится въ перепискѣ Гримма, обнародованію этихъ примѣчаній.

Вынесши изъ личнаго опыта, изъ продолжительнаго занятія торговой дѣятельностью въ Испаніи, убѣжденіе въ томъ, что свобода лучшій стимулъ для поднятія экономическаго благосостоянія страны, и встрѣтивши выраженіе той же мысли въ сочиненіяхъ, появившихся въ Нидерландахъ и Англіи, т. е. въ наиболѣе промышленныхъ и торговыхъ государствахъ Европы, Гурнэ нетолько перенесъ во Францію доктрины голандскаго пенсіонарія де Витта или англійскихъ фритредеровъ, но и примѣнилъ ихъ къ текущимъ вопросамъ французской экономической политики. Если въ его мемуарахъ и нельзя встрѣтить приписываемой ему Мирабо отцомъ фразы laissez faire, laissez

---

[1]) Ibid , стр. отъ 180 до 183.

passer, если первая часть этого афоризма встрѣчается еще ранѣе въ обращеніи французскаго промышленника Лежундра къ Кольберу [1]), то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такая формула какъ нельзя лучше передаетъ основную мысль человѣка, говорившаго: «поручи мнѣ Богъ ту глину, изъ которой онъ создалъ французскихъ негоціантовъ, я бы не сдѣлалъ ихъ иными, а только предоставилъ бы имъ полную свободу руководствоваться своимъ разумомъ и интересомъ. Чтобы воспротивиться тому, что называютъ ихъ жадностью, я бы породилъ имъ возможно большее число конкуррентовъ въ рядахъ самой націи. Тѣмъ самымъ я обезпечилъ бы Франціи навсегда громадную торговлю, которой бы не удалось отнять у нея ни одной націи [2]).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Гурнэ надо считать истолкователей во Франціи ранѣе зародившихся въ Италіи, Нидерландахъ и Англіи идей свободной торговли. Его дѣятельность нѣсколькими годами предшествуетъ появленію первыхъ трактатовъ Кенэ, съ которымъ онъ сблизился въ 1758 году.

Нельзя поэтому признать послѣдняго первымъ провозвѣстникомъ идеи государственнаго невмѣшательства въ промышленную и торговую дѣятельности. Если имѣть въ виду всю Европу, то идея эта впервые зародилась въ тѣхъ государствахъ, которыя ранѣе другихъ выступили на путь международнаго обмѣна. Не говоря уже объ Италіи эпохи возрожденія, мы находимъ ее не только у экономистовъ, но и у государственныхъ дѣятелей Голландіи. Еще въ XVII вѣкѣ въ борьбѣ съ Англіей изъ за владычества надъ морями Гуго Де Гротъ въ своемъ «Mare Liberum» провозглашалъ принципъ свободы навигаціи, а его сынъ въ обращеніи къ Людовику XIV, при которомъ онъ былъ акредитованъ, высказывалъ 21 октября 1670 года основныя начала современнаго фритредерства, говоря, что «Богъ въ своей премудрости, желая установить между различными частями міра дружбу и общеніе, надѣлилъ ихъ разными качествами почвы и климата, дабы каждая страна про-

---

[1]) Ibid., стр. 214 по 216.

[2]) Письмо къ Трюдену отъ 10-го апрѣля 1754 года. Ibid., стр. 207.

изводила то, что недостаетъ другимъ и можетъ служить предметомъ обмѣна съ ними. Изъ этого слѣдуетъ, прибавлялъ онъ, что тѣ, кто облегчаетъ народамъ торговую дѣятельность, содѣйствуетъ ихъ благополучію; наоборотъ, тѣ, которые затрудняютъ ее высокими таможенными пошлинами, лишаютъ подданныхъ возможности не только пользоваться тѣмъ, что произростаетъ на чужбинѣ, но и сбывать излишекъ собственнаго производства» [1]).

Въ Англіи однохарактерные взгляды съ тѣми или другими ограниченіями высказываются писателями въ родѣ Чайльда, Пети, Горна Тука; не даромъ же первый включаетъ въ число ходячихъ заблужденій слѣдующіе афоризмы; нельзя допустить чтобы одинъ человѣкъ отправлялъ одновременно двѣ профессіи или чтобы торговецъ въ розницу былъ также и торговцемъ оптомъ, нельзя дозволить мастеру держать столько учениковъ, сколько ему будетъ удобно, не подвергая тѣмъ самымъ опасности интересовъ торговли; нельзя включить въ цехъ человѣка, который бы не былъ мѣстнымъ гражданиномъ; допускать же иностранцевъ къ отправленію промышленной дѣятельности, тоже, что отымать хлѣбъ у туземцевъ. Съ этими то основными положеніями меркантилизма и сражается Чайльдъ въ сочиненіи, изданномъ имъ еще въ 1669 году, признавая въ тоже время, что все имъ высказанное было проповѣдываемо Кульпеперомъ еще въ 1621 году. Но, провозглашая свободу промышленности и внутренней торговли, Чайльдъ далекъ отъ мысли освободить внѣшнюю отъ всякихъ стѣсненій, упраздняя напримѣръ ввозныя пошлины. Онъ открыто провозглашаетъ себя сторонникомъ навигаціоннаго акта Кромвеля, который, по справедливости, можетъ быть названъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи англійскаго меркантилизма [2]).

---

[1]) Этотъ текстъ впервые отпечатанъ Августомъ Онкеномъ, которому онъ сообщенъ историкомъ Гонценбахомъ въ Бернѣ. Смотри Berner Beiträge zur Geschichte der Nationalökonomie № 2. Die Maxime Laissez faire et laissez passer, ihr Urprung und Werden, Бернъ 1886 года, стр. отъ 25 по 27.

[2]) Чайлдъ сообщаетъ въ тоже время, что многіе изъ его современниковъ высказываютъ сомнѣніе въ томъ, чтобы неудобства вызванныя навигаціоннымъ актомъ, не превзошли причиненныхъ имъ выгодъ. См. сочиненіе Чайльда въ переводѣ Гурнэ (Амстердамъ и Берлинъ 1754 года, стр. 22, 220, 230, 238).

Въ самой Франціи частичная критика меркантилизма началась гораздо раньше Гурнэ. Мы видѣли, что преданіе влагаетъ въ уста крупнаго негоціанта Лежандра ходатайство о томъ, чтобы торговцы предоставлены были правительствомъ самимъ себѣ [1]). Менѣе рѣшительно высказывается въ пользу ограниченія правительственной регламентаціи авторъ Détail de la France, знаменитый Буагильберъ, требующій свободы хлѣбной торговли внутри государства, отнюдь однако не свободы вывоза или ввоза [2]). Буагильберъ писалъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Въ первой его половинѣ Мёлонъ, Дюто и Кантильонъ высказываютъ, также съ оговорками, нѣкоторыя положенія, благопріятныя свободѣ промысловъ и обмѣна. Въ своемъ

---

[1]) Августъ Онкенъ дѣлаетъ попытку доказать, что Лежандръ, сдѣлавшій извѣстное заявленіе Кольберу: laissez nous faire, тотъ же, что и авторъ руководства для землемѣровъ (L'arithmetique en sa perfection), отпечатаннаго въ 1657 году. Пользуясь ходячимъ въ Швейцаріи преданіемъ, онъ ставитъ Лежандра во главѣ депутаціи ліонскихъ купцовъ, привѣтствовавшихъ Кольбера при его въѣздѣ въ ихъ городъ. Этому, однако, какъ онъ самъ сознается, нельзя найти подтвержденія въ архивныхъ актахъ. Самое заявленіе отнесено Онкеномъ къ 1680 году, когда, вслѣдъ за миромъ въ Нимвегенѣ, окончившимъ неудачную и разорительную для Франціи войну, стали сказываться невыгодныя стороны упроченія Кольберомъ системы правительственной регламентаціи промысловъ и торговли. (Смотри цитированное выше сочиненіе, страницы отъ 28 до 38).

[2]) Онкенъ вѣрно указываетъ, что фраза Il n'y avait qu'a laisser faire la nature et la liberté qui est la commissionaire de cette même nature, фраза, которую мы находимъ въ первомъ по времени сочиненіи Буагильбера, Factum de la France, не должна быть понимаема слишкомъ буквально и во всякомъ случаѣ стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ требованіемъ того же писателя, не допускать въ Провансъ хлѣба изъ варварійскихъ владѣній иначе, какъ въ годы неурожая, а также въ заявленіи, что продолжительный ввозъ припасовъ является въ высшей степени вреднымъ, такъ какъ понижаетъ цѣну на нихъ. Возрастаніе цѣнъ на продукты земель обусловливаетъ одновременное возростаніе цѣнъ на послѣднія. Земля же, прибавляетъ авторъ, предвосхищая такимъ образомъ мысль, высказанную полвѣка спустя Кенэ и физіократами, одна даетъ жизнь государствамъ (Les terres qui seules font vivre tous les Etats). См. Онкенъ, стр. 43 по 46.

«Политическомъ опытѣ о торговлѣ» Мелонъ выставляетъ даже слѣдующее общее положеніе, которое онъ выдаетъ не какъ за нѣчто имъ впервые придуманное, а какъ за ходячую и общераспространенную истину. Величайшимъ и наиболѣе распространеннымъ труизмомъ, пишетъ онъ, надо считать положеніе: торговля нуждается только въ свободѣ и покровительствѣ. Если необходимо нѣкоторое ограниченіе по отношенію къ торговлѣ хлѣбомъ, то для всѣхъ другихъ припасовъ и продуктовъ свобода обмѣна не должна знать никакихъ стѣсненій. Ихъ недостача или обиліе, ихъ дороговизна или дешевизна, могутъ быть только временными; онѣ не вредятъ поэтому интересамъ гражданъ и выгодны для негоціанта, такъ какъ побуждаютъ его къ предпріимчивости. Говорятъ, пишетъ тотъ же Мелонъ, что чрезмѣрное изобиліе припасовъ вредно. Но это возможно только въ странѣ, въ которой торговля плохо организована. Вѣдь земля не производитъ всюду одного и того же и нельзя допустить, чтобы другія страны не нуждались въ нашихъ припасахъ. Отсюда Мелонъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: почему, говоритъ онъ, не допустить вывоза хлѣба за границу подъ условіемъ, что этотъ вывозъ прекратится, когда возростаніе цѣны сдѣлаетъ его отяготительнымъ для народа. Такимъ образомъ Мелонъ идетъ далѣе Буагильбера и допускаетъ даже условную свободу хлѣбнаго торга. Этотъ писатель предвидитъ возможность, когда заимствованное имъ у Кольбера и меркантилистовъ положеніе о необходимости оказывать покровительство торговлѣ вступить въ коллизію съ провозглашаемымъ имъ же принципомъ ея свободы. Въ этомъ случаѣ, заявляетъ онъ, лучше отказаться отъ покровительства, ибо при свободѣ торговля можетъ обойтись и безъ него [1]).

Нужно ли говорить, что, объявляя себя сторонникомъ свободной торговли, Мелонъ, подобно Гурнэ, высказывается противъ привилегій, оказываемыхъ тому или другому торговцу въ

---

[1]) Dans l'alternative entre la liberté et la protection il. serait bien moins nuisible, d'ôter la protection que la liberté, car avec la liberté la seule force du commerce peut tenir lieu de protection. См. въ сборникѣ Дера томъ, заключающій въ себѣ сочиненія Буагильбера, Вобана, Мелона и т. д., стр. 713 и 716.

формѣ освобожденія его напримѣръ отъ части платимыхъ за товаръ пошлинъ. Для Мелона такой видъ монополій опаснѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ онъ поставленъ подъ защиту закона [1]). Высказывая то общее положеніе, что сила государства зависитъ не отъ размѣровъ его территоріи, а отъ числа его жителей и полезности производимыхъ ими работъ [2]), Мелонъ справедливо вооружается противъ цеховыхъ стѣсненій, касательно числа учениковъ и исключительности занятія однимъ какимъ либо ремесломъ. Но въ отличіе отъ Гурнэ, онъ видитъ въ этихъ постановленіяхъ, вызывающихъ «потерю времени и людей», только результатъ злоупотребленій. Само же цеховое устройство кажется ему полезнымъ и даже необходимымъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ производствахъ [3]).

Тоже уваженіе къ существующему заставляетъ его отступить и передъ безусловнымъ осужденіемъ правительственныхъ запретовъ ввозить и вывозить извѣстные товары. Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ онъ, эти мѣры вызваны были преходящими или плохо сознанными интересами. При неограниченной свободѣ обмѣна нація быть можетъ выиграла бы съ одной стороны то, что потеряла бы съ другой. Во всякомъ случаѣ мы избѣжали бы необходимости преслѣдовать контробанду, которая въ настоящее время требуетъ пожертвованія столькими людями. Но чтобы установить полную свободу международнаго торга, необходимо было бы добиться согласія всей Европы, а это съ трудомъ достижимо, благодаря невозможности примирить мелкіе интересы, обуревающіе людей. Предугадывая такимъ образомъ болѣе ясно сознаваемую нынѣ необходимость международнаго рѣшенія вопросовъ промышленности и торговли, Мелонъ въ тоже время мирится съ существующими въ его время порядками. Они, говоритъ онъ, направлены къ ограниченію вывоза предметовъ первой необходимости, что и желательно въ видахъ доставленія занятія рабочимъ и обезпеченія роста туземной промышленности.

---

[1]) Ibid., стр. 717.
[2]) Ibid., стр. 736.
[3]) Ibid., стр. 741.

Изъ рукъ ремесленниковъ сырье, замѣчаетъ онъ, выходитъ удвоеннымъ и утроеннымъ въ цѣнѣ. Есть поэтому прямой расчетъ въ томъ, чтобы отпускать за границу фабрикаты и удерживать у себя сырье. Эти разсужденія приводятъ Мелона въ концѣ концовъ къ антиподу высказанныхъ имъ въ началѣ положеній. Свобода торговли, объявляетъ онъ, не состоитъ въ правѣ для каждаго покупать и продавать то, что онъ вздумаетъ, а только то, что полезно государству. Благо народа—верховный законъ. Это благо будетъ обезпечено въ томъ случаѣ, когда торговый балансъ будетъ клониться въ пользу націи, т. е., когда избытокъ ея отпусковъ надъ ввозомъ поведетъ къ приливу въ страну золота и серебра [1]).

Та же забота объ обезпеченіи выгоднаго торговаго баланса мѣшаетъ и другому французскому экономисту, Дюто, высказаться въ пользу неограниченной свободы торговли. Расходясь съ древнѣйшими меркантилистами, озабоченными однимъ лишь сохраненіемъ и привлеченіемъ въ страну звонкой монеты, доказывая безплодность всѣхъ направленныхъ къ этой цѣли стѣсненій и запретовъ, понимая вполнѣ правильно, что задачей торговли долженъ быть обмѣнъ излишка собственныхъ продуктовъ и фабрикатовъ на недостающіе и необходимыя странѣ товары [2]), Дюто въ то же время не отказывается отъ мысли регламентировать торговлю такимъ образомъ, чтобы отпускъ превышалъ ввозъ и ввозимое въ страну состояло не изъ предметовъ роскоши, а изъ предметовъ, способныхъ дать новый толчокъ развитію домашняго земледѣлія и промышленности, а слѣдовательно и повесть въ концѣ концовъ къ увеличеніе суммы отпускаемыхъ за границу товаровъ [3]).

Еще удивительнѣе то противорѣчіе, въ какомъ стоятъ основныя экономическія посылки Кантильона съ тѣми мнѣніями, какія онъ высказываетъ о торговлѣ вообще и международной въ частности. Предвосхищая у физіократовъ ихъ главное положеніе о томъ, что земля есть единственный источникъ всякаго богатства и что всѣ классы общества живутъ и богатѣ-

---

[1]) Ibid., стр. 756, 758 и 792.

[2]) Ibid., стр. 903 и 974.

[3]) Ibid., стр. 905, 974 и 975.

ютъ на счетъ земельныхъ собственниковъ [1]). Кантильонъ не дѣлаетъ отсюда того же вывода, какой мы позднѣе найдемъ у Кенэ, вывода, что земледѣліе, какъ единственный кормилецъ націи должно быть поощряемо свободнымъ вывозомъ за границу производимыхъ имъ предметовъ первой необходимости, такъ какъ такой вывозъ одинъ можетъ поддержать высокую цѣну хлѣба на мѣстномъ рынкѣ и обусловить тѣмъ самымъ высокій доходъ земельныхъ собственниковъ. Онъ довольствуется повтореніемъ ходячаго ученія меркантилистовъ о торговомъ балансѣ и искусственно связываетъ съ нимъ свою вполнѣ оригинальную теорію. Онъ достигаетъ этого неожиданнаго результата, вводя въ свое разсужденіе новый элементъ—заботу объ умноженіи населенія. Получая продукты обрабатывающей промышленности изъ-за границы, говоритъ онъ, собственники уничтожили бы источникъ существованія и размноженія жителей; вывозя сырье, обогащаешь государство въ ущербъ его населенности; вывозя же мануфактураты, одновременно увеличиваешь и сумму богатствъ, и число жителей [2]).

Изъ этого обзора ближайшихъ предшественниковъ Гурнэ приходишь къ тому выводу, что несмотря на громкія фразы о свободѣ промысловъ и торговли, какъ о желательномъ, но отдаленномъ идеалѣ, всѣ они высказывались въ пользу ея ограниченія, то въ интересахъ обезпеченія населенію дешеваго продовольствія, и фабрикантамъ низкаго уровня заработной платы, то въ интересахъ благопріятнаго для страны торговаго баланса, будто бы достижимаго преимущественнымъ вывозомъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ обрабатывающей промышленности.

Исключеніе должно быть сдѣлано только для одного писателя, сочиненіе котораго долгое время оставалось въ рукописи и обнародовано было уже послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ трактатовъ Кенэ, а тѣмъ болѣе составленія интендантомъ торговли, Гурнэ его докладныхъ записокъ. Я разумѣю «Соображенія маркиза Д'Аржансона, о правительствѣ Франціи, древнемъ и новомъ». Они отпечатаны были впервые въ Амстердамѣ въ 1765

---

1) Cantillon Essai sur la nature du commerce en général, стр. 1 и 57.
2) Ibid., стр. 97, 115, 121, 299 и 310.

году, но ходили по рукамъ многія десятки лѣтъ раньше [1]. Основная мысль, высказываемая Д'Аржансономъ, выражена въ афоризмѣ: «pour gouverner mieux, il faudrait gouverner moins», это другими словами то же, что годами ранѣе говорилъ Лежандръ въ своемъ обращеніи къ Кольберу: «Laissez nous faire». Авторъ развиваетъ эту мысль, связывая ее съ идей децентрализаціи и говоря: надо сдѣлать опытъ допущенія общества къ управленію самимъ собою [2]. Д'Аржансонъ подвергаетъ критикѣ направленіе, данное въ его время промышленности. Правительство, говоритъ онъ, прислушивается болѣе къ голосу продавцовъ, нежели къ требованіямъ потребителей. Такъ, напримѣръ, заставляютъ жителей одѣваться въ туземныя ткани, ткани худшаго качества, менѣе прочныя и менѣе удовлетворяющія вкусу подъ тѣмъ предлогомъ, что надо дать занятіе мѣстнымъ рабочимъ, обойтись безъ содѣйствія иностранцевъ—и помѣшать отплыву золота за границу [3]. Развѣ въ государствѣ хорошо управляемомъ мыслима трудность найти занятіе для жителей, развѣ въ немъ жатва не превышаетъ число жнецовъ? Рабочіе сами набрасываются всегда на наиболѣе выгодныя занятія и капиталъ государства возрастаетъ, какіе бы товары ни обмѣнивались на иностранные, лишь бы избытокъ отпуска оставался на сторонѣ туземныхъ. Никогда внѣшняя торговля не будетъ такъ выгодна какъ въ томъ случаѣ, если всѣ ворота для нея будутъ открыты. Ни къ какой странѣ это не приложимо болѣе, какъ къ Франціи, въ которой природа и искусство соперничаютъ въ производительности. Прибыль зависитъ отъ расчета, но расчетъ долженъ быть свободнымъ и опредѣляемымъ одними интересами. Свобода должна быть распространена и на отпускъ предметовъ первой необходимости, «Qu'on laisse donc faire!». Недостача хлѣба невозможна въ странѣ, порты которой открыты. Желаніе на-

---

[1]) Позднѣе эти соображеніи въ болѣе пространномъ видѣ отпечатаны были за одно съ мемуарами д'Аржансона и вошли въ составъ пятаго тома послѣднихъ (изданіе 1858 года).

[2]) Il faudrait donc essayer, comme je le propose, d'admettre davantage le Public dans le Gouvernement du Public et voir ce qui en resulterait. Concidérations, стр. 255.

[3]) Ibid., стр. 277 и 278.

живы заставитъ иностранцевъ поспѣшить удовлетвореніемъ нашихъ потребностей и побудитъ закупщиковъ—монополистовъ открыть свои закрома для потребителей, чего безсильны сдѣлать и королевскіе ордонансы, и обыски полицейскихъ чиновниковъ[1]).

Такимъ образомъ Д'Аржансонъ высказываетъ не только тѣже взгляды, что и Гурнэ, но мы находимъ у него и первую половину экономическаго афоризма, приписываемаго знаменитому интенданту торговли. Изъ мемуаровъ маркиза мы узнаемъ, что онъ посвятилъ особый не дошедшій до насъ этюдъ развитію того взгляда, что чрезмѣрное управленіе само по себѣ вредно[2]). Въ мемуарахъ онъ не разъ высказываетъ тѣ же мысли, говоря напримѣръ: все можно испортить, вмѣшиваясь чрезмѣрно. Дѣйствительная причина упадка нашихъ фабрикъ—преувеличенное покровительство, которымъ онѣ пользуются. Дайте только свободу, и все пойдетъ хорошо. Одна только полная свобода обезпечитъ ростъ торговли, земледѣлія и нравовъ[3]).

§ 5.

Мы подошли такимъ образомъ къ эпохѣ обнародованія первыхъ трактатовъ Кенэ и не встрѣтили въ литературѣ ни одной попытки обоснованія того взгляда, что первымъ условіемъ развитія земледѣлія, промысловъ и торговли, является отсутствіе правительственнаго вмѣшательства. Влагаемыя въ уста Лежандра слова, если они когда либо были произнесены, высказываютъ только желаніе промышленнаго класса избѣжать регламентаціи сверху. Сочиненія экономистовъ первой половины XVIII вѣка подчиняютъ принципъ свободы торговли идеалу поощренія туземной промышленности, обезпеченія дешеваго

---

[1]) Ibid., стр. 278 и 280.

[2]) Pour mieux gouverner, il faudrait gouverner moins. J'ai fait un traité qui a ce titre, et de façon que je crois l'avoir bien rempli. Je blâme les louanges que l'auteur donne à notre conseil de commerce et la proposition d'établir une commission d'agriculture. Ce sont là des restes du vieil homme et des idées de tyrannie génante „Eh, morbleu, laissez faire!“ Мемуары томъ V, стр. 134.

[3]) Ibid., стр. 361, 362, 367, 372. Ученіе д'Аржансона изложено довольно обстоятельно въ сочиненіи Августа Онкена. Die Maxime Laissez faire et laissez passer, ihr Ursprung, ihr Werden, стр. отъ 55 до 66.

продовольствія и выгоднаго для Франціи торговаго баланса. Маркизъ Д'Аржансонъ высказываетъ, но не обосновываетъ взгляды современнаго фритредерства. Гурнэ не идетъ въ проповѣди ихъ далѣе сообщенія своихъ мыслей по частнымъ вопросамъ и при томъ въ рядахъ одной французской бюрократіи и численно ограниченнаго кружка учениковъ, Кенэ первый даетъ тѣмъ же положеніямъ широкую извѣстность, высказывая ихъ на столбцахъ энциклопедическаго словаря, издаваемаго Дидро и Д'Аламберомъ. Его статья о хлѣбѣ можетъ считаться поворотнымъ моментомъ не въ томъ смыслѣ, что развитыя въ ней мысли не были бы въ ходу и ранѣе, а въ томъ, что онѣ брошены были въ толпу и сведены въ одну стройную систему. Заслуга Кенэ уже въ этомъ раннемъ мемуарѣ, которому впрочемъ предшествовало составленіе необнародованнаго имъ Tableau économique [1]), заключается въ логическомъ выводѣ ученія о правительственномъ невмѣшательствѣ въ область торговли вообще и отпуска предметовъ первой необходимости, въ частности, изъ того основного взгляда, что земля одна создаетъ цѣнности, одна обезпечиваетъ націи чистый доходъ. Что въ томъ, если эта первичная посылка сама по себѣ ложна. Новое ученіе имѣло по крайней мѣрѣ преимущество цѣльности и стройности и могло, благодаря этому пріобрѣсть тотъ характеръ экономическаго «credo», какимъ физіократія явилась для значительнаго меньшинства мыслителей прошлаго вѣка.

Познакомимся же поближе съ развитіемъ принципа свободной торговли въ трудахъ Кенэ, спрашивая себя, въ какой мѣрѣ его взгляды нашли отголосокъ себѣ въ позднѣйшей литературѣ и не у однихъ только послѣдователей, но также въ рядахъ лицъ, критически относившихся къ коренному пункту всего ученія— къ теоріи доставляемаго однимъ земледѣліемъ produit net и непроизводительности другихъ классовъ общества, помимо сельскихъ хозяевъ.

Ростъ земледѣлія, пишетъ Кенэ въ мемуарѣ, предназначенномъ для энциклопедіи, обусловливаетъ собою ростъ населенія.

---

[1]) Оно предназначено было для короля и появилось въ печати недавно, благодаря счастливой находкѣ Бауера и денежнымъ пожертвованіямъ, принятымъ на себя обществомъ экономистовъ въ Англіи.

И то, и другое, прогрессируютъ рядомъ. Но для этого необходимо, чтобы цѣна хлѣба превышала издержки обработки, а это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда мѣстное потребленіе и отпускъ за границу обезпечиваютъ извѣстную прибыль при продажѣ хлѣба. Вывозъ за границу оживляетъ сбытъ, подымаетъ уровень культуры, увекичиваетъ доходъ земель. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ большія затраты, которыя благопріятствуютъ росту населенія, доставляя заработокъ большему числу людей. Ростъ населенія увеличиваетъ потребленіе, что въ свою очередь поддерживаетъ цѣны разможающихся припасовъ на высокомъ уровнѣ. Обстоятельства, опредѣляющія всѣ эти прогрессы, есть вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ за границу. Вѣдь онъ увеличиваетъ чистый доходъ, а это содѣйствуетъ размноженію жителей; большее же ихъ число обусловливаетъ большее потребленіе, которое опять таки расширяетъ культуру и увеличиваетъ населенность, въ свою очередь вліяющую на ростъ чистой выручки. Всѣ эти приращенія должны начаться съ увеличенія доходовъ. Это основной пунктъ, которымъ тѣмъ не менѣе всего болѣе пренебрегаютъ во Франціи, гдѣ не сознается даже различіе между трудомъ, доставляющимъ одинъ заработокъ, и такимъ, который къ этому заработку присоединяетъ еще чистую прибыль. Этимъ непониманіемъ объясняется, почему земледѣлію предпочли промышленность, и отпуску сельскихъ продуктовъ—отпускъ мануфактуратовъ, почему наконецъ поощряли производство предметовъ роскоши и торговлю ими въ ущербъ обработкѣ полей; а между тѣмъ ясно, что правительство не имѣетъ иного средства къ подьему торговли, поддержанію и развитію промышленности, кромѣ того, какое представляетъ увеличеніе доходовъ земель, такъ какъ эти доходы привлекаютъ купцовъ и ремесленниковъ и оплачиваютъ ихъ трудъ. Надо обезпечить уходъ стволу, а не вѣтвямъ дерева; пусть онѣ произрастаютъ и распространяются на свободѣ, озаботимся лучше корнями, которые доставляютъ сокъ изъ почвы и тѣмъ содѣйствуютъ росту растенія. Ошибка Кольбера, прибавляетъ Кенэ для иллюстраціи своей мысли, лежитъ именно въ томъ, что онъ не озаботился упроченіемъ свободы торговать хлѣбомъ и вызвалъ тѣмъ пре-

небреженіе сельскимъ хозяйствомъ [1]). Земледѣліе, говоритъ Кенэ въ томъ же мемуарѣ, доставляетъ матеріалъ для промышленности и торговли, оплачиваетъ ту и другую, но промышленность и торговля возвращаютъ ему его затраты, потребляя производимыя имъ богатства. Безъ продуктовъ земель, безъ доходовъ и затратъ собственниковъ и воздѣлывателей немыслима была бы ни заработная плата, ни прибыль торговцевъ. Вывозъ хлѣба за границу — необходимое условіе для роста земледѣлія, такъ какъ онъ дѣлаетъ невозможнымъ потерю хлѣбомъ всякой цѣнности. Вмѣсто того, чтобы вызвать недостачу припасовъ, вывозъ обезпечиваетъ ихъ изобиліе, такъ какъ увеличиваетъ культуру, а слѣдовательно и сумму запасовъ. Только страны, въ которыхъ земледѣліе пріурочено къ удовлетворенію мѣстнаго запроса на припасы, вправѣ опасаться наступленія голодовокъ. Недостатокъ отпуска и низкая цѣна хлѣба во Франціи не имѣютъ другого источника, кромѣ бѣдности народа и тѣхъ препятствій, какія встрѣчаетъ торговля продуктами почвы [2]).

Чтобы стройнѣе выяснить свой взглядъ на торговлю вообще и преимущества, какія представляетъ отпускъ сырья надъ отпускомъ мануфактуратовъ, Кенэ присоединяетъ къ своему мемуару подобіе краткаго экономическаго катехизиса, въ которомъ четырнадцати параграфовъ достаточно для изложенія его основныхъ взглядовъ. Мы остановимся на передачѣ только тѣхъ изъ нихъ, которые касаются непосредственно его ученія о выгодахъ правительственнаго невмѣшательства въ торговую дѣятельность. Кенэ утверждаетъ, что страна, производящая большой отпускъ сырья всегда имѣетъ возможность большого внутренняго торга мануфактуратами, такъ какъ доходъ ея земель позволитъ ей оплачивать трудъ рабочихъ. Страна же живущая отпускомъ за границу мануфактуратовъ необходимо становится въ положеніе необезпеченное и прекарное, такъ какъ торговля ими можетъ быть отнята у нея соперничающими съ нею націями. Она въ тоже время попадаетъ въ зависимое отношеніе

---

[1]) См. Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesuay, изданіе Онкена, стр. 207 и 208.

[2]) Ibid., стр. 229 по 233.

къ сторонамъ, отпускающимъ ей предметы первой необходимости [1]).

Страна съ обширной территоріей, озабоченная пониженіемъ цѣнъ на припасы съ цѣлью поощренія промышленности, учитъ Кенэ, сама подготовляетъ себѣ гибель, ибо, разъ земледѣлецъ не получаетъ обратно сверхъ своихъ затратъ еще извѣстныхъ выгодъ, сельское хозяйство приходитъ въ упадокъ. Нація теряетъ доходъ отъ своихъ земель, а собственники возможность оплачивать трудъ лицъ, занятыхъ обрабатывающей промышленностью, что въ свою очередь ведетъ къ обезлюденію, къ эмиграціи фабрикантовъ, ремесленниковъ, батраковъ и крестьянъ, а все это вмѣстѣ взятое—къ исчезновенію богатствъ и доходовъ монарха и общей гибели государства [2]).

Кенэ не только отрицаетъ то положеніе, что задачей внѣшней торговли должно быть накопленіе наибольшого металическаго фонда, но и высказываетъ сомнѣніе насчетъ того, чтобы возможно было судить о богатствѣ націи по состоянію ея торговаго баланса, такъ какъ однѣ страны могутъ быть богаче людьми и землею и нуждаться по этому въ большей внутренней торговлѣ, а другія, имѣя того и другого въ меньшей степени, производить большую внѣшнюю торговлю. О богатствѣ народа можно судить, думаетъ онъ, по суммѣ его, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго обмѣна, особенно же послѣдняго. Если страна потребляетъ много припасовъ и по высокой цѣнѣ, ея богатство будетъ значительнѣй и наоборотъ. Одна страна недолжна завидовать торговлѣ другой, разъ она извлекаетъ изъ своей почвы, изъ своихъ жителей и своей навигаціи возможно большую пользу. Въ международномъ обмѣнѣ націи, отпускающія самые необходимые или самые полезные товары, имѣютъ преимущество надъ тѣми, которыя производятъ торговлю предметами роскоши, такъ какъ пользуются большею независимостью отъ другихъ націй и не страдаютъ отъ тѣхъ забастовокъ въ отпускѣ товаровъ, какія вызываетъ упадокъ экономическаго благосостоянія въ странахъ, производящихъ

---

[1]) Maximes de gouvernement économique. VI и VII maximes. (Ibid., стр. 236).

[2]) Ibid., положеніе IX, стр. 237.

ввозъ предметовъ роскоши. Ни одна страна не должна стремиться къ захвату въ свои руки всѣхъ видовъ торговли. Свобода ея необходима уже для того, чтобы дозволить купцамъ сосредоточиться на тѣхъ видахъ обмѣна, которые кажутся имъ наиболѣе надежными и выгодными. Кенэ пологаетъ, что для этого правительству надлежитъ только не стѣснять промышленности, упразднить всѣ запреты, отъ которыхъ страдаетъ внутренняя и внѣшняя торговля, понизить или отмѣнить поборы съ товаровъ, провозимыхъ по рѣкамъ и мостамъ, положить конецъ привилегіямъ провинцій, городовъ и цеховъ, насколько онѣ мѣшаютъ свободному обмѣну, облегчить доставку товаровъ хорошимъ содержаніемъ дорогъ и углубленіемъ русла рѣкъ. Что касается, въ частности, до торговли хлѣбомъ, то возможность вывоза ихъ всѣхъ провинцій безразлично уменьшитъ опасность истощенія запасовъ въ той или другой мѣстности, такъ какъ заграничный отпускъ всегда будетъ производиться оттуда, гдѣ хлѣбъ въ большемъ изобиліи и потому дешевле. Торговля и земледѣліе прогрессируютъ одновременно, такъ какъ вывозъ уноситъ только излишекъ, который не имѣлъ бы цѣнности безъ него; заграничный отпускъ тѣмъ самымъ поддерживаетъ и даже увеличиваетъ доходъ государства [1]).

И въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Кенэ остается вѣренъ принципу неограниченной свободы торговли. Такъ въ 1766 г. въ «Журналѣ земледѣлія, промышленности и финансовъ», онъ печатаетъ въ формѣ діалога цѣлое разсужденіе съ цѣлью доказать свое основное положеніе о томъ, что одно земледѣліе создаетъ цѣнности, и въ то же время очень подробно останавливается на выгодахъ свободной торговли. Онъ справедливо водитъ важнѣйшее ее преимущество въ уравненіи между націями цѣнъ на товары. Каждая нація должна имѣть въ виду возможно дешевое пріобрѣтеніе потребительныхъ цѣнностей, такъ какъ это дѣлаетъ возможнымъ увеличеніе самаго ихъ числа. Вѣдь чѣмъ больше послѣднее, тѣмъ значительнѣе будетъ и число населенія, а слѣдовательно и число производителей первичныхъ цѣнностей, источникомъ которыхъ является сельское хозяй-

---

[1]) Положеніе XIV, стр. 240 по 242.

ство [1]). Тѣмъ, кто надѣется устранить иностранцевъ отъ участія во французской торговлѣ, Кенэ благоразумно напоминаетъ, что, воздавая равнымъ равное, иностранцы исключатъ французовъ отъ участія въ своихъ комерческихъ оборотахъ. Такимъ образомъ рекомендуемое купцами средство обратится противъ нихъ самихъ [2]).—Годъ спустя, полемизируя съ Форбонэ, Кенэ въ письмѣ къ Бодо (октябрь 1767 года), отпечатанномъ въ издаваемомъ послѣднимъ журналѣ (Ephémérides), слѣдующимъ образомъ формулируетъ ученіе новой школы экономистовъ по вопросу о свободѣ торговли. «Вы, милостивый государь, за одно съ тѣми, которыхъ называете вашими учителями, и со всѣми экономистами, ихъ послѣдователями, признаете, что свобода торговли должна быть полной и абсолютной, такъ чтобы ею обусловливалась возможность неограниченной конкуренціи, Вы знаете только одно правило для торговли. Говоря вашими словами, оно гласитъ: Laissez passer et laissez faire всѣхъ продавцовъ и покупателей. Вы держитесь того мнѣнія, что этого одного достаточно, чтобы покупать возможно дешево и продавать возможно дорого. Вы думаете, что все, что стѣсняетъ свободу, все что уменьшаетъ число конкурентовъ благодаря запретамъ, исключеніямъ и привилегіямъ, несправедливо и гибельно».

Излагая противоположный взглядъ, выразителемъ котораго является Форбонэ въ своихъ «Элементахъ торговли», и состоящій въ томъ, что неограниченная свобода обмѣна поставитъ націю въ необходимость подѣлиться съ другими продуктами своихъ рудниковъ (намекъ на теорію металическаго фонда), Кенэ соглашается съ Бодо, что разореніе можетъ быть вызвано только отпускомъ товаровъ дешевле ихъ стоимости и покупкой ихъ по чрезмѣрно высокой цѣнѣ; но при свободной торговлѣ и то, и другое не мыслимо [3]).

---

[1]) Oeuvres въ изданіи Онкена, стр. 463 и 464.

[2]) Ceux qui excluent de leur commerce les étrangers seront par repressailles exclus du commerce des nations étrangères. Ainsi tous les prétendus avantages, que vous attribuez à l'exclusion seront anéantis par l'exclusion même.

[3]) См. Онкенъ, Oeuvres de Quesnay, стр. 671 по 673.

Изъ сдѣланной цитаты видно, что положеніе, приписываемое Гурнэ, стало уже въ 1767 году девизомъ всей школы физіократовъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если маркизъ Мирабо, признававшій себя первопризваннымъ ученикомъ Кенэ, вслѣдъ за учителемъ, повторяетъ теорію laissez faire, laissez passer, приписывая однако честь изобрѣтенія этого афоризма Гурнэ [1]).

Не одни, впрочемъ, сторонники физіократіи являлись поборниками принципа свободы торговли. Зародившись много лѣтъ ранѣе и найдя уже у англійскаго писателя Дедлэ Норсъ въ 1671 году слѣдующее классическое признаніе: «міръ съ точки зрѣнія торговли является единой націей» [2]). Эта теорія легко могла и независимо отъ школы Кенэ воздѣйствовать на одного изъ выдающихся энциклопедистовъ прошлаго вѣка, на воспитателя герцога Пармскаго, аббата Кондиліака. Въ своемъ трактатѣ о торговлѣ и правительствѣ Кондиліакъ расходится рѣшительно съ мнѣніемъ Кенэ и его школы, что земля одна источникъ всѣхъ цѣнностей, а сельскіе хозяева единственный производительный классъ общества. Торговцы, по его мнѣнію, увеличиваютъ массу богатствъ; этого бы не было, еслибы при обмѣнахъ всегда уступалась равная цѣнность за равную, но въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто обратное, даютъ меньшее за большее, да къ тому же продукты, превышающіе потребности мѣстнаго рынка, становятся цѣнностями благодаря торговлѣ. Она, говоритъ Кондиліакъ, дѣлаетъ богатствомъ то, что безъ нея не было бы имъ. Сказанное о торговлѣ примѣнимо и къ промысламъ: и они увеличиваютъ массу богатствъ, такъ какъ даютъ цѣнность сырью, которое бы безъ нихъ, благодаря своему изобилію, оказалось бы ненужнымъ и потому не имѣю-

---

[1]) Мы читаемъ въ журналѣ Ephémérides отъ іюня 1775 года въ статьѣ маркиза Мирабо. Un autre plus ardent encore sut, dans le sein du commerce où il avait été élevé, puiser les vérités simples et naturelles, mais alors si etrangères, qu'il exprimail par ce seul axiome qu'il eût voulu voir gravé sur toutes les barrières queleonques, Laissez faire, laissez passer. Recois, o excellent Gournay, cet hommage à ton génie créateur et propice, à ton coeur droit et chaud, à ton âme honnête et courageuse.

[2]) Discourse on trade. a 1691. См. анализъ его у Эспинаса, Histoire des doctrines économiques, стр. 172.

щимъ цѣны, въ обработанномъ же видѣ служитъ потребностямъ общества. Земледѣльцы, купцы и промышленники давно участвуютъ такимъ образомъ, по мнѣнію Кондиліака, въ созданіи массы богатствъ. Изъ сказаннаго видно, что основныя посылки Кондиліака и Кенэ не однѣ и тѣ-же, а между тѣмъ выводы, дѣлаемые изъ нихъ Кенэ по отношенію къ торговой политикѣ вполнѣ сходятся съ ученіемъ Кондиліака о томъ же предметѣ. Кондиліакъ, за одно съ Кенэ, сторонникъ свободнаго отпуска хлѣба не только изъ провинціи въ провинцію, но и за предѣлы государства, такъ какъ думаетъ, что только при этомъ возможно избѣжать мнимой дороговизны. Настоящая цѣна хлѣба, пишетъ онъ, цѣна болѣе или менѣе постоянная, можетъ установиться только подъ условіемъ полной и всеобщей свободы торговли. Меня спросятъ, по чемъ можно узнать, что дѣло идетъ о настоящей цѣнѣ? Да по тому, что колебанія ея не выходятъ за предѣлы мало отступающихъ другъ отъ друга максимума и минимума. При установленіи такой постоянной цѣны на хлѣбъ можно было бы избѣжать тѣхъ колебаній, какимъ подвержена заработная плата въ отдѣльныхъ видахъ труда и прекратилась бы тѣмъ самымъ та анархія цѣнъ на товары, отъ которой мы страдаемъ нынѣ [1]).

Во второй части своего сочиненія Кондиліакъ задается вопросомъ о томъ, какъ бы распредѣлились богатства при полной свободѣ торговли? Цѣны устанавливались бы покупателями и продавцами (другими словами отношеніемъ спроса къ предложенію). Онѣ возростали бы или падали, но, за исключеніемъ случаевъ большого урожая или большого голода, колебанія ихъ были бы не особенно чувствительны, такъ какъ конкуренція оставалась бы болѣе или менѣе той же. Въ этихъ условіяхъ торговля сырьемъ не вызвала бы обогащенія однихъ въ ущербъ другимъ, такъ какъ всѣ покупали бы товары по болѣе или менѣе равной цѣнѣ. Тоже можетъ быть сказано и о торговлѣ манафактуратами, такъ какъ конкуренція установила бы болѣе или менѣе неизмѣнный размѣръ заработковъ, смотря по характеру труда. Кондиліакъ разсматриваетъ и другой случай, когда

---

[1]) См. главу XX (Сборникъ Daire, Collection des principaux économistes, томъ XIV, стр. 325.

правительство облагаетъ товары ввозными и вывозными пошлинами. На примѣрѣ четырехъ монархій, держащихся одинаково такой протекціонной политики, онъ констатируетъ вздорожаніе товаровъ, ведущее за собою уменьшеніе потребленія и, какъ дальнѣйшее послѣдствіе, сокращеніе производства и обмѣна. Потерявъ увѣренность въ сбытѣ своихъ мануфактуратовъ, нѣкоторыя фабрики пріостановили производство, другія уменьшили свои обороты. Земледѣльцы запустили часть пашень, такъ какъ количество хлѣба, превышающее ихъ потребности и не находящее сбыта на сторонѣ, становилось для нихъ ненужнымъ бременемъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Кондиліакъ, таможни и пограничныя пошлины нанесли уронъ одновременно земледѣлію, промышленности и торговлѣ; онѣ обратили въ нищету массу гражданъ, прежде жившихъ своимъ трудомъ; а между тѣмъ, заканчиваетъ онъ, при свободѣ торговли избранныя мною четыре монархіи въ состояніи были бы дѣлиться другъ съ другомъ тѣмъ, что имѣлось у нихъ въ избыткѣ, и каждый изъ ихъ правителей основалъ бы свое могущество на обиліи жителей, обогащенныхъ промыслами и земледѣліемъ [1]).

Трактатъ Кондиліака отпечатанъ въ 1776 году, т. е. почти двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Гурнэ и Кенэ подняли голосъ въ пользу свободы торговли. Вотъ почему за первыми по времени физіократами надо признать и честь, и отвѣтственность, за пропаганду во Франціи этого принципа, уже завоевавшаго себѣ сочувствіе комерческихъ странъ сѣвера, болѣе подготовленныхъ самымъ состояніемъ своей промышленности и навигаціи къ успѣшной конкуренціи съ французами и способныхъ слѣдовательно разсчитывать на большія выгоды отъ обоюднаго пониженія ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ. Новое ученіе встрѣчало поэтому отпоръ не только въ сторонникахъ меркантилизма, но и въ людяхъ, ставившихъ выше всего обезпеченіе народу дешеваго продовольствія, и сомнѣвавшихся въ томъ, чтобы заработная плата необходимо возростала пропорціонально съ повы-

---

[1]) См. въ сборникѣ Дера томъ, заключающій въ себѣ сочиненіе Кондиліака, т. XIV, стр. 376 и 387.

шеніемъ цѣнъ на припасы, а также въ тѣхъ, кто не допускалъ неизмѣнныхъ правилъ для торговой и вообще всякой экономической политики и ставилъ выгоды фритредерства въ зависимость отъ условій времени и мѣста. Самыми выдающимися представителями этой тройной опозиціи надо считать меркантилиста Форбонэ, соціалиста Лингэ и энциклопедиста Галіани. Первый выразилъ свои сомнѣнія касательно возможности примѣнить ко Франціи начало свободнаго соперничества съ иноземной промышленностью еще въ 1755 году. Въ брошюрѣ, озаглавленной «Выгоды и невыгоды, связанныя съ запрещеніемъ ситцевъ». Мы напомнимъ, что эти ситцы изготовлялись въ Англіи и что ихъ распространеніе могло повлечь за собою упадокъ шерстяной и шелковой промышленности. Форбонэ повторялъ старинное положеніе Кольбера, что главной задачей торговой политики должна быть защита туземной промышленности, защита народнаго труда. Терпимость полиціи, утверждаетъ онъ, позволяетъ тайный ввозъ во Францію иноземныхъ ситцевъ на сумму въ 15 или 16 милліоновъ франковъ. Такъ какъ цѣна ихъ ниже той, которую пришлось бы платить за сукна и шелка, то французская промышленность, по расчету Форбонэ, теряетъ по меньшей мѣрѣ 29 милліоновъ ежегодно. Но эти убытки возросли бы вдвое, еслибы допущенъ былъ свободный ввозъ ситцевъ во Францію, такъ какъ они сдѣлались бы дешевле на всю ту сумму, какая идетъ на оплату контрабандистовъ и многочисленныхъ посредниковъ въ этомъ недозволенномъ торгѣ. Фабрики, изготовляющія легкія шерстяныя ткани, въ такомъ случаѣ подверглись бы закрытію. Множество ремесленниковъ осталось бы безъ всякаго занятія, поэтому, какъ бы значительны ни были неудобства, связанныя съ запрещеніемъ ввоза, съ ними нужно мириться, такъ какъ они вызваны соображеніями народной пользы [1]).

Форбонэ настолько увѣренъ въ правильности своей точки зрѣнія, что не отступаетъ передъ мыслью напечатать въ приложеніи къ своей брошюрѣ замѣчанія Гурнэ, направленныя, какъ мы видѣли, къ доказательству какъ разъ обратнаго. Онъ

---

[1]) Ibid., Schelle. Vincent de Gournay, стр. 162 и 163.

остается вѣренъ тѣмъ же взглядамъ и въ позднѣйшей своей публицистической дѣятельности; между прочимъ въ изданномъ въ 1767 году трактатѣ «Principes économiques»; въ немъ онъ развиваетъ ту мысль, что установленіе металлическаго обращенія заставило націи отклониться отъ естественнаго порядка экономическихъ отношеній и побудило ихъ подчинить свои торговые обороты стремленію накопить возможно большее количество звонкой монеты, такъ какъ чѣмъ больше обмѣнено будетъ на деньги сырыхъ продуктовъ, тѣмъ больше возростетъ возможность найти занятіе въ обрабатывающей промышленности, и чѣмъ больше обмѣнено будетъ мануфактуратовъ, тѣмъ болѣе увеличится потребленіе мѣстнаго сырья. Такимъ образомъ Форбонэ, въ отличіе отъ меркантилистовъ старой школы, благопріятенъ отпуску въ равной мѣрѣ продуктовъ земледѣлія и промышленности. Но, заодно съ ними, онъ желалъ бы обезпечить Франціи избытокъ вывоза надъ ввозомъ, для чего недостаточно провозгласить, думаетъ онъ, свободу международнаго торга. Это и заставляетъ его высказаться противъ такой свободы, отнестись отрицательно къ предложенію допустить иностранцевъ къ участію въ морскомъ вывозѣ продуктовъ французской почвы и французской промышленности [1]).

Что касается до Лингэ, то авторъ «Теоріи гражданскихъ законовъ» и не менѣе извѣстнаго въ свое время «Отвѣта физіократамъ» или, какъ онъ выражается, «докторамъ», критикуетъ ученіе Кенэ о производствѣ цѣнностей одной землею и необходимости обезпечить успѣшность сельскаго хозяйства свободнымъ отпускомъ хлѣба, поддерживающимъ его высокую цѣну. Онъ справедливо указываетъ на примѣръ Голландіи и Женевской республики, какъ на доказательство тому, что можно быть богатыми безъ земель и безъ злаковъ. Не менѣе глубоко замѣчаніе, что разъ зарождается потребность въ извѣстномъ предметѣ, будь

---

[1]) L'ordre naturel établit la liberté de la navigation entre les nations pour l'échange direct de leurs propres productions; et celle qui troublerait cet ordre mettrait les autres nations dans une position désavantageuse, qui les éloignerait de l'échange avec elles. Сборникъ Дера. Collection des principaux économistes, томъ XIV, стр. отъ 193 по 202.

имъ даже простые камушки, облюбованные дикарями, онъ становится цѣнностью и можетъ быть обмѣненъ на предметы необходимости. Сказанное приложимо и къ международной торговли.

Есть націи, пишетъ Лингэ, исключительно занятыя обрабатывающей промышленностью, которыя добываютъ необходимые имъ припасы обмѣномъ на предметы роскоши. Можно ли назвать ихъ нищими только потому, что они не производятъ хлѣба и вина, ими потребляемыхъ. Лингэ не можетъ помириться съ тѣмъ положеніемъ физіократовъ, которое гласитъ, что торговыя страны въ зависимости у земледѣльческихъ. Пока, говоритъ онъ, шеколадъ, табакъ, фарфоръ, сукна, будутъ принадлежать во Франціи къ числу предметовъ ежедневнаго спроса, нація еще меньше будетъ нуждаться въ хлѣбѣ чѣмъ тѣ, которыя его производятъ. Каждый разъ, когда государство имѣетъ конкурентомъ въ международной торговлѣ страну, поставленную природою въ условія, позволяющія ей добывать хлѣбъ съ такими слабыми затратами, что она въ состояніи отпускать его за границу по цѣнѣ ниже той, въ какую обходится его производство въ другихъ мѣстностяхъ, ей выгоднѣе посвятить себя обрабатывающей промышленности. Лингэ сторонникъ того положенія, что человѣческія учрежденія измѣнчивы, что заводимые людьми порядки не могутъ расчитывать на вѣчность. Обѣщаемый поэтому физіократами эдемъ кажется ему сказкой изъ Тысячи и одной ночи. Все, къ чему можно стремиться, это къ тому, чтобы обезпечить возможно большему числу людей une situation douce, а съ этимъ едвали примирима экономическая политика, направленная къ поддержанію цѣны припасовъ на возможно большей высотѣ. Этотъ dogme de la cherté составляетъ между тѣмъ душу физіократіи. Торжество его было бы равносильно пожертвованью интересами рабочаго класса, такъ какъ заработокъ ихъ не ростетъ пропорціонально возростанію цѣнъ. Лингэ знаетъ случаи, въ которыхъ, не смотря на крайнее вздорожаніе хлѣба, плата рабочимъ оставалась той же, что и прежде, и не превышала десяти, двѣнадцати су въ день. Онъ не думаетъ поэтому, чтобы хлѣбная торговля могла пользоваться неограниченной свободой. La liberté du commerce n'a de bons éffets, qu'avec des restrictions.

Лингэ осмѣиваетъ ту мысль, что свобода обмѣна поведетъ къ установленію средней цѣны,—положеніе, какъ мы видѣли, защищаемое Кенэ. Тѣ или другія мѣры по отношенію къ торговлѣ, большее или меньшее стѣсненіе вывоза или ввоза, какъ и большая или меньшая ихъ свобода, должны быть результатомъ хорошо взвѣшаннаго правительствомъ состоянія страны, условій времени, дѣйствительныхъ интересовъ народа и отдѣльныхъ провинцій, а для всего этого необходимы точныя фактическія свѣдѣнія, которыя правительство должно добыть во что бы то ни стало подъ страхомъ сдѣлать въ противномъ случаѣ націю несчастной и поставить самого себя въ безвыходное положеніе [1]).

Едвали не самымъ оригинальнымъ критикомъ физіократической доктрины вообще и ея ученія о свободной промышленности, въ частности, надо признать аббата Галіани. Этотъ секретарь неаполитанскаго посольства въ Парижѣ поражалъ своихъ современниковъ больше блескомъ своего остроумія, нежели глубиною защищаемыхъ имъ доктринъ. Сплоченность молодой школы физіократовъ и та до фанатизма доходящая преданность идеямъ учителя, которая обыкновенно встрѣчается у первыхъ апостоловъ, объясняютъ намъ причину, по которой взгляды Галіани, какъ идущіе въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ, нашли не столько критику, сколько порицаніе у экономистовъ по профессіи, что однако ни мало не помѣшало ихъ успѣху у энциклопедистовъ и большой публики.

Если издатель «Эфемеридъ» нападаетъ на Галіани съ пѣной у рта, утверждая, что въ итальянскомъ аббатѣ его поражаютъ одновременно «скачки обезьяны, когти и пестрота полосъ леопарда» [2]); если три другихъ представителя школы, Рубо, Бодо и Ле Мерсье де ла Ривьеръ, считаютъ нужнымъ подвергнуть ученіе аббата придирчивой и не всегда вѣжливой критикѣ, если въ средѣ лицъ, возводившихъ свои доктрины непосредственно къ Гурнэ, Галіани встрѣтилъ столь же рѣзкій отпоръ, какъ доказываетъ запрещенный правительствомъ, не безъ косвеннаго воздѣйствія самого аббата и его парижскихъ

---

[1]) См. Adolph Philipp. Linguet ein Nationalökonom des XVIII Jahrhunderts, стр. отъ 65 до 91.

[2]) Ephémérides отъ января 1770 г.

друзей, трактатъ Морелэ[1]), то, съ другой стороны, Дидро, Вольтеръ и Гримъ, заодно съ литературными салонами госпожъ д'Эпинэ и Неккеръ, создали своими похвалами такую громкую репутацію итальянскому экономисту, что вскорѣ со всѣхъ концовъ Европы, отъ Екатерины II, какъ отъ Генриха прусскаго, брата Фридриха Великаго, неговоря уже о болѣе мелкихъ германскихъ потентантахъ, въ томъ числѣ такъ высоко цѣнимаго самимъ Галіани принца Саксенготорбскаго, стали приходить восторженные отзывы и выраженія неподдѣльнаго сочувствія и интереса. Переписка аббата Галіани съ госпожей д'Эпинэ рисуетъ намъ автора ея глубоко убѣжденнымъ въ правотѣ защищаемыхъ имъ взглядовъ и далеко не повиннымъ въ томъ безпринципномъ скептицизмѣ и исканіи одного литературнаго успѣха, въ какихъ обвиняли его сторонники физіократіи. Принужденный покинуть, скрѣпя сердце, Парижъ и занять постъ члена торговаго суда въ Неаполѣ, Галіани изъ своей родины, сдѣлавшейся для него теперь мѣстомъ ссылки, не перестаетъ торопить пріятельницу съ изданіемъ оставленной имъ рукописи «Діалоговъ о хлѣбной торговли»[2]). Дидро, взявшійся за ея просмотръ и исправленіе со стороны слога, едва имѣетъ нужное время для производства этой работы, такъ настойчивы ходатайства о ея завершеніи. На свой трудъ Галіани смотритъ, какъ на выполненіе долга благодарности по отношенію къ такъ дружно принявшей его Франціи.

Онъ прямо заявляетъ это въ письмѣ къ Сартину, лейтенанту полиціи (нѣчто въ родѣ теперешняго префекта), письмѣ отъ 27 апрѣля 1770 года. «Я думалъ, пишетъ онъ, принесть пользу вашей странѣ, дѣлая предметомъ обсужденія одинъ изъ важныхъ вопросовъ, задѣвающихъ ее за живое и далекихъ отъ всякой матафизики и теологіи; я думалъ сдѣлать доброе дѣло своимъ протестомъ противъ энтузіазма и сектанства, которые всегда все портятъ. Если мнѣ и не удастся вызвать перемѣны въ существующихъ административныхъ порядкахъ, насколько они касаются народнаго продовольствія и хлѣбной торговли, то мнѣ

---

[1]) См. Schelle. Du Pont de Nemours et l'école Physiocratiquc, стр. 140 и 141.

[2]) Письмо Галіани къ г-жѣ д'Эпинэ отъ 2 октября 1769 года.

по крайней мѣрѣ дано будетъ доказать, что люди, которыхъ я уважалъ за чистоту ихъ намѣреній въ области экономіи и которые слыли философами, на самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ мелкая тайная банда, со всѣми недостатками сектанства, съ особымъ жаргономъ, особой системой, любовью къ преслѣдованію, ненавистью ко всѣмъ, кто стоитъ внѣ ея рядовъ и способностью лаять не кстати, обнаруживая злостность и узколобіе. Члены ея—настоящіе янсенисты сенъ Медара, перенесенные въ область политики; ихъ можно было бы бояться, еслибъ они не писали скучно; но книга, не имѣющая читателей, все равно, что не существующая и потому не заслуживаетъ преслѣдованія» [1]).

Тщетно стали бы приводить въ доказательство неискренности аббата слѣдующій отрывокъ изъ письма его къ госпожѣ д'Эпинэ: «При третьемъ чтеніи Мореллэ, (котораго онъ шутливо называетъ Панургомъ), несомнѣнно замѣтитъ, что главное дѣйствующее лицо моихъ Діалоговъ, рыцарь Занобій, (въ которомъ авторъ изобразилъ самаго себя), не вѣрить ни единому слову изъ всего имъ сказаннаго, что онъ величайшій скептикъ въ мірѣ, но, изъ милости, не открывайте никому этого секрета. Одинъ Гриммъ понялъ меня вѣрно съ самаго начала; онъ отгадалъ, что книга моя останется безъ заключенія. Пришлось однако дать его, зная любовь парижскихъ зѣвакъ къ выводамъ» [2]). Этотъ отрывокъ могъ бы служить къ оцѣнкѣ нравственной физіономіи автора, еслибы намъ не была извѣстна та рисовка, съ которой онъ любилъ говорить о себѣ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ чувствительности и относящимся ко всему шутя. Эти свойства исчезаютъ въ немъ, однако, каждый разъ, когда онъ задѣтъ за живое не только въ своемъ самолюбіи, но и въ томъ, что можно назвать его научнымъ credo. Охотно говорящій о себѣ самомъ, какъ о Маккіавелино, Галіани въ душѣ считаетъ свою книгу хорошей книгой [3]).

Онъ жалѣетъ о томъ, что условія, въ которыхъ ему приш-

---

[1]) См. L'Abbé Galianl. Correspondance publieé par Perey et Maugras, 2-ое изд. томъ I, стр. 113 и 114.

[2]) Ibid., письмо отъ 27-го января 1770 года, стр. 57 и 58.

[3]) Foi de connaisseur, пишетъ онъ къ г-жѣ д'Эпинэ, c'est un bon livre, письмо отъ 3 февраля 1770 года, стр. 64.

лось писать свои Діалоги, «наканунѣ отъѣзда, со слезами на глазахъ», помѣшали ему дать необходимое развитіе своей доктринѣ [1]). Діалоги появились въ печати только въ виду настояній Дидро и барона Гольбаха. «Я, пишетъ первый, палъ на землю, умоляя его обнародовать свои идеи. Одно изъ двухъ, или ничто въ политикѣ не можетъ быть доказано, или Галіани удалось убѣдить насъ, что неограниченый вывозъ хлѣба за границу— безуміе» [2]). Галіани такъ серьезно относится къ своей книгѣ, что вскорѣ по выходѣ перваго изданія уже занятъ мыслью о восполненіи своего сочиненія новымъ діалогомъ, въ которомъ объяснено бы было, что онъ разумѣетъ подъ системой хлѣбныхъ складовъ, безъ которыхъ, прибавляетъ онъ, торговля хлѣбомъ не мыслима во Франціи [3]).

Онъ озабоченъ мнѣніемъ о своемъ сочиненіи всѣхъ выдающихся людей того кружка, въ которомъ ему пришлось вращаться въ Парижѣ, Мармонтеля и Шастелю, автора трактата «объ общественномъ благополучіи», шведскаго посла, графа Крейца, и больше всего мнѣніемъ Вольтера и Тюрго. Первый не скрываетъ удовольствія, испытаннаго имъ при чтеніи Діалоговъ. «Платонъ и Мольеръ, пишетъ онъ, обращаясь къ Дидро, сошлись, чтобы написать эту книгу. Рѣдко когда люди говорили такъ весело истину, читаемъ мы въ другомъ его письмѣ, къ д'Аржантелю. Неаполитанцу пришлось дать французамъ урокъ въ остроуміи и въ администраціи» [4]).

Тюрго болѣе строгъ въ своемъ отзывѣ; отдавая должное ловкости, тонкости, блеску ума и граціи, съ которой написаны Діалоги, онъ думаетъ, что авторъ затратилъ много силъ на доказательство ложнаго положенія и оказалъ своей книгой поддержку глупцамъ и мошенникамъ, готовымъ стоять за сохраненіе старинныхъ запретовъ касательно вывоза хлѣба [5]).

---

[1]) Il y manque le plus important de mon système, ibid., стр. 66.

[2]) Переписка съ дѣвицей Воланъ, отрывокъ цитируемый Пэрэ и Могра. Correspondanse de Galiani, томъ I стр. 70.

[3]) Ibid., стр. 59.

[4]) См. Apendice V, томъ I, стр. 503.

[5]) Ibid., apendice IX, письмо къ Мореллэ отъ 19 января 1770 года и къ дѣвицѣ de l'Espinasse отъ 26 того же мѣсяца.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что взгляды великаго реформатора въ этомъ вопросѣ сходились съ возрѣніями физіократовъ и, въ частности, съ тѣми, какихъ придерживался Гурнэ.

Сочиненіе Галіани, по моему мнѣнію, выходитъ за предѣлы спеціальной монографіи по частному вопросу экономической политики. Оно вноситъ въ разсмотрѣніе соціальныхъ задачъ его времени ту новую и вполнѣ научную точку зрѣнія, которую можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: 1) Относительность и потому временность всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствами въ интересахъ обезпеченія, какъ народнаго продовольствія, такъ и успѣха земледѣлія, промышленности и торговли [1]). 2) Зависимость этихъ мѣръ отъ формы правленія, размѣровъ территоріи, качества почвы и климата, характера международныхъ отношеній и экономической политики иноземныхъ государствъ, не говоря уже о преходящихъ и случайныхъ причинахъ, какими можетъ быть неурожай или наоборотъ обильная жатва [2]).—3) Отсутствіе незыблемыхъ и равно примѣни-

---

[1]) См. въ библіотекѣ сочиненій итальянскихъ экономистовъ классиковъ, часть современная, томъ 5 и 6. Dialogues sur le commerce des blés par l'Abbé Ferdinand Galiani Nopolitain, въ частности діалогъ I и II. На страницѣ 57 второго діалога мы читаемъ: il faut voir les différens rapports de l'administration du blé dans les petites sonverainetés, dans les médiocres et dans les grandes. Dans les petites, le blé est une affaire entièrement du ressort de la politique. Dans les grandes, il pourrait n'être qu'une affaire de commerce. Les petites souverainetés sont susceptibles d'une administration qui est impratiquable dans les grandes, par la raison de leur grandeur même; смотри также стр. 85, третій діалогъ.

[2]) См. діалогъ третій, стр. 103: Comment voulez vous que ce qui convient à un million ou daux d'habitans, puisse convenir à un nombre dix-huit ou vingt fois plus grand?.. Quelle comparaison à faire entre la France et la Hollande, pays tont entouré de la mer, percé d'une infinité de rivières et de canaux. Стр. 104. C'est peut-être d'après vos écrivains (разумѣются физіократы) que vous imaginez, qu'au moyen d'une liberté entière, vous pourrez avoir en France comme en Hollande le blé toujours au même prix, et ce projet n'est au fond autre chose, que celui de mettre toute la France en ports de mer. Смотри также все, что онъ говоритъ о связи, существующей между хлѣбной политикой Англіи, благопріятной принципу свободы торговли, ея островнымъ положеніемъ, и смѣшаннымъ характеромъ ея правитель-

мыхъ ко всѣмъ странамъ и во всѣ времена экономическихъ законовъ, того естественнаго порядка отношеній, какой провозглашали физіократы, и которому доселѣ продолжаютъ вѣрить послѣдователи манчестерской школы [1]). 4) Отрицаніе также всѣхъ основныхъ положеній физіократіи: производительности одного земледѣлія и безплодности въ дѣлѣ накопленія богатствъ, промысловъ и торговли; необходимости въ виду этого всячески поощрять интересы собственниковъ, какъ распредѣлителей до-

---

ства (Діалогъ 3-й, стр. 109 и 111); Діалогъ 5-й, la bonne législation est toujours celle qui convient à la constitution, aux forces et à la nature de chaque pays.

[1]) См. діалогъ 4-й. Говоря объ основномъ положеніи физіократіи que l'agriculture est la source de la richesse de tous les pays, Галіани замѣчаетъ: Ce principe qu'ils prennent pour général, n'appartient en particulier qu'aux pays purement agricoles, стр. 118. Vous trouverez ces choses toujours liées ensemble et se donnant mutuellement la main. Pays stérile, moeurs et gouvernement républicains, industrie de manufactures ou de navigation, paix, silence, économie, tristesse et vide dans l'histoire. Dans les pays fertiles vous trouverez toujours inégalité de conditions, gloire, honneur, charges, gouvernement monarchique, grand bruit, grandes secousses et une histoire amusante à lire, стр. 123. Пятый діалогъ: si vous exceptez le peuple Romain qui a été en tout une exception de toutes les règles, vous n'uaurez ancun exemple de pays libres où les manufactures n'aient été florissantes... un peuple purement agricole est le plus malheureux des peuples; livré à la servitude, à la superstition et à l'indigence, il cultive d'autant plus mal, que la culture est sa seule occupation, et il souffre d'autant plus les horreurs de la disette, qu'il n'a que des productions de la terre pour tout bien... Telle a été et serait encore la France, si le grand génie de Colbert n'avait ramené votre nation de la fainéante indigence de l'état agricole et de la féroce anarchie de la chevalerie à la tranquilité de la soumission, au calme de l'aisance et au luxe de l'industrie. Смотри страницы 189 и 190... C'est des manufactures seules que vous pouvez espérer une circulation prompte et égale des richesses, l'extinction des usures et des contrats onéreux pour l'emprunteur, l'ègalité du produit total de l'ètat au milieu de toutes les vicissitudes, l'égalité par conséquent du, produit des imprôts, d'où dérive la force de l'ètat, стр. 199... Ceux qui ont dit, ou qui diront que l'encherissement des vivres et l'encherissement de la main — d'oeuvre ne faisaient aucun tort aux manufactures, et que, quand ils en feraient aux manufactures, il n'y aurait rien a craindre pour l'etat, out dit une grande sottise, стр. 202.

хода между государствомъ, получающимъ его въ формѣ единаго прямого налога на землю или точнѣе на ея чистую выручку, промышленнымъ классомъ, получающимъ его въ формѣ заработковъ, будто бы всегда возростающихъ параллельно съ увеличеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, и торговцамъ, обороты которыхъ зависятъ отъ суммы отпусковъ сырья за границу. 5) Галіани, въ частности, подробно развиваетъ, въ противность физіократамъ, тотъ взглядъ, что внутренняя торговля, которую они считали всего менѣе производительной, заслуживаетъ еще большаго вниманія, чѣмъ внѣшняя [1]), что равное поощреніе вывоза хлѣба за границу и изъ провинціи въ провинцію можетъ повесть за собою искусственную дороговизну припасовъ въ виду того, что снабженіе ими внутреннихъ областей можетъ быть затруднено все еще продолжающими держаться заставами и поборами [2]), что свобода торговать хлѣбомъ должна быть проведена постепенно, иначе она вызоветъ внезапное измѣненіе въ покупательной цѣнѣ денегъ, понизитъ ее, вызывая вздорожаніе хлѣба, а это отразится невыгодно на судьбѣ всѣхъ тѣхъ классовъ, которые живутъ денежнымъ заработкомъ, годо-

---

[1]) Діалогъ 7-ой, томъ IV, стр. 109. Je soutiens ensuite que le commerce intérieur est tellement préférable, d'une telle importance, d'une utilité si supérieure à l'autre, qu'il n'y a pas de comparaison à faire entre les deux.

[2]) Діалогъ 7-ой, томъ IV, стр. 98. Je ne parle pas ici de la liberté intérieure du commerce d'une ville à l'autre. Il est honteux autant qu'il est incroyable, qu'il ait fallu une loi pour la permettre, et que cette loi n'ait été donnée pour la premiére fois qu'en 1763. Oublions, pour l'honneur de la France, qu'il ait existé un temps, où les enfants d'un même père, bien loin de s'entr'aider dans la détresse, s'arrachaient l'un à l'autre le pain de la bouche en vetru d'édits donnés par le même roi.— Діалогъ 7, томъ IV, стр. 253. Un peuple qui possède une grande étendue de pays inculte et qui touche à d'autres pays encore plus déserts, peut s'adonner entièrement à l'agriculture et en faire son objet principal; il a une grande marge devant lui et ne craint pas que la terre lui manque — стр. 254. Mais si un pays est resserré, lorsqu'il parvient a un certain degré de population et de culture, le produit du sol rencontre sa borne; il est absorbé par la consommation intérieure, et le pays ne peut s'enrichir sans la ressource des manufactures; la France est dans ce cas. (Діалогъ 6). Діалогъ 7, томъ IV, стр. 117). l'exportation enrichira les provinces frontières, détruira les intérieures.

вымъ жалованіемъ или пенсіей [1]). Онъ желалъ бы сохранить невысокую вывозную пошлину на хлѣбъ, которая уравновѣсила бы выгоды внутренняго и внѣшняго рынка и позволила бы государству доставляемымъ ею доходомъ выкупать вотчинные поборы, продолжающіе держаться по судоходнымъ рѣкамъ и дорогамъ [2]). Принимая во вниманіе, что иноземныя правительства могутъ слѣдовать иной съ Франціей политики по отношенію къ вывозу сырья и запрещать послѣдній, Галіани считаетъ вывозныя пошлины необходимой гарантіей противъ возможнаго оскудѣнія домашняго рынка, не питаемаго обратнымъ ввозомъ изъ за-границы [3]). Наоборотъ, въ томъ случаѣ, еслибы свобода отпуска была принята всѣми торгующими съ Франціей націями, интересъ земледѣлія потребовалъ бы, думаетъ онъ, защиты ввозныхъ пошлинъ. Доходъ съ нихъ авторъ Діалоговъ предлагаетъ обратить на тотъ же выкупъ вотчинныхъ заставъ, на который должны пойти пошлины съ вывоза.

Присоединяясь ко взглядамъ, высказаннымъ столѣтіемъ раньше меркатилистами, въ частности Кольберомъ, Галіани видитъ главную выгоду свободнаго отпуска хлѣба за границу въ поощреніи судостроительства и торговаго мореходства; поэтому онъ не прочь установить покровительственныя пошлины съ иностранныхъ кораблей, занимающихся вывозомъ французскаго сырья. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Галіани нельзя считать ни безусловнымъ противникомъ, ни защитникомъ свободной торговли; онъ видитъ, заодно съ современными представителями положительной школы въ области политической экономіи, въ покровительственной системѣ и во фритредерствѣ относитель-

---

[1]) Si la valeur numéraire de toutes les choses est changée, le trouble s'empare de tous les coeurs, on ignore son sort, la gaieté disparait, Cet effet que l'augmentation des monnaies produit infal'liblement est encore plus terrible s'il dérive de l'augmentation du prix des denrées (т. V, стр. 140). Les ouvriers et les manufacturiers ne peuvent'pas se flatter de recevoir aussi promptement l'augmentation de leur journée (стр. 143).

[2]) Ainsi je fais servir le droit sur l'exportation à facilter la circulation intérieure (діалогъ 7, т. VI, стр. 165).

[3]) Que le produit de ces droits d'importation soit destiné à l'extinction et au remboursement de tout ce qui urrête la circulation intérieure (діалогъ 7, т. VI, стр. 187).

ныя выгоды и невыгоды. Онъ думаетъ, что главная задача правительства должна состоять въ томъ, чтобы обезпечить ростъ населенія [1]), а для этого нельзя пріурочить навсегда Францію къ производству одного хлѣба, такъ какъ этотъ продуктъ доставляютъ и страны, не имѣющія ея преимуществъ климата и почвы, не говоря уже о тѣхъ, какія даетъ жителямъ вѣковая подготовленность къ ремесленной и промышленной дѣятельности.

При благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ свободный отпускъ хлѣба за границу могъ-бы повесть самое большее къ обращенію всей Франціи въ нивы, тогда какъ гораздо доходнѣе расширить въ ней производство болѣе цѣнныхъ и незнающихъ заграничной конкуренціи продуктовъ, какими являются напримѣръ вина Бургундіи [2]).

Исключительное производство злаковъ, учитъ Галіани, являющійся въ этомъ отношеніи совершеннымъ новаторомъ, должно составить достояніе странъ отсталыхъ и варварскихъ [3]), какими онъ считаетъ не одну Польшу, но и другія государства востока.

Понятно, что такія воззрѣнія должны были встрѣтить горячій отпоръ въ лагерѣ одностороннихъ ревнителей земледѣлія, какими были физіократы; но менѣе объяснимо почему стоящій въ сторонѣ отъ нихъ энциклопедистъ Мореллэ также напалъ на Галіани, какъ на противника свободной торговли. Галіани защищается отъ этого обвиненія и говоритъ въ частномъ письмѣ къ нему, что свобода отпуска не имѣла пока во Франціи болѣе серьезнаго ревнителя, какъ онъ самъ. Онъ первый открылъ глаза публикѣ на то, что эдиктъ 1764 года, выдаваемый правительствомъ за удовлетвореніе требованій фритредеровъ, на

---

[1]) Le commerce des manufactures augmenta en raison des bras. Comme la fin de tout bon gouvernement est d'augmenter la population, il s'en suit que son vrai but est l'augmentation des manufactures qui croissent en proportion des hommes et qui vont pour ainsi dire à l'infini, et qu'il doit se réjouir de la diminution de l'exportation des denrées (т. V, стр. 245).

[2]) См. діалогъ 7, стр. 281 по 287.

[3]) Laissez la gloire du commerce des denrées à la Turquie, à l'Egypte, aux côtes d'Alger, à Maroc, à la Pologne et à d'autres pays pauvres, dépeuplés et malheureux (6 dialogue, т. V, стр. 247).

самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ ловушка, такъ какъ имъ только обѣщалось въ будущемъ и не принималось въ настоящемъ никакихъ мѣръ къ устраненію поборовъ и преградъ, отъ которыхъ страдаетъ внутренняя торговля припасами. Я первый сталъ проповѣдывать, пишетъ онъ: обезпечьте внутренній обмѣнъ, начните съ этого; если затѣмъ останется еще что для вывоза, а предвидѣть этого напередъ нельзя, такъ какъ населеніе, а слѣдовательно и потребленіе, могутъ возрости или сократиться по разнымъ причинамъ, тогда и только тогда допускайте неограниченный вывозъ. Нельзя вѣдь ставить на равную ногу интересы домочадца и чужихъ собакъ, нельзя, по вѣрному выраженію евангелиста Матѳея, отымать хлѣбъ у сыновей и бросать его псамъ [1]). Въ другомъ посланіи, къ графу Шомбергъ, принадлежавшему къ тѣсному кругу друзей, въ обществѣ которыхъ аббатъ проводилъ время въ Парижѣ, Галіани защищаетъ свои взгляды, говоря: облегченіе вывоза, разъ онъ не выходитъ за предѣлы, опасные для внутренняго обмѣна,—такова рекомендуемая мною политика хлѣбной торговли. Я, прибавляетъ онъ, желалъ того же, что и «экспортисты», но только подъ условіемъ постепенности въ проведеніи реформы, [2]). Галіани настолько убѣжденъ въ правильности своей точки зрѣнія, что предвидитъ для Франціи наступленіе голоднаго года, какъ послѣдствія внезапнаго и радикальнаго измѣненія въ хлѣбной торговлѣ, и предсказываетъ ближайшую отмѣну эдикта, допустившаго свободу отпуска. Девятаго іюня 1770 онъ пишетъ къ г-жѣ д'Эпинэ: «у меня засѣла въ головѣ мысль, что въ этомъ же году мои діаллоги вызовутъ отмѣну эдикта, такъ какъ во Франціи повторится предвидѣнный и предсказанный мною голодъ [3]). 1770 годъ, пишетъ онъ нѣсколько времени спустя (30-го іюня), не пройдетъ безъ отозванія эдикта и побѣда окажется на моей сторонѣ [4]). Оба пророчества сбылись, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и государственный контролеръ аббатъ Тэрэ отмѣнилъ въ іюлѣ того же 1770 года сво-

---

[1]) Correspondance, томъ I, письмо къ Морелэ отъ 26 мая 1770 г. стр. 156 и 157.

[2]) Ibid., письмо отъ 19-го мая 1770 года, стр. 148 и 150.

[3]) Ibid., стр. 172.

[4]) Ibid., стр. 180.

боду вывоза хлѣба за границу. 14-го Галіани пишетъ: я былъ Касандрой; мнѣ не повѣрили, а пророчества мои сбылись [1]). Онъ собирался одновременно восполнить свои 8 діалоговъ девятымъ, болѣе спеціально посвященнымъ вопросу о хлѣбныхъ складахъ [2]), вопросу, по которому итальянская практика, такъ называемое законодательство объ annona, или народномъ продовольствіи, могла доставить ему обильный матерьялъ опыта и наблюденій. Въ этомъ къ сожалѣнію не написанномъ діалогѣ авторъ далъ бы вѣроятно болѣе подробное развитіе того уже высказаннаго имъ въ прежнихъ взгляда, что запрещеніе оптовыхъ запасовъ, составлявшее необходимое звено въ цѣпи мѣропріятій, которыми правительство среднихъ вѣковъ стремилось обезпечить дешевизну народнаго продовольствія, въ ущербъ иностранцамъ, становится анахронизмомъ при политикѣ свободной торговли.

Вмѣсто того, чтобы вызывать искуственное поднятіе цѣнъ, оптовые склады могутъ содѣйствовать ихъ равновѣсію, такъ какъ привлекаютъ хлѣбъ только оттуда, гдѣ онъ имѣется въ наибольшемъ изобиліи и стоитъ поэтому всего дешевле. Наоборотъ возложенное эдиктомъ 1764 года обязательство покупать хлѣбъ для заграничнаго отпуска не иначе, какъ на рынкахъ, можетъ повесть къ внезапному повышенію его цѣны въ той или другой мѣстности, т. е. къ чему то совершенно обратному преслѣдуемой цѣли. Одно время аббатъ надѣялся, что французское пртвительство не только воспротивится дальнѣйшимъ нападкамъ на его діалоги, но и призоветъ его къ совѣту въ переживаемыхъ затрудненіяхъ. Пусть аббатъ Тэрэ, пишетъ онъ 4-го августа, обнаружитъ лишь малѣйшее желаніе узнать мое мнѣніе, и я поспѣшу на помощь къ плохо освѣдомленнымъ [3]). Когда послѣдовало самое отозваніе эдикта, Галіани увидѣлъ въ этомъ фактѣ только первый шагъ къ осуществленію той, какъ онъ выражается, системы, какая проповѣдуема была въ его діалогахъ. Не сомнѣвайтесь, пишетъ онъ къ г-жѣ д'Эпинэ, ее примутъ цѣликомъ. Я поистинѣ слишкомъ

---

1) Ibid., стр. 193.

2) Correspondance, томъ I, стр. 232.

3) Ibid., стр. 219.

правъ (j'ai ma foi trop raison) [1]). Къ сожалѣнію процессъ мой выигранъ, пишетъ онъ въ позднѣйшемъ посланіи, и издержки его пали на рядъ французскихъ провинцій, посѣщенныхъ голодомъ; но я такъ добръ съ моими противниками, что только озабоченъ мыслью, какъ бы помочь имъ поставкой нашего хлѣба. Насталъ моментъ убѣдиться въ безсмысліи тѣхъ, которые надѣялись уравновѣсить вывозъ ввозомъ. Первое, что сдѣлала Австрія, было запретить фламандцамъ снабжать хлѣбомъ французовъ и никто не увидѣлъ въ этомъ ничего чрезвычайнаго [2]). Нигдѣ однако Галліани не высказываетъ съ такою полнотою и опредѣленностью всей своей мысли, всего того, что по цензурнымъ соображеніямъ не было имъ договорено, а тѣмъ не менѣе является ключемъ къ пониманію его конечныхъ выводовъ, какъ въ письмѣ къ Сюару, энциклопедисту и члену одного кружка съ Дидеро. Какъ, пишетъ онъ ему, Вы не прочли между строками того, что не было написано, а между тѣмъ непосредственно вытекаетъ изъ моей книги. Сдѣлай Вы это, Вы нашли бы, что законодательство о хлѣбной торговлѣ всегда соотвѣтствуетъ духу правительства. Въ деспотіяхъ свобода вывоза невозможна, такъ какъ тиранъ всегда боится криковъ своихъ голодныхъ рабовъ. Въ демократіяхъ она естественна и необходима, такъ какъ правители сливаются въ ней съ управляемыми и взаимное довѣріе не имѣетъ границъ. Но въ государствѣ смѣшанномъ (какова въ глазахъ Галіани была Франція уже при старомъ порядкѣ) свобода отпуска должна терпѣть извѣстное ограниченіе. Рѣзкій переворотъ въ хлѣбной политикѣ повліялъ бы на самую форму французскаго правительства. Такая перемѣна прекрасное дѣло, когда она осуществилась, но прескверная въ самомъ осуществленіи; отъ нея терпятъ два-три поколѣнія, а пользуется ею только потомство. Лучше поэтому сохранить и свое правительство, и свои хлѣба. Вы согласны со мною, что регламенты необходимы, но не одобряете избранныхъ мною. Каковы же они? я предложилъ поощреніе всѣмъ, кто будетъ доставлять хлѣбъ нуждающимся въ немъ горцамъ Лиму-

---

[1]) Ibid., письмо отъ 11-го августа 1770 года, стр. 229 и 230.

[2]) Ibid., стр. 242 и 243.

зена и Жеводана. Гдѣ написано Вами это, воскликнете Вы? Между строками, отвѣчу я. Вчитайтесь внимательнѣе, принявъ предварительно за аксіому, что поощреніе и пошлина синонимы. Все что правительство не беретъ у Васъ, идетъ Вамъ въ прибыль. Государь не имѣетъ другого дохода, кромѣ налоговъ. Желая давать, онъ долженъ брать, и наоборотъ, когда онъ не беретъ, онъ даетъ. Правительство, отказывающееся брать пошлину съ хлѣба, идущаго въ Лимузенъ, и облагающее ею отпускъ въ Португалію, дѣлаетъ настоящій даръ внутреннимъ торговцамъ, въ виду дурного состоянія дорогъ и бѣдности жителей внутреннихъ областей. Не теряйте изъ виду, что Франція государство торговое, промышленное и мореходное, что ея богатства сосредоточились поэтому въ пограничныхъ провинціяхъ. Цвѣтущіе города расположены на окраинахъ, внутренность же страны отличается ужасающей худобою. Но хлѣбъ идетъ туда, гдѣ имѣются деньги. Во Франціи существуетъ поэтому центробѣжная сила, съ которой надо бороться; иначе хлѣбъ уйдетъ къ границамъ. Скажи я, что, рядомъ съ допущеніемъ свободы вывоза, необходимо поощрять наградами внутреннихъ торговцевъ, въ виду дурного состоянія дорогъ и трудности торговаго обмѣна въ нищенскихъ провинціяхъ центра, всѣ экономисты (физіократы) бросились бы ко мнѣ на шею. Я сказалъ тоже въ другой формѣ, рекомендуя защитительныя пошлины; экономисты захотѣли убить меня. Но дѣло въ томъ, что, вмѣсто непрактичнаго совѣта, я далъ совѣтъ благоразумный и легко осуществимый. Вотъ что я сдѣлалъ для внутренней торговли. Я въ тоже время поощрилъ и обезпечилъ, сдѣлалъ священной и неприкосновенной торговлю отпускную. Какъ же это, скажите Вы, разъ мною предложено ограниченіе свободы торговли, которая, какъ учитъ аббатъ Морэллэ, должна быть абсолютной. Да развѣ я не заинтересовалъ правительство въ отпускѣ хлѣба, установивъ въ его пользу пошлину съ вывоза? Вывозъ сдѣлается дорогимъ для него, какъ средство обогащенія казны, священнымъ, какъ источникъ дохода, поощряемымъ, въ виду приносимыхъ имъ выгодъ. Пошлиной Вы покупаете свободу торговли, ея покровительство.

Меня назовутъ Маккіавелли, а я въ замѣнъ признаю моихъ

противниковъ «экономистами», т. е. безумцами, желающими исправить природу и измѣнить людей. Разъ вывозъ не будетъ давать денегъ правительству, забудятъ о томъ, что онъ поощряетъ земледѣліе и что земледѣліе основа народнаго богатства. Хотите, чтобы отпускъ пользовался покровительствомъ и поощреніемъ, сдѣлайте изъ него источникъ дохода для правительства. Вотъ что говоритъ Вамъ человѣкъ, знающій людей, и вотъ къ чему сводится правильный разборъ моихъ діалоговъ, ничего не имѣющій общаго съ тѣмъ, какой данъ имъ повседневной печатью. Надо воздѣйствовать на страсти и пороки людей, чтобы добиться опредѣленныхъ результатовъ въ области народнаго хозяйства. Энтузіазмъ писателей, которымъ, по мнѣнію Галіани, такъ отличаются физіократы, никогда ничего не создавалъ положительнаго въ жизни. Для этого необходимо привесть въ дѣйствіе личный интересъ [1])

Я остановился въ подробности на анализѣ взглядовъ Галіани потому, что они кажутся мнѣ переходнымъ звеномъ отъ абсолютныхъ теорій прошлаго вѣка, будутъ ли ими меркатилизмъ, т. е. поощреніе вывоза мануфактуратовъ и запрещеніе отпускать сырье за границу, или физіократія, отождествившая себя съ принципомъ неограниченной свободы торговли. Галіани является провозвѣстникомъ ученій, проповѣдуемыхъ современной положительной школой экономистовъ, которая не допускаетъ абсолютныхъ принциповъ, равно примѣнимыхъ ко всѣмъ націямъ и во всякое время, и сомнѣвается въ томъ, чтобы путемъ невмѣшательства въ экономическую дѣятельность можно было достигнуть какого либо идеальнаго, естественнаго порядка. Галіани сторонникъ умѣреннаго покровительсва, вызываемаго соображеніями народной пользы, а не фискальнымъ расчетомъ, покровительства временнаго и преходящаго, способнаго умѣрить силу толчка, какой необходимо произведетъ рѣзкій переходъ отъ запретительства къ свободѣ, и подготовить націю къ тому, чтобы извлечь изъ этой свободы всѣ выгоды, какія она обѣ-

---

[1]) Ce n'est pas l'enthousiasme des écrivains qui ait rien fait dans ce monde, c'est l'interêt particulier. Ibid., письмо отъ 8-го сентября 1770 года, стр. 251.

щаетъ въ сферѣ торговаго обмѣна и косвенно въ сферѣ производства.

Какъ критикъ физіократическаго ученія, Галіани имѣетъ соперниковъ не только въ послѣднихъ эпигонахъ меркантилизма, но и въ такихъ отрицателяхъ современнаго буржуазнаго строя, какимъ являлся Лингэ. Не даромъ же публика приписывала нѣкоторое время его діалоги этому послѣднему и самъ аббатъ высказывалъ свое удовольствіе по случаю такого смѣшенія ихъ именъ. Но какъ провозвѣстникъ ученія объ относительности экономическихъ порядковъ и ихъ измѣнчивости во времени, Галіани стоитъ особнякомъ. Зарожденіе такихъ взглядовъ въ Италіи и именно въ Неаполѣ легко объясняется воздѣйствіемъ, какое имѣлъ на Галіани Вико, съ которымъ онъ такъ часто бесѣдовалъ въ юности, о метафизикѣ и философіи во дворцѣ дяди архіепископа [1]). Они чужды еще были французамъ, переживавшимъ въ XVIII вѣкѣ въ области политики, какъ и въ области экономіи, періодъ увлеченія абсолютными принципами, изъ которыхъ необходимо должна слагаться всякая революціонная доктрина. Этимъ и объясняется, почему взгляды Галіани, за немногими исключеніями, встрѣтили отпоръ въ руководящихъ теоретикахъ Франціи, почему они не были поняты не только физіократами, но и ихъ противниками, въ томъ числѣ Мореллэ и Неккеромъ, почему, въ частности, начатая Кенэ и Гурнэ проповѣдь неограниченной свободы торговли нашла сторонника и въ самомъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ второй половины XVIII столѣтія, въ Тюрго.

Послѣдній идетъ по стопамъ своего прямого учителя и временнаго начальника, интенданта коммерціи, котораго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ по Южной Франціи. Подобно Гурнэ, онъ является выразителемъ взглядовъ, ранѣе высказанныхъ англійскими экономистами и въ числѣ ихъ переведенымъ Гурнэ Чайльдомъ. Чтобы защитить тѣ же взгляды, Тюрго счелъ полезнымъ познакомить французскую публику съ сочиненіемъ другого англійскаго экономиста Тукера, также доказывавшаго пользу конкуренціи и естественную зависимость, въ какой про-

---

[1]) См. Galiani, ses amis et son temps. Ibid., томъ I, стр. XIV.

мышленность и торговля стоятъ отъ земледѣлія [1]). Самъ онъ весьма опредѣленно высказывалъ свои взгляды на преимущества свободной торговли въ письмѣ къ аббату Террэ, посланномъ изъ Лиможа 24 декабря 1773 года. Нѣтъ промышленника, пишетъ онъ въ немъ, который не желалъ бы сосредоточить исключительно въ своихъ рукахъ продажу того или другого товара. Всѣ они стараются тѣми или другими софизмами побудить правительство къ устраненію конкуренціи иностранцевъ. Съ этимъ «частнымъ интересомъ» правительству слѣдовало бы бороться, а не потакать ему, какъ это происходитъ сплошь и рядомъ. Какъ истые безумцы (imbéciles) [2]), промышленники и торговцы не видятъ того, что осуществляемая ими монополія направлена не противъ иностранцевъ, а противъ ихъ собственныхъ гражданъ, какъ потребителей, и что тѣ-же граждане, являясь въ свою очередь продавцами, заставляютъ купцовъ и мануфактуристовъ испытывать на себѣ всѣ неудобства подобныхъ монополій... Они не видятъ, что въ этомъ равновѣсіи вымогательствъ и несправедливостей нѣтъ выгодъ ни для одной изъ сторонъ, а есть только реальная потеря для государства, которое, покупая менѣе у иностранцевъ, соотвѣтственно и продаетъ имъ меньше. Неизбѣжное возрастаніе цѣнъ на предметы иностраннаго ввоза уменьшаетъ сумму допускающихъ затраты доходовъ (другими словами — produit net); отъ нея падаетъ богатство собственниковъ и монарха и сокращается фондъ, служащій для покрытія заработковъ непроизводительныхъ классовъ (la somme des salaires à distribuer au peuple). Эта потеря тѣмъ болѣе чувствительна, что въ поддерживаемой государствомъ войнѣ тарифами изъ всѣхъ видовъ внутренней промышлености и торговли одно земледѣліе не допущено къ равному участію. Всѣ, какъ бы согласившись, угнетаютъ его своими монополіями; оно же не только лишено возможности угнетать кого-либо въ свою очередь; но не въ силахъ воспользоваться даже естественнымъ правомъ отчуждать свои продукты иностранцамъ. Такимъ

---

[1]) Questions importantes sur le commerce de Josias Tucker. (Turgot, Ouevres, томъ I, стр. 338).

[2]) См. Lettre à l'abbé Terray sur la marque des fers. 1776 года, стр. 380 и 381.

образомъ, изъ всѣхъ трудящихся классовъ общества одинъ земледѣлецъ страдаетъ и какъ покупатель, и какъ продавецъ. Какими бы софизмами, заканчиваетъ Тюрго, не прикрывался частный интересъ тѣхъ или другихъ коммерсантовъ, но истина лежитъ, несомнѣнно, въ томъ, что всѣ виды торговли должны быть свободны, равно свободны, вполнѣ свободны».

Первый вопросъ, на рѣшеніи котораго отразилось вліяніе новой экономической школы, былъ вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли. Съ цѣлью обезпечить покровительствуемой имъ промышленности дешевизну рабочихъ рукъ, Кольберъ не разъ обращался къ изданію регламентовъ, запрещавшихъ отпускъ хлѣба за границу. Опубликованная Клеманъ переписка великаго министра Людовика XIV не позволяетъ, правда, смотрѣть на него, какъ на систематическаго противника вывоза. «Кольберъ, говоритъ господинъ Аѳанасьевъ, если и запрещалъ его время отъ времени, то потому лишь, что опасался повторенія голода 1661—1663 гг.» [1]).

Какъ бы то ни было, но данный имъ примѣръ нашелъ подражателей и въ первой половинѣ XVIII столѣтія торговля хлѣбомъ, не только внѣшняя, но и внутренняя, изъ провинціи въ провинцію, была обложена пошлинами, ближайшимъ послѣдствіемъ чего являлось крайнее разнообразіе цѣнъ, искусственная дороговизна хлѣба въ однѣхъ мѣстностяхъ и совершенное обезцѣненіе его въ другихъ.

Эдиктъ 17 сентября 1754 года впервые провозгласилъ свободу внутренняго рынка, удерживая въ то же время запреты по отношенію къ ввозу и вывозу. Только 19 іюля 1764 года регистрированъ былъ парижскимъ парламентомъ эдиктъ, разрѣшавшій внѣшнюю торговлю хлѣбомъ. Законъ этотъ отражаетъ на себѣ основныя взглады физіократіи на необходимость поощрять земледѣліе, продукты котораго, значится въ немъ, составляютъ самый вѣрный источникъ государственнаго богатства. Въ мотивахъ, какими гостдарственный совѣтъ объясняетъ свою мѣру, говорится, что упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ можетъ по-

---

[1]) Аѳанасьевъ. Условія хлѣбной торговли во Франціи. Одесса. 1892 г., стр. 192.

дорвать энергію земледѣльцевъ, что необходимо предотвратить возможность его свободой вывоза, что надо, съ другой стороны, устранить всякую монополію въ этомъ дѣлѣ допущеніемъ полной и неограниченной конкуренціи. Это послѣднее соображеніе и заставляетъ правительство объявить, что впредъ никто не обязанъ испрашивать разрѣшенія для вывоза той или другой партіи зерна или муки. Но, допуская свободу отпуска, законъ, въ интересахъ кораблестроенія и каботажной торговли, постановляетъ, что вывозъ моремъ можетъ производиться только на французскихъ судахъ, на которыхъ капитанъ и двѣ трети экипажа французы [1]).

Недостаточный урожай 1767 года впервые заставилъ общественное мнѣніе усомниться въ правотѣ тѣхъ принциповъ, на которыхъ основана была свобода хлѣбной торговли. Починъ вышелъ на этотъ разъ изъ среды непосредственно задѣтыхъ дороговизной крестьянъ и рабочихъ. Народъ сталъ обвинять открыто продавцовъ въ искусственномъ возвышеніи цѣнъ, благодаря оптовымъ закупкамъ и спекуляціямъ на разницу. 6-го ноября 1768 года открылась въ Парижѣ особая коммиссія, въ составъ которой вошли члены парламента, глава парижскаго управленія (prevôt des marchands), 14 депутатовъ отъ духовенства, 14 нотаблей, 15 представителей парижскихъ ремеслъ, нѣсколько откупщиковъ. Эта коммиссія потребовала отмѣны эдикта 1764 года. Она протестовала противъ роковой ошибки «теоретиковъ», заставившихъ правительство отступить отъ принциповъ стариннаго французскаго законодательства. Она настаивала на защитѣ потребителей отъ несправедливости монополистовъ, «фермеровъ-скупщиковъ и алчныхъ коммерсантовъ». Но король не сдѣлалъ ожидаемыхъ отъ него уступокъ. «Возростаніе цѣнъ, отвѣтилъ онъ на представленный ему парламентомъ протестъ, обязано своимъ происхожденіемъ тѣмъ опасеніямъ, какія вызвало чередованіе дурныхъ урожаевъ, опасеніямъ, столь легко возникающимъ въ умахъ слабыхъ и предубѣжденныхъ. Оно обусловлено также интригами злоумышленниковъ, враждебно

---

[1]) Содержаніе эдикта 1764 года передано г. Аѳанасьевымъ на 192 страницѣ его книги.

смотрящихъ на благосостояніе земледѣльцевъ, «этой драгоцѣннѣйшей части моихъ подданныхъ».

Враждебность общественнаго мнѣнія къ свободѣ хлѣбной торговли еще обострилась съ момента изданія Галіани его «Діалоговъ о хлѣбной торговлѣ» [1]).

Сочиненіе это вызвало, какъ мы видѣли, жаркую полемику со стороны приверженцевъ физіократическаго ученія. Рубо, Мореллэ сочли нужнымъ написать на него свои опроверженія. Рѣзкій тонъ свидѣтельствовалъ больше о раздраженіи, нежели о прочности доводовъ, которыми поддерживалось положеніе о необходимости абсолютной свободы даже при наступившей голодовкѣ. Побѣдоносно установлялось только два тезиса, а именно, что свобода торговли поведетъ къ развитію земледѣлія, слѣдовательно и къ увеличенію массы производимаго хлѣба, и что при ней не можетъ существовать тѣхъ рѣзкихъ колебаній въ цѣнахъ, какія встрѣчаются при запретительной системѣ [2]).

Гораздо важнѣе этихъ полемическихъ брошюръ, къ числу которыхъ надо отнести также мемуаръ Мерсье де-ла-Риньера: »Государственный интересъ и свобода хлѣбной торговли», надо признать обнародованныя много лѣтъ спустя семь писемъ Тюрго къ аббату Террэ, тогдашнему генеральному контролеру. Письма отправлены Тюрго изъ Лиможа, въ бытность его интендантомъ Лимузена, съ середины октября до начала декабря 1770 года. Въ нихъ будущій министръ побѣдоносно развивалъ общее физіократамъ воззрѣніе на свободу рынка, какъ на необходимое условіе большаго постоянства цѣнъ. Онъ ставилъ аббату Террэ на видъ, что при запрещеніи вывоза послѣдуетъ сокращеніе района земледѣлія, уменьшеніе чистаго дохода (produit net), упадокъ обработывающей промышленности и рабочихъ заработковъ, забастовка многихъ производствъ и трудность взиманія налоговъ съ крестьянъ, продающихъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ [3]).

«Англичане,—писалъ Тюрго, указывая тѣмъ на связь пропагандируемаго физіократами ученія съ англійской экономической

---

[1]) Афанасьевъ, стр. 210.

[2]) Ibid., стр. 214.

[3]) Turgot, Ouevres, стр. 160 и 161, томъ I.

практикой,—впали въ противоположную намъ крайность, когда въ 1689 году запретили самый ввозъ хлѣба. Эта крайность указываетъ, на сколько было глубоко и всеобще убѣжденіе, что лучшимъ средствомъ обезпечить изобиліе и большій доходъ государству является поощреніе сельско-хозяйственной культуры свободой рынка [1]). Если что является неотложнымъ, то, очевидно, не созданіе новыхъ стѣсненій, а освобожденіе торговли отъ тѣхъ путъ, которыя еще тяготѣютъ надъ нею [2]). Земледѣлецъ производитъ съ цѣлью обмѣна своихъ продуктовъ. Отымите у него возможность этого обмѣна, и онъ ограничитъ размѣры производства личнымъ потребленіемъ. Въ неурожайные годы недостача сдѣлается поэтому тѣмъ болѣе чувствительной. Тюрго доказывалъ, что устройство правительствомъ хлѣбныхъ запасовъ парализуетъ личную предпріимчивость. Ни одно частное лицо не рѣшится конкурировать съ государствомъ. Купцы перестанутъ дѣлать сбереженія, въ виду возможнаго повышенія цѣнъ, и громадныя пожертвованія, какими будетъ сопровождаться снабженіе публичныхъ магазиновъ, не только не помѣшаютъ, но, еще, будутъ содѣйствовать наступленію голодовокъ [3]). Наоборотъ, разъ допустятъ накопленіе хлѣба въ частныхъ магазинахъ, явится возможность, съ одной стороны, отпуска его заграницу въ годы изобилія, съ другой, обратнаго ввоза при недостачѣ. Такимъ образомъ возникнетъ естественная преграда чрезмѣрному возростанію цѣнъ; колебанія ихъ сдѣлаются менѣе значительными. Это положеніе, прибавляетъ Тюрго, вполнѣ подкрѣплено опытомъ [4]). Свобода обмѣна не только не увеличитъ средней цѣны хлѣба, но напротивъ того поведетъ къ ея паденію. Разъ признано, что рабочій, не производя самъ цѣнностей, оплачивается изъ чистой выручки земель и что его вознагражденіе опредѣляется затратами на существованіе, легко прійти къ тому заключенію, что, при паденіи цѣнъ на хлѣбъ, доходы будутъ меньше;

---

[1]) Ibid., стр. 163.

[2]) Ibid., стр. 164.

[3]) Ibid., стр. 169.

[4]) La variation des prix doit devenir moindre et l'expérience prouve encore qu'il en est ainsi. (Ibid., стр. 171).

упадокъ же чистой выручки заставитъ сократить производство, но отъ этого неминуемо послѣдуетъ повышеніе цѣнъ. Такимъ образомъ, дешевизна хлѣба, происходящая отъ затрудненій, поставленныхъ его вывозу, будетъ только временной и не поведетъ къ паденію средней цѣны [1]).

Не увеличенія, а уменьшенія послѣдней, надо ждать отъ свободы хлѣбной торговли. Вѣдь съ нею масса продуктовъ возростаетъ въ большей прогрессіи, чѣмъ потребности,; этого одного достаточно, чтобы вызвать пониженіе [2]). Если выгоды, проистекающія отъ свободной торговли, прежде всего сдѣлаются ощутительными для собственниковъ, благодаря увеличенію получаемой ими арендной платы, то, съ другой стороны, фактъ возобновленія ими договоровъ съ арендаторами лишь по истеченіи извѣстныхъ сроковъ сдѣлаетъ возможнымъ участіе и самаго фермера въ выгодахъ, доставляемыхъ этой возросшей доходностью земледѣлія [3]). При стѣсненіи же хлѣбной торговли, фермерамъ придется, наоборотъ, въ виду сокращенія получаемого ими дохода, затрачивать при платежѣ ренты собственникамъ часть необходимаго въ земледѣліи капитала: продавать рабочій скотъ, сокращать количество влагаемаго въ землю удобренія и т. д. [4]).

Не одинъ только производительный классъ находитъ выгоды въ свободѣ торговли, но и всѣ вообще потребители. Что нужно для обезпеченія жизни, какъ не наличность необходимыхъ для ея поддержанія продуктовъ и ихъ доступность каждому. Какъ можетъ поэтому интересъ потребителей расходиться съ интересомъ сельскихъ производителей, доставляющихъ имъ и хлѣбъ для прокормленія, и заработную плату [5]). Ихъ благосостояніе гораздо больше пострадаетъ при наступленіи тѣхъ постоянныхъ колебаній въ цѣнѣ, какими сопровождается отмѣна свободы рынка. Этими колебаніями нарушается равновѣсіе между поденной платой рабочаго и издержками его существованія.

---

[1]) Ibid., стр. 186, 191.
[2]) Ibid., стр. 193.
[3]) Ibid., стр. 200 и 201.
[4]) Ibid., стр. 203.
[5]) Ibid., стр. 213.

Рабочій людъ не имѣетъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ собственнаго труда. Всякое уменьшеніе производства, въ виду конкуренціи, понижаетъ его заработокъ. Онъ не въ силахъ потребовать отъ предпринимателя, чтобы возможность наступленія неурожая и соотвѣтственной дороговизны хлѣба были приняты въ расчетъ при опредѣленіи заработной платы. Возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ не повліяетъ поэтому сразу на ея увеличеніе Оно произведетъ даже обратное дѣйствіе; «нищета устраняетъ возможность лѣнности и дѣлаетъ трудъ настолько необходимымъ, что всякій готовъ предложить его даже по уменьшенной цѣнѣ» [1]). Такимъ образомъ, всѣ классы общества одинаково заинтересованы въ торжествѣ защищаемаго физіократами принципа свободной конкуренціи и одинаково находятъ выгоду въ разрѣшеніи ввоза и вывоза.

Тщетны оказались, однако, всѣ усилія задержать начавшуюся реакцію противъ свободы хлѣбнаго рынка. Тщетны попытки, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ двумя издававшимися въ это время экономическими журналами (Journal économique и Journal du commerce), тщетна полемика аббата Бодо и Дюпонъ-де-Немура.

23 октября 1770 года правительство сочло нужнымъ уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія и возстановило въ ихъ прежней силѣ регулировавшія хлѣбную торговлю постановленія. Снова стали требовать отъ торговцевъ объявленія каждымъ его имени, жилища, мѣста нахожденія складовъ и самыхъ катовъ, удостовѣряющихъ совершеніе ими куплей и продажъ. Запретили заключать хлѣбныя сдѣлки иначе, какъ на рынкахъ, транспортировать зерно и муку изъ одной провинціи въ другую, образовывать товарищества и ассоціаціи между купцами, торгующими этимъ товаромъ и экспортировать его за-границу. Скрытой цѣлью аббата Террэ было сосредоточить въ рукахъ правительственной компаніи оптовыя операціи хлѣбомъ и тѣмъ самымъ отмѣнить созданную въ 1765 г. систему снятія ихъ на откупъ обществомъ капиталистовъ. Назначенные генеральнымъ контролеромъ директора уполномочены были закупать хлѣбъ

---

[1]) Ibid., стр. 236 и 238.

большими партіями въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ онъ дешевъ, и пускать его затѣмъ въ продажу въ мѣстностяхъ относительной дороговизны. Этимъ путемъ имѣлось въ виду не только содѣйствовать большему однообразію хлѣбныхъ цѣнъ, но и обезпечить казнѣ доходъ съ разницы. Правительство преслѣдовало частныхъ скупщиковъ, имѣя въ виду само занять ихъ мѣсто. Созданная имъ съ этой цѣлью организація получила въ устахъ народа наименованіе «pacte de famine» или сдѣлки имѣющей въ виду породить голодовки [1]).

Эдиктъ 1770 г. представляетъ собою кульминаціонный пунктъ въ исторіи французскаго протекціонизма прошлаго вѣка. Можно смѣло сказать, что онъ превзошелъ ожиданія умѣренныхъ сторонниковъ правительственной регламентаціи, въ родѣ Галіани, желавшаго, какъ мы видѣли, только стѣснить вывозъ. Неудивительно поэтому, если отмѣна правительственной монополіи по отношенію къ оптовой торговлѣ хлѣбомъ рѣшена была уже четыре года спустя, благодаря прямому вмѣшательству Маріи-Антуанетты, руководимой въ данномъ случаѣ совѣтами австрійскаго посла Мерси [2]).

13 сентября 1774 г. Тюрго, смѣнившій аббата Террэ въ управленіи министерствомъ финансовъ, добился изданія государственнымъ совѣтомъ особаго постановленія, которымъ возстановлена была свобода внутренней торговли зерномъ и мукою. Мотивировка этого закона заключаетъ въ себѣ программу французскаго фритредерства въ примѣненіи къ хлѣбной политикѣ. «Чѣмъ свободнѣе и оживленнѣе торговля, значится въ ней, тѣмъ быстрѣе и обильнѣе снабжается народъ нужными ему запасами. Цѣны становятся болѣе стойкими. Меньше и рѣже уклоняются онѣ отъ средняго и обычнаго уровня, которымъ необходимо регулируется рабочій заработокъ. Запасы, сдѣланные правительствомъ, не въ состояніи достигнуть этой цѣли съ равнымъ успѣхомъ. Преслѣдуя разнообразнѣйшія задачи, пра-

---

[1]) См. Gomel, стр. 125—127. и Biollay. „Pacte de famine“.

[2]) „Когда общество узнаетъ источникъ, изъ котораго вытекло это рѣшеніе, пишетъ Мерси Маріи-Терезіи 15 августа 1774 года, его привязанность къ королевѣ несомнѣнно сильно возрастетъ“ (томъ II, стр. 221. Корреспонденція Мерси д'Аржанто).

вительство не можетъ дѣйствовать въ данномъ направленіи столь активно, какъ частные негоціанты, всецѣло отдающіе себя этой заботѣ. Дѣйствительный размѣръ спроса и предложенія становится извѣстнымъ ему гораздо позже, чѣмъ простымъ торговцамъ. Всѣ его операціи, въ виду ихъ поспѣшности, обходятся дороже. Его агенты, нисколько не заинтересованные въ сбереженіи, покупаютъ за высшую цѣну, транспортируютъ съ большими издержками и сохраняютъ хлѣбъ съ меньшей предосторожностью. Много зерна портится и пропадаетъ даромъ. Къ тому же каждый разъ, когда правительство беретъ на себя задачу провіантированія, оно монополизируетъ въ своихъ рукахъ всю хлѣбную торговлю, такъ какъ одно въ состояніи продавать съ потерей для себя, почему никто изъ коммерсантовъ и не подумаетъ вступить съ нимъ въ конкуренцію. Наступаетъ дурной урожай, и правительству одному приходится прянять на себя заботу о пополненіи недостачи. Чтобы удовлетворить этой цѣли, оно поставлено въ необходимость дѣлать громадныя затраты, которыя далеко не всегда возмѣщаются. Процентъ съ вложеннаго имъ капитала и собственный недоборъ увеличиваютъ издержки государства, т. е., въ концѣ концовъ падаютъ на народъ. Разъ мѣры для борьбы съ неурожаемъ оказываются недостаточными, народъ, лишенный всякой помощи со стороны частной предпріимчивости, становится жертвой недорода. Правительство не должно поэтому, заканчиваетъ Тюрго, сосредоточивать въ своихъ рукахъ заботы о накопленіи хлѣбныхъ запасовъ, пхъ транспортированіи и сохраненіи. Оно подвергло бы этимъ большой опасности народное продовольствіе, внутренній миръ и спокойствіе гражданъ. Неодинаковость годовой выручки можетъ быть уравновѣшена только при содѣйствіи частной торговли, торговли свободной [1]).

Въ средѣ энциклопедистовъ, какъ и въ средѣ физіократовъ, постановленіе 13 сентября 1774 г. было принято съ большою радостью. Вольтеръ привѣтствовалъ его, говоря, что онъ не только восхищается тою формою, какая придана королевскому слову, но и тѣмъ добромъ, какое это слово дѣлаетъ государству [2]).

---

[1]) См. Arrêt du Conseil d'Etât du 13 septembre 1774. (Turgot, Oeuvres, томъ II, стр. 169—176).

[2]) Petit écrit sur l'arrêt du Conseil du 13 septembre 1774 (Oeuvres de Voltaire, изд. Garnier frères. Томъ 29, стр. 344).

Принятую правительствомъ мѣру славословили какъ физіократическіе журналы, такъ и независимый отъ нихъ «Меркурій», печатавшій на своихъ столбцахъ разговоръ Генриха IV съ Людовикомъ XVI, въ которомъ отецъ народа прославлялъ юного монарха за подавленіе алчности откупщиковъ.

Господинъ Аѳанасьевъ весьма подробно останавливается на изображеніи того впечатлѣнія, какое произведено было реформой Тюрго въ различныхъ классахъ общества, и цитируетъ слова аббата Бодо, писавшаго: «обитатели бельэтажей и чернь—одни не понимаютъ его». Истолковывая чувства простонародья по отношенію къ новому закону, извѣстный публицистъ Лингэ говорилъ, что онъ отдаетъ простого рабочаго въ жертву алчности земледѣльца [1]). Стòитъ отмѣтить этотъ пріемъ критики, такъ какъ мы встрѣтимся съ нимъ вторично въ экономическихъ брошюрахъ Неккера. Дѣйствительно, едва послѣдовало вздорожаніе хлѣба и поддерживаемая скрытой агитаціей противъ министра-реформатора «мучная война» (guerre de farine) успѣла обойти въ апрѣлѣ и маѣ 1775 года Бургундію, сѣверъ Франціи и окрестности Парижа [2]), какъ Неккеръ поспѣшилъ обнародовать въ Амстердамѣ свой трактатъ о хлѣбномъ законодательствѣ и хлѣбной торговлѣ. Это далеко не случайное совпаденіе было отмѣчено Тюрго въ письмѣ, посланномъ Неккеру въ отвѣтъ на присылку экземпляра его книги. «Если бы мнѣ пришлось писать о томъ же предметѣ и высказать одинаковое съ вами мнѣніе, я бы дождался болѣе удобнаго времени, когда поднятый вопросъ сдѣлался бы интереснымъ только для тѣхъ, кто способенъ имѣть о немъ сужденіе» [3]).

Успѣхъ брошюры Неккера объясняется ея сентиментальными сѣтованіями на бѣдственное положеніе низшихъ сословій. Самъ авторъ объясняетъ свою оппозицію системѣ, вызвавшей къ жизни критикуемой имъ декретъ, сочувствіемъ къ бѣднымъ классамъ. Государство, утверждаетъ онъ, должно обнаруживать постоянную заботливость о народномъ продовольствіи и принимать

---

[1]) Аѳанасьевъ, стр. 321—325.

[2]) Neymarck. Turgot et ses doctrines, томъ I, стр. 233 и слѣдующія.

[3]) Gomel, стр. 241.

мѣры, препятствующія вздорожанію хлѣба. Свобода вывоза не содѣйствуетъ успѣхамъ земледѣлія; наоборотъ—запрещеніе вызываетъ увеличеніе населенія, а потому косвенно и обработки. Государство, производящее отпускъ хлѣба за границу, неминуемо бѣднѣетъ. Свобода вывоза порождаетъ необдуманныя спекуляціи купцовъ на разницу, распространяетъ въ обществѣ боязнь голода, вызываетъ народные мятежи. Она должна быть дозволена поэтому только въ исключительныхъ случаяхъ, когда рядъ хорошихъ урожаевъ создастъ избытокъ надъ потребностями. Желательно допущеніе къ вывозу одной муки, и то лишь при паденіи цѣнъ до извѣстнаго уровня. Хорошо также, чтобы булочники обязаны были держать у себя запасы хлѣба для покрытія спроса съ февраля по іюнь. Всѣ эти положенія, направленныя противъ теоріи физіократовъ, не задѣвали непосредственно изданнаго Тюрго постановленія, такъ какъ въ немъ ни словомъ не упоминалось о свободѣ вывоза.

Но Неккеръ направляетъ свою критику и на самый эдиктъ, требуя ограниченія и по отношенію къ свободѣ внутренней торговли. «Дѣятельность частныхъ торговцевъ, говоритъ онъ, по перевозкѣ хлѣба изъ одной провинціи въ другую полезна, когда въ одной его много, а въ другой мало. Она полезна и тогда, когда закупки происходятъ осенью, а отчужденія весной, когда купецъ пріобрѣтаетъ хлѣбъ въ урожайные годы съ цѣлью продать его при неурожаѣ. Но купцы не ограничиваются этимъ: они покупаютъ хлѣбъ и тогда, когда онъ въ хорошей цѣнѣ; тѣмъ самымъ они вызываютъ искусственную его дороговизну; тутъ-то и нужна помощь государства, тутъ-то правительство и должно выступить на защиту общаго интереса противъ личнаго. Нельзя поэтому допустить неограниченной свободы внутренняго рынка; она возможна только тогда, когда хлѣбъ дешевъ, когда цѣна его ниже опредѣленнаго закономъ минимума. Въ противномъ случаѣ его продажа и покупка должны быть запрещены внѣ отведеннаго правительствомъ мѣста. Этимъ избѣгается возможность оптовыхъ закупокъ спекулянтовъ. Послѣднія допустимы только подъ условіемъ вывоза хлѣба въ другую провинцію, и то не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія». На замѣчаніе физіократовъ, что свобода содѣйствуетъ

постоянству рыночныхъ цѣнъ. Неккеръ отвѣчаетъ: такъ какъ заработная плата опредѣляется всегда средствами существованія, то для рабочаго постоянство это безразлично. Правительство можетъ содѣйствовать его упроченію удержаніемъ рыночныхъ пошлинъ въ урожайные годы и отмѣной ихъ при недородѣ. Неккеръ далекъ отъ мысли лишать государство всякаго участія въ снабженіи народа продовольствіемъ. Онъ считаетъ это участіе положительно необходимымъ въ столицѣ и требуетъ только, чтобы правительственныя операціи совершались негласно, а самый хлѣбъ продаваемъ былъ безъ убытка хотя и по цѣнѣ, способной сдержать спекуляцію [1]).

И этому трактату суждено было вызвать такую же полемику, какъ и знаменитымъ діалогамъ Галіани. Крупнѣйшіе представители физіократіи, въ числѣ ихъ Морелле, Бодо и Кондорсэ, снова изложили передъ публикой основныя воззрѣнія школы на необходимость поддерживать земледѣльческіе интересы неограниченной свободой хлѣбнаго рынка и доставлять тѣмъ возможность одновременнаго возрастанія, какъ чистой выручки собственниковъ, (produit net), такъ и заработковъ, платимыхъ сельскими производителями всѣмъ прочимъ классамъ общества. Аббатъ Бодо, отправляясь отъ сдѣланнаго Неккеромъ признанія, что заработная плата никогда не превышаетъ необходимаго для жизни, ставитъ будущему министру вопросъ, какую же пользу можетъ доставить массѣ населенія отдача земледѣльцемъ своихъ продуктовъ за дешевую цѣну [2]).

Въ «Письмѣ пикардскаго земледѣльца къ Неккеру — протекціонисту въ Парижѣ» Кондорсэ, уже ранѣе напавшій на женевскаго банкира въ письмахъ о хлѣбной торговлѣ, дѣлаетъ слѣдующее воззваніе къ правительству: «Мы ждемъ отъ справедливаго короля законовъ, охраняющихъ собственность, законовъ, обезпечивающихъ свободу, законовъ, установляющихъ спра-

---

[1]) Necker, Sur la législation et le commerce des grains. Oeuvres, томъ I, стр. 55. Содержаніе трактата передано вкратцѣ Гомелемъ (Les causes financières de la révolution) и болѣе подробно Аѳанасьевымъ (стр. 334 и слѣдующія).

[2]) См. Eclaircissements demandés à M. N..- au nom des propriétaires et des cultivateurs français (1775). См. Аѳанасьевъ 342 стр.

ведливость. Въ нарушеніи этихъ началъ лежитъ дѣйствительный источникъ угнетенія бѣднаго богатымъ, а не въ свободѣ хлѣбнаго рынка. Эту свободу надо, наоборотъ, расширить. Продуктъ, столь же необходимый какъ воздухъ долженъ имѣть, подобно ему, ничѣмъ нестѣсняемое обращеніе. Необходимо отмѣнить поэтому всѣ рыночныя пошлины, всѣ эти droits de minage, de stallage, de hallage, de mesurage, которыя не болѣе, какъ постыдные обломки стариннаго рабства: онѣ препятствуютъ естественному распредѣленію средствъ существованія, онѣ подвергаютъ торговлю хлѣбомъ надзору безчисленнаго множества посредниковъ, содержаніе которыхъ падаетъ всѣмъ своимъ гнетомъ на обмѣнъ, увеличивая цѣну самаго продукта. Все, что ограничиваетъ свободу, должно подвергнуться одинаковой отмѣнѣ. Разсужденія Неккера о правахъ бѣднаго на особую заботливость правительства включены Кондорсэ въ слѣдующую филиппику нападающаго изъ-за угла разбойника: «Милостивый государь! Къ чему мнѣ ваши законы, гарантирующіе собственность, когда у меня нѣтъ собственности, и ваши законы, обезпечивающіе справедливость, когда самому мнѣ нечего защищать. Вы въ правѣ собирать посѣянный вами хлѣбъ, но я также имѣю право жить. Ваши титулы хранятся у нотаріуса, но и мой желудокъ стоитъ всякаго титула, и если вы завтра же не положите у дуба при входѣ въ лѣсъ нужныхъ мнѣ сто экю, вашу ферму послѣ завтра обниметъ пламя пожара» [1]).

Къ сторонникамъ ничѣмъ нестѣсняемой внутренней торговли хлѣбомъ спѣшитъ присоединиться и Вольтеръ, въ слѣдующемъ шутливомъ тонѣ изображающій тѣ тиски, въ какія французское законодательство ставило всякаго желавшаго произвесть закупку припасовъ: «ступайте за три лье на ближайшій рынокъ; вы купите тамъ дорого хлѣбъ дурного качества, да не забудьте взять квитанцію у рыночнаго прикащика, только не теряйте ея дорогой, а то каждый встрѣчный полицейскій конфискуетъ ваше продовольствіе и лошадей, арестуетъ васъ самихъ, жену и дѣтей. Не смѣйте противиться ему. Знайте, что за двадцать лье

---

[1]) См. Condorcet. Ouevres, томъ XIX. Lettre d'un laboureur de Picardie, стр. 34 и 44.

отсюда есть головорѣзъ, называемый судьей. Васъ сволокутъ къ нему и заставятъ затѣмъ прогуляться пѣшкомъ до Тулона, а тамъ пашите себѣ на досугѣ Средиземное море». На вопросъ, почему можно свободно продать сосѣду картофель и каштаны и нельзя сдѣлать того же съ пшеницей, выводимый Вольтеромъ земледѣлецъ слышитъ отвѣтъ: «хлѣбъ не то, что каштаны,— онъ предметъ первой необходимости». «Но этотъ резонъ никуда не годится!—восклицаетъ запуганный собесѣдникъ; чѣмъ необходимѣе какой предметъ, тѣмъ легче должна быть его покупка»[1]).

Окруженный симпатіями выдающихся умовъ вѣка, Тюрго добился отъ короля не только сохраненія въ силѣ изданнаго уже закона, но и восполненія его отмѣной городскихъ пошлинъ (octroi) и рыночныхъ поборовъ [2]). Оппозиція парламента заставила министра прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—къ «lit de justice» или личному приказу короля внести въ реэстры эдиктъ объ отмѣнѣ должностей чиновниковъ парижскаго рынка [3]). Вскорѣ послѣдовавшая отставка не дозволила реформатору выполнить всей своей программы, распространивъ свободу и на вывозъ. Не ранѣе, какъ въ 1776 и 1777 годахъ даны были первыя разрѣшенія отпускать хлѣбъ за границу изъ провинцій, расположенныхъ на востокѣ, югѣ и западѣ Франціи. Цѣны были низки, ходатайства землевладѣльцевъ и фермеровъ настоятельны. Вывозъ не возбудилъ на первыхъ порахъ никакого безпокойства. Но едва Неккеръ вступилъ въ управленіе финансами въ іюнѣ 1777 года, снова разосланы были циркуляры интендантамъ съ запросомъ, не слѣдуетъ-ли пріостановить его, или ограничить. Присланныя въ отвѣтъ донесенія обнародованы впервые г. Аѳанасьевымъ. Они проливаютъ яркій свѣтъ на разнорѣчіе, существовавшее по вопросу о свободѣ хлѣбной торговли между различными частями Франціи, и объясняютъ намъ нерѣшительность, съ которой новый министръ приступилъ къ проведенію своей запретительной политики. Отказываясь отъ общаго законодательства по этому предмету, онъ то разрѣшалъ, то за-

---

[1]) Voltaire. Diatribe à l'auteur des Ephémérides. 1775 годъ.

[2]) См. Аѳанасьевъ, стр. 348 и 349.

[3]) Lit de Justice 12 марта 1876 года.

прещалъ посылку хлѣба за границу. Съ 1780 г. по 1782 сумма вывоза не превосходила 200,000 сетье въ годъ; частными распоряженіями, сообразно обстоятельствамъ, министръ отнималъ или распространялъ свободу вывоза на отдѣльныя провинціи [1]). То же отсутствіе общаго плана замѣтно и въ отношеніи министра къ внутренней торговлѣ хлѣбомъ: сначала Неккеръ энергично поддерживаетъ эту свободу, но вскорѣ онъ поручаетъ интендантамъ «принять мѣры противъ спекулянтовъ, операціи которыхъ особенно вредны при недостачѣ хлѣба». Въ этомъ, какъ и въ отношеніи къ вывозу, Неккеръ, по собственному признанію, хотѣлъ пріучить общество и суды полагаться всецѣло на благоразуміе администраціи [2]).

Вопросъ о допущеніи свободы вывоза ожилъ снова со вступленіемъ въ Министерство Калонна, благодаря созданію въ 1785 г. совѣщательной коммиссіи по вопросамъ земледѣлія, составленной изъ открытыхъ сторонниковъ физіократіи, въ томъ числѣ Дюпона и знаменитаго Лавуазье. Дюпонъ взялся составить докладъ о вывозѣ хлѣба. По его настояніямъ министръ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, согласился представить королю и нотаблямъ проектъ декрета, въ которомъ значилось, между прочимъ, что свобода вывоза будетъ обычнымъ порядкомъ; но что правительство сохраняетъ за собой право пріостанавливать ее путемъ мѣстныхъ и частныхъ распоряженій. Предложеніе дѣйствительно сдѣлано было имъ въ этомъ смыслѣ, но ожидаемый законъ появился уже послѣ отставки министра. Онъ изданъ былъ въ формѣ деклараціи, помѣченной 17 іюля 1787 года. Свобода хлѣбной торговли признавалась въ ней общимъ правиломъ, а ограниченіе ея исключеніемъ, допускаемымъ по ходатайству провинціальныхъ штатовъ. «Да будетъ впредь свободно лицамъ всякаго званія и состоянія, гласилъ новый законъ, вести торговлю зерномъ и мукою внутри королевства. Разрѣшается также нашимъ подданнымъ вывозить хлѣбъ за границу, но отпускъ можетъ быть запрещенъ на годъ, съ правомъ возобновленія по ходатайству провинціальныхъ собраній или шта-

---

[1]) Аѳанасьевъ, стр. 383.

[2]) Ibid, стр. 393.

товъ въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ провинцій». Не прошло однако и пятнадцати мѣсяцевъ, и вновь вступившій въ министерство Неккеръ, въ августѣ 1788 года озаботился запрещеніемъ вывоза изъ отдѣльныхъ провинцій въ виду обнаружившагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ недорода. Седьмого сентября король, по настоянію министра, распространилъ эту мѣру на всю страну. Запретъ подтвержденъ былъ годъ спустя декретомъ національнаго собранія отъ 29 августа 1789 года [1]).

Такимъ образомъ, Франціи не суждено было сдѣлать до революціи сколько-нибудь продолжительнаго опыта полной свободы хлѣбнаго рынка. И это обстоятельство должно было отразиться на редакціи наказовъ, парализуя вліяніе физіократовъ, высказывавшихся сочувственно къ этой свободѣ. Неудивительно, если, стоя почти единогласно за отмѣну всякихъ стѣсненій внутренняго торга хлѣбомъ, большинство наказовъ требуетъ рѣшительнаго запрещенія его отпуска за границу. Нельзя сказать, чтобы чтеніе ихъ вызывало въ умѣ представленіе о полной согласованности принциповъ въ вопросахъ народнаго продовольствія. Наоборотъ, въ этой сферѣ общественное мнѣніе Франціи представляется намъ неустойчивымъ и противорѣчивымъ. Съ одной стороны, доказывается такъ упорно пропагандированная физіократами необходимость поставить всѣхъ подданныхъ одного монарха на равную ногу въ отношеніи къ покупкѣ предметовъ первой необходимости: «доставка хлѣба изъ одной провинціи въ другую на протяженіи всего государства должна быть дозволенна», «дѣти одного отца необходимо дѣлятъ хлѣбъ поровну». Съ другой стороны, замѣтно рѣшительное отступленіе отъ дорогого физіократамъ начала свободной конкуренціи; высказывается желаніе, чтобы государство вмѣшалось въ дѣло народнаго продовольствія, чтобы муниципалитеты и провинціальныя собранія приступили къ созданію продовольственныхъ магазиновъ. Разрывъ съ господствующей въ XVIII вѣкѣ экономической доктриной и вліяніе, оказанное на умы идеями Руссо, Мабли, Лингэ и Неккера, ска-

---

[1]) Schelle, Du-Pont-de-Nemours, стр. 227, 229, 259, 320 и 321. Аѳанасьевъ, 414, 415, 434 и 435.

зывается въ тѣхъ мѣрахъ, какія избиратели желали бы принять противъ скупщиковъ. Необходимо, значится въ нѣкоторыхъ кайе, запретить земледѣльцамъ продажу на мѣстѣ хлѣба или муки: всѣ запасы должны быть доставляемы на рынокъ, и совершаемыя на нихъ сдѣлки—окружены гарантіями гласности и публичности. Свойственный всѣмъ современникамъ предразсудокъ противъ корпоративнаго духа, якобы препятствующаго соглашенію частныхъ интересовъ съ государственнымъ, сказывается въ запрещеніи всякихъ сообществъ, цѣлью которыхъ является торговля хлѣбомъ на общій счетъ. Многіе наказы доводятъ боязнь искусственнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ скупщиками до того, что предлагаютъ запретить торговлю зерномъ и мукою сеньерамъ, духовнымъ и всѣмъ зажиточнымъ буржуа. Нерѣдко основныя требованія превозносимаго физіократами порядка свободной конкуренціи игнорируются на столько, что общинѣ или государству предлагается установить разъ навсегда максимальную цѣну на пшеницу, опредѣливъ ее въ 25 франковъ за сетье [1]). Такое желаніе особенно часто завляется городскими наказами; такъ, напримѣръ, въ кайе города Арраса мы читаемъ: цѣна на хлѣбъ впредь не должна быть установляема произвольно; опредѣленіе ея надо предоставить экспертамъ (двѣ трети чернаго хлѣба должны идти въ разсчетъ за одну бѣлаго).

Уравновѣсить цѣну хлѣба съ заработной платой — такова не легко осуществимая задача, какую ставятъ генеральнымъ штатамъ наказы нѣкоторыхъ мелкихъ бальяжей и городовъ Артуа [2]).

Земельные собственники въ общемъ довольно благопріятны выгодной для нихъ свободѣ иноземнаго отпуска. Дворянство бальяжа Сенъ Мишель напримѣръ ставитъ на видъ своимъ уполномоченнымъ необходимость всячески защищать ее и противиться отмѣнѣ заключеннаго съ Англіей трактата. А дворянство Бара на Сенѣ высказываетъ надежду, что свобода торговли сдѣлается общимъ желаніемъ націи [3]). Дворянство

---

[1]) Examen des cahiers de 1789 au point de vue commercial et industriel par Bonnassieux. Paris 1884, стр, 29 и слѣдующая.

[2]) Loriquet, Cahiers du Pas-de-Calais, томъ I, стр. 163, 162 и 94.

[3]) Archives parlementaires, томъ I. стр. 241 и 252.

Этонъ, говоря въ частности объ отпускѣ хлѣба за границу, не желаетъ допустить ограниченій его иначе, какъ въ случаѣ голода, предупредить который, по его мнѣнію, можно устройствомъ общественныхъ магазиновъ и образованіемъ въ нихъ хлѣбныхъ запасовъ подъ контролемъ провинціальныхъ штатовъ [1]). Города относятся съ меньшимъ довѣріемъ къ преимуществамъ иноземной торговли хлѣбомъ. Такъ, жители Дюнкирхена ходатайствуютъ о запрещеніи отпуска, каждый разъ, когда квинталъ хлѣба будетъ стоить 10 ливровъ [2]).

Въ сельскихъ приходахъ всего менѣе замѣтно вліяніе проповѣдуемаго физіократами фритредерства. Жители нѣкоторыхъ деревенскихъ приходовъ не щадятъ красокъ для изображенія того бѣдственнаго положенія, въ какое ставитъ ихъ закупка хлѣба большими партіями въ годы относительной дешевизны и отправка его на корабляхъ въ Англію и другія государства при первомъ неурожаѣ [3]). Они, повидимому, надѣются избѣжать ея, сосредоточивъ всѣ сдѣлки, предметомъ которыхъ является зерно и мука, исключительно на рынкахъ [4]). Но чего они отнюдь не желаютъ — это дальнѣйшаго удержанія рыночныхъ пошлинъ; они вполнѣ солидарны на этотъ счетъ съ физіократами и спѣшатъ заявить, что, благодаря такимъ пошлинамъ, хлѣбъ повсюду возрастаетъ въ цѣнѣ [5]). И такъ, въ насущномъ вопросѣ, какимъ является для простонародія обезпеченіе дешеваго продовольствія, ближайшая нужда подсказываетъ крестьянству рѣшенія, одинаково далекія отъ требованій протекціонистовъ и фритредеровъ и весьма близкія къ тѣмъ, какія приняты были Учредительнымъ собраніемъ съ цѣлью парализовать, по возможности и немедленно, гибельное вліяніе плохихъ урожаевъ и обусловленную ими дороговизну припасовъ.

Не по однимъ лишь вопросамъ хлѣбной политики пришлось физіократамъ высказать свои взгляды на преимущества свободной

---

[1]) Ibid., стр. 219.
[2]) Ibid., стр 183.
[3]) Cahiers d'Audresselles. Loriquet, томъ II, стр. 166.
[4]) Ibid., стр. 183, 185, 216.
[5]) Loriquet, томъ II, стр. 221, 267.

торговли. Новымъ поводомъ явилось заключеніе въ 1786 году торговаго договора съ Англіей. Этотъ договоръ носитъ на себѣ въ такой же мѣрѣ печать физіократіи, въ какой договоръ 1860 г. можетъ считаться выраженіемъ англо-французскаго фритредерства, порожденнаго агитаціей Кобдена и Мишеля Шевалье. Участіе Дюпона въ редакціи самаго трактата по меньшей мѣрѣ столь же чувствительно, какъ участіе Брайта или Леона Сея въ заключенномъ при Наполеонѣ III договорѣ. Неуспѣхъ, какимъ сопровождалась, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, попытка поставить на равную ногу въ дѣлѣ международнаго обмѣна страну по преимуществу земледѣльческую, какой была Франція, съ страной, въ которой промышленность и торговля успѣли завоевать себѣ первенствующее значеніе, объяснитъ намъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, причину, по которой идеи фритредерства не только не нашли отголоска въ наказахъ, но, наоборотъ, вызвали въ нихъ довольно рѣшительный отпоръ.

Мы не имѣемъ въ виду, конечно, входить въ подробности касательно хода переговоровъ, предшествовавшихъ торговому трактату 1786 года; мы замѣтимъ только, что заключеніе его Дюпономъ знаменуетъ собою первую крупную попытку дать практическое признаніе тому положенію физіократіи, что система денежнаго баланса, выражаясь языкомъ Кенэ, не болѣе, «какъ пустая выдумка» [1]). Эта теорія была еще, какъ мы видѣли, въ полномъ ходу въ первой половинѣ XVIII вѣка. Ее высказывали не только Дюто и Мелонъ, но и Форбэннэ, говорившій, что всѣ торговыя государства стремятся къ полученію баланса въ деньгахъ; «только этотъ способъ реализаціи, продолжалъ онъ, можетъ увеличить абсолютную и относительную массу драгоцѣнныхъ металловъ и численность населенія, наконецъ, придать новую жизненную силу обращенію богатствъ». Понятно, что сторонники системы денежнаго баланса не могли смотрѣть иначе, какъ благопріятно, на защиту мѣстныхъ мануфактуръ съ помощью запретительнаго тарифа и низкой заработной платы, достигаемой дешевизной хлѣба, которая въ свою очередь под-

---

[1]) Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole (1758). Положеніе 24.

держивалась отсутствіемъ заграничнаго вывоза. Того и другого требуетъ поэтому Мелонъ въ своемъ Политическомъ опытѣ о торговлѣ 1734 года.

Никто изъ предшественниковъ Кенэ не рѣшался выступить открыто противъ обложенія иностранныхъ мануфактуратовъ, не исключая и самого Буагильбера, взгляды котораго, какъ мы видѣли, во многомъ приближаются къ идеямъ физіократовъ. Совершенной новинкой являлось поэтому слѣдующее положеніе «Общихъ правилъ, обязательныхъ для правительства земледѣльческой страны»: «необходимо установить полную свободу торговли». Это убѣжденіе, раздѣляемое всѣми послѣдователями школы — Мерсье, Бодо, Летрономъ, Тюрго, Дюпонъ-де-Немуромъ, заставило послѣдняго настаивать предъ Верженномъ на заключеніи съ Англіей новаго торговаго договора на началахъ свободной конкуренціи. Въ письмѣ къ Верженну отъ 23 ноября 1782 года, впервые обнародованномъ Шеллемъ, Дюпонъ не видитъ другихъ препятствій къ его заключенію, кромѣ ропота французскихъ негоціантовъ. Но этотъ ропотъ, замѣчаетъ онъ, не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ взамѣнъ открываемаго англичанамъ доступа въ наши колоніи, мы пріобрѣли бы возможность сбывать товары въ Сѣверную Америку... Дюпонъ указываетъ министру и на политическія выгоды подобнаго трактата: онъ отниметъ у англичанъ желаніе овладѣть французскими колоніями силою, такъ какъ все, что имъ нужно, сводится къ возможности вести торговлю съ ними.

Верженнъ не сразу поддался этимъ убѣжденіямъ. «Мнѣ кажется, писалъ онъ въ отвѣтъ, что ваша предусмотрительность сводится къ надѣленію англичанъ свободою торга въ нашихъ колоніяхъ. Что касается до меня, то я не берусь рѣшить этотъ такъ часто подымаемый вопросъ: я не хочу, чтобы меня побили камнями»[1]). Это не помѣшало Дюпону настаивать по прежнему на необходимости воспользоваться предстоящимъ миромъ для того, чтобы завязать съ англичанами переговоры о тѣхъ взаимныхъ уступкахъ, какими можно было бы достигнуть, если не совершеннаго упраздненія всякихъ пограничныхъ пошлинъ, что было бы «le

---

[1]) Shelle, Du-Pont-de-Nemours, стр. 233 и 224.

nec plus ultra», какъ говоритъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, возможнаго приближенія къ этому идеалу» [1]). Агитація Дюпона въ пользу расширенія торговыхъ вольностей встрѣтилась съ однохарактернымъ теченіемъ въ Англіи, теченіемъ, руководимымъ Шельборномъ, внукомъ извѣстнаго Вильяма Пети, одного изъ родоначальниковъ политической экономіи. Шельборнъ связанъ былъ тѣсной дружбой съ французскимъ физіократомъ Морелле и раздѣлялъ его пристрастіе къ принципамъ свободной торговли. Первые переговоры завязались еще въ бытность Шельборна и Фокса въ министерствѣ; они продолжались и при смѣнившемъ Фокса Питтѣ, но готовность англичанъ отвѣчать полной взаимностью на широкія уступки, дѣлаемыя имъ французскимъ правительствомъ, была сравнительно слабой. Идеи Адама Смита, сходившагося съ физіократами въ вопросахъ торговой политики, не пользовались еще достаточнымъ признаніемъ, особенно въ стѣнахъ парламента. Соглашаясь въ концѣ концовъ на открытіе своихъ портовъ для французскихъ товаровъ, англичане включили въ текстъ редактированнаго Эденомъ трактата рядъ оговорокъ и изъятій, нарушившихъ равенство сторонъ.

Въ самой Англіи высказано было мнѣніе, что договоръ клонится къ невыгодѣ французовъ. Еще 4-го октября 1786 года лордъ Шеффильдъ въ письмѣ къ Эдену говоритъ: «преимущества всѣ на одной сторонѣ; я не могу указать ни одного пункта, въ которомъ бы французы выговорили себѣ какія-либо выгоды. Они впали въ западню; обнаружили невѣжество и безуміе, равныя только робости ихъ министровъ». Корреспондентъ Эдена особенно настаиваетъ на томъ пораженіи, какое потерпѣлъ французскій проэктъ, не включать въ число обложенныхъ товаровъ шелка. Министерство Верженна согласилось обойти ихъ молчаніемъ, и это одно уже нарушило принципъ взаимности, на которомъ только и можетъ держаться свобода внѣшней торговли. Въ англійской памфлетной литературѣ высказывалась та же увѣренность. Одинъ анонимный писатель, называющій себя мануфактуристомъ изъ Глазгова, говоря, что

---

[1]) Письмо отъ 25 ноября 1782 года, найденное въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Шеллемъ.

французамъ не удастся искоренить англійскаго пристрастія къ испанскимъ и португальскимъ винамъ и что изъятіе шелковъ изъ числа слабо-обложенныхъ товаровъ лишаетъ ихъ главной статьи отпуска, приписываетъ одному ихъ самообольщенію надежду конкурировать успѣшно съ ввозомъ четырыхъ исконныхъ англійскихъ предметовъ отпуска—сукнами, желѣзомъ, фаянсами и хлопчато-бумажными тканями [1]).

Предсказаніе касательно судьбы французскихъ винъ оправдалось уже потому, что заключенію договора съ Франціей предшествовалъ коммерческій трактатъ Англіи съ Португаліей. Благодаря пониженію тарифа, цѣна на портвейнъ и другія португальскія вина пала на столько, что англичанамъ легко было сохранить свою привычку къ нимъ, не смотря на конкуренцію подешевѣвшихъ французскихъ винъ. Вкусъ націи не измѣняется сразу. Понадобилось долгихъ лѣтъ тарифной войны, чтобы отучить англичанъ отъ употребленія кларета, бывшаго въ общемъ ходу еще съ эпохи столѣтней войны. Теперь потребовалось содѣйствіе времени и продолжительной мирной политики для того, чтобы вернуть ихъ снова къ прежней привычкѣ. Но этимъ условіямъ не суждено было осуществиться вскорѣ. Возгорѣвшаяся съ 1793 года война съ Англіей, установленная на разстояніи немногихъ лѣтъ послѣ заключенія Аміенскаго мира «континентальная система», хотя и прекратившаяся вмѣстѣ съ паденіемъ Наполеона, но только для того, чтобы вскорѣ дать просторъ новой войнѣ тарифами, все это вмѣстѣ взятое легко объясняетъ намъ причину, по которой «sherry and port» оставались въ теченіе всей первой половины вѣка излюбленными англійскими напитками, и почему кларетъ, т. е. бордосское вино, только за послѣднее время пріобрѣлъ на островѣ широкій районъ сбыта.

Министерство Верженна, въ лицѣ спеціальнаго уполномоченнаго Джерарда де-Рейнваль, энергично настаивало на допущеніи если не французскихъ шелковъ вообще, то хоть французскихъ лентъ; но англійскіе финансисты, опасаясь воз-

---

[1]) Oscar Browning. The flight to Varennes and other essays. The commercial treaty of 1786, стр. 146.

станія ткачей Спитальфильда, отвѣтили на всѣ эти требованія рѣшительнымъ отказомъ. Насколько французы обольщались на счетъ возможности выдержать съ успѣхомъ конкуренцію англійскихъ хлопчато-бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ оффиціальнаго доклада, поступившаго на обсужденіе государственнаго совѣта 21 мая 1786 года и заключавшаго въ себѣ руководящіе взгляды тѣхъ, кто, подобно Дюпону, требовалъ скорѣйшаго заключенія договора. «Тонкія сукна въ Англіи, значится въ докладѣ, не лучше французскихъ, но дешевле ихъ на 14 и 15%. Эта разница зависитъ не отъ низкаго уровня заработной платы, которая, наоборотъ, выше въ Англіи, и не отъ дешевизны шерсти, такъ какъ Франція и Англія равно получаютъ ее изъ Испаніи, а исключительно отъ высоты пошлинъ, взимаемыхъ съ ввоза шерсти во Францію, и монополіи суконнаго производства. Но тому и другому можетъ быть положенъ конецъ; вотъ почему конкуренція англійскихъ суконъ высокаго качества только вызоветъ благородное соревнованіе во французскихъ мануфактуристахъ. Составители доклада не скрываютъ однако опасности, какую представляетъ соперничество англійскихъ хлопчато-бумажныхъ и дешевыхъ шерстяныхъ тканей. По ихъ словамъ, эти ткани, благодаря машинному производству [1]), на цѣлыхъ 20% дешевле французскихъ [2]).

Ожидаемыя англичанами послѣдствія не замедлили осуществиться. Возлагая большія надежды на ту помощь, какую иностранная конкуренція окажетъ развитію туземнаго производства [3]), признавая, что заключаемый трактатъ будетъ своего рода хирургической операціей, сперва крайне болѣзненной, а затѣмъ весьма цѣлительной для французскихъ мануфактуръ, Жераръ де-Рейнваль и стоявшіе за нимъ физіократы не на-

---

[1]) Надо имѣть въ виду, что изобрѣтенія Гаргрева, Аркрайта и Кромптона, такъ удешевившія тканье, произошли всѣ въ семидесятыхъ и восмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, съ 1765 по 1779 г., и что къ этому же времени относятся великія изобрѣтенія Уотта и Фультона.

[2]) Ibid., стр. 140.

[3]) Les finances de l'ancien régime (Stourm, томъ II, стр. 32).

стаивали особенно на взаимности; увѣренные въ торжествѣ своихъ принциповъ, они съ легкимъ сердцемъ шли на тѣ временныя невзгоды, которыя должна была пережить, по ихъ разсчету, французская промышленность.

Но эти невзгоды оказались столь серьезными, что возстановили противъ началъ свободной торговли не только непосредственно заинтересованныхъ въ протекціонизмѣ мануфактуристовъ, но и потерпѣвшихъ отъ забастовки рабочихъ. О томъ положеніи, какое создалъ для мануфактурныхъ центровъ Франціи торговый договоръ 1786 года, даютъ понятіе не только наказы 1789 г., но и путевыя замѣтки англичанина Артура Юнга.

Пересѣкши Францію во всѣхъ направленіяхъ въ теченіе ближайшихъ годовъ, слѣдовавшихъ за заключеніемъ торговаго договора, Юнгъ поставленъ былъ въ возможность собственными глазами убѣдиться въ томъ положеніи, въ какомъ очутилась, благодаря ему, французская промышленность. Уже при въѣздѣ своемъ во Францію, въ Абевиллѣ и Аміенѣ, онъ слышитъ горькія жалобы на бѣдствія, причиненныя трактатомъ. И въ томъ, и въ другомъ городѣ, господствующимъ производствомъ была выдѣлка суконъ. Этой промышленности грозила теперь конкуренція англійскихъ шерстянныхъ тканей, отсюда вполнѣ понятное недовольство туземныхъ фабрикантовъ. Оно ни мало не раздѣлялось винодѣлами и торговцами Бордо, ожидавшими на оборотъ большихъ выгодъ отъ увеличенія заграничнаго отпуска. Неудивительно поэтому, если они сплошь и рядомъ высказывались въ присутствіи Артура Юнга въ томъ смыслѣ, что «заключенный съ Англіей трактатъ равно выгоденъ для обѣихъ сторонъ» [1]). Но зато въ Руанѣ, еще въ 1701 году подавшемъ голосъ за сохраненіе всѣхъ пошлинъ на иностранный ввозъ [2]), раздраженіе было всеобщимъ. Торговая камера Нормандіи поспѣшила обнародовать свое заявленіе объ опасностяхъ, какія ожидаютъ французскую промышленность отъ конкуренціи англійской. Ея предсказанія на столько оправдались, что въ одной Пикардіи съ 1785 по 1789

---

[1]) Arthur Young, Travels in France 1787, 8 in, 9 and, изд. 1889, стр. 8, 9 и 69. См. также The Autobio graphy of Arthur Young with selectiors from his correspondence, ed. by Betham Edwards. London 1868, стр. 154, 155, стр. 170—181.

[2]) Clément. Histoire du système protecteur, стр. 57.

годъ число ткацкихъ станковъ пало съ 4640 до 2240. Этотъ результатъ достигнутъ былъ, впрочемъ, не благодаря одному договору съ Англіей. Ожидаемыя выгоды иностранной конкуренціи были парализованы стремленіемъ монополизировать въ немногихъ рукахъ ткацкое производство. Вошедшіе въ употребленіе англійскіе хлопчато-бумажные станки разрѣшены были только лицамъ, получившимъ на то привилегію отъ правительства. Прибавимъ къ этому, что обѣщанное пониженіе пошлины на каменный уголь не осуществилось; это поставило французскихъ мануфактуристовъ въ худшее положеніе, чѣмъ англійскихъ, въ виду дороговизны топлива [1]). Въ центрѣ шелковаго производства—въ Ліонѣ—можно было разсчитывать на такое же осужденіе трактата съ Англіей, какое шерстяные и хлопчато-бумажные производители высказывали на сѣверѣ Франціи. Артуру Юнгу пришлось выслушать здѣсь изъ устъ Ролана, инспектора мѣстныхъ мануфактуръ и будущаго министра Законодательнаго собранія, цѣлую филиппику противъ несправедливаго исключенія англичанами французскихъ шелковъ изъ числа дозволенныхъ предметовъ ввоза [2]). Промышленность Ліона терпѣла впрочемъ не отъ одной этой причины, но также отъ дурного урожая шелковъ во Франціи, Пьемонтѣ и Италіи. Это обстоятельство заставляло предпринимателей сокращать размѣры производства, а оказавшійся излишекъ рабочихъ рукъ дѣлалъ возможнымъ пониженіе заработной платы [3]). И раньше этого уровень ея былъ весьма низокъ. Въ одномъ частномъ письмѣ, направленномъ изъ Ліона къ Мерсье, автору Tableau de Paris, значилось, что рабочіе издавна довольствуются въ Ліонѣ крайне незначительнымъ заработкомъ [4]). Въ 1786 году (годъ за-

---

[1]) Ibid., стр. 81.

[2]) См. французское изданіе путешествій Артура Юнга, томъ II, стр. 100.

[3]) Мы узнаемъ объ этомъ изъ постановленій превота купцовъ и эшевеновъ города Ліона отъ 19 іюля 1787 года. Оно отпечатано Mezger и Vacsen въ статьѣ: A la veille de la révolution. Lyon de 1778—1788. (Bibliothèque lyonnaise. Centennaire de 1789).

[4]) Это письмо нѣкоего Grimod de la Reynière отпечатано Мерсье въ сочиненіи, озаглавленномъ: „Peu de chose“ (Ibid., стр. 107).

ключенія торговаго договора) они уже сдѣлали попытку добиться увеличенія своей платы путемъ стачки. Вошедшіе въ нее требовали прибавки двухъ су отъ каждой aune выдѣланной ими ткани (мѣра длины нѣсколько меньше аршина). Всѣ станки были пріостановлены; вооружившись палками, рабочіе нѣсколько разъ на день проходили по улицамъ, запугивая мѣстныя власти, вскорѣ согласившіяся на уступки. Но правительство прислало войска, повѣсило трехъ ремесленниковъ, объявило недѣйствительнымъ установленный «консулами» тарифъ и предоставило рѣшеніе вопроса о платѣ за трудъ, попрежнему, одному соглашенію предпринимателя съ его рабочими [1]).

Необходимо имѣть въ виду всѣ эти факты, чтобы понять разнообразныя причины, обусловившія собою упадокъ французской промышленности и неправильно обобщенныя затѣмъ въ одностороннія сѣтованія на торговый договоръ съ Англіей. Претерпѣваемое ліонской промышленностью сокращеніе района сбыта испытываемо было въ меньшихъ размѣрахъ и въ другихъ мануфактурныхъ центрахъ. Такъ, напримѣръ, къ сѣверозападу отъ Ліона въ Marche нѣкогда процвѣтавшая королевская мануфактура ковровъ d'Aubusson и производство простыхъ суконъ (bure) въ Felletin пришли къ началу революціи въ полный упадокъ. Наказы средняго сословія приписываютъ его конкуренціи прибывавшихъ изъ-за границы болѣе тонкихъ суконъ и недостаточности заработковъ, получаемыхъ служащими на королевской мануфактурѣ. Этотъ низкій уровень платы заставлялъ ихъ эмигрировать изъ провинціи, а при дороговизнѣ хлѣба вызывалъ въ ихъ средѣ, какъ, напримѣръ, зимою 1788 года, открытыя волненія. «Плата за трудъ такъ ничтожна, читаемъ мы въ наказѣ города Felletin, что рабочіе съ трудомъ перебиваются со дня на день и при первой забастовкѣ лишаются необходимѣйшихъ средствъ къ жизни» [2]). Подымаясь дальше на сѣверо-востокъ, во Фландрію и Артуа, мы встрѣчаемъ въ нихъ

---

[1]) Jäger, Geschichte der Socialen Bewegung in Frankreich., томъ I стр. 440. и Wahl (Maurice) Les premières années de la Révolution à Lyon 1894, стр. 26.

[2]) Duval (Cahiers de la Marche), стр. 119. См. также introduction, стр. 109, и 110.

еще большее недовольство заключеннымъ съ Англіей договоромъ. Въ Лиллѣ Артуръ Юнгъ слышитъ рѣчи о неминуемости войны съ его родиной. «Не трудно, прибавляетъ онъ, догадаться, что дѣйствительный источникъ всѣхъ этихъ слуховъ лежитъ во враждебности населенія къ торговому трактату. Его ненавидятъ здѣсь и считаютъ ударомъ для мѣстной промышленности» [1]). Въ Нантѣ Юнгъ встрѣчаетъ не меньшій «азартъ» въ отстаиваніи мысли, что договоръ погубитъ французскія мануфактуры [2]).

Городскіе наказы во многомъ дополняютъ эту картину народнаго недовольства. На сѣверо-востокѣ Франціи особенно жалуются на принесеніе трактатомъ въ жертву мѣстнаго шерстяного производства [3]). Договоръ съ Англіей долженъ быть навсегда уничтоженъ, читаемъ мы въ наказахъ отдѣльныхъ приходовъ Аміенскаго бальяжа [4]), какъ гибельный для французскихъ мануфактуръ. Отъ него, пишетъ составитель кайэ прихода Оти, происходитъ и вздорожаніе припасовъ, часть которыхъ уходитъ за границу, и недостача шерсти и кожъ, которыя также вывозятся иностранцами. Самыя цвѣтущія промышленности приходятъ въ упадокъ, благодаря чрезмѣрному обращенію иноземныхъ товаровъ. Такъ въ этой общинѣ, въ которой числится 200 ткачихъ, каждая еженедѣльно получаетъ сорокъ су меньше противъ прежняго а всѣ вмѣстѣ—400 ливровъ; всему этому положено начало съ того времени, когда заключенъ былъ этотъ несчастный договоръ съ чужимъ дворомъ [5]). Мѣстная промышленность состоитъ въ выдѣлкѣ суконъ, значится въ другомъ наказѣ того же бальяжа [6]), но съ тѣхъ поръ какъ англичане стали вывозить шерсть изъ всего округа, этотъ

---

[1]) французское изданіе, томъ I, стр. 236.

[2]) англійское изданіе путешествій Юнга. Путешествіе 1788 г. стр. 104.

[3]) Loriquet, томъ I, стр. CXXVII.

[4]) Prévoté de Beauquesne въ Doc. pour servir à l'histoire de la révolution française dans le depart. de la Somme, томъ I, Etats géneraux de 1789, статья 20-я cahier d'Allonville.

[5]) Ibid., стр. 27, Cahier D'Authié; см. также Cahier de la Parroisse, Vauts les Amiens. Ibid., стр. 258.

[6]) Ibid., томъ I, стр. 200.

видъ производства пришелъ въ совершенный упадокъ. Годъ спустя въ мемуарѣ о состояніи городского бюджета, составленномъ по распоряженію муниципальнаго совѣта Аміена, мы встрѣчаемъ слѣдующія подробности о послѣдствіяхъ, къ какимъ повело заключеніе торговаго соглашенія съ Англіей. «Главнымъ мѣстомъ сбыта для продуктовъ нашей шерстяной промышленности была Испанія. Но наши вѣчные соперники (разумѣются англичане) стремятся отнять у насъ этотъ рынокъ. Путь къ этому проложенъ трактатомъ допустившимъ вывозъ нашей шерсти и наводненіе французскихъ рынковъ дешевыми англійскими тканями. То и другое позволяетъ нашимъ сосѣдямъ, съ одной стороны, конкурировать съ нами въ выдѣлкѣ суконъ, а, съ другой, сокращать обороты нашего собственнаго производства. Что же касается до другихъ мануфактуръ Аміена, то выдѣлка шелковъ, бархатовъ, ситцевъ и толстыхъ тканей изъ козьяго пуха или камелотовъ не обходится безъ доставляемаго изъ за границы сырья, и потому поставлена въ невозможность успѣшнаго соперничества съ иноземной промышленностью [1])». Въ жалобахъ жителей Арраса также заходитъ рѣчь о невыгодныхъ послѣдствіяхъ торговаго договора съ Англіей. Необходимо было бы запретить, по ихъ мнѣнію, вывозъ изъ Франціи всего необходимаго для ея собственныхъ мануфактуръ [2]). Среднее сословіе города указываетъ еще на недостаточное проведеніе трактатомъ принципа взаимности. «Ужъ если нельзя отмѣнить его вовсе, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ включить въ число необложенныхъ пошлиной предметовъ англійскаго ввоза кружева, лино-батисты и батисты, наконецъ фландрскія полотна [3]). Общественное мнѣніе въ сельскихъ приходахъ Артуа колеблется между реформою и совершенною отмѣною ненавистнаго договора, «окончательно разоряющаго Фландрію и Артуа» [4]). Неудобства

---

[1]) Mémoire sur la situation des objets, affaires et finances de l'administration municipale d'Amiens dressé en exécution de l'arrêté du conseil municipal du 25 Février (въ Documents pour servir à l'histoire de la Révolution dans la ville d'Amiens), стр. 36.

[2]) Lecesne, Arras sou la révolution., томъ I, стр. 41. Les doléances des habitants d'Arras, статья 12 и 13.

[3]) Ibid., томъ I, стр. 53 и 159.

[4]) Ibid., стр. 176, а также 204, 97, 104, 117, 127, 213, 215, 245, 247.

его состоятъ, по словамъ наказовъ, въ удешевленіи цѣны неводовъ, дотолѣ изготовлявшихся сельскими жителями, въ вывозѣ шерсти въ Англію [1]) и въ возрастаніи почти вдвое цѣнъ на кожи, благодаря чему бѣдные люди принуждены обходиться безъ обуви, сбруи и другихъ столь же необходимыхъ предметовъ [2]).

Духовенство и дворянство Бовэ въ одно слово приписываютъ упадокъ суконнаго и полотняннаго производства, нѣкогда цвѣтущаго въ ихъ городѣ, торговому договору съ Англіей. Въ 1786 году выдѣлка суконъ занимала еще 3,140 рабочихъ. Два года спустя, въ іюнѣ 1788 года, число ихъ пало до 1422. Тоже повторилось и въ селахъ, гдѣ число ткацкихъ станковъ было въ четыре раза больше, чѣмъ въ городѣ. Съ суконнымъ производствомъ гибнетъ и выдѣлка полотенъ, какъ бѣлыхъ, такъ и цвѣтныхъ. Если не помочь бѣдѣ отмѣной договора съ Англіей, пишетъ дворянство Бовэ, наша промышленность неминуемо погибнетъ [3]). Къ этимъ жалобамъ двухъ высшихъ сословій присоединяетъ свой голосъ и среднее. Торговля падаетъ отъ конкуренціи съ Англіей. Шерсть дорожаетъ и становится рѣдкой, такъ какъ ею питаются мануфактуры сосѣднихъ королевствъ. Иностранцы вывозятъ также французскій ленъ и коноплю, нитки и сѣмя, изъ котораго выдѣлываютъ растительныя масла. Взамѣнъ они ввозятъ готовыя полотна, цвѣтныя или бѣлыя, выдѣлываемыя въ Силезіи. Необходимо запретить отпускъ сырья и ввозъ выдѣланныхъ тканей. Необходимо также предоставить французскимъ фабрикамъ производства всякаго рода матерій, на какія существуетъ спросъ [4]).

Отмѣченная Артуромъ Юнгомъ готовность подвергнуться скорѣе опасностямъ новой войны, нежели устоять въ разорительномъ для Франціи договорѣ, наглядно выступаетъ въ слѣдующемъ заявленіи, дѣлаемомъ кайе средняго сословія въ Этампѣ. «Со времени заключенія трактата наше фабричное производство,

---

[1]) Ibid., стр, 518 и 527, томъ II, стр. 509.

[2]) Ibid., томъ II, стр. 200.

[3]) Archives parlementaires, 1-ère série vol. 2. Baillage de Baeuvais, Cahier du clergé, стр. 292.—Cahier de la noblesse, стр. 297.

[4]) Ibid., стр. 305.

неспособное выдержать иностранной конкуренціи, значительно сократилось. Боятся, что нарушеніе договора поведетъ къ войнѣ. Генеральнымъ штатамъ предстоитъ рѣшить, не лучше ли въ интересахъ націи предпринять эту войну и не изнуритъ ли насъ въ большей степени дальнѣйшее сохраненіе въ силѣ трактата, который одновременно обогащаетъ сосѣдей и ведетъ насъ къ разоренію [1])? Вотъ въ какихъ краскахъ рисуетъ среднее сословіе Шателлеро то положеніе, какое создано французской промышленности соглашеніемъ 1786 года: въ Руанѣ, Труа, Амьенѣ, Ліонѣ, тысячи человѣкъ сидятъ безъ дѣла. Предприниматели поставлены въ необходимость остановить производство на многихъ станкахъ. Масса рабочихъ нищенствуетъ [2]). Въ одномъ изъ частныхъ наказовъ, составленномъ въ Парижѣ аббатомъ Ванваль, генеральнымъ викаріемъ Шалона на Марнѣ, невыгоды договора иллюстрируются цифрами: Франція вывозитъ изъ Англіи товаровъ на двадцать четыре милліона, Англія изъ Франціи на восемь; неравенство ежедневно возростаетъ, благодаря развившейся во Франціи англоманіи. Она побуждаетъ выписывать съ острова цѣлый рядъ производимыхъ тамъ предметовъ, къ немалой невыгодѣ туземныхъ рабочихъ; и это въ то время, когда въ ихъ средѣ съ каждымъ днемъ увеличивается нужда. Почему не послѣдовать примѣру англичанъ, которые изъ патріотизма воздерживаются отъ потребленія нашихъ товаровъ, дѣлая исключеніе только для винъ [3])?

Не всѣ, впрочемъ, наказы относятся съ одинаковой строгостью къ заключенному Франціей договору. Въ то время, какъ одни, напримѣръ Венсенна, утверждаютъ, что французскіе мануфактуры на половину уничтожены иностранной конкуренціей, и что одна лишь отмѣна трактата можетъ спасти ихъ отъ конечной гибели [4]), другіе ограничиваются требованіемъ подвергнуть трактатъ тщательному пересмотру и дополнить его статьями вносящими

---

[1]) Arch. Parl., томъ II, стр. 297.

[2]) Arch. Parl,, томъ II, стр. 689.

[3]) Chassin. Les élections et cahiers de Paris. Томъ II, стр. 62.

[4]) Arch. Parl. томъ V, стр. 222, статья 38. Въэтомъ-же смыслѣ высказываются cahiers сенешоссей Кимперъ (томъ V, стр. 516) и Ванъ.

большее равновѣсіе между интересами контрагентовъ [1]). Всего два говорятъ о необходимости сохранить договоръ въ силѣ изъ опасенія войны и въ виду возможности достигнуть большей защиты французскихъ мануфактуръ путемъ простого его пересмотра [2]).

Сельскіе наказы, какъ общее правило, или хранятъ молчаніе на счетъ торговаго договора съ Англіей, или повторяютъ обычныя жалобы на причиненный имъ вредъ. Рѣзкое исключеніе представляютъ такія кайе, которыя, какъ, напримѣръ, наказъ Сасси въ бальяжѣ Окзеры, открыто высказываютъ желаніе, чтобы всѣ виды торговли пользовались равной свободой [3]).

---

[1]) См., напр., наказы средняго сословія Парижа, Марселя, Монпелье, Кана, средняго сословія Эвре, средняго сословія Нивернэ, Эльбефа и Седана, дворянства и духовенства Лилля, дворянства Труа (Arch. Parl) томъ III, стр. 706, 301, 524, 531. Томъ IV, 260, томъ V, 310, 506, 622, 727, томъ VI, стр. 73, 78, 144.

[2]) Такъ поступаетъ, напримѣръ, дворянство Сенъ-Мигіель, Arch. Parl. т. II, стр. 242, и среднее сословіе Турены. (Томъ VI, стр. 53).

[3]) Cahiers des paroisses du baillage d'Auxerre, 1789. Demay (Bulletin de la société des sciences histor. et natur. de l'Yonne à 1885, v. 39).

ГЛАВА II.

Крестьянскій и рабочій вопросы въ литературѣ и наказахъ 1789 г.

§ 1.

Физіократовъ не разъ обвиняли въ безразличномъ отношеніи къ коренному вопросу французской общественной жизни,—сохраненію или упраздненію сеньеріальнаго права и крѣпостныхъ отношеній. Этотъ упрекъ какъ нельзя болѣе несправедливъ. Разумѣется, ни Кенэ, ни маркизъ Мирабо, ни тѣмъ болѣе Тюрго, не высказывались открыто въ пользу легальной отмѣны той имущественной и личной зависимости, въ которой крестьяне еще стояли по отношенію къ помѣщикамъ; но причина тому всецѣло лежала въ цензурныхъ стѣсненіяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что сеньеріальное право составляло часть охраняемаго государствомъ порядка и что всякіе нападки на него должны были имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ судебныя преслѣдованія. Парижскій парламентъ потребовалъ даже публичнаго сожженія рукой палача извѣстной брошюры Бонсерфа о выкупѣ сеньеріальныхъ правъ и одному только личному предстательству Тюрго удалось избавить автора отъ задержанія.

Но если физіократы не включали открыто въ свою программу упраздненія существующихъ порядковъ собственности и владѣнія, то вся ихъ доктрина неизбѣжно вела къ этому результату. Выставленные ими принципы свободы собственности и свободы сдѣлокъ не мирились ни съ монополизаціей земель въ рукахъ дворянства и высшаго духовенства, ни съ сохраненіемъ оброч-

ныхъ отношеній и чиншеваго права, ни съ дальнѣйшимъ существованіемъ помѣщичьихъ баналитетовъ, ни съ производствомъ въ пользу сеньеровъ дорожныхъ платежей и мостовщины. Свобода труда въ такой же степени принята была подъ защиту новой экономической доктрины, какъ и свобода собственности и свобода обмѣна. Въ статьяхъ, напечатанныхъ родоначальникомъ физіократической школы въ «великой энциклопедіи», не разъ встрѣчаются выраженія, доказывающія, что отмѣна сеньеріальнаго права и связанныхъ съ нимъ производительныхъ монополій, провозныхъ пошлинъ и т. п., казалась автору однимъ изъ необходимѣйшихъ условій для поднятія уровня сельскаго хозяйства и матеріальнаго благосостоянія всего населенія. Ограничивая до минимума вмѣшательство государства въ народное производство, Кенэ въ то же время требуетъ отмѣны имъ пошлинъ, взимаемыхъ частными владѣльцами за провозъ хлѣба и другихъ товаровъ по рѣкамъ и дорогамъ, и при этомъ безъ всякаго вознагражденія. Тѣ, въ чью пользу поступали эти платежи, думаетъ онъ, найдутъ возмѣщеніе своихъ утратъ въ поднятіи уровня общей производительности королевства [1]). Въ свою очередь Тюрго, отрицая право государства искусственно понижать цѣны на хлѣбъ запрещеніемъ вывоза, полагаетъ, что удешевленіе несомнѣнно послѣдуетъ въ томъ случаѣ, если правительство рѣшится на отмѣну не только вотчинныхъ правъ, но и производительныхъ монополій помѣщиковъ, въ частности, droit de fours et de moulins. «Кому неизвѣстно», читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ генеральному контролеру, аббату Террэ, отъ 1770 года, что цѣна хлѣба во многихъ мѣстахъ выше настоящей, благодаря несовершенству помола, мошенничеству мельниковъ, и обычаю, требующему вычета въ пользу помѣщиковъ одной шестой части поступившаго на мельницу зерна. Ни для кого не тайна, что обращеніе муки въ хлѣбъ, благодаря привиллегіямъ вотчинныхъ хлѣбопекарень и существующаго въ городахъ цеха булочниковъ, сопровождается также значительными

---

[1]) Ceux à qui ces droits appartienent seront sufisamment dédommagés par leur part de l'acroissement général des revenus des biens du royaume. См. art. „Grains“ въ Encyclopédie.

поборами и вычетами. Тюрго думаетъ, что въ своей сложности производительныя монополіи, ярмарочныя и провозныя пошлины увеличиваютъ цѣнность хлѣба на одну треть. Онъ не останавливается поэтому передъ требованіемъ совершеннаго упраздненія монополіи помола (suppression de la banalité des moulins). Въ его глазахъ она почти всегда имѣетъ источникомъ узурпацію и опирается исключительно на давности злоупотребленій. Защита баналитетовъ тѣмъ соображеніемъ, что собственность неприкосновенна, кажется ему простымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ ихъ сохраненіе связано съ нарушеніемъ священнѣйшаго изъ всѣхъ видовъ собственности, той, которая принадлежитъ человѣку на всѣ вообще продукты его труда, а земледѣльцу, въ частности, на взращенный имъ хлѣбъ [1]).

За физіократами надо признать ту заслугу, что они первые поставили на видъ противорѣчіе сеньеріальной системы съ требованіями сельскаго хозяйства и доказали невыгодность ея не для однихъ крестьянъ, но и для помѣщиковъ. Извѣстно, что послѣдствіемъ сеньеріальной системы была отдача земли собственникомъ въ вѣчно-наслѣдственную аренду. Съемщиками, какъ общее правило, являлись изнемогавшіе подъ бременемъ налоговъ, церковныхъ и вотчинныхъ платежей, чиншевики-половники. Постепенный упадокъ ихъ матеріальнаго благосостоянія отражался невыгоднымъ образомъ на доходѣ помѣщиковъ, такъ какъ съ уменьшеніемъ количества рабочаго скота и удобренія падала производительность почвы и слѣдовали плохіе

---

[1]) Je ne pense pas qu'on opposât à des arrangements aussi utiles les grands principes sur le respect dû aux propriétés. Ce serait une contradiction bien étrange que ce respect superstitieux pour des propriétés qui, dans leur origine, sont presque toutes fondées sur des usurpations, et dont le meilleur titre est la prescription qu' elles ont acquise contre le public; tandis qu'on se permet de violer, sous prétexte d'un bien très-mal entendu, la propriété de toutes la plus sacrée, celle qui seule a pu fonder toutes les autres propriétés, la propriété de l'homme sur le fruit de son travail, la propriète du laboureur sur le blé qu'il a semé et qu'il a fait naitre, non seulement a la sueur de son front, mais avec des frais immenses, la propriété du marchand sur la deurée qu'il a payée avec son argent (Lettre sur le commerce des grains. Turgot „Oeuvres". édition Guillaumain, томъ I, стр. 253).

урожаи. Получая установленную обычаемъ и неизмѣнную въ размѣрѣ ренту, гдѣ натурой, а гдѣ деньгами (champart, rentes, censives), собственникъ терялъ и отъ недостаточности валовой выручки и отъ связанной съ плохимъ урожаемъ неисправности арендатора. Невыгодность чиншеваго половничества еще возрастала отъ необходимости жертвовать частью удобной къ обработкѣ земли подъ выпасъ крестьянскаго скота и сохранять установленный обычаемъ порядокъ сѣвооборота, отказываясь отъ болѣе интензивной системы трехпольнаго и плодоперемѣннаго хозяйства. Указанныхъ причинъ достаточно, чтобы понять, почему задолго до появленія физіократической доктрины французскіе помѣщики, слѣдуя примѣру своихъ англійскихъ собратьевъ, начали оказывать предпочтеніе краткосрочному фермерству надъ половничествомъ и часто сдавали состоящія въ ихъ личномъ завѣдываніи земли въ руки зажиточныхъ буржуа, принимавшихъ на свой счетъ производство всѣхъ предварительныхъ затратъ по земледѣлію. Но широкому примѣненію фермерскаго хозяйства препятствовала система зависимыхъ отношеній крестьянъ отъ помѣщиковъ, другими словами унаслѣдованное отъ среднихъ вѣковъ сеньеральное и крѣпостное право. Понятно послѣ этого, какое значеніе должна была имѣть для его дальнѣйшихъ судебъ пропаганда физіократами той мысли, что въ интересахъ сельскаго хозяйства необходимъ переходъ отъ мелкой половнической культуры къ крупному фермерству. Начало этой пропагандѣ положено было самимъ основателемъ школы, Кенэ. Въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ энциклопедіи Дидро и посвященныхъ, одна — вопросу о фермерствѣ, а другая — вопросу о продовольствіи, Кенэ даетъ сравнительную оцѣнку обѣимъ системамъ хозяйства — фермерскому и половническому. По словамъ Кенэ, семь восьмыхъ Франціи еще придерживаются послѣдняго порядка и всего одна восьмая, состоящая изъ Нормандіи, Пикардіи, Фландріи, Гено, Босъ и Иль-де-Франсъ, перешла къ системѣ крупныхъ фермъ. Кенэ дѣлаетъ слѣдующій расчетъ средней производительности тѣхъ шести милліоновъ арпановъ, которые, по его, словамъ, находились въ серединѣ прошлаго вѣка въ рукахъ болѣе или менѣе зажиточныхъ арендаторовъ, ведшихъ хозяйство съ соб-

ственнымъ инвентаремъ. Ежегодно арпанъ этихъ земель при трехпольной системѣ обработки даетъ валовой выручки восемь септьэ хлѣбнаго зерна, или до тысячи пятисотъ фунтовъ парижской мѣры. Земли, воздѣлываемыя половниками на началахъ двухполья, при тѣхъ же затратахъ личнымъ трудомъ и сѣменами, не приносятъ среднимъ числомъ болѣе четырехъ септьэ той же валовой выручки. Кенэ еще связываетъ различіе въ производительности обѣихъ системъ съ частнымъ фактомъ утилизаціи первою лошадей, а второю -- воловъ [1]). Но Тюрго уже устанавливаетъ то общее положеніе, что причина большей производительности фермерскаго хозяйства надъ половническимъ лежитъ всецѣло въ томъ, что фермеръ вкладываетъ въ землю капиталъ, какимъ не располагаетъ половникъ [2]). Еще опредѣленнѣе высказывается въ томъ же смыслѣ Дюпонъ, говоря, что въ провинціяхъ съ крупнымъ производствомъ общею чертою является существованіе фермеровъ, сплошь и рядомъ вкладывающихъ въ землю капиталъ, равный приблизительно трети ея цѣны. Тамъ же, гдѣ крупное производство неизвѣстно, мѣсто фермеровъ занимаютъ половники—«бѣдные крестьяне, живущіе однимъ

---

[1]) Въ статьѣ „Grains“ онъ, впрочемъ, дѣлаетъ слѣдующую оговорку: ce n'est pas qu'on laboure avec des boeufs que l'on tire un si petit produit des terres; on pourrait par ce genre de culture, en faisant les dépenses nécessaires tirer des terres à peu près autant que par la culture qui se fait avec les chevaux; mais ces dépenses ne pourraient être faites qne par les propriétaires; ce qu'ils ne feront pas, tant que le commerse du blé ne sera pas libre et que les non—valeurs de cette denrée ne leur laisseront apercevoir qu'une perte certaine.

[2]) Ce qui distingue véritablement et essentiellement les pays de grande culture de ceux de petite culture c'est que, dans les premiers, les propriétaires trouvent des fermiers qui leur donnent un revenu constant de leur terre et qui achètent d'eux le droit de la cultiver pendant un certain nombre d'années... Il est bien évident que cette valeur locative universelle, cette égalité de culture qui fertilise la totalité du territoire, n'est due qu'a l'existence de cette espèce précieue d'hommes qui ont non pas seulement des bras, mais des richesses à consacrer à l'agriculture. (См. „Mémoire sur la surcharge d'impositions qu'éprouve la généralité de Limoges, dans lepuel l'auteur traite incidemment de la grande et de la petite culture, adressé au Conseil en 1766“). Turgot „Oeuvres“ т I. стр. 543.

трудомъ рукъ» (qui ne possèdent que leurs bras), Собственникъ снабжаетъ ихъ всѣмъ нужнымъ для производства предварительныхъ затратъ по земледѣлію; нерѣдко онъ же принимаетъ на себя содержаніе и ихъ самихъ до уборки [1]).

Ни одинъ изъ упомянутыхъ нами писателей не указываетъ прямо на то, въ какой мѣрѣ мелкое производство и характеризующее его половничество связаны съ существованіемъ помѣстной системы и зависимаго крестьянскаго землевладѣнія. Бонсерфъ первый категорически высказываетъ мысль, что сеньеріальное право служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ развитію раціональной системы фермерскаго хозяйства. Онъ дѣлаетъ отсюда то заключеніе, что упраздненіе существующихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами лежитъ въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Доселѣ, пишетъ онъ, сеньеры были жертвою привычки; трудно понять, какъ имъ не пришла на умъ польза замѣны ихъ правъ верховенства правомъ полной собственности [2]).

Бонсерфъ доказываетъ, что доходъ, получаемый собственниками отъ свободныхъ фермеровъ, гораздо больше того, какой доставляютъ имъ оброчные крестьяне. Еще Дюпонъ опредѣлялъ обычный размѣръ платимой фермерами аренды въ восемь, десять и двѣнадцать ливровъ съ арпана [3]). На мѣсто этой значительной и подлежащей къ тому же увеличенію платы, помѣщикъ получаетъ отъ крестьянина-чиншевика ничтожный цензъ и неизмѣнную въ размѣрѣ ренту. Тамъ, гдѣ удержался платежъ натурою, гдѣ существуетъ система шампара, онъ не въ правѣ расчитывать ни на что, помимо опредѣленной части урожая съ плохо воздѣлуемыхъ и падающихъ въ производи-

---

[1]) Dupont. Lettre sur la difiérence qui se trouve entre la grande et la petite culture, (Soissons 1764 г.), adresséé à l'auteur de la Gazette du commerce. Стр. 16.

[2]) Jusqu'à présent les seigneurs ont été dupes de l'habitude; il est difficile de concevoir, comment ils ont négligé de convertir leurs directes en propriétés foncières. См. Les inconvénients des droits féodaux, сочиненіе, напечатанное въ Лондонѣ въ 1766 г.

[3]) См. Lettre sur la différence entre la grande et la petite culture. Soissons 1764. Стр. 16.

тельности земель. Правда, онъ извлекаетъ добавочный доходъ отъ пользованія сеньеральными правами и монополіями; но доходъ этотъ, по словамъ Бонсерфа, самый ничтожный уже потому, что большую часть его приходится затратить на покрытіе издержекъ взиманія и на погашеніе тѣхъ убытковъ, какіе причиняютъ постоянные процессы съ крестьянами, благодаря неопредѣленности и сомнительности сеньеріальныхъ правъ. А между тѣмъ ихъ выкупъ, на который бы всѣ зависимые владѣльцы согласились охотно, доставилъ бы помѣщику сумму, превышающую даже цѣну его земель. Крестьяне не отказались бы положить въ основу оцѣнки, при опредѣленіи размѣра этого выкупа, не только чистый, но и валовой доходъ, получаемый отъ пользованія сеньеріальными правами, такъ сильно ихъ желаніе положить конецъ существующей системѣ зависимыхъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ сократились бы издержки по администраціи и совершенно отпали бы тѣ, источникъ которыхъ лежитъ въ процессахъ. Нечего настаивать на выгодахъ, какія бы крестьяне пріобрѣли отъ отмѣны сеньеріальныхъ отношеній. «Право помѣщика предписывать вамъ время производства сѣнокосовъ и уборки, говоритъ Бонсерфъ въ своемъ обращеніи къ крестьянамъ, не разъ имѣло послѣдствіемъ потерю урожаевъ; баналитеты, монополія мельницъ и хлѣбопекарень, помимо вычетовъ, вели еще къ значительной потерѣ времени. Какъ часто выдѣлка вина страдала отъ недостаточности помѣщичьихъ прессовъ, и собранный виноградъ подъ палящими лучами солнца скисалъ до поступленія въ чаны. Барщинныя работы сплошь и рядомъ отнимаютъ у васъ драгоцѣнное время, не позволяя окончить нетерпящихъ отлагательства сельскихъ работъ, а зайцы и кролики, безнаказанно опустошающіе поля, нерѣдко сокращаютъ продукты вашихъ урожаевъ. Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ неудобствъ, а также отъ тѣхъ, какія связаны съ «lods et ventes» — поборами съ актовъ передачи имущества, съ «retrait censuel», или правомъ феодальнаго выкупа, съ издержками на возобновленіе «terriers» или помѣстныхъ описей, указывающихъ величину крестьянскихъ повинностей и платежей, и т. п., чиншевики охотно понесутъ самыя тяжелыя денежныя пожертвованія. А какую пользу доставитъ общему благосостоянію отмѣна этихъ устарѣлыхъ, не-

реживших себя порядков! Крестьяне, бежавшіе изъ селъ, чтобы уклониться отъ баналитетовъ и барщины, покинутъ города и вернутся къ занятію земледѣліемъ. Обезпеченные въ своемъ существованіи, свободные отъ поборовъ, они постепенно потеряютъ ту двуличность и фальшивость, какая въ настоящее время справедливо ставится имъ въ вину». Примѣръ Италіи, гдѣ незначительность феодальныхъ тягостей обусловливаетъ собою большую густоту населенія и большую производительность сельскаго хозяйства, служитъ Бонсерфу ручательствомъ того, что съ отмѣною феодальнаго права, противнаго интересамъ производства и духу времени, Франція найдетъ новые пути для развитія своего матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія [1]).

Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ эпохѣ французской революціи, тѣмъ чаще раздаются голоса въ пользу отмѣны сеньеріальнаго права и зависимыхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ. Въ 1783 г. Клико-Блервашъ повторяетъ Монтескье, говоря, что «земли приносятъ доходъ не столько въ виду ихъ плодородія, сколько въ виду той свободы, какой пользуются лица, поселенныя на нихъ». Сравните, пишетъ онъ, состояніе земледѣлія въ Россіи и Польши, въ которыхъ держится крѣпостное право, съ тѣмъ, въ какомъ оно находится въ Англіи, Швейцаріи и Голландіи, и вы убѣдитесь, что его успѣхи тѣсно связаны со свободой. Отпустите поэтому людей на волю, сдѣлайте собственность независимой и позвольте крестьянамъ выкупить ихъ права совладѣнія съ помѣщикомъ (admettez le peuple au rachat de la copropriété seigneuriale [2]). «Собственность и свобода,—заявляетъ тотъ же писатель,—таковы источники производительности почвы» [3]). Другой современникъ революціи, связь котораго съ физіократами еще болѣе несомнѣнна, я разумѣю Кондорсе, въ обращеніи къ Неккеру требуетъ немедленной и безповоротной отмѣны всякаго рода вотчинныхъ платежей и производительныхъ мо-

---

[1]) См. Bonserf. Les incovénients des droits féodaux. Стр. 6, 27, 45, 51, 53.

[2]) См. Jules de Vroil. Etude sur Clicquot-Blervache, стр. 291.

[3]) La propriété et la liberté sont les deux germes de la fécondite. Ibid., стр. 301.

монополій, «всего, что стѣсняетъ свободу личности и собственности» [1]).

Такимъ образомъ, физіократы, отправляясь отъ мысли о противорѣчіи сеньеріальнаго права интересамъ земледѣлія, въ концѣ-концовъ приходятъ къ заключенію о необходимости полной свободы собственности для крестьянина. Клико-Блервашъ не довольствуется, подобно Кенэ или Тюрго, замѣной половничества фермерствомъ; онъ требуетъ созданія класса крестьянъ-собственниковъ: «невозможно,—говоритъ онъ,—поставить на одну доску сельско-хозяйственную культуру собственника, арендатора и поденщика; расчетливость, бдительность, экономія времени,—все это лежитъ на сторонѣ собственника, сокращаетъ для него издержки производства и увеличиваетъ его доходность». Цитируемый нами писатель не скрываетъ своего желанія видѣть переходъ отъ поденщиковъ къ мелкимъ фермерамъ, а отъ фермеровъ къ собственникамъ [2]).

Французская революція обратила эти надежды въ дѣйствительность. Связь, въ какой законодательство Учредительнаго собранія стоитъ съ ученіемъ экономистовъ XVIII вѣка, наглядно выступаетъ въ томъ мемуарѣ, какой представленъ былъ ему 24-го октября 1789 года отъ имени королевскаго Общества земледѣлія. Въ немъ открыто высказывается требованіе отмѣны всѣхъ сеньеріальныхъ правъ, признанія свободы собственника давать своимъ землямъ то назначеніе, которое онъ сочтетъ наиболѣе выгоднымъ, окружать ихъ загородями, освобождая тѣмъ отъ всякаго рода общественныхъ сервитутовъ и правъ пользованія [3]).

Но если отмѣна сеньеріальнаго права необходима для успѣховъ земледѣлія, если она равно желательна въ интересахъ дворянъ-собственниковъ и крестьянъ-съемщиковъ, то остается еще найти пути для производства этой реформы на началахъ, отвѣчающихъ справедливости и не требующихъ большихъ пожертвованій со стороны заинтересованныхъ. Писатели прошлаго столѣтія, стоявшіе за отмѣну крѣпостныхъ отношеній, сходятся въ желаніи избѣ-

---

[1]) Toutes les institutions qui gènent la liberté doivent être egalement proscrites. См. Condorcet. Lettre d'un laboureur de Picardie.

[2]) Стр. 303.

[3]) См. Etude sur Clicquot-Blervache, стр. 341.

жать всякаго насильственнаго потрясенія, всякаго соціальнаго переворота, всякой революціи. Юристы и экономисты одинаково утверждаютъ, что основу сеньеріальныхъ правъ и вытекающихъ изъ нихъ повинностей и платежей не слѣдуетъ искать исключительно въ произволѣ и насиліи, что многіе имѣютъ своимъ источникомъ дѣйствительную услугу, оказанную собственникомъ-капиталистомъ лицамъ, обдѣленнымъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ, услугу, дающую ему право на вознагражденіе въ формѣ періодически уплачиваемой ренты и столь же періодически осуществляемыхъ службъ. Выражаясь языкомъ федиста Ренольдона, не всѣ сеньеріальныя права равно ненавистны (odieux), не всѣ вызваны къ жизни правомъ сильнаго (la loi du plus fort) или узурпаціей королевскаго авторитета. Многія возникли путемъ обоюднаго соглашенія, выгоднаго для обѣихъ сторонъ (это тѣ, которыя онъ называетъ «droits favorables»). Но и въ числѣ этихъ послѣднихъ не мало потерявшихъ свой raison d'être, такъ какъ то фактическое отношеніе, которое нѣкогда лежало въ ихъ основѣ, болѣе не существуетъ [1]).

Извѣстный маркизъ д'Аржансонъ едва-ли не первый поднялъ вопросъ о необходимости приступить къ немедленному упраздненію не только личной, но и имущественной зависимости крестьянъ, съ помощью принудительнаго выкупа. «Желательно, читаемъ мы въ его «Plan du Gouvernement proposé pour la France», чтобы законы вернули свободу имуществамъ, подобно тому, какъ они уже сдѣлали это по отношенію къ лицамъ. Королю слѣдовало бы дать примѣръ, предписавъ обязательный выкупъ правъ феодальнаго верховенства, какими онъ пользуется. За нимъ и другіе собственники согласились бы отступиться отъ своихъ правъ, получая взамѣнъ единовременные платежи или простыя денежныя обязательства» [2]).

Пять лѣтъ спустя, Тюрго въ письмахъ къ генеральному контролеру, аббату Террэ, высказывается въ пользу безвозмездной отмѣны тѣхъ изъ сеньеріальныхъ правъ, которыя связаны были съ вымогательствомъ провозныхъ пошлинъ съ предметовъ пер-

---

[1]) См. Renoldon. Traité des droits ségnieuriauxa. 1765, стр. 7.

[2]) „Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France“ par le marquis d'Argeançon. Амстердамъ, 1765, стр. 273 и 274.

вой необходимости, а также съ производительными монополіями сеньеровъ, вотчинными мельницами и пекарнями. Всѣ эти права для него основаны на узурпаціи и держатся исключительно только давностью [1]).

Въ 1783 г. Бонсерфъ, еще ранѣе высказавшійся, какъ мы видѣли, въ смыслѣ желательности добровольнаго выкупа, въ новомъ памфлетѣ, озаглавленномъ «Moyens et méthode pour éteindre les droits féodaux», указываетъ и практическіе пути къ осуществленію предложенной имъ реформы. Большинство вотчинныхъ платежей, какъ-то: цензъ, рента, шампаръ, выкупается au denier vingt, т. е. единовременнымъ платежемъ суммы, въ двадцать разъ превышающей годовой доходъ, получаемый отъ нихъ собственникомъ, доходъ чистый, а не валовой; въ виду этого Бонсерфъ рекомендуетъ вычетъ всѣхъ издержекъ, связанныхъ со взысканіемъ этихъ платежей и поглощавшихъ нерѣдко четвертую часть выручки. Капиталъ, необходимый для производства выкупа, получается путемъ займа, и на кредитора переходятъ временно, до погашенія долга, всѣ права прежняго сеньера. На ряду съ ежегодными повинностями и службами, сеньеры извлекали извѣстный доходъ въ случаѣ перемѣнъ въ лицѣ своихъ вассаловъ, перемѣнъ, вызванныхъ ихъ кончиной или отчужденіемъ владѣльческихъ правъ. Это то, что федисты обозначаютъ общимъ терминомъ «droits casuels».

---

[1]) Lettre sur la liberté du commerce des grains... „presque tous fondés sur des usurpations, leur meilleur titre est la prescription qu'ils ont acquise contre le public". Turgot, Oeuvres. T. стр. 253.

Небезинтересно отмѣтить воспроизведеніе тѣхъ же самыхъ взглядовъ въ частной перепискѣ знаменитаго коммуниста Бабефа. Въ письмѣ отъ 19-го флореаль 2-го года республики (1793) къ извѣстному атеисту Сильвенъ Марешаль Бабефъ, распространяя положеніе Тюрго на всѣ виды сеньеріальныхъ правъ, говоритъ: De ce qui fut anciennement extorqué, ou par violence ou par fraude, la transmission héréditaire pas plus que le contrat de vente n'innocente la possession, tant pis pour celui qui a acquis; pour être sortie des mains du falsificateur la fausse monnaie ne cesse pas d'être fausse, et c'est se rendre coupable de vol que de prétendre la maintenir en circulation. Il n'y a pas de prescription qui puisse créer un droit en faveur des détenteurs d'un bien mal acquis. Histoire de Gracchus Babeuf et du Babouvisme. 1884. T. I, стр. 107.

Чтобы добиться ихъ упраздненія, Бонсерфъ предлагаетъ слѣдующую схему. Король, которому, какъ главѣ феодальной іерархіи, подобныя права должны бы доставлять среднимъ числомъ три милліона ливровъ въ годъ, но который въ дѣйствительности не извлекаетъ изъ нихъ и шестисотъ тысячъ ливровъ, безвозмездно отказывается отъ нихъ въ пользу своихъ прямыхъ лэнниковъ, но подъ условіемъ, чтобы они въ свою очередь распространили ту же свободу и на второстепенныхъ вассаловъ, иначе говоря на всѣхъ, кто владѣетъ землею въ прямой зависимости отъ нихъ. Остается затѣмъ принять мѣры къ упраздненію феодальнаго выкупа, который среднимъ числомъ наступаетъ приблизительно каждыя тридцать лѣтъ и равняется по величинѣ суммѣ годовой выручки съ лэна. Король отказывается и отъ этого дохода, возлагая равное обязательство и на своихъ вассаловъ. Тѣ, кто держитъ землю на чиншевомъ правѣ непосредственно отъ казны, призваны къ погашенію своихъ обязательствъ единовременнымъ платежомъ суммы, въ двадцать разъ превышающей годовую выручку, т. е. на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ вотчинъ крестьяне призваны обратить свои зависимыя владѣнія въ полную собственность. Бонсерфъ обѣщаетъ пріобрѣтеніе казною этимъ путемъ сразу двадцати милліоновъ ливровъ, которые пойдутъ на погашеніе части ея долга. И такъ, выкупъ всѣхъ годовыхъ платежей и добровольный отказъ отъ платежей случайныхъ — вотъ къ чему сводится предлагаемая Бонсерфомъ система отмѣны сеньеріальнаго права и крѣпостныхъ отношеній. Отмѣтимъ, что въ его проектѣ ни словомъ не упоминается ни о производительныхъ монополіяхъ, уже осужденныхъ, какъ мы видѣли, Тюрго на безвозмездную отмѣну, ни о тѣхъ сеньеріальныхъ правахъ, источникъ которыхъ лежитъ въ личной несвободѣ. По отношенію къ послѣднимъ всѣ писатели восемнадцатаго вѣка держатся тѣхъ же воззрѣній, что и Вольтеръ, настаивавшій на упраздненіи личной несвободы помимо всякаго вознагражденія помѣщикамъ. Людовикъ XVI поспѣшилъ въ 1776 г. удовлетворить этому требованію на протяженіи доманіальныхъ земель. Физіократы, не рѣшавшіеся, какъ общее правило, поднять открыто вопроса объ эмансипаціи, не скрывали, однако,

своего желанія видѣть повсюду земледѣльца-производителя свободнымъ въ распоряженіи своей личностью.

Всего рѣшительнѣе высказывается въ этомъ смыслѣ аббатъ Бодо въ своей «Introduction à la philosophie économique». Для него крѣпостничество не болѣе, какъ мнимое право (droit prétendu), способное узаконить ужаснѣйшія преступленія. Онъ не останавливается передъ утвержденіемъ, что личная несвобода (servitude personnelle) къ счастію перестала существовать въ средѣ французовъ. Чиншъ, ренты и шампары являются, правда, уцѣлѣвшими ея остатками, но они на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ формы совладѣнія (copropréte foncière), удержанныя въ пользу стариннаго дворянства [1]). Говоря это, аббатъ Бодо упускаетъ изъ виду тотъ фактъ, что на протяженіи всей еще Франціи, и въ особенности въ Бургундіи и Франшъ-Контэ, Шампани, Ниверпэ, Бурбоннэ и Оверни, можно было встрѣтить десятки тысячъ людей, находившихся въ тѣхъ же или приблизительно тѣхъ отношеніяхъ личной зависимости отъ помѣщиковъ, что и взятые Вольтеромъ подъ защиту сервы аббатства Сенъ-Клода въ департаментѣ Юры [2]). Гораздо ближе къ дѣйствительности стоялъ Бонсерфъ, призывавшій вниманіе читателей къ тѣмъ преимуществамъ, какими пользуется земледѣліе въ мѣстностяхъ, гдѣ отъ личной зависимости крестьянъ не осталось болѣе и помину. «Такъ какъ, пишетъ онъ, отпущенія на волю сдѣлались обычными во Франціи съ давнихъ поръ, то далеко не всюду можно констатировать тѣ преимущества, какія связаны со свободою земледѣльца. Но во Франшъ-Контэ мы видимъ, бокъ-о-бокъ съ плотно населенными доменами казны и не менѣе многолюдными помѣстьями сеньеровъ, отпустившихъ крестьянъ на волю, относительно безплодныя и плохо воздѣлываемыя земли аббатствъ Люкъ-Сель и Сенъ-Клодъ, на которыхъ крестьяне еще стонутъ подъ этимъ оболванивающимъ ихъ игомъ» [3]).

---

[1]) Première introduction à la philosophie économique ou analyse des états policés. 1771 г. См. Physiocrates, изд. Дэра, т. II. стр. 706 и 708.

[2]) См. Chassin. L'église et les derniers serfs. Карѣевъ. Крестьяне во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Доп. 1. О серважѣ передъ революціей.

[3]) Бонсерфъ. Inconvénients des droits féodaux. Londres. 1776 г. стр. 61... les paysans gémissent encore sous cette servitude qui les abrutit

Въ проектѣ выкупной операціи, предложенномъ Бонсерфомъ, мы видимъ отчасти воспроизведеніе той самой системы ликвидаціи феодальныхъ порядковъ, какая осуществлена была въ Англіи въ 1660 году. Давая свою санкцію проведенной еще Кромвелемъ реформѣ, Карлъ II освободилъ прямыхъ вассаловъ отъ службы и другихъ обязательствъ по отношенію къ верховному сюзерену—королю. Такъ какъ одновременно не было принято мѣръ къ выкупу земельныхъ рентъ второстепенныхъ вассаловъ, то имущественная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ продолжала держаться въ Англіи въ формѣ «коппигольда», близкаго по характеру къ чиншевому владѣнію съ его неизмѣнною рентой. Если въ концѣ XVIII и началѣ текущаго столѣтія сфера распространенія этой наслѣдственной аренды и сократилась значительно въ Англіи, то причина тому лежитъ не въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ и обязательномъ выкупѣ, а въ торжествѣ фермерства и принудительномъ выселеніи крестьянъ изъ помѣстій (такъ называемомъ clearing of estates). Предложенная Бонсерфомъ система возмѣщенія убытковъ, какіе помѣщики должны были потерпѣть отъ уступки своихъ земель крестьянамъ въ собственность, была разсчитана на то, чтобы избѣжать этого насильственнаго обезземеленія. Она построена была по образцу той, какой держалось савойское правительство въ 1771 году, при отмѣнѣ имущественной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Этому же примѣру слѣдуютъ и другіе проекты упраздненія сеньеріальнаго права, обнародованные во Франціи за нѣсколько лѣтъ до революціи. Для графа д'Антрега, автора мемуара о выкупѣ феодальныхъ правъ, «савойское правительство установило достойные подражанія, мягкіе, умѣренные порядки и такіе способы выкупа, которые показались справедливыми даже тѣмъ, чьи права отчасти приносимы были ими въ жертву». Ту же похвалу савойской системѣ эмансипаціи крестьянъ можно прочесть въ сочиненіи экономиста Клико-Блервашъ, сочиненія, которое въ 1783 г. академія наукъ въ Шалонѣ награждаетъ преміей и которое выходитъ вторымъ изданіемъ уже послѣ смерти автора, въ самый годъ революціи. По соображеніямъ, источникъ которыхъ, по всей вѣроятности, лежалъ въ цензурныхъ стѣсненіяхъ, авторъ выдаетъ себя за савояра и

предлагаетъ критику сеньеріальнаго права съ точки зрѣнія человѣка, испытавшаго на самомъ себѣ выгоды освободительной политики савойскихъ правителей.

Одной личной независимости ему кажется недостаточно. На предложеніе Карла-Эмануила вернуться на родину, въ виду дарованной крестьянамъ въ 1762 году свободы, вымышленный авторомъ эмигрантъ отвѣчаетъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что личная независимость не поведетъ къ ожидаемому результату, пока не будетъ восполнена свободой имущественной. Но въ 1771 году дарована и эта свобода. Эмигрантъ возвращается на земли своихъ отцовъ, воздѣлываетъ ихъ съ видимой пользой для себя и государства и находитъ во вновь созданныхъ земледѣлію условіяхъ критерій для оцѣнки всѣхъ невыгодъ чиншеваго права и зависимыхъ порядковъ владѣнія.

Вслѣдъ за мрачной картиной того матеріальнаго и нравственнаго упадка, въ какомъ находятся французскіе земледѣльцы, Клико-Блервашъ устами своего героя останавливается на вопросѣ, какими средствами можно добиться эмансипаціи крестьянъ съ землею, не прибѣгая къ насильственному перевороту. «Не будемъ терять изъ виду, пишетъ онъ, что сеньеріальныя права освящены вѣковымъ владѣніемъ, что большинство современныхъ сеньеровъ пріобрѣли ихъ цѣною денегъ, что неприкосновенность собственности одинъ изъ государственныхъ устоевъ. Но всѣ эти требованія не мѣшаютъ тому, что изъ числа закономѣрныхъ контрактовъ и соглашеній должны быть исключены тѣ, въ которыхъ одна изъ сторонъ поставлена въ невозможность дальнѣйшаго выполненія принятаго ею обязательства. Таково именно положеніе, въ какомъ, благодаря перемѣнѣ обстоятельствъ, очутились крестьяне по отношенію къ цѣлому ряду сеньеріальныхъ правъ. Справедливость, очевидно, не потерпѣла бы отъ отмѣны тѣхъ, изъ нихъ которыя потеряли свой raison d'être. Важнѣйшія мѣропріятія, какими достигнуто было въ Савойѣ освобожденіе крестьянъ съ землею, были слѣдующія: частному соглашенію предоставлено было установить цѣну выкупа какъ изъ личной, такъ и изъ имущественной зависимости; выкупаться дозволено было не каждому въ отдѣльности, а цѣлымъ приходамъ, при согласіи двухъ третей ихъ

жителей. До окончательнаго разсчета съ помѣщикомъ. крестьяне обязывались платить проценты со всей выкупной суммы. Чтобы заручиться нужнымъ для выкупа капиталомъ, сельскимъ общинамъ дозволялось, а при извѣстныхъ условіяхъ даже вмѣнялось въ обязанность, приступать къ отчужденію части ихъ общественныхъ земель или заключать заемъ, сумма котораго, вмѣстѣ съ процентами, разлагаема была затѣмъ на лицъ, принимавшихъ участіе въ выкупѣ. Эти-то порядки выкупной операціи и рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ Клико-Блервашъ [1]).

Если въ настоящее время мы зададимся вопросомъ, въ какой мѣрѣ взгляды экономистовъ на необходимость отмѣны сеньеріальнаго права и на средства къ его упраздненію нашли отголосокъ въ тѣхъ наказахъ, какими снабдили выборщиковъ и депутатовъ мѣстныя и общія избирательныя собранія въ 1789 году, намъ не трудно будетъ отмѣтить въ «тетрадяхъ жалобъ» не только средняго сословія, но и высшихъ, почти полное единогласіе по вопросу о необходимости положить въ основу эмансипаціи надѣленіе крестьянъ землею и выкупъ сеньеріальныхъ правъ государствомъ. Безвозмездность допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ отмѣнѣ правъ сеньера на личность крестьянина [2]). Такъ, напр., въ наказѣ средняго сословія Бигора значится: «феодальныя права на личность (les droits féodaux personnels), права, ненавистныя по своей природѣ (qui sont odieux), имѣющія источникомъ крѣпостную зависимость и связанныя съ нарушеніемъ свободы частнаго лица, подлежатъ безвозмездной

---

[1]) См. Mémoire sur les moyenc d'améliorer en France la condition des Laboureurs, des Journaliers, des Hommes de peine vivant dans les Campagnes et celle de leurs femmes et de leurs enfants. Ouvrage couronné par l'Acédemie de Châlons sur Marne en 1783. Paris. Delalain ainé 1789. Анализъ его даетъ de-Vroil. (Etude sur Cliquot-Blervache, стр. 287 до 297).

[2]) Cahiers du tiers-état d'Aix: „faculté de racheter tous droits seigneu. riaux portant profit, suppression entière et sans indemnitées de tous autres droits seigneuriaux qui imposent servitude personnelle (Arch. Parl. v. I, p. 697). См. также Cahiers du tiers-état de Clermont Ferrand. Arch Parl., т. II, стр. 773.

отмѣнѣ» [1]). По отношенію ко всѣмъ прочимъ рекомендуется переводъ натуральныхъ рентъ, какъ напр., шампара, въ денежныя и, смотря по мѣстностямъ, то индивидуальный выкупъ въ разные сроки, то коллективный со стороны всѣхъ членовъ прихода [2]) и безъ обозначенія срока. Наказы разно проводятъ границу между личными и имущественными правами, правами, подлежащими безвозмездной отмѣнѣ, и требующими выкупа. Баналитеты или производительныя монополіи относятся одними къ числу правъ, упраздняемыхъ безъ вознагражденія, на-ряду съ дорожной барщиной (corvée) и мѣстной стражей (guet et garde) [3]); тогда какъ въ другихъ о баналитетахъ и даже о провозныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ въ пользу помѣщиковъ, говорится какъ о подлежащихъ выкупу [4]). Почти во всѣхъ наказахъ средняго сословія мы находимъ по отношенію къ праву охоты выраженіе одного и того же желанія: каждому должна быть дана возможность убивать пушного звѣря и лѣсную дичь въ предѣлахъ своихъ земель. Это, очевидно, далеко не то, что римскимъ юристамъ извѣстно было подъ понятіемъ свободы охоты. Это скорѣе возобновленіе старинныхъ порядковъ, предшествовавшихъ во Франціи установленію охотничьей монополіи въ пользу короля и высшихъ членовъ феодальной іерархіи. Въ основѣ ихъ лежитъ мысль, что охота есть принадлежность собственности, такая же

---

[1]) Такимъ же образомъ въ мѣстномъ наказѣ прихода Combs въ Провансѣ мы читаемъ: l'extinction de tous droits et privilèges, attribués ou acquis à cartains corps, communautés ou particuliers à gêner la liberté des citoyens et les progrès de l'agriculture, tels que les corvées de toute espèce, les droits de péage, d'albergue et de cavalcade celui plus oppressif encore, communément appelé droit de garche qui assujetissait autrefois les vassaux à la garde des seigneurs dans leurs châteaux et qui a été depuis converti en une redevance en blé annuellement et indistinctement payée par tous les habitants. Cahiers de la Sénéchaussée de Draguignan par Mireur, стр. 133.

[2]) Cahiers du tiers-etat de Loudon. Arch. Parl., т. Ш, стр. 597.

[3]) Cahier du tiers-état de la Sénéchaussée de Bigorre. Ibid., стр. 364. Cahier du tiers de Condom, т .Ш, стр. 39. Cahier de la paroisse de Sèvres, ст. 32 (Thènard, стр. 27). Рѣдко, когда встрѣчается обратное требованіе—сохраненія баналитетовъ. (Paroisse de Vernouillet sur Seine. Arch. Parl., т. V, стр. 170).

[4]) См. Cahier du tiers état d'Anjou. Ibid., стр. 42.

принадлежность, какъ право пользоваться выпасомъ на парѣ или рубкою собственнаго лѣса [1]). Иначе смотрятъ наказы на свободу пользованія проточными водами. Многіе относятся къ нимъ, какъ къ общей собственности, и стоятъ поэтому за отмѣну всякаго рода феодальныхъ поборовъ за пользованіе ими. Что касается до порядка производства выкупа, то и на этотъ счетъ можно отмѣтить нѣкоторое разногласіе; такъ въ однихъ кайе рекомендуется выкупъ «au denier trente», а въ другихъ «au denier vingt cinq» [2]). Нерѣдко встрѣчается требованіе, чтобы въ основу его положена была не валовая, а чистая выручка съ сеньеріальныхъ повинностей и платежей [3]). Очень часто наказы заводятъ рѣчь о томъ, чтобы принципъ «nulle terre sans seigneur», благодаря которому помѣщики освобождены отъ необходимости доказывать принадлежность имъ того или другого изъ подлежащащихъ выкупу правъ, замѣненъ былъ противоположнымъ: nulle seigneur sans titre [4]), или еще, чтобы претендующій на ту или другую производительную монополію доказалъ, что въ его помѣстьи вотчинныя мельницы и хлѣбопекарни устроены были ранѣе, напр., 1400 года [5]), и являются вообще чѣмъ-то существующимъ или существовавшимъ въ дѣйствительности, а не простымъ предлогомъ къ вымогательствамъ [6]).

Изъ сдѣланныхъ выписокъ не трудно убѣдиться, что пропагандируемыя экономистами XVIII вѣка идеи—эмансипаціи крестьянъ съ землею, даровой отмѣны личной и выкупа имущественной зависимости, нашли отголосокъ въ обществѣ и опредѣлили собою характеръ требованій, предъявленныхъ избирателями къ будущимъ членамъ учредительнаго собранія.

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 42 и 402.

[2]) См. Cahier de la ville de Nantes (Arch. Parl., т. IV, стр. 98).

[3]) Arch. Parl., т. III, Cahier de la communauté d'Arc, de la communauté de Benivry, стр. 209 и 217.

[4]) Cahier du tiers de Troyes, A. P., т. VI, стр. 84.

[5]) Cahier du tiers-état de Gisors (Arch Parl., т. V, стр. 619).

[6]) Cahier du tiers de Douai, т. III, стр. 183. Cahier de la paroisse de Longjumeau, т. IV, стр. 657.

§ 2.

Отношеніемъ физіократовъ къ сеньеріальному праву, къ вѣчно-наслѣдственной арендѣ и половничеству опредѣлился также ихъ взглядъ на преимущества крупнаго хозяйства надъ мелкимъ. Этотъ взглядъ, какъ мы увидимъ, далеко не былъ раздѣляемъ всѣми французскими экономистами и публицистами прошлаго вѣка; можно даже сказать, что рѣдко въ чемъ общественное мнѣніе разошлось въ такой степени съ ученіемъ Кенэ и его послѣдователей, какъ въ вопросѣ о необходимости округленія фермъ въ интересахъ большей производительности земледѣлія. Дѣло въ томъ, что нигдѣ, какъ въ этомъ вопросѣ, интересы агрономіи не расходились съ интересами сельскаго пролетаріата. Съ замѣной чиншевого владѣнія крупной арендой вѣковая связь крестьянина съ землею являлась разорванной, и безземельному батраку оставалось или добывать средства существованія поденной работой у фермера, или переселиться въ городъ, въ надеждѣ найти заработокъ въ промышленности. Чѣмъ чаще становились случаи прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ землѣ, тѣмъ больше увеличивался классъ сельскихъ пролетаріевъ, а это должно было необходимо имѣть послѣдствіемъ пониженіе цѣнъ на трудъ. Такой порядокъ вещей былъ крайне выгоденъ для интересовъ помѣщиковъ и фермеровъ, такъ какъ имъ устранялось одно изъ главныхъ препятствій къ производительности земледѣлія—недостатокъ и дороговизна рабочихъ рукъ; но позволено сомнѣваться, чтобы тѣ же условія въ равной степени обезпечивали интересы крестьянъ-воздѣлывателей. Правда, съ той точки зрѣнія, на какую становились физіократы, выгода должна была быть обоюдной. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, вмѣстѣ съ Кенэ, что чистый доходъ, получаемый земельными собственниками, есть тотъ единственный фондъ, изъ котораго оплачивается трудъ, то надо будетъ признать, что все содѣйствующее абсолютному увеличенію этого фонда, а слѣдовательно и замѣна половничества болѣе доходнымъ фермерствомъ, должно пойти въ прокъ крестьянину-земледѣльцу. Кенэ прямо высказываетъ эту мысль, говоря: «фермеръ, въ распоря-

женіи котораго не больше «плуга земли», не можетъ разсчитывать на значительную выручку; иное дѣло тотъ, кто располагаетъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы соединить въ своихъ рукахъ нѣсколько плуговъ. Затраты не увеличиваются пропорціонально возрастанію размѣровъ снимаемаго участка. Поэтому только крупные арендаторы могутъ дѣлать сбереженія; они могутъ сократить число рабочихъ и уменьшить другія сельско-хозяйственныя затраты. Но отъ бо̀льшого дохода земель въ выигрышѣ оказываются не одни собственники, а также и тѣ, чей трудъ необходимъ для утилизаціи ихъ земель. Богатый фермеръ даетъ занятіе и поддерживаетъ «существованіе крестьянина»; всюду, гдѣ нѣтъ фермеровъ, крестьяне прозябаютъ въ нищетѣ. Крестьянинъ, который вздумалъ бы воздѣлывать хлѣбъ собственными руками, не въ состояніи будетъ покрыть издержекъ своего труда. Излишекъ надъ затратами можетъ быть только съ большихъ урожаевъ (grandes récoltes), т. е. такихъ, которые получаются съ значительныхъ по размѣру фермъ. Только тамъ, гдѣ существуютъ зажиточные фермеры, крестьянинъ можетъ имѣть достаточный доходъ отъ платимой ему заработной платы. Но съ бо̀льшимъ достаткомъ является и бо̀льшая возможность размноженія. Поэтому къ послѣдствіямъ крупнаго фермерства Кенэ относитъ и ростъ населенія и привлеченіе его обратно изъ городовъ въ села. «Ce sont les richesses des fermiers, заканчиваетъ онъ, qui fertilisent les terres, qui attirent, qui fixent les habitants des campagnes» [1]). Другая сторона вопроса — въ какой мѣрѣ увеличеніе числа лицъ, живущихъ исключительно трудомъ своихъ рукъ, должно понизить размѣръ заработной платы, и насколько положеніе безземельнаго крестьянина представляетъ меньшую гарантію обезпеченности сравнительно съ положеніемъ чиншевого владѣльца; наконецъ, въ какой мѣрѣ этотъ быстрый ростъ сельскаго пролетаріата долженъ повести къ выселенію крестьянъ въ города и вызвать собою обезлюденіе селъ. Все это ни мало не принято во вниманіе ни самимъ Кенэ, ни его школой. Это тѣмъ болѣе удивительно, что вся предшествовавшая экономи-

---

[1]) См. article „Grains“ и art. „Fermiers“.

ческая исторія могла убѣдить родоначальника физіократіи въ неизбѣжномъ наступленіи этихъ именно послѣдствій. Писатель, постоянно ссылающійся на опытъ Англіи, не могъ не знать, что, начиная съ XVI столѣтія и даже полувѣкомъ ранѣе, округленіе фермъ и упраздненіе вѣчно-наслѣдственной крестьянской аренды, не разъ вызывали изъ устъ экономистовъ и историковъ, въ родѣ Стаффорда и Бэкона, горькія жалобы на упадокъ сельскаго благосостоянія, на необезпеченность крестьянскаго заработка и на массовыя выселенія въ города [1]). Еще болѣе удивительно, что Кенэ не считается съ фактами французской экономической жизни, во всемъ однохарактерными съ только что описанными и на которые не разъ указано было его современниками. Замѣна мелкой крестьянской аренды крупнымъ фермерствомъ началась во Франціи многими десятками лѣтъ ранѣе появленія экономическихъ статей Кенэ въ великой Энциклопедіи. Мирабо-отецъ, д'Аржансонъ и Жанъ-Жакъ Руссо успѣли уже констатировать фактъ обезземеленія крестьянъ и обезлюденія селъ, неизбѣжно связанный съ искусственнымъ прекращеніемъ средневѣковыхъ порядковъ земельнаго пользованія, при которыхъ сервъ является совладѣльцемъ помѣщика. Мы имѣемъ всѣ данныя къ тому, чтобы признать, что взгляды, высказанные этими писателями, извѣстны были основателю физіократической школы. Статья Руссо появилась въ той же Энциклопедіи, а сочиненіе Мирабо не только было прочитано Кенэ, но и вызвало съ его стороны извѣстное замѣчаніе, что талантливому автору «не достаетъ знанія настоящихъ экономическихъ принциповъ» [2]). То, обстоятельство, что въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Мирабо, успѣвшій сблизиться съ Кенэ и его школой, воздерживается отъ прежней оцѣнки неудобствъ крупнаго хозяйства, даетъ право думать, что источникъ добровольной слѣпоты, съ какой физіократы относились къ превозносимой ими хозяйственной реформѣ, всецѣло лежитъ въ ихъ

---

[1]) См. мою статью „Поворотный моментъ въ англійской соціальной исторіи“ Историческое обозрѣніе, т. III.

[2]) См. письмо Мирабо старшаго къ Ж. Ж. Руссо отъ 30-го Іюля 1767 года (Rousseau, ses amis et ses ennemis, т. II, стр. 366).

доктринерствѣ, въ одностороннемъ увлеченіи теоріей чистаго дохода (produit net), какъ единственнаго источника народнаго богатства и единственнаго фонда для оплаты всѣхъ издержекъ производства и обмѣна.

Преимущество фермерскаго хозяйства надъ мелкой крестьянской арендой составляетъ общее мѣсто въ сочиненіяхъ выдающихся физіократовъ. Мы находимъ его и у Тюрго, и у аббата Бодо, и у Дюпона де-Немура [1]).

Кенэ отождествлялъ большую культуру съ преимущественнымъ употребленіемъ лошадей при обработкѣ. Тюрго исправляетъ эту ошибку, доказывая, что крупная культура есть та, основа которой составляетъ фермерство или сдача земель въ руки лицъ, готовыхъ вложить въ землю капиталъ. Наоборотъ, мелкое производство отождествляется имъ съ половничествомъ, при которомъ неимущіе крестьяне снимаютъ землю у помѣщика вмѣстѣ со всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, включая въ него и сѣмена для посѣва [2]).

Но параллельно этой агитаціи въ пользу введенія во Франціи, по образцу Англіи, фермерской системы хозяйства, движенію, нашедшему поддержку по преимуществу въ рядахъ круп-

---

[1]) См. Turgot „Oeuvres“, т. I. Mémoire sur la surcharge d'impositions qu'éprouvait la généralité de Limoges, dans lequel l'auteur traite incidemment de la petite culture, adressé an Conseil en 1766, стр. 543. Baudeau. „Introduction à la philosophie économique“. Часть II сборника Daire, посвященнаго сочиненіямъ физіократовъ, стр. 693.

— См. также Дюпонъ де Немуръ: Lettre sur la différence qui se trouve entre la grande et la petite culture. Soissons 1774 г, adressée à l'auteur de la Gazette du Commerce.

[2]) Въ своемъ трактатѣ объ „Образованіи и распредѣленіи богатствъ“. Тюрго выдѣляетъ фермеровъ въ особый классъ сельскихъ производителей, подобный классу предпринимателей въ обработывающей промышленности. La classe des cultivateurs se partage comme celle des fabricants en deux ordres d'hommes, celui des entrepreneurs ou capitalistes qui font toutes les avances, et celui des simples ouvriers salariés. On voit encore que ce sont les capitaux seuls qui forment et soutiennent les grandes entreprises d'agriculture, qui donnent aux terres une valeur locative constante, si j'ose ainsi parler, qui assurent aux propriétaires un revenu toujours égal et le plus grand qu'il soit possible. „Oeuvres“, т. I, стр. 41.

ныхъ собственниковъ и въ устроенныхъ ими сельскохозяйственныхъ обществахъ, мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ обратное движеніе, направленное къ удержанію и даже размноженію мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Первыми выразителями его можно считать одинаково д'Аржансона и Мирабо—отца. «Обратите вниманіе,—писалъ первый,—на различіе, какое по отношенію къ обработкѣ существуетъ между землями, принадлежащими крупнымъ сеньерамъ, и мелкими крестьянскими наслѣдствами». Д'Аржансомъ, наперекоръ Кенэ, утверждаетъ, что производительность послѣднихъ превосходитъ въ четыре раза производительность первыхъ. Вотъ какую картину сельскаго упадка и запустѣнія рисуетъ онъ намъ въ замѣнъ той перспективы быстраго увеличенія крестьянскаго достатка и размноженія населенія, какую физіократы связывали съ успѣхами крупнаго фермерства: грустное впечатлѣніе выносишь изъ сравненія современнаго положенія французской деревни съ прежней. Села замѣнились хуторами и хутора пришли въ упадокъ; на каждомъ шагу встрѣчаются валящіяся усадьбы, никто не думаетъ о томъ, чтобы воздвигнуть новыя или исправить прежнія; у крестьянъ лица осунулись и исказились отъ нужды; мѣсто зажиточности заняло нищенство. Несомнѣнной истиной д'Аржансонъ признаетъ, что земли всего болѣе страдаютъ отъ того, что воздѣлывателями являются несобственники. «Отцы наши жили въ своихъ помѣстьяхъ, пишетъ онъ, мы же покинули ихъ для столицъ и только тратимъ понапрасну деньги на украшеніе нашихъ замковъ». Д'Аржансонъ не стоитъ ни за половничество, ни за фермерство, онъ желалъ бы видѣть торжество такихъ порядковъ, при которыхъ всѣ сельскія имущества находились бы въ свободномъ владѣніи тѣхъ, кто ихъ обрабатываетъ [1]); другими словами, онъ сторонникъ мелкой крестьянской собствен-

---

[1]) Qu'il serait à souhaiter que tous les domaines de la campagne ne fussent possédés que par ceux qui les peuvent cultiver eux-mêmes, et que tous les domaines devraient être libres, exempts de tous droits et de toutes servitudes, comme ils étaient lors de leur premier défrichement par nos pères: qu'ainsi tout le royaume ne devrait être qu'un franc alleu roturier.—Considérations sur le Gouvernement ancien et présent de la France, стр. 271.

ности въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ разумѣютъ ее составители приходскихъ наказовъ и дѣятели Учредительнаго собранія.

Подобно д'Аржансону, маркизъ Мирабо въ своемъ «Другѣ людей» высказывается противъ крупныхъ помѣстій; «Жирныя щуки, пишетъ онъ, истребляютъ мелкую рыбу въ прудахъ,— крупные собственники поглощаютъ мелкихъ» [1]). Въ собственныхъ своихъ помѣстьяхъ Мирабо поступаетъ какъ разъ обратно совѣтамъ Кенэ. Онъ не только не округляетъ своихъ фермъ, но умножаетъ еще число крестьянскихъ надѣловъ [2]).

Руссо также видитъ задачу законодателя въ томъ, чтобы всячески содѣйствовать распространенію среднихъ состояній [3]). Развивая ту же мысль и требуя установленія легальнаго максимума для землевладѣнія, Мабли критикуетъ мнѣніе тѣхъ, кто полагаетъ, что отъ такого сокращенія района частныхъ хозяйствъ пострадаетъ земледѣліе (очевидный намекъ на физіократовъ). «Что значитъ это неудобство, говоритъ онъ, разъ оно позволяетъ намъ избѣжать бо́льшаго зла; да сократятся урожаи, только бы государство не распалось на патриціевъ и плебеевъ. Но я отрицаю и самый фактъ возможнаго упадка земледѣлія. Слишкомъ большія владѣнія обрекаютъ землю на безплодіе; всего лучше воздѣлываются мелкія наслѣдства» [4]). При всемъ своемъ нерасположеніи къ феодальнымъ порядкамъ, Мабли отмѣчаетъ ту счастливую ихъ особенность, что въ эпоху ихъ процвѣтанія «села не были въ такой мѣрѣ опустошены и обезлюжены, какъ теперь.» Каждый сеньеръ считалъ за честь имѣть какъ можно болѣе вассаловъ и подданныхъ. Вмѣсто того, чтобы поглощать все, что

---

[1]) См. Lavergne. Les économistes français du XVIII siècle, стр. 121.

[2]) Louis de Loménie. „Les Mirabeau". T. II, стр. 33. „Ayant, пишетъ онъ въ 1752 году, toujours en attention à accroitre et peupler Mirabeau, cela ne se peut que par deux moyens, l'un en reveillant l'industré, l'autre en étendant la portion de terrain livrée aux habitants".

[3]) C'est une des plus importantes affaires du Gouvernement de prévenir l'extrême inégalité des fortunes, non en enlevant le trésor à leurs possesseurs, mais en ôtant à tous les moyens de l'accumuler. „Discours sur l'économie politique", въ Энциклопедіи Дидеро.

[4]) Les trop grandes possessions frappent la terre de stérilité; ce sont les petits héritages qui sont les mieux cultivés. Mably. „Oeuvres". T. IX, стр. 146.

его окружаетъ, онъ соглашался отдѣлить отъ своего помѣстья извѣстные участки съ цѣлью увеличить число его защитниковъ; подъ его покровительствомъ возрастали и множились крестьянскія семьи. Далеко не то видимъ мы нынѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ феодальные порядки пришли въ упадокъ и земли стали цѣнить исключительно за ихъ доходъ, стремленіе къ округленію сдѣлалось всеобщимъ. Тамъ, гдѣ прежде жило нѣсколько достаточныхъ семействъ, мы находимъ теперь единаго собственника, обратившаго въ обширную пустыню нѣкогда населенный округъ. Чтобы расширить свои помѣстья, не стыдились скупать наслѣдства несчастныхъ крестьянъ и обрекали ихъ на нищету еще болѣе жестокую, чѣмъ крѣпостное право [1]).

Тѣ же мысли не разъ находятъ выраженіе себѣ въ памфлетной литературѣ. Система мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ защищается экономическими и соціальными соображеніями. «Что въ томъ, если крестьянинъ, владѣющій полуарпаномъ земли, воздѣлываетъ ее не плугомъ, а лопатой; участокъ становится отъ этого только болѣе плодороднымъ. Но всего чаще эти мелкіе собственники снаряжаютъ совмѣстно общую упряжь, такъ напр., въ Пикардіи и Шампани. Мелкое владѣніе не препятствуетъ слѣдовательно успѣшности культуры». Еще большія выгоды представляетъ оно съ точки зрѣнія общественной. «Крестьянинъ, оторванный отъ земли, не дорожитъ ничѣмъ, ни къ чему не привязанъ. Законы ему недороги, такъ какъ, ничего не имѣя, онъ не боится штрафовъ и конфискацій» [2]).

Никто, однако, изъ писателей и экономистовъ XVIII вѣка не представилъ столько вѣскихъ соображеній въ пользу мелкой крестьянской собственности, какъ Клико-Блервашъ въ цитированномъ уже нами сочиненіи «О средствахъ къ улучшенію участи земледѣльцевъ». Одну изъ выгодъ рекомендуемаго имъ упраздненія сеньеріальнаго права и крѣпостныхъ отношеній этотъ экономистъ видитъ въ возможности раздробить «непроизводительныя необъятныя владѣнія и образовать изъ нихъ мно-

---

[1]) См. De la législation ou principes des lois. Oeuvres. Изд. 1794 и 1795 г., т. IX, стр. 146 и 149.

[2]) См. Mémoires, lus le 1-er Juillet 1768 en l'Assemblée de la Société d'Agriculture de Soissons 1768, стр. 34 и 35.

жество мелкихъ свободныхъ участковъ». Онъ противникъ и крупной собственности. и крупнаго хозяйства. «Продолжительный опытъ,—пишетъ онъ,—убѣдилъ насъ, что доходы зависятъ не отъ числа арпановъ, насчитываемыхъ въ помѣстьи, а отъ количества земель, получившихъ полезное назначеніе. Многіе сеньеры доселѣ владѣютъ громадными пространствами ничего не приносящей пустоши. Слишкомъ большія владѣнія, черезчуръ обширныя хозяйства, наименѣе производительны; ихъ доходъ обратно пропорціоналенъ ихъ размѣрамъ. Населенность и зажиточность стоятъ въ томъ же отношеніи. Обитатели рѣдки и бѣдны. Крупное хозяйство имѣетъ ту невыгоду въ глазахъ автора, что требуетъ затраты такого громаднаго капитала, какого ни одинъ фермеръ не имѣетъ въ наличности. Приходится поэтому довольствоваться обработкой небольшой части снятой земли, сдавая остальную мелкимъ съемщикамъ или оставляя ее впустѣ. Таково одно изъ неудобствъ крупной культуры. Другое, не менѣе важное, состоитъ въ невозможности приложить къ землѣ ту заботу и то попеченіе, на какія способенъ одинъ мелкій арендаторъ. Придется затратить на нее меньше удобренія и меньше труда. Клико-Блервашъ утверждаетъ, что многіе собственники поняли неудобства крупнаго хозяйства и поэтому стараются увеличить въ своихъ помѣстьяхъ число второстепенныхъ владѣльцевъ. Такъ поступили, напримѣръ, Морепа, д'Агессо, маршалъ Муши и многіе другіе. Мелкой и крупной арендѣ Клико-Блервашъ, подобно д'Аржансону, предпочитаетъ съ хозяйственной точки зрѣнія обработку земель собственниками. Въ пользу этой послѣдней системы ратуетъ слѣдующее соображеніе: собственникъ болѣе разсчетливъ, его бдительность поддерживается непосредственнымъ интересомъ, онъ болѣе способенъ экономизировать время и болѣе свободенъ въ выборѣ сроковъ для производства хозяйственныхъ работъ. Все это вмѣстѣ взятое уменьшаетъ затраты и увеличиваетъ доходъ. Авторъ утверждаетъ, что простаго наблюденія достаточно, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ хозяйство болѣе производительно тамъ, гдѣ оно ведется собственниками. Стоитъ для этого только сравнить тѣ сельскіе приходы, въ которыхъ земли въ рукахъ фермеровъ и наемщиковъ, съ тѣми, въ которыхъ онѣ обрабатываются соб-

ственниками. Особенно желателенъ переходъ къ собственности для сельскихъ батраковъ. Въ настоящее время они не имѣютъ никакой возможности улучшить свое положеніе. При продажѣ земель мелкими участками, эти обездоленные могли бы затратить производительно свои сбереженія. Но если фермерство не можетъ повсюду уступить мѣста средней и мелкой собственности, если крупныя имѣнія обречены оставаться въ рукахъ арендаторовъ, то интересы сельскаго хозяйства, интересы помѣщиковъ и съемщиковъ одинаково требуютъ, чтобы положеніе фермера возможно приблизилось къ положенію собственника. А для этого необходимы долгосрочныя аренды. Онѣ гарантируютъ собственнику менѣе хищническую утилизацію его земель, съемщику—возможность дѣлать сбереженія и обмѣнивать ихъ затѣмъ на землю, наконецъ всему государству — расширеніе района обработки и увеличеніе чистаго дохода [1]).

Наказы, 89 года, за-одно съ памфлетной литературой эпохи революціи, отражаютъ на себѣ это движеніе общественной мысли. Установленіе легальнаго максимума по отношенію къ величинѣ фермъ, запрещеніе округленій, обезпеченіе арендаторамъ сдѣланныхъ ими затратъ, замѣна въ виду этого принципа прекращаемости контрактовъ за смертью одного изъ контрагентовъ противоположнымъ ему, началомъ сохраненія за фермеромъ снятаго имъ участка и по кончинѣ собственника вплоть до истеченія выговореннаго срока, наконецъ возможное удлиненіе послѣдняго,—таковы обычныя требованія, выставляемыя избирателями и публицистами каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о формахъ земельнаго владѣнія и пользованія. Рядомъ съ долгосрочной мелкой арендой, столь же мелкая крестьянская собственность является предметомъ всеобщихъ симпатій, и большинство по преимуществу мѣстныхъ кайе рѣшительно высказываются противъ ученія физіократовъ о преимуществахъ крупнаго хозяйства, въ то же время заимствуя у нихъ мысль о вредѣ половничества и всей вообще системы «натуральныхъ рентъ» (rentes en nature). «Соединеніе въ однѣхъ рукахъ двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе фермъ, читаемъ мы, напримѣръ, въ наказѣ одного изъ подго-

---

[1]) Etude sur Cliquot-Blervache par Jules de Vroil, стр. 31 и слѣд.

родныхъ мѣстечекъ Парижа, бурга Экуенъ, представляетъ несомнѣнно то удобство, что гарантируетъ собственнику возможность болѣе легкаго вынужденія рентъ и относительно бо́льшую исправность въ ихъ платежѣ; но, благодаря ей, много лицъ обречено на праздность или поставлено въ суровую зависимость отъ единаго съемщика, который пользуется этимъ для уменьшенія ихъ заработковъ. Арендуя 10, 12, 15 и даже 25 плуговъ земли, нельзя обработать ихъ съ достаточной тщательностью, нельзя также содержать на нихъ того количества мелкаго и крупнаго скота, какимъ владѣли прежде въ сложности мелкіе съемщики, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой загонъ, свой скотный дворъ и свою птичню. Недостатокъ удобренія и дороговизна мяса—одно изъ послѣдствій большихъ фермъ» [1]).

Приблизительно то же повторяютъ въ своихъ наказахъ жители приходовъ Боатронъ и Шаланжъ въ нижней Нормандіи, жалуясь на то, что округленіе фермъ ведетъ къ обнищанію крестьянскихъ семей. Крестьяне ходатайствуютъ объ изданіи закона, запрещающаго снимать болѣе двухъ сосѣднихъ надѣловъ. Это позволило бы, думаютъ они, каждому жить достаточно, соотвѣтственно своему общественному состоянію [2]).

Во Фландріи и Артуа, въ которыхъ, благодаря успѣхамъ культуры, фермерское хозяйство получило особенно широкое развитіе, соціальныя неудобства, связанныя съ системой крупныхъ арендъ, обратили на себя особое вниманіе избирателей [3]). Жители Сентъ-Обенъ ставятъ на видъ, что соединеніе фермъ въ однѣхъ рукахъ ведетъ къ пониженію заработной платы [4]). Крестьяне Аіетъ хотѣли бы опредѣлить максимумъ фермъ въ 300 арпановъ.

Въ Булонэ на округленіе фермъ смотрятъ, какъ на препятствіе къ росту населенія [5]). О размѣрахъ, какіе приняло округ-

---

[1]) См. Archives Parlementaires. томъ IV, стр. 507.

[2]) Duval, Cahiers de doléances du baillage d'Alançon, стр. 36 и 77.

[3]) См., напр. Cahiers du tiers-état de Cambrai. Arch. Parl. T. II, стр. 522.

[4]) См. Loriquet. Cahiers de doléances de 1789 dans le département du Pas-de Calais. т. I, стр. 154.

[5]) Loriquet, т. II, стр. 175 и 177; Cahier de Berneulles. Ibid., стр. 187; Cahier de Bantin. Ibid., стр. 190 и др.

леніе, даетъ нѣкоторое понятіе жалоба крестьянъ Вирвинь: «населеніе удвоилось за послѣдніе сто лѣтъ,— пишутъ они,— а между тѣмъ число фермъ уменьшилось на цѣлую четверть». Крупныя аренды, по словамъ составителя сельскаго наказа въ приходѣ Эксъ, нерѣдко обнимаютъ собою площадь въ 900 и даже 3.000 арпановъ. Десятки семействъ принуждены нищенствовать ради обогащенія одного человѣка; надо положить конецъ разрушенію мелкихъ хозяйствъ, постановивши, что впредь никто не будетъ въ правѣ снимать болѣе 200 арпановъ [1]).

Мы сказали уже, что по ту сторону Луары, на протяженіи всей южной половины Франціи, господствующей системой земельнаго держанія въ XVIII столѣтіи было еще половничество. Неудивительно, если изъ этой части государства не доходитъ до насъ жалобъ на соціальныя неудобства крупнаго хозяйства и большихъ фермъ. Зато во всей центральной половинѣ королевства эти жалобы составляютъ такое же общее явленіе, какъ во Фландріи и Нормандіи [2]). Крупныя хозяйства, значится, напр., въ наказѣ средняго сословія Шартра, вредны во всѣхъ отношеніяхъ: онѣ уменьшаютъ численность населенія, увеличиваютъ классъ неимущихъ, вызываютъ дороговизну мяса, препятствуютъ развитію удобренія и т. д. Необходимо сократить ихъ размѣры и запретить на будущее время уничтоженіе мелкихъ фермъ [3]). Отмѣна крупнаго фермерства и защита мелкаго на столько отвѣчаетъ господствующимъ въ это время общественнымъ идеаламъ, что рѣчь о нихъ заходитъ и въ тѣхъ образцовыхъ наказахъ, какіе разсылаемы были въ руководство составителямъ кайе. Вотъ что значится, напр., въ одномъ изъ этихъ документовъ: «запретить собственникамъ сдачу въ аренду, а фермерамъ снятіе болѣе четырехъ плуговъ земли, дабы тѣмъ самымъ вызвать соревнованіе въ агрономіи и дозволить разведеніе достаточнаго количества скота» [4]).

Параллельно съ движеніемъ въ пользу сохраненія мелкаго

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 150, 295, 484. См. также Les cahiors de plaintes et doléances de la province du Maine, т. I, стр. 43, 197 и 198.

[2]) Ibid., т. I, стр. 471.

[3]) Archives Parlementaires, т. II, стр. 631.

[4]) См. Fleury. Baillage de Vermendois, éléctions de 1789, стр. 120.

фермерства происходитъ въ средѣ сельскихъ избирателей, на этотъ разъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ физіократіи, агитація въ пользу упроченія юридическаго положенія фермера. Одна обезпеченность владѣнія можетъ дозволить арендатору производство быстро возмѣщаемыхъ затратъ, безъ которыхъ, по словамъ Кенэ и его послѣдователей, немыслима успѣшность земледѣлія. При краткосрочной арендѣ фермеръ не рѣшится принять на себя другихъ издержекъ, кромѣ тѣхъ, какія обнимаются понятіемъ оборотнаго капитала. Основной, вложенный въ землю, возстановляется лишь медленно и въ долгіе сроки. Отсюда необходимость продлить арендные договоры и оградить фермеровъ отъ возможности ихъ прекращенія за смертью собственника. Старинное французское право, усвоивши себѣ ту точку зрѣнія, какой придерживается одна изъ конституцій Александра Севера, признавало, что перемѣна въ лицѣ собственника кладетъ конецъ договору земельнаго найма. Этой статьей въ особенности пользовались монастырскія обители, на земляхъ которыхъ съ опредѣленіемъ на должность новаго настоятеля падали сами собою всѣ права фермеровъ на снятые ими участки. Наказы 1789 года считаютъ нужнымъ положить конецъ такимъ порядкамъ. Арендные договоры, заключенные лицами духовнаго званія, читаемъ мы въ наказѣ средняго сословія Шартра, должны подлежать исполненію, несмотря на измѣненіе въ лицѣ настоятеля, вплоть до истеченія девятилѣтняго срока [1]). Противящійся этому законъ подлежитъ отмѣнѣ [2]). Избиратели высказываются также въ пользу удлиненія срока аренды съ 9 на 18, 27 и болѣе лѣтъ. Желая содѣйствовать распространенію подобныхъ контрактовъ, они ходатайствуютъ о томъ, чтобы взимаемый въ пользу казны нотаріальный сборъ не возрасталъ вмѣстѣ съ удлиненіемъ срока сдѣлки [3]).

---

[1]) Archives Parlementaires, т. II, стр. 631.

[2]) Cahier du Tiers Etat de la Gouvernance de Béthune, Loriquet, т. I, стр. 86.

[3]) См. Cahier du Tiers Etat du baillage d'Hesdin. Loriquet, т. I, стр. 94.

Cahier du Tiers Etat du baillage de Caux. (Hippeau, Le gouvernement de la Normandie au XVII et XVIII siècles, т. VI, стр. 277. Cahiers de 1789.

Памфлетная литература, за-одно съ наказами, подаетъ голосъ въ пользу сохраненія мелкаго фермерства и долгосрочности земельныхъ арендъ. Вотъ что читаемъ мы, напримѣръ, въ появившейся въ 1789 г. брошюрѣ «Cahier de l'agriculture». Въ числѣ необходимыхъ условій успѣшности сельскаго хозяйства авторъ ставитъ удлиненіе срока арендъ, невозможность ихъ прекращенія ранѣе положеннаго времени и соединенія нѣсколькихъ фермъ въ одну: «нужно, говоритъ онъ, отнять у владѣльцевъ церковныхъ бенефицій возможность прекратить аренду вмѣстѣ со смѣною аббата, облегчить сдачу земель на долгіе сроки, или по меньшей мѣрѣ на 18 и 27 лѣтъ и раздѣлить большія фермы, послѣдствіемъ чего было бы умноженіе земледѣльческихъ семей» [1]). «Алчные люди, жалуется авторъ памфлета, озаглавленнаго: «Голосъ гражданина», завладѣли множествомъ фермъ; собственники, не желая затруднять себя мелочами хозяйственной эксплоатаціи, соединяютъ ихъ во едино. Множество семей остается безъ заработковъ, устремляется въ города, эмигрируетъ или впадаетъ въ крайнюю нищету. Всему этому надо положить конецъ, запретивши округленіе и установивъ для всѣхъ и каждаго максимумъ земельной аренды» [2]).

Нападки на крупное фермерство встрѣчаются также у анонимнаго автора памфлети — «Ж. Ж. Руссо въ національномъ собраніи». Ставя себѣ задачей изложить взгляды Руссо на тѣ предметы внутренней политики, рѣшеніе которыхъ выпало на долю собранія, цитируемый авторъ останавливается, между прочимъ, на вопросѣ о крупномъ и мелкомъ фермерствѣ. «Крупные фермеры, пишетъ онъ, играютъ въ настоящее время въ деревняхъ роль аристократовъ. Значительность получаемаго ими дохода вызвала въ ихъ средѣ всѣ злоупотребленія, всѣ пороки крупной собственности, какъ-то: невѣжество, нерадѣніе, расточительность и жестокость. Крупные фермеры сами не занима-

---

Cahier du Tiers Etat du baillage de St. Omer. Loriquet, т. I, стр. 414

Cahier du baillage de St. Pol, Ibid, стр. 128.

Cahier прихода Bellebrune. Loriquet, т. II, стр. 185.

[1]) См. Cahier de l'agriculture, послѣднія страницы.

[2]) Въ библіотекѣ Британскаго музея этотъ памфлетъ помѣченъ „Révolution françsaie", т. 82.

ются земледѣліемъ и почти не знакомы съ нимъ; они поручаютъ эту заботу наемнымъ людямъ, и не ставятъ себѣ вопроса о томъ, хорошо ли обрабатывается ихъ земля или нѣтъ. Они считаютъ ниже себя наблюдать за трудомъ поденщиковъ; свои деньги они тратятъ на распутство и игру, на пріемъ сосѣдей и на содержаніе наилучшей и обильнѣйшей кухни. Сердце обливается кровью при видѣ ихъ дурнаго отношенія къ рабочимъ, ничтожности получаемаго послѣдними заработка, тяжести возложеннаго на нихъ труда и грубаго обращенія, какое позволяютъ себѣ поставленные надъ ними старосты (premiers valets). Крупнымъ фермерамъ надо приписать окончательное разореніе селъ, размноженіе числа безземельныхъ поденщиковъ и нищихъ[1]). Авторъ заканчиваетъ обычнымъ предложеніемъ регламентировать систему земельной аренды.

Но покровительствомъ мелкому фермерству и защитой права фермеровъ на возмѣщеніе ихъ затратъ не ограничиваются еще заботы избирателей и публицистовъ касательно упроченія во Франціи мелкаго землевладѣнія. Они надѣются достигнуть того же и возстановленіемъ принципа равнаго раздѣла наслѣдствъ, и отмѣной маіоратовъ и субституцій. За-одно съ экономистами, въ родѣ Клико-Блерваша, и философами-демократами, какъ Руссо и Мабли, они желали бы насажденія въ странѣ мелкихъ собственниковъ. Авторъ только что цитированной нами брошюры не скрываетъ того, что въ его глазахъ «задачей добраго правительства должно быть умноженіе числа землевладѣльцевъ». Собственность, превышающая своимъ доходомъ потребности существованія, кажется ему «преступленіемъ противъ государства, противъ человѣчества, противъ всѣхъ остальныхъ собственниковъ, кражей у всѣхъ и каждаго изъ согражданъ, ибо, говоритъ онъ, гдѣ одна семья имѣетъ излишекъ, тамъ другая нуждается въ необходимомъ». Авторъ указываетъ на источникъ, изъ котораго заимствованы имъ подобные взгляды и ссылается на Руссо и аббата Сенъ-Пьера. Вслѣдъ за послѣднимъ онъ гово-

---

[1]) J. J. Rousseau à l'assemblée nationale, Paris, 1789; стр. 250 и 251.

ритъ: государство «подобно саду, въ которомъ мелкія деревья не могутъ произрастать въ тѣни крупныхъ [1]).»

Въ числѣ средствъ къ возстановленію земледѣлія публицисты эпохи революціи ставятъ, на-ряду съ долгосрочностью арендъ, и умноженіе числа самостоятельныхъ-хозяйствъ. Повторяя мысль физіократовъ о томъ, что чистый доходъ пропорціоналенъ величинѣ предварительныхъ затратъ, авторъ уже названнаго нами «Cahier dé l'agriculture» пишетъ: «но земледѣлецъ не можетъ сдѣлать этихъ затратъ, если онъ бѣденъ и ему необезпечено возвращеніе ихъ съ прибылью; а изъ этого слѣдуетъ, что зажиточность и долгосрочность пользованія въ высшей степени желательны. И то, и другое, достигается въ томъ случаѣ, когда земледѣльцы въ то же время и собственники. Есть основаніе поэтому заботиться объ умноженіи числа «лично воздѣлывающихъ землю собственниковъ» (cultivateurs - propriétaires ou propritaires qui cultivent eux-mêmes). Но для этого необходимо допустить дробленіе большихъ лэновъ; ихъ недѣлимость нерѣдко клонится къ ущербу самихъ владѣльцевъ. Продавцы не въ состояніи выручить настоящей цѣны въ виду недостатка конкурренціи; трудно ждать большаго числа покупателей, когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи такихъ обширныхъ помѣстій. Та же недѣлимость ведетъ къ обездоленію младшихъ сыновей и дочерей. Законъ, допускающій раздѣлъ большихъ лэновъ, не только повелъ бы къ умноженію числа собственниковъ, но и къ увеличенію населенія, такъ какъ избавилъ бы младшихъ сыновей отъ необходимости сохранять безбрачіе. Въ интересахъ насажденія той же мелкой собственности авторъ желалъ бы отмѣны или, по крайней мѣрѣ, ограниченія права первородства: «это право, жалуется онъ, нѣкоторыми мѣстными кутюмами понимается такъ широко, что за другими сыновьями, помимо старшаго, признается только пожизненное пользованіе пятой частью семейной собственности. Субституціи, припятствуя отчужденіямъ, тѣмъ самымъ, поддерживаютъ крупное землевладѣніе. Мало этого, онѣ служатъ ловушкой для кредиторовъ, которые, не зная заповѣднаго характера имущества, сплошь и рядомъ даютъ

---

[1]) Etudes de la nature, т. IV. Paul et Virginie, стр. 162.

деньги въ обезпеченіе того, что на самомъ дѣлѣ не можетъ подвергнуться отчужденію. Субституціи представляютъ еще одно неудобство: зная пожизненный характеръ своего владѣнія, собственникъ воздерживается отъ предварительныхъ затратъ, послѣдствіемъ чего является упадокъ въ производительности почвы и уменьшеніе чистаго дохода [1]).

Наказы 1789 года даютъ выраженіе тѣмъ же требованіямъ. На каждомъ шагу заходитъ въ нихъ рѣчь о необходимости равнаго раздѣла наслѣдствъ — partage égal des fiefs entre les roturiers et du betail, ainsi que des anciens manoirs [2]). Составители «жалобъ» объявляютъ себя противниками маіоратовъ, требуютъ ихъ отмѣны или, по меньшей мѣрѣ, ограниченія. Нѣкоторые изъ нихъ не желали бы даже признать за мущиною преимуществъ въ наслѣдованіи [3]). Другіе, отмѣняя право первородства по отношенію къ податному состоянію, допускаютъ двойную долю старшаго при раздѣлѣ лэновъ [4]). Многіе объявляютъ маіораты ненавистными и несогласными съ естественнымъ правомъ (odieux et contraires au droit naturel). [5]).

§ 3.

Съ вопросомъ объ упраздненіи средневѣковой системы земельныхъ держаній, въ частности оброчнаго крестьянскаго владѣнія, тѣсно связанъ вопросъ о дальнѣйшемъ сохраненіи или отмѣнѣ цѣлаго ряда сервитутовъ, о раздѣлѣ общинныхъ земель и прекращеніи свободныхъ прогоновъ (droits de parcours). Физіократы съ самаго начала рѣшительно высказались противъ тѣхъ и другихъ. Доказывая невыгоды половничества съ его экстензивною культурою, Кенэ ставилъ ему въ особую вину то, что оно не можетъ обойтись безъ затраты части земель подъ общинный выпасъ. Клико Блервашъ, кото-

---

[1]) Cahier de l'Agriculture, стр. 32 и слѣд.

[2]) Cahiers du Pas de-Calais, т. 1, стр. 75, 117, 179 и 185, і Cahier de la paroisse de Passy. (Paris). Arch. P., т. V, стр. 7.

[3]) Ibid., стр. 148; см. также: Cahier du Tiers Etat du Nivernais. Arch. Parlem., т. V, стр. 641.

[4]) Ibid., стр. 191.

[5]) Ibid., стр. 199.

рый, какъ мы видѣли, не разъ расходится съ физіократами, солидаренъ съ ними въ вопросѣ о невыгодахъ общиннаго землевладѣнія: «сравните, пишетъ онъ, слабую доходность мірской собственности, «communaux», съ тою, какой отличаются прочія земли; одинъ арпанъ хорошаго луга приноситъ, по свидѣтельству компетентныхъ судей и по собственному моему наблюденію, столько-же, сколько пять арпановъ луга средняго качества; но и эти луга даютъ въ пять разъ больше того, что можно выручить съ общинныхъ выпасовъ, такъ что въ концѣ концовъ одинъ арпанъ хорошаго частнаго луга въ 25 разъ доходнѣе арпана въ общественномъ обладаніи. Призовите поэтому снова на помощь принципъ собственности, говоритъ авторъ въ обращеніи къ французскимъ земледѣльцамъ, и положите конецъ нераздѣльности. Мѣсто голыхъ, ничего не приносящихъ земель, займутъ луга, покрытые клеверомъ и люцерной. На смѣну заразительнымъ болотамъ, распространяющимъ болѣзнь и смерть, явятся нивы, воздѣлываемыя крѣпкимъ и здоровымъ населеніемъ. Настанетъ конецъ бѣдности и нищенства; земли покроются зажиточнымъ крестьянствомъ [1]). Вредъ, причиняемый нераздѣльностью и совладѣніемъ, на столько проникъ въ общественное сознаніе, что докладчикъ земледѣльческаго бюро на провинціальныхъ штатахъ верхней Гвіэнны въ правѣ былъ сказать въ 1780 году: «общественное мнѣніе Франціи давно требуетъ раздѣла общинныхъ земель». Онъ спѣшилъ прибавить, что принципы политической экономіи рѣшительно осуждаютъ ихъ, какъ тормозъ къ земледѣлію, какъ виновниковъ недостаточности извлекаемыхъ изъ почвы продуктовъ [2]). Во всей литературѣ прошлаго вѣка я не нахожу ни одного писателя, готоваго отстаивать общинныя земли отъ грозящаго имъ раздѣла. Сельско-хозяйственныя общества за-одно съ экономистами доказываютъ необходимость ихъ упраздненія. Не препятствуютъ-ли они въ самомъ дѣлѣ расширенію земледѣльческой культуры, осушенію болотъ, посадкѣ лѣсовъ, усовершенствованію общественной гигіены, развитію искусственнаго травосѣянія, расширенію площади обработки и соотвѣтственному удешевленію при-

---

[1]) Vroil. Etude sur Clicquot-Blervache, стр. 313 и 314.

[2]) Collection de procès verbaux des séances de l'Assemblée provinciale de la Haute-Guyenne. Paris. 1787, стр. 248.

пасовъ? Все, повидимому, говоритъ противъ нихъ,—и прежде всего фактъ совладѣнія ими помѣщиковъ и крестьянъ. Преслѣдуя это совладѣніе въ формѣ совмѣстныхъ правъ сеньера и серва на крестьянскій надѣлъ, требуя выхода крестьянъ изъ нераздѣльности съ помѣщиками, публицисты прошлаго вѣка естественно останавливались на мысли о необходимости полюбовнаго размежеванія мірскихъ земель между собственникомъ-сеньеромъ и крестьяниномъ-пользователемъ. Это казалось имъ тѣмъ болѣе желательнымъ, что права обѣихъ сторонъ не были опредѣлены закономъ, а регулировались однимъ обычаемъ; путемъ захватовъ и огораживаній, какъ и благодаря произвольному увеличенію числа стадъ, помѣщикъ имѣлъ ежечасную возможность сократить до минимума выгоды, получаемыя крестьянами отъ пользованія общинными выпасами. Въ свою очередь, заботы о сохраненіи лѣсовъ, побуждая правительство къ сокращенію мірскаго въѣзда и выпаса и надѣленію помѣщика правомъ брать срубы подъ свою защиту, все болѣе и болѣе устраняло крестьянъ отъ пользованія тѣми разнообразными доходными статьями, какія нѣкогда доставлялъ сборъ валежника, лѣсныхъ фруктовъ и выгонъ скота на поляны. Еще съ XVII вѣка французское правительство установило легальный путь къ раздѣлу общинныхъ имуществъ между сеньерами и крестьянствомъ въ формѣ такъ называемыхъ тріажъ (triages) или выдѣла въ полную собственность помѣщика трети нераздѣльнаго имущества [1]). Законодательство второй половины XVIII вѣка, въ интересахъ осушенія болотъ, приняло еще болѣе рѣшительныя мѣры къ упраздненію нераздѣльности. Королевская декларація 1766 года допустила возможность раздѣла общинной собственности въ силу рѣшенія большинства. Благодаря ей болѣе 400 тысячъ арпановъ на протяженіи 28 провинцій подверглись осушкѣ и корчеванію. По разсчету провинціальнаго собранія Верхней Нормандіи, утилизація подъ посѣвъ хлѣба этихъ прежде даромъ пропадавшихъ земель обусловила собою приростъ народнаго богатства на цѣлыхъ 60 милліоновъ. Провинціальные представители не могли въ то же время скрыть своего изумленія тому, что большинство сельскихъ приходовъ не

---

[1]) См. Latrufe de Mantaugé Histoire des biens communaux, главу о triages.

воспользовалось данной имъ закономъ свободой и сохранило свои мірскія владѣнія. [1]). Наказы, данные въ 1789 году сельскими приходами, взялись отвѣтить на этотъ вопросъ и разрѣшить недоумѣніе земствъ. Въ сѣверо-восточной Франціи, въ которой быстрые успѣхи сельско-хозяйственной культуры, развитіе крупнаго фермерства и процессъ огораживанія, давали поводъ разсчитывать на благопріятное отношеніе къ общиннымъ раздѣламъ, неожиданно сказалось пристрастіе къ этимъ архаическимъ порядкамъ земельнаго пользованія,—пристрастіе, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣло своимъ источникомъ самыя условія крестьянскаго хозяйства и прежде всего нужду ихъ въ пастбищахъ. «Да возстановлены будутъ мірскіе выпасы на болотахъ и угодьяхъ всего Артуа», читаемъ мы, напримѣръ, въ наказѣ средняго сословія Эръ [2]). Да запрещена будетъ осушка болотъ и да позволено будетъ установить выпасъ на общинныхъ земляхъ, уже подвергшихся очисткѣ и корчеванію, прибавляютъ отъ себя жители бальяжа Аррасъ. Необходимо запретить также сеньерамъ производство тріажа и вернуть выдѣленныя имъ земли въ общее пользованіе [3]). Тѣ же требованія повторяются въ жалобахъ средняго сословія Бэтюнъ [4]), въ наказѣ сенешоссэи Сенъ-Поля [5]). Противъ тріажа протестуютъ и деревня Анэ [6]), и селеніе Сентъ-Обенъ [7]), и прихожане Арлэ [8]). Если вѣрить послѣднимъ, осушеніе болотъ въ предѣлахъ Артуа признано всѣми добрыми земледѣльцами источникомъ многихъ бѣдствій для сельскаго хозяйства и препятствіемъ къ удобренію земель; ему надо приписать уменьшеніе въ числѣ рабочаго скота, затрудняющее обработку полей. Ни одно сельское кайе Артуа не обходится безъ подобныхъ же сѣтованій [9]). Исчезновенію общинныхъ земель приписывается и потеря селами то-

---

[1]) Sémichon „Les Réformes sous Louis XVI“, стр. 232. Baudrillart „Les populations agricoles de la France“ La Normandie. стр. 100 и слѣд.

[2]) Loriquet, т. I. стр. 49.

[3]) Ibid., стр. 62.

[4]) Ibid., стр. 86,

[5]) Ibid., стр. 129.

[6]) Ibid., стр. 147.

[7]) Ibid., стр. 153.

[8]) Ibid., стр. 157.

[9]) См. Loriquet, т. I, стр 169, 172, 157, 181, 184, 188, 195 и пр.

го дохода, какой они получали отъ найма выпасовъ, и невозможность располагать въ прежнемъ количествѣ нужнымъ топливомъ, доставляемымъ торфяниками, и вздорожаніе мяса, въ виду уменьшенія количества скота.

И не въ одномъ только Артуа раздаются подобнаго рода жалобы; мы встрѣчаемся съ ними и на южной оконечности государства, и въ центральныхъ провинціяхъ, и на востокѣ, и на западѣ. Вотъ, напр., что значится въ кайе королевскаго бальяжа въ Гизѣ: «необходимо отнять у сеньеровъ захваченныя ими общинныя земли; онѣ не должны поступать въ раздѣлъ: пусть часть ихъ останется подъ выпасомъ, а другая въ мірской обработкѣ, одни продукты которой должны дѣлиться между хозяйствами. Необходимо также допустить крестьянскій скотъ къ свободному выпасу въ лѣсахъ, достигшихъ извѣстнаго возраста [1]). Села бальяжа Окзерры также протестуютъ противъ того, что они называютъ захватомъ общинныхъ земель богатѣйшими собственниками, послѣдствіемъ чего является, по ихъ словамъ, уменьшеніе района выпаса, невозможность разведенія стадъ, дороговизна рабочаго скота и упадокъ земледѣлія [2]). Деревенскіе приходы нижней Нормандіи въ свою очередь жалуются на захватъ ихъ прежнихъ пастбищъ сеньерами и требуютъ возстановленія мірскихъ порядковъ владѣнія [3]). На юго-восточной оконечности Франціи въ сенешоссеяхъ Экса и Драгиніана проявляется тоже недовольство тріажемъ и общинными раздѣлами [4]). Профессоръ Карѣевъ въ одномъ изъ приложеній къ своей монографіи о крестьянахъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ дѣлаетъ рядъ

---

[1]) Fleury. Baillage de Vermendois. Elections aux Etats Générau de 1789, стр. 374.

[2]) Bulletin de la Société de sciences... de l'Yonne, т. 38. Cahier des paroisses du baillage d'Auxerre par Demay, стр. 389, Cahier de Merry sur Yonne.

[3]) Duval. Cahier du Baillage d'Alençon, стр. 198, 204, 296, 408, 440, и друг.

[4]) См. Mireur. Cahier de la communauté de la sénéchaussée de Draguignan. Cahier de la comunauté d'Aiguines, Cahier de Montoroux., стр. 333. Cahier de Ramatuel 358. Cahier de St. Maxime, стр. 410. Archives Parlémentaires, т. IV, supplément. Cahier de Beaureceuil, стр, 262. Cahier de Pennes, стр. 331.

выписокъ, доказывающихъ, что не только среднее сословіе, но и высшіе классы отрицательно относились къ дальнѣйшему упраздненію мірскаго землевладѣнія. Такъ, напр., въ самой Фландріи, этой странѣ интенсивной культуры, дворянство Камбрэ включило въ свой наказъ требованіе прекратить осушку болотъ, годныхъ для пастьбы; ею, по его словамъ, не разъ злоупотребляли за послѣднее время [1]). Но всего чаще протестъ противъ огораживаній исходитъ изъ среды средняго сословія, которое обвиняетъ въ немъ сеньеровъ и вообще лицъ зажиточныхъ. Такъ, напр., въ кайе Баръ-сюръ-Сенъ мы читаемъ: «помѣщики овладѣли мірскими землями, каждый въ предѣлахъ своего прихода, и задушили жалобы заинтересованныхъ страхомъ и принужденіемъ. Необходимо изданіе закона, которымъ бы ясно и опредѣленно признавалось право собственности на нихъ за міромъ» [2]). Всѣ пустопорожнія земли, состоящія какъ подъ лѣсомъ, такъ и подъ пастбищемъ, должны оставаться и впредь нераздѣльной собственностью общинъ—требуетъ среднее сословіе Безансонскаго бальяжа [3]). Въ бальяжѣ Баръ-ле-Дюка раздаются голоса въ пользу отмѣны закона 1767 г., допускавшаго установленіе загородей; все, что въ силу этого закона изъято было изъ общаго пользованія, слѣдуетъ возсоединить съ мірской землею [4]).

Но рядомъ съ этой агитаціей въ пользу сохраненія общиннаго владѣнія сказывается и обратная, и притомъ нерѣдко въ тѣхъ самыхъ провинціяхъ, въ которыхъ нашлись приверженцы мірскихъ порядковъ, такъ, напримѣръ, во Фландріи и Пикардіи, всего-же чаще въ центральныхъ бальяжахъ по близости къ столицѣ и королевской резиденціи. Вотъ что значится, напримѣръ, въ наказѣ сельской общины Кормонъ: мы ходатайствуемъ о поступленіи подъ обработку всѣхъ мірскихъ земель и о раздѣлѣ ихъ какъ между сосѣдними общинами, такъ и между сеньерами и другими владѣльцами [5]). Изъ всѣхъ старинныхъ

---

[1]) Карѣевъ. приложенія, стр. LXXV.

[2]) Archives Parlémentaires, т. II, стр. 259.

[3]) Ibid., стр. 342.

[4]) Ibid., стр. 200.

[4]) Loriquet., стр. 233.

злоупотребленій, значится въ наказѣ дворянства Буленнэ, злоупотребленій, корень которыхъ лежитъ въ феодализмѣ, нераздѣльное владѣніе селъ заслуживаетъ особаго вниманія. Съ этихъ необъятныхъ, пустопорожнихъ пространствъ никто не получаетъ дохода: на нихъ смотрѣли нѣкогда, какъ на подмогу бѣднѣйшимъ прихожанамъ; но въ настоящее время они служатъ имъ только во вредъ, отнимая въ то-же время у государства значительную часть его годовой выручки. Тѣ изъ нихъ, которыя засажены были лѣсомъ, покрыты нынѣ приземистымъ кустарникомъ, поросли котораго ежегодно пожираются скотомъ. Отдѣльные участки этой бездоходной площади становятся предметомъ корчеванія. Тѣ мірскія земли, которыя предназначены для выпаса, заросли бурьяномъ, мхомъ и папоротникомъ, такъ что скотъ не находитъ на нихъ болѣе достаточной пищи [1]). Отправляясь отъ подобныхъ же сѣтованій, наказъ средняго сословія Парижа желалъ бы раздѣла общинныхъ земель въ частную собственность. Пустопорожнія земли должны поступить въ надѣлъ частнымъ лицамъ на выговоренныхъ общинами условіяхъ. Произведенныя уже концессіи подлежатъ утвержденію; генеральные штаты примутъ мѣры къ ближайшему осушенію болотъ [2]). Въ той массѣ брошюръ, какія наводнили собою Францію въ годъ созванія генеральныхъ штатовъ, рѣдко встрѣчаешь попытку отстоять систему общиннаго землевладѣнія. Какъ на исключеніе, можно указать на составленное Ламбертомъ кайе бѣдныхъ и брошюру, озаглавленную: «Бичи земледѣлія» [3]). Большинство писателей,

---

[1]) Ibid., стр. 102.

[2]) Chassin. Les élections et cahiers de Paris, т. III, стр. 342.

[3]) On a vu un ministre chargé spécialement de l'encouragement de l'agriculture et disposant de millions pour arriver au but; on a vu des académies, formées de sociétés d'écrivains gagés, des prix proposés, des récompenses et des marques d'honneur prodiguées, pour fêter la richesse et le bonheur de la France à la multiplication des grains; on a vu ces corps académiques et ces plumes mercenaires traiter de folies les sacrifices faits par nos ancêtres, conseiller le défrichement des bruyères, des landes et de toutes les communes; instruments du ministre qui dictait et payait, ils ne faisaient que préparer la voix aux ordonnances et règlements qui devaient faire une loi du défrichement des biens les plus salutaires du royaume... On a vu ces lois désastreuses ordonner le

слѣдуя физіократамъ, требуетъ немедленнаго упраздненія нераздѣльности. Къ числу бѣдъ, отъ которыхъ страдаетъ земледѣліе, относятъ авторы этихъ брошюръ и такъ называемые «communaux». Если, разсуждаютъ они, крупное землевладѣніе даетъ сравнительно меньше дохода, чѣмъ мелкое, то мірскія земли должны быть признаны наименѣе производительными. Арпанъ ихъ, съ годовой выручкой въ сорокъ су, далъ бы въ рукахъ частнаго собственника отъ 20 до 30 ливровъ дохода [1]). Бонсерфъ предлагаетъ даже даровую раздачу вновь созданными департаментами пустопорожнихъ земель общинъ частнымъ лицамъ и неимущимъ семьямъ, пріобрѣтающимъ на нихъ право собственности путемъ обработки [2]). Въ числѣ средствъ къ возрожденію сельскаго быта анонимный авторъ памфлета, озаглавленнаго: «Важнѣйшій и неотложный вопросъ», считаетъ осушеніе болотъ и переходъ состоящихъ подъ ними земель въ частную собственность [3]).

Разнорѣчіе, выступающее по вопросу объ упраздненіи или дальнѣйшемъ удержаніи общинныхъ выпасовъ и лѣсовъ, сказывается также и при обсужденіи выгодъ и невыгодъ того имущественнаго сервитута, который извѣстенъ подъ названіемъ «droit de parcours», или права свободнаго выгона стадъ на нивы и луга по снятіи съ нихъ урожаевъ. И это право единогласно осуждается экономистами, несомнѣнно съ большимъ основаніемъ, чѣмъ мірское землевладѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, пока держится на той или другой землѣ подобнаго рода сервитутъ, хозяинъ поставленъ въ необходи-

---

défrichement des landes, bruyères et communes, les donner au premier occupant et les afranchir de tout impôt, même de dîme pendant quinze années.. On a vu des parlements composés de nobles les enregister... enfin on a vu les malheureux cultivateurs séduits et aveuglés par le prix des blés se porter eux-mêmes avec fureur au défrichement, les étendre jusques sur les prairies, abandonner l'élève et l'engrais des bestiaux. (Les fléaux de l'agriculture, стр. 10).

[1]) См. Le cahier de l'agriculture, § 15 „partage des communes".

[2]) Boncerf. „De la nécessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers", стр. 32.

[3]) La plus importante et la plus pressante affaire, ou la nécessité et les moyens de restaurer l'agriculture et le commerce, стр, 22 и слѣд.

мость не измѣнять сѣвооборота: производить уборку въ положенные обычаемъ сроки и пренебрегать возможностью вторичнаго покоса. Принимая въ разсчетъ невыгоды, вытекающія для собственника изъ слишкомъ суроваго толкованія тѣхъ обязанностей, какія налагаетъ на него такъ называемая «vaine pâture», мѣстные кутюмы и ихъ толкователи всячески старались ограничить слѣдующее положеніе федиста Луазо, вѣрно охарактеризовавшаго положеніе частныхъ земель и ихъ владѣльцевъ при существованіи этого рода сервитута. «Согласно общему праву Франціи, говорилъ онъ, наслѣдства подлежатъ защитѣ только пока они покрыты произрастающими на нихъ продуктами. Разъ эти продукты убраны, земля въ силу какого-то обще-человѣческаго права становится общей всѣмъ людямъ».

Тогда какъ одни кутюмы, въ томъ числѣ Бретани и Нормандіи, допустили собственниковъ къ изъятію ихъ земель путемъ простаго огораживанія отъ подчиненія этому общинному сервитуту, другіе, какъ, напр., Орлеане, Ла-Маршъ и Бурбоннэ, связывали тѣ же послѣдствія съ фактомъ обработки, а третьи не допускали никакихъ исключеній и никакихъ изъятій (такъ, напр., кутюмы Монтъ-Аржиса и Пуату). Наконецъ, во многихъ мѣстностяхъ обычное право вовсе не занималось регламентаціей vaine pâture и предоставляло ее вѣдѣнію верховныхъ палатъ или парламентовъ. Эти послѣдніе воспользовались данной имъ возможностью, чтобы допустить собственниковъ къ изъятію своихъ земель изъ этого вида общиннаго пользованія путемъ простаго возведенія плетней. Такъ поступили парламенты Парижа, Дижона и Безансона. Королевскими эдиктами, какъ, напр., тѣмъ, который въ 1769 году изданъ былъ для Шампани также дозволено было огораживаніе наслѣдствъ вопреки существованію правъ общиннаго выпаса. Въ свою очередь юристы постарались сократить постепенно срокъ мірского пользованія по отношенію къ тѣмъ полямъ, которыя доставляли вторичные урожаи сѣна, такъ называемый «regain» [1]) (то же, что общеупотребительный въ Мало-

---

[1]) Тогда какъ у Loysel еще значится: „les prés sont défensables depuis la mi-mars jusqu' à la Toussaint“. Laurière говоритъ: „s'ils

россіи терминъ «атава»). И экономисты, и юристы, сходились въ отрицательномъ отношеніи къ этому виду общинныхъ сервитутовъ. Cahier de l'agriculture относитъ отмѣну его къ числу реформъ, наиболѣе желательныхъ для земледѣлія. Оно видитъ въ немъ съ полнымъ основаніемъ причину слабаго развитія травосѣянія. Клеверъ и люцернъ не созрѣваютъ одновременно съ овсомъ и ячменемъ, разсуждаетъ его авторъ, а значительно позже. Пришлось бы поэтому отдать ихъ на истребленіе общиннаго стада [1]). Юристы въ лицѣ Мерлена въ свою очередь настаиваютъ «на противорѣчіи этого права естественному закону, на его несправедливости, на вредѣ, наносимомъ имъ принципу собственности, на стѣсненіи имъ свободы и пользованія и т. п. [2]).»

Въ наказахъ 1789 года классъ крупныхъ собственниковъ по преимуществу высказывался противъ droit de parcours, разумѣя подъ нимъ не одно лишь право взаимнаго выпаса скота сосѣдними общинами на земляхъ другъ друга, но и существованіе свободнаго прогона стадъ на протяженіи всей занятой селеніемъ площади [3]). Объ его отмѣнѣ открыто ходатайствуетъ, на-

---

produisent du regain ils sont de défense jusqu' à la St. Martin". См. „La vaine pâture suivant les coutumes de Chaumont en Bassigny, de Vitry en Perthois, de Troyes, Sers et Langres, par Adrien Durant. Chaumont, 1891, стр. 7, 13.

[1]) Droit de parcours, „un abus voisin de celui de la chasse exclusive et des capitaineries c'est celui de parcours, la défense du troupeau à part, et celle de s'enclore. Cette disposition de plusieurs coutumes interdit les prairies artificielles, toutes cultures de plantes, racines ou légumes qui ne se receuillent pas en même temps que le blé, le seigle et l'avoine, parcequ'ils seraient livrés à la dent et aux pieds du bétail". („Le Cahier de l'agriculture").

[2]) Adrien Durant. La vaine pâture, стр. 14.

[3]) Coutume de Chaumont, стр. 103. Les habitants des villages dont les territoires sont voisins peuvent mener champayer et vainpasturer leurs bestes grosses et menues, jusqu'á l'endroit des clochers de leurs églises.

Это то, что собственно разумѣется подъ droit de parcours.—Что же касается до vaine pâture, то она обнимаетъ собою право взаимнаго выпаса стадъ сеньерами и крестьянами одного и того же селенія на земляхъ другъ друга (ibid., стр. 20).

примѣръ, дворянство Берри, говоря, что злоупотребленія, съ нимъ связанныя, задѣваютъ по преимуществу интересы крупной собственности [1]). Что же касается до бѣднѣйшей части сельскаго населенія, то оно, повидимому, находило, наоборотъ, свои выгоды въ его сохраненіи. На это указывали еще за 30 лѣтъ до революціи интендантъ, «замѣчая, что право свободнаго прогона даетъ тѣмъ, кто не имѣетъ собственности, возможность содержать одну, двѣ штуки скота, и тѣмъ отчасти обезпечивать себѣ существованіе» [2]).

Послѣ этого понятно, если сельскіе наказы не особенно настаиваютъ на его упраздненіи, расходясь въ этомъ отношеніи съ кайе высшихъ сословій, для которыхъ vaine pâture является общимъ для всѣхъ бѣдствіемъ, препятствіемъ къ повторенію сѣнокосовъ и къ своевременной уборкѣ хлѣба [3]). Самое большее, если деревенскіе обыватели выговариваютъ себѣ право убрать засѣянныя травами луга до поступленія ихъ въ общее пользованіе [4]). Они требуютъ съ этою цѣлью удлиненія срока изъятія отъ vaine pâture вплоть до середины сентября. Проф. Карѣеву удалось даже найти въ національномъ архивѣ Франціи «нѣсколько ходатайствъ о возстановленіи droit de parcours». Они исходятъ изъ среды сельскихъ жителей или внушены ихъ авторамъ заботой о благосостояніи бѣднѣйшаго класса деревен-

---

[1]) Arch. Parl., т. II, стр. 322. См. также Cahier de la Ville de Pont à Mousson, ibid., стр. 322.

[2]) Единственнымъ аргументомъ въ пользу сохраненія droit de parcours признается въ 1769 году dans les trois évêchés то обстоятельство, что батраки должны будутъ лишиться вмѣстѣ съ нимъ и своего скота, продуктами котораго они живутъ въ мертвое время года. Въ письмѣ Комартена къ д'Ормессону отъ 13 ноября 1768 г. говорится, что законъ объ изгородяхъ способенъ принесть большой вредъ бѣднякамъ. Та же мысль высказывается и въ мемуарѣ о препятствіяхъ, какія встрѣчаетъ развитіе земледѣлія въ Лотарингіи (см. Карѣевъ. Приложенія, стр. LXXIX).

[3]) Cahier de la noblesse du Boulonnais; Loriquet, т. II, стр. 106.

[4]) Cahier de la paroisse de Frencq., стр. 277, стр. 22. Qu'indépendament du droit de parcours établi dans cette province, il soit permit aux cultivateurs de jouir de leurs sein-foins,trèphles.luzernes et autres jusqu'à la fin de septembre.

скихъ обывателей, батраковъ [1]). Viane pâture объявляется въ одномъ изъ многочисленныхъ адресовъ къ Учредительному собранію «единственнымъ видомъ собственности для тѣхъ qui n'ont rien, которые ничего не имѣютъ» [2]).

Это разнорѣчіе по вопросу о пользѣ сохраненія, или, наоборотъ, упраздненія «права свободнаго прогона» объясняетъ намъ нерѣшительность, съ какой дѣятели 1789 года приступили къ его регулированію. Отказавшись отъ мысли о радикальной его отмѣнѣ, они удовольствовались тѣмъ, что сдѣлали его, если не вполнѣ безвреднымъ, то по крайней мѣрѣ менѣе пагубнымъ для интересовъ земледѣлія. Для этого имъ не надо было производить никакихъ нововведеній, а только послѣдовать тому пути, на какой было указано эдиктами и декларацiями второй половины вѣка. Эдиктъ 1769 г. дозволялъ собственникамъ Шампани огораживать принадлежащіе имъ участки и тѣмъ освобождать ихъ отъ vaine pâture. Декретъ 28 сентября 1791 года только обобщилъ это постановленіе, распространивъ его на всю Францію. Съ другой стороны, декретъ 30 іюня 1790 года далъ признаніе давно начатому парламентами движенію въ пользу изъятія отъ этого общественнаго сервитута вторыхъ и третьихъ покосовъ [3]). Это рѣшеніе было несравненно болѣе въ духѣ наказовъ, чѣмъ постановленіе конвента, предписавшее раздѣлъ общинныхъ земель, постановленіе, рѣшенное въ принципѣ немедленно вслѣдъ за революціей 10 августа 1792 года. Признавая, что трети голосовъ будетъ достаточно для производства раздѣла поголовно между всѣми жителями, за исключеніемъ сеньера, конвентъ уклонился рѣшительно и отъ историческихъ прецендентовъ, и отъ природы общинныхъ имуществъ [4]). Трудно было отрицать, что въ прежнее время они были объектомъ совладѣнія крестьянъ и помѣщиковъ, что послѣдніе имѣли въ нихъ свою долю, долю, признанную законодательствомъ въ размѣрѣ

---

[1]) Arch, Nat. H. 1485 (Карѣевъ, стр. 127, приложеніе 31).

[2]) Noel, Adresse à l'assemblée nationale, (Карѣевъ. Приложеніе, стр. LXXVIII).

[3]) La Vaine pâture, par Adrien Durant, стр. 38.

[4]) См. Avenel. Lundis révolutionnaires. Biens Nationaux, стр. 32 и слѣд.

одной трети всей дѣлимой площади. Но въ эпоху декретированія конвентомъ мірскихъ раздѣловъ большинство сеньеровъ было въ рядахъ эмиграціи и контръ-революціи. Политика совѣтовала поэтому пренебречь ихъ; правами передъ ея совѣтами смолкли всякія соображенія о справедливости, историческомъ правѣ и уваженіи къ принципу собственности.

§ 4.

Приписывая физіократамъ одностороннее увлеченіе интересами французскаго земледѣлія, нѣкоторые изъ современныхъ историковъ далеко не оцѣниваютъ должнымъ образомъ ту роль, какую имъ пришлось играть въ реформѣ промышленной и торговой политики государства. Провозглашая, какъ мы видѣли выше, свободу промышленности и торговли основнымъ догматомъ своего ученія, открывая ожесточенную войну противъ монополій и привилегій, физіократы не могли не задаться вопросомъ, въ какой мѣрѣ существовавшее въ ихъ время во Франціи цеховое устройство отвѣчало выставленнымъ ими требованіямъ правительственнаго невмѣшательства. Убѣжденные въ томъ, что между государствомъ и индивидомъ не должно существовать никакихъ посредствующихъ звеньевъ, что духъ корпораціи, такъ называемый ими «esprit de corps», по природѣ своей исключителенъ и противорѣчитъ общему благу, физіократы не могли отнестись иначе какъ съ осужденіемъ и къ тому виду ассоціацій, какой представляли собою замкнутыя сообщества лицъ одного промысла или ремесла и покровительствуемыя государствомъ торговыя компаніи, монополизировавшія въ рукахъ своихъ членовъ преимущества иноземнаго обмѣна со странами отдаленнаго востока и запада. Правда, и въ этомъ отношеніи единомышленники Кэне отнюдь не являлись провозвѣстниками новаго движенія. Подобно тому, какъ въ вопросахъ земледѣльческой политики англійскіе писатели и экономисты XVI и XVII столѣтія своими протестами противъ упадка хлѣбопашества и происходящаго отъ этого обезлюденія селъ, своей защитой крупнаго производства и фермерскаго хозяйства, своей проповѣдью о необходимости не отдавать земледѣлія въ жертву обрабатывающей промышленности и иноземной торговлѣ, подго-

товили однохарактерное теченіе общественной мысли во Франціи, такъ точно въ сферѣ индустріальной и торговой политики Джозіа Чайльдъ и Джозіа Тукеръ явились прямыми предшественниками физіократовъ, въ частности Гурнэ и Тюрго, во всемъ, что касается критики унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ ремесленныхъ и торговыхъ корпорацій. Не даромъ же первый изъ названныхъ нами писателей еще въ 1657 году, слѣдовательно, цѣлымъ столѣтіемъ раньше Тюрго, относилъ къ числу ходячихъ заблужденій такія напр. положенія, какъ:

1) каждому надлежитъ заниматься одной только профессіей.

2) мелочной торговецъ не можетъ быть одновременно и оптовымъ.

3) ремесленники не должны принимать неограниченнаго числа учениковъ,

4) никто, за исключеніемъ сына мастера, не вправѣ сдѣлаться полноправнымъ членомъ цеха, не прослуживъ предварительно семи лѣтъ въ званіи ученика.

Не даромъ также въ XVII вѣкѣ Джозіа Тукеръ объявлялъ монополіи, исключительныя привилегіи и организацію ремеслъ въ цехи важнѣйшими препятствіями къ обращенію труда. Наглядно указываетъ на эту связь англійскихъ экономическихъ идей съ французскими фактъ перевода произведеній двухъ только-что названныхъ писателей тѣми самыми изъ послѣдователей физіократіи, которые всего болѣе содѣйствовали укорененію во французскомъ обществѣ XVIII вѣка идеи, что промышленная и торговая свобода, а потому отмѣна монополій и цеховъ, первое требованіе здравой экономической политики. Кто, въ самомъ дѣлѣ, какъ не Гурнэ, переведшій въ 1754 году трактатъ Чайльда о торговлѣ, и Тюрго, давшій первую французскую версію трактата Тукера о томъ же предметѣ, поставили на очередь вопросъ о необходимости не только радикальной реформы, но и совершенной отмѣны такъ называемыхъ «maîtrises et jurandes», кто, какъ не они, потребовали впервые установленія принципа свободнаго выбора каждымъ его профессіи [1])? Гурнэ, по словамъ его

[1]) Переводъ Тюрго включенъ Дэромъ въ первый томъ „Oeuvres“, стр. 322. Французское заглавіе сочиненія Тукера слѣдующее: „Question importante sur le commerce“.

біографа—Тюрго, пораженъ былъ тѣмъ, что во Франціи нельзя заниматься ни промысломъ, ни торговлей, не добившись цѣною денегъ включенія въ ряды того или другого цехового сообщества. Онъ еще болѣе изумлялся тому, что даже послѣ такого включенія приходилось нерѣдко вести долгіе процессы изъ-за желанія выдѣлывать и продавать тотъ или другой товаръ—намекъ на строгую регламентацію промышленности и запрещеніе вносить въ нее какія-либо измѣненія касательно матеріала, формы или способа обработки сырья. Онъ думалъ, что если въ извѣстномъ мануфактуратѣ и окажутся какіе-нибудь недостатки, въ массѣ потребителей могутъ найтись лица, которымъ низшее качество товара придется болѣе подъ стать, чѣмъ самое его совершенство. Онъ не понималъ, почему всякій разъ, когда изготовленная ткань не отвѣчала положенной закономъ ширинѣ, ее надо было рѣзать на части и повергать тѣмъ самымъ въ бѣдность и нищету цѣлыя семьи. Онъ недоумѣвалъ, почему изготовленіе того или другого товара должно было дѣлаться основаніемъ къ процессамъ, вести къ длиннымъ препирательствамъ между часто неграмотнымъ мастеромъ, отъ котораго тѣмъ не менѣе требовалось обстоятельное знакомство съ длиннымъ и не всегда яснымъ регламентомъ, и инспекторомъ мануфактуръ, не знавшимъ техники производства, и тѣмъ не менѣе уполномоченнымъ произносить безапелляціонные приговоры, распоряжаться состояніемъ и судьбою ремесленника. Онъ не видѣлъ причинъ, по которымъ правительство сочло необходимымъ наполнить цѣлыхъ четыре страницы инъ-кварто мельчайшими подробностями касательно размѣра тканей и числа входящихъ въ составъ ихъ нитей. Онъ не понималъ, какую пользу могутъ принесть безчисленные цеховые статуты, вызванные духомъ монополіи, стремленіемъ сосредоточить промышленность въ немногихъ рукахъ, умножить формальности и издержки, удлинить срокъ ученичества, заставить десять лѣтъ подготовляться къ занятію мастерствомъ, съ которымъ легко познакомиться въ десять дней, почему слѣдуетъ устранять отъ занятія ремеслами всѣхъ, помимо сыновей мастеровъ, не допускать примѣненія женскаго труда и т. под. Съ другой стороны, не мало изумленія вызывало въ немъ то обстоятельство, что въ государствѣ, всѣ части котораго подчи-

пены одному монарху, отдѣльные города присвоили себѣ право запрещать ремесленную дѣятельность лицамъ, родившимся за предѣлами ихъ ограды, а нѣкоторыя провинціи не допускали вывоза изъ ихъ границъ предметовъ первой необходимости. Онъ думалъ, что регламенты, призванные предупреждать злоупотребленія въ отправленіи того или другого ремесла, въ дѣйствительности ведутъ къ тому, что въ жертву химерическому совершенству приносится прогрессъ въ пріемахъ производства. Онъ видѣлъ также въ этихъ регламентахъ причину, по которой французскимъ мануфактурамъ трудно выдержать конкуренцію съ иностранными, такъ какъ прежде чѣмъ позволить себѣ болѣе дешевые способы выдѣлки, принятые у сосѣдей, французскимъ ремесленникамъ приходится еще добиваться разрѣшенія ихъ начальствомъ.

Критику интенданта мануфактуръ и промышленности вызывало также желаніе содѣйствовать установленію однихъ видовъ мануфактуръ предпочтительно передъ другими, запрещать одни промыслы, и предписывать установленіе другихъ, создавать въ пользу этихъ послѣднихъ привилегіи, надѣлять участниковъ ихъ милостями, охранять ихъ отъ конкуренціи запрещеніемъ производства тѣхъ же или близкихъ къ нимъ по характеру товаровъ другими простѣйшими способами, и тому подобное. По словамъ Тюрго, Гурнэ думалъ, что администрація не можетъ ставить себѣ по отношенію къ промысламъ и торговлѣ другихъ задачъ, кромѣ слѣдующихъ: 1) обезпечить всѣмъ имъ свободу, 2) облегчить каждому возможность занятія ими и тѣмъ вызвать между гражданами сильнѣйшую конкуренцію, 3) создать возможно большее число рынковъ для сбыта товаровъ, наконецъ, 4) содѣйствовать пониженію уровня процентовъ не запрещеніемъ роста, а воздержаніемъ отъ правительственныхъ займовъ, необходимо уменьшающихъ сумму свободныхъ капиталовъ. Не терпя той формы государственнаго вмѣшательства въ сферу промышленности, «которая выражается въ запрещеніи усовершенствованій и созданіи фактическихъ монополій», Гурнэ не отказывалъ однако правительству въ правѣ поощрять промышленность раздачей наградъ изобрѣтателямъ, установленіемъ премій, знаковъ отличія и тому

подобнаго. Тюрго заканчиваетъ свою характеристику взглядовъ Гурнэ на задачи промышленной и торговой политики, говоря: приписываемая ему особая система состояла въ признаніи того самаго, къ чему всегда и повсюду стремились промышленность и торговля, я разумѣю свободу и поощреніе со стороны правительства; онъ могъ повторить слова Лежандра Кольберу: дайте намъ возможность дѣйствовать какъ мы хотимъ (laissez nous faire) [1].

Давая характеристику взглядовъ учителя, Тюрго не скрываетъ своей солидарности съ ними. И для него свобода труда является первымъ и священнѣйшимъ видомъ собственности. Въ своемъ основномъ сочиненіи объ «Образованіи и распредѣленіи богатствъ», онъ высказывается противъ регламентаціи всѣхъ видовъ заработка, не исключая и того, какой представляетъ отдача капитала въ ростъ. Онъ противникъ средневѣковаго законодательства, направленнаго къ запрещенію процентовъ; онъ опровергаетъ въ равной мѣрѣ и богословскія и экономическія основанія, какими въ разное время защищаемо было это законодательство, и побѣдоносно доказываетъ, что размѣръ процента опредѣляется тѣмъ же порядкомъ, что и цѣны на товары,—а именно отношеніемъ спроса къ предложенію [2]. Во всѣхъ вопросахъ обмѣна, личный интересъ вѣр-

---

[1]) См. Eloge de Gournay par Turgot, lettre à Marmontel, Paris, 22 juillet 1759, „Oeuvres“, т. I, стр. 266 и слѣд., 273, 274, 276, 279 и 288.

[2]) „Sur la formation et la distribution des richesses“ § 75. Le taux des interêts ne doit être fixé que comme celui de toutes les marchandises par le seul cours du commerce. „Oeuvres“, т. I, стр. 48. См. также: Mémoire sur les prêts d'argent. Ibid. стр. 106. и слѣд., изъ которыхъ мы выпишемъ слѣдующее мѣсто: „Le commerce de l'argent serait libre, comme doit l'être tout commerce; l'effet de cette liberté serait la concurrence, et l'effét de cette concurrence serait le bas prix de l'interêt». Но Тюрго далекъ отъ мысли требовать немедленно осуществленія этой задачи государствомъ: J'ose dire, пишетъ онъ, que cette liberté entière du prêt à interêt doit être le but plus ou moins êloigné du gouvernement. См. Ibid. стр. 143 и 144. Тюрго не скрываетъ того, что эта мысль о законности процента внушена была ему еще его учителемъ Гурнэ —„Il croyait, пишетъ Тюрго, que le commerce des capitaux, dout le prix est l'interêt de l'argent, ne peut être amené à règler ce prix equitablement avec toute l'économie nécessaire què comme tous les autres commerces, par la concurrence et la liberté réciproque“.

нѣе добьется упроченія общаго блага, нежели какія бы то ни было правительственныя комбинаціи, всегда ошибочныя и руководимыя смутными и неопредѣленными соображеніями [1]).

Свобода труда и свобода торговли сходятся въ требованіи отмѣнить существующее во Франціи цеховое устройство. Тюрго предлагаетъ поэтому Людовику XVI въ 1776 году проектъ закона о закрытіи всѣхъ существующихъ цеховъ, «jurandes». Мотивировка, какую даетъ этой мѣрѣ эдиктъ 12 марта, заключаетъ въ себѣ цѣлый обвинительный актъ противъ корпоративной организаціи ремеслъ, тѣмъ болѣе интересный, что высказанные въ немъ взгляды продолжали держаться и послѣ того, какъ королю, вслѣдъ за отставкой Тюрго, пришло на мысль возстановить по крайней мѣрѣ часть упраздненныхъ имъ сообществъ. Многіе изъ наказовъ 1789 года воспроизводятъ цѣликомъ взгляды министра-реформатора на вредъ цехового устройства. Отмѣняя его, Учредительное Собраніе даетъ только торжественное признаніе тому, что задумано и проведено было на дѣлѣ этимъ авторитетнымъ представителемъ физіократіи. Тюрго выдвигаетъ противъ существовавшей въ его время организаціи ремеслъ слѣдующія обвиненія, въ общемъ согласныя съ тѣми, какія, по его же словамъ, дѣлаемы были ей Гурнэ. Желающіе посвятить себя той или другой промышленной дѣятельности, не могутъ добиться положенія мастера иначе, какъ потерявъ даромъ много времени, пожертвовавъ на пріобрѣтеніе званія часть капитала, необходимаго для производства. Тѣ, кто лишенъ этихъ средствъ, должны остаться въ личной зависимости отъ мастера, прозябать въ бѣдности или искать занятія за-границей. Сами потребители лишены возможности выбора между тѣми, кому-бы они хотѣли поручить выдѣлку нужныхъ имъ товаровъ. Они не могутъ воспользоваться также преимуществомъ низкихъ цѣнъ, преимуществомъ, обезпечиваемымъ конкурренціей. Не мало проволочекъ происходитъ отъ того, что отдѣльныя части одного и того-же производства распредѣлены между нѣсколькими цехами; это въ свою очередь увеличиваетъ вымогательства, жертвой которыхъ являются потребители. «Такимъ образомъ, говоритъ Тюрго, послѣдствіемъ цехо-

---

[1]) Eloge de Grournay, „Oeuvres“ т. I, 276.

ваго устройства является сокращеніе размѣровъ обмѣна, потеря большинствомъ населенія заработковъ и средствъ къ жизни, наконецъ созданіе исключительныхъ монополій въ рукахъ горожанъ, отъ чего страдаютъ сами члены цеховъ каждый разъ, когда тому или другому изъ нихъ приходится имѣть дѣло съ однохарактернымъ сообществомъ. Тюрго даетъ историческій очеркъ образованія цеховаго устройства, постепеннаго роста въ немъ духа исключительности и говоритъ о томъ вліяніи, какое на усиленіе этого духа оказала фискальная политика королей, сказавшаяся въ установленіе продаваемыхъ правительствомъ званій мастера. Забота объ обогащеніи казны, думаетъ онъ, содѣйствовала сохраненію иллюзій касательно выгодъ, обезпечиваемыхъ цехами, заставила многихъ утверждать, что право трудиться принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ король можетъ отказывать подданнымъ, и которые подданные должны покупать. Поспѣшимъ, пишетъ онъ, отвергнуть такой принципъ. Надѣливши человѣка потребностями, сдѣлавъ для него необходимымъ трудъ, какъ средство къ ихъ удовлетворенію, Богъ въ этой возможности трудиться одарилъ каждаго особымъ видомъ собственности, и эта собственность есть первѣйшая, священнѣйшая и наименѣе подлежащая отчужденію. Король объявляетъ поэтому о своей рѣшимости, покончить съ порядками, которые заключаютъ въ себѣ посягательство на естественное право, не позволяютъ неимущему жить своимъ трудомъ и совершенно оттѣсняютъ отъ производства слабѣйшій полъ, осуждая его на бѣдность, соблазнъ и развратъ. Эти порядки, продолжаетъ далѣе министръ, устраняютъ соревнованіе, дѣлаютъ безполезнымъ наличность дарованія въ лицахъ, неимѣющихъ доступа въ цехи, лишаютъ государство возможности пользоваться заграничными изобрѣтеніями и тормозятъ прогрессъ промышленности. Нерасположеніе писателей XVIII вѣка къ частнымъ ассоціаціямъ и корпоративному духу проявляется въ слѣдующемъ упрекѣ, направляемомъ Тюрго противъ цеховъ. «Они обусловливаютъ собою появленіе стачекъ внутри самого сообщества и заставляютъ бѣднѣйшихъ членовъ подчиняться волѣ богатыхъ, становятся поэтому орудіемъ монополій и всякаго рода махинацій, направленныхъ

къ поднятію цѣнъ на продукты первой необходимости. Та цѣль, съ которой первоначально созданы были эти сообщества, ни мало не достигается ими; кому не извѣстно, что внутренняя полиція промысла, задача которой обезпечить совершенство работы, не ведетъ въ большинствѣ случаевъ ни къ чему, что склонные поддерживать другъ-друга въ силу связывающаго ихъ корпоративнаго духа, члены цеховъ почти всегда оставляютъ безъ удовлетворенія жалобы потребителей, или ставятъ ихъ въ необходимость затрачивать на процессъ сумму, превышающую цѣну иска [1]).

Нападки Тюрго на цеховое устройство сходятся съ тѣми обвиненіями, какія направляютъ противъ него Роланъ и Клико-Блервашъ, первый въ мемуарѣ, представленномъ генеральному контролеру финансовъ въ 1778 году, второй въ особой брошюрѣ, въ отвѣтъ на предложенные академіей въ Аміэнѣ въ 1757 г., слѣдующіе четыре вопроса: 1) какія препятствія ставятъ цехи труду и промышленности, 2) какія выгоды нашло бы государство въ ихъ упраздненіи и 3) какими путями можно добиться его, наконецъ 4) были ли когда-либо цехи полезны государству, или, наоборотъ, всегда вредны для него [2]). Интереснѣйшую и наиболѣе оригинальную сторону мемуара Ролана составляетъ разборъ полицейскихъ регламентовъ, примѣняемыхъ въ различныхъ сферахъ ремесленной и торговой дѣятельности. О суровости ихъ можно судить по слѣдующему отрывку: «Въ теченіе одного дня разрѣзали на мелкіе части 80, 90 и даже 100 кусковъ матерій, подъ предлогомъ, что при изготовленіи ихъ не были соблюдены строго всѣ предписанія. Эта сцена повторялась на моихъ глазахъ чуть не еженедѣльно и въ теченіи ряда лѣтъ. Сверхъ того, многіе куски подвергались публичному сожженію на площади въ рыночные дни. Ихъ привѣшивали нерѣдко къ позорному столбу и грозили сдѣлать то же съ мастерами въ случаѣ рецидива. Не разъ производились при мнѣ обыски у фабрикантовъ; цѣлая стая чиновниковъ врывалась въ мастерскія, переворачивала въ нихъ все вверхъ дномъ, распространяла ужасъ въ семьяхъ, и

---

[1]) Тюрго, „Oeuvres“, т. II, стр. 302 и слѣд.

[2]) Vroil. „Etude sur Cliquot-Blervache“, стр. 85.

все это подъ тѣмъ предлогомъ, что мастера позволяли себѣ техническіе пріемы, которые давно примѣнены въ Англіи, но которымъ регламенты запрещаютъ слѣдовать во Франціи [1]).

Клико-Блервашъ, мемуаръ котораго отпечатанъ былъ въ Гагѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ раньше отмѣнившаго цехи эдикта, можно сказать, почти исчерпалъ вопросъ о вредѣ этихъ корпорацій для французской промышленности. Онъ вполнѣ подготовилъ дѣло министра-реформатора, отмѣчая тѣ самые недостатки въ отмѣненномъ имъ цеховомъ устройствѣ, противъ которыхъ возстаетъ законъ 1778 года. Въ XVIII вѣкѣ цехи сдѣлались совершенно замкнутыми сообществами. Эта замкнутость была послѣдствіемъ предписаній, направленныхъ противъ увеличенія числа учениковъ, удлиненія срока ученичества, увеличенія издержекъ для пріобрѣтенія званія мастера и т. п. Ремесленныя корпораціи защищали всѣ эти постановленія своихъ статутовъ мнимыми заботами объ интересахъ потребителей, желаніемъ доставить имъ товаръ высшаго качества, оградить ихъ отъ злоупотребленій и неумѣлости. Соображеніями общаго блага прикрывалось, такимъ образомъ, стремленіе сохранить монополію производства въ рукахъ немногихъ семей, создать изъ нихъ такой же замкнутый классъ, какимъ въ древности являлась каста. Клико-Блервашъ ставитъ себѣ цѣлью сорвать маску съ оффиціальныхъ защитниковъ цеховой исключительности, раскрыть передъ всѣми ея дѣйствительные мотивы и тѣмъ самымъ подготовить общество къ признанію той истины, что лучшей гарантіей его интересовъ является неограниченная свобода труда. »Запрещеніе принимать больше опредѣленнаго числа учениковъ, пишетъ онъ, не было вызвано невозможностью обучить ремеслу сразу нѣсколькихъ юношей: мастеру едва ли стоило бы больше труда имѣть дѣло съ десятью учениками, нежели съ однимъ. Оно имѣетъ своимъ источникомъ боязнь создать себѣ многихъ конкурентовъ; оно вызвано не государственнымъ, а личнымъ интересомъ. Но если частный человѣкъ находитъ выгоду въ возможномъ ограниченіи числа лицъ, занятыхъ однимъ съ нимъ производствомъ, то государство,

---

[1]) Mémoire relatif aux manufactures de France présenté au ministre le 11 Juin 1778.

наоборотъ, выигрываетъ отъ открытія новыхъ путей для труда: въ его интересахъ облегчить массамъ пріобрѣтеніе средствъ къ жизни. Слѣдуетъ поэтому предоставить рѣшеніе вопроса о числѣ учениковъ потребителямъ. Они одни могутъ установить дѣйствительную норму; всякое опредѣленіе ея легальнымъ путемъ можетъ быть только пагубнымъ». Тотъ же частный интересъ, то же стремленіе обезпечить себѣ монополію, по мнѣнію Клико-Блерваша, побудило цехи удлинить срокъ ученичества. Въ однихъ цехахъ требуется три, въ другихъ четыре, въ третьихъ шесть лѣтъ; но и эти ограниченія показались недостаточными, чтобы отбить охоту у тѣхъ, кто стремился получить званіе мастера. И вотъ причина, по которой придумывается новое средство—создается званіе подмастерьи—родъ личной несвободы, срокъ которой въ два-три раза превышаетъ срокъ ученичества. Но можетъ быть сложность профессіи потребовала такого долгаго искуса? «Только при самой низкой оцѣнкѣ человѣческаго разума, отвѣчаетъ Клико-Блервашъ, можно допустить, что необходимо семь лѣтъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ бочаромъ, и десять, чтобы сшить, какъ слѣдуетъ, колпакъ».

Авторъ снова утверждаетъ, что боязнь конкурентовъ и желаніе подольше воспользоваться чужимъ трудомъ—дѣйствительные виновники того, что отъ желающихъ попасть въ цехъ требуется, во-первыхъ, долгое ученичество, во время котораго рабочій не только ничего не получаетъ отъ мастера, но еще платитъ ему, а во-вторыхъ, пребываніе въ теченіе многихъ лѣтъ въ званіи подмастерьи или дароваго работника.

Опять-таки съ цѣлью устранить конкуренцію цеховые статуты требуютъ отъ ученика издержекъ по регистраціи, на содержаніе часовни братства, на устройство трапезы по случаю вступленія въ сообщество (frais de bien venu). Во многихъ цехахъ, сверхъ того, полагается еще платежъ на восковыя свѣчи. По окончаніи срока ученичества слѣдуетъ новый взносъ въ три ливра за право быть подмастерьемъ. Многіе платежи возобновляются ежегодно. Денежныя тягости ученичества еще увеличиваются отъ того, что мастера требуютъ извѣстнаго вознагражденія отъ родителей и платежей въ пользу гильдейской ад-

министраціи. Большинство населенія, справедливо замѣчаетъ Клико-Блервашъ, не въ силахъ удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, а слѣдовательно не можетъ пріобрѣсть права трудиться, права не быть лѣнтяемъ и бродягой. Въ этомъ-то и лежитъ настоящая причина громаднаго числа нищихъ. Наталкиваясь на трудности, какія общество ставитъ каждому желающему трудиться, многіе. очевидно, предпочитаютъ ничегонедѣланье и житье подаяніемъ. Велико ли число родителей, достаточно обезпеченыхъ, чтобы отказаться отъ дохода, доставляемаго трудомъ подростка въ теченіи шести или семи лѣтъ, и принять въ добавокъ еще обязательство платить за него мастеру?

Не общественнымъ благомъ, а интересами самозащиты объясняетъ цитируемый нами авторъ и тѣ постановленія цеховыхъ статутовъ, которыми всячески затрудняется пріобрѣтеніе мастерства лицами, посторонними цеху, и установляются привилегіи въ пользу дѣтей бывшихъ мастеровъ. Отъ послѣднихъ, въ большинствѣ случаевъ, не требуется никакихъ доказательствъ ихъ подготовленности и, въ частности, представленія образцовой работы, такъ дорого стоющей подмастерьи-чужаку. Такимъ образомъ создается своего рода наслѣдственная монополія и способный, но бѣдный рабочій, всю свою жизнь поставленъ въ необходимость не выходить изъ среды подмастерій. Матеріальное вознагражденіе перестаетъ быть наградою за трудъ— условіе крайне неблагопріятное для развитія серевнованія и усовершенствованія.

Доказавши такимъ образомъ, что цеховая іерархія поддерживается исключительно въ интересахъ существующихъ мастеровъ, Клико-Блервашъ переходитъ къ критикѣ цеховыхъ порядковъ съ точки зрѣнія ихъ устарѣлости, несоотвѣтствія тѣмъ задачамъ, для которыхъ они нѣкогда были созданы. Его соображенія на этотъ счетъ нисколько не потеряли своей силы и находятъ полное оправданіе въ историко-экономической литературѣ нашего времени.

Авторъ несомнѣнно ошибается, когда относитъ появленіе цеховаго устройства къ XII и XIII вѣкамъ. Оно возникло многими столѣтіями рачѣе или вѣрнѣе не прекращалось со временъ римской имперіи [1]).

---

[1]) Смотри, что говоритъ, напримѣръ, на этотъ счетъ Ludo Moritz

Но мысль, что желаніе привлечь къ городскимъ промысламъ рабочія силы, находившія заработокъ въ сельскохозяйственной культурѣ и утилизаціи никому непринадлежащихъ земель, повело къ созданію цеховыхъ привилегій и монополій, слишкомъ отвѣчаетъ современнымъ, по преимуществу, итальянскимъ теоріямъ, чтобы частичное проявленіи ея въ сочиненіяхъ такого отдаленнаго предшественника, какъ Клико-Блервашъ, не заслуживало быть отмѣченнымъ. Вотъ что говоритъ онъ объ источникѣ цеховаго устройства. Справедливость требовала привлеченія чрезвычайными привилегіями тѣхъ рабочихъ, которые впервые вносили въ нашу сроду тѣ или другія ремеела и промыслы. Въ эпоху возрожденія промышленности естественно было вознаграждать тѣхъ, кто изобрѣталъ новыя мануфактуры и дѣлалъ новыя открытія. Но этотъ періодъ давно отошелъ въ область прошедшаго; законъ, который долженъ измѣняться вмѣстѣ съ обстоятельствами, призванъ теперь положить конецъ цеховымъ привилегіямъ. Задача современности лежитъ не въ обогащеніи небольшаго числа готовыхъ заняться ремесломъ рабочихъ, а въ распространеніи ремесленнаго проиаводства въ массахъ. По мнѣнію Клико-Блерваша, цехи препятствуютъ размноженію населенія, затрудняя ему заработокъ. Не имѣя возможности добиться мастерства, способный ремесленникъ эмигрируетъ за границу и переноситъ на иностранцевъ блага собственнаго труда и національной изобрѣтательности. Цехи препятствуютъ также расширенію и домашняго унотребленія, и иностраннаго вывоза. Они увеличиваютъ цѣнность продуктовъ обрабатывающей промышленности и тѣмъ дѣлаютъ пріобрѣтеніе ихъ затруднительнымъ. Но дешевизна—первое условіе успѣшной конкуренціи съ соперниками французской торговли и промышленности. Необходимо, поэтому, заключаетъ онъ, устранить тѣ преграды, какія ставитъ на пути къ прогрессу цеховое устройство [1]).

Памфлетная литература первыхъ годовъ революціи вноситъ мало новаго въ только-что воспроизведенную нами критику це-

---

Hartmann въ предисловіи къ недавно открытой имъ грамотѣ отъ 1030 года, установляющей не только фактъ существованія въ Римѣ цеха садоводовъ", но и выборъ имъ цеховыхъ начальниковъ.

[1]) Jules de Vroil (Etude sur Cliquot-Blervache), стр. 86—98.

ховыхъ порядковъ. Пелетье въ число средствъ, долженствующихъ содѣйствовать возрожденію Франціи, включаетъ между прочимъ и отмѣну цеховъ. Мотивы, приводимые имъ въ пользу этой отмѣны, въ общемъ тѣ же, какіе были высказаны много лѣтъ ранѣе экономистами и повторены въ текстѣ эдикта 1776 года. «Благосостояніе государства, пишетъ онъ, зависитъ непосредственно отъ труда его жителей; необходимо поэтому сдѣлать все возможное для поощренія трудолюбія и предпріимчивости, не парализовать энергіи, не стѣснять, а наоборотъ, всячески поощрять ее; вотъ къ чему сводится задача законодателя. Но можно думать, что французское государство преслѣдовало совершенно обратныя цѣли, призывая лишь меньшинство горожанъ въ каждой отдѣльной мѣстности къ занятію ремеслами и ставя всѣхъ остальныхъ въ прямую отъ нихъ зависимость въ дѣлѣ полученія заработковъ. Пелетье осуждаетъ также въ цеховомъ устройствѣ ту систему «подчиненія и угнетенія», которая выражается, по его словамъ, въ наложеніи цѣпей на неимущаго и покровительствѣ богатымъ. Только проституируя имя порядка, можно было, говоритъ онъ, примѣнить этотъ терминъ къ цеховому устройству«. Заодно съ Клико-Блервашемъ онъ нападаетъ на то, что мастеру дозволено пользоваться даровымъ трудомъ своихъ учениковъ и подмастерій. Долгій срокъ ученичества не кажется ему серьезной гарантіей высокаго качества мануфактуратовъ. Вѣдь неспособный останется таковымъ и по истеченіи всякихъ сроковъ, а между тѣмъ цеховые статуты создаютъ въ его пользу защищаемую правительствомъ монополію. Требованіе образцовой работы, удостовѣряющей подготовленность къ занятію ремесломъ, можетъ быть обойдено, такъ какъ имѣющему средства легко заказать ее третьему лицу и выдать за свою собственную. На возраженіе, что трудолюбивый рабочій легко можетъ пріобрѣсть права мастера цѣною сбереженій, Пелетье отвѣчаетъ: «какъ накопить ихъ ему, когда его заработокъ едва покрываетъ издержки существованія. Вздумаетъ подмастерье работать на самого себя, мастеръ удерживаетъ въ свою пользу доходъ отъ заказа, а въ случаѣ рецидива бросаетъ его въ тюрьму». И для Пелетье вредъ ремесленныхъ корпорацій состоитъ въ устраненіи ими конкуренціи и обусловленнаго ею соревно-

ванія между рабочими, въ препятствованіи росту населенія и ограниченіи числа ремесленниковъ, въ возвышеніи цѣны мануфактуратовъ, въ сокращеніи потребленія и размѣровъ торговли, въ развитіи пауперизма и разврата. Пелетье съ уваженіемъ упоминаетъ о Тюрго, говоря, что его справедливая и доброжелательная натура давно сознала силу этой истины. Для него, какъ и для его предшественника, кажется яснымъ, что первой задачей правительства по отношенію къ промысламъ должно быть установленіе свободы частной предпріимчивости [1]).

Приблизительно тѣ же мысли одновременно высказывалъ Кондорсэ, брошюра котораго, озаглавленная «Монополія и монополисты», заканчивалась слѣдующимъ обращеніемъ къ правительству: «чтобы уничтожить въ корнѣ источникъ всякой монополіи, достаточно одного—желанія положить имъ конецъ» [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что, на-ряду съ противниками цеховой организаціи, французская революція выставила и одного горячаго поборника ея—Марата. Уже одинъ тотъ фактъ, что защиту цеховъ принимаетъ на себя человѣкъ, котораго нѣкоторые новѣйшіе историки готовы отнести къ числу предшественниковъ соціализма, оправдываетъ предположеніе, что представленныя имъ соображенія въ пользу цеховъ близки къ тѣмъ, какими катедеръ-соціалисты стараются защитить это учрежденіе, если не въ настоящемъ, то въ прошедшемъ. Но чтеніе того, что извѣстный демагогъ счелъ возможнымъ привесть въ пользу цеховъ, далеко не оправдываетъ подобнаго предположенія. Оно убѣждаетъ, наоборотъ, въ совершенной произвольности того мнѣнія, которое приписываетъ Марату соціалистическія тенденціи. «Въ каждомъ сословіи, не ставящемъ себѣ задачей удовлетвореніе честолюбія, а только обезпеченіе личнаго благосостоянія, пишетъ Маратъ, добросовѣстность неразрывно связана съ возможностью упрочить свою репутацію. Отнята эта возможность, и необходимо наступаетъ конецъ обыкновенной честности. Всякое ремесло, всякая торговля, вырождаются въ открытое плутовство и интригу. Съ отмѣною цеховъ исчезаетъ стимулъ

---

[1]) La Régénération de la France par M. Pelletier, глава XXII (1899).

[2]) Condorcet, Oeuvres, томъ XIX, стр. 149.

къ производству мануфактуратовъ отмѣннаго качества ради упроченія репутаціи; каждый отнынѣ будетъ ставить себѣ цѣлью привлечь покупателя одной счастливой внѣшностью товара; можно ждать, что впредь всѣ будутъ искать какъ можно больше работы и работать какъ можно быстрѣе. Чтобы избѣжать послѣдствій, какія для сбыта его продуктовъ произведетъ дурная о нихъ молва, ремесленнику ничто не помѣшаетъ переселиться въ другой кварталъ или другой городъ». Маратъ полагаетъ, что государство должно обезпечить всѣмъ потребителямъ возможность пріобрѣтенія мануфактуратовъ добраго качества, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько эти мануфактураты принадлежатъ къ числу предметовъ необходимости. А отсюда желательность мѣръ, удостовѣряющихъ способность ремесленника и устраняющихъ возможность обмана съ его стороны. Предлагаемый Маратомъ проектъ организаціи индустріи существенно расходится, однако, съ господствовавшими въ то время цеховыми порядками. Правда, и онъ хочетъ подчинить всѣхъ, кто готовится къ ремеслу, шести и семи-лѣтнему искусу, но, съ другой стороны, онъ говоритъ о дарованіи простымъ рабочимъ (подмастерьямъ) приличнаго жалованья, мѣшающаго имъ впасть въ нищету, и о надѣленіи наиболѣе искусныхъ изъ нихъ по истеченіи трехлѣтняго срока всѣми необходимыми средствами къ открытію самостоятельной мастерской [1]).

Нельзя сказать, чтобы наказы 1789 года представляли по вопросу объ отмѣнѣ цеховаго устройства то же единогласіе, какимъ отличаются ихъ заявленія на счетъ упраздненія сеньеріальныхъ правъ и привилегій. Одинъ изъ недавнихъ историковъ французской революціи объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что въ тетрадяхъ жалобъ, представленныхъ отъ имени бальяжей, нельзя искать выраженія желаній простыхъ рабочихъ; такъ какъ въ самой ихъ редакціи принимали участіе не подмастерья и ученики, а мастера. Весьма мало такихъ «кайе», въ которыхъ простымъ исполнителямъ труда удалось провести свои требованія; но эти немногіе, всецѣло принадлежащіе разумѣется къ числу мѣстныхъ или приходскихъ, своимъ содержаніемъ вполнѣ оправдываютъ

---

[1]) См. Ami du peuple, № 91, цитировано Buchez et Roux въ Histoire parlamentaire, томъ V, стр. 108.

предположеніе, что, имѣй рабочее сословіе возможность высказаться отдѣльно отъ другихъ сословій по вопросу объ отмѣнѣ или сохраненіи цеховаго устройства, оно несомнѣнно отнеслось бы къ нему съ осужденіемъ.

Цитируемый нами писатель даетъ слѣдующую статистику наказовъ съ точки зрѣнія ихъ сочувствія или враждебности къ существующей организаціи ремеслъ и промысловъ: 59 наказовъ, изъ которыхъ 4 принадлежатъ духовенству, а десять дворянству, требуютъ отмѣны цеховъ, какъ противорѣчащихъ свободѣ, личному самоопредѣленію и прогрессу ремеслъ и промышленности, 7 предоставляютъ рѣшеніе вопроса генеральнымъ штатамъ; 2—бальяжей Витри и Сентъ-Менегуда, стоятъ за сохраненіе существующихъ цеховыхъ порядковъ. То же дѣлаютъ и пять другихъ, требующихъ организаціи новыхъ ремеслъ на тѣхъ же корпоративныхъ началахъ и при томъ только въ большихъ городахъ. Шесть кайе, относясь въ общемъ сочувственно къ мысли объ упраздненіи цеховаго устройства, требуютъ его сохраненія въ нѣкоторыхъ видахъ промышленности, правильное отправленіе которыхъ необходимо въ интересахъ общественной безопасности. Аптекаря, фельдшера, золотыхъ дѣлъ мастера, слесаря, парихмахеры, типографщики и книгопродавцы, должны по прежнему быть устроены въ цехи. Въ шести другихъ наказахъ рѣчь идетъ о необходимости внести частичную реформу въ существующую организацію промышленности [1]). Такъ, въ кайе средняго сословія Амьена говорится объ упраздненіи покупаемыхъ у правительства правъ мастера. Ученичество и образцовая работа признаются въ то же время желательными, какъ средство вызвать соревнованіе и обезпечить каждому преимущества его трудолюбія и таланта [2]).

Въ отпечатанныхъ Шассеномъ наказахъ приходскихъ собраній Парижа, на-ряду съ ходатайствами о сохраненіи цеховой организаціи [3]), встрѣчаются и совершенно обратныя. Они являются даже болѣе или менѣе общимъ правиломъ, по крайней мѣрѣ въ

---

[1]) См. La révolution française et la question ouvrière par Charles Chabot. Révolution française, t. V, Juillet.—Dec. 1883.

[2]) Arch. Parl., т. I, стр. 753.

[3]) Chassin. Les élections et cahiers de Paris, т. II, стр. 487. отрывки изъ затеряннаго cahier прихода Grand Augustin.

приходскихъ кайе, отнюдь однако не въ тѣхъ, авторами которыхъ были непосредственно заинтересованные въ вопросѣ мастера. Послѣдніе единогласно стоятъ не только за сохраненіе цеховъ, но и за устраненіе всякихъ изъятій изъ цеховой подсудности, въ родѣ той, напримѣръ, какою пользовались поселенные въ предѣлахъ Тампль ремесленники [1]). Нѣкоторые требуютъ даже увеличенія взносовъ, платимыхъ при поступленіи въ ряды мастеровъ [2]), дабы сдѣлать доступъ къ нимъ еще болѣе труднымъ. Другіе стараются поддержать существующую организацію ремеслъ соображеніями, довольно близкими къ тѣмъ, какія высказаны были Маратомъ. «Слишкомъ большая свобода, допущенная эдиктами 1776 и 1777 гг., не оставила сомнѣнія въ неудобствахъ ея для промышленности. Обиліе производителей далеко не обезпечиваетъ того блага, какого можно ожидать отъ конкуренціи. Вѣдь потребленіе не возрастаетъ одновременно и параллельно увеличенію ихъ числа. Они поставлены поэтому въ необходимость соперничать между собою въ пониженіи цѣнъ, а это въ результатѣ повергаетъ ихъ въ крайнюю нищету» [3]). Торговля нуждается въ довѣріи, а его можетъ доставить только организація ремеслъ на корпоративномъ началѣ. Когда число ремесленниковъ въ томъ или другомъ производствѣ становится черезчуръ значительнымъ, имъ приходится или подкапываться другъ подъ друга, или позволять себѣ недобросовѣстное отправленіе мастерства [4]).

Если отъ городскихъ общинъ мы перейдемъ къ сельскимъ, то въ нихъ мы, разумѣется, встрѣтимъ полное единогласіе по вопросу объ упраздненіи цеховъ. Тогда какъ въ наказахъ отдѣльныхъ бальяжей и городовъ Артуа, напримѣръ, не разъ высказывается желаніе сохранить права и привилегіи ремесленныхъ корпорацій [5]),

---

[1]) См. наказъ de la communauté des maîtres fondeurs, doreurs et graveurs. (Ibid., стр. 503). Cahier du corps de l'épicerie, стр. 519. Mémoire des maîtres perruquiers, стр. 531.

[2]) Ibid. стр. 532. Cahiers de la communanté des marchandes de modes plumassiêres, fleuristes de Paris.

[3]) Doléances des marchandes bouquetières, fleuristes, стр. 535.

[4]) Communauté des maîtres fruitiers, orangers, grainiers des villes, faubourgs et banlieue de Paris, стр. 540 (Ibid.).

[5]) Cahiers du Pas de-Calais т. I, стр. 48 и 64.

изъ сельскихъ общинъ той же провинціи слышится единодушное требованіе сдѣлать занятіе промыслами и торговлей свободнымъ для всѣхъ и отмѣнить необходимость пріобрѣтенія правъ мастера [1]). Едва-ли нужно доказывать, что централизація промышленной дѣятельности въ городахъ, необходимое послѣдствіе цеховаго устройства, гибельно отражалась на интересахъ сельскаго люда и вызывала въ немъ при случаѣ откровенный протестъ, попытку радикальной реформы. Неудивительно поэтому, если и внѣ Артуа повторяется то же явленіе, если крестьянинъ всюду стоитъ за свободу промышленности, обѣщающую ему возможность добавочныхъ заработковъ и дешевизну продуктовъ потребленія [2]).

Такимъ образомъ содержаніе сельскихъ наказовъ оправдывало замѣчаніе аббата Бодо, что цеховая организація и регламентація ремеслъ государствомъ возстановляли села противъ городовъ, порождая между тѣми и другими ожесточенную, хотя и скрытую вражду [3]).

---

[1]) Ibid., т I, стр. 205, 336, 394, 546.

[2]) Arch. Parl., т. V, стр. 56. Cahiers de la paroisse de Rosny. Cahiers de la communauté d'Eguilles, т. VI, стр. 286. Cahiers de la communauté de Ciotat et cahier de la communauté de Ventabres, стр. 328 и 439.

[3]) Говоря о цеховой организаціи, аббатъ Бодо называетъ ее système absurde qui a rendu les villes du même empire étrangers aux campagnes même les plus prochaines, qui a fomenté, a fortifié sans cesse ces divisions, ces guerres sourdes de toutes les villes contre toutes les campagnes (Introduction à la philosophie économique, стр. 718).

Клико-Блервашъ въ свою очередь доказывалъ необходимость для крестьянъ того подспорья земледѣлію, какое представляетъ кустарная промышленность, и указывалъ на примѣръ Лангедока, Пикардіи, Шампани, какъ на доказательство тому, что зимою сельскій житель можетъ найти занятіе въ выдѣлкѣ льна, въ приготовленіи гвоздей, въ слесарномъ дѣлѣ, въ тканьѣ и пряжѣ и т. п Въ окрестностяхъ Реймса, писалъ онъ, крестьянки чешутъ и прядутъ шерсть, и это обстоятельство вноситъ значительное благосостояніе въ ихъ семьи. Въ Лотарингіи и Вогезахъ онѣ заняты вышиваньемъ и поражаютъ высокимъ качествомъ своей работы. Поселянинъ изъ Арденъ выдѣлываетъ гвозди, а пикардіецъ слыветъ отличнѣйшимъ слесаремъ. Все это приводилось въ доказательство тому, что промышленность призвана оказывать помощь земледѣлію. Показанія Блерваша какъ нельзя лучше устанавливаютъ тотъ фактъ, что задолго до рево-

Большинство возраженій, представленныхъ экономистами противъ цеховъ, примѣнимы были въ равной степени и къ тѣмъ большимъ гильдейскимъ сообществамъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались важнѣйшія вѣтви внѣшней торговли.

Полемика противъ привилегій остъ-индской компаніи занимаетъ, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто въ исторіи физіократіи. Еще Гурнэ осуждалъ ихъ открыто [1]). Морелле счелъ нужнымъ въ 1769 году воспроизвесть эти нападки, присоединяя къ нимъ новыя. Послѣ пораженій, понесенныхъ Дюпле, ему не трудно было доказать, что компанія безсильна отстаивать безъ правительственной помощи свои торговыя преимущества въ Индіи противъ усиливающейся конкурренціи англичанъ и поддерживаемаго ими недоброжелательства въ средѣ туземцевъ. Легко было также установить, въ виду финансовыхъ затрудненій правительства, невозможность поддержанія компаній цѣною пожертвованій, равныхъ тѣмъ, на которыя такъ необдуманно шло французское правительство за послѣднія сорокъ лѣтъ. Неккеръ, завѣдывавшій въ это время ея интересами, счелъ долгомъ отвѣтить на эти нападки. Всѣ крупные представители физіократіи стали на сторону Морелле. Тюрго привѣтствовалъ его мемуаръ, объявляя въ письмахъ къ аббату отъ 25 іюля и 3 октября 1769 года, что «доказательства доведены имъ до очевидности» [2]). Дюпонъ де-Немуръ въ свою очередь вмѣшался въ полемику, видя въ ней новый поводъ къ защитѣ основнаго принципа физіократіи о необходимости ничѣмъ не сдерживаемой свободы торговли. Бѣдственное положеніе компаніи, по его словамъ, было «разительнымъ примѣромъ тѣхъ опасностей, какимъ подвергается государство, разъ оно рѣшится предпочесть кажущіяся выгоды монополіи настоящимъ преимуществамъ свободной конкурренціи» [3]).

люціи правило, въ силу которого обрабатывающая промышленность должна была всецѣло сосредоточиться въ рукахъ городскихъ цеховъ, далеко не соблюдалось на практикѣ, стр. 331 и 333. Vroil, Etude sur Cliquot-Blervache.

[1]) Schelle, стр. 134.

[2]) La démonstration y est portée au plus haut degré d'évidence. (Oeuvres, т. I, стр. 799).

[3]) Schelle, стр. 133.

Когда въ 1769 году правительство отняло у компаніи ея привилегіи, физіократы торжествовали эту побѣду, какъ предвѣстникъ свободы торговли. Въ сочиненіяхъ Летрона по отношенію къ торговымъ компаніямъ воспроизводятся тѣ же мысли, выраженіе которыхъ можно найти въ примѣненіи къ цехамъ въ полемикѣ Морелле и Дюпона съ Неккеромъ. «Я не ограничусь утвержденіемъ, что Франція должна распространить на колоніи благодѣянія свободной торговли, едва сдѣлаютъ это другія націи, пишетъ онъ, нѣтъ, я скажу: она должна надѣлить ихъ этой свободой, какъ только обезпечена будетъ ей самой свобода внѣшняго рынка, а этого она можетъ добиться, когда ей угодно и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше» [1]).

Отношеніемъ къ остъ-индской компаніи опредѣлилось положеніе, занятое экономистами XVIII вѣка въ вопросѣ о всякаго рода торговыхъ монополіяхъ, будетъ-ли ими установленіе портофранко въ Марсели или надѣленіе преимуществами тѣхъ или другихъ обществъ транспортированія кладей моремъ или сушей. Клико Блервашъ высказываетъ общую физіократамъ точку зрѣнія, подвергая строгому осужденію коммерческую политику Кольбера и заявляя, что нигдѣ и ни въ какое время торговля не процвѣтала въ большей степени, какъ тогда и тамъ, когда купцы пользовались ничѣмъ не стѣсняемой свободой сдѣлокъ [2]).

Наказы 1789 года высказались въ томъ-же смыслѣ. «Со всѣхъ сторонъ, пишетъ Бонассіё, слышатся жалобы на привилегіи и монополіи. Общественное мнѣніе требуетъ отмѣны частныхъ компаній, надѣленныхъ торговыми преимуществами. Избиратели не хотятъ знать болѣе о привилегіяхъ лодочниковъ Кондэ и Дюнкирхена. Въ Вилленевъ-де-Бергъ слышится протестъ противъ марсельскаго портофранко. Среднее сословіе Парижа требуетъ отмѣны исключительныхъ преимуществъ королевскихъ почтъ (messageries). «Да позволено будетъ, гласитъ его наказъ, ударить кнутомъ по лошади безъ королевскаго разрѣшенія». Богатыя каменнымъ углемъ мѣстности требуютъ прекращенія монополій, созданныхъ въ пользу лицъ, эксплоатирующихъ копи.

---

[1]) Letrosne. (De l'intéret social, стр. 1018).

[2]) Vroil. Etude sur Cliquot Blervache, стр. 172, 179. 199.

«Мы желаемъ не привилегій, пишетъ среднее сословіе Амьена, а поощренія, почетныхъ, лестныхъ отличій, не исключительныхъ выгодъ, а чести» [1]). Но въ этомъ не отказывала, какъ мы видѣли, промысламъ и торговлѣ защищаемая физіократами политика. Общественное мнѣніе высказывалось также и въ пользу отмѣны того privilegium odiosum, какое тяготѣло, съ одной стороны, на дворянахъ, не допускаемыхъ къ занятію мелочной торговлей, а, съ другой, на капиталистахъ, которымъ запрещалась отдача денегъ въ ростъ. Не одни дворянскіе кайе, но и тѣ, редакторами которыхъ были духовенство и среднее сословіе, высказываются въ пользу допущенія дворянъ къ коммерческой дѣятельности [2]). Нельзя сказать того-же въ равной мѣрѣ по отношенію къ свободѣ роста. Правда, во многихъ наказахъ встрѣчается односложное заявленіе: «отдача денегъ на проценты должна быть разрѣшена на протяженіи всего государства» [3]). Но въ церковныхъ не разъ дѣлаются оговорки въ родѣ тѣхъ, какія заключаютъ въ себѣ «жалобы и ходатайства бенедиктинцевъ конгрегаціи Сенъ-Моръ въ Парижѣ», объявившихъ ростъ противнымъ божескимъ и человѣческимъ законамъ и подведшихъ подъ понятіе его даже спекуляціи Mont de pieté въ Парижѣ [4]). Осужденіе ажіотажа и правительственныхъ лотерей также весьма обычное явленіе не въ однихъ только церковныхъ кайе, но и въ тѣхъ, редакторами которыхъ являются дворянство и буржуазія [5]). Такимъ образомъ въ наказахъ сказывается то же разногласіе, какое существовало и въ лагерѣ экономистовъ, гдѣ на-ряду съ Гурнэ и Тюрго, стоявшихъ за полную свободу роста, Кенэ считалъ необходимымъ нѣкоторое ея ограниченіе.

---

[1]) Examen des cahiers de 1789 au point de vue commercial et industriel par P. Bonnassieux. Paris 1884, стр. 22 и 31.

[2]) Ibid., стр. 32.

[3]) Cahiers du bailliage d'Amont (Arch. Parl. Томъ I, стр. 7779). Cahiers de la sénéchaussée d'Anjou. (Томъ II, стр. 43).

[4]) Chassin. Les élections et cahiers de Paris, томъ II, стр. 37.

[5]) См., напр., Cahiers du clergé des paroisses de Saint Paul въ Парижѣ. (Ibid., томъ II, стр. 51). Cahiers des départements nobles (1-er départ ement), Cahiers du district des Barnabites à Paris.

И такъ, въ общемъ можно сказать, что наказы 1789 года, отразили на себѣ довольно ярко вліяніе той теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую дѣятельность, которую Гурнэ высказалъ въ извѣстномъ афоризмѣ—«laissez faire» и которая на цѣлое столѣтіе опредѣлила собою характеръ господствующей экономической доктрины и политику европейскихъ правительствъ по отношенію къ промысламъ и торговлѣ.

ГЛАВА III.

Податныя теоріи прошлаго столѣтія и ихъ вліяніе на наказы 1789 г.

§ 1.

Нельзя сказать, чтобы экономисты и публицисты XVIII вѣка, сходясь въ нападкахъ на существующую систему налоговъ, обнаруживали бы ту же общность воззрѣній по вопросу о ея реформѣ. Можно утверждать даже какъ разъ обратное, можно доказывать, что, проникнутые одинаково мыслью о необходимости поднять земледѣліе, какъ главный и даже единственный источникъ народнаго богатства, послѣдователи физіократическаго ученія расходились въ конечныхъ выводахъ, въ практическомъ примѣненіи тѣхъ взглядовъ на естественныя отношенія государства къ народному производству, въ которыхъ лежитъ источникъ всякой теоріи налоговаго обложенія. Что всего изумительнѣе, что само собою опровергаетъ всѣ навѣты и обвиненія, взводимые на Кенэ и его школу, какъ на одностороннихъ защитниковъ землѣдѣльческихъ интересовъ и класса крупныхъ недвижимыхъ собственниковъ, это то, что они первые высказали мысль о необходимости возложить бремя налоговъ ни на кого инаго, какъ на собственниковъ.

На-ряду съ этимъ ученіемъ о единомъ земельномъ налогѣ, XVIII столѣтіе представляетъ намъ разнообразнѣйшіе проекты податной реформы, начиная съ мечтаній Вобана объ установленіи въ пользу короля подобія церковной десятины, переходя къ защитѣ существующей системы поголовной подати и косвен-

ныхъ сборовъ, въ частности таможеннаго тарифа, и оканчивая проектами подоходнаго и даже прогрессивнаго налога [1]), которые всѣ встрѣчаютъ въ лицѣ Руссо, мечтающемъ о возстановленіи доманіальнаго фонда и покрытіи имъ всѣхъ государственныхъ издержекъ, одинаково строгаго и односторонняго критика [2]). Въ одномъ отношеніи, однако, существуетъ между финансистами прошлаго вѣка полное единогласіе. Какъ предвозвѣстники новыхъ демократическихъ теченій, они въ одно слово протестуютъ противъ неравенства обложенія и податныхъ изъятій высшихъ сословій. Въ этомъ отношеніи всѣ и каждый изъ нихъ равно наложили свою печать на редакцію наказовъ 1789 года и подготовили рѣшенія, принятыя въ знаменитую ночь 4-го августа.

Уже Буагильберъ включаетъ въ свой «Factum de la France», эту, можно сказать, первую попытку обосновать науку о финансахъ, энергическій протестъ противъ обремененія податями бѣднѣйшихъ классовъ общества. «Въ государственномъ тѣлѣ, пишетъ онъ, бѣдные то же, что глаза и черепъ въ человѣческомъ,— части наиболѣе слабыя и нѣжныя, а богатые — точно руки и туловище; удары, наносимые ихъ карману, въ видахъ покрытія государственныхъ потребностей, для нихъ нечувствительны,— такъ они крѣпки и сильны; но тѣ же удары почти смертельны для слабыхъ членовъ (т. е. для бѣдныхъ); и передаются ими сплошь и рядомъ остальнымъ» [3]).

Изъ этого положенія Буагильберъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «если бы богатые сознавали свои настоящіе интересы, они совершенно освободили-бы бѣдныхъ отъ налоговъ» [4]). «Надо, говоритъ Буагильберъ, чтобы налоги текли въ руки правителя такъ же легко, какъ рѣки въ море; но для этого необходимо,

---

[1]) Condorcet, de l'impôt progressif. 1792 года.

[2]) Quiconque aura suffisemment réfléchi sur cette matière ne pourra guère être â cet égard d'un autre avis que Bodin, qui regarde le domaine public, comme le plus honnête et le plus sûre de tous les moyens de pourvoir aux besoins de l'état. Discours sur l'économie politique. Oeuvres, изд. 1790 г., т. VII, стр. 309.

[3]) См. Factnm de la France, глава XVI, стр. 309.

[4]) Ibid., стр. 308.

чтобы они были пропорціональны платежнымъ способностямъ а слѣдовательно, чтобы государь требовалъ много съ того, кто имѣетъ много, и мало съ того, кто имѣетъ мало» [1]).

Физіократическая школа въ свою очередь не только не допускаетъ сословныхъ изъятій въ дѣлѣ налоговъ, но требуетъ еще возложенія всего ихъ бремени на земельныхъ собственниковъ, т. е. на практикѣ на классы привилегированные. «Физіократамъ, пишетъ Летронъ, дѣлаютъ упрекъ, будто всѣ ихъ интересы клонятся къ защитѣ собственниковъ. Ужъ не потому-ли, что ихъ однихъ они и желали бы обложить налогомъ? Ихъ обвиняютъ во враждебномъ отношеніи къ торговлѣ и промышленности,—не потому-ли, что для нихъ они требуютъ свободы и налоговыхъ иммунитетовъ?» Такъ какъ въ ихъ глазахъ ни промышленность, ни торговля, не являются источниками богатства, а простой затратой, оплачиваемой земледѣльческимъ производствомъ, то понятно, что связанный съ ними трудъ не долженъ, по ихъ мнѣнію, быть обложенъ [2]).

Если физіократы съ такой горячностью требуютъ отмѣны налоговъ на потребленіе, то потому, что эти налоги главною массою своею падаютъ на бѣднѣйшихъ плательщиковъ. «Косвенные сборы необходимо предполагаютъ, писалъ Кенэ, бѣдныхъ крестьянъ, а гдѣ бѣдные крестьяне, тамъ и бѣдная казна [3]). Въ число невыгодъ косвенныхъ налоговъ и въ частности налоговъ на потребленіе Тюрго ставитъ обремененіе, испытываемое отъ нихъ бѣдными, и несоотвѣтствіе ихъ съ доходами [4]). Физіократы придавали такое значеніе отмѣнѣ налоговъ на потребленіе, что Дюпонъ де-Немуръ, предупреждая Тюрго противъ излишней поспѣшности въ проведеніи реформъ, писалъ ему 16 октября

---

[1]) Ibid., стр. 307. (Сравни: Horn. L'économie politique avant les physiocrates, стр. 310—313.

[2]) Letrosne, De l'intérêt social. Physiocrates, éd. d'Eugene Daire, т. II стр. 1022.

[3]) „Impositions indirectes, pauvres paysans; pauvres paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre souverain".

[4]) Il y a surcharge pour les consommateurs pauvres. Les impositions indirectes sont sans aucune proportion avec les revenus. Turgot. Oeuvres, изданіе Daire, томъ I, стр. 397. (Plan d'un mémoire sur les impositions).

1774 года: «отмѣните только налоги на потребленіе, и этого уже достаточно; вы сдѣлаете остальное, если у васъ хватитъ на то время» [1]). Противникъ физіократовъ Форбоннэ ни мало не расходился съ ними въ вопросѣ о равенствѣ гражданъ предъ налогомъ. Считая химерой превозносимый Кенэ и его школой единый земельный налогъ [2]), онъ въ то же время вооружался за-одно съ нимъ противъ косвенныхъ налоговъ, разъ эти налоги падаютъ на предметы первой необходимости; за-одно съ нимъ также онъ готовъ былъ провозгласить налогъ на собственниковъ «самымъ справедливымъ и всего легче осуществимымъ, но подъ условіемъ, чтобы всѣ земли были равно обложены» (si toutes les terres payaient également) [3]).

Критикъ физіократическихъ теорій, столь сурово осужденный Летрономъ Кондильякъ, не обнаруживаетъ разногласія по вопросу о равномѣрномъ участіи гражданъ въ несеніи податей. «Въ государствѣ, пишетъ онъ, существуетъ, собственно говоря, два класса лицъ—собственники, въ рукахъ которыхъ всѣ земли и продукты, и лица, живущія заработкомъ (salariés), которыя, не имѣя ни земель, ни продуктовъ, живутъ доходомъ своего труда». Первые легко могутъ быть обложены налогомъ въ пользу государства. Такъ какъ всѣ продукты принадлежатъ имъ и проходятъ черезъ ихъ руки, то налогъ можетъ сократить лишь количество остающихся у нихъ денегъ. Другое дѣло тѣ, кто живетъ заработкомъ. Ихъ нельзя обложить налогомъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ собственныхъ продуктовъ, такъ какъ они не имѣютъ ничего, кромѣ платы за трудъ, — платы, постоянно понижаемой конкуренціей и падающей до уровня того, что необходимо для существованія; обременять налогомъ классъ, имѣющій только нужное для жизни, равнозначительно требованію денегъ у того, кто ихъ не имѣетъ [4]).

---

[1]) Schelle, Du-Pont de Nemours. стр. 188.

[2]) L'impôt unique sur la terre parait une chimère (Recueil des principaux Economistes). Forbonnais. Principes économiques, 1767, стр. 208.

[3]) Ibid., стр. 207 и 208.

[4]) La classe salariée gagnant l'argent nécessaire à sa subsistance, mettre un impôt sur elle, c'est vouloir qu'elle paye avec un argent, qu'elle n'a pas. Condillac. Le commerce et le gouvernement въ Recueil des principaux économistes, глава 38 первой части.

Почти наканунѣ революціи другой экономистъ, Клико-Блервашъ, высказываетъ по отношенію къ равенству налоговаго обложенія тѣ самыя мысли, какія въ наши дни лежатъ въ основѣ экономическаго законодательства всѣхъ образованныхъ народовъ. «Всѣ подданные одного государя, какъ подчиненные однимъ законамъ, пользуются, каждый сообразно своему состоянію, своимъ способностямъ и имуществу, одинаковой безопасностью, одинаковымъ покровительствомъ. Справедливость требуетъ поэтому, чтобы они равно участвовали въ тѣхъ тягостяхъ, съ какими связана эта доставляемая государствомъ защита. Только на этихъ началахъ справедливости можно опереть сколько-нибудь прочно общественное благоденствіе» [1]).

Такимъ образомъ въ сочиненіяхъ экономистовъ различнѣйшихъ школъ уже высказывается то общее требованіе—уровнять гражданъ въ дѣлѣ несенія податей и, по возможности, перенесть бремя ихъ съ неимущихъ классовъ на имущіе, которое заставило Людовика XVI за десять лѣтъ до революціи ставить нотаблямъ на видъ необходимость «отнестись съ особенной заботливостью къ интересамъ наименѣе зажиточныхъ плательщиковъ [2])».

Можно спорить, разумѣется, о томъ, въ какой мѣрѣ физіократическое ученіе наложило печать на характеръ соціальной революціи, пережитой Франціей въ 1789 году; можно расходиться въ оцѣнкѣ его роли при редакціи наказовъ и проведеніи Учредительнымъ собраніемъ основъ новаго экономическаго законодательства; но нельзя не признать, что по вопросу о равенствѣ гражданъ передъ налогомъ и обложеніи податью имущественнаго класса предпочтительно передъ другими честь почина принадлежитъ никому, какъ школѣ Кенэ и тѣмъ раннимъ ея предвозвѣстникамъ, крупнѣйшимъ представителемъ которыхъ является Буагильберъ. Какое бы разнорѣчіе ни существовало между экономистами прошлаго столѣтія по вопросамъ земледѣльческой, промышленной и торговой политики, всѣ они, безъ различія школъ, примыкаютъ къ физіократическому ученію, разъ дѣло

---

[1]) Vroil. Etudes sur Clicquot-Blervache, стр. 324.

[2]) Gomel. Les causes financières de la révolution française, стр. 414.

касается вопроса о податныхъ изъятіяхъ и привилегіяхъ. Противникъ Тюрго въ вопросѣ о свободѣ хлѣбной торговли, Неккеръ сходится съ прямыми послѣдователями великаго министра-реформатора — Дюпономъ и Кондорсэ, въ требованіи отмѣнить податныя изъятія, привлечь всѣхъ гражданъ къ покрытію государственныхъ издержекъ и не допускать другихъ преимуществъ, кромѣ тѣхъ, поводъ къ которымъ даетъ бѣдность и нужда. Идея равенства гражданъ передъ налогомъ выходитъ изъ сферы теоретическихъ вопросовъ и проникаетъ въ общественное сознаніе всѣхъ сословій, обусловливая собою не встрѣчающееся въ другихъ сферахъ единогласіе дворянскихъ и церковныхъ кайе съ наказами буржуазіи, заставляя привилегированныхъ добровольно поступиться своими податными изъятіями, провозгласить въ этомъ отношеніи изополитію всѣхъ гражданъ французскаго государства. Если распространеніемъ въ средѣ избирателей напередъ заготовленныхъ образцовъ наказовъ не разъ обусловливается однообразное воспроизведеніе «тетрадями жалобъ и ходатайствъ» однихъ и тѣхъ же запросовъ, то нельзя, съ другой стороны, не объяснить одинаковаго протеста ихъ противъ существующей налоговой системы тѣмъ молчаливымъ соглашеніемъ, какое во всѣхъ классахъ вызвало новое ученіе о «естественномъ порядкѣ народнаго хозяйства». Стоитъ раскрыть любой изъ наказовъ дворянства или духовенства, чтобы вынести то впечатлѣніе, что начавшаяся задолго до революціи пропаганда подоходнаго налога, пропаганда, поведшая къ созданію такъ называемыхъ dixièmes et vingtièmes, въ связи съ ученіемъ новой экономической школы и укоренившимся сознаніемъ, что безъ расширенія основъ обложенія, государство не въ силахъ покрыть дефицита, привели въ совокупности къ тому результату, что и въ глазахъ привилегированныхъ свобода отъ подати сдѣлалась вопіющимъ злоупотребленіемъ. Упорствуя въ отстаиваніи другихъ сословныхъ преимуществъ и связанныхъ съ ними почетныхъ правъ, не желая поступиться ни крѣпостными службами и платежами, ни вотчинной подсудностью крестьянства, требуя преимущественнаго занятія собственными членами военныхъ и придворныхъ постовъ и даже особаго знака отличія для благородныхъ, дворянство въ то же время ни разу не заводитъ въ наказахъ рѣчи

объ освобожденіи его собственности отъ налоговъ, а, наоборотъ, хочетъ усиленнаго обложенія «роскошныхъ домовъ, служебной свиты, лошадей, своръ собакъ и т. п.» [1]).

Тѣ же привилегированные не разъ подымаютъ «рѣчь объ изъятіи отъ налога живущихъ своимъ заработкомъ поденьщиковъ» [2]).

Дворянство одного изъ парижскихъ избирательныхъ округовъ даже дѣлаетъ открытый призывъ ко всему сословію, приглашая его отказаться добровольно отъ «тѣхъ денежныхъ привилегій, которыя такъ отяготительны для народа и препятствуютъ установленію желательнаго единенія между всѣми частями государства» [3]).

Но если въ вопросѣ о равенствѣ гражданъ передъ налогомъ всѣ экономисты прошлаго вѣка одинаково являются выразителями новыхъ демократическихъ теченій, то на этомъ собственно и останавливается сходство предлагаемыхъ ими податныхъ реформъ. Что касается до самыхъ формъ и порядковъ обложенія, то они не въ силахъ столковаться между собою, и это разномысліе налагаетъ свою печать и на характеръ требованій, заявленныхъ наказами 1789 года. Не то, чтобы финансовая наука не сдѣлала въ прошломъ столѣтіи никакихъ успѣховъ; напротивъ того, можно сказать, что основы ея были прочно положены съ того момента, когда, благодаря физіократамъ, вполнѣ установлено было различіе чистаго и валоваго дохода и единствен-

---

[1]) См., напримѣръ, наказъ алансонскаго дворянства (Arch. Parl. т. I, стр. 715); а также наказъ духовенства въ Аміенѣ (Ibid., стр. 735); наказъ всѣхъ трехъ сословій въ Villers la-Montagne высказывается въ томъ же смыслѣ (Arch. Parl., томъ II, стр. 246); смотри также наказъ дворянства Сенъ-Кантена (Arch. Parl., т. V, стр. 852).

[2]) См. наказъ духовенства въ Нимѣ (Arch. Parl., т. IV, стр. 237 статья VII).

[3]) См. Chassin. Les élections et cahiers de Paris, томъ II, Les cahiers des départements nobles, VI-ème département, XIV-ème départ., стр. 264 и 281. Dupont de Nemours въ составленномъ имъ Tableau comparatif des demandes contenues dans les cahiers des trois ordres приводитъ огромное число наказовъ разныхъ сословій, требовавшихъ равенства обложенія какъ между сословіями, такъ и между провинціями; см. стр. 63.

нымъ предметомъ обложенія признанъ былъ доходъ чистый. Но провозгласить этотъ труизмъ—не значило еще указать тѣ способы, какими чистый доходъ всего легче и вѣрнѣе можетъ быть привлеченъ къ оплатѣ государственныхъ издержекъ. Одностороннее возрѣніе на исключительную производительность земледѣлія, ложное представленіе о томъ, что обрабатывающая промышленность и торговля не создаютъ сами по себѣ цѣнностей, что внѣ собственниковъ, фермеровъ и земледѣльцевъ, не существуетъ другихъ классовъ, кромѣ «безплодныхъ» (stériles), послѣдовательно привело физіократовъ къ тому утвержденію, что единственной статьей обложенія долженъ быть чистый доходъ, доставляемый сельскимъ хозяйствомъ. Этотъ доходъ представляетъ ту часть общей выручки, которая остается за покрытіемъ издержекъ производства, предварительныхъ затратъ и личнаго заработка фермера [1]).

Тамъ, гдѣ существуетъ система сдачи земли въ аренду, размѣръ этого чистаго заработка опредѣляется легко получаемой собственникомъ платой; это тотъ платежъ за естественную и неисчезающую производительность почвы, которую Рикардо признаетъ источникомъ земельной ренты и которую уже Тюрго, въ противность Дюпону и другимъ доктринерамъ физіократіи, считаетъ «неоплачиваемымъ даромъ природы» (revenu libre, que le propriétaire tient en grande partie du bienfait de la nature) [2]). Оживляя политическую доктрину Боссюэта и другихъ теоретиковъ абсолютизма, высказывая дорогую Людовику XIV мысль о совладѣніи короля со всѣми земельными собственниками его государства, физіократы не желаютъ видѣть въ налогѣ ничего,

---

[1]) Dans le code physique, пишетъ Mercier de la Rivière, d'après cette législation naturelle et divine il est évident que sur les produits bruts, c'est à dire, sur la masse totale des reproductions on doit d'abord prélever les reprises à faire par le cultivateur, que dans le surplus qui est un produit net, un accroissement de richesses, il ne faut pas regarder comme disponible la portion nécessaire à l'acquittement des charges de la propriété foncière; que le surplus est dans le vrai la seule partie qui puisse se partager entre le souverain et les propriétaires fonciers par la raison qu'elle est la seule dont la société puisse arbitrairement disposer. (De l'ordre naturel des sociétés politiques, стр. 467).

[2]) Turgot, Oeuvres, т. II. стр. 411 и 412.

кромѣ той доли чистаго дохода. которая причитается монарху въ силу его неограниченнаго права совладѣнія. Земельная рента должна поэтому нести весь налогъ и физіократы строютъ теорію единой земельной подати (impôt unique), измѣнчивой въ размѣрѣ сообразно возрастанію чистаго дохода (produit net) [1]), и устраняющей необходимость всякаго рода дополнительныхъ поборовъ съ ввоза и вывоза, всякихъ государственныхъ монополій, всякихъ акцизовъ и т. п. Всѣ эти налоги на потребленіе кажутся физіократамъ осужденными уже потому, что въ конечномъ результатѣ они перелагаются на собственниковъ. Не производя сами цѣнностей, а только придавая новую форму уже существующимъ и всецѣло созданнымъ сельскимъ хозяйствамъ, предприниматели, торговцы и рабочіе не имѣютъ другого источника дохода, кромѣ платы, получаемой ими отъ сельскихъ производителей. Всѣ они равно являются въ глазахъ Тюрго классами на жалованьи (salariés); обложить ихъ налогомъ значитъ потребовать отъ сельскихъ производителей такой доплаты къ этому жалованью, которая бы позволила удовлетворить требованіямъ фиска.

Отсюда осужденіе всѣхъ налоговъ на потребленіе, всѣхъ производительныхъ монополій, такъ какъ послѣдствіемъ тѣхъ и другихъ является искусственное вздорожаніе товаровъ, т. е. въ концѣ концовъ новый налогъ на то же потребленіе. При существованіи ихъ бокъ-о-бокъ съ земельнымъ налогомъ косвенные сборы являются въ глазахъ физіократовъ не болѣе, какъ добавочнымъ обложеніемъ того же чистаго дохода сельскихъ произ-

---

[1]) Le produit net est tout pour une nation, parce qn'il n'y a que cette partie de libre, et que tout ce qui est engagé à des dépenses n'est pas disponible; et le souverain qni, comme chef d'une nation agricole, a un droit incontestable au partage du produit net, a le plus grand intérêt à son accroissement. (De l'intérêt social, стр. 961). Dans l'ordre essentiel des sociétés, пишетъ въ свою очередь Mercier de la Rivière. l'impôt est le produit d'un partage dans le revenu des terres, partage qui se fait en vertu d'un droit de copropriété qui appartient au souverain (стр. 478).— L'impôt le plus naturel, le plus jnste et le plus avantageux, serait celui qui porterait exclusivement sur le produit net du sol, c'est à dire sur le revenu foncier ,говоритъ Мирабо-отецъ, tous frais de culture déduits. Théorie de l'impôt 1760 года, Loménie, Les Mirabeau, томъ II, стр. 217

водителей. Выражаясь ихъ языкомъ, эти налоги «font double emploi» [1]). Пристрастіе физіократовъ къ единому земельному налогу идетъ такъ далеко, что они не допускаютъ даже той формы обложенія, какой является налогъ на жилища. И для Тюрго, и для Летрона, домъ не можетъ подобно землѣ считаться производителемъ цѣнностей. «Сумма всѣхъ квартирныхъ платъ ни мало не увеличиваетъ массы народнаго богатства. Если плата за помѣщеніе и достигаетъ, положимъ, того же размѣра тысячи ливровъ, какую представляетъ вносимая фермеромъ аренда, то это не значитъ, чтобы эти два вида дохода не представляли глубокой разницы по своему отношенію къ народному богатству. Фермеръ извлекаетъ изъ земли платимую аренду; онъ не прибавляетъ ничего отъ себя, а только дѣлится съ собственникомъ продуктами земли; другое дѣло жилецъ—онъ не можетъ извлечь изъ дома цѣны, платимой имъ собственнику».

Изъ этого различія Летронъ дѣлаетъ выводъ, что квартирная плата представляетъ собою не доходъ, а простую затрату; обложеніе ея имѣло бы то же послѣдствіе, что и всякій налогъ на потребителя, т. е. она заставила бы сельскихъ производителей сдѣлать въ пользу квартирантовъ ту доплату, которая позволила бы имъ удовлетворить требованіямъ налога на жилище. «Квартирная плата, пишетъ онъ, не должна подлежать налогу, такъ какъ это повело бы къ тому же «double emploi», какимъ сопровождается установленіе всякаго косвеннаго сбора» [2]).

«Не можетъ быть сомнѣнія, пишетъ въ свою очередь Тюрго, что дома не даютъ дохода, который можно было бы считать

---

[1]) Tout impôt est payé par le produit des terres, говоритъ Mercier de la Rivière, tout ce que l'impôt prend sur ce produit, après le partage fait par le souverain, forme un double-emploi; tout double-emploi retombe sur les propriétaires fonciers, avec déprédation de la richesse nationale et de tout ce qui constitue la puissance politique de l'Etat. (L'ordre naturel des sociétés politiques, стр. 504 и 505).

[2]) Letrosne. Dc l'intérêt social, стр. 951.

Онъ замѣчаетъ, однако, что квартирный налогъ есть тотъ изъ видовъ косвенныхъ сборовъ, который можетъ считаться наименѣе отяготительнымъ (il n'est ni arbitraire, ni coûteux à percevoir et il n'a aucun des inconvenients des autres impôts indirects).

прибыткомъ для государства. Наемъ ихъ сопровождается чистыми издержками, которыя, подобно всѣмъ прочимъ оплачиваются продуктами земель». Если Тюрго и допускаетъ обложеніе домовъ земельнымъ налогомъ, то только подъ условіемъ, чтобы при этомъ принята была во вниманіе исключительно цѣнность занятаго ими участка, отнюдь не цѣнность самихъ зданій [1]).

Одинъ изъ недавнихъ историковъ физіократіи, Шелль [2]) говоритъ, что, при всемъ своемъ пристрастіи къ земледѣльческимъ интересамъ, физіократы на самомъ дѣлѣ стремились къ цѣлямъ, довольно близкимъ къ тѣмъ, какія ставятъ себѣ сторонники націонализаціи земель. Въ самомъ дѣлѣ, какой иной исходъ могло имѣть обложеніе земельной ренты налогомъ, постоянно увеличивающимся параллельно росту государственныхъ издержекъ и мало-по-малу поглощающимъ весь чистый доходъ собственника? Физіократы, повидимому, не предвидѣли такого послѣдствія; они не принимали въ разсчетъ, что замѣна земельнымъ налогомъ всѣхъ существующихъ доходныхъ статей казны потребуетъ отъ собственниковъ уступки значительнѣйшей доли ихъ ренты. Въ то же время они замѣчали, что существующій размѣръ ея не даетъ вѣрнаго представленія о той величинѣ, до какоѣ можетъ подняться рента при отмѣнѣ всѣхъ косвенныхъ сборовъ, платимыхъ, согласно ихъ теоріи, изъ того же чистаго дохода.

Ошибка предлагаемой физіократами податной системы выступаетъ во-очію, разъ мы поставимъ себѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ прибыль капиталистовъ и предпринимателей призвана въ ихъ схемѣ къ участію въ государственныхъ издержкахъ. Отправляясь отъ той мысли, что, за-одно съ рабочими, и предприниматели не имѣютъ другого дохода, кромѣ «жалованья» отъ сельскихъ производителей, физіократы вооружались противъ мысли обложить налогомъ промышленныя или торговыя предпріятія. Теорія, признающая, что послѣдствіемъ такой подати будетъ сокращеніе и

---

[1]) Observations sur un mémoire de M. de Saint-Peravy. Oeuvres, Turgot, т. I, стр. 423.

[2]) Du Pont de Nemours et l'école Physiocratique, стр. 85. (G. Schelle).

упадокъ мануфактуръ и обмѣна, въ правѣ считать своимъ родоначальникомъ никого иного, какъ Кенэ. «Не отъ людей зависитъ, писалъ Дюпонъ, возложить налогъ на тотъ или другой предметъ; существуетъ одинъ базисъ для обложенія, предписанный естественнымъ порядкомъ. Нельзя взимать налога иначе, какъ съ возрождающихся богатствъ, такъ какъ онъ идетъ на покрытіе возрождающихся расходовъ. Его можно взимать только съ дохода сельскихъ производителей и, подъ страхомъ пріостановки культуры, только съ чистой выручки».

Подушный налогъ, какъ и налогъ на товары, на расходы, на потребленіе, парализовалъ бы благотворное вліяніе конкуренціи, не говоря уже о другихъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ и въ частности о дороговизнѣ взиманія. «Налогъ на промышленниковъ не можетъ быть уплачиваемъ иначе, пишетъ Мерсье де ла Ривьеръ, какъ изъ ихъ заработка. Это само собой очевидно. Если послѣдствіемъ обложенія будетъ возвышеніе заработка, налогъ, очевидно, падетъ на того, кто несетъ всѣ налоги, т. е. на государя и земельныхъ собственниковъ (между которыми распредѣляется produit net.). Буде же послѣдствіемъ обложенія промышленности явится пониженіе заработковъ, участвующіе въ ней должны будутъ сократить размѣры своего потребленія, а это поведетъ необходимо къ увеличенію числа продуктовъ, не находящихъ спроса и потому не ведущихъ къ образованію цѣнностей и обогащенію націи» [1]).

Столь же пагубенъ въ глазахъ физіократовъ и всякій налогъ на торговлю, все равно—будетъ ли обложенъ имъ вывозъ или ввозъ. Въ первомъ случаѣ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ надо считать сокращеніе спроса, обезцѣненіе продуктовъ, а слѣдовательно и уменьшеніе чистой выручки. «Иноземная торговля, учитъ Летронъ, каковы бы ни были ея размѣры, имѣетъ то важное значеніе, что установляетъ прочно цѣны на продукты внутренняго рынка. Всякое стѣсненіе, всякая надбавка, всякій налогъ, взимаемый при вывозѣ, всякое посягательство на свободу конкуренціи къ невыгодѣ покупателей или лицъ, взявшихъ на себя перевозку товара, гибельны не только потому,

---

[1]) См. De l'ordre naturel des sociétés politiques, стр. 512 и 515.

что сокращаютъ районъ сбыта, но и потому, что понижаютъ цѣны на внутреннихъ рынкахъ, стоящихъ въ сообщеніи съ этими мѣстами вывоза» [1]).

Что касается до налога на предметы иностраннаго ввоза, то послѣдствіемъ его, думаютъ физіократы, будетъ увеличеніе издержекъ на потребленіе, а это вызоветъ необходимость увеличенія тѣхъ затратъ, какія сельскіе производители дѣлаютъ въ пользу непроизводительныхъ классовъ (classes stériles или classes salariées) [2]).

Какъ предсѣдатель лиможскаго общества земледѣлія, Тюрго поставилъ на очередь вопросъ о наилучшей системѣ обложенія и, когда Graslin изъ Нанта высказался въ пользу смѣшанной системы податей (прямыхъ и косвенныхъ), Тюрго въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ къ его мемуару, оттѣнилъ свое враждебное отношеніе ко всякой системѣ косвеннаго обложенія, доказывая, что налоги на потребленіе необходимо падаютъ своею тяжестью не на однихъ достаточныхъ лицъ, но и на громадную массу рабочихъ, заставляя ихъ сократить размѣры потребленія. А это ведетъ къ обезцѣненію продуктовъ земель и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ отражается невыгодно на сельскихъ производителяхъ [3]). Осужденія не избѣгли и ввозныя пошлины, взимаемыя при проходѣ продуктовъ черезъ городскія заставы, иначе говоря—octrois. «Всѣ эти налоги на потребителей, писалъ Тюрго, кажутся мнѣ зломъ. Какой бы способъ ни былъ принятъ при ихъ установленіи, они все же ложатся на чистый доходъ, поступающій отъ земледѣлія. Ихъ нельзя реформировать, ихъ можно только отмѣнить» [4]).

Отрицая возможность обложенія промышленности и торговли, физіократы, главнымъ образомъ въ лицѣ Тюрго, не допускали

---

[1]) Letrosne, De l'intérêt social, стр. 965.

[2]) L'effet indirect de l'impôt mis à l'entrée et qui consiste dans le renchérissement, est supporté en entier par la nation qui le met. (Letrosne, стр. 1006. De l'intérêt social),

[3]) Observations sur le mémoire de M. Graslin. (Turgot, Oeuvres, стр. 443, томъ I).

[4]) Turgot, Oeuvres, т. II, стр. 111. Lettre au contrôleur général l'abbé Terray, du 9 Novembre, 1772.

также обремененія налогомъ и отдаваемыхъ въ ростъ капиталовъ. Основатель физіократіи Кенэ не былъ еще убѣжденъ въ справедливости процентовъ и невозможности подавить ростъ путемъ законодательныхъ запретовъ и налагаемыхъ правительствомъ каръ. Но Гурнэ уже придерживался этого мнѣнія [1]), а Тюрго вполнѣ установилъ тотъ фактъ, что капиталистъ, отдающій деньги въ ростъ, ничѣмъ существенно не отличается отъ купца, поставляющаго на рынокъ свои товары, что и тотъ, и другой, получаютъ большую или меньшую прибыль, смотря по отношенію, въ какомъ стоитъ спросъ къ предложенію, и что поэтому тѣ возраженія, какія вызываетъ налогъ на торговцевъ, примѣнимы и къ налогу на капиталистовъ [2]).

Нѣтъ, кажется, необходимости доказывать, что вся налоговая система физіократовъ держится на положеніи: «единственный факторъ производства—сельское хозяйство; единственный источникъ обогащенія государства — увеличеніе чистаго дохода земель». Стòитъ только ввести въ число источниковъ народнаго богатства трудъ, заговорить объ увеличеніи населенія или о накопленіи движимыхъ имуществъ и капиталовъ, какъ объ условіяхъ возрастанія народнаго богатства, и сама собою падетъ та согласованность частей, та логическая связь идей, которая характеризуетъ собою физіократическую схему. Но очевидно также, что только добровольною слѣпотою можно объяснить фактъ совершеннаго опущенія родоначальниками новаго ученія труда и капитала, какъ самостоятельныхъ факторовъ народнаго производства. Въ этой слѣпотѣ нельзя уже обвинять ни Тюрго, ни Кондильяка, но тѣмъ справедливѣе будетъ на-

---

[1]) См. Eloge de Gournay, Turgot. Oeuvres t. I. стр. 276.

[2]) Le rentier est un marchand d'argent. La rente est le prix du capital. Le capital ne rapportant point par lui-même, mais seulement en vertû de la convention des contractans, un impôt sur les rentes est exactement semblable à tout impôt sur les marchandises. Si vous prenez une partie du prix de quelque marchandise que ce soit, il est évident que vous empêchez ce prix de baisser au profit de l'acheteur de tout ce que vous demandez au vendeur, C'est donc l'acheteur, lequel est ici en dernière analyse le propriétaire de fonds, qui paye l'impôt sur les rentes. (Observations sur un mémoire de M. de Saint-Péravy, стр. 422 и 423, т. I).

править противъ нихъ упрекъ въ непослѣдовательности. Въ самомъ дѣлѣ, говоря въ своемъ похвальномъ словѣ Гурнэ, что государство не имѣетъ другихъ дѣйствительныхъ богатствъ, кромѣ продуктовъ земель и предпріимчивости (industrie) жителей, что максимумъ народнаго благосостоянія будетъ достигнутъ тогда, «когда каждый арпанъ земли и трудъ каждаго индивида подымутся до апогея производительности», Тюрго тѣмъ самымъ давалъ основаніе думать, что и въ его представленіяхъ трудъ является самостоятельнымъ источникомъ народнаго богатства. Какъ иначе истолковать также слѣдующее мѣсто: «Рабочій, изготовившій кусокъ матеріи, присоединилъ къ массѣ народныхъ богатствъ новое богатство» (une richesse réelle) [1]). Неймаркъ правъ, говоря, что взгляды Тюрго существенно не расходятся въ этомъ отношеніи со взглядами Адама Смита, отождествлявшаго годовой доходъ націи съ годовымъ продуктомъ земель и труда [2]). Еще въ большей мѣрѣ можно повторить сказанное въ примѣненіи къ Кондильяку, посвящающему цѣлую главу развитію той мысли, что ремесленники увеличиваютъ массу богатствъ, и высказывающему то же положеніе по отношенію къ торговцамъ [3]).

Но это признаніе не мѣшаетъ Кондильяку за-одно съ физіократами возставать противъ всякаго другаго налога, кромѣ земельнаго, объявлять промышленность и торговлю свободными отъ обложенія и повторять нападки Мерсье и Тюрго на систему косвенныхъ сборовъ и на налоги на потребленіе [4]).

Это внутреннее противорѣчіе новой доктрины частью съ фактами экономической жизни, частью съ тѣми новыми посылками, какія болѣе внимательное отношеніе къ этимъ фактамъ заставило включить въ первоначальную физіократическую схему,

---

[1]) См. Oeuvres de Turgot, т. I, стр. 266 и 273.

[2]) См. Alfred Neymarck. Turgot et ses doctrines. T. I, стр. 369.

[3]) Condillac. Du commerce et du gouvernement a 1776. (Ch. VI); Par les échanges ce qui n'était pas richesse devient richesse. Les comercants augmentent donc la masse des richesses. (Ch., VII). Les arts augmentent la masse des richesses.

[4]) Ibid., глава XXVIII первой части, глава VI второй части, глава VIII второй части, глава XIX второй части.

открывало возможность борьбы не для однихъ только приверженцевъ меркантилизма, но и для людей, свободныхъ отъ преданности къ какимъ-бы то ни было доктринамъ и не признававшихъ надъ собою другаго повелителя, кромѣ здраваго смысла. Установивши то положеніе, что общественное благоденствіе зависитъ не отъ одной лишь величины чистаго дохода, но и отъ того, содержится-ли на его счетъ возможно большее число людей въ условіяхъ активной жизни, Форбоннэ указывалъ на необходимость избрать предметомъ обложенія всякаго рода доходъ, превышающій издержки существованія [1]).

По его мнѣнію, нельзя достигнуть того, чтобы различные виды доходовъ привлечены были къ покрытію государственныхъ тягостей иначе, какъ сохранивши систему множественности налоговъ. Форбоннэ различаетъ личную подать, взимаемую съ главъ отдѣльныхъ семействъ, подать на потребленіе и подать земельную. «Личный налогъ, пишетъ онъ, несправедливъ, если взимать его въ равномъ размѣрѣ со всѣхъ и каждаго, ибо одни едва имѣютъ необходимое, а другіе большой излишекъ. Нужно поэтому произвольно измѣнять его размѣръ сообразно обстоятельствамъ; по произволу слѣпъ и нерѣдко пристрастенъ; онъ можетъ нанести равный ударъ слабому и сильному. Трудъ поспѣшитъ скрыться, боясь встрѣтить налогъ на своемъ пути. Производство уменьшится, а если оно и останется прежнимъ, то только подъ условіемъ увеличенія заработной платы, излишекъ которой послужитъ возмѣщеніемъ за произвольное вымогательство. Но такъ какъ издержки производства не могутъ быть повышены безъ ущерба для его доходности, то, очевидно, и само производство сократится въ виду понесенныхъ имъ утратъ». На всѣхъ этихъ основаніяхъ Форбоннэ осуждаетъ систему личной подати. Налогъ на потребленіе также представляетъ свои выгоды и невыгоды. Если онъ падаетъ на предметы первой необходимости, предметы, въ которыхъ никто не можетъ себѣ отказать, онъ не только вреденъ, но и невыносимъ. Но разъ имъ обложены другіе продукты потребленія въ возрастающей прогрессіи, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ того, что можно считать

---

[1]) Principes économiques à 1767. Forbonnais, стр. 195 и 204,

необходимымъ для существованія, налогу на потребленіе нельзя будетъ отказать въ преимуществѣ «возможно справедливаго распредѣленія государственныхъ тягостей». Неудобствомъ его является необходимость большихъ затратъ на взиманіе, затратъ, возрастающихъ съ стремленіемъ внести различія въ размѣръ обложенія. Эти издержки увеличатъ сумму производимыхъ населеніемъ издержекъ. За-одно съ физіократами Форбоннэ признаетъ также другое невыгодное послѣдствіе налоговъ на потребленіе—обусловленный ими ростъ заработной платы. Но это послѣдствіе не особенно чувствительно, разъ предметы первой необходимости объявлены свободными отъ налога. «Земельная подать, думаетъ Форбоннэ, всего болѣе отвѣчала бы справедливости, но для этого необходимо дать собственникамъ право требовать бо̀льшихъ работъ за отпускаемыя ими средства къ жизни, по мѣрѣ увеличенія фискальныхъ требованій. Но это фактически невозможно, если только не допустить регламентаціи заработной платы, соотвѣтственно цѣнѣ продуктовъ и размѣру земельной подати. Такая регламентація мыслима только въ государствѣ съ ограниченной территоріей; въ большихъ же монархіяхъ, гдѣ необходима неизмѣнность налога, гдѣ не существуетъ поэтому постояннаго соотвѣтствія цѣнъ на трудъ съ платою за продукты и размѣромъ обложенія, единая земельная подать является химерой. При большомъ урожаѣ производитель не въ состояніи былъ бы удержаніемъ прежнихъ цѣнъ перенести часть налога на потребителей, наоборотъ—онъ согласится дать много, чтобы получить мало, и за вычетомъ того, что приходится государству, у него едва останется достаточно для покрытія необходимаго. При скудости урожая вычетъ того, что приходится фиску, не оставитъ въ рукахъ собственника и потребнаго ему для жизни, ибо трудъ, всегда прикованный къ минимуму средствъ существованія, не можетъ отказаться даже отъ части своего прежняго вознагражденія». Особенно неудобнымъ кажется Форбоннэ земельный налогъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ значительная часть его идетъ на плату жалованья чиновникамъ и государственнаго долга, такъ какъ ни то, ни другое, не допускаетъ пониженія вслѣдъ за уменьше-

ніемъ дохода собственниковъ; послѣдніе лишены такимъ образомъ возможности переложить на кого бы то ни было часть падающаго на нихъ излишка. Изъ этого сопоставленія земельнаго налога съ налогами на потребленіе Форбоннэ дѣлаетъ тотъ выводъ, что «въ глазахъ людей непредубѣжденныхъ комбинація поземельнаго налога съ налогомъ на потребленіе является неотложной необходимостью» [1]).

Несравненно большое вліяніе, чѣмъ только что приведенная критика, оказали на общественное мнѣніе тѣ сатирическія нападки, какимъ теорія «единаго налога» подверглась со стороны Вольтера. Нельзя сказать, чтобы написанный имъ противъ физіократовъ памфлетъ заключалъ въ себѣ сколько-нибудь серьезную постановку вопроса объ источникахъ народнаго богатства и природѣ подлежащихъ обложенію доходовъ. Но онъ, какъ нельзя ярче, оттѣнилъ односторонность той схемы, въ которой милліонеръ-капиталистъ признавался свободнымъ отъ всякаго платежа въ то время, какъ собственникъ съ доходомъ въ 40 экю долженъ былъ дѣлиться имъ съ государствомъ.

Вольтеръ предполагаетъ вступленіе физіократовъ въ министерство и обнародованіе ими ряда эдиктовъ, въ которыхъ ихъ теорія единаго налога становится обязательнымъ для гражданъ закономъ. Осмѣивая ученіе о совладѣніи монарха со всѣми собственниками королевства, Вольтеръ въ слѣдующей шутливой формѣ передаетъ ея содержаніе. «Законодательная и исполнительная власть, значится въ немъ, въ силу Божескаго закона является совладѣльцемъ моей земли и въ правѣ требовать отъ меня половину того, что мнѣ нужно въ пищу. Необъятность ея желудка заставила меня перекреститься. Что будетъ со мною, подумалъ я, если естественный порядокъ человѣческихъ обществъ потребуетъ отъ меня всего моего дохода. Что мѣшаетъ, въ самомъ дѣлѣ, такому порядку считаться еще болѣе Божественнымъ? Новые министры утверждаютъ, что налогу должна подлежать одна земля, такъ какъ все происходитъ отъ земли, не исключая, вѣроятно, и дождя. Одинъ изъ ихъ чиновниковъ во время послѣдней войны потребовалъ отъ меня три сетье ржи

---

[1]) Ibid., стр. 205, 208 и 211.

и мѣшокъ бобовъ, всего на сумму въ двадцать экю, говоря, что такова доля, слѣдуемая государству. Такъ какъ у меня не было ни того, ни другого, всего же менѣе денегъ, законодательно-исполнительная власть бросила меня въ тюрьму и стала воевать, какъ могла. Отъ меня оставались только кожа да кости, когда по выходѣ изъ заключенія я встрѣтилъ ѣхавшаго шестерней пухлаго розоваго малаго, съ шестью лакеями, изъ которыхъ каждый получалъ жалованья вдвое больше моего дохода. Онъ сознался мнѣ, что его годовая рента не меньше 400,000 ливровъ. «Вы, слѣдовательно, отдаете государству двѣсти тысячъ», сказалъ я. «Съ чего вы взяли?» отвѣтилъ онъ: «стану я платить на издержки государства; вы, очевидно, смѣетесь надо мной; вѣдь все, что я имѣю, унаслѣдовано мною отъ дядюшки, нажившаго 8 милліоновъ въ Кадиксѣ и Суратѣ. У меня нѣтъ пяди земли, а слѣдовательно, мнѣ нечего платить налога; это ваше дѣло, господинъ земельный собственникъ; еслибы министръ финансовъ вздумалъ потребовать отъ меня налога, его слѣдовало бы признать безумцемъ, неспособнымъ къ правильному мышленію: вѣдь все происходитъ отъ земли, деньги и банковые билеты только гарантія обмѣна. Еслибы при существованіи единой подати съ урожаевъ вздумали требовать отъ меня денегъ, это повело бы къ двойному побору (double-emploi)» [1]).

Что критика Вольтера не прошла безслѣдно для составителей наказовъ 1789 года, въ этомъ убѣждаетъ уже тотъ фактъ, что въ тѣхъ изъ нихъ, которые не считаютъ нужнымъ высказаться въ пользу единой земельной подати, обложеніе капиталистовъ всегда предлагается въ формѣ налога на роскошь, обыкновенно даже въ болѣе конкретномъ видѣ—налога на экипажи, на лошадей, на лакеевъ и т. п. Такъ, напримѣръ, духовенство Труа, высказывая въ общемъ желаніе, чтобы генеральные штаты привлекли капиталистовъ и коммерсантовъ къ платежу государственной подати «съ соблюденіемъ справедливости и отсутствіемъ произвола», спѣшатъ прибавить: «желательно установ-

---

[1]) См. L'homme aux quarante écus. Изд. 1785 г. (Oeuvres complètes de Voltaire), стр. 128.

леніе законовъ о роскоши и налога на тѣхъ, кто держитъ чрезмѣрное число лакеевъ» [1]). Среднее сословіе Канна повторяетъ то же требованіе, указывая и путь, какому должно слѣдовать при созданіи этого новаго вида обложенія. «Необходимо, значится въ кайе, установить родъ поголовнаго сбора (capitation) со всѣхъ слугъ, курьеровъ и лакеевъ, къ какому бы полу они не принадлежали. Налогъ уплачивается лицомъ, нанявшимъ ихъ, при томъ такимъ образомъ, что за втораго служителя взимается въ два раза больше, чѣмъ за перваго, а за третьяго въ три раза и т. д. Земледѣльцы, прикащики и мануфактурные рабочіе одни, разумѣется, не даютъ повода къ такому обложенію» [2]). Подобнаго рода мѣра была уже предложена генеральнымъ контролеромъ Силуетъ въ 1759 году, но въ болѣе общей формѣ налога на всякаго рода предметы роскоши, какъ-то: на золотую и серебряную посуду, на лошадей и экипажи, на галуны, шелка и бархаты и даже на входившія въ это время въ моду крашеныя полотна [3]). Неудивительно поэтому, если въ наказахъ не разъ упоминается имя перваго министра, серьезно задавшагося мыслью объ обложеніи роскоши налогомъ [4]).

Среднее сословіе Суассона идетъ еще далѣе въ требованіи налога за прислугу. Оно желало бы на ряду съ прогрессивной таксой, сообразно числу служащихъ, установить такой же сборъ съ лицъ, пользующихся трудомъ подмастерій, писцовъ, прикащиковъ и прикащицъ, приставовъ и адвокатовъ. Къ предметамъ роскоши оно относитъ также собакъ и требуетъ трехфранковаго сбора за каждую. Исключеніе дѣлается только по отношенію къ собакамъ пастуховъ [5]). Среднее сословіе Сенъ-Кантена вмѣстѣ съ налогомъ за прислугу требуетъ обложенія экипажей, носилокъ, лошадей и собакъ. Въ томъ же смыслѣ высказывается и

---

[1]) Arch. Parl., томъ VI, стр. 72 и 73.

[2]) Arch. Parl., томъ VI, стр. 110, статья 119,

[3]) Les causes financières de la révolution française par Charles Gomel, стр. 11.

[4]) Arch. Parl., томъ VI, стр. 110, статья 119.

[5]) Ibid., стр. 697, статьи 32, 33, 34.

дворянство той же области [1]). Среднее сословіе Реймса стоитъ также за налогъ на прислугу; оно видитъ въ немъ средство затормозить то движеніе, которое влечетъ сельскихъ обывателей въ города, нанося тѣмъ существенный вредъ земледѣлію. Предлагаемый сборъ можетъ оказать услугу еще въ томъ смыслѣ, что на немъ будетъ испробована возможность привлечь къ несенію государственныхъ тягостей такъ трудно поддающійся обложенію капиталъ [2]). Та же забота о соразмѣрности налога съ достаткомъ побуждаетъ нѣкоторые наказы воспроизвести предложеніе уже упомянутаго нами генеральнаго прокурора Силуетъ [3]) и заговорить объ усиленномъ обложеніи холостяковъ. Это требованіе составляетъ довольно обычную черту въ кайе всѣхъ трехъ сословій; о немъ говоритъ дворянство Божоле и Виллеръ-Коттере [4]), среднее сословіе Форкалкье [5]), Кемпера [6]) и Эльбефа [7]); особенно популяренъ этотъ налогъ въ приходахъ, какъ видно изъ наказовъ нѣкоторыхъ общинъ Прованса [8]), тіонвильскихъ купцовъ [9]), сосѣднихъ къ Парижу городовъ и бурговъ [10]).

Можно встрѣтить въ наказахъ и болѣе серьезныя мѣры къ обложенію капиталистовъ. Хотя рядъ кайе раздѣляетъ убѣжденіе физіократовъ, что всякій налогъ на процентныя бумаги неизбѣжно ведетъ къ эмиграціи капиталовъ, тѣмъ не менѣе многіе предлагаютъ обложеніе доставляемаго ими дохода высо-

---

[1]) Arch. Parl., томъ V, стр. 656 и 652.

[2]) Arch. Parl., томъ V, стр. 533, статья 68. Смотри также нѣкоторые приходскіе наказы, напримѣръ, наказы прихода Мулиньонъ (Moulignon), т. IV, стр. 742; прихода Saint-Gratien (т. V, стр. 83), Saint-Morice-Mont-Couronne (т. V, стр. 94), а также наказъ средняго сословія Дюнкирхена (томъ II, стр. 182) и Блуа (томъ II, стр. 390), Лиможа (т. III, стр. 571) и Макона (томъ III, стр. 632).

[3]) Gomel. стр. 11.

[4]) Arch. Parl., т. II, стр. 282, статья VIII.

[5]) Томъ III, стр. 334.

[6]) Томъ V, стр. 515.

[7]) Томъ V, стр. 621.

[8]) Communauté des Arcs, сенешоссея Драгиньяна, т. III. стр. 262; т. IV, стр. 307.

[9]) Томъ III, стр. 783.

[10]) Томъ IV, стр. 463; томъ V, стр. 165; томъ VI, стр. 687.

кимъ поборомъ [1]). Большинство ограничивается однако общимъ пожеланіемъ, чтобы правительство озаботилось привлеченіемъ капиталистовъ къ оплатѣ государственныхъ издержекъ [2]). Преслѣдуя ту же цѣль, нѣкоторые наказы подымаютъ рѣчь объ установленіи штемпельнаго сбора съ акцій, выпускаемыхъ Caisse d'escompte [3]), а также со всякаго рода дипломовъ и актовъ, устанавляющихъ пенсіи и т. п. [4]).

Въ этомъ запросѣ отражается вліяніе, оказанное на общественное мнѣніе проэктомъ Калонна объ установленіи штемпельнаго сбора. Онъ предложенъ былъ собранію нотаблей 1787 г. Сбору должны были подвергнуться всякаго рода договоры и соглашенія, какъ-то: купчія крѣпости, арендные контракты и, рядомъ съ этимъ, разнаго рода письменные документы и счеты; такъ, напримѣръ, квитанціи, удостовѣряющія полученіе денегъ, опекунскіе отчеты и т. п.[5]). Это предложеніе встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны парижскаго парламента, и одинъ изъ членовъ его, Семонвилль, выразилъ общее недовольство, говоря: «мѣновыя сдѣлки требуютъ довѣрія, секрета, свободы и быстроты. Предлагаемый налогъ лишаетъ ихъ всѣхъ этихъ необходимыхъ горантій» [6]).

Неуспѣхъ проекта Калонна не помѣшалъ, однако, нѣкоторымъ дворянскимъ наказамъ возобновить его, какъ средство къ обложенію торговыхъ и промышленныхъ классовъ. Вообще при чтеніи ихъ выносишь то представленіе, что въ отпоръ на заявленный среднимъ сословіемъ протестъ противъ податныхъ изъятій,

---

[1]) Такъ поступаетъ, напримѣръ, дворянство Лиможа (т. III. стр. 568, статья 12). См. томъ II, стр. 592; томъ V, стр. 528, статья 55.

[2]) См. Cahier средняго сословія бальажа Везуль (томъ II, стр. 776, статья 65). Cahier средняго сословія Гвіенны (томъ II, стр. 398); т. III, стр. 619; см. также т. IV, стр, 345; т. V, стр. 236. 323, 354, 453, 489.

[3]) Arch. Parl., томъ IV, стр. 728.

[4]) Arch. Parl., томъ IV, стр. 214.

[5]) Stourm. Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution. Томъ I, стр. 447.

[6]) De la nécessité d'assembler les états généraux dans les circonstances actuelles et de l'inadmission du timbre. Fragment du discours de M. de Sémonville Conseiller du Parlement (стр. 9).

какими пользовалось дворянство, привилегированное сословіе предложило распространить равенство передъ налогомъ и на высшіе слои буржуазіи, составленные изъ крупныхъ промышленниковъ, торговцевъ и капиталистовъ, однимъ словомъ, владѣльцевъ слабо обложенныхъ и совершенно свободныхъ отъ налога движимыхъ богатствъ. Это впечатлѣніе получается и при чтеніи нѣкоторыхъ политическихъ памфлетовъ, вышедшихъ изъ среды дворянства и призванныхъ дать выраженіе его точкѣ зрѣнія на поставленные временемъ вопросы. «Сравните, значится въ одномъ изъ нихъ, то, что платитъ такъ называемое привилегированное сословіе, съ тѣмъ, что несетъ въ казну богатый финансистъ, черезъ руки которого, какъ откупщика, проходятъ доходы государства, негоціантъ, обмѣнивающій богатства Стараго и Новаго свѣта, фабрикантъ, облагающій поборами гоньбу за модами и чванство, нотаріусъ, создающій въ нѣсколько лѣтъ громадное состояніе, или адвокатъ, обогащающійся на счетъ своихъ кліентовъ. Если всѣ граждане должны нести налогъ сообразно своимъ платежнымъ способностямъ, то ни одна изъ этихъ профессій не должна быть свободной отъ него, а обязана уплачивать его въ размѣрѣ, отвѣчающемъ ея заработку. Справедливо-ли возлагать подать только на того, чье состояніе легко можетъ быть констатировано, такъ какъ оно представлено бросающимися въ глаза землями и домами? Справедливо-ли, чтобы рядомъ съ дворянами, платящими налогъ, утопающіе въ богатствахъ и роскоши буржуа не несли ничего или почти ничего въ государственную казну? Трудно, говорятъ, опредѣлить размѣръ ихъ обложенія. Найдите только способъ принужденія ихъ къ платежу, и легко будетъ включить ихъ въ число лицъ, обложенныхъ пропорціонально ихъ богатству. Только увѣренность въ томъ, что они способны избѣжать всякихъ пожертвованій въ пользу государства, побуждаетъ этихъ людей, далеко превосходящихъ своимъ достаткомъ членовъ дворянскаго сословія, высказываться въ пользу равенства всѣхъ предъ налогомъ» [1]).

---

[1]) Façon de voir d'une bonne vieille qui ne radote pas encore (стр. 65). (Британскій музей, собраніе памфлетовъ, относящихся къ исторіи французской революціи, томъ 80).

При внимательномъ отношеніи къ дворянскимъ наказамъ не трудно вывести то заключеніе, что въ нихъ невыгоды единаго земельнаго налога встрѣчаютъ столь же, если не болѣе суровую оцѣнку, что и въ наказахъ сельскихъ бальажей. Указывая на то, что въ тѣхъ, которые редактированы были въ провинціи, вдали отъ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, поземельный налогъ встрѣчаетъ слабую поддержку, Дюбуа де-Крансэ справедливо связываетъ этотъ фактъ съ составленіемъ ихъ наиболѣе зажиточными сельскими хозяевами [1]). Тѣмъ же соображеніемъ приходится объяснить враждебность, съ какой дворянство Амона (Amont), напримѣръ, относится къ проекту impôt unique et territorial, объявляя, что послѣдствіемъ его будетъ гибель земледѣлія—этого перваго источника силы для государства [2]). Наоборотъ, города, въ родѣ Эвре и Форкалкье, открыто высказываются въ пользу такого налога [3]).

Еще въ одномъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить уклоненіе наказовъ отъ взглядовъ, высказанныхъ физіократами. Мы видѣли, что Тюрго и Летронъ одинаково говорятъ противъ обложенія домовъ и требуютъ, чтобы при опредѣленіи налога принималась въ расчетъ только цѣнность занятой строеніемъ земельной площади; наказы 1789 года, наоборотъ, почти единогласно высказываются въ пользу обложенія жилищъ; только тѣ зданія, по-

---

[1]) La plupart des cahiers des baillages s'opposent à l'établissement de l'impôt territorial. Je le sais, mais par qui ont-ils été rédigés? Par les plus opulents cultivateurs des communautés (Vues patriotiques d'un laboureur par Dubois de Crancé de Belham, député à l' assemblée Nationale Paris 1790. Британскій музей. Tracts. B. 772 стр. 3. Въ нѣкоторыхъ наказахъ встрѣчается даже попытка критической оцѣнки теоріи единаго земельнаго налога; такъ, напримѣръ въ наказѣ города Байоны: Le projet des économistes sur l'impôt n'est pas soutenable; ils croient que si l'on percevait l'impôt sur les productions de la terre, il en résulterait des changements de prix qui feraient payer l'impôt par les salariés et capitalistes. Aucun de leurs ouvrages ne prouve cette proposition, sans laquelle le système s'écroule promptement; mais on peut leur prouver qu'elle est fausse. (Arch. Parl., томъ III, стр. 105).

[2]) Arch. Parl., томъ I, стр. 766.

[3]) Arch. Parl., томъ III, стр. 301, 349.

лагаютъ нѣкоторые изъ нихъ, должны быть свободны отъ платежа, которыя не доставляютъ собственникамъ никакого дохода [1]).

Приходскіе кайе стоятъ даже за то, чтобы налогомъ обложены были не одни городскія, но и сельскія усадьбы и, заодно съ замкомъ, прилегающій къ нему садъ и паркъ [2]). Такимъ образомъ, еще въ наказахъ намѣченъ проектъ будущаго налога на двери и окна; нѣкоторые кайе прямо рекомендуютъ этотъ именно способъ опредѣленія размѣра падающей на жилища подати. Такъ поступаетъ, напримѣръ, дворянство Сенъ Кантена [3]) и дворянство Верманду [4]).

Нельзя также сказать, чтобы физіократамъ удалось породить въ составителяхъ наказовъ рѣшительное нерасположеніе къ подушной подати и косвеннымъ налогамъ. Неккеръ и Форбоннэ, не даромъ доказывали, что «существованіе рядомъ налоговъ на производство и на потребленіе дѣлаетъ государственную казну менѣе зависимой отъ урожая» [5]), что косвеннымъ налогамъ нельзя отказывать въ преимуществѣ быстроты взиманія и неощутительности самаго платежа [6]).

Въ наказахъ 1789 года, заодно съ ходатайствами объ изъятіи отъ налога предметовъ первой необходимости (matières premières) [7]), встрѣчается требованіе объ увеличеніи налога на кофе, иностранныя вина и ликеры, на бѣлила, румяна и другіе, какъ значится, предметы роскоши [8]).

Вся вообще система косвенныхъ сборовъ находитъ со стороны составителей кайе слѣдующую защиту, невольно вызывающую въ умѣ память о томъ, что сказано было въ ея пользу Форбоннэ. «Налогъ на одну землю можетъ парализовать рвеніе сельскаго хозяина; не мѣшаетъ перенести часть государствен-

---

1) См. Arch. Parl., томъ V, стр. 221, статья 28.

2) Arch. Parl., томъ V, стр. 28, статья 6 и 7; стр. 454, статья 35; стр. 559, статья 3.

3) Arch. Parl., томъ V, стр. 652.

4) Томъ VI, стр. 142.

5) См. Неккеръ De l'administration des finances, petite édition originale, Лозанна, 1785 года, томъ I, глава VII, стр. 119 и 120.

6) Forbonnais. Principes économiques, стр. 209 и 210.

7) Cahiers du tiers-état de Meudon. Arch. Parl., томъ IV, стр. 710.

8) Arch. Parl., томъ IV, стр. 339, статья 24.

наго бремени на предметы ввоза. Не всѣ продукты потребленія подлежатъ подати. Предметы первой необходимости остаются свободными отъ нея, но ею обкладываются предметы роскоши, какъ-то: иностранныя вина, ликеры, сахаръ, кофе, пряности. Разъ эти предметы будутъ подлежать налогу, бремя его въ значительной мѣрѣ переложено будетъ на иностранцевъ и на лицъ зажиточныхъ» [1]). Вліяніе Форбоннэ сказывается также въ желаніи сохранить наряду съ косвенными налогами и налогъ личный,—желаніи, выраженіе которому можно найти, напримѣръ, въ наказѣ тулузской сенешоссеи [2]). Вообще можно сказать, что ученіе о необходимости замѣнить всѣ существующіе налоги единымъ поземельнымъ сборомъ нашло сравнительно слабую поддержку въ средѣ избирателей; членъ Учредительнаго собранія Камюсъ даетъ скорѣе выраженіе собственнымъ взглядамъ, нежели тѣмъ, которыхъ держалось большинство его товарищей, когда говоритъ, что депутаты желали установленія единаго налога на землю и что одна только необходимость заставила ихъ сохранить систему косвенныхъ сборовъ [3]).

§ 2.

Если вліяніе физіократовъ едва замѣтно въ дѣлѣ созданія новой налоговой системы, то никто болѣе ихъ не содѣйствовалъ укорененію въ обществѣ прошлаго вѣка критическаго отношенія къ существующей податной организаціи. Выставленное ими впервые ученіе о томъ, что обложенію подлежитъ только чистый доходъ, produit net, одно уже заключало въ себѣ полное осужденіе не только taille и capitation, но и церковной десятины.

---

[1]) Кайе ангулемскаго дворянства. Arch. Parl., томъ II, стр. 4.

[2]) Arch. Parl., томъ VI, стр. 37.

[3]) Les principes veulent, говорилъ Camus, l'établissement d'une contribution uniforme, égale, modérée sur les facultés évidentes et reconnues... Les principes établissent les contribntions directes; la nécessité éxige les contributions indirectes. (Laferriére въ Histoire des principes et des lois révolutionaires, стр. 37, приводитъ этотъ отрывокъ изъ Notice des principaux décrêts rendus par l'assemblée constitueute sur les matiéres les plus importantes par Camus, стр. 24).

Всѣ эти налоги взимаемы были съ общей массы продуктовъ безъ всякаго отношенія къ тому, въ какой мѣрѣ часть общей выручки идетъ на покрытіе сдѣланныхъ сельскимъ хозяиномъ затратъ. Задолго до редакціи наказовъ 1789 года Тюрго высказывалъ открыто свое осужденіе существующей во Франціи системѣ прямыхъ податей, говоря, что онѣ падаютъ не на землевладѣльцевъ, а на земледѣльцевъ, и не на зажиточныхъ, а на бѣдныхъ [1]). Девятаго іюня 1768 года палата денежныхъ сборовъ въ Парижѣ высказывала въ своихъ ремонстраціяхъ тотъ же взглядъ на несовершенство того на половину личнаго, на половину земельнаго налога, какимъ являлась такъ называемая taille. «Всѣ смотрятъ на нее, какъ на самую тяжкую форму обложенія; бремя ея падаетъ на бѣднѣйшихъ и полезнѣйшихъ гражданъ; произволъ управляетъ ея взиманіемъ; taille подкашиваетъ въ корнѣ всякое соревнованіе, всякую предпріимчивость, такъ какъ послѣдняя нерѣдко служитъ причиной усиленнаго обложенія». Недостатки этой прямой подати сознаваемы были, впрочемъ, задолго до возникновенія физіократіи. Вобанъ доказывалъ еще въ концѣ царствованія Людовика XIV, что благодаря произвольной разверсткѣ и податнымъ изъятіямъ, не всегда оправдываемымъ закономъ, но поддерживаемымъ фаворитизмомъ и экономической зависимостью сборщиковъ-крестьянъ отъ сеньеровъ, одинъ беззащитный половникъ и батракъ несетъ на своихъ плечахъ всю тяжесть налога, тогда какъ фермеръ, покровительствуемый собственникомъ, облагается сборщикомъ несоразмѣрно низко [2]).

Эта подать ложилась тѣмъ большимъ бременемъ на сельскихъ жителей, что призванные къ ея взиманію выборные изъ крестьянства связаны были круговою порукою и, подобно римскимъ декуріонамъ, должны были платить за недоимщиковъ. Не считая возможнымъ сразу измѣнить существующую систему прямыхъ

---

1) Il faut convenir qu'une partie des inconvénients de l'imposition actuelle vient de ce qu'elle ne porte pas sur les propriétaires, mais sur les cultivateurs et sur les misérables habitants de la campagne. (Plan d'un mémoire sur les impositions). Oeuvres de Turgot, éd. par Daire, томъ I, стр. 408.

2) Vauban. La dîme royale, стр. 24.

налоговъ. Тюрго постарался, по крайней мѣрѣ, произвести реформу въ порядкѣ ихъ взиманія и началъ съ отмѣны круговой поруки. Неккеръ пошелъ по его слѣдамъ и облегчилъ чрезмѣрно обложеннымъ доступъ къ судамъ, освободивъ ихъ отъ всякихъ пошлинъ. Но эта мѣра была не болѣе, какъ палліативомъ, и при томъ столь же недостаточнымъ, какъ и все придуманное къ тому, чтобы упорядочить самые способы разверстки и взиманія, усиливая контроль правительства, замѣняя избранныхъ сборщиковъ назначенными свыше коммиссарами. Общественное мнѣніе не остановилось на этихъ полумѣрахъ и наказы 1789 года осудили огуломъ всю систему прямаго обложенія. Почти всѣ ходатайства, касающіяся установленія новыхъ налоговъ, начинаются съ категорическаго заявленія о необходимости отмѣнить taille и взимаемые за-одно съ нею добавочные сборы. Исключеніе составляютъ тѣ мѣстности, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Лангедокѣ, taille издавна перенесена была на землю, изъ личной сдѣлалась реальной. «Эти провинціи, читаемъ мы въ наказѣ городскаго округа Ланжонъ, представляютъ образцы равномѣрности и единообразія въ разверсткѣ,— образцы, которые бы не мѣшало принять въ разсчетъ при реформѣ налоговъ» [1]).

Включеніе въ наказы требованія объ отмѣнѣ taille настолько является всеобщимъ, что въ предѣлахъ одного Лаонскаго бальажа можно насчитать до пятидесяти приходовъ, высказавшихся въ этомъ смыслѣ [2]) Единогласія легко было достигнуть уже потому, что во многихъ изъ тѣхъ программъ, которыя разосланы были по всей Франціи и послужили образцомъ при составленіи мѣстныхъ кайе, отмѣна taille рекомендуется, какъ неотложная роформа [3]). Вліяніе, какое въ этомъ отношеніи оказала проповѣдуемая экономистами доктрина, выступаетъ уже изъ того, что въ многихъ мѣстностяхъ обложеніе налогомъ

---

[1]) Arch. Parl., томъ II. стр. 269.

[2]) Cahiers du tiers état de Laon par A. Combier, стр. 109. См также Cahiers des paroisses dans le département de la Somme, отпечатанные въ 1-мъ томѣ. Documents pour servir à l'históre de la révolution въ этомъ департаментѣ, стр. 39, 73, 117.

[3]) Baillage de Vermandois. (Elections aux états généraux de 1789. Laon, par Ed. Fleury; 1872, стр. 123).

землевладѣльцевъ, а не земледѣльцевъ, признается необходимымъ критеріемъ всякой разумной подати [1]).

Равному осужденію съ taille, и на томъ же основаніи, подвергаютъ физіократы и церковную десятину. И она, по ихъ вѣрному замѣчанію, падаетъ не на чистый доходъ, а на валовую выручку. «Первый недостатокъ деесятины, пишетъ Тюрго, лежитъ въ томъ, что при ней не принимаются во вниманіе издержки обработки. Возможенъ случай, въ которомъ десятая часть валоваго дохода превышаетъ весь чистый. Въ самомъ дѣлѣ, если для обработки арпана хлѣба, дающаго десять сетье, потребуется затрата, равная цѣнности девяти сетье, десятина отыметъ у земледѣльца всю его прибыль; нельзя считать невозможной подобную комбинацію, такъ какъ надежда получить одинъ сетье чистаго дохода можетъ служить еще совершенно достаточнымъ стимуломъ для предпріимчивости». Другой недостатокъ десятины, продолжаетъ Тюрго, лежитъ въ томъ, что она падаетъ не на одного собственника, но и на воздѣлывателя (elle peut entamer la part du cultivateur). Согласно физіократической теоріи, всѣ продукты полей поступаютъ въ руки земледѣльца, который дѣлаетъ изъ нихъ вычетъ въ пользу собственника, и только этотъ вычетъ, представляющій собою ренту, подлежитъ обложенію налогомъ; но при взиманіи церковной десятины землевладѣльцу приходится поступиться частью своей валовой выручки раньше отчисленія слѣдуемой собственнику ренты. Легко предвидѣть случай, когда за вычетомъ десятины у земледѣльца не окажется возможности уплатить ренту иначе, какъ посягая на ту часть валовой выручки, которая представляетъ его собственный заработокъ и затраты на обработку [2]). «Церковная десятина, пишетъ съ своей стороны Дюпонъ, такъ же часто стоитъ въ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ доходомъ земель, сколько можно насчитать различ-

---

[1]) Cahiers de doléances de 1789 dans le département du Pas-de-Calais par H. Loriquet, томъ I, стр. 63, 267; въ cahiers средняго сословія Аррасa говорится, напримѣръ: Que pour l'avenir les impôts ne puissent être qu'à la charge des propriétaires, quoique le contraire soit stipulé par les baux.

[2]) Plan d'un mémoire sur les impositions. (Turgot. Oeuvres, томъ I, стр. 404.

ныхъ сортовъ почвы и различныхъ размѣровъ урожая» [1]). Это заявленіе покажется намъ вполнѣ справедливымъ, если мы примемъ во вниманіе различіе культуры, существующее между провинціями, державшимися еще стариннаго трехполія и даже двухполія, и тѣми, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, во Фландріи, установилась уже система плодоперемѣннаго хозяйства. Въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ съ особенной наглядностью выступало другое неудобство церковной десятины, на которое въ свою очередь указано было физіократами. Подобно taille, она парализовала предпріимчивость, препятствуя, напримѣръ, успѣхамъ травосѣянія, съ котораго церковь, не получавшая никакой доли въ покосѣ природныхъ луговъ, повсемѣстно требовала десятины. Это обстоятельство особенно часто принимается въ разсчетъ какъ авторами брошюръ, такъ и составителями наказовъ. И тѣ, и другіе, одинаково нападаютъ на такъ называемыя vertes dîmes, а также на dîmes du sang., десятину съ прироста стадъ. Въ число бичей земледѣлія публицисты 1789 года включаютъ распространеніе церковной десятины съ четырехъ породъ хлѣба, первоначально ей подчиненныхъ (пшеница, рожь, ячмень, овесъ, замѣняемый кое-гдѣ гречихой, а въ провинціяхъ винодѣльныхъ—виномъ), на искусственные луга, на овецъ и домашнюю птицу. Они отмѣчали странное разнообразіе, какое въ отношеніи къ взиманію слѣдуемого церкви взноса, представляли между собою не только отдѣльныя провинціи, но и отдѣльныя села и мѣстечки одной и той же провинціи. «Что дозволено въ районѣ одного парламента, то запрещается въ районѣ другого. Всякая мѣстность слѣдуетъ своимъ обычаямъ, а если въ составъ селенія входитъ нѣсколько хуторовъ, каждый хуторъ имѣетъ нерѣдко свои особые порядки». По словамъ составителей брошюръ, церковная десятина не только парализуетъ предпріимчивость, но ведетъ къ двойному обложенію однихъ и тѣхъ же предметовъ. Требуя десятой части прироста стадъ и одновременно соотвѣтственнаго вычета изъ сѣна, она, по ихъ мнѣнію, облагаетъ полеводство двойнымъ поборомъ [2]).

---

[1]) Schelle, стр. 86.

[2]) Les fléaux de l'agriculture, ouvrage pour servire à l'appui des cahiers de doléances des campagnes, 10 Avril 1789. (Британскій музей Bibliothèque historique de la révolution, 473, 475).

Въ наказахъ повторяются тѣ же сѣтованія. «Церковная десятина, значится, напримѣръ, въ кайе средняго сословія Saint-Sauveur le vicomte, самый тяжкій изъ всѣхъ поборовъ. Она отымаетъ нерѣдко пятую часть чистой выручки; такого размѣра она достигла, благодаря тому, что ея взиманіе распространено было на травосѣяніе, огородничество, садоводство; необходимо поэтому возстановить прежнюю ея величину, отмѣнивши всѣ необычайные ея виды (dimes insolites) [1]).

Въ Бретани среднее сословіе протестуетъ въ частности противъ обложенія десятиной приплода овчарень и шерсти. Чтобы парализовать тормозящее вліяніе, какое она оказываетъ на предпріимчивость земледѣльца, кайе динанской сенешоссеи требуетъ освобожденія отъ десятины вновь поступающихъ подъ обработку полей [2]). Среднее сословіе Дуэ желало бы ограничить сборъ ея четырьмя обычными породами хлѣба. Оно ходатайствуетъ объ изданіи закона, которымъ установленъ былъ бы неизмѣнный размѣръ ея для всего королевства; въ настоящее же время, жалуются избиратели, въ нѣкоторыхъ общинахъ поборъ въ пользу церкви равняется тринадцатому или двѣнадцатому снопу. Все подлежитъ ему, даже сѣмена. Во Фландріи ленъ и конопля несутъ десятину [3]). Въ нижнемъ Лимузенѣ, какъ и въ Ниверпэ и Иль-де-Франсъ, предметомъ жалобъ служатъ всякаго рода dimes insolites съ мяса и шерсти, при чемъ ставится на видъ, что земледѣльческій скотъ уже отбылъ свою повинность по отношенію къ церкви, доставивши навозъ и обезпечивъ оранку поставляющихъ десятину полей [4]). Отмѣтимъ, однако, тотъ фактъ, что ни въ одномъ изъ приведенныхъ ходатайствъ не упоминается о необходимости совершеннаго

---

[1]) Arch. Parl. Томъ III, стр. 67.

[2]) Ibid., стр. 149.

[3]) Ibid., стр. 187, 206 и 209.

[4]) Arch. Parl., томъ III, стр. 541; томъ IV, стр, 259, 311, 328, 503, 638, 726, 772. Въ cahiers прихода Энери значится по этому случаю: „la dîme est prise sur leur travail et leur travail procure les productions qui la payent; la dîme se trouve donc payée deux fois. См. также Loriquet. Cahiers du Pas-de-Calais, томъ I, стр. 120, 174, 182, 192, 230; томъ II, стр. 226, 418, 441, 490.

упраздненія десятины. Національное собраніе пошло далѣе наказовъ, отмѣнивъ ее вполнѣ.

Рѣдкій налогъ подвергался болѣе рѣзкимъ и заслуженнымъ нападкамъ, чѣмъ налогъ на соль. По вычисленіямъ Летрона, къ которому присоединяется въ этомъ вопросѣ и Кондильякъ [1]), налогъ на соль стоилъ ежегодно плательщикамъ его 100 милліоновъ, но изъ этихъ ста только 45 поступали въ казну [2]). Еще въ правленіе Людовика XV Дюпонъ де-Немуръ предлагалъ Шуазелю отмѣну соляной монополіи, и то же предложеніе повторено было имъ въ 1787 году, въ моментъ созванія нотаблей [3]). Но никто больше Неккера не содѣйствовалъ укорененію въ обществѣ того воззрѣнія, что если не совершенная отмѣна, то, по крайней мѣрѣ, радикальная реформа солянаго налога дѣло первой необходимости. «Нельзя, пишетъ онъ въ своемъ трактатѣ объ администраціи французскихъ финансовъ, не высказать искренняго соболѣзнованія о томъ, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ одинъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ потребленія, который природа расточила въ странѣ съ такой щедростью, почти недоступенъ населенію». На основаніи сдѣланнаго имъ изслѣдованія о размѣрѣ и порядкѣ взиманія солянаго сбора, Неккеръ приходитъ къ заключенію, что отяготительность gabelle зависитъ отъ ея неравномѣрности [4]). «Въ трети государства, пишетъ онъ, благодаря ей, квинталъ соли стоитъ отъ 60 до 65 ливровъ; въ другой трети отъ 20 до 30 ливровъ, наконецъ, цѣлая треть Франціи совершенно свободна отъ солянаго налога». Причина такого разнообразія лежала въ провинціальномъ сепаратизмѣ, въ тѣхъ мѣстныхъ вольностяхъ, какія признаны были за отдѣльными областями въ эпоху ихъ первоначальнаго присоединенія къ Франціи. Всякій проектъ общегосударственной подати наталкивался на эту стѣну провинціальныхъ привилегій и изъятій, стѣну, столь же нерушимую, какъ и та, какую представляли собою сословные иммунитеты.

---

[1]) Du commerce et du gouvernement. 2 часть, глава VII.

[2]) Traité de l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt.

[3]) Du Pont-de-Nemours et l'école physiocratique par G. Schelle, стр. 9 и 259.

[4]) De l'administration des finances de la France par. M. Necker, томъ II, глава I.

И эти послѣдніе давали себя чувствовать, впрочемъ, при взиманіи солянаго налога: между лицами, занимающими высокое общественное положеніе, принадлежащими ко двору и администраціи, происходила раздача соли даромъ или по уменьшенной цѣнѣ, тогда какъ отъ простого народа требовалась покупка ея за высокую плату и при томъ въ опредѣленномъ закономъ количествѣ, нерѣдко превышавшемъ потребности крестьянской семьи.

Въ главѣ, посвященной характеристикѣ экономическаго быта крестьянства, я коснулся тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ какимъ вело существованіе соляной монополіи какъ по отношенію къ пропитанію крестьянской семьи, такъ и къ скотоводству. Я не стану повторять сказаннаго и ограничусь замѣчаніемъ, что вліяніе, оказанное gabelle на упадокъ народнаго благосостоянія, съ ясностью и полнотой раскрыто было экономистами прошлаго вѣка и, по ихъ примѣру, обстоятельно указано авторами тѣхъ многочисленныхъ брошюръ, которыя въ 1788 и 1789 гг. ставили себѣ задачей прямо или косвенно повліять на редакцію приходскихъ и общихъ наказовъ. О gabelle говорится въ нихъ, какъ объ одномъ изъ бичей земледѣлія, какъ о тормазѣ народнаго хозяйства, какъ объ источникѣ преступленій, какъ о препятствіи къ народному здравію. Ея отмѣна вносится въ текстъ разсылаемыхъ по провинціямъ образцовъ наказовъ, наряду съ упраздненіемъ taille [1]). Этотъ призывъ былъ услышанъ, и трудно встрѣтить кайе, все равно приходское или общее, за исключеніемъ тѣхъ, которые редактированы были въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ монополіи, гдѣ бы не заключалось предложенія отмѣнить налогъ на соль или, по крайней мѣрѣ, упорядочить его взиманіе, распространивъ на него требованія равенства и единообразія. Въ предѣлахъ одного Лаонскаго бальажа на ряду съ пятьюдесятью общинами, ходатайствующими объ упраздненіи всей существующей системы податей, можно насчитать сорокъ, въ которыхъ спеціально говорится объ отмѣнѣ солянаго налога, и двѣнадцать, въ которыхъ предлагается распространить ту же мѣру и на акцизы (aides) [2]).

---

[1]) См. Fleury. Baillage de Vermandois (Elections aux Etats géneraux de 1789), стр. 123.

[2]) Cahiers du tiers-état du Baillage de Laon en 1789, par A. Combier, стр. 109, 110, 111.

Мотивы, приводимые въ пользу такихъ предложеній, заключаютъ въ себѣ буквальное повтореніе того, что раньше было высказано экономистами. Высокая цѣна соли разорительна для крестьянства; она не позволяетъ ему частаго употребленія въ пищу даже соленой похлебки, она лишаетъ его возможности сохранять мясо на зиму; послѣдствіемъ воздержанія отъ соли являются болѣзни, одинаково у людей и животныхъ, увеличеніе смертности тѣхъ и другихъ. Скотоводство падаетъ съ каждымъ днемъ, между прочимъ отъ того, что соль дорожаетъ. Тамъ, гдѣ покупка ея вмѣнена въ обязанность, крестьянинъ поневолѣ долженъ отказывать себѣ въ другихъ предметахъ первой необходимости: не ѣсть мяса, не носить обуви и т. д. Большая часть ежегодно задерживаемыхъ и предаваемыхъ суду лицъ принадлежитъ къ числу контрабандистовъ; приманка слишкомъ велика, благодаря рѣзкому различію въ цѣнахъ на соль между pays de grande et de petite gabelle, чтобы не побудить многихъ искать заработка въ тайной торговлѣ и перевозкѣ соли изъ пограничныхъ провинцій. Крестьянинъ лишенъ, благодаря правительственной монополіи, того добавочнаго дохода, какой доставила бы ему варка соли на берегу моря. Монополія имѣетъ и то неудобство, что отсутствіе конкуренціи позволяетъ продажу соли дурнаго качества; часть ея пропадаетъ даромъ для купившаго.

Вотъ приблизительно то, что говорятъ о соляномъ налогѣ приходскіе наказы разнообразнѣйшихъ частей Франціи, начиная отъ Прованса на югѣ, переходя къ Иль-де-Франсу и оканчивая Нижней Нормандіей [1]).

Я сказалъ уже, каково было отношеніе физіократовъ ко всей системѣ косвенныхъ сборовъ и въ частности къ налогамъ на потребленіе. Если ихъ воззрѣнія не восторжествовали вполнѣ въ редакціи наказовъ 89 года, если многія изъ кайе и высказались въ пользу сохраненія защитительныхъ пошлинъ и существующихъ поборовъ съ питей, то всѣ одинаково потребовали рѣшительной реформы въ администраціи косвенныхъ сборовъ

---

[1]) Arch. Parl., томъ IV, стр. 292, 319. Cahiers de Versailles et de Meudon (par M. Thénard.), стр. 71 и слѣдующія. Duval. Cahiers du baillage d'Alençon, стр. 67 и слѣд., 73 и слѣд. Cahiers du département de la Somme, paroisse Argoeuves, art. 3.

и прежде всего отмѣны откупной системы, недостатки которой впервые были выяснены физіократами и ихъ прямыми предшественниками, Вобаномъ и Буагильберомъ. Всѣ одинаково указывали на необходимость концентрировать въ рукахъ единой администраціи разнообразнѣйшіе виды управленія косвенными сборами и правительственными монополіями. Очень многіе желали упраздненія тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, поводъ къ которымъ давала доходящая до мелочей регламентація,—регламентація, не отступавшая передъ мыслью установлять норму для личнаго потребленія крестьянской семьи и наказывать, какъ за преступленіе за всякую недостачу, оказавшуюся въ бочкахъ и объясняемую подчасъ излишней выпивкой (trop bu или gros manquant). Многіе присоединились къ требованію отмѣнить внутреннія таможни, дать свободное обращеніе въ странѣ хлѣбнымъ запасамъ и вину и тѣмъ самымъ не только оправдали тѣ теоретическія положенія, какія по отношенію къ внутренней торговли выставлены были Тюрго и Кондильякомъ, но и продолжили дѣло министра-реформатора, впервые отмѣнившаго запреты, какими обложена была торговля вина въ интересахъ бордоскихъ негоціантовъ, напримѣръ, и перевозка хлѣба изъ провинціи въ провинцію въ угоду отжившимъ свое время привилегіямъ. Пришлось-бы наполнить цѣлыя страницы выдержками изъ сочиненій Летрона, Кондильяка, Тюрго и его біографа Кондорсэ, чтобы показать соотвѣтствіе требованій наказовъ касательно реформы въ косвенномъ обложеніи съ ученіемъ французскихъ экономистовъ прошлаго вѣка. Для нашей цѣли достаточно будетъ сказать, что отмѣна откупной системы упоминается большинствомъ кайе, какъ неотложная реформа [1]); что то же слѣдуетъ сказать на счетъ упраздненія внутреннихъ таможень [2]), что во многихъ наказахъ trop bu или gros manquant встрѣчаетъ такое-же враждебно-насмѣшливое отношеніе къ себѣ, какое, по примѣру Вольтера, постепенно усвоили всѣ тѣ, кому въ прошломъ вѣкѣ приходилось писать о финансахъ, не исключая Неккера и Летрона.

---

[1]) Tableau comparatif des demandes contenues dans les cahiers des trois ordres (par Du pont de Nemours, стр. 71).

[2]) Ibid.

Трактатъ послѣдняго «Theorie de l'impôt» заключаетъ въ себѣ, по всей вѣроятности, самую полную критику всей системы налоговъ старой Франціи. Эта критика заканчивается предложеніемъ полнаго упраздненія существующихъ порядковъ обложенія. Вторичное появленіе ея въ новомъ изданіи въ самый годъ революціи, очевидно, было разсчитано на то, чтобы оказать давленіе на редакцію финансовой стороны наказовъ. Въ одномъ смыслѣ съ Летрономъ высказывался и Кондорсэ въ статьяхъ, озаглавленныхъ: «Монополія и монополисты», «Разсужденія о дорожной повинности (corvée)», «Письма земледѣльца Пикардіи къ протекціонисту въ Парижѣ».

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Кондорсэ влагаетъ въ уста крестьянина слѣдующія разсужденія: «Въ отмѣнѣ произвольной taille я вижу улучшеніе участи бѣднаго и возвращеніе промышленности утраченной ею свободы,—свободы, парализованной страхомъ новыхъ вымогательствъ въ награду за предпріимчивость. Въ отмѣнѣ солянаго налога—конецъ побору, падающему на ежедневное потребленіе крестьянина, возможность держать большее количество скота, сохранять его въ добромъ здоровьи, увеличить размѣры потребленія открытіемъ народу новаго источника доходовъ; наконецъ, въ реформѣ дорожной повинности и возложеніи издержекъ, связанныхъ съ содержаніемъ путей сообщеія, на собственниковъ тѣхъ земель, по которымъ они проходятъ, прекращеніе той неоплачиваемой затраты времени, которой подвергается неимущій крестьянинъ въ пользу своего состоятельнаго сосѣда, извлекающаго всѣ выгоды изъ его труда» [1]). Я закончу этими извлеченіями мою характеристику вліянія, оказаннаго податными теоріями XVI вѣка, на наказы 1789 года, прибавивъ, что каждое изъ высказанныхъ Кондорсэ пожеланій не только перешло въ текстъ предъявленныхъ избирателями ходатайствъ, но и получило полное осуществленіе въ реформахъ учредительнаго собранія.

Такимъ образомъ наглядно сказывается то не столько положительное, сколько отрицательное воздѣйствіе, какое физіокра-

---

[1]) Condorcet. Ouevres, томъ XIX, Lettres d'un luboureur de Picardie, стр. 6; Réflexions sur les corvées, стр. 101 и слѣдующія.

тіи суждено было оказать на характеръ пережитой Франціей прошлаго вѣка соціальной революціи. Безсильные измѣнить общественное мнѣніе, разъ дѣло шло о такихъ сторонахъ ихъ теоріи, которыя задѣвали непосредственные интересы народныхъ массъ, неспособные поколебать вѣры въ необходимость регламентировать хлѣбную торговлю и даже установлять максимумъ цѣнъ на продукты первой необходимости и трудъ рабочаго, терпя полное пораженіе въ вопросѣ о свободѣ внѣшней торговли и замѣнѣ всѣхъ существующихъ налоговъ единымъ земельнымъ, всецѣло падающимъ на ренту собственниковъ, физіократы въ то же время доставили дѣятелямъ революціи критерій для сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ всей существующей въ ихъ время экономической и общественной организаціи. Они подняли знамя возстанія противъ меркантилизма и цеховой исключительности, провозгласили свободу собственности, свободу труда и начало равенства всѣхъ передъ налогомъ, потребовали отмѣны не только сословныхъ, но и провинціальныхъ изъятій въ дѣлѣ обложенія, наконецъ, породили въ умахъ увѣренность въ существованіи незыблемыхъ и неотложныхъ экономическихъ законовъ, съ которыми правитель долженъ считаться едва ли не въ такой же мѣрѣ, какъ и съ законами природы. Тѣмъ самымъ они придали дѣлу общественнаго обновленія Франціи цѣльность и стройность, помѣшали подчиненію его временнымъ требованіямъ политики, наложили на него печать принципіальности. Мы увидимъ, что сказанное особенно примѣнимо къ той части этой общей работы, которая выпала въ удѣлъ Учредительному собранію. Мы постараемся оттѣнить нерѣдко вырождающуюся въ доктринерство принципіальность, какая выступаетъ въ постановленіяхъ 4 августа 1789 года и въ тѣхъ многочисленныхъ декретахъ, которыми проведена была на практикѣ эта въ одну ночь завершившаяся мирная революція. Мы покажемъ, что и въ дѣлѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и обусловленномъ имъ переворотѣ въ сферѣ землевладѣнія Учредительное собраніе явилось только истолкователемъ тѣхъ взглядовъ, которые впервые высказаны были такимъ физіократомъ, какъ Тюрго. Всѣ односторонности ученія, провозглашающаго свободу и собственность естественными правами, но только подъ условіемъ лише-

нія этихъ правъ всякаго юридическаго лица, всякой объединенной интересами группы, выступятъ во-очію, когда намъ придется говорить не объ одномъ лишь церковномъ, но и о рабочемъ законодательствѣ Учредительнаго собранія. Доктринерствомъ, источникъ котораго опять-таки лежитъ нигдѣ болѣе, какъ въ экономической литературѣ прошлаго вѣка, представится намъ и оффиціальное признаніе той весьма сомнительной истины, что между частнымъ лицомъ и правительствомъ не должно существовать никакихъ посредствующихъ звеньевъ, что духъ корпораціи по природѣ своей является разлагающей силой по отношенію къ государству, что нельзя поэтому допустить существованія ассоціацій не только съ религіозными цѣлями, но и съ болѣе практическими задачами взаимной поддержки и экономической солидарности. Намъ не трудно будетъ выяснить такимъ образомъ причину, по которой Учредительное собраніе, столько ниспровергнувшее на своемъ пути, далеко неполно и односторонне осуществило свою задачу «возрожденія не только политической, но и общественной жизни Франціи». Изъ двухъ взятыхъ имъ подъ защиту началъ, собственности и труда, первое одно получило сколько-нибудь широкое признаніе въ освобожденіи почвы и сидящаго на ней крестьянства отъ тяготѣвшихъ на нихъ повинностей и платежей. Финансовыя затрудненія помѣшали дѣятелямъ 1789-го года довести эту часть своей задачи до конца, воспользоваться секуляризаціей церковныхъ имуществъ для умноженія числа мелкихъ собственниковъ, для расширенія того имущественнаго фундамента, въ которомъ нуждалось созданное ими политическое могущество демократіи. Съ другой стороны, индивидуализмъ, такъ строго проведенный физіократической школой и вполнѣ проникшій въ сознаніе людей 1789 г., помѣшалъ рѣшенію ими задачи объ организаціи труда. Провозгласивъ его свободу, они парализовали въ то же время тѣ средства самозащиты, какія даетъ труду основанная на взаимности система самопомощи. Физіократія, какъ мы видѣли, не допускала никакихъ, ни временныхъ, ни постоянныхъ сообществъ между рабочими; она была враждебна ко всему, что носило на себѣ печать коллективизма, все равно,—будутъ ли то нераздѣльныя имущества общинъ, или ассоціаціи лицъ одинаковой профессіи. Она отказывала рабочимъ сообществамъ въ правѣ защищать интере-

сы трудящагося люда пріисканіемъ работы и временною помощью изъ общественнаго капитала. Въ лицѣ даже тѣхъ не многихъ ея представителей, которые, какъ Тюрго, не разъ уклонялись отъ строгости принциповъ, она перенесла на государство тѣ заботы, которые въ наше время такъ успѣшно осуществляются частными корпораціями. Учредительное собраніе пошло по ея пути, расторгая въ лицѣ монастырскихъ братствъ, цеховъ и рабочихъ товариществъ (compagnonages) уцѣлѣвшія отъ среднихъ вѣковъ формы коллективизма. Подавляя малѣйшее проявленіе солидарности между людьми одного ремесла, преслѣдуя поэтому образованіе новыхъ ассоціацій въ средѣ трудящагося люда, подъ предлогомъ, что эти ассоціаціи являются возрожденіемъ отмѣненныхъ имъ цеховъ, Учредительное собраніе впало во всѣ крайности господствовавшей въ XVIII вѣкѣ экономической доктрины. Оно послѣдовало ей и тогда, когда, примѣняя на практикѣ начало невмѣшательства, отказалось отъ всякихъ мѣръ къ созданію въ пользу рабочихъ той системы государственной помощи, какая рекомендована была Тюрго. «Право на трудъ» нашло въ Учредительномъ собраніи однихъ теоретическихъ приверженцевъ. Въ его пользу высказались нѣкоторые ораторы въ стѣнахъ якобинскаго клуба. Пустыми разговорами окончились также всѣ предложенія въ пользу созданія государственнаго кредита, облегчающаго пріобрѣтеніе національныхъ земель неимущими. Объ обращеніи части ихъ въ неотчуждаемую собственность общинъ никто не подумалъ, а наоборотъ приняты были мѣры, благопріятныя распаденію общинныхъ имуществъ и подготовившія общество къ принятію законовъ 1793 года объ ихъ обязательномъ раздѣлѣ. И то, и другое, сдѣлано было въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями доктрины, видѣвшей въ свободѣ личной конкуренціи лѣкарство для всѣхъ общественныхъ недуговъ, а въ проявленіи всякой групповой солидарности анархическую тенденцію. Духъ корпораціи на время былъ изгнанъ, но ожидаемое отъ того примиреніе частнаго интереса съ общимъ не оправдалось на дѣлѣ, и въ рядахъ противниковъ вновь созданнаго революціей порядка не замедлили выступить тѣ самые классы, которымъ обезпечена была ею пресловутая «свобода труда».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДОКТРИНЫ.

ГЛАВА I.

АНГЛОМАНІЯ И АМЕРИКАНОФИЛЬСТВО.

§ 1.

Членамъ учредительнаго собранія не разъ дѣлался упрекъ въ томъ, что ихъ политическое созданіе—конституція 91 года—не имѣетъ корней въ прошломъ. Со стороны англичанина, для котораго давно сдѣлалось истиной, что учрежденія не выдумываются, а растутъ, такой упрекъ легко объяснимъ. Неудивительно поэтому, если въ своихъ знаменитыхъ «Разсужденіяхъ о французской революціи» Бёркъ ставитъ обвиненіе въ безпочвенности краеугольнымъ камнемъ своей критики [1]). Столь же понятнымъ кажется намъ отрицательное отношеніе защитниковъ «стараго порядка» къ конституціи, задача которой—не оставить камня на камнѣ отъ этого порядка. Но если возможность подобнаго упрека вполнѣ оправдывалась дѣйствительностью, то остается еще рѣшить, въ какой мѣрѣ Учредительное собраніе могло избѣжать его. Спрашивается: возможно ли было ему ограничить свою дѣятельность реформою современнаго государственнаго строя во Франціи, положить въ основу своего законодательства уже существовавшую въ странѣ кон-

---

[1]) „Ваши вольности,—пишетъ Бёркъ въ своемъ обращеніи къ французамъ,—не отмѣнены; одно пользованіе ими пріостановлено. Ваша конституція подверглась, правда, многимъ искаженіямъ; но вы все еще сохранили стѣны этого нѣкогда величественнаго зданія. Его основы были крѣпки. Вамъ слѣдовало строить на нихъ, какъ на фундаментѣ. Конституція ваша не была закончена; ее упразднили раньше, чѣмъ она успѣла развиться; но элементы возможно хорошаго государственнаго порядка были на лицо“ (Reflexions sur la révolution de France, французское изданіе 1791 г., стр. 66).

ституцію; справедливо ли, наконецъ, что подобная конституція дѣйствительно имѣлась на лицо? На эти вопросы въ разное время давались разныя рѣшенія. Но для насъ они значенія не имѣютъ, какъ вызванные не столько безпристрастнымъ исканіемъ истины, сколько духомъ партіи. Намъ необходимо поэтому разсмотрѣть снова эти вопросы, и разсмотрѣть ихъ исторически. Съ этой именно точки зрѣнія обычныя рѣшенія и покажутся односторонними, заключающими въ себѣ не мало преувеличеній и недомолковъ.

Предшествующее изложеніе показало, каковъ долженъ быть отвѣтъ на вопросъ, имѣла ли Франція стараго порядка опредѣленную конституцію?—Несомнѣнно имѣла, въ такой же мѣрѣ, въ какой имѣла ее Швеція, Савойя, Польша. Говоря это, я хочу сказать, что право народнаго представительства вотировать налоги и давать совѣты правительству по вопросамъ законодательства и управленія было въ такой же степени признано во Франціи не только въ XIV и XV, но и въ XVI столѣтіи, въ какой оно считалось одновременно установленнымъ въ любой изъ сословныхъ монархій запада. Но отъ этой конституціи, сдѣлавшейся въ Англіи колыбелью современнаго парламентскаго строя, Франція XVII и XVIII столѣтія удержала, какъ мы видѣли, только обломки. Генеральные штаты перестали созываться съ 1614 года; провинціальные собирались изрѣдка, и то въ нѣкоторыхъ немногихъ мѣстностяхъ, выговорившихъ себѣ эту привилегію еще въ эпоху присоединенія къ французской коронѣ. Только одни парламенты — эти нѣкогда могущественнѣйшіе союзники королевской власти—остались на стражѣ старинныхъ вольностей. Ихъ право заявлять недовольство новыми эдиктами (право ремонстраціи) и, смотря по желанію, вносить ихъ въ свои протоколы или отказывать правительству въ ихъ внесеніи,—вотъ все, что Франція XVIII столѣтія удержала отъ старинной системы наслѣдственнаго единовластія, хотя и ограниченнаго правами сословій, но плохо уравновѣшеннаго. Трудно было бы Бодэну узнать въ деспотизмѣ министровъ и безмолвіи нѣкогда могущественныхъ общественныхъ группъ—черты той монархіи, подчиненной законамъ и умѣряемой духовенствомъ, дворянствомъ и буржуазіей, которую въ XVI вѣкѣ онъ

выставилъ въ образецъ законодателямъ и философамъ. Говоря о предстоящей отмѣнѣ парламентовъ, американскій посолъ Джефферсонъ справедливо могъ замѣтить, что послѣдствіемъ его будетъ полное упроченіе деспотіи. «Я полагаю,—прибавлялъ онъ въ письмѣ отъ 24-го іюня 1788 года,—что и въ настоящее время Франція въ теоріи приближается къ этому типу. Но на практикѣ произволъ ограниченъ въ ней тѣмъ уваженіемъ, какое внушаетъ правительству общественное мнѣніе. Это не мѣшаетъ французамъ повторять вслѣдъ за Монтескьё, что верховные суды, духовенство и дворянство—являются своего рода барьеромъ для всякого захвата власти, какъ со стороны короля, такъ и со стороны народа. Не трудно, однако, доказать, что эти мнимые тормозы сильны только возможностью аппелировать къ общественному мнѣнію. Сами по себѣ ни они, ни народъ, не въ состояніи противопоставить какую-либо законную преградру волѣ короля» [1]). Но если политическій строй Франціи XVIII вѣка сохранялъ лишь немногіе слѣды той конституціи, какую Боденъ изобразилъ намъ въ своемъ трактатѣ «De republica», то какая возможность, спрашивается, обвинять дѣятелей 89-го года въ томъ, что, созидая новые политическіе порядки, они отрѣшили себя отъ всякой связи съ прошлымъ [2]). Вѣдь все, что осталось отъ этого прошлаго, было вмѣшатель-

---

[1]) Jefferson to M-r Cuting. Paris, July 24, 1788 (Tke writings of Thomas Jefferson, 1853, t. II, p. 436).

[2]) Если въ цѣломъ Франція не имѣла конституціи, то того же нельзя было сказать объ отдѣльныхъ ея провинціяхъ. Бретань, Артуа, Провансъ, Лангедокъ, Наварра, Беарнъ, Дофинэ, подъ именемъ провинціальныхъ вольностей и привилегій сохранили многіе слѣды средневѣковой ограниченной сословіями монархіи. Беря на откупъ у правительства сумму слѣдуемыхъ съ нихъ налоговъ, ихъ штаты располагали возможностью избрать ту или другую форму обложенія, распредѣляли подати по собственному усмотрѣнію, внося бо́льшую равномѣрность въ разверстку или, наоборотъ, усиливая денежныя тягости средняго сословія и освобождая отъ нихъ дворянъ и духовныхъ. Составъ штатовъ существенно вліялъ и на ихъ налоговую политику. Въ Бретани, гдѣ высшія сословія имѣли численное господство, все бремя податей падало почти исключительно на среднее сословіе. Другое дѣло въ Дофинэ, гдѣ буржуазія имѣла двойное представительство.

ство судебныхъ палатъ въ законодательство и управленіе— вмѣшательство, которое прямо противорѣчило господствующей въ то время теоріи раздѣленія властей. Не о сохраненіи, а наоборотъ, объ устраненіи подобнаго вмѣшательства должны были думать тѣ, кто, подобно членамъ Учредительнаго собранія, ставилъ себѣ цѣлью привести въ соотвѣтствіе политическія учрежденія съ требованіями разума и науки. Провинціальные штаты и парламенты могли, самое большее, сослужить новой Франціи ту службу, о которой говоритъ Мабли въ своемъ вымышленномъ «Діалогѣ съ милордомъ Стэнгопомъ»,—они должны были сдѣлаться якоремъ спасенія для погибающихъ вольностей. «Вамъ необходимо держаться ихъ всѣми силами,—училъ либеральный лордъ,—при ихъ содѣйствіи вы все еще можете не пойти ко дну... Ихъ нельзя задушить сразу, какъ душатъ въ деспотическомъ государствѣ зазнавшагося визиря или пашу. Сколько бы ихъ привелегіи ни противорѣчили здравымъ принципамъ политики, какъ бы мало они сами ни отвѣчали тѣмъ требованіямъ, какія законодатель предъявляетъ къ совершенному образу правленія, ихъ упраздненіе было бы новой побѣдой для произвола» [1]). Эти слова Мабли оказались, какъ извѣстно, пророческими. Борьба съ парламентами и ихъ временное упраздненіе были послѣднимъ торжествомъ абсолютизма. Такъ смотрѣлъ на дѣло и одинъ изъ современниковъ, знаменитый Джефферсонъ, говорившій, въ письмѣ отъ 24-го іюля 1788 года, объ отмѣнѣ верховныхъ судовъ и о предстоящемъ открытіи cour plenière, какъ о несомнѣнныхъ признакахъ обращенія французской монархіи въ чистую деспотію [2]). Но, прибавляетъ онъ, «общественное мнѣніе благопріятно свободѣ, и фаанцузы, несомнѣнно, быстрыми шагами приближаются къ моменту установленія конституціи». Событія оправдали эти предсказанія. Парижскій парламентъ первый поднялъ голосъ въ пользу политической свободы и потребовалъ созыва генеральныхъ штатовъ [3]).

---

[1]) Des droits et des devoirs du citoyen (стр. 408, т. XI полнаго собранія сочиненій, первое изданіе 1794—1795 г.).

[2]) Jefferson's Works. To M-r Cutting. Paris, July 24 1788 (The writings of Thomas Jefferson, т. II. 1853, стр. 436).

[3]) Тотъ же Джефферсонъ объясняетъ, правда, этотъ шагъ свое

Но если дѣятели 89-го года были поставлены въ невозможность положить въ основу составляемой ими конституціи существующіе во Франціи политическіе порядки, то имъ, очевидно, не оставалось другого исхода, какъ руководствоваться требованіями теоріи или слѣдовать иностраннымъ образцамъ. Они не могли, подобно американцамъ, ограничиться одной надстройкой, увѣнчать зданіе, фундаментъ котораго положенъ былъ вѣками раньше,—первыми англійскими колонистами, пересадившими въ Новый Свѣтъ учрежденія своей родины. Только незнакомство съ дѣйствительнымъ характеромъ того, что привыкли называть старымъ порядкомъ, вызываетъ въ американцѣ Моррисѣ, въ первые мѣсяцы его пребыванія въ Парижѣ, недоумѣніе,—какъ могутъ французы устремлять свои взоры то на Филадельфію, то на Лондонъ, и думать постоянно о заимствованіи. Это кажется ему тѣмъ болѣе страннымъ, что, по его мнѣнію, вполнѣ согласному съ тѣмъ, какого придерживались и въ самой Франціи даже такіе глубокіе революціонеры, какъ Мабли [1]),—учрежденія прочны только подъ условіемъ полнаго соотвѣтствія ихъ съ нравами, привычками и всѣмъ жизненымъ строемъ націи. Но какъ объяснить послѣ этого, что тотъ же

корыстными мотивами и говоритъ, что парламентъ не считалъ возможнымъ добиться инымъ путемъ своего возстановленія. „Теперь,—значится въ письмѣ отъ 4-го декабря 1788 года,—когда цѣль его достигнута, онъ уже начинаетъ предвидѣть тѣ опасности, какими грозитъ его политическимъ преимуществамъ возстановленіе народнаго представительства. Слухъ идетъ о томъ, что штаты не оставятъ за нимъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя непосредственно связаны съ судебною властью. И въ виду этого парламентъ уже пускается въ интриги и готовъ оспаривать законность предстоящаго собранія, разъ оно окажется ему враждебнымъ“. Ibid., стр, 534.

[1]) Эту мысль Мабли между прочимъ проводитъ въ своихъ извѣстныхъ разговорахъ съ Фокіономъ (второй и третій діалоги). Здѣсь мы находимъ такого рода сентенцію: „Къ чему послужила бы наилучшая конституція людямъ испорченнымъ? Необходимо первоначально заняться исправленіемъ нравовъ“ (т. X полнаго собранія сочиненій). Сравни съ этимъ мѣстомъ разсужденія Морриса о томъ, что американская конституція не годится для французовъ, такъ какъ нравы этой націи совсѣмъ иные. (Diary and letters of Governer Morris т. I, стр. 69--70).

Моррисъ въ другомъ мѣстѣ своего дневника настаиваетъ на необходимости отмѣнить парламенты и другіе верховные суды, т.-е., занесть руку на единственные уцѣлѣвшіе слѣды того либеральнаго прошлаго, съ которымъ, по его мнѣнію, французамъ слѣдовало бы связать свою новую конституцію? Не въ меньшее противорѣчіе впадаетъ и другой изъ современниковъ, венеціанскій дипломатъ Антоніо Капелло, когда упрекаетъ дѣятелей 89-го года въ англоманіи и одностороннемъ увлеченіи политической метафизикой, въ то же время признавая, что во Франціи стараго порядка не было того, что въ строгомъ смыслѣ слова можно назвать конституціей, т. е. установленной закономъ системы взаимодѣйствія властей [1]).

Итакъ, англоманія и американофильство, преклоненіе передъ политическими теоріями, въ которыхъ современники и потомство обвиняютъ творцовъ конституціи 91-го года, на самомъ дѣлѣ были не болѣе, какъ естественнымъ послѣдствіемъ того хаоса политическихъ учрежденій, въ которыхъ повергли Францію стараго порядка постепенные захваты абсолютизма. Дѣятели 89-го года были безпочвенны не потому, что имъ непонятна была тѣсная связь учрежденій и нравовъ, новыхъ политическихъ созданій и историческаго права, а потому, что у нихъ, дѣйствительно не было и не могло быть почвы подъ ногами,— другими словами, потому что зданіе политической свободы не могло быть построено на хаосѣ обсолютизма.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ справедливо само обвиненіе членовъ Учредительнаго собранія въ раболѣпіи передъ теоріями и иностранными образцами. Одно то обстоятельство, что ихъ одинаково упрекаютъ, и въ копированіи англійскихъ порядковъ, и въ томъ, что они не дали Франціи «образцовой» британской конституціи,—уже способно породить сомнѣніе въ основательности самихъ нарѣканій. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрить Луи Блану и писателямъ его школы, то

---

[1]) См. донесенія Каппелло венеціанскому сенату за лѣто 1789 года. Они изданы мною въ собраніи венеціанскихъ депешъ о французской революціи. I dispacci degli ambasciatori veneti alla corte di Francia durante la rivoluzione, Torino. 1895 г. въ частности депеши за № 195 и 197.

неуспѣхъ конституціи 91-го года лежитъ въ непригодности для французовъ перенесенныхъ изъ Англіи учрежденій; если же положиться на мнѣніе писателей-доктринеровъ, современниковъ и предшественниковъ Бенжамена Констана, то недостатокъ конституціи 91-го года лежитъ именно въ томъ, что она не надѣлила Францію этими учрежденіями. Всего наивнѣе высказываетъ это соболѣзнованіе одинъ изъ первыхъ по времени историковъ французской революціи, Франсуа Пажесъ, говоря: «Учредительное собраніе сдѣлало ту непростительную ошибку, что не ввело у насъ англійской конституціи. Эта конституція обезпечила бы благополучіе современнаго поколѣнія и устранила бы наступленіе тѣхъ бѣдствій, которыя одно время поставили на карту дѣло революціи. Заимствуй Франція изъ Англіи систему двухъ палатъ, эмиграція дворянства сдѣлалась бы немыслимой, и тѣмъ самымъ устранена была бы важнѣйшая причина раздирающей Францію междоусобной войны» [1]).

Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ конституція 1791 года является снимкомъ съ англійской, далеко не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Необходимо прежде всего выяснить себѣ, какъ понимали англійскую конституцію дѣятели 89-го года, и въ какой мѣрѣ ихъ пониманіе отвѣчало дѣйствительности. Для правильнаго сужденія объ этомъ предметѣ, слѣдуетъ познакомиться съ тѣми источниками, изъ которыхъ французы конца восемнадцатаго вѣка черпали свои свѣдѣнія объ «англійской свободѣ»; ихъ показанія на этотъ счетъ необходимо сопоставить затѣмъ съ тою картиною, какая сама собою возникаетъ въ умѣ при изученіи политическаго строя Англіи при первыхъ трехъ правителяхъ гановерской династіи. Правда, многіе изъ тѣхъ, кого революція выдвинула во Франціи, имѣли случай не разъ посѣтить Англію. Мирабо, Этьенъ Дюмонъ, маркизъ Казо, Бирòнъ, Бриссò [2]), господинъ и г-жа Роланъ, Бан-

---

[1]) См. Histoire secrète de la révolution française, par François Pagès, т. I, изд. 1797 года, стр. 412 и 413.

[2]) Въ воспоминаніяхъ Этьена Дюмона говорится между прочимъ о томъ, что во время своей поѣздки въ Лондонъ, въ 1874 году, Мирабо сблизился съ Ромильи, трактатъ котораго о порядкѣ преній въ англійской палатѣ общинъ, въ переводѣ Дюмона, былъ пред-

каль дезъ-Иссаръ, Андре Шенье могли, почерпнуть свои свѣдѣнія объ англійскихъ порядкахъ не изъ однихъ только чтеній, но и путемъ непосредственнаго наблюденія [1]). Но, читая произне-

---

ложенъ впослѣдствіи народнымъ трибуномъ Учредительному собранію и вызвалъ со стороны одного изъ его членовъ извѣстный отвѣтъ: „мы не хотимъ быть англичанами“ (см. Souvenirs de Dumont, стр. 6).

Этьенъ Дюмонъ, родомъ женевецъ, задолго до революціи переселился въ Англію, гдѣ сблизился со многими депутатами лѣвой. Близость съ Ромильи, чтеніе Делольма почти ежедневные разговоры о политикѣ—произвели на Дюмона ожидаемое дѣйствіе; въ своихъ воспоминаніяхъ, возвращаясь къ эпохѣ, когда онъ, въ сообществѣ съ Кдавьеромъ, Рейбацомъ, Дюровере, и Пеленкомъ сотрудничалъ въ составленіи рѣчей Мирабо, онъ говоритъ; „всѣ мы имѣли въ головѣ англійскую конституцію. Дѣленіе представительства на двѣ палаты казалось намъ необходимымъ. Безъ этого, думали мы, національное собраніе не будетъ имѣть тормаза“ (Ibid., стр. 73).

Маркизъ де-Казо, принадлежавшій къ французской семьѣ, благодаря рожденію въ отошедшей къ Англіи колоніи, считался англійскимъ подданнымъ. На заголовкѣ его извѣетнаго памфлета: „Простота идеи конституція“ (De la simplicité de l'idée d'une constitution. Paris. 1789), значится, что авторъ—членъ лондонскаго королевскаго Общества.

Бриссо, какъ стоитъ во всѣхъ его біографіяхъ, не исключая и той, которая написана была его позднѣйшимъ политическимъ единомышленникомъ, Петіономъ (см. Мемумры Бюзо и Петіона, изданіе Добана, приложеніе), нѣкоторое время держалъ пансіонъ въ Англіи и изъ Англіи два раза предпринималъ поѣздки въ Америку.

Что касается до Бирона, то его пребываніе въ Англіи ознаменовано было долгами, поведшими къ задержанію его въ Лондонѣ въ 1792 г. Его обширныя связи въ средѣ либеральной партіи облегчили Талейрану сношенія съ вигами (см. La mission de Talleyrand à Londres en 1792, par Pallain).

[1]) Г-жа Роланъ посѣтила Англію въ сообществѣ своего мужа въ 1784 году; она оставила довольно интересныя записки о своемъ путешествіи; въ нихъ попадаются нерѣдко разсужденія и объ особенностяхъ англійской конституціи. Такъ, напримѣръ, она обращаетъ вниманіе на то, что въ Англіи дворянства, подобнаго французскому, не существуетъ и нѣтъ тѣхъ податныхъ привилегій, какія угнетаютъ французскую націю. Она замѣчаетъ также, что число пэровъ не опредѣлено закономъ, и что, помимо тѣхъ старшихъ сыновей, которыя засѣдаютъ въ палатѣ лордовъ, въ силу

сенныя ими рѣчи и изданные ими памфлеты и журнальныя статьи, легко убѣдиться въ томъ, что всѣ они смотрятъ на Англію съ одной и той же точки зрѣнія, отмѣчаютъ однѣ и тѣ же стороны въ ея политическихъ порядкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, что видятъ они въ ней, какъ не торжество принципа раздѣленія властей? За что хвалятъ они ее, какъ не за то, что она съумѣла сохранить независимость законодательства отъ управленія? Правда, англичане достигли этого не вполнѣ, такъ какъ удержали за королемъ обсолютное «вето»,—но зато они поняли весь вредъ, всю опасность, какая грозитъ свободѣ при передачѣ исполнительной власти права законодательнаго почина, и соотвѣтственно надѣлили этимъ правомъ однихъ членовъ парламента [1]). Прекрасно также поступили они, предоставивъ одной судебной власти право постановки приговоровъ. Чтобы установить равновѣсіе между властями и сдѣлать невозможнымъ нарушеніе законовъ министрами, они передали палатамъ право обвинять и судить ихъ. Вполнѣ разумно поступили они еще, поручивъ постановку рѣшеній выборнымъ изъ народа

рожденія, многіе призываются въ составъ ея непосредственно королемъ. О самихъ англичанахъ мадамъ Роланъ въ „Разсужденіи о свободѣ“ 1778 г., написанномъ до путешествія въ Англію, пишетъ слѣдующее: „Говорятъ, что они свободны, и я думаю, это вѣрно, если сравнивать ихъ съ сосѣдями и большинствомъ народовъ Европы (за исключеніемъ швейцарцевъ); но занятіе торговлей и страсть къ наживѣ, богатство и роскошь, испортивъ ихъ нравы, незамѣтно подкапываются подъ конституцію и упраздняютъ отчасти обезпечиваемыя ею выгоды“. Очевидно, эти мысли навѣяны на мадамъ Роланъ чтеніемъ сочиненій Мабли, который, приблизительно, говоритъ то же объ англичанахъ и въ своемъ трактатѣ объ изученіи исторіи, и въ своемъ сочиненіи о правахъ и обязанностяхъ гражданъ. Близкій пріятель Бриссо и госпожи Роланъ, Банкаль дезъ Иссаръ, явившійся въ Англію съ ихъ рекомендаціями, провелъ въ ней конецъ 1790 и первую половину 91 годъ (См. Le conventionnel Bancal des Issarts, par Francisque Mège, стр. 59. 1787. Paris; стр. 314 и 315. О пребываніи Андре Шенье въ Англіи см. Oeuvres en prose, par Louis Moland; письма къ отцу изъ Лондона, отъ ноября 89 г,

[1]) Это право потому только сосредоточено въ Англіи въ рукахъ членовъ палаты, что тѣ же депутаты, входя въ составъ кабинета являются одновременно и органами исполнительной власти.

присяжнымъ. Этимъ они добились отдѣленія судебной власти какъ отъ исполнительной, такъ и отъ законодательной. Но въ этомъ направленіи можно пойти и дальше, предоставивъ народу выборъ тѣхъ, кому надлежитъ засѣдать на судейскихъ скамьяхъ. Свобода личности во всѣхъ ея проявленіяхъ также прекрасное пріобрѣтеніе, но и она достигнута въ Англіи благодаря торжеству того же принципа раздѣленія властей. Англичане лично свободны; они пользуются религіозной терпимостью и не стѣснены въ выраженіи своихъ мыслей въ печати; и это потому, что администраціи не позволено вмѣшиваться въ сферу судебной власти, произвольно задерживать лицъ подозрительныхъ, предупреждать злоупотребленіе печатнымъ станкомъ съ помощью цензуры и препятствовать распространенію въ обществѣ иновѣрія и отличной отъ христіанства морали съ помощью административнаго контроля за сектантами.

Англичане свободны, потому что съумѣли не только обособить и упрочить независимость каждой изъ трехъ властей, но и потому, что каждой изъ имѣющихся въ ихъ странѣ общественныхъ силъ они выдѣлили ея область вліянія и господства. Съ этою цѣлью они сохранили за короной ея прерогативу, за лордами—ихъ право участія въ законодательномъ контролѣ, за общинами—иниціативу реформъ и завѣдываніе налоговымъ обложеніемъ. Каждой общественной силѣ, какъ и каждой власти, предоставлена приблизительно равная доля воздѣйствія. Каждая можетъ служить поэтому противовѣсомъ остальнымъ, каждая въ состояніи воспротивиться малѣйшему захвату власти, дѣлаемому въ ея ущербъ. Изъ этой возможности взаимнаго контроля и взаимнаго сдерживанія возникаетъ та уравновѣшенность и гармонія, при которой правительство не въ силахъ направить своей дѣятельности въ ущербъ подданнымъ и содѣйствовать подавленію ихъ политической свободы. Такимъ образомъ, система политическаго равновѣсія—таково послѣднее слово англійской политической мудрости и дѣйствительный источникъ англійской свободы.

Что изложенная доктрина выражаетъ собою ту точку зрѣнія, съ какой дѣятели 1789 г. смотрѣли на англійскіе порядки, въ этомъ легко убѣдиться, сопоставивъ все то, что объ этихъ по-

рядкахъ сказано было наиболѣе сочувствующими имъ депутатами. Во главѣ ихъ стоитъ Мунье съ его проектомъ конституціи, въ основу которой положено раздѣленіе народнаго представительства на двѣ палаты, абсолютное «вето» короля, обособленіе исполнительной власти отъ законодательной и передача ея въ руки монарха, наконецъ отдѣленіе суда отъ администраціи, благодаря принципу несмѣняемости судей и запрещенію королю вмѣшиваться въ ходъ правосудія.

Близость проекта къ англійскимъ порядкамъ такъ, какъ ихъ понимали въ то время, была указана еще Мале дю-Панъ [1]). Этотъ талантливый журналистъ высказалъ такое горячее сочувствіе тѣмъ принципамъ англійской свободы, выразителемъ которыхъ явился Мунье, что одного этого факта было достаточно, чтобы привлечь на него ненависть демагоговъ, собиравшихся въ Пале-Ройяльскомъ саду. Въ то самое время, когда Мунье попадалъ въ списки людей, которымъ бретонскій клубъ, этотъ зародышъ будущаго клуба якобинцевъ, отказывалъ въ довѣріи, защитникъ его идей становился жертвою уличной толпы, вламывавшейся въ его квартиру [2]).

Что въ пониманіи англійскихъ порядковъ не было существенной разницы по крайней мѣрѣ въ средѣ «умѣренныхъ»— право утверждать это даетъ намъ Малуэ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ довѣрителямъ,—въ письмѣ, которымъ онъ пытался оправдать свою оппозицію большинству Учредительнаго собранія. Въ этомъ интересномъ документѣ прямо высказывается сожалѣніе, что Людовикъ XVI самъ не предложилъ генеральнымъ штатамъ проекта конституціи, согласной съ англійской, и нѣсколько далѣе объясняются тѣ принципы, какіе должна бы, по мнѣ-

---

[1]) Рѣчь, какую Мунье произнесъ въ защиту этого проекта, внесеннаго имъ, какъ извѣстно, въ собраніе отъ имени конституціоннаго комитета, воспроизведена въ существенныхъ чертахъ въ его сочиненіи „Considérations sur le gouvernement de la France“, О близкомъ знакомствѣ автора съ англійскими порядками и его постоянной перепискѣ объ англійскихъ дѣлахъ съ нѣкіимъ Mister Byng— можно найти интересныя подробности въ недавней работѣ d'Hérisson, озаглавленной: Les Girouettes politiques. Paris. 1892, стр. 16 и слѣд.

[2]) Ibid; стр. 54.

нію автора, содержать въ себѣ подобная конституція. «Я поклялся—пишетъ онъ,—защищать ея основы и думаю, что онѣ одинаково должны быть священны для всѣхъ гражданъ. Эти основы слѣдующія: раздѣленіе властей, предоставленіе націей законодательныхъ функцій въ руки ея представителей, королевская санкція, монархическій образъ правленія, король — верховный глава исполнительной власти, личная свобода, разумѣя подъ нею и свободу мнѣній,—свобода, достигаемая подчиненіемъ гражданъ владычеству однихъ законовъ и примѣняющихъ ихъ судовъ, отвѣтственность правительственныхъ агентовъ передъ палатами». Еще рѣзче высказываетъ Малуэ свое пристрастіе англійскимъ порядкамъ и самый способъ ихъ пониманія, когда говоритъ, что «всѣ хитросплетенія, клонящіяся къ ограниченію исполнительной власти, только подвергаютъ опасности самую конституцію. Единственную гарантію противъ произвола онъ видитъ въ уравновѣшеніи исполнительной власти властью законодательной. Все, что хотятъ установить внѣ этой системы противовѣсовъ, дѣйствуетъ только разлагающимъ образомъ на принципы, на которыхъ покоится конституція»ъ [1]). Въ свою очередь Мирабо, высказываясь противъ англійской системы раздѣла представительства между лордами и общинами, спѣшитъ заявить о своей преданности началу взаимной независимости властей. Чтобы обезпечить ее королю, главѣ исполненія, онъ желаетъ надѣлить его абсолютнымъ вето. Оно одно можетъ оградить Францію отъ деспотизма національнаго собранія [2]).

И въ рядахъ противниковъ, въ средѣ того тріумвирата (Дюпоръ, Барнавъ и Шарль Ламетъ), который долгое время велъза собой собраніе въ духѣ оппозиціи къ монархической политикѣ Мира-

---

[1]) Lettre à mes commettants. См. Mémoires de Malouet, Paris. 1874, t. II, p. 69, 73 и 83.

[2]) „Je crois le veto du roi tellement nécessaire que j'aimerais mieux vivre à Constantinople, qu'en France, s'il ne l'avait pas. Oui, je le déclare, je ne connais rien de plus terrible que l'aristocratie souveraine de six cents personnes, qui demain pourraient se rendre inamovibles, après—demain héréditaires et finiraient comme les aristocrates de tous les pays du monde par tout envahir“.

бо, англійская конституція истолковывалась также, какъ система раздѣленія и равновѣсія властей. Александръ Ламетъ, стоявшій весьма близко къ этому тріумвирату, говоритъ въ своей «Исторіи Учредительнаго собранія», что среди депутатовъ было не мало выдающихся умовъ, ставившихъ себѣ идеаломъ англійскую конституцію «на томъ основаніи, что она сохраняетъ между властями необходимое равновѣсіе». «Большой ошибкой,—думаетъ онъ,—было принятіе системы единой нераздѣльной камеры: деспотизмъ неизбѣженъ всюду, гдѣ частный человѣкъ или сообщество лицъ будутъ имѣть право считать свою волю закономъ» [1]).

Говоря о томъ, къ чему стремились сторонники англійской конституціи, Редереръ, выдающійся членъ родикальнаго меньшинства, заявляетъ, что они требовали обособленія властей и раздѣленія народнаго представительства на двѣ палаты [2]). Даже Рабо-Сентъ-Этьенъ—далеко не защитникъ англійскихъ вольностей—согласенъ признать, что свобода находитъ въ Англіи существенную гарантію въ томъ, что каждая изъ властей имѣетъ возможность сдерживать остальныя. «Въ этой системѣ,—пишетъ онъ,—такъ превосходно изложенной Монтескьё, все тѣсно связано между собой: и раздѣленіе народнаго представительства между пэрами и общинами, и право «вето» или запрета, какимъ надѣлена каждая изъ двухъ вѣтвей законодательной власти наравнѣ съ королемъ, главою власти исполнительной» [3]).

Наконецъ, даже открытые противники, въ родѣ Кондорсэ, Клавьера и Бриссо, видятъ въ англійской конституціи прежде всего систему равновѣсія властей и, сомнѣваясь въ ея пригодности служить интересамъ политической свободы, думаютъ, что эта послѣдняя достигается въ Англіи не благодаря конституціи, а въ силу такихъ побочныхъ причинъ, какъ отсутствіе постояннаго войска, судъ присяжныхъ, свобода печати, и прежде всего сила и значеніе, какимъ въ этой странѣ пользуется об-

---

[1]) Histoire de l'assemblée constituante, par M. Alex. Lameth. Томъ I, изд. 1828 года, стр. 123 и 126.

[2]) L'esprit de la Révolution de 1789, изд. 1831, стр. 57.

[3]) Précis de l'histoire de la révolution française (nouvelle édition 1822) Question de droit public, стр. 398 и 399.

щественное мнѣніе: «Вмѣсто того, чтобы признать, что дѣйствительною причиною британской свободы,—пишетъ Кондорсэ,—является отсутствіе цензуры, право ассоціацій, актъ habeas corpus, судопроизводство съ присяжными, публичность слѣдствія въ дѣлахъ, затрогивающихъ личныя права, уваженіе къ самой буквѣ закона и та поддержка, которую всѣмъ этимъ принципамъ даетъ общественное мнѣніе,—обыкновенно приписываютъ благо свободы, какою пользуются англичане, самому характеру ихъ конституціи, тому равновѣсію властей, которому Кондорсэ, какъ послѣдователь Тюрго и всей школы физіократовъ, не придаетъ серьезнаго значенія. Только соединеніемъ въ рукахъ англійскаго парламента многихъ исполнительныхъ функцій (благодаря выбору министровъ изъ его среды) объясняется въ глазахъ Кондорсэ необходимость раздѣла предоставленныхъ ему функцій между двумя палатами. Безъ такого раздѣла соединеніе законодательства и исполненія въ однѣхъ рукахъ повело бы въ Англіи, къ полнѣйшему деспотизму народной представительной камеры [1]). Такимъ образомъ, для Кондорсэ сущность англійской конституціи сводится опять-таки ни къ чему иному, какъ къ системѣ раздѣленія властей и ихъ политическаго противовѣса. Только вмѣсто того, чтобы преклоняться предъ нею, какъ дѣлало это большинство его современниковъ, онъ пытается доказать ея безполезность и объясняетъ присутствіе ея въ Англіи спеціальными причинами. Дюмонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что, за одно съ Бриссо, Сейесомъ, Гара и Дюпоромъ, Кондорсэ и въ своихъ бесѣдахъ высказывался неизмѣнно противъ англійской конституціи. Въ ихъ разговорахъ постоянно возвращалась фраза: «вотъ что погубило Англію» [2]).

Въ глазахъ всѣхъ ихъ одинаково — эта «гибель» означала сохраненіе революціей 1688 года наслѣдственнаго пэрства и столь же наслѣдственной королевской власти, которая съ помощью цивиль-листа и подкупа легко могла поставить большинство депутатовъ отъ общинъ въ положеніе скромныхъ

---

[1]) См. Lettres d'un bourgeois de New Heaven à un citoyen de Virginie sur l'inutilité de partager le pouvoir législatif entre plusieurs corps. Oeuvres complètes. T. 12 (изд. 1814), письмо четвертое, стр. 107.

[2]) Dumont. Souvenirs, стр. 165.

служителей короны [1]). Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы Бриссо напримѣръ отрицалъ за англійской конституціей всякое значеніе. Въ предисловіи къ первому изданію его путешествія въ Америку, написанномъ въ 1787 году, мы находимъ, слѣдующее мѣсто: «нечего думать о буквальномъ подражаніи; но деспотизмъ научится, благодаря Англіи, уважать права человѣка» [2]).

Едва-ли кто относился съ бо́льшей критикой къ ходячему представленію объ англійской конституціи, какъ полуанглича-нинъ по рожденію, маркизъ Казо. Но и онъ видитъ ея особенность въ «вѣчной зависти трехъ законодательныхъ «вето»—короля, народа и общинъ, которая, благодаря подкупу, сводится на

---

[1]) Всего далѣе идетъ въ своихъ нападкахъ на несовершенство англійской системы представительства Маратъ, лично посѣтившій Англію. Еще въ первомъ изъ его политическихъ памфлетовъ, въ „Цѣпяхъ рабства", написанныхъ въ 1774 г., онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры къ исправленію недостатковъ англійской конституціи: 1) отнять у короны возможность вліять на выборы; 2) отнять у нея право назначенія новыхъ пэровъ королевства; 3) путемъ основнаго закона удалить изъ парламента всѣхъ и каждаго изъ гражданъ, кто занимаетъ какое-либо мѣсто по назначенію отъ короля. Нападки на англійскіе порядки повторяются снова Маратомъ въ открытомъ письмѣ на имя генеральныхъ штатовъ, отъ 23-го августа 1789 года. Самое это посланіе озаглавлено: „Картина недостатковъ англійской конституціи, назначеніе которой предотвратить нашихъ депутатовъ отъ подводныхъ камней при устройствѣ правительственной машины. Недостатки, которые рано или поздно поведутъ къ потерѣ англичанами свободы,—тѣ самые, которые помѣшаютъ ея установленію въ нашей средѣ". Когда нѣсколько времени спустя Мунье внесъ свой проектъ конституціи, въ которомъ шла рѣчь объ устройствѣ палаты пэровъ и о передачѣ королю абсолютнаго вето, Маратъ возсталъ противъ тѣхъ, „которые, несмотря на чистоту своихъ намѣреній, лишены знаній и не внушаютъ довѣрія своими тенденціями. Они славословятъ свои труды, относятся къ нимъ съ полнымъ самодовольствомъ. Несчастные! если-бъ они знали, какія бѣдствія они готовятъ" (Marat, l'Ami du peuble, par Alfred Bougeard. 1865, т. I, стр. 157).

[2]) Nouveau voyage dans les étas unis de l'Amérique septentrionale fait en 1788, par. I. P. Brissot (Warville) citoyen français (Paris, chez Buisson, Avril, 1791), томъ III (Introduction mise en tête de la première édition de 1787).

практикѣ къ соперничеству всего на всего двухъ элементовъ,— дѣйствующаго за-одно съ королемъ и поддерживаемаго большинствомъ обѣихъ палатъ министерства, и стремящейся низвергнуть его оппозиціи».—Но далеко не въ этомъ видитъ Казо источникъ англійской свободы, а въ отсутствіи цензуры, въ ежегодномъ вотированіи субсидій, въ возможности ежечаснаго измѣненія законовъ и невозможности произвольнаго задержанія, наконецъ, въ тайнѣ частной корреспонденціи [1]).

Извѣстный публицистъ, іезуитъ Черутти [2]), памфлетамъ котораго суждено было играть такую выдающуюся роль въ дѣлѣ возбужденія общественнаго мнѣнія и выясненія среднему сословію его ближайшихъ задачъ, разъ перешедши на сторону тѣхъ, кто, подобно Мирабо, требовалъ единства народнаго представительства, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ свое первоначальное отношеніе къ англійскимъ учрежденіямъ. «Поклонникъ существующаго въ этой странѣ политическаго равновѣсія, я тѣмъ не менѣе находилъ связанныя съ нимъ колебанія нѣсколько замедляющими ходъ политической машины и не всегда безопасными для внутренняго мира и спокойствія, но эти недостатки искупались на мой взглядъ тѣмъ счастливымъ импульсомъ, какой сами эти колебанія сообщали общественному мнѣнію. Три одинаково жизненныхъ противовѣса становятся, въ виду этого, тремя энергическими двигателями и, чѣмъ яростнѣе была борьба, тѣмъ достигнутое рѣшеніе болѣе сознательно и прочно. Глубокое впечатлѣніе производила на меня посредствующая и умѣряющая дѣятельность палаты лордовъ, которая нерѣдко предупреждаетъ неизбѣжное столкновеніе монархической власти съ властью народа. Мнѣ казалось необходимымъ присутствіе въ этомъ національномъ спорѣ посредниковъ, способныхъ внести въ него свѣтъ истины и положить ему необходимыя границы. Наконецъ, я находилъ нѣчто величественное и даже божественное въ этой комбинаціи

---

[1]) De la simplicité de l'idée d'une constitution. Paris. 1788. Стр. 125, 155, 180, 111, 114 и 115.

[2]) Я разумѣю въ частности его Mémoire pour le peuple français, первое изданіе 1778 года. (Перепечатанъ въ журналѣ „La Révolution française за 1888 г.).

трехъ властей, при которой интересъ народа остается наиболѣе священнымъ и неприкосновеннымъ. Перенесеніе во Францію этого чуднаго древа, подъ сѣнью котораго покоится англійская свобода, не казалось мнѣ немыслимымъ» [1]).

Тотъ же Черутти писалъ въ болѣе раннемъ по времени памфлетѣ: «англійскій сенатъ, составленный изъ двухъ святилищъ, одного, соединяющаго въ себѣ предводителей націи, другаго, въ которомъ засѣдаютъ ея представители, — сенатъ, въ которомъ высшіе сановники стоятъ въ первыхъ рядахъ, чтобы быть ближе къ охраняемому ими престолу, а все, что представляетъ собою собственность,—на второмъ планѣ, чтобы быть ближе къ поддерживаемому ими равенству,—есть единственное въ мірѣ учрежденіе, съумѣвшее достигнуть равновѣсія въ дѣлѣ законодательства. Это равновѣсіе было бы неполнымъ и легко могло бы сдѣлаться жертвою случая, если бы рука монарха не направляла вѣсами, привлекая попеременно къ себѣ ту или другую сторону ихъ изъ опасенія, чтобы они не склонились окончательно въ пользу оппозиціи. Полное равновѣсіе, прибавляетъ Черутти, такъ же немыслимо между властями, какъ и между государствами, но всѣ усилія закона должны быть направлены къ его поддержанію» [2]).

Мы думаемъ, что сдѣланныхъ выписокъ достаточно для установленія того факта, что точка зрѣнія, съ какой депутаты Учредительнаго собранія и наиболѣе выдающіеся публицисты конца XVIII-го вѣка смотрѣли на англійскій политическій строй, не зависѣла ни отъ ихъ принадлежности къ той или другой партіи, ни отъ большей или меньшей возможности узнать эти порядки путемъ непосредственнаго наблюденія. Но чѣмъ, спрашивается, объяснить это сходство, чтобы не сказать тождество? Очевидно, тѣмъ, что всѣ придерживались однихъ и тѣхъ же авторитетовъ и видѣли въ англійскихъ учрежденіяхъ только тѣ стороны, на которыя указано было этими авторитетами? Но кто же были они? Въ

---

[1]) Observations rapides sur la lettre de M. de Calonne au Roi, par. M. Cerutti. Paris, 1789, стр. 44 и 45.

[2]) Mémoire pour le peuple français, par Cerutti; первое изданіе 1788 года. Перепечатано въ „Révolution française“, 1888.

трактатѣ «О государственныхъ порядкахъ важнѣйшихъ государствъ Европы», составленномъ де-ла-Круа, въ 1791 году, перечисляются тѣ писатели, у которыхъ современники могли почерпнуть свѣдѣнія объ англійской конституціи. Во главѣ ихъ, разумѣется, стоитъ Монтескьё, но рядомъ съ нимъ упоминаются также Делольмъ, Блекстонъ и Мабли. Едва ли нужно останавливаться на той мысли, что Делольмъ и Блекстонъ всецѣло проникнуты тѣми воззрѣніями на характеръ англійскихъ учрежденій, изложеніе которыхъ можно найти въ одинадцатой книгѣ «Духа законовъ». Правда, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія Делольмъ [1]) утверждаетъ, что дѣйствительная природа правительствъ, источникъ авторитета и свободы—не всегда ясно понимаемы были Монтескьё, и что въ частности его наблюденія надъ Англіей были слишкомъ общи и поверхностны [2]). Но это не мѣшаетъ тому, что при изложеніи самихъ началъ англійской конституціи Делольмъ подводитъ ихъ подъ теорію раздѣленія и равновѣсія властей. Очень характерны въ этомъ отношеніи слѣдующія мѣста его книги: «Мы постарались показать,—говоритъ онъ,—въ первой главѣ второй части, какую возможность имѣютъ отдѣльныя власти въ Англіи уравновѣшивать другъ друга. Ихъ дѣйствіе и противодѣйствіе являются источникомъ той политической свободы, какою пользуются граждане, и сущность которой лежитъ въ этомъ равновѣсіи» [3]). Чтобы воспрепятствовать узурпаціи со стороны законодательныхъ палатъ, «конституція,—установила противовѣсъ; имъ является королевская власть. Чтобы сдѣлать возможнымъ осуществленіе ею этой функціи, она надѣлила монарха правомъ пересмотра рѣшеній, принятыхъ законодательной властью (veto), а также правомъ распускать палаты. Съ

---

[1]) Въ своихъ замѣткахъ о путешествіи въ Англію 1-го іюля 1784 г., госпожа Роланъ, говоритъ: „Сочиненіе Делольма пользуется такимъ уваженіемъ, что сами англичане нерѣдко цитируютъ его въ дебатахъ своего парламента“. См. Voyage en Angleterre 1-er Juillet 1784; въ III т. Oeuvres de J. M. Ph. Roland, Paris, an VIII, стр. 272.

[2]) Constitution de l'Angleterre, томъ II новаго изданія 1822, стр. 228.

[3]) Ibid., Томъ I, стр. 265.

этою же цѣлью она перенесла на него всю полноту исполнительной власти» [1]). Единство ея такъ же необходимо для прочности конституціи, какъ и дѣлежъ законодательныхъ функцій. Англичане сознали эту истину; они поняли, что раздѣлъ власти исполнительной имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ междоусобную войну и торжество сильнѣйшаго, тогда какъ такого исхода отнюдь нельзя ждать отъ раздѣла власти законодательной [2]). Еслибы англичане предоставили законодательную власть только палатѣ — невозможность узурпаціи со стороны законодателей была бы менѣе обезпечена, нежели теперь, когда «veto» принадлежитъ королю. Палатамъ все же легче достигнуть соглашенія между собою и дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ. Такимъ образомъ «veto» короля—гарантія тому, что въ конституцію не внесено будетъ перемѣнъ [3]). Опять-таки въ интересахъ равновѣсія,—англичане предоставили иниціативу законовъ всецѣло палатамъ и удержали за королемъ только право отвергнуть проводимыя ими реформы, но отнюдь не внести въ нихъ измѣненія [4]). Делольмъ не разъ возвращается къ той мысли, что невозможность присвоенія палатами функцій власти исполнительной — такая же существенная гарантія англійской свободы, какъ и невозможность для короля иной роли въ дѣлѣ законодательства, кромѣ той, какая принадлежитъ тормазу [5]). Нѣтъ основанія, полагаетъ онъ, опасаться захватовъ со стороны королевской власти, такъ какъ для ихъ предупрежденія конституція надѣлила палату народныхъ представителей исключительнымъ правомъ предлагать финансовые билли, установлять и отмѣнять налоги [6]). Только сосредоточеніе всей исполнительной власти въ рукахъ монахра дѣлаетъ возможнымъ передачу націи и ея представителямъ законодательныхъ функцій безъ малѣйшаго ущерба для свободы [7]).

---

[1]) Ibid., стр. 272, 273.
[2]) Ibid., стр. 292.
[3]) Ibid., стр. 293, 295.
[4]) Ibid., стр. 306, 307, и 311 (томъ I).
[5]) Ibid ,томъ II (стр. 2, 3, 126, 164).
[6]) Ibid., стр. 233.
[7]) Ibid., стр. 243.

Я не стану излагать взглядовъ Блакстона на англійскую конституцію, какъ я сдѣлалъ это по отношенію къ Делольму, попотому что «комментаріи» этого извѣстнаго юриста, какъ написанные на иностранномъ языкѣ, доступны были только немногимъ во Франціи. Насколько Блакстонъ подчинился вліянію Монтескьё, можно судить по тому, что Бёркъ, ученіе котораго объ англійской конституціи всецѣло опирается на Блакстонѣ, видитъ въ ней то же торжество принциповъ раздѣленія и равновѣсія властей, какое думалъ открыть въ ней авторъ Духа Законовъ. Извѣстно, какое воздѣйствіе оказали на общественную мысль Франціи разсужденія Бёрка, и интересно поэтому отмѣтить, что и этотъ писатель, поставленный, очевидно, въ наилучшія условія для изученія особенностей англійскихъ порядковъ, тѣмъ не менѣе не могъ дать о нихъ французамъ другого понятія, кромѣ того, какое составлено было ими ранѣе на основаніи ученій собственныхъ публицистовъ. Полемизируя съ членами революціоннаго клуба въ Лондонѣ и его фактическимъ руководителемъ—Прайсомъ, Бёркъ старается доказать, что англичане, вопреки утвержденію противника, не пріобрѣли революціей 1688 года ни «права выбора тѣхъ, кто ими управляетъ, ни свободы низлагать ихъ, и что исполнительная власть остается у нихъ независимой отъ палатъ» [1]).

Если мы въ настоящую минуту спросимъ себя, въ какой мѣрѣ ходячее въ XVIII вѣкѣ представленіе объ англійской конституціи отвѣчало дѣйствительности, если, независимо отъ какихъ бы то ни было теорій, мы попытаемся отвѣтить на вопросъ, какими путями была достигнута въ Англіи политическая свобода и какое, въ частности, значеніе имѣли для народныхъ вольностей пережитыя ею въ XVII вѣкѣ революціи,—то намъ придется сказать, что не въ обособленіи и независимости исполнительной власти отъ законодательной, а въ подчиненіи ея народному представительству лежитъ дѣйствительный источникъ англійской политической свободы и сущность принциповъ 1688 года. Это главенство законодательной власти надъ исполнительной, которое въ теоріи провозглашено Сиднэ и Локкомъ, достигнуто

---

[1]) Réflexions sur la révolution de France (изд. 1791 года стр. 25).

было далеко не сразу. Восходя къ эпохѣ Плантагенетовъ, ко временамъ Іоанна Безземельнаго и Генриха III, мы находимъ формальный договоръ короля съ подданными, которымъ выговорена свобода ихъ личности и право представительства. Это— Великая Хартія вольностей, частое подтвержденіе которой преемниками Іоанна само уже указываетъ на столь же частыя ея нарушенія. Представительство становится совершившимся фактомъ только съ момента допущенія въ «Большой Совѣтъ» короля депутатовъ отъ городовъ, наравнѣ съ депутатами отъ графствъ, а свобода личности, въ смыслѣ невозможности произвольнаго задержанія—только съ установленія обвинительныхъ и судебныхъ присяжныхъ. И то, и другое нововведеніе не имѣютъ послѣдствіемъ существеннаго ограниченія самодержавія. Власть англійскихъ королей остается прежней до момента утвержденія Эдуардомъ I знаменитаго статута «de tallagio non concedendo». Этотъ статутъ предъявляетъ требованіе, чтобы налоги не были взимаемы впредь безъ согласія народнаго представительства. Право общинъ и лордовъ ходатайствовать о реформахъ, преимущество, общее имъ съ высшими сословіями континента, переходитъ въ право непосредственнаго законодательнаго почина не ранѣе XV-го столѣтія. Эта побѣда достигается косвенными путями и имѣетъ своимъ источникомъ уже пріобрѣтенную вольность—право давать или отказывать правительству въ денежныхъ средствахъ. Помимо закона, благодаря одной парламентской практикѣ, установляется обычай вотировать бюджетъ въ концѣ сессіи послѣ принятія королемъ внесенныхъ депутатами биллей. Общины не ранѣе соглашаются на «субсидіи», какъ послѣ обращенія ихъ биллей въ законъ, другими словами, говоря языкомъ Монтескьё.—послѣ того, какъ исполнительная власть въ лицѣ короля. откажется отъ мысли остановить ходъ законодательной съ помощью принадлежащаго ей вето. Въ XVI и первой половинѣ XVII-го вѣка, благодаря разнообразнымъ причинамъ, корень которыхъ лежитъ въ соціальномъ и религіозномъ переворотѣ, монархическая власть временно усиливается; королевскіе регламенты, въ виду раболѣпія палатъ, пріобрѣтаютъ значеніе законовъ. Послѣдніе остаются безъ примѣненія, такъ

какъ монархъ присваиваетъ себѣ право пріостанавливать ихъ дѣйствіе и освобождать виновныхъ въ ихъ нарушеніи отъ законной отвѣтственности (suspending and dispensing power). Король и его министры стремятся къ установленію постоянной арміи и постояннаго, независимаго отъ воли палатъ, налога на ея содержаніе. Карлъ I и его ближайшій помощникъ, Стаффордъ, дѣйствуютъ въ этомъ направленіи совершенно такъ же, какъ столѣтіями раньше дѣйствовалъ во Франціи Карлъ VII, создавая «taille royale»—прямой налогъ для покрытія военныхъ издержекъ — и заводя на средства, доставляемыя этимъ налогомъ, постоянное войско. Еще на одну вольность,—столь же древнюю, какъ и право самообложенія,—заносятъ Стюарты руку. Не отмѣняя въ принципѣ суда присяжныхъ, они изъемлютъ изъ его вѣдѣнія рядъ дѣлъ, именно тѣ, которыя касаются печати, права выбора религіознаго культа и свободы отъ личнаго ареста. Два раза англійскій народъ поставленъ въ необходимость открытаго разрыва съ посягнувшей на его вольности династіей, и два раза онъ выходитъ побѣдителемъ изъ этого столкновенія между старымъ порядкомъ, опирающимся на законы и конституціи, и новымъ, не имѣющимъ другаго источника, кромѣ произвола министровъ. Первымъ дѣломъ побѣдителя — занесть въ новую писанную конституцію (билль о правахъ) принципіальное рѣшеніе тѣхъ спорныхъ пунктовъ, изъ-за которыхъ загорѣлась удачно кончившая борьба. «Король и министры не будутъ впредь,— значится въ этомъ биллѣ,—отмѣнять дѣйствія законовъ и освобождать кого-либо отъ ихъ примѣненія». Свобода отъ личнаго задержанія, выговоренная еще Великой Хартіей и вновь подтвержденная Карломъ II въ знаменитомъ актѣ «Habeas corpus», дѣлается отнынѣ дѣйствующимъ правомъ, такъ какъ король лишенъ возможности поручать разбирательство извѣстныхъ процессовъ членамъ своего совѣта (звѣздной палатѣ) и обязанъ предоставить ихъ суду присяжныхъ. Особымъ биллемъ (Mutiny Act) рѣшенъ и спорный вопросъ о постоянной арміи и налогѣ. Король остается верховнымъ военачальникомъ, но число войскъ и средства на ихъ содержаніе ежегодно вотируются парламентомъ. Чего не въ состояніи достигнуть никакіе билли и соглашенія, то уста-

повляется само собой путемъ жизненной практики. Со временъ Анны глава исполнительной власти почти не пользуется признаваемымъ за нимъ конституціею правомъ отказывать въ утвержденіи прошедшимъ черезъ обѣ палаты биллямъ. Что еще важнѣе—онъ выбираетъ своихъ министровъ изъ среды парламента, ввѣряя имъ каждый разъ руководительство дѣлами страны. Самый выборъ его обусловливается тѣмъ, какая изъ двухъ правящихъ партій — торіи или виги — пользуется большинствомъ. А это обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ для парламента дѣятельный контроль за управленіемъ, помимо обращенія къ тому крайнему средству, какимъ является обвиненіе и судъ надъ министрами. Стоитъ парламенту высказаться большинствомъ голосовъ противъ предлагаемой ему мѣры — и министерство выходитъ въ отставку. Программа оппозиціи становится въ такомъ случаѣ программой правительства, и въ новое министерство вступаютъ руководившіе ею вожаки. Правда, эта практика упрочивается далеко не сразу. Въ правленіе Вильгельма и Маріи король остается собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а Георгъ III не разъ удерживаетъ на министерскихъ скамьяхъ лицъ, потерявшихъ довѣріе большинства. Коалиціонныя министерства, въ составъ которыхъ входятъ одновременно вожаки враждебныхъ парламентскихъ группъ, находящіе поддержку въ искусственномъ нерѣдко большинствѣ, затемняютъ не разъ дѣйствительный характеръ того отношенія, какое со времени революціи 1688 года установилось между законодательною и исполнительною властью.

Современная система кабинета съ характеризующими ее признаками: зависимости не отъ одного короля, но и отъ большинства въ палатахъ, главенства премьера и опредѣленія имъ по собственному выбору личнаго состава министерства, солидарности между его членами или, что то же, полнаго соглашенія по важнѣйшимъ вопросамъ политики, внутренней и внѣшней,— все это не создано закономъ, а установилось вопреки закону. Актъ о престолонаслѣдіи (Act of settlement) не только не знаетъ кабинета, но еще заключаетъ въ себѣ постановленія, которыя, повидимому, идутъ прямо въ разрѣзъ съ нимъ. Онъ говоритъ,

что король не будетъ имѣть другихъ совѣтниковъ, кромѣ членовъ Тайнаго Совѣта. Но эти послѣдніе не входятъ необходимо въ составъ палатъ, а наоборотъ, представляютъ изъ себя нѣчто совершенно независимое отъ народнаго представительства, такъ какъ назначеніе ихъ всецѣло зависитъ отъ одного короля. Съ того момента, когда парламентъ расширилъ сферу своего контроля и вмѣшательства на всѣ области внѣшней и внутренней политики, пришлось отказаться отъ мысли управлять страною съ помощью лицъ, не имѣющихъ никакого непосредственнаго вліянія въ его стѣнахъ,—другими словами, необходимо было нарушить постановленія Акта о Престолонаслѣдіи и ввѣрить верховную администрацію не членамъ Тайнаго Совѣта, а лидеру, или вожаку господствующей партіи, и избраннымъ имъ помощникамъ. Въ правленіе первыхъ двухъ Георговъ, Вальполь, не желая уступить мѣста своимъ политическимъ противникамъ, съ помощью почти открытаго подкупа искусственно поддерживалъ благопріятное ему большинство. Даже въ правленіе Георга III, въ ближайшее тридцатилѣтіе, предшествовавшее французской революціи, продолжала держаться въ Англіи школа политическихъ дѣятелей и мыслителей, которые, слѣдуя буквѣ закона, требовали для короля полной свободы въ составленіи кабинета и видѣли въ каждомъ отдѣльномъ министрѣ королевскаго служителя, отвѣтственность котораго не выходитъ за предѣлы ввѣренной ему вѣтви управленія и не налагаетъ обязанности солидарной дѣятельности съ товарищами. Такихъ взглядовъ придерживался Картеретъ, Болингброкъ, Пультнэ, отчасти также Шельборнъ. Для торіевъ, долгое время устраненныхъ отъ дѣлъ, благодаря торжеству въ обществѣ и парламентѣ принциповъ второй англійской революціи и поддержавшихъ ихъ виговъ, мысль о независимости короля отъ палатъ въ дѣлѣ выбора министровъ являлась одновременно и жизненнымъ принципомъ, и якоремъ спасенія. Докторъ Джонсонъ открыто проводилъ тотъ взглядъ, что въ усиленіи королевской власти лежитъ единственное средство борьбы противъ развращающей націю системы подкупа, на которой, по его словамъ, опиралось численное преобладаніе и политическое торжество виговъ. Поставленный въ

необходимость выбора премьера изъ ихъ вожаковъ, Георгъ III въ то же время не отказывалъ себѣ въ удовольствіи конспирировать противъ собственныхъ министровъ съ помощью особой партіи такъ называемыхъ «королевскихъ друзей», получавшихъ отъ него непосредственно свои инструкціи. Ихъ голосъ оставлялъ нерѣдко министерство въ меньшинствѣ.

Мысль о томъ, что члены кабинета должны подчиняться въ направленіи своей политики взглядамъ премьера, и самая необходимость существованія въ рядахъ министерства такого премьера или главы—отрицались не разъ еще въ первой половинѣ столѣтія. Въ протестѣ, представленномъ частью палаты лордовъ въ 1741 году, ставилось Вальполю въ особую вину присвоеніе себѣ такого поста. Глава министерства,—заявляли лорды,—неизвѣстенъ англійскому законодательству и противорѣчитъ конституціи [1]). Никто иной, какъ лордъ Норсъ, фактическій глава кабинета въ эпоху первыхъ столкновеній съ американскими колоніями, отрицалъ за собой подобный титулъ и связанныя съ нимъ права [2]).

Вопросъ о необходимости солидарной дѣятельности между членами кабинета оставался еще открытымъ въ 1792 году, когда одинъ изъ министровъ, канцлеръ Терло, сдѣлалъ открытое нападеніе на предложенный главою кабинета, Питтомъ, проектъ погашенія государственнаго долга. На этотъ разъ вопросъ рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ Георгъ III, которому Питтъ грозилъ отставкой, не замедлилъ уволить несогласнато съ премьеромъ канцлера [3]). При всемъ томъ практика послѣдовательной смѣны министерствъ сообразно торжеству той или другой изъ двухъ борющихся партій — виговъ и торіевъ—уже въ 1784 году являлась настолько установившейся, что англійскій дипломатъ Блэндъ Борджесъ привѣтствовалъ окончательное торжество Питта, говоря, что оно положило конецъ той печальной необходимости ,которая не разъ

---

[1]) Thorold Rogers, Protests of the Lords, т. II, стр. 10.

[2]) См. письмо дочери лорда Норса къ лорду Бруму (въ Brougham's Statesmen of the time of George III. Appendix).

[3]) Lecky. A history of England in the XVIII-th century, т. V, стр. 23.

заставляла Георга III ввѣрять управленіе страною ненавидимому имъ Фоксу.—«Руки короля,—прибавляетъ онъ,—были связаны въ теченіе многихъ лѣтъ; ему не оставалось другаго выбора, какъ между Питтомъ и Фоксомъ, такъ какъ эти два политическихъ дѣятеля раздѣляли между собой страну и палату общинъ» [1]).

Такимъ образомъ, уже со второй половины XVII вѣка послѣдовательная смѣна политическихъ партій въ управленіи создала между королемъ, парламентомъ и министерствомъ отношенія, довольно близкія къ тому парламентскому режиму, полное осуществленіе котораго выпало въ удѣлъ нашему времени. Ученіе англійскихъ юристовъ, съ Кокомъ во главѣ, о всемогуществѣ парламента, не знающемъ другихъ предѣловъ, кромѣ законовъ природы [2]), съ каждымъ днемъ приходило все въ большее и большее соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, такъ какъ палатамъ постепенно удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ не только заботы о законодательствѣ, но и верховное завѣдываніе въ лицѣ вышедшаго изъ ихъ среды кабинета, всей внѣшней и внутренней политикой, т.-е. тѣмъ самымъ, что Монтескьё и Делольмъ считали исключительною сферою независимой отъ законодательства исполнительной власти. Ученіе Монтескьё о томъ, что смѣшеніе въ однѣхъ рукахъ различныхъ правительственныхъ функцій является угрозою для свободы, раздѣляется англичанами лишь настолько, насколько это необходимо въ интересахъ строгаго правосудія. Они отрицаютъ поэтому право лицъ, издающихъ законы, быть его исполнителями, думая, не безъ основанія, что въ противномъ случаѣ законы нерѣдко будутъ издаваемы ad hoc, противъ того или другаго частнаго лица. Сознаніе этой опасности и побудило ихъ отмѣнить «Биллемъ о правахъ» 1689-го года тотъ процессуальный порядокъ, которымъ совѣтникъ Карла I, Стаффордъ, приведенъ былъ къ

---

[1]) Этотъ отрывокъ изъ бумагъ Bland Burgess—подсекретаря по внѣшнимъ сношеніямъ—относится къ 1794 г. Онъ приведенъ Лекки на 23 стр. 5-го тома его „Исторіи Англіи въ XVIII вѣкѣ“

[2]) „Парламентъ все можетъ сдѣлать; онъ не въ силахъ только обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину“.

эшафоту. Парламентъ не въ правѣ болѣе издать билля of attainder.—другими словами, закона, которымъ извѣстный актъ, какъ совершенный извѣстнымъ лицомъ, признается преступленіемъ и подлежитъ опредѣляемому на этотъ случай наказанію. Но англичане не доводятъ преданности теоріи до того, чтобы отказать одной изъ законодательныхъ палатъ—палатѣ лордовъ—въ правѣ суда надъ министрами. Неудобство быть судьею въ собственномъ дѣлѣ избѣгается въ данномъ случаѣ тѣмъ, что судящая министровъ палата—не та, которой предоставлено право ихъ обвиненія: судятъ лорды, но обвиняютъ общины.

Свобода, достигаемая въ сферѣ политическихъ правъ господствомъ парламентской системы правленія или, что то же, торжествомъ начала самоуправленія общества, достигается по отношенію къ публичнымъ правамъ гражданъ подчиненіемъ администраціи суду. Нѣтъ такого правительственнаго акта, который бы нельзя было обжаловать въ Англіи передъ судьями, разъ этимъ актомъ задѣваются права частнаго лица. Свобода личности, неприкосновенность собственности, вѣротерпимость, тайна писемъ и свобода печати не имѣютъ иной гарантіи, кромѣ той, какую даетъ имъ независимость приговора взятыхъ изъ народа присяжныхъ. Само собою ясно, что этотъ порядокъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ обособленіемъ судебной власти отъ исполнительной, какое Монтескьё и, по его слѣдамъ, дѣятели Учредительнаго собранія тщетно отыскивали въ англійской конституціи.

Какъ мало сознаваемы были большинствомъ ихъ дѣйствительныя основы парламентскаго режима и правоваго государства, торжеству которыхъ англичане XVIII вѣка обязаны были своей политической свободой, въ этомъ легко убѣдиться изъ чтенія той обширной памфлетной литературы, которая наводнила собою страну въ періодъ времени отъ перваго собранія нотаблей до созыва генеральныхъ штатовъ. Въ то время, какъ Сейесъ объявлялъ «готической», т. е. носящей на себѣ печать среднихъ вѣковъ, англійскую систему пэріи, а Лафайетъ предсказывалъ ближайшее упраздненіе палаты лордовъ [1]), Кондорсэ

---

[1]) См. Mémoires de Montlosier, томъ I, стр. 213.

и Бриссо, по словамъ Дюмона, распространялись въ соболѣзнованіяхъ объ «утратѣ Англіей ея политической свободы», и горячій даже приверженецъ «британскихъ учрежденій», Бергассъ, обнаруживалъ полное непониманіе ихъ тайныхъ пружинъ, предостерегая депутатовъ Учредительнаго собранія отъ опасности того, что называютъ въ Англіи оппозиціей». Только подкупностью англійскаго парламента объяснялъ, неизвѣстно почему, Бергассъ существованіе двухъ борющихся между собой партій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это противоположеніе правительственнаго большинства и меньшинства оппозиціи, эта постоянная смѣна у кормила правленія вожаковъ торіевъ и виговъ, сообразно численному преобладанію тѣхъ или другихъ, и составляетъ какъ мы видѣли, дѣйствительную основу англійскаго режима и достигаемаго при его посредствѣ начала самоуправленія общества [1]). Въ своей монографіи объ ораторахъ учредительнаго собранія, профессоръ Оларъ справедливо настаиваетъ на той мысли, что ни одинъ изъ руководящихъ дѣятелей 89-го года не стремился къ образованію въ средѣ депутатовъ численной партіи. Сознаніе той тѣсной связи, какая существуетъ между парламентской жизнью и постояннымъ соперничествомъ раздѣляющихъ націю политическихъ группъ, было настолько чуждо дѣятелямъ 89-го года, что Мирабо и Барнавъ, напримѣръ, считали незаслуженнымъ навѣтомъ заявленіе, будто они желаютъ окружить себя возможно большимъ числомъ приверженцевъ. Слѣдующія выдержки изъ сочиненій Кондорсэ также могутъ служить доказательствомъ полнаго непониманія французами прошлаго вѣка дѣйствительныхъ основъ англійской политической жизни. «Въ Англіи,—пишетъ этотъ приверженецъ идей физіократовъ.—существуютъ оба вида деспотизма—прямой и кос-

---

[1]) Вотъ подлинный переводъ того, что̀ въ своемъ „Мемуарѣ о генеральныхъ штатахъ“, появившемся въ 1789 году, пишетъ Бергассъ объ англійской оппозиціи! „Политическое броженіе не можетъ существовать въ народѣ иначе, какъ подъ условіемъ нравственной порчи. Только благодаря тому, что по своему составу парламентъ доступенъ подкупу, англійская нація представляетъ собою зрѣлище двухъ постоянно враждующихъ партій“. (См. Mémoire de M. Bergasse sur les Etats-Généraux fixés au 27 avril 1789, стр. 38 и 39).

венный, прямой въ томъ смыслѣ, что право отрицанія (droit négatif), признанное за королемъ и пэрами, не оставляетъ народу никакого легальнаго средства къ отмѣнѣ дурнаго закона. Источникъ же косвеннаго деспотизма лежитъ въ томъ, что палата общинъ въ дѣйствительности не представляетъ собою народа, и такимъ образомъ не отвѣчаетъ своему назначенію»; это «аристократическое тѣло, которое направляютъ по произволу сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ—частью министры, частью пэры, частью простые комонэры». Англійскій парламентъ, въ глазахъ Кондорсэ, является орудіемъ не одной деспотіи, но и анархіи. «Нѣкоторые писатели,—говоритъ онъ,—сочли возможнымъ назвать свободой ту анархію, какая проистекаетъ отъ раздора между властями; они провозгласили равновѣсіемъ то состояніе инерціи и полнаго безсилія дѣлать добро и зло, до какого эти власти доведены системой своего постояннаго и взаимнаго противовѣса. Но чтобы ихъ опровергнуть, достаточно сослаться на то, что рабъ, подчиненный двумъ соперничающимъ владыкамъ, не перестаетъ отъ этого быть рабомъ» [1]).

Если прибавить къ сказанному, что ни въ одномъ изъ своихъ политическихъ памфлетовъ Черутти, Рабо-Сентъ-Этьенъ и Сейесъ не обмолвились ни словомъ о роли партій, о составленіи королемъ министерства изъ членовъ численнаго большинства, о солидарности между министрами, объ ихъ политической отвѣтственности, отличной отъ судебной и выражающейся въ выходѣ ихъ въ отставку въ моментъ перехода большинства на сторону оппозиціи, — то придется сказать, что сторонники и противники англійской конституціи одинаково смотрѣли на нее только сквозь призму теоріи раздѣленія властей и политическаго равновѣсія. Они не видѣли въ ней самаго существеннаго, ни элементовъ самодѣятельности общества, ни тѣхъ началъ правоваго государства, источникъ которыхъ лежитъ въ контролѣ законодательства и суда за дѣйствіями исполнительной власти. Сейесъ, по словамъ хорошо знавшаго его Дюмона, считалъ англійскую конституцію не болѣе, какъ

---

[1]) Idées sur le despotisme (Condorcet, Oeuvres, изд. 1804.го года т. XII Mélanges polit., t. 2. стр. 207 и 209).

«шарлатанствомъ», придуманнымъ для того, чтобы пустить народу пыль въ глаза. Всякое вліяніе короны казалось ему источникомъ продажности, а всякая оппозиція—закулисной борьбою министерскихъ переднихъ [1]).

Но и самъ Дюмонъ принадлежавшій къ числу наиболѣе горячихъ англомановъ, находилъ въ прославляемой имъ конституціи только тѣ достоинства, какія связаны были съ устраненіемъ ею слишкомъ рѣзкихъ треній и установленіемъ между властями взаимной зависимости и соподчиненія [2]). Неудивительно, поэтому, если онъ отнесся съ полнымъ отрицаніемъ къ тому изъ современниковъ, который первый вздумалъ познакомить французовъ съ тѣмъ фактомъ, что справедливый въ теоріи противовѣсъ законодательной, исполнительной и судебной власти, на практикѣ сводится въ Англіи къ соперничеству правительства и оппозиціи,—правительства, къ которому принадлежитъ большинство обѣихъ палатъ и руководящее имъ министерство, и оппозиціи, составленной изъ меньшинства тѣхъ же палатъ. Я имѣю въ виду уже упомянутаго мною маркиза Казо. Дюмонъ говоритъ о его этюдѣ, что никто не въ состояніи былъ ни дочесть его до конца, ни понять того, что желалъ развить въ немъ авторъ. Повидимому, Мирабо составилъ исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ въ его рѣчь о королевскомъ вето включены были, по словамъ того же Дюмона, цѣлыя страницы изъ этого сочиненіи. Это показаніе недавно было провѣрено и признано отвѣчающимъ истинѣ профессоромъ Оларомъ, позволившимъ себѣ по этому случаю обвинить Мирабо въ литературномъ плагіатѣ [3]). Нельзя сказать,

---

[1]) Toute influence de la couronne était à ses yeux de la vénalité, toute opposition n'était q'un manège d'antichambre (Souvenirs, стр. 51).

[2]) „Il me parut,—пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ",—que Sieyes m'écoutait avec assez de pitié quand je lui représentaîs les modifications de ce système, les ménagements réciproques, les freins pour ainsi dire cachés, la dépendance voilée, mais réelle des trois parties qui constituent la législation (Souvenirs, ibid.).

[3]) Souvenirs, par Etienne Dumont, стр. 152. См. также Anlard, Les orateurs de la Constituante (стр. 166), сочиненіе, въ которомъ авторъ ссылается на этюдъ, напечатанный имъ въ мемуарахъ академіи въ Бордо и озаглавленный: „Un plagiat de Mirabeau".

чтобы Казо не имѣлъ предшественниковъ, и чтобы никто раньше его не отмѣтилъ установившагося путемъ практики подчиненія въ Англіи исполнительной власти, т.-е. короля и министровъ — законодательной, т.-е. парламенту, — обстоятельство, сдѣлавшее возможнымъ контроль послѣдняго за внутренней и внѣшней политикой, отвѣтственность министровъ передъ палатами, правительство партій и систему кабинета. За цѣлыхъ полстолѣтія до появленія «Духа законовъ» Локкъ уже видѣлъ въ Англіи осуществленіе своего идеала фактическаго подчиненія исполнительной власти законодательной. Изъ французскихъ политическихъ писателей Мабли также указывалъ на необходимость провѣрить свидѣтельство Монтескьё о равновѣсіи властей въ Англіи показаніями Локка [1]),

Въ «Письмахъ земледѣльца изъ Нью-Джерзе» и Кондорсе высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы источникомъ англійской свободы было начало равновѣсія властей. Это равновѣсіе,— думаетъ онъ,—на самомъ дѣлѣ никогда не существовало, и по всей вѣроятности, немыслимо и въ будущемъ. Англичане

---

[2]) Въ своемъ трактатѣ объ изученіи политики (томъ VIII, Oeuvres) Мабли говоритъ: „я желалъ бы, чтобы каждый съ величайшимъ вниманіемъ и нѣсколько разъ прочелъ трактатъ Локка о гражданскомъ правительствѣ. Надо сдѣлать изъ него свое достояніе и настолько проникнуться его принципами, чтобы имѣть возможность отнестись критически къ тѣмъ ошибкамъ, которыхъ самъ авторъ не избѣжалъ, благодаря тому чрезмѣрному уваженію, какимъ англичане окружаютъ свое правительство. Внимательное изученіе Локка предостережетъ читателя отъ многихъ заблужденій, въ какія можетъ ввести его чтеніе Грота или Пуффендорфа (De l'étude de la Politique. Collection complète des Oeuvres de l'abbé de Mably, томъ XIII (à Paris, l'an III de la République 1794—1795 г., стр. 143, 144).

Въ другомъ трактатѣ (De l'étude de l'Histôire) Мабли также старается показать, что ученіе Монтескьё о равновѣсіи властей, яко бы достигнутомъ въ англійской конституціи, не отвѣчаетъ дѣйствительности. Томъ XII, стр. 230.

Изъ двухъ сочиненій, составившихъ извѣстность Монтескье, Мабли ставитъ выше трактатъ „О причинахъ величія и паденіи римлянъ, хваля автора за тотъ духъ свободы, которымъ дышитъ его книга. Наоборотъ, „Духъ законовъ“ кажется ему сочиненіемъ, переполненнымъ ошибокъ.

достигли свободы несравненно простѣйшимъ способомъ: съ помощью народнаго представительства и суда присяжныхъ [1]). Замѣчательно, что Кондорсе ни словомъ не обмолвился о системѣ партій, и объ особомъ порядкѣ составленія кабинета [2]). Казо первый сдѣлалъ попытку доказать, что столкновеніе властей, способное парализовать всякую политическую дѣятельность, немыслимо въ Англіи, благодаря тому обстоятельству, что прямыми и косвенными путями, не исключая и подкупа, министерство всегда располагаетъ большинствомъ въ обѣихъ палатахъ. Такимъ образомъ, тѣ три вето, которые обыкновенно находятъ въ англійской конституціи, въ дѣйствительности сводятся, къ двумъ: къ неотчуждаемому вето народа, раскрывающему монарху глаза на неразуміе или коварство предложенныхъ ему министрами мѣръ, и къ священному вето самого монарха, который защищаетъ народъ отъ произвола палатъ.

---

[1]) Стр. 30, 37 Examen du gouvernement d'Angleterre, comparé aux conssitutions des états-unis (изд. 1789).

[2]) Любопытно также, что Мабли, считавшій необходимымъ назначеніе министровъ депутатами (см. L'abbé de Mably, moraliste et pôlitique, par Guerrier. Paris, 1886 г., стр. 137), не замѣчаетъ, что предлагаемый имъ порядокъ существуетъ въ Англіи: „Сколь несчастны англичане, — пишетъ онъ, — благодаря тому, что не выбираютъ сами совѣтниковъ и министровъ короля". Французская революція сдѣлалась совершившимся фактомъ прежде, чѣмъ Барнаву пришло на мысль сдѣлать слѣдующее характерное заявленіе: „я не знаю, хорошо ли я извѣщенъ о томъ, что̀ дѣлается въ Англіи, такъ какъ самъ не видѣлъ всего этого собственными глазами. Но если справедливо, что министерское большинство служитъ не столько интересамъ той или другой власти, сколько той или другой административной программѣ, что оно настолько связано общественнымъ мнѣніемъ и интересами самосохраненія, что не прочь отказаться отъ министерства, еслибы послѣднее вздумало напасть на конституцію, если справедливо, что такъ часто упоминаемая продажность на самомъ дѣлѣ сводится только къ искусному распредѣленію должностей между приверженцами, безъ чего не можетъ обойтись ни одно правительство, то надо будетъ признать, что англійскіе порядки разрѣшаютъ великую задачу всѣхъ политическихъ учрежденій, обезпечивая незыблимость конституціи и дѣлая возможнымъ существованіе дѣятельнаго правительства (Barnave, Oeuvres publ. par. Béranger de la Drôme. 1843. Томъ I, стр. 74).

претендующихъ быть выразителями его воли, но далеко не всегда отвѣчающихъ на дѣлѣ этой претензіи. Казо поясняетъ свою мысль, предполагая два различныхъ случая—иниціативы законовъ министерствомъ и предложенія ихъ оппозиціи. И въ первомъ, и во второмъ, онъ видитъ одну борьбу правительства съ противной ему партіей. Министры дѣлаютъ палатамъ только тѣ предложенія, какія первоначально одобрены были монархомъ. Вето можетъ поэтому послѣдовать только со стороны оппозиціи, которая будетъ въ такомъ случаѣ агентомъ народа. Если изъ ея рядовъ вышелъ проектъ новаго закона, то опять-таки рѣчь можетъ итти только объ одномъ вето со стороны министерства, дѣйствующаго за-одно съ королемъ и опирающагося на большинство въ палатахъ. И такъ,—заканчиваетъ Казо,—тѣ три участника законодательной власти, какими въ Англіи являются король, лорды и общины, располагаютъ на практикѣ, всего-на-всего, двумя вето, изъ которыхъ одно падаетъ само собою въ моментъ предложенія закона принявшими на себя иниціативу правительствомъ или оппозиціей [1]).

Не даромъ Мирабо говорилъ о Казо, какъ о лучшемъ знатокѣ англійской конституціи. При всемъ несовершенствѣ формы, онъ, можетъ быть, больше другихъ содѣйствовалъ выясненію въ глазахъ великаго трибуна того значенія, какое для упроченія порядка и свободы имѣетъ передача функцій исполненія въ руки взятаго изъ среды собранія и поддерживаемаго большинствомъ солидарнаго министерства. Въ Учредительномъ Собраніи Мирабо одинъ явился провозвѣстникомъ этой идеи. Тотъ дружный отпоръ, какой встрѣтило его предложеніе дать министрамъ доступъ въ палату и не устранять отъ министерскихъ постовъ депутатовъ, какъ и то противодѣйствіе, какое послѣ его смерти встрѣтили преслѣдовавшіе ту же реформу Барнавъ, Дюпоръ, Ламетъ и Андрэ, какъ нельзя лучше доказываютъ непониманіе дѣятелями 1789-го года дѣйствительныхъ основъ англійской свободы.

---

[1]) De la simplicité de l'idée d'une constitution (Paris, 1789), стр. 111, 114, 115.

§ 2.

Годъ созванія генеральныхъ штатовъ во Франціи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ первой сессіи американскаго конгресса. Этотъ фактъ долженъ быть отмѣченъ, такъ какъ онъ самъ по себѣ уже указываетъ на то, что дѣятели учредительнаго собранія могли быть знакомы только съ текстомъ американской конституціи, но отнюдь не съ порядкомъ примѣненія ея въ жизни. Правда, задолго до того, когда, сознавая необходимость бо̀льшаго единства, тринадцать дотолѣ почти самостоятельныхъ государствъ сочли нужнымъ слиться въ одну федерацію, каждое имѣло уже свою конституцію, свою закономъ установленную ситему взаимодѣйствія властей; но большинство этихъ конституцій, какъ созданныя по англійскому образцу, мало останавливали на себѣ вниманіе политическихъ мыслителей. Исключеніе должно быть сдѣлано только по отношенію къ той, какая дѣиствовала въ Пенсильваніи. Широкія демократическія основы этой конституціи и существованіе въ ней единой законодательной камеры — причина тому, что учрежденія Пенсильваніи сдѣлались предметомъ изученія французскихъ публицистовъ, въ числѣ ихъ Мабли. То, что послѣдній говоритъ о государственномъ строѣ этого штата, даетъ возможность опредѣлить напередъ тѣ стороны американскихъ порядковъ, которыя всего болѣе остановятъ на себѣ вниманіе дѣятелей Учредительнаго собранія и заставятъ Камилла Демулена, этого популярнѣйшаго публициста и политическаго вожака, открыто заявить себя «сторонникомъ конституціи, подобной пенсильванской» [1]). Не меньшій интересъ вызывалъ во французахъ текстъ составленной 2-го іюля 1776 г. Декларацiи независимости. Заявленіе, что всѣ люди рождаются равными, надѣлены Творцомъ извѣстными неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, въ числѣ которыхъ имѣется свобода, и что что народъ въ правѣ отставить правительство, не обезпечивающее этихъ вольностей, не могло не произвѣсть сильнаго впе-

---

[1]) Révolutions de France et de Brabant, 28 ноября, 1789 года.

чатлѣнія на тѣхъ, кто думалъ, будто въ забвеніи естественныхъ правъ человѣка лежитъ весь источникъ порчи правительствъ. Авторъ трактата о «Правахъ и обязанностяхъ гражданъ», ставившій сочиненіе Локка о правительствѣ выше всѣхъ остальныхъ потому только, что имъ признано существованіе естественныхъ правъ личности и необходимость ихъ защиты государствомъ, не могъ не оцѣнить должнымъ образомъ мнимаго манифеста Джефферсона [1]). Своими похвалами ему онъ въ значительной мѣрѣ подготовилъ ту декларацію правъ человѣка и гражданина, которою открывается конституція 1791 года.

«Что находимъ мы въ американской декларацiи,—спрашиваетъ себя Мабли въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ по времени памфлетовъ [2]):—ужъ не воспроизведеніе ли обычныхъ намъ европейцамъ предразсудковъ? Ничуть не бывало. Вмѣсто того, чтобы говорить о Божескомъ правѣ королей, возставшіе противъ англійскаго гнета колонисты восходятъ къ первымъ принципамъ естественнаго права... Они утверждаютъ, что политическая власть есть созданіе рукъ человѣческихъ, что люди образовали общества ради обезпеченія собственнаго благополучія и что, не противясь волѣ Божіей, они могутъ низвергнуть правительство, виновное въ ихъ несчастіи. Тогда какъ большинство народовъ Европы остается въ невѣдѣніи на счетъ основныхъ принциповъ государственнаго общежитія и смотритъ на гражданъ какъ на домашній скотъ, которымъ собственникъ распоряжается въ своихъ интересахъ, тринадцать республикъ Сѣверной Америки сознали достоинство человѣка; въ нѣдрахъ самой мудрой философіи открыли онѣ тѣ человѣчные принципы, которые отнынѣ должны сдѣлаться основой ихъ правительствъ. Вмѣсто того, чтобы призвать новаго повелителя, подобно тому, какъ это сдѣлали Нидерланды, они рѣшили создать въ своей средѣ престолъ для свободы. Во всѣхъ своихъ конституціяхъ они возвышаются до принциповъ естественнаго права признавая, аксіомой, что всякая политическая власть имѣетъ источникомъ народъ, что ему одному принадлежитъ неотчуждаемое право создавать и измѣнять за-

---

[1]) Въ послѣднее время приходятъ къ заключенію, что „декларація независимости“ не имѣла своимъ авторомъ Джефферсона.

[2]) Notre gloire ou nos rêves. (т. XIII, изд. 1794—5), стр. 424 и слѣд.

коны. Они сознаютъ тѣ требованія, какія ставитъ признаніе человѣческаго достоинства. Для нихъ сановники — не болѣе, какъ уполномоченные, своего рода дѣлопроизводители націи. Граждане связаны другъ съ другомъ и съ родиной — любовью къ отечеству и свободѣ» [1]).

Мабли вѣрно указываетъ на тотъ источникъ, изъ котораго заимствованы положенія Декларацiи независимости. «Ея составители,—говоритъ онъ,—усвоили себѣ справедливые и мудрые принципы Локка о естественной свободѣ человѣка и природѣ правительства» [2]).

Другая причина, заставляющая его отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ государственному строю Америки и въ особенности Пенсильваніи—это признаніе американскими конституціями началъ демократіи. «Я согласенъ, — говоритъ онъ, — что демократія должна быть положена въ основу всякаго правительства, которое желаетъ извлечь изъ гражданъ возможно бо̀льшую пользу. Неизмѣнный опытъ доказалъ, что этимъ путемъ только и возможно привязать людей къ государственнымъ интересамъ» [3]).

«Что̀ заставляетъ меня, — говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи,—смотрѣть съ надеждою на будущее американцевъ, это то, что имъ неизвѣстно существованіе привилегій. Чувство равенства помѣшаетъ имъ надѣлить кого-либо тѣми прерогативами, которыя все портятъ у насъ. Между ихъ гражданами не будетъ другихъ различій, кромѣ тѣхъ, источникомъ которыхъ являются личныя заслуги... Нѣтъ также въ Америкѣ ни одной наслѣдственной власти, нѣтъ въ ней даже пожизненныхъ чиновниковъ. Срокъ ихъ полномочій такъ кратокъ, что они не успѣваютъ сдѣлаться жертвою подкупа, или забыть, что они граждане свободнаго государства... Я нахожу весьма мудрой ту форму правленія, какая установлена въ Пенсильваніи [4]). Она надѣ-

---

[1]) Observations sur le gouvernemet et les lois des Etats-Unis d'Amérique (Lettre première à M-r. Adams). томъ VIII общ. собр. соч., стр. 340, 342, 343.

[2]) Ibid., стр. 354.

[3]) Ibid., стр. 351.

[4]) См. Notre gloire ou nos rêves. (Соч. Мабли, т. XIII, стр. 429).

лила правомъ законодательства единую камеру, составленную изъ свободныхъ людей республики, избранныхъ въ представители жителями главнаго города и графства. Всѣ прочіе штаты Америки потребовали какъ отъ избирателей, такъ и отъ представителей извѣстнаго имущественнаго ценза. Одна Пенсильванія одинаково допускаетъ къ этимъ преимуществамъ всѣхъ жителей, которые въ теченіе одного года платили на издержки государства» [1]). Мабли хвалитъ также конституцію Пенсильваніи за то, что она ввѣрила исполнительную власть трехгодичному совѣту, возобновляемому ежегодно по третямъ. «Такимъ образомъ,—полагаетъ онъ, — удержано будетъ преимущество народнаго выбора и обезпечена возможность имѣть въ совѣтѣ людей опытныхъ и хорошо знакомыхъ съ дѣлами [2])».

Но отмѣчая эти, въ его глазахъ, положительныя стороны американской гражданственности, Мабли въ то же время критикуетъ въ ней всякое отступленіе отъ провозглашеннаго Руссо и раздѣляемаго имъ ученія о суверенитетѣ націи. «Къ чему,—спрашиваетъ онъ,—предоставлять, какъ это дѣлаютъ всѣ штаты, кромѣ Пенсильваніи, однимъ собственникамъ право голосованія? Неужели этимъ собственникамъ удастся убѣдить неимущихъ, что они—ихъ представители? Къ чему также сокращать число депутатовъ, какъ это дѣлаютъ въ Пенсильваніи, доводя его до семидесяти двухъ? Необходимо, наоборотъ, сдѣлать его весьма значительнымъ, чтобы тѣмъ придать бо̀льшую силу законодательному собранію и уменьшить число лицъ, недовольныхъ тѣмъ, что не имѣютъ участія въ дѣлахъ страны. Къ чему, наконецъ, ограничивать законодательныя функціи представителей контролемъ какихъ-то особыхъ цензоровъ, обязанность которыхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы законы, не противорѣчили принципамъ конституціи?» По мнѣнію Мабли, законодательная палата, основанная на началѣ всеобщаго голосованія, не должна терпѣть никакихъ стѣсненій, тѣмъ болѣе со стороны совѣта, надѣленнаго исполнительными функціями, какимъ была палата, цензоровъ [3]).

---

[1]) Observations sur le gouvernement et les lois des Etats-unis d'Amerique. Томъ VIII, стр. 363.

[2]) Ibid., стр. 377, 378.

[3]) Эта палата просуществовала недолго и замѣнена была въ

Мабли порицаетъ авторовъ пенсильванской конституціи за то, что они не предоставили выбора исполнительнаго совѣта органу законодательства — общему собранію, а установили систему прямого избранія. «Лучшее средство, — говоритъ онъ,— обезпечить согласіе между двумя властями, неизмѣнно завидующими другъ другу и почти всегда враждебными, по крайней мѣрѣ въ демократіяхъ,—это предоставить законодательной власти выборъ исполнителей [1]).

Неодобреніе Мабли вызываетъ также то постановленіе, которое запрещаетъ общему собранію Пенсильваніи вносить измѣненія въ конституцію. «Я думаю,—говоритъ онъ,—общепризнанной аксіомой считается, что законодательная власть ничѣмъ не должна быть ограничена, разъ не хотятъ сдѣлать ея безполезной» [2]).

Если не говорить о только что приведенныхъ памфлетахъ Мабли,— источникомъ, изъ котораго французы прошлаго столѣтія могли почерпнуть свѣдѣнія объ американскихъ порядкахъ, были частью статьи, напечатанныя Гамильтономъ, Мадиссономъ и Адамсомъ о подготовляемой конгрессомъ федеральной конституціи, частью критическія замѣтки о конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ, составленныя тѣмъ же Адамсомъ, и возраженія на нихъ, со стороны Левингстона, памфлетъ котораго, озаглавленный: «Англійскій образъ правленія въ сопоставленіи его съ конституціями Соединенныхъ Штатовъ», вышелъ во французскомъ переводѣ въ 1789 году. Изъ названныхъ сочиненій первыя два, какъ написанныя на англійскомъ языкѣ, были доступны только тѣмъ немногимъ дѣятелямъ учредительнаго собранія, которые успѣли или лично познакомиться съ американскою жизнью, принимая участіе въ войнѣ за независимость, или, подобно тому меньшинству либеральнаго дворянства, о которомъ упоминаетъ Моррисъ въ своемъ дневникѣ, искали проникнуться принципами американской свободы въ тѣсномъ обще-

---

1791 г. своего рода сенатомъ или верхней палатой по образцу той, которая существовала въ большинствѣ штатовъ.

[1]) Observations sur le gouvernement et les lois des Etats-Unis d'Amérique. Томъ VIII, стр. 375, 376.

[2]) Ibid., стр. 369, 370.

ніи съ Джефферсономъ, исполнявшимъ въ это время обязанности американскаго дипломатическаго агента въ парижѣ. Мысли Левингстона по своей близости къ тѣмъ, какія ранѣе высказывалъ Мабли, должны были особенно сильно повліять на членовъ Учредительнаго собранія; ихъ воздѣйствіе можно отмѣтить не только на памфлетахъ Кондорсэ, но и на нѣкоторыхъ статьяхъ конституціи 1791 года. Въ отрицательномъ отношеніи къ англійскимъ порядкамъ тѣхъ членовъ національнаго собранія, которыхъ современники называли «бѣшеными», не разъ проглядываетъ та же аргументація, какой въ своихъ нападкахъ придерживается Левингстонъ. Весьма обычнымъ обвиненіемъ въ устахъ противниковъ англоманіи въ девяностыхъ годахъ протекшаго столѣтія является утвержденіе, что Англія въ строгомъ смыслѣ слова не имѣетъ конституціи, т. е. установленнаго писаннымъ закономъ порядка отношеній между властями. Левингстонъ едва ли не первый позволилъ себѣ этотъ упрекъ, настаивая на превосходствѣ, какое въ этомъ отношеніи имѣютъ американскіе порядки. «Учредительный актъ или, что̀ то же, конституція,— говоритъ онъ,—въ которомъ устанавливалось бы строгое различіе между властями и опредѣлялась сфера дѣятельности каждой, является для свободы такимъ могущественнымъ оплотомъ, что самый фактъ его существованія дѣлаетъ уже невозможнымъ произволъ, источникомъ котораго часто является неопредѣленность границъ, установленныхъ для каждой власти. Къ этому преимуществу американская конституція присоединяетъ еще то, что кладетъ въ основу гражданскаго и политическаго строя принципъ равенства; въ этомъ отношеніи она рѣзко расходится съ англійской. На принципѣ равенства построено все зданіе американскихъ демократій. Нѣтъ правительствъ,—утверждаетъ тотъ же авторъ,—которыя бы въ такой степени подходили къ чистѣйшему типу народныхъ, какъ американскія. Вся политическая власть въ Америкѣ или сосредоточивается въ рукахъ народа, или проистекаетъ отъ него, какъ отъ первоисточника. Администраторы—не болѣе, какъ его уполномоченные, и онъ въ правѣ мѣнять ихъ весьма часто. Сама конституція—его созданіе, и ничто не мѣшаетъ ему, буде онъ сочтетъ это нужнымъ, измѣнить ее во всякое время и даже установить взамѣнъ

новую. Правда, американцы обязаны англичанамъ нѣкоторыми драгоцѣнными политическими изобрѣтеніями, какъ-то, народнымъ представительствомъ и судомъ присяжныхъ. Но что касается до перваго, то копія значительно превзошла оригиналъ, Законодательное собраніе нашихъ штатовъ,—говоритъ далѣе Левингстонъ,—состоитъ ли оно изъ одной или двухъ палатъ, неизмѣнно избирается народомъ, тогда какъ въ Англіи рядомъ съ народною палатою существуетъ и аристократическая—лордовъ, и право короля участвовать въ законодательствѣ въ формѣ абсолютнаго вето. Англія представляетъ неудачный опытъ примиренія противоположныхъ началъ монархіи, аристократіи и демократіи. Америка же—попытку опереть демократію на прочные устои, которые со временемъ сдѣлаются предметомъ изумленія для иностранцевъ. Если мы примемъ во вниманіе,—такъ заканчиваетъ онъ свое похвальное слово американскимъ порядкамъ,—всѣ преимущества, связанные съ существованіемъ формальной конституціи, съ равенствомъ въ распредѣленіи народнаго представительства, съ частымъ повтореніемъ выборовъ, то мы должны будемъ признать, что по своей организаціи многіе изъ нашихъ штатовъ близки къ совершенству и во многомъ превосходятъ какъ древнія, такъ и новыя правительства [1]).

Еще большее значеніе, чѣмъ только что упомянутая памфлетная литература, должны были оказать на политическую мысль Франціи два законодательныхъ акта. Это во-первыхъ, Декларація существенныхъ и неотъемлемыхъ правъ виргинскихъ гражданъ, и во-вторыхъ — самый текстъ федеральной конституціи. Французскіе публицисты конца XVIII вѣка нерѣдко считаютъ ихъ частями одного цѣлаго, совершенно теряя изъ виду, что декларація имѣла одно мѣстное значеніе Такъ де-ла-Круа, авторъ перваго по времени сравнительнаго очерка европейскихъ и американскихъ конституцій, совершенно упускаетъ изъ виду, что отсутствіе въ составлен-

---

[1]) Examen du gouvernement d'Angleterre comparé aux constitutions des Etats-unis (Издан. 1789 года, стр. 50, 51, 52, 57, 60, 61).

помъ въ Филадельфіи текстѣ федеральной конституціи всякого перечня неотъемлемыхъ, правъ и было однимъ изъ важнѣйшихъ возраженій, сдѣланныхъ противъ него отдѣльными штатами. Не ранѣе 1791 года конгрессъ счелъ нужнымъ принять въ разсчетъ эти заявленія и внести въ число «дополненій къ конституціи» нѣкоторыя постановленія, гарантирующія свободу личности и неприкосновенность собственности. Эти положенія заимствованы были изъ учредительныхъ законовъ отдѣльныхъ штатовъ. Намъ необходимо имѣть въ виду эти факты, чтобы понять источникъ того утвержденія, что Декларація правъ человѣка и гражданина, вошедшая въ текстъ французской конституціи 1791 года, составлена по примѣру и въ подражаніе американской федеральной конституціи. Повторяемъ, такой деклараціи нѣтъ въ текстѣ федеральной конституціи, и ея составители далеки были отъ мысли предпослать органическому статуту матафизическое обоснованіе принциповъ свободы и равенства или теоретическое обоснованіе принципа раздѣленія властей. Конституціи же отдѣльныхъ штатовъ, какъ и Декларація независимости, ограничилась заявленіемъ, что граждане будутъ пользоваться защитою ихъ личности, жилища, имущества и частной корреспонденціи, что конгрессъ отказывается отъ изданія закона, устанавливающаго государственную церковь и отмѣняющаго свободу культовъ, а также закона, ограничивающаго свободу слова, печати и право народа мирно сходиться на собранія или митинги и представлять свои ходатайства правительству. Въ этихъ постановленіяхъ, какъ и въ тѣхъ, которыя объявляютъ, что собственность не можетъ сдѣлаться предметомъ экспропріаціи помимо вознагражденія, что никто не можетъ быть арестованъ безъ спеціальнаго приказа о задержаніи, ни лишенъ жизни, собственности или свободы помимо суда, трудно видѣть что-либо общее съ тѣми метафизическими разсужденіями объ источникѣ власти и природѣ народнаго самодержавія, какія мы находимъ въ Деклараціи правъ человѣка и гражданина. Это не болѣе, какъ передача въ сжатомъ видѣ содержанія англійскаго «Habeas corpus act», или англійскаго

«Libel act», не говоря уже о нѣкоторыхъ статьяхъ Великой хартіи, другими словами, законовъ, поставившихъ подъ свою защиту свободу и собственность англичанъ, одинаково въ метрополіи и колоніяхъ. Но если въ конституціи Сѣверной Америки отсутствуетъ то, что можно назвать философскимъ изложеніемъ началъ народнаго самодержавія, своего рода катехизисомъ народныхъ вольностей и правъ, то все это содержитъ въ себѣ конституція Виргиніи напримѣръ. Знакомясь съ ея содержаніемъ, становишься лицомъ къ лицу съ прототипомъ французской декларацiи правъ человѣка и гражданина. Вотъ, напримѣръ, что постановляетъ первая статья этого акта: «люди рождаются всѣ одинаково свободными и независимыми и имѣютъ естественныя права, присущія ихъ личности; этими правами они могутъ располагать свободно. Никакія соглашенія не въ силахъ лишить этихъ правъ потомства. Такими правами надо считать право на жизнь и свободу, а также право прибѣгать ко всѣмъ тѣмъ средствамъ, какія ведутъ къ пріобрѣтенію имущества или обезпечиваютъ счастье и безопасность». Трудно не видѣть въ этой статьѣ первообразъ той, какою дѣятели 1789 года провозгласили существованіе неотъемлемыхъ правъ личности: свободы, равенства и неприкосновенности имущества. Различіе касается только способа выраженія, отнюдь не самаго содержанія. Сопоставимъ еще вторую статью виргинской декларацiи съ третьей французской. Виргинская: «Всякая власть принадлежитъ народу и вытекаетъ изъ него; чиновники — его уполномоченные, его агенты, обязанные во всякое время давать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ». Французская: «Источникъ всякаго суверенитета лежитъ въ націи; никакое политическое тѣло и никакое частное лицо не могутъ имѣть власти, которая бы не истекала отъ народа».

Я не буду настаивать долѣе на сходствѣ виргинской декларацiи съ тою, какую Учредительное собраніе предпослало тексту своей конституціи, и ограничусь только замѣчаніемъ, что въ числѣ провозглашенныхъ въ Америкѣ принциповъ свободнаго государства стоитъ и начало вѣротерпимости, и сво-

бода слова и печати, и правило, что законы не могутъ имѣть обратной силы, и теорія раздѣленія властей. Тѣ же принципы и тѣ же теоріи, какъ извѣстно, провозглашаются и французской декларацiей.

Отмѣтимъ теперь, какія стороны американской федеральной конституціи оказали свое воздѣйствіе на французскихъ законодателей.

Американская конституція въ гораздо большей мѣрѣ, нежели англійская, испытала на себѣ вліяніе политическихъ теорій. Ученіе о раздѣленіи властей, горячимъ защитникомъ котораго былъ руководящій въ Америкѣ журналъ Гамильтона—«Федералистъ», не только было принято въ текстъ виргинской декларацiи правъ, но и положено въ основу распредѣленія государственныхъ функцій между палатами американскаго конгресса и президентомъ. Строгое проведеніе этой теоріи предполагало лишеніе президента законодательнаго почина и абсолютнаго вето,а также надѣленіе его правомъ составлять министерство о собственному выбору. Оно требовало запрещенія членамъ палатъ входить въ составъ министерства или занимать какія-либо служебныя должности. Поступить обратно значило бы дать исполнительной власти долю участія въ законодательной, а законодательной—въ исполнительной. Въ Англіи и, то и другое, какъ мы видѣли, встрѣчается, и этимъ обусловливается возможность въ этой странѣ того, что называютъ парламентскимъ режимомъ. Но въ Америкѣ, конституція которой составилась не безъ вліянія теоріи, парламентскій режимъ сдѣланъ невозможнымъ, благодаря строгому обособленію каждой изъ двухъ властей. Система противовѣсовъ, источникъ которой видятъ въ Англіи, но которая на самомъ дѣлѣ нашла себѣ примѣненіе въ Америкѣ, по всей вѣроятности, имѣла бы въ этой странѣ то послѣдствіе, что сдѣлала бы невозможной всякую правительственную дѣятельность, предсказаніе, сдѣланное уже въ концѣ прошлаго столѣтія противниками Монтексьё [1]), еслибы практика не восполнила недоста-

---

[1]) См. упомянутый трактатъ Левингстона, стр. 32, а также сочиненіе физіократа Мерсье де ла Ривьеръ: De l'ordre naturel des sociétés.

вокъ законодательства и комитеты конгресса не сосредоточили въ своихъ рукахъ завѣдываніе отдѣльными отраслями администраціи, еслибы, въ противность конституціи, не допускающей министровъ въ конгрессъ, эти комитеты не вступили въ негласное сношеніе съ министрами и не стали фактически направлять ихъ дѣятельностью. Но эта практика, благодаря которой, какъ доказалъ Брайсъ, современный механизмъ государственной жизни въ Америкѣ рѣзко отличается отъ того, какой думали установить въ ней участники филадельфійской конвенціи, очевидно, могла проявиться не ранѣе созыва перваго конгресса, и, слѣдовательно, осталась неизвѣстной дѣятелямъ Учредительнаго собранія. Такимъ образомъ, примѣръ Америки могъ только укрѣпить въ нихъ увѣренность въ необходимости не только строгаго раздѣленія, но и обособленія властей, въ интересахъ упроченія политической свободы.

Два писателя съ самаго начала французской революціи обнаружили рѣшительное пристрастіе къ американскимъ порядкамъ и не мало способствовали уясненію ихъ особенностей своимъ соотечественникамъ; я разумѣю Бриссо и Кондорсэ. Первый дважды посѣтилъ Америку и завелъ личныя сношенія съ ея выдающимися политическими дѣятелями. Не разъ бесѣдовалъ онъ съ ними о возможныхъ судьбахъ своей родины, выслушивая подчасъ не безъ внутренняго волненія откровенно высказанное сомнѣніе, чтобы Франція была подготовлена къ той свободѣ, какою пользуется Америка и въ меньшей мѣрѣ Англія [1]). Во время своего путешествія Бриссо охотно останавливался на всемъ, что свидѣтельствовало о вліяніи, какое имѣютъ на нравы жителей преобладаніе сельской жизни надъ городскою, общераспространенность собственности и широкая вѣротерпимость. Говоря о Бостонѣ или Филадельфіи, онъ и въ позднѣйшее время не могъ отказаться отъ сопоставленія ихъ съ тою счастливою Салентою, фантастическая картина которой начертана была Фенелономъ [2]).

---

[1]) См. томъ I, стр. 147 Nouveau voyage dans les Etats-Unis de l'Amérique septentrionale fait en 1788, par J. P. Brissot (Warville), citoyen français.

[2]) Ibid., стр. 112, 119, 116 (томъ I).

Пребываніе въ средѣ квакеровъ породило въ немъ убѣжденіе, что «простота ихъ нравовъ, въ связи съ терпимостью и непрестаннымъ преслѣдованіемъ добродѣтели, направляетъ ихъ дѣятельность неизмѣнно къ общему благу и является ближайшей причиной процвѣтанія Пенсильваніи [1]). Издавая въ 1787 году особый трактатъ, съ цѣлью обратить вниманіе французовъ на тѣ выгоды, какія можетъ обезпечить имъ торговый обмѣнъ съ освобожденными при ихъ содѣйствіи штатами, Бриссо въ предисловіи говоритъ о томъ значеніи, какое для развитія во французскомъ обществѣ чувства свободы имѣлъ переводъ кодексовъ Пенсильваніи, Массачусетса и Нью-Іорка. Если вѣрить ему, они распространены повсюду. Авторъ высказываетъ надежду, что, наравнѣ съ англійской конституціей, эти своды послужатъ образцомъ для европейскихъ правительствъ. «Нечего, разумѣется, и думать, — прибавляетъ онъ, — о буквальномъ ихъ заимствованіи; надо только научиться изъ нихъ уваженію къ естественнымъ правамъ человѣка». Бриссо передаетъ общую надежду своихъ соотечественниковъ, говоря, что, просвѣщенныя примѣромъ американской революціи, европейскія правительства принуждены будутъ отмѣнить вкравшіяся въ нихъ злоупотребленія, уменьшить налоговой гнетъ изъ опасенія, что непосильные поборы побудятъ подданныхъ искать въ эмиграціи въ Америку надежное убѣжище отъ бѣдствій [2]).

Въ какомъ именно направленіи долженъ былъ вліять примѣръ Америки на Францію 89 года, можно судить отчасти по мыслямъ, выраженнымъ Бриссо въ іюнѣ 1790 года въ предисловіи къ новому изданію его путешествія. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого предисловія. Они дадутъ намъ право видѣть въ Бриссо не поверхностнаго наблюдателя американской жизни и не фанатическаго приверженца системы подражанія заморскимъ образцамъ, а человѣка, съумѣвшаго проникнуть въ самый духъ американскихъ порядковъ и оцѣнить какъ слѣдуетъ вліяніе, какое оказываютъ на народную психологію простота нравовъ, отсутствіе сословныхъ различій, суще-

---

[1]) Ibid., стр. 2 и 93 (томъ II).

[2]) Ibid , томъ III. Вступленіе, 23 стр.

ствованіе непосредственной связи между землею и ея воздѣлывателемъ, мирное сожитіе бокъ-о-бокъ послѣдователей разныхъ сектъ, объединенныхъ чувствомъ равенства и любовью къ общей родинѣ. Но отдавая должное вниманіе тѣмъ экономическимъ и нравственнымъ факторомъ, которыми опредѣляется семейный и общественный бытъ американцевъ, Бриссо только вскользь касается ихъ политическихъ учрежденій. То немногое, что онъ говоритъ о нихъ, доказываетъ и недостаточное знакомство его съ особенностями американскаго политическаго строя, и односторонность точки зрѣнія, и неспособность отрѣшиться отъ того ложнаго представленія, что свобода тѣсно связана съ безсиліемъ исполнительной власти, которое, какъ мы вскорѣ увидимъ, благодаря сочиненіямъ Мабли, постепенно вошло въ общественное сознаніе людей 1789 года, сдѣлалось однимъ изъ догматовъ проводимой ими политической доктрины. Я не боюсь впасть въ преувеличеніе, утверждая, что предпосланное Бриссо введеніе къ путешествію въ Америку служитъ самымъ полнымъ выраженіемъ его соціальныхъ и политическихъ взглядовъ. Этого мнѣнія, повидимому, придерживается и Оларъ, который въ своей попыткѣ воспроизвесть политическое credo Бриссо и жирондистовъ, не разъ обращается къ только-что упомянутому мною источнику [1]. Я прибавлю, что это вступленіе въ такой же мѣрѣ рисуетъ намъ Бриссо оригинальнымъ и глубокимъ наблюдателемъ нравовъ и общественнаго строя американцевъ, какъ и доктринеромъ въ политикѣ. «У американцевъ,—говоритъ онъ,—надо научиться секрету не только установить, но и сохранить свободу. Эта тайна лежитъ главнымъ образомъ въ добрыхъ нравахъ. Американцы имѣютъ ихъ, тогда какъ мы, повидимому, даже не прониклись мыслью, что сохраненіе свободы немыслимо при ихъ отсутствіи». Но какія причины повели къ тому, что американцы въ этомъ отношеніи такъ далеко опередили собою народы Европы? Бриссо отвѣчаетъ на это, повторяя въ болѣе общей формѣ уже сказанное имъ въ текстѣ путешествія. «Не бросается ли невольно въ глаза,—

---

[1]) См. La politique et l'éloquence de Brissot, par Aulard. La Révolution française, Juillet—Décembre. 1884, стр. 8.

спрашиваетъ онъ,—та связь, въ которой чистота частной морали стоитъ съ преобладаніемъ сельской жизни? Не даромъ же девять-десятыхъ американцевъ живутъ разсѣянно въ селахъ, свободные отъ развращающаго вліянія городовъ. Никакая свобода, ни общественная, ни индивидуальная, немыслима помимо частной независимости; но ея нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ собственности или какой-либо опредѣленной промышленной или торговой профессіи, которая бы дѣлала человѣка свободнымъ отъ страха попасть въ нищету или личную зависимость. Американцы свободны и долго останутся свободными, потому что девять-десятыхъ изъ нихъ землевладѣльцы, лично завѣдующіе своимъ хозяйствомъ. Собственникъ зависитъ только отъ урожая, а урожай отъ неба. Кто не владѣетъ въ Америкѣ собственностью, тотъ не считаетъ постыднымъ заняться какимъ-либо ремесломъ, такъ какъ, въ отличіе отъ Европы, чувство равенства настолько проникло въ общее сознаніе, что никто не считаетъ для себя унизительнымъ заработывать хлѣбъ въ потѣ лица. Каждый уважаетъ здѣсь тотъ промыселъ, которому онъ обязанъ своей независимостью, и не завидуетъ чужимъ успѣхамъ, зная, что всѣ почести равно открыты ему, что онъ можетъ ихъ заслужить.

Третье условіе, содѣйствующее политической свободѣ американцевъ,—это проникшая въ общественное сознаніе идея мира и справедливости. Она немыслима при сохраненіи законодательныхъ различій между господствующей и подчиненными церквами. Столь исключительные нѣкогда пресвитеріане допускаютъ въ настоящее время въ свою среду послѣдователей разныхъ сектъ и живутъ съ ними въ братскомъ общеніи. Враждебные къ войнѣ, неспособные къ принужденію кого-либо силою, американцы, по словамъ Бриссо, предпочитаютъ всему свободу внутренняго убѣжденія и озабочены мыслью о федераціи всѣхъ народовъ.

Указавъ такимъ образомъ на тѣ общественные устои, на которыхъ опирается американская гражданственность, Бриссо обращается къ разсмотрѣнію ея политическихъ устоевъ. Американцы,—говоритъ онъ,—призваны сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ, потому что въ ихъ сознаніи укоренилось три тѣсно

связанныхъ другъ съ другомъ принципа: 1) всякая власть у нихъ избирательна; 2) законодательныя собранія подлежатъ частой смѣнѣ; 3) власть исполнительная, также избираемая и часто смѣняемая, имѣетъ у нихъ мало силы. Первый принципъ содѣйствуетъ, въ глазахъ Бриссо, укорененію чувства равенства: онъ существенно вліяетъ на поддержаніе въ обществѣ добрыхъ нравовъ, особенно если частые выборы связаны съ запрещеніемъ переизбранія отслужившихъ срокъ чиновниковъ. Это правило ставитъ ихъ въ большую зависимость отъ общества, вызываетъ въ нихъ болѣе строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ и распространяетъ въ широкой степени въ народѣ знакомство съ политической практикой, дѣлая государственныя дѣла общимъ достояніемъ всѣхъ гражданъ. Такимъ образомъ,—прибавляетъ Бриссо,—представительный образъ правленія способенъ избѣжать главнаго изъ дѣлаемыхъ ему упрековъ. О немъ нельзя будетъ сказать болѣе, что онъ—дѣло немногихъ. Часто возобновляемое представительство дѣлаетъ немыслимымъ повтореніе въ Америкѣ той узурпаціи власти со стороны депутатовъ, примѣръ которой представилъ въ Англіи Долгій Парламентъ. И въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ во «Французскомъ Патріотѣ», Бриссо не разъ возвращается къ тѣмъ преимуществамъ, какія представляетъ въ Америкѣ осуществленіе всякаго вида власти не иначе, какъ въ силу полномочія отъ народа, опредѣленіе на должность путемъ выбора народомъ или его представителями, наконецъ, краткосрочность служебнаго мандата и смѣняемость чиновниковъ. Соединенные-Штаты Америки, — читаемъ мы въ «profession de foi», напечатанной Бриссо въ 696-мъ номерѣ «Французскаго Патріота», отъ 15-го іюля 1791 года,—единственное государство въ мірѣ, представляющее собою рядъ республикъ, всецѣло построенныхъ на представительствѣ и избраніи. Аѳины и, по ихъ образцу, многія другія государства Греціи были чистыми демократіями; Римъ же имѣлъ свой сенатъ, а Спарта—своихъ наслѣдственныхъ королей [1]).

Нельзя, разумѣется, поставить въ вину Бриссо, если въ 90-хъ

---

[1]) Le Patriote français, № 696. Ma profession de foi, monarchie ou républicanisme.

годахъ прошлаго столѣтія онъ не предвидѣлъ тѣхъ неудобствъ, къ какимъ поведетъ въ Америкѣ краткосрочность правительственнаго мандата и распространеніе народнаго выбора на судебныя должности. Но мы все же должны сказать, что сами американцы поспѣшили дать категорическое опроверженіе крайностямъ его ученія, допустивъ вторичное избраніе президента и не установивъ никакихъ ограниченій для послѣдовательнаго выбора въ новые конгрессы прежнихъ депутатовъ и сенаторовъ, наконецъ, удержавъ и отчасти распространивъ на новые штаты систему правительственнаго назначенія судей на болѣе или мѣнѣе продолжительный срокъ и даже пожизненно. Тамъ, гдѣ восторжествовала противоположная система народнаго выбора и краткосрочности служебнаго мандата, слышатся жалобы на партійный характеръ суда, на невѣжество и недобросовѣстность инфеодированныхъ избирателямъ органовъ правосудія. Въ число наиболѣе отрицательныхъ сторонъ современной американской гражданственности, по единогласному утвержденію всѣхъ ея европейскихъ наблюдателей, начиная съ Токвиля и оканчивая Брайсомъ, надо включить выборный характеръ ея магистратуры, недостаточность требуемаго отъ судей умственнаго ценза, отсутствіе предварительныхъ экзаменовъ, удостовѣряющихъ уровень юридическихъ знаній. Случайное большинство, преобладаніе въ томъ или другомъ штатѣ одной изъ двухъ борющихся партій (республиканцевъ или демократовъ), рѣшаетъ вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ въ ближайшіе годы ввѣрена будетъ забота о поддержаніи существующаго юридическаго строя. Замѣщеніе судебныхъ должностей входитъ въ составъ той «добычи», — выражаясь языкомъ президента Джаксона,—которая достается восторжествовавшей на президентскихъ выборахъ партіи.

Но если недолгій опытъ американской демократіи не давалъ Бриссо возможности отмѣтить тѣхъ недостатковъ, какіе неизбѣжно связаны съ распространеніемъ системы избранія на всѣ должности, то ему нельзя не поставить въ вину совершенно противнаго истинѣ утвержденія, что исполнительная власть въ Америкѣ лишена силы и вліянія и что ея слабость — существеннѣйшій залогъ политической свободы. Можно объяснить, разумѣется, путь, какимъ онъ пришелъ къ подобному заклю-

ченію, указавъ на то обстоятельство, что въ эпоху посѣщенія имъ Америки исполнительная власть, не обладала еще достаточной энергіей и широтой полномочій. Тогда какъ губернаторы штатовъ, свободные въ выборѣ своихъ совѣтниковъ, по характеру предоставленныхъ имъ функцій мало чѣмъ уступали во власти англійскому королю, замѣстителями котораго они были еще такъ недавно, федеральной исполнительной власти въ строгомъ смыслѣ слова не существовало. Это обстоятельство, имѣвшее послѣдствіемъ безсиліе недавно возникшаго союза, ясно сознано было членами филадельфійской конвенціи и сдѣлалось главной причиной къ обнародованію новой федеральной конституціи. Въ ней исполнительная власть, ввѣренная на четыре года избираемому и отвѣтственному президенту, получила въ виду безконтрольнаго выбора имъ министровъ, самостоятельность и силу, превосходящую ту, какою располагаетъ безотвѣтственный въ своихъ поступкахъ, но въ то же время связанный въ выборѣ министровъ англійскій король. Въ то время, когда Бриссо обнародовалъ свои путешествія, власть президента была уже установлена и монархическіе элементы, вошедшіе въ ея образованіе, вполнѣ выяснены Гамильтономъ въ отдѣльныхъ номерахъ «Федералиста». Это не помѣшало, однако, Бриссо доказывать, что примѣръ Америки убѣждаетъ въ возможности ограниченія до минимума функцій исполнительной власти. «Сила принужденія и свобода,—говоритъ онъ,—не могутъ идти рука объ руку; благоденствіе общества прямо пропорціонально признаваемой въ немъ свободѣ; послѣдняя же обратно пропорціональна власти правительства. Эта власть не можетъ быть расширена иначе, какъ въ ущербъ свободѣ» [1]).

Одинъ изъ современныхъ историковъ сдѣлалъ попытку охарактеризовать политическія ученія Бриссо, провозгласивъ его предшественникомъ современныхъ соціалистовъ. Въ доказательство онъ ссылается на тотъ фактъ, что въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій Бриссо высказалъ о собственности мысли, которыя почему-то кажутся этому историку соціали-

---

[1]) Nouveau voyage dans les états unis de l'Amérique septentrionale. 1791 г., стр. 24 и 25.

стическими, хотя въ дѣйствительности онѣ заключаютъ въ себѣ только воспроизведеніе ходячаго ученія Локка [1]). Гораздо вѣрнѣе на нашъ взглядъ—говорить о немъ, какъ о человѣкѣ, приближающемся по своимъ взглядамъ къ ученію современныхъ анархистовъ. Подобно имъ, онъ проводитъ мысль, что существованіе въ обществѣ добрыхъ нравовъ—результатъ прочности его устоевъ—дѣлаетъ возможнымъ доведеніе до минимума правительственныхъ функцій. Доказательство этому онъ находитъ въ Пенсильваніи. «Можетъ ли народъ,—спрашиваетъ себя Бриссо,—быть счастливымъ безъ правительства?» «Да,—отвѣчаетъ онъ,—но подъ условіемъ господства въ немъ добрыхъ нравовъ. Хотите подтвержденія этому? Наблюдайте за тѣмъ, что происходитъ въ средѣ американскихъ квакеровъ. Они прожили въ Пенсильваніи нѣсколько вѣковъ подъ-рядъ, не имѣя правительства,

---

[1]) „Политическія воззрѣнія Бриссо“ — говоритъ Оларъ, — должны быть признаны не только республиканскими, но (явленіе рѣдкое въ эпоху революціи) и соціалистическими (La politique et l'éloquence de Brissot, par Aulard. Révolution Française, Juillet — Déc. 1884. стр. 8 etc.). Въ доказательство этого положенія Оларъ приводитъ слѣдующій фактъ. Въ 1780 году Бриссо издалъ трактатъ, озаглавленный: „Философскія изслѣдованія о правѣ собственности и о воровствѣ“. Въ этомъ сочиненіи, воспроизведенномъ впослѣдствіи въ „Философской библіотекѣ“, Бриссо, по утвержденію Олара, высказываетъ оригинальныя и смѣлыя мысли. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Природа дозволила человѣку пользоваться продуктами земли только въ границахъ его потребностей. Кто собственники? — Всѣ, имѣющіе потребности. Животныя—образцовые собственники. Насытившись, они уступаютъ мѣсто нуждающимся. Собственность кончается тамъ, гдѣ кончается потребность. Въ естественномъ состояніи воромъ считается богачъ (т. е. накопившій имуществъ свыше потребностей), въ обществѣ—тотъ, кто похищаетъ у богатаго. Богъ далъ землю всѣмъ. Моя собственность не ограничивается ни предѣлами моей хижины, ни предѣлами моей родины. Я могу быть собственникомъ повсюду“.

Всѣ эти разсужденія, которыя Бриссо въ приписываемыхъ ему, но далеко не автентичныхъ мемуарахъ, объявляетъ „амплификаціями школьника“, вполнѣ оправдываютъ это названіе, такъ какъ являются только пересказомъ той главы второго трактата Локка о правительствѣ, въ которомъ англійскій философъ, объявляя источникомъ собственности трудъ, признаетъ, что и этимъ путемъ

безъ полиціи, безъ средствъ принужденія. Хотите найти причину тому, оживите въ вашемъ умѣ картину ихъ нравовъ. Одинъ изъ секретовъ тѣхъ, кого во Франціи называютъ республиканцами—прибавляетъ онъ,—составляетъ желаніе ограничить по возможностя исполнительную власть, чтобы заставить людей быть добродѣтельными и пріучить ихъ обходиться безъ содѣйствія начальства». Трудно признать логичность такого вывода. Если добрые нравы позволяютъ ограничить данную правительству силу принужденія, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что отмѣна правительства необходимо поведетъ къ установленію въ обществѣ добрыхъ нравовъ. Гораздо вѣрнѣе смотрѣли на дѣло тѣ американцы, которые, подобно Джефферсону, Адамсу и Моррису, за-одно съ Мабли, видѣли главнѣйшее препятствіе къ упроченію политической свободы во Франціи путемъ ограниче-

---

апропріація возможна только подъ условіемъ, чтобы присвоенное не превышало потребностей присвоителя и оставляло для пользованія прочихъ членовъ общества достаточное количество равнокачественныхъ предметовъ. Что Бриссо очень далекъ отъ мысли отмѣнить собственность, доказательство этому мы находимъ въ слѣдующей сентенціи, заимствуемой нами изъ того же сочиненія; „законы признаютъ собственность, будемъ же уважать ее. Ниспроверженіе того, хотя бы и несправедливаго договора, которымъ она создана, повело бы къ уничтоженію земледѣлія (?). Будемъ защищать и всячески охранять собственность, но не станемъ относить происхожденіе ея къ естественному праву“. Оларъ находитъ, что въ этихъ разсужденіи Бриссо обнаружилъ истинную оригинальность мысли: но такъ какъ несуществованіе собственности въ естественномъ состояніи провозглашено еще Гоббсомъ, а трудовая теорія построена Локкомъ, то съ этимъ едва ли можно согласиться. Соціализмъ Бриссо—на нашъ взглядъ — фактъ несуществующій; его мысли не оригинальны; онъ воспроизводитъ только то, что гораздо раньше было высказано англійскими писателями XVII-го вѣка и гораздо краснорѣчивѣе повторено было во Франціи Руссо въ его „разсужденіи о причинахъ неравенства“. Заслуга Бриссо въ названномъ сочиненіи лежитъ не въ новизнѣ его взглядовъ на собственность, а въ попыткѣ связать съ ходячей теоріей ея происхожденія критику существующаго законодательства о воровствѣ. Бриссо возстаетъ противъ казни воровъ, доказывая, что право человѣка на существованіе по меньшей мѣрѣ столь же священно и неприкосновенно, какъ и право собственности.

нія королевской власти въ нравственной испорченности французовъ. Моррисъ не разъ обращался къ подобнымъ пророчествамъ въ своихъ разговорахъ съ Лафайетомъ и другими представителями французскаго американофильства. Джефферсонъ, высказывалъ равныя опасенія въ своихъ письмахъ къ Томасу Пэну, къ доктору Прайсу и къ своимъ обычнымъ корресподентамъ въ Америкѣ—Адамсу, Мадиссону, Джэ, Кармихаэлю и Вашингтону [1]).

Въ то время, какъ Бриссо печатаніемъ своего путешествія въ Америку старался познакомить французовъ по преимуществу съ общественными устоями американской свободы, Кондорсэ въ своихъ политическихъ памфлетахъ пріучалъ ихъ къ мысли о необходимости издать подобную американской декларацію правъ человѣка и гражданина и истолковывалъ имъ принципіальныя особенности политическаго строя Соединенныхъ-Штатовъ. Никто иной, какъ Джефферсонъ, въ письмѣ къ Мадиссону отъ 31-го іюля 1788 года, указывалъ на эти брошюры Кондорсэ, какъ на самое разумное рѣшеніе тѣхъ великихъ вопросовъ, къ обсужденію которыхъ призвалъ французовъ предстоящій созывъ генеральныхъ-штатовъ. [2]). Ссылаясь на высказанныя въ нихъ мысли, тотъ же Джефферсонъ уже въ августѣ 1789 года считалъ возможнымъ пророчить, что ближайшей попыткой «патріотовъ» будетъ обнародованіе декларацiи правъ, установленіе періодичности національнаго собранія и ограниченіе расходовъ казны годовымъ бюджетомъ [3]).

Въ чемъ же состояли, спрашивается, взгляды Кондорсэ на особенности американской гражданственности и на то значеніе, какое знакомство съ ними можетъ имѣть для ближайшаго возрожденія Франціи? Въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Мысли о деспотизмѣ», Кондорсэ предъявлялъ къ будущему представитель-

---

[1]) The writings of Jefferson, т. II, стр. 436 и слѣд. — Такъ, въ письмѣ къ Мадиссону, отъ 18-го ноября 1788 года, мы находимъ слѣдующія слова: „Бѣда въ томъ, что французскій народъ еще не созрѣлъ для тѣхъ благъ свободы, на которыя онъ имѣетъ право“ (Ibid., стр. 506).

[2]) Ibid., стр, 439 и слѣдующія.

[3]) Ibid., To Colonel W. S. Smith. August, 1788 (стр. 448, т. II).

ству Франціи требованіе начать свою дѣятельность съ обнародованія декларацiи естественныхъ правъ человѣка, на которыхъ,—говоритъ онъ,—построены права націи. Эта декларація должна быть аналогична съ тою, какая была издана въ Виргиніи 1-го іюня 1786 года. Достигнуть этого можно—думаетъ онъ,—подъ условіемъ, чтобы каждый написалъ свой собственный проектъ. Изъ сопоставленія и сліянія ихъ можно будетъ установить со временемъ общую редакцію. Кондорсэ даетъ примѣръ подобнаго отношенія къ дѣлу, предлагая въ особомъ памфлетѣ готовый текстъ такого заявленія. Естественныя права человѣка сводятся для него къ личной безопасности, индивидуальной независимости, неприкосновенности и свободѣ распоряженія собственностью, наконецъ, къ «естественному равенству» [1]). У американцевъ заимствуетъ Кондорсэ не только мысль о составленіи особой декларацiи, но и самое ученіе о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о «правахъ, предшествующихъ во времени и превосходящихъ своимъ значеніемъ всѣ прочія права» (antérieurs et supérieurs aux lois positives). Въ отличіе отъ всемогущества англійскаго парламента, для котораго не существуетъ разницы между конституціонными и простыми законами, который въ правѣ отмѣнить любой статутъ, слѣдуя обычному порядку троекратнаго чтенія билля въ обѣихъ палатахъ и ихъ голосованія большинствомъ, американскій конгрессъ проводитъ различіе между основными законами, опредѣляющими собою личныя права гражданъ и функціи отдѣльныхъ политическихъ властей, и тѣми, которые не имѣютъ прямаго отношенія къ конституціи. Стражемъ первыхъ являются федеральные суды, уполномоченные отвергнуть всякій законъ, противорѣчащій этимъ основамъ и потому неконституціонный. Это легальное ограниченіе функцій народнаго представительства не вызвано къ жизни филадельфійской конвенціей. Задолго до обнародованія конституціи 1787 года оно признано было во многихъ штатахъ сѣвера, куда, по всей вѣроятности, занесли его эми-

---

[1]) См. томъ XII, Oeuvres (изд, 1804 года). Idées sur le despotisme (стр. 230, 233, 238). См. также другой памфлетъ, озаглавленный: „Déclaration des droits“, стр. 245 того же тома; наконецъ, Lettres d'un gentilhomme à M-rs du tiers-état (Ibid., стр. 323).

грировавшіе изъ Англіи вслѣдъ за реставраціей Стюартовъ индепенденты и левеллеры [1]).

Чтобы найти зародышъ этихъ ученій, надо вернуться къ эпохѣ первой англійской революціи и познакомиться съ политическими воззрѣніями не только радикальной партіи, но и признаннаго главы англійской республики, Кромвеля, постоянно проводившаго въ своихъ рѣчахъ тотъ взглядъ, что на ряду съ основами (fundamentals), сохраненіе которыхъ обязательно для всѣхъ правительствъ, такъ какъ на нихъ держится свобода физическихъ и нравственныхъ проявленій личности,—въ каждомъ государственномъ порядкѣ необходимо встрѣчаются и подлежащія измѣненію «circumstancials», т. е. мѣры, вызванныя къ жизни обстоятельствами времени и падающія вмѣстѣ съ ними. Кондорсэ примыкаетъ къ этому, по своему источнику, англійскому ученію, нашедшему себѣ, однако, право гражданственности только въ Америкѣ. Протестуя противъ неизмѣнности законовъ, даже учредительныхъ, онъ въ то же время предлагаетъ установить особый порядокъ для восполненія и исправленія текста декларацiи правъ и конституціи. Не законодательная палата, а спеціально созванный для этой цѣли конвентъ [2]) надѣляется правомъ пересмотра послѣднихъ. Того же требуетъ и американская конституція, которая въ данномъ случаѣ имѣла передъ глазами примѣръ «конвенціи», поведшей къ обнародованію въ Англіи «билля о правахъ» 1689. Хотя Кондорсэ не задается мыслью изложить основы американскаго государственнаго строя въ примѣненіи ихъ къ Франціи, но онъ не разъ обнаруживаетъ дѣйствительный источникъ своихъ взглядовъ въ самомъ названіи издаваемыхъ имъ памфлетовъ, какъ напримѣръ: «Письма гражданина

---

[1]) Въ статьяхъ, посвященныхъ характеристикѣ политическихъ воззрѣній передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма я старался показать, какое значеніе они придавали такъ называемой ими „конституціонности законовъ“. (См. въ Русскомъ Богатствѣ статью, озаглавленную „Два Парламента“ (1894 г) и въ Русской Мысли статью „Родоначальники англійскаго радикализма“ (1893).

[2]) L'examen de la constitution sera fait non par l'assemblée nationale ordinaire, mais par une assemblée convoquée exprès pour corriger la constitution (Lettres d'un gentilhomme à M-rs du tiers-état, Oeuvres, № 12, стр. 326),

Ньюгевена къ гражданину Виргиніи», или «Письма американскаго гражданина къ французу касательно текущихъ дѣлъ». Американское вліяніе сказывается у Кондорсэ не только въ защитѣ имъ проекта декларацiи правъ и проведеніи ученія о неотъемлемости и неотчуждаемости установленныхъ природою прерогативъ человѣка и націи, но и въ опредѣленіи характера тѣхъ вольностей, какія обезпечиваются этими независящими отъ законовъ и предшествующими имъ по времени правами. Во главѣ ихъ Кондорсэ ставитъ равенство. Не можетъ существовать,—пишетъ онъ,—ни истиннаго права, ни прочнаго мира иначе, какъ при абсолютномъ равенствѣ между гражданами [1]). Общество имѣетъ своей задачею противодѣйствовать тому, чтобы неравенство силъ, единственно допускаемое природой, не вызвало несправедливыхъ притѣсненій [2]). Эти нѣсколько общія положенія могли бы дать поводъ думать, что подъ равенствомъ Кондорсэ разумѣетъ не только равенство формальное, но и равенство матеріальное, не одно нелицепріятіе законовъ, но и одинаковость общественныхъ условій. На дѣлѣ же онъ весьма далекъ отъ пристрастія къ соціалистическимъ или коммунистическимъ теоріямъ,—такъ же далекъ, какъ и послужившіе ему примѣромъ американцы. Онъ самъ, впрочемъ, спѣшитъ устранить всякія недоразумѣнія, ставя частную собственность въ число неотъемлемыхъ естественныхъ правъ человѣка, и заявляя, что неравенство только тогда не можетъ считаться нарушеніемъ естественнаго права, когда вытекаетъ изъ собственности или является результатомъ отправленія кѣмъ либо важныхъ общественныхъ функцій [3]). Кондорсэ такъ далекъ отъ стремленія къ безграничному равенству, что самая мысль положить собственность въ основу права избранія нисколько не пугаетъ его; онъ открыто является сторонникомъ имущественнаго ценза. Вотъ какими пріемами защищаетъ онъ исключительное право собственниковъ быть выборщиками и депутатами. «Если, — говоритъ онъ, — вы дадите равное право голоса всѣмъ гражданамъ, богатымъ легче будетъ установить

---

[1]) Lettres d'un gentilhomme à Messieurs du tiers-état (Condorcet).

[2]) Lettres d'un citoyen des états-unis à nn français sur les affaires présentes. Oeuvres. Томъ XII, стр. 143.

[3]) Ibid.

свое вліяніе въ Палатѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда къ выборамъ будутъ допущены только лица съ нѣкоторой имущественной обезпеченностью. Послѣднимъ легче оказать отпоръ косвеннымъ вліяніямъ богатыхъ. Собственники имѣютъ равный съ несобственниками интересъ во всемъ, что касается законодательства, и несравненно бо̀льшій, разъ дѣло идетъ о гражданскомъ правѣ или установленіи налоговъ. Нѣтъ поэтому никакой опасности возложить на нихъ однихъ полномочіе быть блюстителями интересовъ остальной части общества» [1]). Едва ли во всей памфлетной литературѣ этого времени найдется болѣе характерное доказательство полнаго непониманія большинствомъ дѣятелей 1789 года того, что мы разумѣемъ въ настоящее время подъ борьбою классовъ, и того вліянія, какое эта борьба, при представительствѣ одного землевладѣльческаго элемента, должна оказать на характеръ законодательства. Не поднимая даже вопроса о тѣхъ неудобствахъ, къ какимъ можетъ повесть одностороннее представительство собственниковъ, Кондорсэ старается обосновать ихъ права на слѣдующемъ весьма спорномъ положеніи. «По самой природѣ вещей, — говоритъ онъ, — не-собственники только потому населяютъ землю, что она сдана была въ наемъ согласившимися принять ихъ собственниками. Если они имѣютъ какія-либо права, помимо права на жизнь и свободу, то только отъ собственниковъ. Послѣдніе могутъ поэтому, не нарушая справедливости, признать себя единственными гражданами государства» [2]). Но если Кондорсэ надѣляетъ политическими правами однихъ собственниковъ, то, съ другой стороны, въ средѣ ихъ онъ не допускаетъ никакихъ различій: гражданинъ, владѣющій участкомъ, доходъ котораго едва обезпечиваетъ ему существованіе при отсутствіи посторонняго заработка, по мнѣнію Кондорсэ, болѣе всѣхъ другихъ заинтересованъ въ томъ, чтобы общество управлялось добрыми законами. Дурное законодательство, отымая у него даже слабую часть дохода, произвело бы цѣлый переворотъ въ его имущественномъ положеніи и заставило бы его снискивать пропитаніе въ трудѣ (le

---

[1]) Lettres d'un bourgeois de New-Heaven. (Oeuvres, томъ XII, стр. 16).

[2]) Ibid.

force à travailler pour vivre). Легко догадаться, чей примѣръ имѣетъ передъ глазами авторъ «Писемъ ньюгевенскаго гражданина», когда утверждаетъ, что классъ мелкихъ собственниковъ всего болѣе призванъ къ государственной дѣятельности и народному представительству. Очевидно, онъ разумѣетъ мелкихъ фермеровъ въ незнавшихъ рабства сѣверныхъ штатахъ, — фермеровъ, которые одновременно являлись и собственниками, и земледѣльцами. Тѣмъ, кто возражаетъ противъ устраненія не-собственниковъ отъ представительства, ссылаясь на естественное равенство людей, Кондорсэ отвѣчаетъ, указывая на примѣръ женщинъ, природное равенство которыхъ съ мужчинами не принимается въ разсчетъ при надѣленіи избирательнымъ голосомъ. Слѣдуетъ горячая защита правъ женщинъ на представительство, разумѣется, подъ условіемъ, если онѣ владѣютъ собственностью. Кондорсэ является такимъ образомъ однимъ изъ піонеровъ той идеи, которая въ наши дни нашла краснорѣчиваго истолкователя въ лицѣ Джона Стюарта Милля и съ каждымъ годомъ вербуетъ все большее и большее число приверженцевъ въ стѣнахъ англійскаго парламента.

Въ вопросахъ политическаго устройства увлеченіе Кондорсэ американскими порядками не доходитъ въ это время ни до признанія возможности обратить Францію въ республику, ни до проповѣди федерализма. Франція, — объявляетъ онъ, — необходимо должна остаться монархіей, ибо эта форма государственнаго устройства — единственная, отвѣчающая ея богатству, ея населенности и политической системѣ Европы [1]). Эта монархія должна быть наслѣдственною, такъ какъ одна наслѣдственность позволитъ избѣжать тѣхъ смутъ, которыя постоянно возникаютъ во всѣхъ избирательныхъ монархіяхъ. Не менѣе рѣшительно высказывается Кондорсэ противъ федерализма. Онъ нападаетъ на духъ автономіи, обнаруженный за послѣднее время отдѣльными провинціями, «которыя, — говоритъ онъ, — не желаютъ болѣе оставаться составными частями французской монархіи, а хотятъ сдѣлаться самостоятельными республиками. Ихъ центро-

---

[1]) Réflexions sur les pouvoirs et instructions à donner par les provinces à leurs députés aux états généraux (стр. 16).

бѣжной тенденціи Кондорсэ противополагаетъ проповѣдь единства; онъ настаиваетъ на тѣхъ выгодахъ, какія это единство представляетъ для сохраненія независимости и свободы [1]). Мѣсто федерализма занимаетъ въ его проектѣ широкая децентрализація и мѣстное самоуправленіе. Въ основаніе его кладется дробленіе Франціи на равные по числу избирателей округа, съ тремя тысячами въ каждомъ. Эти дистрикты управляются избраннымъ народомъ совѣтомъ, въ рукахъ котораго сосредоточиваются исключительно всѣ обязанности администраціи. По примѣру американцевъ, Кондорсэ ввѣряетъ этимъ мѣстнымъ и избираемымъ властямъ право требовать содѣйствія войскъ въ случаѣ безпорядковъ. Иниціатива исходитъ въ этомъ случаѣ не отъ короля и министровъ, а отъ выборныхъ окружныхъ совѣтовъ [2]). Мы увидимъ впослѣдствіи, что эта американская по источнику идея была усвоена Учредительнымъ собраніемъ и положена въ основу законодательства о національной гвардіи и войскѣ. Округа назначаютъ отъ себя депутатовъ въ національное собраніе. Какъ и въ проектахъ Бриссо, краткосрочность полномочій и невозможность переизбранія объявляются необходимыми требованіями свободы. Члены законодательнаго корпуса назначаются на два года. Необходимо большинство трехъ четвертей избирателей, чтобы продлить ихъ полномочія на равный срокъ. Депутаты, по примѣру членовъ американскаго конгресса, устраняются отъ всякаго рода административныхъ и судебныхъ должностей.

Являясь противникомъ федерализма, Кондорсэ настолько проникнутъ американской идеей объ относительной самостоятельности штатовъ въ дѣлѣ реформы конституціи и заключеніи международныхъ соглашеній, что требуетъ для своихъ округовъ права высказываться утвердительно или отрицательно по обоимъ вопросамъ. Примѣръ Америки сходится въ данномъ случаѣ съ ученіемъ Руссо о томъ, что нація не можетъ отказаться отъ суверенитета. Вліяніе обоихъ заставляетъ Кондорсэ выступить съ открытой защитой того, что

---

[1]) Sentiment d'un républicain sur les assamblées provinciales et les états-généraux, томъ XII, стр. 192 и слѣдующія.

[2]) Lettres d'un bourgeois de New-Heaven. Oeuvres. Томъ XII, стр, 70.

нынѣ извѣстно подъ именемъ «referendum» и что получитъ впервые оффиціальное признаніе въ конституціи 1793 года. Кондорсэ требуетъ примѣненія его не ко всѣмъ законамъ, какъ это практикуется въ наши дни въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Дистрикты призваны только вотировать вопросъ о томъ, желательны ли тѣ или другія измѣненія въ конституціи и слѣдуетъ ли оставить въ силѣ заключенные законодательнымъ корпусомъ договоры съ иностранными державами. Въ первомъ случаѣ, при утвердительномъ отвѣтѣ большинства дистриктовъ, законодательный корпусъ обязанъ приступить къ обсужденію голосованныхъ реформъ, во второмъ случаѣ, при отрицательномъ отвѣтѣ, договоръ теряетъ свою силу [1]).

Такимъ образомъ referendum, какъ понимаетъ его Кондорсэ, заключаетъ въ себѣ и право непосредственнаго почина конституціонныхъ реформъ избирателями, и право утвержденія или неутвержденія ими рѣшеній, уже принятыхъ законодательнымъ собраніемъ. Кондорсэ придаетъ такое существенное значеніе прямому вмѣшательству народа въ дѣла государства, что видитъ въ немъ средство избѣжать захвата суверенитета со стороны народнаго представительства; а такъ какъ страхъ подобнаго захвата—единственное серьезное основаніе въ пользу двухъ или большаго числа камеръ, то онъ послѣдовательно высказывается въ пользу единой народной палаты, контролируемой непосредственно избирательными дистриктами. Верхняя палата, думаетъ онъ, только осложнитъ безполезно ходъ политической машины, да еще сдѣлается, пожалуй, источникомъ аристократическихъ броженій [2]). Округа, очевидно, играютъ въ этомъ случаѣ въ системѣ Кондорсэ ту самую роль, какую штаты Америки въ эпоху конфедераціи, когда, при существованіи единой камеры возможно было остановить принятыя ею рѣшенія противодѣйствіемъ мѣстныхъ правительствъ. Ограниченность функцій конгресса въ эпоху конфедераціи является для Кондорсэ примѣромъ необходимости положить опредѣлен-

---

[1]) Lettres d'un bourgeois de New-Heaven. Томъ XII, стр. 56 и 58 (Oeuvres).

[2]) Ср. статью Дида о политическихъ теоріяхъ Кондорсэ въ журналѣ „La Révolution française“, 1882 г., стр. 749.

ные закономъ предѣлы власти національнаго представительства и лишить его, по возможности, всякихъ исполнительныхъ функцій [1]). Въ число правъ, которыя нація никогда не можетъ уступить своему представительству, Кондорсэ включаетъ право реформы конституціи, исправленіе ее по частямъ или въ цѣломъ и притомъ во всякое время. Законодатель не можетъ,— пишетъ онъ,—работать для вѣчности, такъ какъ дѣло рукъ человѣческихъ по необходимости несовершенно; иначе пришлось бы производить конституцію отъ Неба; за однимъ Небомъ признавалось пока право установлять неизмѣнные законы [2]).

Въ то время, какъ Кондорсэ заимствовалъ изъ Америки ученіе о необходимости единой всесословной камеры, Лафайетъ искалъ приблизиться къ тому же образцу, предлагая устройство періодически возобновляемаго сената изъ делегатовъ отъ провинціальныхъ штатовъ. Эти делегаты въ его проектѣ должны были играть роль американскихъ сенаторовъ [3]). Американофильство не мѣшало и Лафайету оставаться сторонникомъ политическаго единства Франціи и поддерживать въ ней монархическій принципъ, основанный на наслѣдственности, на строгомъ обособленіи законодательной власти отъ исполнительной и сосредоточеніи послѣдней всецѣло въ рукахъ короля и свободно выбираемаго имъ министерства [4]). При устройствѣ

---

[1]) Lettres d'un bourgeois de New-Heaven. Oeuvres. Томъ XII, стр. 115.

[2]) Ср.: Дидъ, стр. 850 (Révolution française, 1882 г.).

[3]) См. письма Лафайета къ Латуръ Мобуру, отъ августа и сентября 1789 г., напечатанныя Мортимеромъ Терно въ приложеніи къ первому тому его „Исторіи террора".

[4]) Въ его корреспонденціи съ Вашингтономъ не разъ упоминается объ общемъ обоимъ желаніи придать больше силы и энергіи исполнительной власти (Bardoux, La jeunesse de La Fayette. Paris. 1892 г. 19 стр.). Въ проектахъ соглашенія Лафайета со дворомъ встрѣчается обязательство принять мѣры къ усиленію исполнительной власти, сдѣлать короля полнымъ распорядителемъ арміей, передать въ его руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ и т. п. „Вы знаете,—говорилъ онъ Людовику XVI,—что по чувствамъ я республиканецъ, но самые принципы мои заставляютъ меня въ настоящую минуту быть роялистомъ. Я убѣжденъ въ томъ,—прибавлялъ онъ, обращаясь къ королевѣ,—что въ настоящихъ усло-

своего сената онъ заимствовалъ только форму, а не духъ избраннаго имъ образца. Въ Америкѣ, какъ извѣстно, въ угоду сепаратизму и притязаніямъ штатовъ на самостоятельность и политическое равенство, допущено было равное представительство всѣхъ и каждаго изъ штатовъ, независимо отъ размѣра территоріи и величины населенія. Лафайетъ же ни мало не настаиваетъ на такомъ равенствѣ. Онъ ближе подходитъ къ духу американскихъ учрежденій, когда вноситъ въ собраніе готовый проектъ декларацiи правъ и кладетъ тѣмъ начало торжественному признанію Франціей тѣхъ самыхъ естественныхъ правъ, обязательность которыхъ для законодателя была провозглашена американцами [1]). Включенныя въ проектъ Лафайета права—тѣ самыя, которыя установлены были англійской практикой и вмѣстѣ съ англійскими колонистами проникли въ Новый Свѣтъ, гдѣ были отчасти восполнены, отчасти видоизмѣнены нивелирующимъ вліяніемъ одинаковости матеріальныхъ условій и отсутствія признанныхъ закономъ сословій. Это, съ одной стороны свобода физическихъ проявленій личности, насколько она обставлена тѣми гарантіями, какія даетъ ей «Habeas corpus», съ другой—свобода ея нравственныхъ проявленій, достигаемая отмѣной цензуры и равноправіемъ вѣроисповѣданій [2]). Наряду со свободой, собственность и ея неприкосновенность включены въ число естественныхъ правъ человѣка въ такой же мѣрѣ въ проектѣ Лафайета, какъ и въ послужившей ему образцомъ Декларацiи Виргиніи. Къ обоимъ началамъ происоединяется еще — равенство, опять таки понимаемое въ американскомъ

віяхъ отмѣна конституціонной монархіи во Франціи была бы общественнымъ бѣдствіемъ". Bardoux, стр. 225.

[1]) Еще въ письмѣ къ Вашингтону, отъ 1-го января 1788 года, Лафайетъ говоритъ о своемъ желаніи добиться билля о правахъ и конституціи.

[2]) Лафайетъ открыто выражалъ желаніе, чтобы законъ не давалъ предпочтенія ни одному изъ вѣроисповѣданій и, по примѣру того, что̀ практикуется въ Америкѣ, предоставилъ бы каждой группѣ вѣрующихъ содержать собственный храмъ и причетъ. „Но французское общество,—прибавляетъ Лафайетъ въ своихъ мемуарахъ,— не было еще достаточно зрѣло, чтобы проникнуться этой мыслью" (Bardoux, стр. 140).

смыслѣ, т. е. въ смыслѣ равенства передъ закономъ и судомъ, отнюдь не равенства состояній [1]) Зная республиканскія чувства Лафайета, смѣлость, съ которой онъ открыто заявлялъ Маріи-Антуанетѣ, «что не имѣетъ никакого предразсудка въ пользу монархіи, и что если бы благо родины потребовало отмѣны королевской власти, онъ не отступилъ бы передъ этой необходимостью, такъ какъ не придаетъ никакого значенія такъ называемымъ династическимъ правамъ» [2]),—не удивляешься возможности сближенія его не только съ маркизомъ Кондорсэ, такимъ же, какъ онъ, аристократомъ по рожденію, но и съ журналистомъ Бриссо, которому, по словамъ госпожи Роланъ, онъ долгое время обѣщалъ доставить средства для изданія журнала [3]), и которому, со временемъ, поставлена будетъ въ вину близкая связь его съ «роялистомъ и заговорщикомъ» Лафайэтомъ. Всѣ названныя лица имѣли возможность встрѣчаться частью въ аристократическомъ по составу, но республиканскимъ по духу [4]) салонѣ графини де-Тэссе, тетки Лафайета, одинаково горячей поклонницы Вольтера, какъ философа, и собственнаго племянника, какъ политика [5]),—всего же чаще въ домѣ американскаго посла въ Парижѣ, Джеффер-

---

[1]) Демократическія стремленія Лафайета ни для кого не были тайной еще задолго до революціи. Онъ самъ передаетъ намъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующій характерный анекдотъ:

„Однажды, когда мнѣ въ 1785 году пришлось защищать противъ Фридриха Великаго ту мысль, что въ Америкѣ никогда не будетъ ни королевской власти, ни дворянства, старый монархъ внезапно прервалъ меня, говоря:—Я зналъ когда-то молодого человѣка, который, посѣтивъ страны свободы и равенства, задался мыслью установить все это въ своей родинѣ. Знаете ли, что̀ случилось съ нимъ?

— Нѣтъ, Ваше Величество.

— Съ нимъ случилось,—прибавилъ король съ улыбкой,—то, что его повѣсили!“— (Bardoux, стр. 218).

[2]) Bardoux, стр. 225.

[3]) Lettres à Bancal des Issarts, изд. Sainte-Beuve (отъ конца 1790 г. и начала 1791 г.).

[4]) Morris, Diary and letters.

[5]) Характеристику comtesse de Tessé можно найти у Bardoux: La jeunesse de Lafayette, стр. 243.

сона. Чтеніе его писемъ за эту эпоху проливаетъ яркій свѣтъ на дѣятельность небольшого кружка французскихъ американофиловъ, искавшихъ у него совѣта и руководительства. Къ чести его самого и президента Вашингтона надо сказать, что шедшіе изъ Америки совѣты были исполнены умѣренности и благоразумія. Въ то время, какъ Вашингтонъ писалъ Лафайету, что всѣ друзья человѣчества, и онъ въ томъ числѣ, отъ всей души желаютъ упроченія во Франціи порядковъ, «которые сдѣлали бы правительство сильнымъ и породили бы уваженіе къ равенству» [1]), Джефферсонъ, поддерживая «патріотовъ» въ рѣшимости покончить съ сословной организаціей представительства, которая въ его глазахъ имѣла неизбѣжнымъ послѣдствіемъ деспотизмъ [2]),—одновременно воздерживалъ ихъ отъ излишней настойчивости въ проведеніи другихъ политическихъ требованій. «Невозможно реформировать сразу вѣковыя злоупотребленія; необходимо добиться сначала,— говорилъ, онъ,—того, что легко достижимо, на что само правительство готово пойти, какъ-то: періодичности въ созывѣ народнаго представительства, права его вотировать налоги и регистрировать законы, предлагая къ нимъ измѣненія [3])». Если,— замѣчалъ онъ въ своей перепискѣ съ американскими государственными людьми, — французы ограничатся пока этимъ, все, вѣроятно, кончится успѣшно, и на ближайшихъ сессіяхъ штатовъ немудрено будетъ добиться отмѣны lettres de cachet и цензуры, установленія бюджета, а также и другихъ существенныхъ реформъ въ образѣ правленія. Но есть основаніе опасаться, что желаніе исправить все сразу, которое въ настоящее время овладѣло многими умами, наведетъ ужасъ на правительство и заставитъ его прибѣгнуть къ силѣ и положиться только на нее [4]).

Слишкомъ большая поспѣшность въ проведеніи реформъ не только не встрѣчала сочувствія Джефферсона, но онъ даже от-

---

[1]) См. Bardoux, стр. 229.

[2]) Письмо отъ 31-го іюля 1788 года, къ Мадиссону, томъ II полнаго собранія сочиненій.

[3]) См. письмо къ Мадиссону и Дже отъ 18 и 19 ноября 1788 г.

[4]) Ibid., стр. 511.

крыто присоединялся къ тѣмъ, кто думалъ, что иниціативу въ дѣлѣ отмѣны злоупотребленій и устройства Франціи на новыхъ началахъ должно принять на себя само правительство. Какъ ни покажется это страннымъ, но мысль о королевской декларацiи, подобной, по крайней мѣрѣ по формѣ, той, которая такъ неудачно предложена была Людовикомъ XVI-мъ въ засѣданіи 23 іюня 1789 года, если не зародилась впервые въ головѣ Джефферсона, то во всякомъ случаѣ нашла въ немъ съ самаго начала горячее сочувствіе. Онъ даже составилъ примѣрный текстъ ея, включивъ въ число добровольно даруемыхъ правительствомъ вольностей исключительное право штатовъ вотировать бюджетъ, ихъ участіе наравнѣ съ королемъ въ законодательной дѣятельности, личную свободу и свободу печати[1]). Двѣ мѣры, повидимому, особенно были ему дороги, и все же онъ готовъ былъ поступиться ими, по крайней мѣрѣ на время. Онъ не включилъ въ текстъ своего проекта ни подобія англійскаго билля о правахъ или американской декларацiи независимости, ни суда присяжныхъ. Джефферсонъ вѣрить въ патріотическія чувства Людовика XVI. Онъ говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, готовомъ поступиться собственными правами въ интересахъ подданныхъ. Въ письмѣ къ Кётингу, отъ 24 іюля 1788 года, онъ заявляетъ, что Людовикъ XVI способенъ на великія жертвы. Чтобы склонить его къ тѣмъ или другимъ реформамъ, необходимо только породить въ немъ увѣренность, что онѣ клонятся къ благу націи[2]). Такое воззрѣніе на Людовика XVI объясняетъ намъ причину, по которой Джефферсонъ старался воздержать патріотовъ отъ слишкомъ рѣзкой оппозиціи двору. Это не мѣшало ему по своему оцѣнивать источникъ внезапной уступчивости министерства и даже говорить въ письмѣ къ Джефферсону, отъ 11-го января 1789 года, что «правительства обыкновенно любятъ народы, какъ волки овецъ», и что созывъ генеральныхъ штатовъ вызванъ денежной нуждою, невозможностью получить средства отъ средняго сословія, изъ

---

[1]) См. письма Джефферсона къ Лафайету и Рабо Сентъ-Этьенну, отъ 3-го іюня 1889 года. Томъ III, стр. 45 и 47,

[2]) Ibid., томъ I, стр. 439.

котораго и безъ того уже выжаты всѣ соки. «Необходимо направить поэтому поборы на дворянство и духовенство, но этого нельзя сдѣлать иначе, какъ при поддержкѣ буржуазіи [1])». Никто яснѣе самого Джефферсона не сознавалъ той связи, въ какой духъ свободы, овладѣвшій французскими умами, стоялъ съ американской войной за независимость. Его письмо въ Лондонъ къ доктору Прайсу, секретарю «клуба революціи 1688 года», въ этомъ отношеніи весьма поучительно. «Американская война, — говорится въ немъ, впервые пробудила мыслящую часть французской націи отъ сна деспотизма, въ который они такъ долго и такъ глубоко были повергнуты. Большинство французскихъ офицеровъ, прибывшихъ въ Америку, состояло изъ молодыхъ людей, не успѣвшихъ испытать на себѣ вліянія привычекъ и предразсудковъ своей родины и склонныхъ признать требованія здраваго смысла и справедливости или общаго всѣмъ права. Они вернулись въ отечество съ этими взглядами. Печать, не смотря на тиски, въ какіе она была поставлена, начала вскорѣ распространять ихъ. Тѣ же мысли не замедлили сдѣлаться общею темою разговоровъ; политика доставила пищу для всякаго рода бесѣдъ, одинаково въ мужскомъ и женскомъ обществѣ. Обширная и дѣятельная партія, которую можно назвать партіей патріотовъ, была образована изъ всѣхъ, кто сознавалъ злоупотребленія правительства и стремился къ ихъ реформѣ. Въ составъ ея вошли люди, которымъ достатокъ позволялъ посвящать время чтенію и разсужденіямъ, люди пера, зажиточные буржуа, молодое дворянство,—послѣднее частью по убѣжденію, частью по модѣ. Высказываемые патріотами взгляды, сдѣлавшись «модными», привлекли на свою сторону всѣхъ юныхъ женщинъ. Эта перемѣна настроенія совпала съ совершеннымъ разореніемъ королевской казны и неспособностью средняго сословія нести долѣе на своихъ плечахъ бремя налоговъ. Оба явленія въ своей совокупности и породили то либеральное движеніе, которое вызвало созывъ генеральныхъ штатовъ [2]). Ка-

---

[1]) Ibid., томъ II, стр. 556 и слѣдующія

[2]) Ibid., стр. 553, томъ II.

кое направленіе самъ Джефферсонъ старался придать дѣятельности своихъ политическихъ друзей, а именно, того кружка американофиловъ, который сходился въ его домѣ,—объ этомъ можно судить изъ уцѣлѣвшаго письма его къ оббату Арну, отъ 19-го іюля 1789 года. «Мы признаемъ истиной въ Америкѣ, что необходимо допустить народное участіе во всѣ сферы государственной жизни, но въ извѣстныхъ границахъ, указанныхъ самой природой. Мы думаемъ, что это единственный путь къ обезпеченію прочнаго, неизмѣнчиваго и честнаго правительства. Изъ этого общаго положенія мы дѣлаемъ тотъ выводъ, что во-первыхъ, не осуществляя самъ исполнительныхъ функцій, народъ призванъ къ выбору лица, которому поручается этотъ видъ власти. У насъ этотъ выборъ производится каждые четыре года (разумѣется выборъ президента); во-вторыхъ, народъ не призванъ осуществлять непосредственно и законодательной власти, почему онъ и допускается нами только къ выбору законодателей; въ-третьихъ, не его также дѣло судить о вопросахъ права, но зато онъ вполнѣ способенъ высказываться о вопросахъ факта; и вотъ почему въ лицѣ присяжныхъ онъ призывается нами къ рѣшенію фактической стороны дѣла, тогда какъ примѣненіе относящагося къ данному случаю закона предоставлено постояннымъ судьямъ. Намъ хорошо извѣстно, что постоянство должности придаетъ судьямъ корпоративный духъ (esprit de corps), что, зная напередъ, кто будетъ судить ихъ, стороны склонны испытывать на судьяхъ вліяніе подкупа; наконецъ, что фаворитизмъ, желаніе заслужить передъ старшими, принадлежность къ партіи, преданность администраціи, легко встрѣчаются въ членахъ постояннаго трибунала. Это убѣжденіе и заставляетъ насъ возлагать бо̀льшія упованія на приговоръ двѣнадцати избранныхъ присяжныхъ, нежели на одностороннее рѣшеніе судей. Мы даемъ поэтому присяжнымъ возможность распространять свое сужденіе и на вопросы права каждый разъ, когда у нихъ явится подозрѣніе, что постоянные судьи подверглись косвенному воздѣйствію, что они состоятъ во власти предразсудка и способны оказаться пристрастными. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, присяжные сдѣлались самымъ твердымъ оплотомъ англійской и американской свободы.

Если бы меня спросили, что я считаю болѣе желательнымъ, участіе ли народа въ законодательствѣ или судѣ, я бы,—говоритъ Джефферсонъ, высказался въ пользу послѣдняго, такъ какъ исполненіе законовъ на мой взглядъ важнѣе ихъ сознанія; но еще лучше, разумѣется, устроить такъ, чтобы народъ участвовалъ во всѣхъ трехъ властяхъ» [1]). Только что приведенный документъ раскрываетъ передъ нами ту роль, какую въ дѣлѣ проведенія Учредительнымъ собраніемъ судебной реформы играли заимствованныя изъ Америки возрѣнія. Дѣло шло о введеніи народа въ судъ, о предоставленіи ему въ этой области того же участія, какое признано было за нимъ въ сферѣ законодательства и администраціи, муниципальной, окружной и департаментской. Ни о чемъ Джефферсонъ не говоритъ такъ часто въ своихъ письмахъ, какъ о необходимости включенія суда присяжныхъ въ число проектируемыхъ во Франціи реформъ; но, прибавляетъ онъ въ письмѣ къ доктору Прайсу, сомнѣваюсь,—чтобы французамъ удалось добиться его; большинство еще мало понимаетъ его пользу» [2]).

Далекій отъ мысли поддерживать во Франціи аристократію путемъ созданія подобія англійской палаты лордовъ, Джефферсонъ, въ письмахъ къ Лафайету, настаиваетъ тѣмъ не менѣе на пользѣ двухпалатной системы. Она, по его мнѣнію, одно изъ условій хорошаго законодательства. Чтобы избѣжать раскола между сословіями, онъ готовъ даже пойти на тотъ компромисъ, какой предложенъ былъ епископомъ лангрскимъ, требовавшимъ соединенія обоихъ привилегированныхъ сословій, или точнѣе, дворянства и высшаго духовенства, въ отдѣльную отъ общинъ камеру [3]).

Упоминая въ письмѣ къ Мадиссону, отъ 28-го августа 1789 г., о предложеніи установить во Франціи сенатъ, Джефферсонъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что прототипомъ при составленіи этого проекта служила американская федеральная конституція. Все отличіе состоитъ въ томъ, что французскій

---

[1]) Ibid., томъ III, стр. 81.

[2]) См. письмо отъ 8-го янв. 1789 года.

[3]) Письмо, отъ 6-го мая 1789 г., томъ III, стр, 20.

сенатъ долженъ быть пожизненнымъ, и что при избраніи его членовъ требуется извѣстный имущественный цензъ въ 400 или 500 гиней годового дохода (т. е., отъ 4,000 до 5,000 рублей). Этотъ сенатъ,—прибавляетъ онъ,—согласно проекту не долженъ имѣть рѣшающаго вето по отношенію къ законамъ, уже проведеннымъ черезъ собраніе, а только право представлять противъ нихъ возраженія. «Ремонстраціи сената заставляютъ народныхъ представителей подвергать новому разсмотрѣнію уже обсужденные ими вопросы. Простаго большинства достаточно дла окончательнаго рѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ». Излагая эти особенности французскаго проекта, Джефферсонъ спѣшитъ прибавить: «вамъ не трудно усмотрѣть, что задуманный такимъ образомъ сенатъ—не болѣе, какъ подобіе нью-іорскаго ревизіоннаго совѣта».

Самъ Джефферсонъ не одобряетъ мысли создать верхнюю камеру, которая не имѣла бы самостоятельности по отношенію къ нижней, такъ какъ онъ предвидитъ, что такая камера необходимо будетъ искать союза съ королемъ и—съ помощью его вето—станетъ противиться рѣшеніямъ народной палаты. Проектъ пожизненнаго сената, какъ извѣстно, не былъ принятъ собраніемъ, но не безинтересно отмѣтить, что при его созданіи, какъ Лафайетъ, такъ и другіе его защитники отправлялись отъ американскаго политическаго опыта и при томъ въ такой же мѣрѣ, въ какой Мунье или Бергассъ руководствовались въ своей попыткѣ создать французскую пэрію примѣромъ Англіи.

И въ судебной реформѣ національное собраніе, по словамъ Джефферсона, намѣрено было слѣдовать американскимъ образцамъ. «Вслѣдъ за отмѣной парламентовъ,—пишетъ онъ [1]),—созданы будутъ судьи и мировые посредники, общіе и провинціальные, во многомъ подобные нашимъ, и введенъ будетъ судъ присяжныхъ, въ уголовныхъ дѣлахъ несомнѣнно, а можетъ быть также и въ гражданскихъ». Будущее устройство провинціальныхъ и муниципальныхъ собраній, члены которыхъ будутъ подлежать народному избранію, кажется Джефферсону

---

[1]) Письмо отъ 28-го августа.

снимкомъ съ представительныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ; ихъ думаютъ надѣлить тѣми же функціями, что и эти собранія. Отдѣльные департаменты, подобно штатамъ Америки, получатъ свои суды, приговоры которыхъ будутъ окончательными. Въ зависимость отъ мѣстныхъ собраній поставлены будутъ и органы исполненія. И тѣмъже собраніямъ предоставлено будетъ право изданія мѣстныхъ регламентовъ. «Однимъ словомъ,— прибавляетъ Джефферсонъ,—мы во всемъ этомъ послужили имъ образцомъ и, если допущены нѣкоторыя измѣненія, то или изъ желанія примѣниться къ обстоятельствамъ и національнымъ особенностямъ, или благодаря преувеличенной вѣрѣ въ теорію, которая вообще встрѣчается въ людяхъ, не имѣющихъ практическаго опыта и знающихъ человѣка такимъ, какимъ изображаютъ его книги, а не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ». Объясняя въ письмѣ къ Джэ, отъ 20-го сентября 1789 года, причины, по которымъ система единства народнаго представительства взяла во Франціи верхъ надъ двухкамерной, Джефферсонъ приписываетъ побѣду скрытымъ республиканцамъ, которые, мирясь временно съ удержаніемъ наслѣдственной королевской власти, хотѣли бы упрочить ея зависимость отъ народныхъ представителей и сосредоточить въ ихъ рукахъ всю власть, не дробя ея между верхней и нижней палаты. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ этихъ противниковъ верхней палаты послѣдователямя Тюрго и тѣмъ самымъ даетъ поводъ думать, что руководящую роль въ ихъ средѣ онъ признаетъ за такими эпигонами школы физіократовъ, какимъ былъ Кондорсэ. Только съ однимъ американскимъ нововведеніемъ,—думаетъ Джефферсонъ,—трудно будетъ помириться французамъ, а именно, съ мыслью, что военная власть можетъ быть поставлена въ распоряженіе мѣстныхъ избирательныхъ органовъ. «Какъ понять имъ возможность такого факта, какъ задержаніе военнаго отряда генерала Рошамбо простымъ полицейскимъ чиновникомъ, шерифомъ!» Національное собраніе поспѣшило доказать Джефферсону, что американофильство его членовъ не останавливалось даже передъ мыслью занесть руку на укоренившіеся въ теченіе вѣковъ принципы. Оно поставило военную силу въ прямую зависимость отъ мѣстныхъ властей, надѣливъ ихъ правомъ не

только распоряженія національной гвардіей, въ случаѣ народныхъ мятежей, но и правомъ прямого обращенія къ королю съ требованіемъ прислать нужное для возстановленія порядка войско [1]).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что американское вліяніе сказалось во Франціи въ равной мѣрѣ и въ области соціальныхъ, и въ области политическихъ вопросовъ. Оставлять его безъ вниманія—какъ дѣлаетъ большинство историковъ, — значитъ добровольно отказываться отъ знакомства съ однимъ изъ источниковъ, изъ которыхъ вытекло революціонное движеніе 1789 года.

---

[1]) См. томъ III переписки съ Мадиссономъ, Дже и Адамсомъ въ августѣ и сентябрѣ 1889 года.

ГЛАВА II.

ТЕОРІЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХІИ.

Если вѣрить историкамъ французской революціи два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга теченія опредѣлили собой ходъ развитія политической мысли въ концѣ прошлаго столѣтія и учредительную дѣятельность національнаго собранія [1]). Рядомъ съ Монтескьё и его школой существовала, говорятъ, школа Руссо и его главнаго послѣдователя Мабли. Они-то и были виновниками того разномыслія, какое можетъ быть отмѣчено уже въ первыхъ по времени дебатахъ, посвященныхъ вопросамъ конституціоннаго устройства. Тогда какъ «умѣренные» доволь-

---

[1]) См. напр., Taine, Les origines de la France contemporaine, т. I L'ancien régime, главу о доктринахъ и т. II, L'anarchie, стр. 277. Въ особенности же Лорана, La révolution française въ Etudes sur l'histoire de l'humanité, томъ XIII, часть 1, стр. 482: „Французская революція, пишетъ онъ, представляетъ собою два противоположныхъ теченія. Одна школа требуетъ свободы, разумѣя подъ нею права человѣка. Она хочетъ также суверенитета народа, но какъ политическую гарантію и чтобы обезпечить свободную дѣятельность индивида. Рядомъ съ нею существуетъ *и другая ткола*, *которая также пишетъ на своемъ* знамени *слово свобода, но для нея свобода состоитъ въ правѣ быть сувереномъ*. Она охотно смѣшиваетъ ее съ равенствомъ. Чтобы завоевать это равенство, она не отступаетъ даже передъ мыслью принесть въ жертву націи или государству личныя права. Обѣ тенденціи одинаково встрѣчаются въ философіи XVIII вѣка. Первая—въ сочиненіяхъ Монтескьё, Вольтера и ихъ послѣдователей, вторая въ сочиненіяхъ Руссо и Мабли. Первая несомнѣнно благотворна, вторая же почти неизбѣжно ведетъ къ деспотизму“.—Изъ недавнихъ историковъ французской революціи Эдмъ Шампіонъ и Эспиассъ высказываютъ о политической литературѣ XVIII вѣка мысли, близкія къ нашимъ. „Противополагать Монтескье Руссо, пишетъ первый, въ XVIII вѣкѣ никто и не думалъ, если не говорить о второстепенныхъ вопросахъ; то, что есть у нихъ общаго, останавливало на себѣ гораздо больше вниманія, нежели встрѣчающіяся между ними различія. Ихъ послѣдователи не образовывали изъ себя двухъ школъ, а соединялись въ одну; они пѣли равныя похвалы обоимъ учителямъ, которыхъ во всѣ періоды революціи ставятъ рядомъ, какъ согласные между собою авторитеты. Малуэ-

ствовались торжествомъ во Франціи системы равновѣсія властей, при сохраненіи монархической формы устройства, «бѣшеные» (enragés) будто бы съ самаго начала не желали мириться ни съ чѣмъ, помимо демократической республики, и сознательно подготовляли паденіе королевской власти.

Я позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы между двумя школами, школою Монтескьё и школою Руссо, дѣйствительно существовала та глубокая черта отличія, которая обыкновенно проводится и чтобы та и другая не послужили къ образованію единой политической доктрины, ученія объ уравновѣшенной демократической монархіи.

Мнѣ кажется, что до сихъ поръ не было обращено достаточнаго вниманія на тотъ фактъ, что ни Руссо, ни Мабли, ни мало не являются противниками той теоріи раздѣленія и равновѣсія властей, которую Монтескьё считаетъ необходимымъ условіемъ политической свободы. Правда, у послѣдняго изъ названныхъ двухъ писателей можно найти нѣкоторыя довольно рѣзкія выходки противъ автора «Духа законовъ» [1]). Но, объявляя подчасъ «ложными его основные взгляды», Мабли не

высказываетъ преданность обоимъ. Бюзо ссылается одинаково на того и на другого, какъ на источникъ доктринъ жирондистовъ". (Esprit de la révolution française par Edme Champion, стр. 29). Въ свою очередь Эспиассъ пишетъ: Voila les principes, selon Montesquieu. Ils ne sont pas autres pour Morelly, pour Rousseau, pour Mably. Nous avons pris le cité idéale de Montesquieu comme type parcequ'à l'ordinaire on le sépare de ses contemporains. Au fond une seule et même conception sociale habite ces esprits de physionomies si diverses c'est celle d' une petite république egalitaire où l'état regle les fortunes à son gré distribue les terres, et les taches, préside aux échanges et veille à ce qu'il n'yait ni riches ni pauvres, ni paresseux. (La philosophie sociale au XVIII Siècle), стр. 91.

[1]) Въ „Духѣ законовъ„ много недостатковъ. Основные принципы его ложны; все въ немъ отрывочно и несвязно; однимъ словомъ, авторъ отличается слишкомъ большою живостью, чтобы войти въ глубь излагаемыхъ имъ матерій. Онъ думаетъ, что все принято имъ въ разсчетъ каждый разъ, когда ему удается собрать во-едино четыре—пять оригинальныхъ мыслей. Тѣмъ не менѣе его сочиненіе заслуживаетъ полнаго уваженія: оно вызываетъ ненависть къ произволу въ массѣ читающей публики, которая знакомится, благодаря ему, съ идеями свободы". (Droits et devoirs du citoyen, т. XI, Collection complète des oeuvres de Mably, стр. 401).

замѣчаетъ того, что самъ аргументируетъ ими на каждомъ шагу, провозглашая вслѣдъ за Монтескьё необходимость отдѣленія исполнительной власти отъ законодательной и утверждая, «что соединеніе этихъ двухъ властей въ одномъ лицѣ неизбѣжно поведетъ къ самому неограниченному деспотизму, такъ какъ, зная, что онъ одновременно законодатель и исполнитель, человѣкъ, надѣленный обоими правами, не сочтетъ нужнымъ прибѣгать къ законамъ и найдетъ для себя болѣе удобнымъ отдавать одни приказы [1]).

Нечего думать, что подобные взгляды высказываемы были Мабли только въ ранній періодъ его литературной дѣятельности. Они встрѣчаются и въ томъ изъ его трактатовъ, на который онъ особенно любитъ ссылаться, рекомендуя его всякому, кто желаетъ познакомиться съ политической наукой [2]). Я разумѣю его трактатъ «О правахъ и обязанностяхъ гражданина». «Развѣ существуетъ для народа возможность достигнуть свободы, пишетъ онъ въ немъ, помимо сосредоточенія въ его рукахъ всей законодательной власти и принятія благоразумныхъ мѣръ къ тому, чтобы чиновники оставались всегда точными исполнителями законовъ» [3])... «Неопровержимая истина, что лица, надѣленныя исполнительной властью, не должны имѣть участія во власти законодательной», повторяетъ онъ нѣсколько далѣе въ томъ же трактатѣ [4])... «Гражданинъ долженъ повиноваться чиновнику, а чиновникъ законамъ; таковъ принципъ всякаго разумнаго образа правленія, пишетъ тотъ же Мабли въ своемъ сочиненіи «Объ изученіи исторіи». Смотря по тому, насколько тотъ или другой государственный строй приближается или уклоняется отъ этого принципа, его слѣдуетъ считать болѣе или менѣе совершеннымъ. Разъ это основное правило будетъ нарушено, никакой порядокъ немыслимъ въ обществѣ» [5]). «Tout sera confondu» (все придетъ въ замѣшательство), читаемъ мы въ

---

[1]) Doutes sur l'ordre naturel des sociétés politiques (т. XI, стр. 153).
[2]) De l'étude de la Politique (т. XIII, стр. 145).
[3]) Стр. 308 (томъ XI).
[4]) Стр. 474 (томъ X).
[5]) Томъ XII, стр. 213.

«Духѣ законовъ», который въ данномъ случаѣ далъ нашему автору не только содержаніе, но и форму его изреченій.

Что касается до Руссо, то его отношеніе къ теоріи раздѣленія властей и ея автору еще болѣе сочувственно. Онъ не только требуетъ обособленія законодательства отъ исполненія, но и говоритъ о пользѣ равновѣсія властей въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Монтескьё. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ онъ на этотъ счетъ въ третьей книгѣ своего «Общественнаго договора»: «правительство (имѣется въ виду исполнительная власть) получаетъ отъ верховнаго законодателя (souverain), которымъ, по ученію Руссо, можетъ быть только народъ, приказы и передаетъ эти приказы управляемымъ. Для того, чтобы государство пребывало въ состояніи равновѣсія, необходимо, чтобы существовало равенство власти между правительствомъ (исполнительной властью) и совокупностью гражданъ, въ рукахъ которыхъ находится суверенитетъ (и потому власть законодательная)... Если тѣ, въ чьихъ рукахъ суверенитетъ, захотятъ править, а правительство вздумаетъ издавать законы,— наконецъ, если подданные откажутся отъ повиновенія, порядокъ исчезнетъ, сила и воля народа (первая, по ученію Руссо, воплощается въ законодательствѣ, вторая, въ исполненіи) начнутъ дѣйствовать врозь, и государство, разложившись, впадетъ или въ деспотизмъ, или въ анархію» [1]).

Въ другомъ своемъ сочиненіи Руссо признаетъ «существеннымъ недостаткомъ разбираемой имъ польской конституціи то, что въ ней исполненіе не въ достаточной степени отдѣлено отъ законодательства и что сеймъ, органъ законодательной власти, въ то же время осуществляетъ нѣкоторыя административныя функціи [2]). «Имѣть хорошую администрацію, сильную, достигающую своей цѣли, можно только подъ условіемъ соединенія всей исполнительной власти въ однѣхъ рукахъ... Необходимо также, чтобы эти руки дѣйствовали на глазахъ у законодателя

---

[1]) Книга III, глава I. Contrat Social (Oeuvres complètes de Rousseau), изд. 1790, томъ VIII, стр. 106.

[2]) Considérations sur le gouvernement de la Pologne (изд. 1790 г., томъ восьмой полнаго собр. сочиненій), стр. 358.

и направляемы были имъ самимъ. Только подъ этимъ условіемъ можно воспрепятствовать захвату не принадлежащей имъ власти» [1]).

Руссо такъ далекъ отъ мысли отрицать пользу раздѣленія и равновѣсія властей, что, говоря о наслѣдственной монархіи, онъ, подобно Монтескьё, проводитъ тотъ взглядъ, что въ ней «равновѣсіе властей возможно лишь при существованіи наслѣдственной пэріи, въ родѣ той, какая имѣется въ Англіи» [2]).

Въ послѣднемъ изъ своихъ политическихъ трактатовъ, въ «Письмахъ съ горы», Руссо остается вѣрнымъ всѣмъ тѣмъ мыслямъ, выраженіе которыхъ мы находимъ въ его «Общественномъ договорѣ», въ томъ числѣ теоріи раздѣленія и равновѣсія властей. «Законъ, говоритъ онъ, по самой природѣ своей не можетъ имѣть въ виду исключительно частнаго случая; иное дѣло—исполненіе. Законодательная власть нуждается поэтому въ посторонней помощи, которая бы примѣняла ея постановленія къ частнымъ случаямъ. Эта вторая власть должна быть установлена такимъ образомъ, чтобы ею приводимъ былъ въ дѣйствіе только законъ и ничего, кромѣ закона» [3]).

Въ каждомъ государствѣ необходима верховная власть, центръ, къ которому бы все направлялось, источникъ, изъ котораго бы все вытекало. Эта власть и есть законодательная; ей принадлежатъ двѣ неразрывныя функціи: издавать законы и настаивать на ихъ соблюденіи, т. е. имѣть контроль за властью исполнительной. Нѣтъ государства въ мірѣ, въ которомъ бы суверенъ не имѣлъ этого надзора. Безъ него всякая связь, всякая субординація немыслимы между законодательствомъ и исполненіемъ; послѣднее не зависѣло бы отъ перваго; оно не имѣло бы никакого отношенія къ законамъ; законъ былъ бы не болѣе, какъ словомъ, и слово это ничего бы не значило.., Но, какъ я установилъ это въ моемъ «Общественномъ договорѣ», союзы между государствами, объявленіе войны и заключеніе мира, могутъ считаться не актами верховной власти

---

1) Ibid., стр. 320.
2) Ibid., стр. 355 (глава VIII).
3) Lettres de la montagne (стр. 267).

(актами суверена), но правительственными дѣйствіями... Внѣшнее же обнаруженіе власти—не дѣло народа (то есть суверена). Великіе государственные принципы ему недоступны; онъ долженъ положиться въ этомъ отношеніи на своихъ правителей. Они болѣе свѣдущи на этотъ счетъ и не имѣютъ интереса заключать договоровъ, невыгодныхъ родинѣ. Съ другой стороны правители не должны вмѣшиваться во внутренніе распорядки законодательной камеры, не въ правѣ предписывать ей, какими предметами она можетъ заниматься, а какими нѣтъ [1]... «Не существуетъ лучшаго образа правленія, какъ тотъ, въ которомъ всѣ стороны уравновѣшены (dont toutes les parties se balencent dans un parfait équilibre), въ которомъ частныя лица, будучи подчинены судьямъ, не въ силахъ нарушить законовъ, и судьи не имѣютъ этой возможности, такъ какъ стоятъ подъ контролемъ народа» [2]).

Сдѣланныя выписки, какъ намъ кажется, вполнѣ устанавливаютъ тотъ фактъ, что между ученіемъ Монтескьё о необходимыхъ условіяхъ политической свободы и воззрѣніями Руссо и Мабли нѣтъ принципіальнаго различія; но это не значитъ, чтобы взгляды этихъ трехъ писателей на данный вопросъ были вполнѣ тождественны. Отправляясь отъ теоріи Монтескьё, Руссо и Мабли придали ей большую логическую строгость и сдѣлали изъ нея тѣ крайніе выводы, на которые едва ли бы рѣшился самъ Монтескьё. Если политическая свобода, разсуждали они, требуетъ строгаго обособленія исполнительной власти отъ законодательной, то спрашивается, какое основаніе давать королю право созывать и распускать палаты или отказывать въ утвержденіи изданныхъ ими законовъ. Руссо думаетъ, что практическія неудобства, вытекающія изъ такого порядка, не особенно чувствительны въ Англіи, благодаря тому обстоятельству, что въ этой странѣ дарованіе субсидій нижней палатой срокомъ не болѣе, какъ на годъ, ставитъ правительство въ необходимость держать парламентъ почти постоянно въ сборѣ [3]). Къ тому же,

---

[1]) Ibid., стр. 315.

[2]) Ibid., 343.

[3]) Lettres de la montagne, томъ IX, стран. 415.

прибавляетъ онъ, эти атрибуты короны вполнѣ уравновѣшиваются тѣмъ правомъ обсуждать всѣ дѣйствія исполнительной власти въ стѣнахъ нижней палаты и судить ихъ въ палатѣ верхней, какимъ пользуется англійскій парламентъ. Но если въ Англіи задерживающія функціи короля по отношенію къ законодательной власти болѣе или менѣе безвредны, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и въ другихъ государствахъ необходимо было признавать за главою исполненія такое же «отрицательное право» (droit négatif) по отношенію къ законодательной власти [1]).

Къ такому рѣшенію вопроса вполнѣ присоединяется Мабли; онъ думаетъ, что и въ Англіи равновѣсіе терпитъ отъ предоставленія королю участія въ законодательствѣ. «Говорятъ, пишетъ онъ, что въ этой странѣ король, лорды и общины взаимно умѣряютъ другъ друга, но я отрицаю это; одно право короля созывать, отсрочивать, распускать и закрывать парламентъ, дѣлаетъ немыслимымъ подобное равновѣсіе. Король можетъ многое безъ парламента; парламентъ же—ничего безъ короля. Гдѣ же, спрашивается, равновѣсіе? Неудивительно ли, что нація, такъ часто упрекавшая королей въ преслѣдованіи враждебныхъ ей цѣлей, тѣмъ не менѣе оставила за ними нѣкоторую долю законодательной власти» [2])? Проведеніе строгой грани отличія между властями, полагаетъ Мабли, требуетъ, чтобы у короля было отнято какъ завѣдываніе финансами и налогами, такъ и право объявлять войну и заключать миръ, созывать и распускать парламентъ; наконецъ, право участвовать въ созданіи законовъ, давая имъ свое утвержденіе [3]).

Мабли, какъ видно изъ сказаннаго, идетъ далѣе Руссо въ проведеніи начала раздѣленія властей и относитъ къ области законодательства такія функціи, какія Руссо считалъ принадлежностью исполненія. Національное собраніе пошло по его слѣдамъ; оно признало право палатъ собираться независимо отъ воли короля и расходиться не ранѣе, какъ по истеченіи зако-

---

[1]) Ibid., стр. 408.

[2]) De l'étude de l'histoire, томъ, XII, стр, 230, 222 и 234).

[3]) Droits et devoirs du citoyen (стр. 307), томъ XI.

номъ положеннаго срока. Оно объявило законы дѣйствительными и помимо согласія короля, который въ правѣ отложить только на время ихъ примѣненіе. Оно сосредоточило въ собственныхъ рукахъ право объявленія войны и заключенія мира и въ лицѣ своего финансоваго комитета присвоило себѣ пріуроченіе государственныхъ доходовъ къ расходамъ.

Поступая такимъ образомъ, дѣятели учредительнаго собранія озабочены были, какъ они сами въ томъ сознаются, торжествомъ принципа раздѣленія властей и считали себя послѣдователями выставленной Монтескьё теоріи. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Политическія ученія не проникаютъ въ народное сознаніе во всѣхъ своихъ частностяхъ, съ тѣми оговорками и ограниченіями, какими они обставлены у высказавшаго ихъ впервые автора. Толпа усваиваетъ только крайніе выводы: она любитъ тѣ преувеличенія, которыхъ Руссо такъ опасался для своихъ принциповъ [1]). Она прежде всего стоитъ за послѣдовательное ихъ проведеніе и не желать принять въ разсчетъ, что всякая политическая максима не болѣе, какъ приблизительное обобщеніе фактовъ дѣйствительности, не допускающей того строгаго соотвѣтствія частей и того отсутствія всякихъ уклоненій, какія невольно предполагаетъ теорія. Политическіе принципы въ этомъ отношеніи то же, что правила грамматики; исключенія не мѣшаютъ силѣ правила, но и правило не устраняетъ возможности исключеній. Такъ называемыя неправильности имѣютъ свою «raison d'être» въ не меньшей степени, чѣмъ само правило. Эта истина, какъ мы видѣли, вполнѣ сознаваема была не только Монтескьё, но и Руссо, находившимъ въ политическихъ и административныхъ порядкахъ Англіи примѣръ многочиленныхъ отклоненій отъ начала обособленія властей, какого требовала ихъ теорія. Но не такъ думалъ Мабли, озабоченный прежде всего строгою согласованностью своихъ выводовъ, и не такъ думало также большинство членовъ національнаго

---

[1]) Il ne faut pas, пишетъ онъ въ своихъ Considérations sur le Gouvernement de la Pologne, outrer mes maximes au de là de mes intentions et de la raison, стр. 385 (томъ VIII).

собранія, которое въ политическихъ разсужденіяхъ шло не отъ наблюденія и историческаго опыта, а отъ отвлеченной доктрины [1]).

Не только общая теорія, но и отдѣльныя мысли, болѣе или менѣе искусственно связанныя Монтескьё съ его ученіемъ о раздѣленіи властей, наложили свою печать на дѣятельность законодателей 1789 г. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующій афоризмъ: «судебная власть не должна быть предоставлена постоянному совѣту (сенату). Она должна быть осуществляема лицами, взятыми изъ народа и избранными въ порядкѣ, установленномъ закономъ. Эти лица образуютъ изъ себя судебное собраніе, которое засѣдаетъ не долѣе того, сколько требуетъ необхо-

---

[1]) Но раздѣленіемъ властей и ихъ равновѣсіемъ не исчерпывается еще, скажутъ многіе, политическое ученіе Монтескьё. Разумѣется, не исчерпывается; остаются еще вопросы о природѣ и жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія, о причинахъ. побуждающихъ народы къ выбору той или другой изъ нихъ и производящихъ послѣдовательную смѣну ихъ въ предѣлахъ одного и того же государства. Но все это, очевидно, вопросы, или метафизическіе, или историческіе, изъ которыхъ уже никакъ не слагается допускающая практическое примѣненіе доктрина. Для насъ безразлично поэтому знать, существовало ли между членами Учредительнаго Собранія разномысліе по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ добродѣтель необходима для существованія демократіи, а исканіе почестей для жизненности монархіи. Весьма вѣроятно, что большинство ихъ раздѣляло въ этомъ отношеніи мнѣніе Вольтера, говорившаго, что добродѣтель и честь встрѣчаются при всѣхъ образахъ правленія. (Commentaire sur l'Esprit des lois, томъ 35 полнаго изд. 1785, стр. 41). Для насъ столь же несущественно знать, въ какой мѣрѣ Учредительное собраніе понимало то различіе между абсолютной монархіей и деспотіей, какое Монтескьё старался установить въ своемъ трактатѣ. Есть основаніе думать, что и въ этомъ отношеніи взгляды большинства были ближе къ мнѣнію Вольтера и что, подобно ему, оно готово было признать абсолютизмъ и деспотизмъ „родными братьями, сходство которыхъ такъ велико, что трудно не принять одного за другого“ (ibid) , стр. 15). Остаются затѣмъ частные взгляды Монтескьё: на пользу, какую несмѣняемости судей принесло начало продажности должностей или на значеніе, какое для прочности монархій имѣетъ существованіе наслѣдственнаго дворянства. Своими мѣропріятіями національное собраніе доказало, что не раздѣляетъ ни того, ни другаго мнѣнія, точно такъ же, какъ не раздѣлялъ ихъ ранѣе его Воль-

димость» [1]). Не трудно узнать въ этой взятой изъ народа судебной коммиссіи англійскій судъ присяжныхъ, пересажденіе котораго на французскую почву ставится Учредительному Собранію въ заслугу даже такими систематическими противниками, какъ Каллонъ [2]). Другая мысль Монтескьё, осуществленіе которой можно найти въ мѣрахъ собранія: «необходимо предоставить обвиняемому участіе въ выборѣ судей, хотя бы въ формѣ отвода извѣстнаго числа тѣхъ, которые въ силу закона призваны судить его». Опять таки не мудрено открыть въ этой сентенціи источникъ того права сторонъ отводить опредѣленное число присяжныхъ, даже помимо всякаго объясненія причинъ, которое также введено впервые во Франціи Учредительнымъ Собраніемъ.

«Если законодательная власть, учитъ Монтескьё, предоставитъ власти исполнительной право содержать въ предварительномъ заключеніи гражданъ, готовыхъ внести залогъ—политическая свобода сдѣлается немыслимой». Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ правиломъ, дѣйствительный источникъ которого можно найти въ англійскомъ «habeas corpus act», Учредительное соб-

---

теръ (ibid., стр. 13 и 39), что, однако, ни мало не мѣшало тому же Вольтеру быть однимъ изъ главныхъ провозвѣстниковъ той новой политической доктрины, родоначальникомъ которой слѣдуетъ считать Монтескьё. Дѣло въ томъ, что изъ всякой новой доктрины массою усвоивается лишь то. что отвѣчаетъ ея нуждамъ, и, наоборотъ отбрасывается все, что непримѣнимо даже къ временнымъ условіямъ ея жизни. Учредительное собраніе отмѣнило парламенты и верховные суды не изъ желанія высказать свой протестъ противъ принципа, на которомъ они держались, а потому, что видѣло въ членахъ ихъ систематическую оппозицію своимъ дѣйствіямъ. Оно отмѣнило титулы и упразднило дворянство не изъ сознанія ихъ вреда для свободы, а потому, что своимъ союзомъ съ партіей стараго порядка дворянство вызвало его опасенія и потребовало его репрессіи.

[1]) Esprit des lois, кн. XI, гл. 6.

[2]) De l'état de la France (présent et avenir) par. M. de Calonne, октябрь, 1790 г. (т. I, стр. 146). „Изъ всего сдѣланнаго собраніемъ въ дополненіе къ наказамъ введеніе суда присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ принесло обществу наибольшую пользу и дѣлаетъ собранію наибольшую честь“.

раніе провозгласило право лицъ, задержанныхъ по суду, требовать отпущенія ихъ на волю подъ условіемъ представленія залога.

«Нѣтъ необходимости для представителей, помимо общихъ инструкцій, получать отъ своихъ избирателей спеціальныя указанія, какъ имъ поступать въ томъ или другомъ частномъ случаѣ,—это повело бы къ нескончаемымъ проволочкамъ». Въ такихъ словахъ высказываетъ авторъ Духа Законовъ свое осужденіе существовавшей въ теченіе среднихъ вѣковъ системѣ делегацій и тому «mandat impératif», который и по настоящее время рекомендуется радикальными программами, какъ средство связать совѣсть депутатовъ и дать практическое осуществленіе принципу народнаго суверенитета. Не слѣдуй Учредительное собраніе въ данномъ случаѣ совѣту Монтескьё, ему бы не трудно было отклонить отъ себя тотъ упрекъ, какой дѣлаетъ ему Калоннъ, говоря, что большинство его законодательныхъ мѣропріятій прямо противорѣчитъ «наказамъ» избирателей [1]).

«Законодательная палата, которая бы согласилась вотировать бюджетъ или устанавлять контингентъ арміи и флота не изъ года въ годъ, а на болѣе продолжительные сроки, тѣмъ самымъ подвергла бы серьезной опасности свою свободу, такъ какъ сдѣлала бы исполнительную власть независимой отъ себя». Въ этомъ афоризмѣ Монтескьё даетъ теоретическую основу искони установившейся въ Англіи парламентской практикѣ—практикѣ, нашедшей законодательное признаніе въ правленіе Вильгельма III въ такъ называемомъ Mutiny act. Учредительное собраніе вполнѣ прониклось этой мыслью и дало ей выраженіе въ текстѣ своей конституціи. Отсюда ежегодность финансовыхъ смѣтъ, ежегодное опредѣленіе издержекъ на содержаніе военныхъ силъ націи.

Отмѣтимъ также слѣдующее положеніе Монтескьё, крайне неблагопріятно отразившееся на учредительной дѣятельности Собранія: «если бы исполнительная власть сосредоточилась въ рукахъ лицъ, взятыхъ изъ среды законодательной палаты, насталъ бы

---

1) Calonne, De l'état de la France, томъ I, стр, 143 и слѣдующая.

конецъ свободѣ, такъ какъ обѣ власти соединились бы въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ». Это мѣсто какъ нельзя лучше показываетъ, какъ мало понималъ Монтескьё механизмъ той системы кабинета, которой Англія, начиная съ конца XVII столѣтія, обязана торжествомъ принципа народнаго самоуправленія. Національное собраніе приняло слова Монтескьё на вѣру и предоставивъ королю право назначенія министровъ, запретило въ то же время своимъ членамъ входить въ составъ министерства.

Вліяніе Монтескьё можно узнать и въ тѣхъ статьяхъ конституціи, которыя регулируютъ право избранія. Авторъ «Духа законовъ» полагаетъ, что къ выбору депутатовъ должны быть допускаемы всѣ граждане безразлично, за исключеніемъ тѣхъ, положеніе которыхъ настолько низменно и зависимо, что за ними трудно признать личную волю. Не задаваясь вопросомъ, насколько удачно была проведена Собраніемъ граница между способными и неспособными къ самостоятельности гражданами, отмѣтимъ только тотъ фактъ, что установленіе двухъ категорій,—«активныхъ» и «пассивныхъ» гражданъ, т. е. допускаемыхъ и недопускаемыхъ къ осуществленію политическихъ правъ, стоитъ въ непосредственной связи съ ученіемъ «Духа законовъ».

Писатели, старающіеся провесть тотъ взглядъ, что вліяніе Монтескьё встрѣтило отпоръ въ параллельномъ ему вліяніи Руссо [1]), упускаютъ изъ виду, что большинство тѣхъ мыслей, какія Монтескьё высказываетъ на счетъ демократической формы государственнаго устройства, цѣликомъ восприняты были составителями конституціи. Объявляя себя сторонникомъ умѣренныхъ образовъ правленія, допускающихъ къ соучастію во власти и короля, и аристократію, и народъ, Монтескьё въ то же время проводитъ тотъ взглядъ, что границы участія каждаго изъ этихъ трехъ элементовъ могутъ быть опредѣлены различно. Какъ нельзя болѣе ошибочно поэтому мнѣніе тѣхъ, кто думали или

---

[1]) Taine, Les origines de la France contemporaine, la Révolution, т. I, стр. 277, „за исключеніемъ двухъ или трехъ отступленій, допущенныхъ благодаря непослѣдовательности и сохраненію лицевой стороны королевской власти (royauté de parade), національное собраніе довело во всемъ до конца свой принципъ, который въ то же время есть принципъ Руссо“.

думаютъ, что цѣль Учредительнаго Собранія—создать демократическую монархію—находитъ прямое осужденіе въ политической теоріи «Духа законовъ». «Отмѣните въ монархіи прерогативы дворянства, городовъ, и вы установите народное правленіе», училъ Монтескьё (книга II, глава IV),— и національное собраніе, послушное его голосу, устранивъ всѣ эти промежуточныя власти, стало искать указаній для своей учредительной дѣятельности въ тѣхъ главахъ «Духа законовъ», которыя говорятъ о природѣ и жизненномъ принципѣ демократіи. «Народъ, которому принадлежитъ верховная власть, пишетъ Монтескьё, (книга II, глава II), долженъ дѣлать самъ все то, что онъ въ силахъ хорошо сдѣлать; чего же онъ хорошо сдѣлать не можетъ, то дѣлается имъ черезъ посредство его агентовъ». Отсюда то заключеніе, что должности должны быть, по возможности, избирательными. Національное собраніе послѣдовало этому совѣту, предоставивъ выбору рѣшеніе вопроса, кому быть членами муниципальныхъ, окружныхъ (или кантональныхъ) и департаментскихъ управленій и кому быть судьями въ низшихъ и высшихъ инстанціяхъ. Читая двѣнадцатую книгу «Духа законовъ», посвященную вопросу о публичныхъ правахъ гражданъ, на каждомъ шагу наталкиваешься на мысли, отраженіе которыхъ находишь въ конституціи 1791 года. Законы должны наказывать только внѣшніе поступки, а не помыслы (глава XI). Частное жилище должно служить убѣжищемъ, въ которое правительственные агенты не въ правѣ проникнуть (глава XXIII). Каждый разъ, когда печать не подготовляетъ преступленія противъ государства, она не можетъ быть привлечена къ отвѣтственности (глава XIII). Если есть возможность не допустить установленія въ государствѣ новаго вѣроученія, надо ею воспользоваться. Но буде это вѣроученіе упрочилось уже, необходимо оказывать ему терпимость (книга 25, глава X). Таковы важнѣйшіе изъ тѣхъ афоризмовъ, въ которыхъ Монтескьё выражаетъ свою точку зрѣнія на публичныя права, какія необходимо признать за гражданами. Сопоставимъ его положенія съ мнѣніями, высказываемыми по тому же предмету наиболѣе авторитетными писателями XVIII столѣтія, и намъ легко будетъ убѣдиться въ существованіи между ними на этотъ счетъ пол-

наго согласія. Одинъ только Вольтеръ идетъ далѣе Монтескьё въ опредѣленіи границъ вѣротерпимости. «Человѣческое право, учитъ онъ, не можетъ имѣть другаго фундамента, кромѣ права естественнаго; основной же принципъ послѣдняго: не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь. А если такъ, то можетъ ли человѣкъ сказать другому: «вѣрь тому, чему я вѣрю и чему ты не вѣришь, иначе ты долженъ погибнуть» [1]). Нетерпимость поэтому нелѣпа и жестока; это право не людей, а тигровъ; да и тигры разрываютъ жертву лишь отъ голода, а мы изъ-за какихъ-то параграфовъ».

На сколько Монтескьё стоитъ тѣмъ не менѣе ближе къ ходячему въ XVIII вѣкѣ возрѣнію на свободу вѣроисповѣданій, можно судить по тому, что самый радикальный изъ писателей конца этого столѣтія, Мабли, говоря о терпимости, довольствуется воспроизведеніемъ его мыслей. И онъ признаетъ право законодателя противиться распространенію новыхъ религіозныхъ сектъ. «Только нашимъ мудрецамъ-философамъ, говоритъ онъ, словно неизвѣстно, что римляне въ эпоху процвѣтанія республики отличались такого рода нетерпимостью. Другое дѣло, если рѣчь идетъ объ установившемся уже вѣроученіи. Вслѣдъ за авторомъ «Духа законовъ» я скажу, что въ этомъ случаѣ [2]) прошло уже время преслѣдованій и что терпимость будетъ умѣстна».

Не безинтересно отмѣтить также тотъ фактъ, что ни Руссо, ни Мабли, не являются сторонниками неограниченной свободы печати и требуютъ даже увеличенныхъ наказаній для тѣхъ изъ авторовъ, которые сочли нужнымъ скрыть свое имя. Весьма рѣшительно высказывается въ этомъ смыслѣ Мабли. «Крайне опасно, говоритъ онъ, допускать полную свободу печати, особенно въ государствѣ, правительство котораго установилось недавно. Правда, безъ свободы печати нѣтъ свободы мысли, а нѣтъ ея—невозможно усовершенствованіе нашихъ нравовъ. Не-

---

[1]) Traité sur ia tolérance, à l'occasion de la mort de Jean Calas (полное собр. сочин., изданіе 1785, томъ 35, стр. 317).

[2]) De la législation ou principes des lois (стр. 465, томъ IX полнаго собранія сочиненій).

обходимо поэтому предоставить ученымъ полную свободу изучать тайны природы, искать истину и въ томъ, что завѣщала намъ древность, и въ томъ, что уцѣлѣло среди мрака, въ которомъ протекала до послѣдняго времени жизнь новыхъ народовъ. Необходимо дать свободу печати всѣмъ пишущимъ о законахъ и политикѣ. Самыя ихъ заблужденія не имѣютъ вредныхъ послѣдствій. Нашъ умъ изощряется отъ чтенія ихъ разсужденій, привыкаетъ къ послѣдовательному мышленію; вопросы нравственности и права представляются намъ въ новомъ освѣщеніи». Чего радикальный аббатъ не хочетъ допустить—это безнаказаннаго изложенія каждымъ его личныхъ мечтаній,—это нападеній на самыя основы общества. Какъ ни странно звучитъ такая оговорка въ устахъ человѣка, который смѣло и рѣзко самъ нападалъ на эти основы, проповѣдуя равенство имуществъ, но въ его сочиненіяхъ мы находимъ не одну страницу, доказывающую, что безнаказанность печати отнюдь не входила въ его программу. «Сколько книгъ, говоритъ онъ, только содѣйствуетъ распространенію пороковъ, подрываетъ нравственность, ниспровергаетъ силу законовъ. Многія правительства, благодаря имъ, совершенно извратились, потеряли нравственные устои и бродятъ въ потемкахъ, переходя отъ одного заблужденія къ другому. Я желалъ бы, продолжаетъ Мабли, чтобы каждый авторъ обязанъ былъ выставлять свое имя на книгѣ. Виновный въ оскорбленіи печатью нравственности, должнаго уваженія къ законамъ и правителямъ, могъ бы въ такомъ случаѣ быть призванъ къ отвѣту; а тотъ, кто бы скрылъ свое настоящее имя, могъ бы подвергнуться и увеличенному наказанію. Самый фактъ принятія имъ псевдонима былъ бы доказательствомъ того, что онъ понималъ вредъ, какой принесетъ его книга, а не заблуждался невольно. Такого человѣка слѣдовало бы лишить даже на рядъ лѣтъ его гражданскихъ правъ, въ томъ числѣ, участія въ выборахъ [1]).

Самъ Вольтеръ — этотъ наиболѣе рѣшительный сторонникъ свободы печати—разумѣетъ подъ нею не болѣе, какъ отсутствіе

---

[1]) Observations sur le gouvernement et les lois des Etafs-Unis d'Amérique (томъ VIII, полн. собр. соч., отр. 421).

предварительной цензуры. «Свобода печати, пишетъ онъ, есть естественное право гражданина; онъ можетъ пользоваться своимъ перомъ въ такой же степени, какъ и своимъ голосомъ. Такъ же трудно запретить людямъ писать, какъ и говорить, но преступленія, совершенныя перомъ, должны подлежать такой же отвѣтственности, какъ и преступленія, совершенныя словомъ (другими словами — словесныя обиды) [1]). Диффамація путемъ печати, говоритъ онъ въ другомъ своемъ сочиненіи, подлежитъ большему или меньшему наказанію сообразно величинѣ причиненнаго ею вреда. Разъ печать побуждаетъ къ возстанію противъ верховной власти, она подлежитъ суровой карѣ. Если же она только задѣваетъ наши вкусы, выставляетъ на смѣхъ наши слабости и недостатки, мы поступимъ благоразумно, не привлекая ее къ отвѣтственности изъ страха сдѣлаться еще болѣе смѣшными» [2]).

Изъ всего сказаннаго видно, что требованія энциклопедистовъ, школы Монтескьё и школы Руссо, во всемъ, что касается гарантіи личной свободы были одинаковы. Всѣ они воплощаются въ одномъ: отсутствіи административныхъ стѣсненій и установленіи судебныхъ гарантій; личная свобода настолько обезпечена, насколько всякое нарушеніе ея можетъ быть обжаловано передъ судами; печать и слово настолько свободны, насколько пользованіе ими независимо отъ благоусмотрѣнія чиновниковъ. Но это не значитъ, чтобы всякое выраженіе мысли по самому существу своему было свободно. Если оно заключаетъ въ себѣ обиду, если оно задѣваетъ частный или публичный интересъ, поставленный подъ защиту закона, оно является преступленіемъ и подвергаетъ виновнаго судебной отвѣтственности.

Таковы возрѣнія господствующей въ XVIII вѣкѣ доктрины на содержаніе и границы того, что мы разумѣемъ подъ личной свободой. Даруя гражданамъ возможность замѣнять предварительный арестъ залогомъ, провозглашая свободу слова въ

---

[1]) Idées républicaines (томъ 34 полнаго собранія сочиненій, афоризмъ 25, стр. 240).

[2]) Prix de la justice et de l'humanité (томъ 34, стр. 409).

стѣнахъ собранія, отмѣняя предварительную цензуру, законодатели 89 года поступали въ духѣ этого ученія. Они остались вѣрны ему и тогда, когда, не провозглашая открыто католицизма не только государственною, но и господствующею религіею (religion dominante), они приняли на счетъ государства содержаніе его служителей и распространили въ то же время на всѣ существующія во Франціи секты начало равной терпимости.

Но личной свободой не исчерпывается еще сумма публичныхъ правъ, обѣщанныхъ декларацiей 89 года; на ряду со свободой стоитъ и неприкосновенность собственности и равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Спрашивается, въ какой мѣрѣ и эти два начала провозглашены были политической доктриной XVIII-го вѣка ранѣе упроченія ихъ законодательствомъ, и не существовало ли въ этой доктринѣ разнорѣчія по этимъ вопросамъ? Кто привыкъ видѣть въ Руссо и Мабли первыхъ во Франціи провозвѣстниковъ комунистическихъ теорій, тому покажется страннымъ утвержденіе, что и по вопросу о неприкосновенности собственности ихъ взгляды могутъ быть поставлены рядомъ съ тѣми, выраженіе которыхъ мы находимъ въ «Духѣ законовъ». Будучи проникнуть англійскими воззрѣніями, Монтескьё, очевидно, не могъ отказать въ своей защитѣ одному изъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ держится англійская гражданственность; но можно ли сказать то же о Руссо, авторѣ трактата объ «источникѣ неравенства между людьми», Руссо, мнѣніе котораго о бѣдствіяхъ, причененныхъ человѣчеству тѣмъ, кто впервые установилъ собственность, такъ охотно повторяется противниками существующаго экономическаго строя? Стòитъ однако заглянуть въ ту главу «Общественнаго договора», въ которой женевскій философъ разсматриваетъ вопросъ объ источникѣ собственности, чтобы вынести убѣжденіе въ полномъ совпаденіи его взглядовъ по этому предмету съ тѣми, какіе ранѣе были высказаны Локкомъ, писателемъ, котораго, очевидно, нельзя заподозрить въ антагонизмѣ къ собственности. Подобно Локку, Руссо признаетъ трудъ ближайшимъ основаніемъ собственности; подобно ему онъ ограничиваетъ право, имъ сообщаемое, требованіемъ, чтобы занятая почва не превышала потребностей существованія

заимщика. Все это, очевидно, не позволяетъ относить его къ числу тѣхъ, которые ставятъ отрицаніе собственности въ основу общественно-политическаго порядка. Не одно и то же—высказать соболѣзнованіе о вредѣ собственности, и отказать ей въ признаніи. Что Руссо не отступаетъ передъ мыслью распространить на нее охрану закона, помириться съ ея неприкосновенностью, видно изъ всего того, что онъ говоритъ о преимуществахъ мелкой собственности, какъ болѣе отвѣчающей требованіямъ равенства, о необходимости пропорціональнаго доходу поземельнаго налога, установленнаго по образцу церковной десятины и уплачиваемаго не деньгами, а натурой [1]).

Гораздо рѣшительнѣе высказывается противъ собственности Мабли, но и онъ въ своихъ проектахъ политическихъ реформъ отправляется неизмѣнно отъ мысли, что въ существующихъ условіяхъ немедленная отмѣна ея немыслима. Онъ снисходитъ, по собственному его выраженію, къ человѣческой ограниченности и предлагаетъ затѣмъ то или другое регулированіе политическихъ властей, то или другое нормированіе правъ гражданъ на почвѣ установившагося въ теченіе вѣковъ имущественнаго неравенства. Весьма характерно въ этомъ отношеніи то, что говорится имъ въ «Трактатѣ о принципахъ законовъ». Посвятивъ большую часть его развитію мысли о вредѣ имущественнаго неравенства, онъ во второй его половинѣ рисуетъ намъ механизмъ политическихъ властей, взаимодѣйствіе народа и правительства съ слѣдующей характерной оговоркой: «я напередъ мирюсь со всѣми недостатками рекомендуемой мною системы, такъ какъ она далеко уклоняется отъ естественнаго порядка (éloignée des vues de la nature). Не надо терять изъ виду, что изъ снисхожденія къ человѣческой злобѣ и глупости, я не рѣшился поднять рукъ на собственность и неравенство состояній» [2]). Трактаты Мабли потому только и могли сдѣлаться своего рода политической программой для дѣятелей 89 года, что ихъ авторъ не озаботился приведеніемъ въ соотвѣтствіе своей

---

[1]) Смотри Considérations sur le gouvernement de Pologne (полное собран. соч.), томъ VIII, изд. 1790 года (главы X и XI, стр. 373, 393).

[2]) De la législation ou principes des lois (томъ IX, стр. 353).

политической доктрины съ доктриною общественною. Онъ не строитъ, подобно Морусу, «утопическаго государства», со строго согласованными частями, государства, о немедленномъ осуществленіи котораго не можетъ быть и рѣчи. Пріемы Мабли совершенно иные. Онъ выставляетъ смѣлую теорію упраздненія экономическихъ и соціальныхъ различій и самъ спѣшитъ констатировать ея непримѣнимость къ существующимъ условіямъ. Указавъ затѣмъ на несовершенство своихъ политическихъ построеній, какъ основанныхъ на неравенствѣ, онъ обращается къ критикѣ государственныхъ учрежденій и доказываетъ возможность ихъ урегулированія, не разрывая связи съ господствующими порядками индивидуализма. Такой пріемъ одинъ сдѣлалъ возможнымъ заимствованіе дѣятелями 89 года цѣлаго ряда политическихъ мыслей у писателя, соціальныя воззрѣнія котораго относимы были ими къ области утопій. Этимъ же объясняется, почему, расходясь радикально въ исходныхъ моментахъ своей критики съ большинствомъ политическихъ мыслителей вѣка, Мабли въ то же время содѣйствовалъ не мало уясненію и популяризаціи ихъ политической доктрины. Однимъ словомъ, какъ ни покажется это страннымъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, Мабли, этотъ провозвѣстникъ теоріи современнаго французскаго комунизма, сдѣлался, благодаря своей раздвоенности, однимъ изъ виновниковъ временнаго торжества конституціонныхъ идей во Франціи.

Оригинальнѣйшую сторону французской революціи составляетъ, несомнѣнно, провозглашеніе ею принципа равенства. Всѣ остальныя начала политической жизни: личная свобода, свобода слова и печати, вѣротерпимость, неприкосновенность собственности, не разъ объявляемы были въ XVII и XVIII вѣкахъ основами разумно устроенной гражданственности — и не въ однихъ только политическихъ трактатахъ—въ сочиненіяхъ Мильтона, Сиднея или Локка и, гораздо ранѣе ихъ, въ книгѣ Ла-Боэси «О добровольномъ рабствѣ»,—но и въ текстѣ исходящихъ отъ власти законовъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, англійскія «декларація» и «билль о правахъ» 1648 и 1689 года, какъ не систематическое выраженіе тѣхъ требованій политической свободы, признаніе которыхъ можно найти въ любой изъ совре-

менныхъ конституцій? Но о равенствѣ политическихъ правъ, какъ и о равенствѣ имуществъ, мечтали пока одни только утописты или вожаки всегда остававшихся въ меньшинствѣ политическихъ партій. Необходимость ея доказывалъ Морусъ и авторъ «Океаніи» Гаррингтонъ. Ее включалъ въ свою политическую программу Лильборнъ. Изъ за нея англійскіе радикалы середины XVII столѣтія получили въ устахъ своихъ противниковъ презрительное прозвище нивелятоpовъ («левеллеровъ») [1].

Только на почвѣ Новаго Свѣта, гдѣ гражданское равенство установилось само собою, благодаря одинаковости условій, въ какія поставлены были колонисты, конституціи и деклараціи постепенно включили его въ число своихъ требованій. Не о равенствѣ имуществъ идетъ, разумѣется, рѣчь въ этихъ законодательныхъ актахъ, а о равенствѣ передъ закономъ и судомъ; не всегда даже о равенствѣ избирательныхъ правъ, такъ какъ имущественный цензъ—обычное явленіе въ самыхъ даже радикальныхъ конституціяхъ Новаго Свѣта. Дѣятели 89 года перенесли на европейскую почву это нѣкогда далеко не чуждое ей начало. Идея равенства, зародившаяся въ борьбѣ партій, созданныхъ первой англійской революціей, пораженная вмѣстѣ съ нею, поставленная въ необходимость эмигрировать въ Америку, овладѣваетъ умами воспитавшихся въ ней молодыхъ французовъ и въ лицѣ Лафайета, обоихъ Ламетовъ, герцога Ларошъ-Фуко и другихъ членовъ служившаго подъ начальствомъ Вашингтона французскаго корпуса, проникаетъ въ стѣны національнаго собранія и включается въ текстъ составленной имъ конституціи [2].

---

[1]) Смотри статью, напечатанную мной въ Русской мысли 1892, книга I, „О родоначальникахъ англійскаго радикализма“. Въ ней подробно изложена политическая программа левеллеровъ и сдѣланы многочисленныя извлеченія изъ памфлетовъ Лильборна.

[2]) Существенную услугу въ привитіи ея французскому и всему вообще европейскому обществу оказали массоны. Слова—свобода, равенство, братство, задолго до революціи сдѣлались ихъ девизомъ. Основанныя впервые во Франціи въ первой четверти XVIII вѣка англійскими выходцами изъ партіи пораженныхъ Стюартовъ (якобитовъ) массонскія ложи въ скоромъ времени радикально измѣнили своему первоначальному характеру. Кардиналъ Флери

Одинъ изъ дѣятелей 89 года, Редереръ, говоря много лѣтъ спустя о духѣ французской революціи, справедливо отмѣтилъ,

---

уже считалъ нужнымъ начать противъ нихъ суровую борьбу и заточить въ Бастилію многихъ изъ ихъ членовъ. Преслѣдованія только содѣйствовали успѣху этихъ тайныхъ сообществъ. Въ 1742 году въ одномъ Парижѣ насчитывали 22 ложи, а въ провинціяхъ двѣсти. Попытка объединенія ихъ сдѣлана впервые въ 1762 году, въ эпоху основанія великой національной ложи Франціи, но сказавшееся въ ней разномысліе повело къ доселѣ продолжающемуся расколу между такъ называемымъ Grand Orient de France, впервые возникшемъ въ 1772 году, и ложами, сохранившими непосредственную связь со своимъ первоисточникомъ — шотландской ложей. Въ 1776 году центромъ этихъ послѣднихъ сдѣлалась ложа „Общественнаго договора" (contrat social). Въ 1789 число ложъ во Франціи и ея колоніяхъ доходило до семисотъ. Въ числѣ массоновъ встрѣчаются почти всѣ руководящіе дѣятели революціи. Сейэсъ (ложа № 22), оба Ламета и Лафайетъ (ложа la Candeur) Бальи, Бриссо Де-Муленъ, Кондорсе, Дантонъ (ложа девяти сестеръ, та самая, въ которой нѣкогда состоялъ Вольтеръ). Къ числу массоновъ надо отнести также Мирабо, Гебера и Робеспьера. Отецъ, послѣдняго былъ первымъ предсѣдателемъ массонской ложи въ Арассѣ, основанной англійскимъ претендентомъ Карломъ-Эдуардомъ. О господствовавшемъ настроеніи не однихъ французскихъ, но и всѣхъ континентальныхъ массоновъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка можно судить и по тому обстоятельству, что уже въ это время одной изъ массонскихъ формулъ было: „если ты дорожишь установленными между людьми различіями, уйди отсюда; здѣсь они не признаются", и по тому, что въ 1776 году въ бытность свою въ Голландіи Мирабо счелъ возможнымъ предложить массонамъ образованіе при ложахъ тайнаго общества съ цѣлью мирной пропаганды политическихъ и соціальныхъ реформъ. Каждый изъ братьевъ долженъ былъ принять клятвенное обязательство сдѣлать все отъ него зависящее для отмѣны крѣпостнаго права и барщины, тяготѣющихъ надъ ремеслами цеховыхъ стѣсненій, всѣхъ путъ, отъ которыхъ терпѣла торговля, всякаго рода церковныхъ судовъ, разумѣя подъ ними и инквизицію, наконецъ, всѣхъ чрезмѣрныхъ налоговъ. Онъ принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязательство добиваться религіозной терпимости безразлично для всѣхъ сектъ и сдѣлать все нужное къ тому, „чтобы поставить деспотизмъ въ болѣе узкія и справедливыя границы". Всѣ эти обязательства обнимаемы были однимъ общимъ понятіемъ—„упраздненія существующей системы правительствъ и законодательствъ". Одновременно массоны принимали на себя обязательство содѣйствовать распро-

что пристрастіе къ равенству въ гораздо большей степени опредѣлило ея характеръ, нежели стремленіе къ политической сво-

---

страненію этихъ истинъ (см. журналъ La révolution française, томъ III, 1882 г., Les idées de Mirabeau sur la Franc-Maçonnerie). Католическое духовенство начинало уже въ это время смотрѣть на массонство, какъ на всемірный заговоръ противъ церкви и существующихъ правительствъ. 7 февраля 1790 года кардиналъ Кіарамонти доводилъ до свѣдѣнія папы Пія VI, что по сдѣланнымъ ему на исповѣди сообщеніямъ массоны не стремятся ни къ чему другому, какъ къ всемірному господству, которое воздвигнуто будетъ на развалинахъ существующихъ троновъ. Число ихъ въ одномъ Римѣ должно было приблизительно достигать цифры пяти тысячъ человѣкъ, и эта численность позволяла имъ готовить открытое возстаніе, какъ въ вѣчномъ городѣ, такъ и въ Анконѣ и Болоньѣ. Одинъ арестъ Каліостро воспрепятствовалъ немедленному осуществленію ихъ плановъ (см. Documents pour servir à l'histoire de la Révolution française, publiés par Charles d'Héricault ef G. Bord. t. I, стр. 193). Упоминаніе о Каліостро, какъ о ближайшемъ участникѣ подготовлявшагося въ Римѣ возстанія, указываетъ на то, что массоны, о которыхъ говорится въ донесеніи кардинала Кіарамонти, принадлежали къ той сектѣ иллюминатовъ, начало которой было положено въ Германіи баварскимъ профессоромъ Вейсгауптомъ изъ Ингольштадта. Ближайшимъ агентомъ его одинаково во Франціи и Италіи былъ Іосифъ Бальзамо, извѣстный подъ именемъ Каліостро. И эта секта считала во Франціи не мало послѣдователей даже въ рядахъ высшаго дворянства; къ нимъ принадлежалъ между прочимъ извѣстный впослѣдствіи депутатъ графъ Вирье. Въ числѣ другихъ онъ принялъ участіе въ конгрессѣ, созванномъ Вейсгауптомъ въ 1782 году въ Вильгельмсбадѣ, и по возвращеніи, не раскрывая секрета засѣданій, счелъ возможнымъ сообщить барону Неилье, будущему депутату отъ дворянства Дофинэ: „все, что я могу вамъ сказать, это то, что задуманное гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы предполагаете; заговоръ устроенъ такъ ловко, что едва ли монархіи и церкви удастся избѣжать ожидающей ихъ участи“ (см. біографію Вирье, напечатанную Коста де-Борегаръ, подъ названіемъ „Романъ роялиста во время революціи, воспоминанія графа Вирье“, Paris, 1892 г., стр. 44). Тайныя цѣли ингольштадскаго профессора и основанныхъ имъ ложъ обнаружены были баварскимъ правительствомъ въ 1785 году. Одинъ изъ историковъ французскаго массонства, дѣлая попытку опредѣлить программу иллюминизма, говоритъ, что Вейсгауптъ проникся идеями Руссо о блаженномъ существованіи людей въ естественномъ состояніи и имѣлъ въ виду

бодѣ. «Первымъ мотивомъ къ ней, говоритъ онъ, было не желаніе освободить землю и личность, и не стремленіе устранить

вернуть ихъ къ нему, отрицая всякую власть, всякое различіе національностей, весь существующій общественный строй, начиная съ собственности. Онъ усвоилъ формы массонства, а принципы іезуитовъ, установилъ различія между подготовительными ступенями и высшими, которыя одни посвящались во всѣ тайны сообщества. Члены этихъ высшихъ ступеней извѣстны были подъ названіемъ священниковъ, регентовъ, философовъ и людей королей. Вейсгауптъ требовалъ слѣпаго повиновенія и всеобщаго шпіонства. Мораль иллюминизма опиралась на принципѣ—„цѣль оправдываетъ средства“ (см. Brunetière, Du rôle de la Franc-Maçonnerie au 18 siécle, Nantes, 1883, стр. 7). Раскрытіе тайныхъ замысловъ иллюминатовъ не повело за собою, разумѣется, исчезновенія самой секты. Вейсгауптъ долженъ былъ оставить Баварію, но иллюминизмъ продолжалъ держаться въ Германіи и оказалъ дѣятельную помощь французамъ въ эпоху занятія ими прирейнскихъ провинцій. Во Франціи же враждебныя ему секты, мартинистовъ и месмеристовъ, постепенно пріобрѣли господство, и иллюминаты оказались въ меньшинствѣ. (Ibid., стр. 7. Смотри также Victor Jeanvrot, De l'influence de la maçonnerie sur la révolution française. Angers, 1884). Аббатъ Барюэль въ своихъ Мемуарахъ по исторіи якобинизма насчитываетъ всѣхъ массонскихъ ложъ въ Парижѣ въ эпоху революціи 81. Важнѣйшими изъ нихъ были: великій востокъ, ложа девяти сестеръ, ложа глухихъ, Эрменонвилль, соединенныхъ друзей и т. д... Ложа девяти сестеръ извѣстна была также подъ названіемъ ложи философовъ. Въ ея рядахъ, кромѣ Ларошъ-Фуко, Сейэса, Бальи, Кондорсэ, Дюпонъ-де Немура, встрѣчались еще Ласепедъ, Гара, Пасторэ, маркизъ де-Лассаль, Гупиль де-Префельнъ, Мерсье, Коло д'Эрбуа, Банвиль, и аббатъ Фоше, вожакъ будущаго Cercle social и открытый проповѣдникъ комунизма, Черутти, Рабо Сентъ-Этьенъ и другіе. Тотъ же аббатъ Баруэль говоритъ о шестнадцати ложахъ въ Ліонѣ, семи въ Бордо, пяти—въ Нантѣ, шести—въ Марселѣ, десяти—въ Монпелье, десяти—въ Тулузѣ и т. д. Изъ всѣхъ массонскихъ ложъ одна только упомянутая нами ложа общественнаго договора, центръ экосизма во Франціи, предана была принципамъ монархіи; всѣ же остальныя стремились, по его словамъ, къ низверженію двойнаго деспотизма — священниковъ и королей. Такимъ образомъ принятый массонами девизъ, сдѣлавшійся со временемъ знаменемъ французской революціи, выражалъ собою какъ нельзя лучше политическія и соціальныя задачи по меньшей мѣрѣ тѣхъ ложъ, которыя зависѣли отъ Grand Orient. Въ нихъ рѣчь дѣйствительно шла о свободѣ, равенствѣ и братствѣ.

тѣ препоны, которыя связывали промышленность,—нѣтъ, господствующимъ интересомъ не была ни собственность, ни свобода; рѣшающее вліяніе имѣло недовольство общественными различіями, страсть къ равенству» [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить однако, что большинство наказовъ, данныхъ избирателями, не заключало въ себѣ требованія положить въ основу «возрожденія» и это начало. Резюмируя ихъ содержаніе, Клермонъ Тонеръ въ засѣданіи 27 іюля 1789 года говоритъ о святости собственности и личной свободы и ни словомъ не упоминаетъ о равенствѣ [2]). Только въ наказѣ, данномъ Парижемъ, оно поставлено во главѣ всѣхъ прочихъ правъ личности. «Люди равны по правамъ, читаемъ мы въ немъ; всѣ граждане имѣютъ одинаковое право на занятіе общественныхъ должностей».

Въ томъ фактѣ, что требованіе гражданскаго равенства было впервые высказано въ наказѣ Парижа, нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ доказываетъ только силу воздѣйствія политическихъ теорій на центръ всей интеллектуальной и административной жизни націи. Отрицаемое дѣйствующимъ правомъ, равенство громко провозглашено было французской публицистикой, и не однимъ только Руссо и Мабли, но и всей школою энциклопедистовъ, не исключая изъ ихъ числа и Монтескьё. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говоритъ Монтескьё на этотъ счетъ: «въ естественномъ состояніи люди рождаются равными, но они не въ силахъ удержать этого первоначальнаго равенства въ государствѣ. Общество заставляетъ ихъ отказаться отъ него, но только для того, чтобы сдѣлать ихъ равными въ силу законовъ. Различіе между урегулированной законами демократіей и демократіей крайней лежитъ въ томъ, что въ первой люди равны между собою, какъ граждане, тогда какъ во второй равенство распространяется и на органы публичной власти [3]). Когда всякій

---

[1]) L'esprit de la révolution de 1789, par P. L. Roederer. (изданіе 1831 г., стр. 9).

[2]) Rapport du comité de constitution contenant le résumé des cahiers 27 февр. 1789 года.

[3]) Книга VIII, глава III.

въ государствѣ желаетъ сдѣлаться равнымъ съ выборными сановниками, принципъ демократіи подвергается извращенію [1]).

Считать Монтескьё противникомъ равенства могутъ только тѣ, кто видитъ равенство не въ томъ, что всѣ граждане, безъ различія, стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ законамъ, какъ гражданскимъ, такъ и государственнымъ, имѣютъ одинаковое право пользоваться ихъ защитой и занимать публичныя должности [2]), а въ томъ, что мы разумѣемъ подъ равенствомъ состояній; но объ этомъ равенствѣ нѣтъ и помину ни въ окончательномъ текстѣ декларацiи правъ человѣка и гражданина, ни въ тѣхъ проектахъ ея, которые внесены были на обсужденіе собранія. О ней не говоритъ ни Лафайетъ, ни Сейесъ, ни авторы того третьяго текста, который принятъ былъ въ основаніе при дебатахъ палаты. Заявляя, что каждый имѣетъ равное право на свободу и принадлежащую ему собственность, этотъ проектъ такъ же рѣшительно высказывался противъ уравненія состояній, какъ и шестая статья декларацiи, сводящая равенство къ праву судиться по однимъ и тѣмъ же законамъ и занимать однѣ и тѣ же должности. И въ проектѣ Сейеса, въ которомъ Луи Бланъ ищетъ зародыша идей современнаго соціализма [3]), я не вижу ничего подобнаго. Заявленіе, «что между людьми въ виду неравенства ихъ силъ и способностей всегда будетъ существовать неравенство труда и его результатовъ, неравенство потребленія и пользованія», очевидно не клонится къ отрицанію права собственности; а сопровождающія его слова, что подобное неравенство не ведетъ за собою неравенства правъ, какъ нельзя лучше показываютъ, что авторъ проекта не имѣетъ въ виду сказать ничего иного, кромѣ того, что всѣ граждане должны быть равны передъ закономъ. Объявляя «соединеніе силъ— ассоціацію—однимъ изъ средствъ къ достиженію счастья, Сейесъ въ такой же мѣрѣ можетъ считаться родоначальникомъ Луи-Блановскаго соціализма, какъ и Шульце-Деличевскихъ потребительныхъ ассоціацій. На самомъ дѣлѣ онъ не думалъ ни о томъ,

---

[1]) Книга VIII. глава II.

[2]) Опредѣленіе равенства Редереромъ (Espr. de la révolution, стр. 6).

[3]) Histoire de la Révolution, т. III, изд. 1884 г., стр. 41.

ни о другомъ, а повторялъ общее мѣсто всей политической и экономической литературы того времени.

Не только Сейесъ, но и Маратъ, не считалъ возможнымъ обременять свою политическую программу требованіемъ имущественнаго равенства. Въ своемъ памфлетѣ о конституціи, изданномъ въ самый годъ созыва штатовъ, онъ говоритъ, что равенство состояній немыслимо и не лежитъ даже въ природѣ («Une telle égalité ne saurait exister dans la société; elle n' est pas même dans la nature»). [1]):

Въ другомъ, болѣе раннемъ трактатѣ, воспроизводя мысль Мабли, тотъ же Маратъ заявляетъ, что хотя равный раздѣлъ земель и отвѣчаетъ правиламъ справедливости, но онъ невозможенъ, не осуществимъ (impossible, impraticable) [2]).

Такимъ образомъ, и по вопросу о равенствѣ дѣятели 89 года примыкали непосредственно къ той политической доктринѣ, которая, благодаря воздѣйствію американскихъ идей, установилась во Франціи къ концу XVIII столѣтія. Эта доктрина не отличалась тою раздвоенностью, какая приписывается ей нерѣдко историками революціи. Даже въ рѣшеніи того, болѣе другихъ раздѣлявшаго умы вопроса, какимъ былъ вопросъ о границахъ равенства, замѣтно значительное единодушіе. Мы видѣли уже, что Лафайетъ и Сейесъ, Маратъ и составители «деклараціи правъ» не расходились въ этомъ отношеніи съ ученіемъ Монтескьё. Но они не расходились также ни съ Руссо, ни съ Мабли, которые, оставаясь въ душѣ противниками собственности, въ то же время мирились съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, и требовали отъ законовъ только косвеннаго воздѣйствія на уравненіе состояній покровительствомъ мелкой собственности и запрещеніемъ роскоши.

Но скажутъ намъ: утверждая единство революціонной политической доктрины, вы тѣмъ самымъ упускаете изъ виду, что принципъ народнаго суверенитета, положенный въ основу конституціи 1791 года, неизвѣстенъ школѣ Монтескьё и впервые

---

[1]) „La constitution ou projet de déclaration des droits suivi d'un plan de constitution juste, sage et libre, 1749, стр. 12.

[2]) Plan de législation criminelle, 1780, стр. 19.

встрѣчается у Руссо. Чтобы оцѣнить силу подобнаго возраженія, надо прежде всего выяснить себѣ то, что самъ Руссо понималъ подъ народнымъ суверенитетомъ. Въ тѣхъ главахъ «Общественнаго договора», въ которыхъ формулируется это начало, весьма опредѣленно проводится тотъ взглядъ, что суверенитетъ націи или, что то же, народное самодержавіе ни мало не касается вопроса объ образѣ правленія, не препятствуетъ существованію ни монархіи, ни аристократіи, ни демократіи. Руссо такъ далекъ отъ мысли сосредоточивать функціи правительственной власти исключительно въ рукахъ толпы, что прямо заявляетъ себя сторонникомъ избирательной аристократіи, какъ наилучшаго образа правленія [1]). Такимъ образомъ, суверенитетъ націи, какъ понимаетъ его Руссо, означаетъ не болѣе, какъ то, что всякое правительство имѣетъ своимъ источникомъ народъ, а отсюда то практическое послѣдствіе, что, имѣя право созидать правительство, народъ сохраняетъ за собой право его низвергнуть [2]). Никто однако менѣе Руссо не совѣтуетъ гражданамъ прибѣгать къ этому крайнему праву—праву революціи. Надо прочесть его «Письма съ горы», чтобы убѣдиться въ томъ, какъ старался онъ избѣжать этого, какъ онъ выражается, «подчасъ неотложнаго, но всегда грознаго средства, какимъ является народное волненіе, обращеніе къ силѣ». Онъ хвалитъ женевскую конституцію за то, что она запретила обращаться къ нему (qu'on vous a très sagement interdites) [3]). Мятежъ онъ желалъ бы замѣнить широкимъ пользованіемъ тѣмъ правомъ, къ которому такъ часто прибѣгали англичане въ ихъ борьбѣ за свободу. Это—право петицій, которое Руссо обнимаетъ терминомъ «права предстательства» (droit de

---

[1]) Il y a donc trois sortes d'aristocratie: naturelle, élective, héréditaire. La première ne convient qu'à des peuples simples. La troisième est le pire de tous les gouvernements. *La deuxième est le meilleur*; c'est l'aristocratie proprement dite. (Du Contrat Social, ch. V).

On doit se souvenir ici que la constitution de l'état et celle du gouvernement sont deux choses très distinctes, et que je ne les ai pas confondues. Le meilleur des gouvernements est l'aristocratie, la pire des souverainetés est l'aristocratique. (Lettres de la montagne, письмо VI).

[2]) Il n' y a ni ne peut y avoir nulle espèce de loi fondamentale obligatoire pour le corps du peuple, pas même le contrat social.

[3]) Письмо 8-ое, стр. 369, девятаго тома (изд. 1790).

représentation). Другое послѣдствіе, вытекающее изъ того положенія, что верховенство принадлежитъ націи, что народъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ атрибуты самодержавія, то, что никакое частное лицо, ни правитель, ни депутатъ, не могутъ считаться законными обладателями всей полноты этой власти. Суверенитетъ не отчуждаемъ и недѣлимъ, учитъ женевскій философъ [1]). На практикѣ это значитъ, что никакое иредставительное собраніе не можетъ сосредоточить въ себѣ всей полноты правъ, принадлежащихъ націи, и что эти права могутъ быть осуществляемы только совокупностью всѣхъ гражданъ. Руссо противникъ представительства [2]). На замѣчаніе, что чистая демократія, и въ частности осуществленіе законодательныхъ функцій всею совокупностью гражданъ, немыслимы въ государствахъ съ обширной территоріей, онъ возражаетъ, указывая на федерацію, какъ на средство примирить его требованія съ тѣми препятствіями, какія ставитъ имъ практическая невозможность соединить въ одномъ мѣстѣ всѣхъ жителей [3]). Внѣ федераціи не существуетъ средства сохранить свободу для новыхъ народовъ. Древніе достигли ея малочисленностью своего гражданства и рабствомъ большинства. Новые не имѣютъ рабовъ и расплачиваются за ихъ свободу собственнымъ рабствомъ» [4]). Читая эти строки понимаешь, что Руссо предназначалъ свое сочиненіе не для всѣхъ безъ различія народовъ и государствъ, а исключительно для тѣхъ, которые, по образцу древнихъ грековъ и римлянъ, придерживаются системы мелкихъ республикъ, не установляя можду ними другой связи, кромѣ федеративной. Самъ

---

[1]) Contrat social, книга вторая, глава I и II. Lettres de la montagne. De là que la souverainité est indivisîble, inaliénable, il suit qu' elle réside essentiellement dans tous les membres du corps social. (Письмо VI).

[2]) La loi n'étant que la déclaration de la volonté générale, il est clair que dans la puissance législative le peuple ne peut être représenté... A l'instant qu'un peuple se donne des représentans, il n'est plus libre, il n'est plus... (Глава XV, du Contrat Social).

[3]) Je ferai voir ci—après comment on peut réunir la puissance extérieure 'dun grand peuple avec la police aisée et le bon ordre d'un petit état. (Contrat social, глава XV).

[4]) Contrat social (глава XV).

онъ высказывается весьма опредѣленно на этотъ счетъ [1]). «Я взялъ, говоритъ онъ, въ своемъ обращеніи къ гражданамъ Женевы, вашу конституцію за образецъ и далъ васъ въ образецъ всей Европѣ». Сказать, что этотъ фактъ самъ по себѣ дѣлаетъ невозможнымъ приложеніе мыслей Руссо къ устройству обширныхъ и политически-централизованныхъ республикъ мы, конечно, не въ правѣ, такъ какъ недавно вошедшая въ практику система referendum, не говоря уже о болѣе раннемъ пріемѣ переноса на народное голосованіе «основныхъ законовъ» націи, такъ называемаго «appel au peuple», вполнѣ доказали возможность удержать преимущества прямыхъ демократій, не отмѣняя въ то же время системы представительства. Но несомнѣнно также и то, что оба эти средства еще не успѣли проникнуть въ сознаніе ни политическихъ писателей, ни политическихъ дѣятелей прошлаго столѣтія. Право говорить это даютъ намъ самые даже горячіе приверженцы идей женевскаго мыслителя. Я разумѣю въ частности Мабли. Не расходясь съ Руссо по прочимъ вопросамъ политики, допуская, подобно ему, начало суверенитета націи и делегацію всякой правительственной власти народомъ, Мабли въ то же время высказывается открыто противъ системы прямаго народовластія. Изъ устъ сторонника греческой и римской свободы раздаются слова громкаго осужденія тѣмъ порядкамъ, «при которыхъ суверенитетъ осуществляется непосредственно всѣмъ собраннымъ на площади народомъ». При нихъ, учитъ онъ, нѣтъ границъ произволу. Самодержавный народъ ежечасно создаетъ и ниспровергаетъ законы и конституціи. Кто въ силахъ воспротивиться его капризамъ, предписать извѣстныя правила для его поведенія? Кто, наконецъ, можетъ принудить его къ повиновенію имъ же самимъ изданнымъ законамъ? Другое дѣло тѣ государства, въ которыхъ народъ, благодаря своей численности, не можетъ собираться иначе, какъ въ лицѣ своихъ представителей. Ихъ собранія менѣе шумны, менѣе капризны, менѣе легкомысленны, менѣе непостоянны, такъ какъ имѣютъ въ націи цензора, наблюдающаго за ихъ дѣятельностью. Депутаты, склонные естественно

---

[1]) Lettres de la Montagne (письмо VI, изд. 1790, стр. 270).

искать расположенія своихъ довѣрителей, такъ какъ послѣдніе во всякое время могутъ ихъ опровергнуть (désavouer), необходимо призваны обнаруживать въ своей дѣятельности осторожность и тактъ (circonspection et retenue), какихъ аѳиняне, напримѣръ, отнюдь не могли проявить на площади. Депутаты подчинены въ своемъ поведеніи установленнымъ для нихъ правиламъ. Разъ они нарушены, принятыя рѣшенія сдѣлаются недѣйствительными, народное недовольство покажетъ, что уполномоченные измѣнили своимъ обязанностямъ. Я полагаю, заканчиваетъ Мабли, что въ республикахъ древности законы имѣли бы большую стойкость, еслибы народъ, не сходясь для обсужденія дѣлъ на площади, ввѣрялъ завѣдываніе ими извѣстному числу собранныхъ въ комиціи представителей, назначеніе которыхъ производилось бы отдѣльными племенными, территоріальными или классовыми группами, подобными тѣмъ, какія существуютъ у насъ. Весьма вѣроятно, что демократія осталась бы при такихъ условіяхъ свободной отъ большинства тѣхъ недостатковъ, которые такъ часто вызывали ея гибель [1]).

Такимъ образомъ Мабли, все значеніе котораго сводится на нашъ взглядъ къ обращенію отвлеченныхъ принциповъ Руссо въ практически примѣнимую доктрину, отказывается слѣдовать за своимъ учителемъ въ томъ, что составляетъ дѣйствительную его оригинальность. А что эта оригинальность лежала ни въ чемъ иномъ, какъ въ ученіи о народномъ суверенитетѣ, его недѣлимости и неотчуждаемости—это признаетъ и самъ Руссо, говоря, что Сидней и Локкъ во многомъ высказали сходные съ нимъ взгляды, но что онъ одинъ впервые установилъ правильную точку зрѣнія «на дѣйствительныя основы всякаго правительства» [2]).

Мы показали такимъ образомъ, что ближайшій истолкователь идей женевскаго мыслителя отступаетъ отъ его ученія настолько, насколько оно противорѣчитъ превозносимой Монте-

---

[1]) De la législation ou principes des lois, стр. 288 и 289).

[2]) „L'infortuné Sydnée pensait comme moi... Locke a traité les mêmes matières exactement dans les mêmes principes que moi (Lettres de la Montagne, стр. 276 и 277). Les fondements de l'état sont les mêmes dans tous les gouvernements, et ces fondements sont mieux posés dans mon livre que dans aucun autre (ibid., стр. 274).

скьё и его школьной системѣ представительства. Его примѣру слѣдуютъ безразлично и ближайшіе къ революціи политическіе писатели. Они принимаютъ первоначальныя посылки Руссо и отвергаютъ дѣлаемые имъ выводы. Подобно ему, они готовы признать начало народнаго суверенитета основою всякаго правительства; мало этого, подобно и даже болѣе его, они распространяются въ жалобахъ на народное представительство, «на ежечасное предательство имъ интересовъ націи и опасность довѣрять кому либо завѣдываніе ими, помимо общаго собранія всѣхъ гражданъ.» По ихъ утвержденію, представители подкупны; ихъ легко запугать; жертвовать правами націи изъ-за собственныхъ выгодъ— для нихъ дѣло обычное. Ждешь радикальнаго осужденія всякаго представительства, повторенія положеній о недѣлимости и неотчуждаемости суверенитета. Ничуть не бывало. Авторъ предлагаетъ помириться съ неизбѣжными недостатками системы. Онѣ неразрывно связаны съ самымъ существованіемъ большихъ націй. Надо чѣмъ нибудь поплатиться за честь принадлежать къ нимъ. «Не отказаться отъ представителей, а внимательно отнестись къ ихъ избранію, такова, думаетъ, напримѣръ, Рабо Сентъ-Этьенъ, дѣйствительная обязанность націи [1])».

Нельзя также считать противникомъ системы представительства и аббата Сейеса. Въ своей знаменитой брошюрѣ: «Что такое среднее сословіе?», установляя три различныя эпохи въ развитіи государствъ: индивидуальную, комунальную и представительную, онъ тѣмъ самымъ присоединяется къ ученію о невозможности прямаго народовластія въ государствахъ съ большою территоріею и численнымъ населеніемъ. Но, мирясь съ необходимостью, Сейесъ старается согласить требованія народнаго суверенитета съ системой осуществленія его черезъ повѣренныхъ. «Общество, пишетъ онъ, не отказывается отъ своей воли; обладаніе ею составляетъ его неотъемлемое право; оно поручаетъ только осуществленіе этой воли другимъ. Не вся воля націи переходитъ на ея представительство; общество переноситъ на

---

[1]) См. Considérations sur les intérêts du Tiers-Etat (1789 г.) par Rabaut Saint-Etienne въ собраніи его сочиненій, напечатанномъ Boissy d'Anglas, 2 изд. 1822 г., стр. 20.

него только ту часть своей власти, которая необходима для поддержанія добраго порядка. Ничего лишняго дать не полагается (on ne donne point de superflu en ce genre). Отсюда слѣдуетъ, что делегаты націи не могутъ расширить границъ своихъ полномочій; такое право заключало бы въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Представители не пользуются своею властью, какъ самостоятельнымъ правомъ; они осуществляютъ чужое право. Воля общества или, вѣрнѣе, часть этой воли «дана имъ въ коммиссію» (la volonté commune n'est là qu'en commission) [1]). Еще дальше Сейеса идетъ Черутти. Въ своемъ «Изложеніи правъ человѣка» онъ говоритъ, что народная масса (la multitude) поручаетъ свои интересы представителямъ и переноситъ на нихъ свои права. Если бы она удержала за собою часть послѣднихъ, она обратилась бы въ непостояннаго въ своихъ дѣйствіяхъ посредника между ею самою созданными нормальными властями Каждый представитель, утверждаетъ онъ, тотчасъ послѣ избранія надѣляется всѣми правами народа. «Сдѣлайте избирательныя округа суверенными, и вы тѣмъ самымъ обратите депутатовъ въ рабовъ, упраздните возможность изданія законовъ и упрочите навсегда анархію» [2]).

Такимъ образомъ ученіе Руссо о неотчуждаемости народнаго суверенитета не нашло послѣдователей въ ближайшихъ къ революціи публицистахъ и не нарушило поэтому цѣльности и единства доктрины, осуществленіемъ которой задались дѣятели 89 года.

---

[1]) Qu'est-ce que le Tires Etat? (premiers jours de janvier. 1789), изданіе 1822 г, стр, 156.

[2]) Exposé des droits l'homme par Cerutti, Oeuvres, томъ I, стр. 59.

ГЛАВА III.

Родоначальники революціонной доктрины: 1) Монтескьё—Генезисъ его основныхъ политическихъ ученій.

§ 1.

Въ предшествующей главѣ мы старались показать единство того ученія, которое руководило дѣятелями 89 года; въ настоящей мы остановимся на характеристикѣ родоначальниковъ новой доктрины и познакомимъ читателя съ тѣми двумя источниками, изъ которыхъ она вытекла. Критика начавшагося вырожденія сословной монархіи сошлась съ попыткой оживить народное верховенство, по крайней мѣрѣ въ формѣ участія гражданъ въ законодательной дѣятельности: первую приходится возвести къ Монтескьё, вторую къ Руссо. Мы изучимъ въ отдѣльности доктрину каждаго, указывая на сколько возможно ту связь, въ какой обѣ стоятъ, съ одной стороны, съ запросами времени, а съ другой, со всѣмъ предшествующимъ движеніемъ политической мысли.

Экономическія и политическія возрѣнія Монтескьё во многомъ сложились подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, какія онъ вынесъ изъ своихъ путешествій по Италіи, Германіи, Голландіи и Англіи. Обѣщаемое изданіе каталога его библіотеки въ замкѣ Бреда едва ли прольетъ больше свѣта на зарожденіе въ немъ тѣхъ или другихъ идей въ области народнаго хозяйства и права, чѣмъ появившійся недавно дневникъ его перегринацій. Монтескьё предпринялъ ихъ въ періодъ уже полнаго расцвѣта своей литературной дѣятельности, послѣ изданія Персидскихъ Писемъ и въ моментъ составленія первыхъ десяти книгъ Духа Законовъ. Какъ членъ французской академіи, какъ человѣкъ еще недавно занимавшій выдающійся постъ одного

изъ президентовъ парламента въ Бордо, наконецъ, какъ дворянинъ, принадлежащій по рожденію къ той судебной аристократіи (noblesse de robe), которая въ общественномъ признаніи, подъ вліяніемъ нивелирующаго духа времени, постепенно заняла мѣсто равное феодальной, Монтескьё могъ расчитывать и дѣйствительно нашолъ предупредительный пріемъ въ высшихъ слояхъ европейскаго общества: у папы, императора, королей, герцоговъ, пословъ, свѣтской и духовной знати. Передъ нимъ раскрывались всѣ двери; съ нимъ искали знакомство всѣ выдающіеся люди времени. Если прибавить къ этому, что самое путешествіе предпринято было въ обществѣ племянника маршала Бервика, графа Вальдгрева, котораго въ Италіи вскорѣ замѣнилъ лордъ Честерфильдъ, то не мудрено будетъ понять, какъ легко могъ Монтескьё воспользоваться поѣздкой по Европѣ для расширенія своего политическаго кругозора. Этому не мало содѣйствовала та способность ассимилироваться съ окружающей его измѣнчивой средою, которая позволила автору Духа Законовъ сказать впослѣдствіи о себѣ: «Когда я путешествовалъ за границей, я привязывался къ посѣщаемымъ мною странамъ, какъ въ собственной родинѣ. Я интересовался ихъ судьбою и желалъ имъ большаго благосостоянія, чѣмъ то, какимъ они пользуются» [1]).

Рѣдкій путешественникъ былъ также болѣе подготовленъ къ осмысленному воспріятію тѣхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какія сообщали ему государственные дѣятели и ученые, съ которыми онъ имѣлъ случай встрѣтиться во время своей поѣздки. Уже съ ранней молодости, какъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ письма одного изъ его воспитателей, брата Андріэ изъ ордена ораторіанцевъ, державшихъ близь Мо въ Жюльи своего рода дворянскій пансіонъ, Монтескьё обнаруживалъ такое трудолюбіе, что его надо было скорѣе сдерживать, нежели поощрять [2]). Солидное классическое образованіе, полученное въ школѣ, восполнено было, по настоянію отца, продолжительнымъ и упорнымъ занятіемъ каноническимъ и обычнымъ пра-

---

[1]) Pensées diverses. Цитировано Vian, Histoire de Montesquieu.

[2]) Ibid.

вомъ. По выходѣ изъ пансіона, пишетъ Монтескьё въ 1749 году, мнѣ дали въ руки книги о правѣ; это заставило меня задуматься о духѣ законовъ [1]). Насколько можно судить по первымъ его мемуарамъ, представленнымъ академіи въ Бордо, точныя науки также весьма рано приковали къ себѣ вниманіе писателя, который въ большей степени, чѣмъ кто либо изъ французскихъ мыслителей XVIII вѣка съумѣлъ отрѣшиться при занятіи политикой отъ всякой метафизики [2]). Этимъ знакомствомъ съ областями знанія, недавно обновленными геніемъ Ньютона, объясняется также пристрастіе автора Духа Законовъ къ опредѣленіямъ, неимѣющимъ ничего общаго съ тѣми, къ какимъ пріучили насъ юристы и доктора естественнаго права.

Одинъ изъ коментаторовъ Монтескьё, Склописъ, справедливо замѣчаетъ, что его пристрастіе къ математическимъ уподобленіямъ и естественнонаучнымъ дефиниціямъ выступаетъ уже въ знаменитомъ афоризмѣ: «законы въ самомъ широкомъ значеніи этого слова — необходимыя отношенія, вытекающія изъ самой природы вещей», а также въ томъ частномъ примѣненіи, какое это положеніе нашло у него въ области права: «до изданія положительныхъ нормъ, между людьми существуютъ отношенія справедливости, точь въ точь, какъ и до проведенія круга всѣ радіусы его равны между собою» [3]).

Политическими и экономическими вопросами Монтескьё долженъ былъ заинтересоваться еще въ эпоху своей научной дѣятельности въ Бордо, частью благодаря тѣсному общенію съ однимъ изъ членовъ мѣстной академіи, Мелономъ, авторомъ извѣстнаго «Опыта о торговлѣ», вліяніе котораго отразится на пониманіи Духомъ Законовъ характера и задачъ народнаго хозяйства, частью благодаря браку съ кальвинисткой, заставившаго его задуматься надъ вопросомъ о религіозной терпи-

---

[1]) Письмо отъ 7-то марта 1749 года, цитировано Vian въ его Histoire de Montesquieu.

[2]) Въ числѣ его раннихъ мемуаровъ встрѣчаются не только дисертаціи по частнымъ вопросамъ зоологіи и ботаники, но и общія разсужденія о естественной исторіи и о физическомъ строеніи земли, послѣднее впрочемъ осталось на степени проекта, Ibid, стр. 48.

[3]) 1-ая глава Духа Законовъ.

мости и высказать на этотъ счетъ нѣсколько смѣлыхъ мыслей уже въ своихъ «Персидскихъ письмахъ», частью наконецъ подъ вліяніемъ непосредственнаго занятія основными вопросами экономіи и государственнаго устройства, о чемъ свидѣтельствуетъ затерянный нынѣ мемуаръ «О богатствахъ Испаніи», отдѣльныя главы котораго вошли впослѣдствіи въ разсужденіе и всемірной монархіи въ Европѣ, а также дошедшій до насъ опытъ о религіозной политикѣ Римлянъ.

Дневникъ путешествія не предназначался къ изданію; въ немъ можно поэтому искать выраженія сокровенныхъ мыслей автора. Несмотря на свою отрывочность, на отсутствіе литературной формы, на пестроту и несистематичность, какую представляетъ всякая записная книжка, наконецъ на преобладаніе чисто внѣшнихъ подробностей о характерѣ архитектурныхъ построекъ, о лучшихъ памятникахъ живописи и зодчества, о расположеніи портовъ, распредѣленіи комнатъ въ дворцахъ, разсадкѣ деревьевъ въ паркахъ и садахъ, о нѣкоторыхъ техническихъ производствахъ, еще мало распространенныхъ во Франціи, какъ напримѣръ о выдѣлкѣ бархата, дневникъ будущаго автора Духа Законовъ, содержитъ въ себѣ рядъ помѣтокъ, свидѣтельствующихъ, что его вниманіе приковывали въ равной мѣрѣ и малѣйшія подробности античной жизни, и политическій, финансовый и экономическій строй посѣщенныхъ имъ странъ. Его мысль уже въ это время занята была раскрытіемъ той связи, въ какой законы и учрежденія стоятъ не только съ физическими условіями, почвой, климатомъ, но и съ нравственными особенностями отдѣльныхъ націй. Его любознательность привлекаютъ не одни посѣщенные имъ государства; онъ старается еще всячески разузнать у путешественниковъ, миссіонеровъ и дипломатовъ, подробности о странахъ востока, въ особенности же о Персіи и Турціи, призванныхъ современемъ служить для него образцами деспотіи, этого отрѣшеннаго отъ подчиненія законамъ единовластія, незнающаго другой удержи, кромѣ религіи и обычая. Не разъ также его мысль переходитъ отъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ обратно къ родинѣ, такъ что изученіе особенностей

чужеземцевъ позволяетъ ему только сознательнѣе отнестись къ духу учрежденій и національному характеру французовъ. Когда же случай сталкиваетъ его за границей съ людьми, или недавно игравшими выдающуюся роль въ судьбахъ его отечества, напримѣръ съ Джономъ Ло, или продолжающими еще руководить его внѣшними сношеніями, какъ напримѣръ съ французскимъ посломъ при Римскомъ дворѣ, авторомъ «Анти-Лукреція», Полиньякомъ, Монтескьё спѣшитъ распросить ихъ одинаково и о прошломъ и о настоящемъ. Религіозные вопросы интересуютъ его въ равной мѣрѣ съ политическими. Въ томъ, что онъ говоритъ о папскомъ правительствѣ, нельзя не видѣть рѣшительнаго осужденія теократіи. Съ другой стороны, посѣщеніе Аусбурга, Мангейма, Франкфурта и Оснабрюка, гдѣ католики живутъ на равной ногѣ съ протестантами, пробуждаетъ въ немъ временно заглохшее пристрастіе къ вѣрѣ отцовъ и онъ серьезно заводитъ съ іезуитами рѣчь о томъ, какими мѣрами можно обезпечить окончательное торжество единовѣрія. То немногое, что ему пришлось разузнать о Пруссіи, поставленной въ это время подъ желѣзную руку отца Фридриха Великаго, позволитъ ему со временемъ восполнить картину восточнаго деспотизма нѣкоторыми чертами изъ жизни запада. Невозможность открыть во всей Европѣ другихъ республиканскихъ правительствъ, кромѣ аристократическихъ, сдѣлается причиной тому, что свою характеристику демократій онъ составитъ исключительно по классическимъ образцамъ. Магистраты свободныхъ городовъ Германіи, въ томъ числѣ Гамбурга, голандская плутократія съ замѣтнымъ тяготѣніемъ къ единовластію еще избираемаго, но вскорѣ наслѣдственнаго «пенсіонарія», какъ и венеціанскій патриціатъ, поставленный подъ грозный контроль инквизиторовъ и Совѣта десяти, только укрѣпятъ въ немъ увѣренность въ неминуемомъ вырожденіи аристократій и преимуществѣ наслѣдственныхъ правительствъ надъ избирательными. Наконецъ Англія, посѣщеніемъ которой завершится рядъ его странствій, раскроетъ передъ нимъ картину вполнѣ уравновѣшенной монархіи, которую онъ затѣмъ поставитъ въ образецъ своимъ соотечественникамъ, призывая ихъ, однако, не къ рабскому подражанію, не къ цѣлостному

перенесенію на родину чужихъ учрежденій, а къ дальнѣйшему упроченію и сохраненію тѣхъ противовѣсовъ, какими во Франціи по отношенію къ наслѣдственной монархіи являлись независимые отъ королевскаго выбора верховныя палаты и временно пришедшіе въ забвеніе или упадокъ генеральные и провинціальные штаты. Путешествіе доставитъ также Монтескьё возможность расширить кругъ тѣхъ мыслителей, на изученіи которыхъ разовьется и созрѣетъ его собственное міросозерцаніе. Въ дневникѣ о пребываніи въ Венеціи мы встрѣчаемъ помѣтку на счетъ необходимости пріобрѣсть въ Неаполѣ рекомендованное ему сочиненіе Вико. Рѣчь идетъ о «Новой наукѣ», въ которой авторъ «Духа Законовъ» найдетъ выраженіе той самой мысли о неизбѣжномъ вымираніи народовъ и учрежденій и неоднократномъ возобновленіи уже разъ пройденнаго процесса политической эволюціи, которая въ Духѣ законовъ займетъ мѣсто теоріи безостановочнаго прогресса, теоріи впервые провозглашенной Тюрго и Кондорсэ.

Въ той же Венеціи Монтескьё придется слышать не разъ повтореніе взглядовъ Контарини, Джаноти и Ботеро о природѣ ея учрежденій и объ умѣренности въ пользованіи властью, какъ о высшей добродѣтели, содѣйствовавшей стойкости въ ней аристократическаго правительства. Эта умѣренность, по ученію названныхъ публицистовъ, сказывалась между прочимъ въ фактѣ допущенія и не дворянъ къ отправленію извѣстныхъ должностей, частью въ главномъ городѣ, частью въ зависимыхъ отъ него муниципіяхъ и провинціяхъ.

Въ другой аристократіи, въ Генуѣ, Монтескье констатируетъ существованіе такого же клапана для честолюбія и предпріимчивости буржуазіи, благодаря сосредоточенію всей администраціи народнымъ кредитомъ въ частномъ акціонерномъ банкѣ Святого Георгія. Банкъ этотъ постепенно пріобрѣлъ въ Генуи то же государственное значеніе, какимъ пользуются нынѣ также два частныхъ товарищества, англійскаго и французскаго банка. Монтескье увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ новое подтвержденіе той мысли, что устойчивость аристократій покупается цѣною ограниченія ихъ собственной сферы дѣятельности къ

выгодѣ остальныхъ классовъ общества. Такъ какъ въ Римской исторіи онъ найдетъ безпрепятственный ростъ плутократіи на ряду съ сохраненіемъ старинныхъ привилегій патриціата, то вполнѣ естественнымъ явится обобщеніе имъ всѣхъ этихъ частныхъ фактовъ однимъ основнымъ положеніемъ объ умѣренности въ пользованіи своими прирожденными преимуществами, какъ о необходимомъ условіи прочнаго существованія аристократій или, выражаясь его языкомъ, объ умѣренности, какъ объ ихъ жизненномъ принципѣ.

Находя еще у древнихъ писателей и между прочимъ у Аристотеля разсужденіе о гражданской добродѣтели, т. е. о способности подчинять личную волю общей и частный интересъ благу родины, какъ о неизбѣжномъ условіи существованія республики, Монтескье возведетъ добродѣтель на степень такого же жизненнаго принципа демократій, какимъ является умѣренность въ аристократіяхъ. Страсть къ антитезамъ, въ связи съ наблюденіемъ тѣхъ психологическихъ мотивовъ, какими опредѣляются поступки военной и придворной знати въ его собственной родинѣ, побудятъ его признать сословную честь необходимой для монархіи, послѣ чего вполнѣ естественнымъ покажется ему приписать уравненнымъ въ безправіи подданнымъ деспотическаго государства одинъ руководящій мотивъ поведенія — страхъ. Такимъ образомъ возникнетъ ученіе о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія, какъ о чемъ то отличномъ отъ ихъ природы и въ то же время обусловленномъ ею.

Извѣстно, какое значеніе не одинъ Монтескьё, но и всѣ писатели XVIII вѣка придаютъ вліянію нравовъ на учрежденія. Можно сказать, что насколько соціальные вопросы разсматриваются въ настоящее время съ точки зрѣнія возможно большаго обезпеченія народныхъ массъ, настолько же въ прошломъ столѣтіи они интересовали мыслителей съ ихъ чисто этической стороны. Писатели задавались главнымъ образомъ мыслью о привитіи правящимъ классамъ тѣхъ нравственныхъ качествъ, при которыхъ только и возможно было, въ ихъ глазахъ, прочное существованіе закономѣрныхъ правительствъ. Немудрено

поэтому, если въ записной книжкѣ Монтескьё большее или меньшее пристрастіе тѣхъ или другихъ націй къ роскоши или къ простотѣ жизни и самая сфера проявленія этой роскоши, въ публичномъ ли или частномъ обиходѣ, отмѣчаются такъ же тщательно, какъ и корысть или нестяжательность, подкупность или неподкупность отдѣльныхъ сословій и народныхъ массъ. Такъ напримѣръ о Флорентинцахъ онъ говоритъ съ похвалою, какъ о живущихъ относительно скромно [1]). Подобные въ этомъ венеціанцамъ прошлаго вѣка и современнымъ намъ англичанамъ, жители Тосканы воздерживаются отъ открытаго соренія деньгами. Ихъ загородные дворцы одни обставлены роскошно и если въ городѣ они позволяютъ себѣ подчасъ пышность и блескъ, то только по поводу какихъ либо домашнихъ торжествъ, какъ напримѣръ браковъ и рожденій, когда надо поддержать честь рода внѣшнимъ великолѣпіемъ. По той же причинѣ венеціанцы очень бережливы въ своей обыденной жизни и тратятъ только на женщинъ; стараясь при этомъ всячески скрыться отъ глазъ и не пуская поэтому даже иностранцевъ въ свои казина, въ которыхъ оргіи смѣняются игрою и все такъ шито и крыто, что у народа не имѣется вѣрнаго представленія о томъ, какъ тратить свои деньги нерѣдко задолженное купцамъ дворянство [2]). Что касается до генуэзцевъ, то ихъ недостатокъ расточительности объясняется, по мнѣнію Монтескьё, гнусной скаредностью и желаніемъ вложить всѣ свои сбереженія въ торговлю [3]). Въ Голандіи стяжательность является

---

[1]) Il n'y a pas de ville, où les hommes vivent avec moins de luxe qu'à Florence; avec une lanterne sourde pour la nuit, et une ombrelle, pour la pluie, on a un équipage complet. Il est vrai que les femmes font un peu plus de dépense; car elles ont un vieux carosse. On dit qu'ils font plus de dépense à la campagne, comme aussi aux solennités des baptêmes et des mariages. (Montesquieu. Voyages, II., стр 170).

[2]) Ibid., стр. 25, 33, 38.

[3]) Ibid., стр. 143 и 144. Les Génois sont entièrement insociables; ce caractère vient moins d'une humeur farouche, que de leur avarice suprême: car vous ne sauriez croire à quel point va la parcimonie de ces princes-là. Il n'y a rien dans le monde de si menteur que leurs palais. Vous voyez une maison superbe, et dedans une vieille servante, qui

общею чертою: все что говорили мнѣ, пишетъ Монтескьё, о скупости, плутовствѣ и мошенничествѣ голандцевъ ни мало не преувеличено; все это чистая правда. Я полагаю, что со времени Іуды Искаріота никогда не существовало жида, болѣе жида, чѣмъ голандцы [1]). Монтескьё ставитъ и на этотъ разъ, какъ и всегда, отмѣченную имъ особенность національнаго характера въ связь съ преобладающей формой народнаго производства и съ политикой правительства. Голандцы корыстны, по его мнѣнію, потому, что въ странахъ, живущихъ почти исключительно торговлею, «сердце людское извращено»; никто не оказываетъ ближнему даровыхъ услугъ; всѣ ждутъ, что эти услуги будутъ куплены [2]). Чрезмѣрность обложенія — другая причина, по которой жители Нидерландовъ желаютъ содрать съ каждаго возможно больше. Такъ какъ, пишетъ Монтескьё, они терпятъ подъ бременемъ податей, то каждый старается добыть денегъ, не разбирая путей и средствъ. Самыхъ вѣрныхъ у нихъ два: скупость и грабительство. Невмѣшательство властей—третья причина, по которой стяжательству данъ полный просторъ. Такъ какъ все предоставлено свободному соглашенію, то никакія жалобы не принимаются въ расчетъ и на всякія заявленія о чрезмѣрности требованій слышится отвѣтъ: «почему не уговорились раньше» [3]).

Сдѣланныя въ Голандіи наблюденія позволятъ Монтескьё въ двадцатой книгѣ Духа Законовъ цитировать примѣръ ея жителей въ доказательство тому, что. пораждая связь между націями, торговля въ тоже время вноситъ рознь между частными лицами. Въ странахъ, пишетъ онъ, въ которыхъ, какъ въ Голандіи. преобладаетъ торговое настроеніе, всѣ человѣческія дѣй-

---

file. Dans les grandes maisons, si vous voyez un page, c'est qu'il n'y a point de laquais. Pour donner à manger, c'est à Génes une chose inouie. Ces beaux palais sont précisément, jusqu'au troisième étage, des magasins pour leurs marchandises. Ils font tous le commerce: le Doge est le premier marchand. Tout cela fait les âmes du monde les plus basses quoique les plus vaines.

[1]) Ibid., томъ II, стр. 221.

[2]) Ibid., стр. 222.

[3]) Ibid., стр. 221.

ствія, всѣ нравственныя качества служатъ предметомъ купли и продажи. Малѣйшая услуга, вызываемая въ другихъ мѣстахъ простымъ человѣколюбіемъ, здѣсь оплачивается деньгами [1]). Монтескьё совершенно чуждо представленіе, что правительство безсильно бороться съ унаслѣдованными недостатками и пороками. Одна изъ книгъ его главнаго трактата прямо задается вопросомъ, въ какой мѣрѣ законы могутъ содѣйствовать образованію нравовъ, привычекъ и характера націи [2]), и каковы естественные пути къ измѣненію [3]) послѣднихъ.

Нигдѣ эта перемѣна нравовъ подъ вліяніемъ учрежденій не бросилось ему такъ рѣзко въ глаза, какъ въ Вѣчномъ городѣ. Народы папскихъ владѣній, пишетъ Монтескьё въ своемъ дневникѣ, весьма бѣдны и еще болѣе плутоваты; они только и думаютъ о томъ, какъ бы получить милостыню или обмануть васъ [4]).

Величіе римскаго народа, о которомъ такъ много говоритъ Титъ Ливій, замѣчаетъ онъ въ другой части своего дневника, исчезло безслѣдно. Въ этомъ народѣ вы найдете теперь только два класса: проститутокъ и лакеевъ. Люди высшаго состоянія за исключеніемъ полусотни бароновъ и князей, не имѣющихъ, впрочемъ, никакого значенія, здѣсь временные гости. Каждый старается продѣлать свою карьеру и попасть въ управленіе; сдѣлаться одной изъ главныхъ пружинъ въ администраціи всемірной церковью. Каждый живетъ здѣсь, какъ въ гостинницѣ. Но что спрашивается, развратило въ такой мѣрѣ жителей вѣчнаго города? Отвѣтъ на это даетъ отчасти самъ дневникъ, говоря о бѣдности народа, о приниженіи нѣкогда могущественнаго дворянства папами, внесшими разъединеніе въ его среду самымъ фактомъ созданія придворной титулованной знати, о неограниченномъ господствѣ симоніи, позволяющей самымъ презрѣннымъ людямъ попадать на высшія должности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Инокентіемъ XII отмѣнена была возмож-

---

[1]) Книга XX, глава II.
[2]) Книга XIX, глава XXVII.
[3]) Ibid., глава XIV.
[4]) Voyages, томъ I, стр. 204.

ность открытой покупки ихъ лучшими семьями Италіи [1]), о дурномъ вліяніи на нравственность, какую оказываетъ обязательное безбрачіе численно преобладающаго здѣсь духовенства, духовенства, еще болѣе распущеннаго, чѣмъ во Франціи [2]), наконецъ о безнаказанности, какой нерѣдко пользуются преступники, благодаря дарованному церквамъ праву убѣжища [3]).

Иныя учрежденія создали и иные нравы въ тосканскомъ герцогствѣ и въ Піемонтѣ. Правитель перваго, пишетъ Монтескьё, дѣлаетъ все возможное, чтобы избавиться отъ назойливыхъ притязаній священства и монашества (prêtraille et moinerie) на свободу отъ налоговъ; онъ уменьшилъ бремя податей, произвелъ конверсію прежнихъ займовъ, понижая интересъ, платимый государствомъ съ шести на три съ половиною. Онъ и его предшественники украсили Флоренцію великолѣпными сооруженіями, построили портъ въ Ливорно и вообще обогатили государство внесеніемъ строгой экономіи въ издержки двора. Высокіе поборы съ наслѣдствъ и приданныхъ и установленный предшественникомъ теперешняго правителя подоходный налогъ въ размѣрѣ $^1/_2$% съ объявленной выручки, содѣйствовали не только обогащенію казны, но и уравненію состояній. Праздность сдѣлалась неизвѣстной и даже дворянскія семьи ищутъ занятія какой либо должности въ государствѣ, какъ бы ничтожно ни было связанное съ ней жалованіе, и подъ предлогомъ, что то же дѣлалось во времена республики [4]). На ряду съ праздностью исчезла и роскошь, также какъ наслѣдствіе бо̀льшаго уравненія состояній; это впрочемъ не мѣшаетъ тому, что нѣкоторыя семьи еще слывутъ получающими ежегодный доходъ во сто и двѣсти тысячъ ливровъ, хотя на дѣлѣ имѣютъ едва половину [5]). Въ Піемонтѣ королемъ сдѣлано все нужное къ ограниченію власти, вліянія и богатства высшихъ сословій. Соглашеніемъ съ папою достигнуто обложеніе церковныхъ земель, разъ послѣднія прі-

---

[1]) Ibid., стр. 202, 204, 209, 221, 224.
[2]) Ibid., стр. 253.
[3]) Ibid., стр. 218.
[4]) Ibid., стр. 166, 167, 169, 171, 172, 173 и 174.
[5]) Ibid , стр. 175.

обрѣтены не далѣе ста лѣтъ назадъ, а также имѣній лицъ, принимающихъ священническій санъ — обстоятельство, уменьшившее число послѣднихъ [1]). Возсоединеніемъ съ доменами нѣкогда отчужденныхъ отъ нихъ земель король нанесъ существенный ударъ экономическому благосостоянію дворянскихъ семей, которыя поэтому весьма бѣдны и едва затрачиваютъ десять или двѣнадцать тысячъ ливровъ въ годъ [2]); онѣ не пользуются также никакою властью въ своихъ помѣстьяхъ, такъ какъ крѣпостное право отмѣнено. Что касается до крестьянства, то его матерьяльное положеніе относительно весьма не дурно; каждый владѣетъ участкомъ земли, вообще плодородной; многіе изъ крестьянъ богаты не менѣе дворянъ [3]). Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ и большее равенство въ общественныхъ отношеніяхъ (крестьяне напримѣръ перестали ломать шапку [4]) передъ дворянами), и такую бережливость, что приглашеніе на обѣдъ въ Туринѣ является чѣмъ-то не обычнымъ [5]).

Совсѣмъ иная картина раскрывается передъ глазами Монтескьё въ предѣлахъ австрійскихъ владѣній, будетъ ли ими Ломбардія, гдѣ, по его словамъ, дворянство очень богато землею, а крестьяне весьма бѣдны ею, или Богемія, гдѣ, какъ онъ пишетъ, дворянство всѣмъ владѣетъ, крестьяне продаются въ неволю и малѣйшій сеньеръ играетъ въ своемъ помѣстьи роль императора [6]).

Дневникъ Монтескьё позволяетъ намъ нетолько слѣдить за тѣмъ, съ какимъ вниманіемъ будущій авторъ Духа Законовъ отмѣчалъ соотвѣтствіе между учрежденіями и нравами; онъ даетъ намъ еще возможность присутствовать при самомъ зарожденіи въ его умѣ ученія о той связи, въ какой нравы стоятъ съ формою правленія. Роскошь, учитъ онъ, болѣе или менѣе велика, согласно степени неравенства; она немыслима въ деспотіяхъ и

---

[1]) Ibid., стр. 107.
[2]) Ibid., стр. 123.
[3]) Ibid., стр. 127.
[4]) Ibid, стр. 120.
[5]) Ibid., стр. 112.
[6]) Ibid, стр. 6-я.

не желательна въ демократіяхъ, гдѣ должно господствовать равенство въ правахъ въ такой же мѣрѣ, въ какой въ деспотіяхъ равенство въ безправіи: она не желательна также въ аристократіяхъ, такъ какъ противорѣчитъ духу умѣренности, обстоятельство, въ виду котораго законы Венеціи принуждаютъ дворянъ къ весьма скромному образу жизни [1]), но въ монархіяхъ роскошь и неравенство равно необходимы.

Богатства однихъ, пишетъ Монтескье, высказывая мысли, близкія къ тѣмъ, какія обычны соціалистамъ, возросли только потому, что у части гражданъ отнято было необходимое для жизни; надо вернуть имъ отобранное, а для этого слѣдовало бы, чтобы богатые тратили пропорціонально неравенству состояній, иначе бѣдные умрутъ съ голоду [2]).

Эти мысли въ зародышѣ уже встрѣчаются въ дневникѣ. Если дворянство въ Піемонтѣ обѣднѣло и пришло въ упадокъ, то рядомъ съ этимъ королевская власть постепенно приняла деспотическій характеръ. Низачто въ мірѣ, восклицаетъ Монтескье, не хотѣлъ бы я быть подданнымъ этихъ маленькихъ князьковъ; они знаютъ все, что вы дѣлаете; они вѣчно слѣдятъ за вами. Ваши доходы для нихъ не тайна и они съумѣютъ найти средства къ тому, чтобы заставить васъ издержать ихъ излишекъ [3]). Въ Туринѣ можно встрѣтить шпіоновъ во всѣхъ домахъ; здѣсь слышатъ сами стѣны [4]). Король позволяетъ себѣ посылать комиссаровъ къ собственникамъ съ цѣлью принудить ихъ обратить виноградники въ сѣнокосы и облогаетъ въ цѣляхъ поощренія мѣстнаго шелководства и другихъ туземныхъ промысловъ иноземные товары такими высокими пошлинами, что купцы находятъ расчетъ объѣзжать его владѣнія, не взирая на то, что провозъ товара гораздо легче на Монсени, чѣмъ на Симилонъ. И такъ, въ Піемонтѣ дворянство только потому неотличается существенно отъ прочихъ гражданъ богатствомъ и роскошью, что сама монархія постепенно вырождается въ деспотію. Что

---

[1]) Esprit des lois, книга VII, глава III. смотри также книгу V, главу VIII.

[2]) Ibid, книга VII, глава IV.

[3]) Voyages, т. I, стр. 112.

[4]) Ibid, стр. 114, 118 и 121.

касается до мелкихъ республикъ Италіи, то водворившееся въ нихъ неравенство состояній вполнѣ отвѣчаетъ факту вырожденія ихъ въ аристократіи, озабоченныя одной мыслью продлить свое, какъ выражается Монтескье, жалкое существованіе, пользуясь тѣмъ состраданіемъ, какое оказываютъ имъ сосѣдніе князья. Въ этихъ республикахъ, прибавляетъ онъ, дворянство, потерявъ заботу о величіи и славѣ, сосредоточиваетъ свое честолюбіе на томъ, чтобы удержать свои сословныя преимущества и возможность жить въ праздности [1]).

Тиранический характеръ пріобрѣтаютъ также городскія республики Германіи. Народъ обложенъ въ нихъ чрезмѣрно: такъ въ Аусбургѣ треть, а иногда и половина дохода уходитъ на содержаніе города и магистрата. Самъ этотъ магистратъ составленъ на три четверти изъ дворянъ. При пяти тысячахъ гражданъ, власть сосредоточивается въ рукахъ какихъ нибудь 40; они пользуются большимъ произволомъ, одинаково въ Ульмѣ, во Франкфуртѣ и въ Нюренбергѣ. Въ Аусбургѣ, гдѣ, не въ примѣръ прочимъ городамъ, членами магистрата, наравнѣ съ католиками, являются и протестанты, существуетъ по крайней мѣрѣ практическая возможность обратиться въ случаѣ несправедливости съ жалобой къ вѣчно враждующимъ между собою разновѣрцамъ и добиться такимъ путемъ отмѣны или исправленія уже принятой мѣры.

Благодаря этому и сама республика пользуется лучшей администраціей, такъ какъ каждый изъ правителей считаетъ себя состоящимъ подъ надзоромъ у товарищей. Но въ другихъ городахъ, гдѣ магистратъ составленъ изъ однихъ протестантовъ, члены его живутъ, какъ князья, и являются по отношенію къ подданнымъ мелкими тиранами [2]).

Такими же вырождающимися аристократіями надо считать и городскія республики Голандіи, въ которыхъ чрезмѣрная страсть къ наживѣ и происходящія отсюда неравенство и роскошь внесли въ управленіе общественными дѣлами продажность и корысть.

---

[1]) Voyages, томъ II, стр. 273.
[2]) Voyages, томъ II, стр. 156 и 157.

Даже въ Амстердамѣ, аристократію котораго Монтескье объявляетъ разумной, такъ какъ въ ней немногіе управляютъ толпою въ силу избранія, продажность такъ велика, что сановники входятъ въ сдѣлку съ откупщиками налоговъ и берутъ съ нихъ взятки [1]).

Настоящей монархіи, въ которой бы власть умѣрялась богатымъ и привилегированнымъ дворянствомъ, склоннымъ поэтому къ неравенству и роскоши, Монтескье не встрѣчаетъ болѣе на континентѣ, какъ ненаходитъ онъ на немъ проникнутыхъ духомъ равенства демократій. Молодому герцогу Мекленбургскому, его наставникъ, лютеранскій пасторъ, внушаетъ мысль, что онъ неограниченый властитель надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ, что все, чѣмъ владѣютъ его дворяне — продуктъ узурпаціи [2]). Прусскій король, озабоченный только мыслью создать себѣ большое войско, не останавливается ни передъ какимъ насиліемъ; его подданные, пишетъ Монтескье, страдаютъ отъ его ужасающей тираніи; онъ не хочетъ, чтобы отцы отдавали дѣтей въ обученіе; послѣдствіемъ будетъ водвореніе въ его земляхъ крайняго варварства; въ судахъ Пруссіи сидятъ какія то ничтожества, получающія 200 флориновъ въ годъ и поставленныя въ необходимость торговать правосудіемъ. Едва мальчикъ достигнетъ десятилѣтняго возраста, какъ его уже вербуютъ въ солдаты; онъ не остается болѣе подъ властью отца, хотя и продолжаетъ жить подъ его кровомъ. Неудивительно, если онъ позволяетъ себѣ по отношенію къ родителю всякаго рода дерзости. Многіе отцы изувѣчили своихъ дѣтей, изъ желанія удержать ихъ при себѣ. Чтобы откупиться отъ службы, семьямъ, имѣющимъ только одного наслѣдника, приходится затрачивать на поставку наймита до тысячи экю, да еще снаряжать его на свои средства. Купцы не дерзаютъ болѣе проникать во владѣнія прусскаго короля; ихъ грабятъ здѣсь, оскорбляютъ, силою берутъ въ рекруты. Всѣ, кто занимается промышленностью, бѣжитъ за границу. Когда собрано было

---

[1]) Ibid, стр. 234.

[2]) Томъ II, стр. 203

войско подъ Магдебургомъ, прибавляетъ Монтескье, королю пришлось окружить нѣкоторые полки крестьянами изъ опасенія дезертерства. Въ Пруссіи не встрѣчается больше серебрянныхъ флориновъ; всѣ они въ рукахъ короля; такъ какъ его фермеры обязаны платить ему ренту звонкой монетой, то имъ приходится пріобрѣтать ее въ Гановерѣ обмѣномъ на мелочь; вскорѣ впрочемъ у нихъ не будетъ и мелочи [1]).

И въ Швеціи Монтескье констатируетъ тотъ же ростъ единовластія и тотъ же упадокъ дворянства и сословнаго представительства. Приводимый имъ въ Духѣ Законовъ примѣръ посылки Карломъ XII своего сапога недовольному его отсутствіемъ сейму представляетъ только одно изъ проявленій не скрываемаго болѣе стремленія къ единовластію. Въ этомъ шведскіе правители нашли прямую поддержку въ недовольныхъ дворянскимъ режимомъ крестьянахъ. Монтескье отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, когда штаты потребовали отмѣны абсолютнаго образа правленія и бывшій канцлеръ Горнъ, избранный въ президенты дворянской камеры, принудилъ короля къ соглашенію, Далекарлійцы послали депутатовъ на сеймъ съ заявленіемъ, что они предпочитаютъ имѣть одного верховнаго начальника взамѣнъ многихъ, короля на мѣсто угнетающихъ ихъ дворянъ. На этотъ разъ дѣло кончилось задержаніемъ депутатовъ вопреки конституціи, позволяющей каждому предлагать, что ему угодно, но Монтескье предвидитъ, что при правителѣ, болѣе твердомъ и предпріимчивомъ, шведскіе государственные порядки подвергнутся радикальной перемѣнѣ и самодержавіе будетъ установлено [2]). Не меньшая опасность грозитъ дворянскимъ привилегіямъ въ завоеванной русскими Ливоніи. Царь обѣщалъ, правда, сохранить наималѣйшія преимущества дворянъ, но ихъ отмѣна настанетъ несомнѣнно въ недальнемъ будущемъ.

Забота о созданіи сильной арміи и желаніе уподобиться въ великолѣпіи версальскому двору,—таковы причины, побуждающія правителей Германіи накоплять деньги. Въ виду невозмож-

---

[1]) Voyages, томъ II, стр. 197 и 189.

[2]) Ibid, стр. 199.

ности дѣлать это съ согласія сословій, они всячески стремятся къ захвату власти въ свои руки. Монтескье тщательно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, сколько солдатъ можетъ поставить въ поле каждый изъ владѣтельныхъ князей Германіи, какъ велика ихъ задолженность, откуда достаютъ они средства для покрытія своихъ издержекъ и т. п.

Мы узнаемъ такимъ образомъ, что изъ всѣхъ князей имперіи ни одинъ не понесъ большихъ утратъ, чѣмъ баварскій курфирстъ. Его земли расположены такимъ образомъ, пишетъ Монтескье, что императоръ во всякое время можетъ наложить на нихъ руку. Пруссія, Саксонія, Гановеръ, Гессенъ, поправили свои дѣла. Кельнскій курфюрстъ владѣетъ многими епископіями и могущественнѣе баварскаго. Несмотря, однако на ничтожность своей территоріи, несмотря на то, что его предшественникъ оставилъ ему тридцать милліоновъ флориновъ долгу и что его доходъ, происходящій онъ соляной и табачной регалій, да еще отъ монополіи пивоваренія, не превышаетъ семи милліоновъ пяти-сотъ тысячь флориновъ въ годъ, баварскій курфюрстъ ежечасно можетъ выставить въ поле пять тысячъ человѣкъ, не считая офицеровъ [1]).

Насколько баварскій курфюрстъ разоряется на войско, настолько вюртембергскій ничего не жалѣетъ на постройки. Людовикъ XIV, замѣчаетъ шутя Монтескьё, вѣроятно не предполагалъ разорить нѣмецкихъ принцевъ и упрочить преобладаніе Франціи, воздвигая свои дворцы въ Версалѣ [2]). Каждый хочетъ подражать ему въ великолѣпіи и имѣть свою столь же роскошную резиденцію. Баварскій курфюрстъ довольствуется еще сравнительно скромнымъ загороднымъ дворцомъ въ Нимференбургѣ, но герцогъ вюртембергскій, не смотря на незначительность своихъ владѣній, разоряется на сооруженіе Луисбурга [3]).

Въ рейнскомъ палатинатѣ, состоявшемъ въ это время въ

---

[1]) Ibid, стр. 142, 145 и 147.
[2]) Ibid, стр. 211.
[3]) Ibid, стр. 159 и 160.

личной уніи съ Богеміей, заботы о войскѣ берутъ верхъ надъ всѣми прочими; въ немъ насчитывается въ мирное время до 10.000 солдатъ, хотя доходъ съ палатината и связанныхъ съ нимъ герцогствъ Юлихъ и Бергъ, а также съ Нейбурга, не превышаетъ четырехъ милліоновъ флориновъ въ годъ. Курфюрстъ Кельнскій при еще меньшемъ доходѣ, всего въ 400.000 нѣмецкихъ экю, содержитъ армію въ 7.000 человѣкъ [1]).

Неудивительно, если въ такихъ условіяхъ мелкіе правители Германіи вызываютъ ропотъ въ народѣ чрезмѣрностью своихъ денежныхъ требованій. Жители герцогствъ Юлихъ, Бергъ и Клеве, пишетъ Монтескьё, всего болѣе стонутъ подъ гнетомъ податей. Онъ заставляетъ ихъ эмигрировать въ огромномъ числѣ; чрезмѣрныя требованія ведутъ къ столкновеніямъ между штатами и рейнскимъ курфюрстомъ палатиномъ. Онъ желаетъ получать 800.000 тысячъ экю въ годъ, а штаты соглашаются дать ему только 600.000. Такія же препирательства повторяются и въ Баваріи, гдѣ дворянскимъ привилегіямъ, пишетъ Монтескьё, наносятся постоянные удары. Тщетны всѣ обращенія въ Вѣну. «Вѣна молчитъ, а курфюрстъ баварскій, поддерживая свои притязанія военными экзекуціями, отрицаетъ за Вѣною даже право сказать свое слово [2]). Въ одномъ только Гановерѣ, связанномъ личной уніей съ Англіей, доходы превышаютъ расходы и изъ 700.000 фунтовъ стерлинговъ, получаемыхъ королемъ ежегодно съ его гановерскихъ владѣній, всего 300.000 затрачиваются на армію [3]).

Всѣ эти наблюденія необходимо должны были породить въ Монтескьё представленіе о вырожденіи современныхъ ему формъ политическаго устройства, одинаково аристократій и монархій, въ деспотію или тиранію. Ни у кого другого, какъ у Аристотеля, онъ могъ найти ученіе о правильныхъ и неправильныхъ формахъ государственнаго устройства и о переходѣ однѣхъ въ другія.

---

[1]) Ibid, стр. 177 и 179.
[2]) Idid, стр. 192.
[3]) Ibid, томъ II, стр. 193.

Въ примѣненіи къ новымъ народамъ та же мысль была развита Вико въ той «Новой Наукѣ», о выходѣ которой въ свѣтъ за три года до его путешествія (въ 1725 году) Монтескьё узналъ впервые въ Венеціи. Но особенность ученія автора Духа Законовъ касательно вырожденія правительствъ лежитъ въ томъ, что онъ сводитъ его всецѣло къ двумъ явленіямъ: къ анархіи и деспотизму. Первая наступаетъ тогда, когда народъ теряетъ уваженіе къ властямъ и понимаетъ политическое равенство въ смыслѣ отсутствія подчиненія. Она возможна въ однихъ народоправствахъ, образца которыхъ не представляла болѣе современная Монтескьё Европа, въ которой, не исключая и швейцарскихъ кантоновъ, права верховенства осуществлялись (самое большее) двумя или тремя стами гражданъ. Только въ древнихъ демократіяхъ, насколько онѣ извѣстны были ему по сочиненіямъ Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Цицерона и римскихъ анналистовъ, Монтескьё могъ найти элементы своего ученія о вырожденіи народоправства въ анархію, эту «охлократію» древнихъ писателей.

Но переживаемая въ его время всей Европой, за исключеніемъ Англіи, борьба тѣсныхъ городскихъ совѣтовъ и магистратовъ съ полноправнымъ нѣкогда гражданствомъ, и королевской власти съ сословнымъ представительствомъ, въ частности съ дворянствомъ, борьба, конечный исходъ который уже обрисовывался въ близкомъ будущемъ въ формѣ установленія единовластія на развалинахъ гражданскихъ вольностей, привиллегій дворянства и верховныхъ палатъ, заставилъ автора Духа Законовъ выдѣлить деспотію въ отличную отъ монархіи группу, не знающую никакихъ средостѣній. Совершенные образцы ея онъ, разумѣется, нашелъ на Востокѣ въ описанной Шарденомъ Персіи, Рико — Турціи и католическими миссіонерами — Китаѣ и Японіи. Но посѣщенныя имъ государства европейскаго континента, за одно съ Франціей послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV, вызвали въ немъ справедливое опасеніе, что восточный деспотизмъ грозитъ завоевать себѣ и единственную часть свѣта, еще избѣжавшую полнаго подавленія прирожденной человѣку свободы. «Подобно тому, какъ рѣки устремляются въ море, пишетъ онъ въ XVII

главѣ VIII книги своего великаго сочиненія, монархіи теряются въ деспотіи».

Нѣкоторые критики, въ томъ числѣ Франкъ, ставятъ Монтескье въ вину отступленіе отъ той старинной классификаціи государственныхъ формъ, основы которой положены были еще Аристотелемъ; авторъ Духа Законовъ восполнилъ ее деспотіей, признавъ ее такимъ образомъ не вырожденіемъ, а самостоятельнымъ типомъ правительства. Упрекъ, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣланъ былъ еще Вольтеромъ, заявлявшимъ, что монархія и деспотія похожи другъ на друга, какъ два родныхъ брата. Но эволюція, пережитая Европой съ начала религіозныхъ войнъ и состоявшая въ постепенномъ торжествѣ самодержавія надъ политическими правами сословій, какъ нельзя лучше доказываетъ глубокую проницательность Монтескьё, тонкое пониманіе имъ дѣйствительныхъ условій его времени. Дневникъ путешествія указываетъ намъ на ту фактическую основу, на которой опирается эта наиболѣе оригинальная сторона его историко-философскихъ воззрѣній.

Онъ находитъ себѣ въ этомъ отношеніи существенное дополненіе въ тѣхъ отрывкахъ изъ незаконченныхъ или только необнародованныхъ сочиненій, съ какими познакомило насъ изданіе, предпринятое обществомъ библіофиловъ въ Гвіенѣ. Въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ «Письма Ксенократа къ Ферасу» не трудно открыть замаскированную критику французскихъ порядковъ въ эпоху регенства герцога Орлеанскаго. Нѣкоторыя особенности этого режима, ознаменовавшагося крахомъ кредитныхъ операцій Джона Ло, мастерски описаны будущимъ авторомъ Духа Законовъ. «Оставляя людей въ мирѣ, но тревожа ихъ состоянія, онъ, пишетъ Монтескьё о регентѣ, разоряетъ ихъ опытами обогащенія, какъ другіе правители разоряютъ ихъ капризами и произволомъ. Желая постоянно совершенствовать, онъ исправляетъ тамъ, гдѣ нужно было бы оставить все по прежнему, и не понимаетъ того, что народъ, думающій медленно, не можетъ внезапно признать злоупотребленіемъ то, что въ теченіи столькихъ лѣтъ заставляли его считать закономъ. Монтескьё намекаетъ на денежную горячку Ло, разсказывая, какъ однажды

изображаемому имъ правителю Алкамену показалось во снѣ, что онъ владѣетъ всѣми сокровищами міра. Этотъ сонъ сдѣлался источникомъ народныхъ бѣдствій. Тщетно Ѳемида предупреждала тѣхъ, кто воздвигалъ храмы Плутону; ее изгнали изъ собственнаго ея храма, заставили замолчать и не произносить болѣе оракуловъ; но въ одну ночь всѣ алтари Плутона были низвергнуты, его жрецы обратились въ бѣгство, а всѣ, кто слѣдовалъ его культу отданы были въ жертву Титану [1]).

Въ Персидскихъ письмахъ Монтескьё такимъ же образомъ расточаетъ по адресу Людовика XIV и смѣнившаго его правительства стрѣлы своей сатири. Онъ говоритъ между прочимъ о вліяніи, какое при покойномъ королѣ имѣли женщины на дѣла страны. Когда я прибылъ во Францію, сообщаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ его вымышленной переписки, я нашелъ покойнаго короля всецѣло во власти женщинъ, а между тѣмъ его возрастъ ставилъ его въ условія, при которыхъ онѣ всего менѣе необходимы; да и помимо короля, не было человѣка при дворѣ, въ Парижѣ или провинціяхъ, у котораго бы не было женщины; черезъ руки ихъ проходили какъ милости, такъ и несправедливости начальства. Всѣ эти женщины состояли между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, образуя своего рода республику, члены которой весьма дѣятельно, помогали и пользовались услугами другъ друга. Это было точно государство въ государствѣ. Кто видѣлъ при дворѣ, въ Парижѣ или въ провинціяхъ, однихъ министровъ, судей или прелатовъ и не зналъ женщинъ, ими управляющихъ, подобенъ былъ человѣку, руководящему машиной при невѣдѣніи ея тайныхъ пружинъ [2]).

Монтескьё весьма наглядно изображаетъ также ничтожество придворнаго дворянства, заступившаго мѣсто феодальнаго. Штатъ лакеевъ, пишетъ онъ, пользуется во Франціи бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ гдѣ бы то не было; это семинарій, изъ котораго выходятъ сановники государства. Имъ наполняется то пустое пространство, которое создано исчезновеніемъ выс-

---

1) Mélanges inédits de Montesquieu, стр. 195 по 197.

2) Ibid, письмо 108.

шихъ сословій. Лица, принадлежащія къ штату лакеевъ, занимаютъ мѣста великихъ страдальцевъ, разоренныхъ магистратовъ, дворянъ, убитыхъ на войнѣ; такъ какъ ихъ не всегда хватаетъ для этого, то они подымаютъ блескъ древнихъ родовъ съ помощью своихъ дочерей, которыя въ этомъ отношеніи подобны удобряющему земли навозу.

Людовикъ XIV изображенъ у Монтескьё чертами человѣка, обладающаго рѣдкой способностью добиваться отъ всѣхъ повиновенія. Онъ съ равнымъ геніемъ управляетъ и семьей, и дворомъ, и государствомъ, держась высокаго мнѣнія о восточныхъ порядкахъ и не разъ высказывая свое пристрастіе къ турецкому и персидскому правительству, какъ наилучшимъ въ мірѣ. Хотя онъ и привязанъ къ своей вѣрѣ, но онъ не можетъ терпѣть тѣхъ, кто настаиваетъ на строгомъ соблюденіи ея правилъ. Любя трофеи и побѣды, онъ въ тоже время боится поставить способнаго генерала во главѣ своихъ войскъ; точно дѣло идетъ о враждебной ему арміи. Надѣленный несмѣтными сокровищами, онъ тѣмъ не менѣе терпитъ нищету, какой не въ состояніи было бы перенесть никакое частное лицо.

Онъ любитъ расточать свои милости за дѣйствительныя услуги государству и еще болѣе награждать ими праздность и лесть придворныхъ. Часто онъ отдаетъ предпочтеніе человѣку, раздѣвающаго его передъ сномъ или подающаго ему салфетку, надъ героемъ, взявшимъ городъ или выигравшимъ сраженіе. Онъ обнаруживаетъ свое великолѣпіе въ постройкахъ и населилъ версальскіе сады большимъ числомъ статуй, чѣмъ имѣется жителей въ городѣ [1]). — Таковъ не особенно польщенный портретъ человѣка, котораго еще недавно величали титуломъ короля — солнца. Государство, въ которомъ власть передана была въ руки женщинъ и штата придворныхъ лакеевъ, настолько приблизилось къ типу восточныхъ деспотій, управляемыхъ сералями и евнухами, что уподобленіе Франціи съ Персіей невольно напрашивалось каждому.

Едва старый король закрылъ глаза, значится въ одномъ изъ

---

[1]) См. также письмо XXXVII.

дальнѣйшихъ писемъ проживающаго въ Парижѣ жителя Испагани, какъ рѣшились установить новую администрацію; всѣ чувствовали, что дѣла идутъ не ладно, но незнали какъ взяться за улучшеніе. Такъ какъ неограниченная власть прежнихъ министровъ признавалась виновницей зла, то рѣшились раздѣлить ее; создали съ этою цѣлью шесть или семь совѣтовъ (намекъ на реформу, произведенную герцогомъ Филиппомъ Орлеанскимъ); это правительство, замѣчаетъ Монтескьё, обнаруживая тѣмъ самымъ свои личныя пристрастія, управляло Франціей наиболѣе разумно. Но существованіе его было столь же краткосрочно, какъ и причиненное имъ благо. Франція въ моментъ смерти короля страдала всевозможными болѣзнями. Герцогъ Ноаль взялъ въ руки желѣзо, отсѣкъ лишнее мясо и примѣнилъ нѣсколько радикальныхъ мѣръ лѣченія, но болѣзнь была внутренней и осталась по прежнему въ тѣлѣ. Иностранецъ (намекъ на шотландца Ло) сдѣлалъ попытку исцѣлить больного; онъ прибѣгъ къ сильнымъ средствамъ; больному, по его мнѣнію, возвращено было прежнее дородство; но въ дѣйствительности въ немъ произвели только вздутіе; кто шесть мѣсяцевъ назадъ былъ богатъ, теперь бѣденъ, а кто не имѣлъ хлѣба, теперь утопаетъ въ роскоши. Послѣдствіемъ этого было то, что лакеи, сдѣлавшіе карьеру при прежнемъ царствованіи, прославляютъ теперь собственное рожденіе и обнаруживаютъ презрѣніе къ тѣмъ, кто въ виду разоренія долженъ снять ливрею. «Дворянство въ нищетѣ, восклицаютъ они, какой безпорядокъ въ государствѣ, какое смѣшеніе состояній»!... Все-же это произошло отъ того, что по примѣру востока, правители запада стали распоряжаться народной казной, какъ своей собственной, прибѣгая только къ болѣе сложнымъ пріемамъ и не допуская протеста со стороны установленныхъ властей.

Вздумалъ было парижскій парламентъ воспротивиться мѣропріятіямъ иностранца (Ло), и его членовъ сослали въ Понтуазъ. Королевскій совѣтъ, пишетъ Монтескьё, требовалъ отъ парламента внесенія въ свои протоколы позорящей его декларацiи; онъ сдѣлалъ это такъ, что весь позоръ палъ на совѣтъ. Парламентъ въ изгнаніи и та же судьба грозитъ и другимъ верховнымъ палатамъ королевства; онѣ ненавистны двору, такъ какъ короли слышатъ отъ нихъ однѣ горькія истины. Въ то время, какъ толпа придворныхъ

восхваляетъ благоденствіе народа подъ мудрымъ правительствомъ монарха, палаты, протестуя противъ этой лести, приносятъ къ подножью престола выраженіе стоновъ и слезъ подданныхъ [1]). Вотъ почему парламенты въ наши дни не болѣе, какъ почтенныя развалины. Ихъ топчатъ правда ногами, но внушаемымъ народу культомъ онѣ вызываютъ еще въ умѣ представленіе о великолѣпномъ нѣкогда храмѣ. Эти верховныя палаты вмѣшиваются нынѣ только въ отправленіе правосудія; ихъ власть кажется вымирающей и одно непредвидѣнное стеченіе обстоятельствъ можетъ вернуть имъ прежнюю силу и жизнь; ихъ постигла общая судьба всѣхъ человѣческихъ созданій: они подчинились вліянію всеразрушающаго времени, порчѣ нравовъ, отъ которой все слабѣетъ, и захватамъ верховной власти, которая все рушитъ.

Монтескьё не скрываетъ своего сочувствія попыткамъ регента возстановить уваженіе къ парламентамъ, этому, какъ онъ выражается, зерцалу публичной свободы; Филиппъ Орлеанскій желалъ, чтобы въ нихъ видѣли опору монархіи и основу всякой законной власти [2]).

Высказывая такимъ образомъ свою симпатію къ сохраненію во Франціи по меньшей мѣрѣ этого обломка той уравновѣшанной монархіи, которая, какъ онъ думаетъ была всюду создана въ Европѣ покорившими Римъ варварами [3]), будущій авторъ Духа Законовъ указываетъ на то, что и Франціи коснулся общій процесъ вырожденія монархіи въ деспотію [4]).

Правительство, уподобившееся завѣдыванію частнымъ имѣніемъ, правительство, при которомъ возможно принятіе самыхъ фантастическихъ проектовъ, производящихъ переворотъ въ матерьяльномъ благосостояніи подданныхъ, правительство, всецѣло отданное въ руки женщинъ или временщиковъ и нетерпящее никакой удержи со стороны освященныхъ вѣками учрежденій— вотъ что находитъ во Франціи Монтескьё, и вотъ что еще въ большей степени утверждаетъ его въ вынесенномъ изъ путе-

---

[1]) Ibid., письмо 140.
[2]) Письмо 93.
[3]) Письмо 131.
[4]) Письмо 103.

шествій убѣжденіи, что Европа переживаетъ мучительный процессъ вымиранія ограниченной сословіями и верховными судами умѣренной монархіи. Въ ней, пишетъ Монтескьё, власть правителя раздѣляло значительное число сеньеровъ, безъ согласія которыхъ нельзя было объявлять войны; налоги не были установляемы исключительно въ пользу князя, а законы изготовлялись въ собраніяхъ націи [1]).

Такимъ обраомъ еще въ Персидскихъ письмахъ Монтескьё даетъ возможность предугадать ту субъективную точку зрѣнія, съ которой онъ станетъ судить народы и правительства въ своемъ основномъ сочиненіи. «Монархіи Европы не заслуживаютъ болѣе этого имени; онѣ вырождаются въ деспотіи. Такъ какъ власть никогда не можетъ быть вполнѣ равномѣрно распредѣлена между народомъ и княземъ, то равновѣсіе удерживается съ трудомъ; сила одного возрастаетъ, другого падаетъ, и преимущество обыкновенно остается на сторонѣ монарха, такъ какъ онъ начальствуетъ надъ арміей. Если правители Европы неосуществляютъ той полноты власти, какую обнаруживаютъ султаны востока, то только потому. что сами этого не желаютъ, частью изъ опасенія оскорбить нравы, привычки и задѣть религію своихъ подданныхъ, частью изъ вѣрнаго расчета, что такой неограниченный произволъ не въ ихъ интересахъ. Вѣдь упраздненіе всѣхъ средостѣній, ставя князя лицомъ къ лицу съ его подданными, подвергаетъ его всѣмъ опасностямъ, какими можетъ грозить превратная судьба, капризы фортуны» [2]).

Отступилъ ли Монтескьё отъ своего основнаго положенія о вырожденіи современныхъ ему монархій въ деспотіи послѣ посѣщенія имъ Англіи, какъ думаютъ это нѣкоторые его критики, въ томъ числѣ Поль Жанэ, пологающій, что Англія, завоевавъ симпатіи Монтескьё, заставила его отказаться отъ того положенія, по которому «государства съ королевской властью не могутъ оставаться долго въ своей первоначальной чистотѣ и уступаютъ мѣсто одни деспотизму, другія республикѣ» [3])? Судя по

---

[1]) Письмо 131.

[2]) Письмо 103.

[3]) Il est impossible que les monarchies subsistent longtemps dans leur

впечатлѣніямъ, занесеннымъ имъ въ его дневникъ, и Англія показалась ему, хотя и въ меньшей степени, переживающей ту же опасность, борющейся постоянно съ попытками то короля, то парламента, нарушить счастливое равновѣсіе властей, установленное ея конституціей. Если Франція, какъ онъ выражается, погибнетъ, благодаря своему войску, т.е. благодаря той власти, которая армія даетъ королю [1]), то Англіи, думаетъ Монтескьё, грозитъ не меньшая опасность: деньги здѣсь въ большомъ почетѣ, честь и добродѣтель цѣнятся мало и подкупность проникла во всѣ сословія [2]). Англичане не достойны болѣе свободы, они отчуждаютъ ее королю. Если бы послѣдній вздумалъ продать ее имъ обратно, они бы повторили снова прежнюю сдѣлку. Для иллюстраціи своей мысли Монтескьё, заставшій въ Англіи министерство Вальполя, знаменитое въ ея лѣтописяхъ умѣніемъ практиковать офиціальную кандидатуру и скупать голоса въ парламентѣ, приводитъ тотъ фактъ, что депутаты отъ Шотландіи не прочь передаться министру за скромное вознагражденіе въ двѣсти фунтовъ каждому. Самъ премьеръ кажется будущему автору Духа Законовъ человѣкомъ, готовымъ продать всѣ государства въ мірѣ и въ томъ числѣ собственную родину, лишь бы одержать побѣду надъ противникомъ, а парламентъ—вѣчно отступающимъ передъ мыслью вырвать съ корнемъ зло подкупности, отъ котораго онъ гибнетъ. Недавно, прибавляетъ Монтескьё, онъ впрочемъ перехитрилъ самъ себя. Случилось это въ теченіи той сессіи, которая совпала съ пріѣздомъ автора Духа Законовъ въ Англію въ 1729 году. Лорды обыкновенно отвергали проектъ закона противъ подкупа, поступавшій къ нимъ изъ нижней палаты. На этотъ разъ, по предложенію Таузенда, они рѣшились не только принять проектъ, но и усилить предложенныя имъ мѣры репрессіи, въ расчетѣ, что общины первыя отступятъ отъ вотированія его въ этой новой формѣ. Но законъ прошелъ

---

puretá c'est un état violent qui dégénère toujours en despotisme ou en république (Lettes persanes, письмо 103).

[1]) La France se perdra par les gens de guerre—Pensées diverses. Oeuvres complètes, изданіе Didot, стр. 626.

[2]) Notes sur l'Angleterre, ibid, стр. 630.

неожиданно и корона не рѣшилась отказать ему въ своемъ согласіи. Новые выборы, сдѣланные со времени его изданія, пали на независимыхъ отъ двора земельныхъ собственниковъ, такъ что коронѣ уже трудно будетъ впредь составлять парламентъ какъ ей вздумается. Это обстоятельство, обезпечивъ независимость парламента, ставитъ на очередь другой вопросъ: не грозитъ ли новая опасность этой свободнѣйшей въ мірѣ націи, болѣе свободной, утверждаетъ Монтескьё, чѣмъ любая изъ существующихъ республикъ, такъ какъ въ ней правитель, ограниченный конституціоннымъ актомъ (имѣется въ виду биль о правахъ и актъ о престолонаслѣдіи), не въ состояніи причинить вреда ни одному изъ своихъ подданныхъ? Опасность, о которой идетъ рѣчь, состоитъ въ возможности захвата верховенства со стороны нижней палаты, присвоенія ею власти исполнительной, которая пока въ рукахъ короля, но ограничена парламентомъ.

И такъ, Монтескьё не слѣпъ по отношенію къ тѣмъ невзгодамъ, какія временно переживаетъ мирное развитіе англійской конституціи; онъ видитъ и въ ней элементы вырожденія и это сознаніе отразится въ его Духѣ Законовъ, въ знаменитой XI книгѣ, въ которой, ставя другимъ націямъ въ образецъ Англію, утверждая, что въ ней одной конституція озабочена сохраненіемъ политической свободы, онъ въ то же время замѣтилъ: и это государство, подобно всѣмъ созданіямъ человѣческимъ, потеряетъ свою свободу и погибнетъ, если законодательная власть подвергнется еще большей порчѣ, чѣмъ исполнительная. Не мнѣ высказаться по вопросу, пользуются ли англичане въ настоящее время на дѣлѣ всею тою свободою, которая обезпечена имъ законами, или не пользуются [1]).

§ 2.

Чтобы быть всеобщимъ законъ вырожденія политическихъ формъ, упадка свободы и развитія деспотизма, долженъ найти примѣненіе себѣ и въ исторіи народовъ древности. Аристотель на примѣрѣ греческихъ республикъ пытался установить

---

[1]) Книга XI, конецъ главы VI.

теорію неизмѣннаго вырожденія демократіи въ охлократію и аристократіи въ олигархію. Монархія, которая для него, какъ грека по рожденію, еще совпадала съ тираніей или узурпаціей народнаго самодержавія предпріимчивымъ и счастливымъ честолюбцемъ, является въ его трактатѣ скорѣе вырождающейся, нежели нормальной формой политическаго устройства. Годная для варваровъ, она сливается у него съ понятіемъ восточной деспотіи, такъ что начавшееся завоеваніе Александра въ его глазахъ было бы по всей вѣроятности не болѣе, какъ новымъ доказательствомъ той мысли, что внѣ эллиновъ и эллинской культуры свобода политическая немыслима.

Если такимъ образомъ примѣръ Греціи, насколько онъ принятъ въ расчетъ авторомъ «Политики», только въ слабой степени раскрываетъ процесъ фатальнаго торжества деспотизма въ формѣ вырожденія какъ олигархіи, такъ и охлократіи въ тиранію, то невозможно ли на примѣрѣ Рима съ большей широтою провѣрить справедливость той гипотезы, какую вызываетъ въ умѣ наблюденіе надъ судьбою новыхъ народовъ, переходящихъ отъ уравновѣшенныхъ сословіями монархій, демократическихъ и аристократическихъ республикъ, къ единоначалію? Монтескьё задался этимъ вопросомъ и отвѣтомъ на него явилось знаменитыя Соображенія о причинахъ величія и паденія римлянъ.

Каковъ, спрашиваетъ онъ себя, историческій ходъ развитія этого единственнаго въ своемъ родѣ народа. Изъ мелкаго городскаго поселенія, похожаго на тѣ городища или на ту совокупность пещерныхъ построекъ, которыя въ Крыму давали возможность укрыться отъ набѣговъ людямъ и скоту [1]), Римъ становится владыкою міра, осуществляетъ недоступный современнымъ народамъ [2]) идеалъ всемірной монархіи. Эти внѣшніе

---

[1]) Книга I.

[2]) Смотри разсужденія Монтескьё о всемірной монархіи въ Европѣ, отпечатанное въ Deux opuscules de Montesquieu, Reflexions sur la Monarchie universelle en Europe. C'est une question qu'on peut faire si, dans l'état où est actuellement l'Europe il peut arriver qu'un Peuple y ait, comme les Romains, une superiorité constante sur les autres. Je crois qu'une pareille chose est devenue moralement impossible стр. 11.

успѣхи совпали съ внутреннимъ вырожденіемъ. Должно было, пишетъ Монтескьё, случиться одно изъ двухъ: Риму надлежало измѣнить свой образъ правленія или остаться мелкой и бѣдной монархіей, какой онъ былъ на первыхъ порахъ. Исторія новыхъ народовъ представляетъ намъ примѣръ того же, прибавляетъ онъ, обнаруживая тѣмъ самымъ постоянную заботливость найти въ прошломъ доказательство общности тѣхъ явленій, которыя раскрываются передъ его глазами. «Во всѣ времена люди имѣли одни и тѣже запросы; этимъ и объясняется почему различіе могло коснуться только обстоятельствъ, вызвавшихъ великія перемѣны, а не причинъ, ихъ обусловившихъ [1]), другими словами: люди всегда люди, имѣютъ одинаковыя страсти и одинаковую способность пользоваться случаемъ для удовлетворенія этихъ страстей».

Въ ряду ихъ важнѣйшую роль въ смѣнѣ правительствъ играетъ влеченіе къ наживѣ и честолюбіе. Все разсужденіе направлено къ доказательству той мысли, что пока римляне сохраняли простоту нравовъ, привитую имъ первыми ихъ законами и въ частности равнымъ якобы на первыхъ порахъ раздѣломъ имуществъ, они удержали и свою свободу [2]). Но когда скупость однихъ и расточительность другихъ сосредоточили землю въ немногихъ рукахъ, нарушено было прежнее соотвѣтствіе между землевладѣніемъ и отправленіемъ обязанностей гражданина въ государствѣ и солдата въ войскѣ. Добываемая на войнѣ добыча не шла болѣе, какъ прежде, въ раздѣлъ между всѣми участниками завоеванія, а поступала въ руки людей богатыхъ, распоряжавшихся ею для поселенія рабовъ и ремесленниковъ. Если Карѳагенъ былъ покоренъ Римомъ, то лишь

---

[1]) Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, глава I.

[2]) Dans la naissance des sociétés, ce sont les chefs des républiques qui font l'institution; et c'est ensuite l'institution qui forme les chefs des républiques..... Les fondateurs des anciennes républiques avaient également partagé les terres: cela seul faisait un peuple puissant, c'est-à dire une societé bien règlée; cela faisait aussi une bonne armée, chacun ayant un égal intérêt, et très-grand, à défendre sa patrie. Ibid., глава I и III.

потому, что эта порча старинныхъ учрежденій коснулась его раньше. Роскошь, съ одной стороны, и зависть съ другой породили желаніе почестей и матерьяльнаго благосостоянія. Публичныя должности, пріобрѣтаемыя прежде людьми добродѣтельными, стали покупаться за деньги, и всякая услуга, оказываемая частными лицами, получила свою плату отъ государства. Но тиранія князя не ставитъ монархическое государство въ большей степени на край погибели, чѣмъ республику равнодушіе къ общему благу. Преимущество ея надъ монархіей, состоящее въ томъ, что въ ней управленіе ввѣряется не любимцамъ, а людямъ достойнымъ, исчезаетъ съ того момента, когда должности, на мѣсто родственниковъ и друзей князя, занимаютъ родственники и друзья правящаго большинства, за которыми надо ухаживать, милости которыхъ надо пріобрѣтать услужливостью. Если прибавить къ этому, что въ Карѳагенѣ частныя лица владѣли сокровищами королей, тогда какъ въ Римѣ одновременно состоянія были почти равны, благодаря сохраненію старинныхъ нравовъ и практики бѣдности, то станетъ понятно, почему пуническія войны кончились къ выгодѣ Вѣчнаго города [1]). Не раздѣленіе на партіи и постоянное соперничество ихъ между собою вызвало паденіе римской свободы. Такія партіи и такое соперничество необходимы во всякомъ свободномъ государствѣ и существовали въ Римѣ съ самаго начала. Нельзя требовать, чтобы люди храбрые на войнѣ были робки въ мирѣ. Общимъ правиломъ можно считать, что когда въ государствѣ всѣ въ покои, оно остается республикой только по имени и свобода его потеряна [2]). Погубила римлянъ порча ихъ нравовъ, которая въ свою очередь вызвана была чрезмѣрнымъ расширеніемъ предѣловъ государства. Когда легіоны, пишетъ Монтескьё, перешли границы альпъ и моря, воины, которыхъ приходилось держать въ завоеванныхъ странахъ постепенно потеряли духъ гражданскій, а поставленные во главѣ подчиненныхъ королевствъ генералы почувствовали свою силу и не пожелали болѣе повиноваться. На ряду съ этимъ,

---

[1]) Ibid., глава IV.
[2]) Ibid., глава IX.

Монтескьё отмѣчаетъ еще другое послѣдствіе того же неограниченнаго расширенія римскихъ владѣній: италійскіе народы, принявшіе участіе въ ихъ завоеваніяхъ, пожелали раздѣлить ихъ преимущества и добились въ концѣ концовъ сообщенія имъ правъ римскаго гражданства. Но съ этого времени Римъ, пишетъ онъ, пересталъ быть городомъ, въ которомъ гражданство объединено любовью къ свободѣ, равенству и ненавистью къ тираніи.

Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ народы Италіи сдѣлались его гражданами, каждый городъ привнесъ въ него свой геній, свои частные интересы, свою зависимость отъ какого нибудь могущественнаго покровителя. Честолюбцы стали приводить за собою въ народныя собранія населеніе цѣлыхъ городовъ, съ цѣлью провести свои собственные взгляды. Собранія обратились въ заговоры, комиссіями стали называться толпы мятежниковъ, авторитетъ народа и законовъ сдѣлался химерою. Анархія дошла до того, что нельзя было съ увѣренностью сказать, изданъ ли извѣстный законъ или не изданъ. Такимъ образомъ громадное протяженіе Имперіи впервые придало характеръ междоусобныхъ войнъ тому, что на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ борьбой партій, являющейся естественнымъ проявленіемъ правильнаго функціонированія свободныхъ учрежденій [1]). Обширность государства, сдѣлавшись источникомъ обогащенія частныхъ лицъ, внесла въ Римъ небывалую дотолѣ роскошь и вмѣстѣ съ нею неравенство и измѣнчивость состояній [2]). Тѣ, въ комъ превратности судьбы породили неумѣренное желаніе вернуть прежнее благоденствіе, готовы были на всѣ преступленія; какъ говоритъ Салюстій, народилось поколѣніе людей, которые, не имѣя сами земель и владѣній, не хотѣли допустить и другихъ къ такому преимуществу [3]). Тѣмъ самымъ подготовлены были условія, благопріятныя захвату власти нѣкоторыми честолюбцами. Законы Рима, пишетъ Монтескьё, мудро раздѣлили верховенство

---

[1]) Ibid., глава IX.
[2]) Ibid., глава X.
[3]) Ibid., глава X.

между большимъ числомъ сановниковъ, которые то поддерживали, то останавливали и всегда уравновѣшивали другъ друга. Честолюбцы озаботились тѣмъ, чтобы соединить въ своихъ рукахъ возможно большее число должностей; одни достигли этого въ силу делегаціи народа, другіе путемъ открытаго присвоенія. Республика подпала ихъ гнету; въ этомъ не слѣдуетъ обвинять частныхъ лицъ и ихъ жажду власти, а природу человѣческую, которая становится тѣмъ болѣе алчной на власть, чѣмъ болѣе расширяется возможность ея обнаруженія, которая хочетъ имѣть все, когда уже владѣетъ многимъ [1]).

Въ паденіи римской свободы не виноваты поэтому ни Марій, ни Сулла, ни Помпей, ни Цезарь, а сама сила вещей и прирожденныя людямъ страсти. Если бы Цезарь и Помпей, пишетъ Монтескье. держались тѣхъ же мнѣній, что и Катонъ, другіе взяли бы на себя роль Цезаря и Помпея и республика, предназначенная къ гибели, ввергнута была бы въ бездну только не ихъ рукою [2]). Августъ закончилъ то, что начато было еще Маріемъ и Суллою; онъ установилъ порядокъ, т. е., пишетъ Монтескье, прочное рабство. Въ свободномъ государствѣ, въ которомъ произошла узурпація власти, порядкомъ называютъ то, что содѣйствуетъ упроченію неограниченнаго единоначалія, а безпорядкомъ все то, что позволяетъ гражданамъ сохранить даже умѣренную свободу [3]).

Всѣ дѣйствія Августа, всѣ его постановленія стремились открыто къ установленію монархіи. Онъ отнялъ у народа законодательную власть и право судить государственныя преступленія, но онъ оставилъза нимъ право избранія сановниковъ. Тиверій пошелъ еще дальше по тому же пути и, опасаясь многочисленныхъ сборищъ, перенесъ въ руки раболѣпнаго сената право замѣщенія должностей, чѣмъ и обезпечилъ себѣ возможность занятія ихъ собственными креатурами. Неограниченность

---

[1]) Enfin la république fut opprimée, et il n'en faut pas accuser l'ambition de quelques particuliers, il en faut accuser l'homme, toujours plus avide du pouvoir à mesure qu'il en a davantage, et qui ne désire tout que parcequ'il possède beaucoup. Ibid., глава XI

[2]) Ibid, глава XI.

[3]) Ibid. глава XIII и XIV.

власти, какой пользовались преемники Августа, Монтескье объясняетъ тѣмъ, что самой абсолютной является смѣняющая народовластіе монархія; въ этомъ случаѣ въ руки самодержца переходитъ весь авторитетъ народа, который не умѣетъ поставить самъ границъ своей власти [1]).

Власть императоровъ Рима была поэтому даже болѣе тиранической, чѣмъ власть монарховъ новой Европы; она была результатомъ соединенія въ одномъ лицѣ власти всѣхъ римскихъ сановниковъ. Будучи диктаторами, народными трибунами, проконсулами, цензорами, первосвященниками, а при желаніи и консулами, императоры нерѣдко осуществляли сами правосудіе, тогда какъ монархи Европы обыкновенно только законодательствуютъ, но не судятъ. Сохранивъ за собою право помилованія, тѣ же императоры перенесли на поставленныхъ ими лицъ ненавистное народу право назначать наказанія и производить конфискаціи [2]).

Процессъ вырожденія старинной римской конституціи не ограничился упроченіемъ деспотизма; послѣдній вскорѣ уступилъ мѣсто анархіи; гражданская власть оказалась безсильной уравновѣсить власть военную, каждая армія пожелала имѣть своего императора [3]). Щедрыя подачки въ пользу солдатъ, съ цѣлью снискать ихъ поддержку, внесли роскошь въ среду, которая, по силѣ вещей, должна довольствоваться необходимымъ для жизни. Армія стала возводить и низлогать императоровъ, исключительно изъ денежнаго расчета, изъ желанія получить новыя подачки или отомстить за недоплату обѣщанныхъ. Во времена Декія римская имперія уподобилась военной аристократіи, правящей Алжиромъ, гдѣ армія возводитъ и низводитъ беевъ по своему выбору.

Настали моменты, когда, какъ напримѣръ къ концу царствованія Валеріана и въ правленіе сына его, Галіена, тридцать претендентовъ оспаривали престолъ другъ у друга. Если имперія удержалась тѣмъ неменѣе въ теченіе еще нѣсколькихъ столѣтій, то только потому, что среди всеобщаго паденія тѣхъ до-

---

1) Ibid, глава XV.
2) Ibid, глава XVI.
3) Ibid, глава XV.

бродѣтелей, которыя доставили римлянамъ владычество надъ міромъ, а именно осторожности, мудрости, постоянства, любви къ славѣ и любви къ родинѣ, уцѣлѣло ихъ военное искусство. Благодаря ему, несмотря на слабость и тиранію своихъ правителей, имъ удалось долгое время сохранить все пріобрѣтенное, но когда порча проникла и въ армію, римляне сдѣлались добычею всѣхъ народовъ.

Въ Соображеніяхъ о величіи и паденіи Рима Монтескье, какъ видно изъ сказаннаго, не довольствуется однимъ констатированіемъ факта постепенной потери политической свободы, но и связываетъ ея судьбы съ удержаніемъ или исчезновеніемъ той системы противовѣсовъ, существованіе которой онъ констатировалъ ранѣе въ Англіи.

Эту систему онъ находитъ въ Римской республикѣ въ фактѣ раздѣленія верховенства между многочисленными сановниками, поддерживающими, задерживающими и умѣряющими другъ друга [1]).

Такимъ образомъ политическій идеалъ, Соображеній тотъ же, что и Персидскихъ писемъ, гдѣ, какъ мы видѣли, пристрастіе Монтескье вызываетъ уравновѣшенная сословіями и верховными палатами монархія; но идеалъ этотъ получаетъ теперь историческое обоснованіе въ примѣрѣ самаго могущественнаго народа, когда либо существовавшаго въ мірѣ. Такъ какъ изъ новыхъ государствъ въ одной только Англіи, придерживающейся той-же системы раздѣленія и равновѣсія властей, конституція ставитъ себѣ сознательной цѣлью политическую свободу [2]), а другія страны владѣютъ ею лишь въ той мѣрѣ, въ какой сохранили эти противовѣсы, то неудивительно, что въ Духѣ Законовъ Монтескье на анализѣ этихъ двухъ образцовыхъ конституцій построитъ свой идеалъ свободнаго государства, одинаково далекаго отъ анархіи и произвола, деспотизма толпы и деспотизма единоначалія. Вмѣсто того, чтобы измѣняться со временемъ, какъ думаютъ это многіе его критики, политическія пристрастія Монтескье остаются прежними; онъ только раскрываетъ ихъ

---

[1]) Глава XI.

[2]) Ibid, Духъ Законовъ, книга XI, глава II.

съ большею полнотою. Мы имѣемъ дѣло не съ обратившимся въ монархиста республиканцемъ, а съ человѣкомъ, котораго исторія и наблюденія надъ дѣйствительностью привели къ убѣжденію, что свобода возможна при всякой формѣ правленія, допускающей раздѣлъ суверенитета.

Но Соображенія о причинахъ величія и паденія Рима знаменуютъ собою и другой прогресъ въ развитіи политической теоріи Монтескье. Онъ не ограничивается болѣе однимъ указаніемъ на то, что, съ исчезновеніемъ системы противовѣсовъ, правительство клонится къ деспотизму и анархіи; онъ пытается еще открыть отдаленныя причины этого регресса столько же въ экономическихъ, сколько и въ нравственныхъ причинахъ: въ исчезновеніи первоначальнаго равенства и въ развитіи роскоши. Онъ дѣлаетъ еще шагъ далѣе въ истолкованіи тѣхъ сокровенныхъ пружинъ, которыми держатся учрежденія, говоря о роли, какую постепенное расширеніе территоріи и включеніе въ предѣлы имперіи разнородныхъ по климату и расѣ элементовъ оказали на измѣненіе основъ старинной конституціи. Такимъ образомъ уже въ этомъ трактатѣ, вышедшемъ въ свѣтъ четырнадцатью годами ранѣе Духа Законовъ (въ 1734 году), намѣчены тѣ основныя точки зрѣнія, съ которыхъ Монтескье подвергнетъ своему анализу юридическія нормы и учрежденія разнообразнѣйшихъ народовъ земного шара, какъ древнихъ, такъ и новыхъ.

§ 3.

Въ промежутокъ между изданіемъ только что разобраннаго сочиненія и Духа Законовъ помѣщается рядъ трактатовъ, частью недоконченныхъ и увидѣвшихъ свѣтъ лишь въ новѣйшее время; они любопытны для насъ потому, что даютъ возможность прослѣдить за тѣмъ, какъ постепенно складывались въ умѣ Монтескье тѣ мысли, которыя нашли выраженіе себѣ въ его классическомъ трудѣ о законахъ о политикѣ. Въ Діалогѣ Ксантипа и Ксенократа Монтескье въ примѣненіи къ древней Спартѣ повторяетъ ту же мысль о связи политической свободы съ простотою нравовъ и отсутствіемъ роскоши, которую онъ развилъ при изображеніи моральныхъ устоевъ римской конститу-

ціи. «Въ нашей средѣ, говоритъ Ксенократъ, честь не состоитъ въ какомъ то химерическомъ представленіи о преимуществахъ, пріобрѣтаемыхъ случайно и теряемыхъ по капризу судьбы, преимуществахъ, которыя даетъ преступленіе въ такой же мѣрѣ, какъ и добродѣтель. Строгое соблюденіе законовъ одно считается у насъ честью; безъ этого рожденіе, геній, таланты и самые блестящіе поступки не дѣлаютъ человѣка болѣе знаменитымъ, а только болѣе безславнымъ. Я доволенъ собою потому, что никогда не имѣлъ больше сокровищъ, больше честолюбія и сластолюбія, чѣмъ позволено мнѣ было Ликургомъ; я доволенъ тѣмъ, что всегда мирился съ предпочтеніемъ, какое оказывали моимъ соперникамъ, что любилъ законы даже тогда, когда они причиняли мнѣ вредъ и служили орудіемъ въ рукахъ моихъ враговъ».

Этотъ отрывокъ даетъ возможность легче понять, что разумѣетъ Монтескье подъ добродѣтелью, какъ жизненнымъ принципѣ республикъ, отличнымъ отъ необходимой въ монархіяхъ чести. Очевидно, что добродѣтель для Монтескье состоитъ въ подчиненіи законамъ и благу родины, честь же ставитъ себѣ цѣлью поддержаніе достоинства рожденія поведеніемъ, отвѣчающимъ сословнымъ предразсудкамъ [1]). Въ другомъ также раннемъ трактатѣ, озаглавленномъ «Опытъ о причинахъ», Монтескье задается вопросомъ о вліяніи законовъ, религіи, нравовъ и привычекъ на складъ народнаго характера. Онъ высказываетъ при этомъ ту мысль, что нравственныя причины болѣе вліяютъ на образованіе его, чѣмъ физическія, обнимаемыя имъ общимъ терминомъ климата. Въ подтвержденіе онъ приводитъ между прочимъ слѣдующее соображеніе: народы юга отличаются робостью, которая дѣлаетъ ихъ склонными къ повиновенію, народы сѣвера— смѣлостью, которая заставляетъ ихъ пренебрегать жизнью и благами ея, лишь бы добиться возможности начальствовать надъ другими. Вызванные климатическими причинами различія азіатовъ и европейцевъ, народовъ юга и народовъ сѣвера, въ свою очередь обусловливаютъ характеръ ихъ политическаго устройства; они дѣлаютъ правительства тираническими въ Азіи и умѣренными въ Европѣ.

---

[1]) Ibid, Mélanges inédits de Montesquieu, стр. 104.

Тѣ, кто пользуется властью, не откажутся отъ осуществленія ея до тѣхъ поръ, пока не встрѣтятъ удержи, но эту удержь окажутъ имъ ранѣе народы робкіе, нежели народы, отличающіеся смѣлостью характера [1]). Такимъ образомъ намѣчены уже нѣкоторыя черты того взаимодѣйствія физическихъ или, какъ Монтескьё выражается, климатическихъ, и нравственныхъ причинъ на ростъ учрежденій, выясненіе которыхъ составитъ одну изъ задачъ Духа Законовъ.

Въ незаконченномъ къ сожалѣнію отрывкѣ «Опыта о политикѣ», Монтескьё вооружаясь противъ тѣхъ, кто признаетъ ее противорѣчащей морали, доказываетъ, что одна изъ ея задачъ, предвидѣніе и предупрежденіе наступающихъ революцій, вполнѣ нравственна, такъ какъ революція, предусмотрѣнная напередъ, никогда не наступитъ въ дѣйствительности. Люди едвали настолько нелѣпы, чтобы подвергнуть себя бѣдѣ безъ всякой попытки отклонить ее. Эти слова указываютъ намъ на то высокое значеніе, какое Монтескьё связывалъ со своей миссіей писателя, раскрывающаго передъ глазами толпы неизбѣжное вырожденіе государствъ въ деспотіи и анархіи, разъ потеряно будетъ ими равновѣсіе властей, необходимое для сохраненія политической свободы.

Въ другихъ отрывкахъ, напримѣръ въ томъ, какой уцѣлѣлъ отъ «Разсужденія о нѣкоторыхъ правителяхъ» въ частности о Карлѣ XII и Карлѣ Смѣломъ, о Тиверіи, Людовикѣ XI и Филиппѣ II, о папахъ Павлѣ III и Сикстѣ V, о герцогѣ Маенскомъ и Кромвелѣ, можно отмѣтить нѣкоторыя мысли, дальнѣйшее развитіе которыхъ представитъ собою Духъ Законовъ. Сознаніе напримѣръ той истины, что учрежденія прививаются только тамъ, гдѣ находятъ себѣ благопріятную почву въ условіяхъ страны и характерѣ ея жителей, проглядываетъ въ слѣдующемъ положеніи: намѣреніе перенесть инквизицію въ Нидерланды и установить въ нихъ испанскій образъ правленія хорошо доказываетъ, что Филиппъ II-ой не имѣлъ вѣрнаго представленія ни о фламанцахъ, ни вообще о свободныхъ народахъ, ни даже о природѣ человѣческой. Провинціи, столь отдаленныя, столь чуждыя

---

[1]) Ibid, стр. 141.

Испаніи, провинціи, способныя къ тому же передаться въ руки столькихъ повелителей, могли быть сохранены только силою законовъ [1]).

Нѣкоторый свѣтъ на взгляды Монтескьё въ сферѣ церковной политики бросаетъ слѣдующее мѣсто: когда новая религія зародилась въ государствѣ и вынесла первые удары, противъ нея направленные, когда усиленная превратностями судьбы она упрочилась благодаря собственной энергіи, разумъ велитъ высказаться противъ ея преслѣдованія [2]).

Монтескьё скажетъ въ томъ же направленіи въ своемъ Духѣ Законовъ: монархъ поступитъ благоразумно, если воспротивится упроченію въ своей странѣ новаго ученія, но разъ оно пустило корни, разумъ велитъ относиться къ нему съ терпимостью [3]). Въ приводимомъ отрывкѣ объясняется и причина, по которой рекомендуется такая политика. Когда воспослѣдовало обособленіе той или другой секты, прозелитизмъ рѣдокъ; онъ силенъ лишь до тѣхъ поръ, пока вопросы, вызывающіе разнорѣчіе, остаются спорными и каждый считаетъ себя не порвавшимъ съ единовѣріемъ. Въ интересахъ господствующей церкви лежитъ поэтому предоставить еретическому ученію возможность потерять силу пропаганды, благодаря самому отсутствію преслѣдованія; для нея выгодно, чтобы послѣдователи новаго ученія сдѣлались мирными ремесленниками или земледѣльцами и перестали быть борцами за вѣру [4]).

Спасеніе государства—высшій законъ, говоритъ Монтескьё, по тому же вопросу въ неизданномъ мемуарѣ, вызванномъ обнародованіемъ буллы Unigenitas. Вотъ почему наши короли, оказывая гугенотамъ внѣшнюю терпимость вплоть до отозванія нантскаго эдикта, оставались въ то же время добрыми католи-

---

[1]) Ibid, стр. 174. Любопытно также отмѣтить въ этомъ трактатѣ высокое мнѣніе Монтескьё о Кромвелѣ, которого по его генію онъ уподобляетъ Цезарю.

[2]) Ibid, стр. 188.

[3]) Quand on est maître de recevoir dans un Etat une nouvelle religion ou de ne la pas recevoir, il ne faut pas l'y établir; quand elle y est établie, il faut la tolérer. Ibid.

[4]) Ibid. стр. 188.

ками; точно также, нельзя сказать, чтобы князья Германіи перестали быть католиками, согласившись по вестфальскому миру на пребываніе въ ихъ владѣніяхъ кальвинистовъ и лютеранъ. Вѣдь правители поставлены Богомъ для сохраненія мира между подданными и обезпеченія блага государства, прежде всего его цѣлости [1])!

Такимъ образомъ уже въ это время Монтескьё подчинялъ вопросы церковной политики заботамъ о государственномъ единствѣ, возводя такимъ образомъ въ правило римскую практику терпимости къ разнымъ вѣроученіямъ, разъ они не заключаютъ въ себѣ ничего непримиримаго съ дальнѣйшимъ существованіемъ Имперіи [2]).

Ни въ одномъ изъ рукописныхъ сочиненій Монтескьё мы не находимъ большей цѣльности и законченности, какъ въ мемуарѣ О всемірной монархіи въ Европѣ. Это сочиненіе въ строгомъ смыслѣ слова нельзя назвать неизданнымъ, такъ какъ нѣсколько экземпляровъ его отпечатаны были въ Голландіи для раздачи друзьямъ. Изъ него видно, что политическое ученіе Духа Законовъ стало складываться десятки лѣтъ ранѣе его появленія. Монтескьё переноситъ въ текстъ своего главнаго трактата цѣлые отрывки изъ этого сочиненія [3]) и остается вполнѣ вѣренъ основному возрѣнію, въ немъ проведенному, насчетъ невозможности всемірной монархіи у новыхъ народовъ. Мемуаръ любопытенъ для насъ еще тѣмъ, что содержитъ въ себѣ отрывки изъ недошедшей рукописи о богатствахъ Испаніи и бросаетъ тѣмъ самымъ свѣтъ на нѣкоторыя изъ экономическихъ взглядовъ Монтескьё, между прочимъ, на его теорію денежнаго обращенія, которая, какъ мы увидимъ, приближаетъ его скорѣе къ противникамъ, нежели къ сторонникамъ меркантильной системы.

Трактатъ начинается указаніемъ тѣхъ общихъ причинъ, которыя мѣшаютъ возстановленію всемірной монархіи по подобію

---

[1]) Ibid, стр, 230.

[2]) См. Соображенія о величіи и паденіи Рима.

[3]) Ibid, книга XX, глава XXII, книга IX, глава VI и VII, книга XII, глава XVII.

римской. Открытіе новыхъ истребительныхъ снарядовъ и составовъ уравновѣсило силы всѣхъ націй. Война не дѣлается болѣе на счетъ покоренныхъ народовъ, не сопровождается разграбленіемъ городовъ, продажей земель и населенія; она разоряетъ самого завоевателя; она требуетъ такого пожертвованія людьми, что народъ, постоянно воюющій, самъ бы сдѣлался виновникомъ своего обезлюденія. Частная причина, корень которой лежитъ въ особенностяхъ современной цивилизаціи, также дѣлаетъ невозможнымъ возстановленіе всемірной монархіи. Европа ведетъ въ настоящее время торговлю и навигацію въ цѣломъ мірѣ. Могущество той или другой націи обусловлено въ каждый данный моментъ участіемъ, какое она принимаетъ въ этой торговлѣ и навигаціи. Но такъ какъ всевозможныя случайности и прежде всего мудрость правительства обусловливаютъ собою степень этого участія, то понятно, что ни одинъ изъ новыхъ народовъ не можетъ сохранить за собою на всегда однажды пріобрѣтеннаго первенства. Государство, торжествующее побѣду надъ другими, въ то же время можетъ разоряться внутри. Говоря это, Монтескьё очевидно имѣетъ передъ глазами примѣръ внѣшняго величія и внутренней нищеты Франціи въ эпоху, слѣдующую за смертью Кольбера. Къ тому же извѣстно, что страны, достигшія процвѣтанія, благодаря торговлѣ и промышленности, не могутъ преступить извѣстнаго предѣла въ развитіи своего благосостоянія, такъ какъ приливъ золота и серебра возвышаетъ цѣну всѣхъ припасовъ, а равно и заработную плату, почему иностранцы и пріобрѣтаютъ возможность продавать свои товары по болѣе дешевой цѣнѣ. Монтескьё очевидно пользуется въ данномъ случаѣ результатами своихъ наблюденій въ Голандіи, въ странѣ, благосостояніе которой всецѣло создано было торговлей и навигаціей, процвѣтавшими даже, какъ онъ замѣчаетъ одинаково и въ своемъ дневникѣ, и въ анализируемомъ нами трактатѣ, во время войны Сѣвера Европы съ Югомъ (намекъ на тридцатилѣтнюю), когда Амстердамъ былъ средоточіемъ товаровъ для обѣихъ половинъ Европы [1]).

---

[1]) Voyages, томъ II, стр. 229. Deux opuscules de Montesquieu, стр. 12. Rien n'a plus aidé la Hollande à soutenir les grandes guerres qu'elle

Высказываемая здѣсь точка зрѣнія составилась также на основаніи наблюденій надъ Испаніей, которой Монтескьё и отводитъ въ концѣ своего трактата цѣлый параграфъ съ цѣлью показать, что накопленныя ею сокровища, благодаря открытію Новаго Свѣта, скорѣе содѣйствовали ея упадку, нежели дальнѣйшему матерьяльному развитію. Параграфъ этотъ заслуживалъ бы быть приведеннымъ цѣликомъ, такъ ясно и отчетливо выражено въ немъ отличіе Монтескьё отъ сторонниковъ теоріи металическаго фонда и такъ наглядно отражаетъ она на себѣ вліяніе, оказанное на его образъ мысли въ этомъ вопросѣ критиками меркантилизма, въ томъ числѣ Мелономъ и Дюто. Сила государства, говорилъ первый, зависитъ отъ обилія въ немъ предметовъ первой необходимости. Золото и серебро, являющіеся залогомъ этого обилія, не могутъ служить ему замѣной [1]).

Вздорожаніе, вызванное увеличеніемъ количества звонкой монеты, является всеобщимъ, пишетъ тотъ же авторъ; оно касается всего, что служитъ предметомъ торговли: припасовъ, товаровъ, перевоза, заработной платы и т. д. Деньги—мѣра всего, и нѣтъ основанія, чтобы для товара онѣ были иной, чѣмъ для перевоза. Когда рабочій покупаетъ дороже хлѣбъ и вино, онъ продаетъ дороже и свой трудъ [2]). Необходимо уничтожить въ корнѣ заблужденіе тѣхъ, которые полагаютъ, что страны, богатыя золотыми и серебрянными рудниками, на самомъ дѣлѣ дѣйствительно наиболѣе богаты. Опытъ доказываетъ, что онѣ больше зависятъ отъ другихъ, а разсужденіе, что мы не станемъ искать предметовъ роскоши, разъ у насъ нѣтъ предметовъ необходимости [3]). Въ томъ же духѣ сторонникъ Джона Ло, экономистъ Дюто, училъ, что единственнымъ средствомъ воспрепятствовать отливу золота и серебра является выгодный для страны торговый балансъ [4]). Монтескьё высказываетъ, эту

---

a eues que le Commerce qu'elle faisoit de la consommation de ses Armées, de celle de ses Alliés et même de celles de ses Ennemis.

[1]) Essai politique sur le commerce. 1734 года.

[2]) Ibid, глава XVII.

[3]) Глава I.

[4]) Dutot, Rêflexions sur le commerce et les finances, publiées en 1738 въ изданіи Daire), стр. 904.

точку зрѣнія, говоря въ разбираемомъ нами трактатѣ: кому неизвѣстно, что золото и серебро только знакъ, теряющій свою цѣну по мѣрѣ размноженія. Несчастіе испанцевъ состояло въ томъ, что съ момента завоеванія Мексики и Перу они потеряли заботу о своихъ естественныхъ богатствахъ, чтобы удовольствоваться однимъ богатствомъ знаковъ, цѣнность которыхъ падала по мѣрѣ увеличенія самаго ихъ числа. Если рудники Германіи и Венгріи, которые Монтескьё пришлось посѣтить во время своихъ путешествій и описать въ особомъ мемуарѣ [1]), не причинили такого же упадка соотвѣтствующимъ странамъ, какое вызвано было по отношенію къ Испаніи открытіемъ рудниковъ въ Америкѣ, то это объясняется, думаетъ авторъ, тѣмъ, что, будучи расположены въ самой странѣ, они не въ примѣръ послѣднимъ, служатъ источникомъ заработка для многихъ тысячъ людей и расширяютъ между прочимъ сферу земледѣлія [2]).

Продолжая анализъ причинъ, препятствующихъ возстановленію всемірной монархіи, Монтескьё указываетъ между прочимъ на измѣнчивость политики, отличающей собою страны съ монархическимъ образомъ правленія, въ которыхъ, говоритъ онъ, дѣла направляются то соображеніями общаго блага, то частными интересами временщиковъ, министровъ и самихъ королей. Всемірное же господство—такое предпріятіе, которое требуетъ упорства со стороны ряда поколѣній [3]), и которое сдѣлалось возможнымъ для римлянъ, какъ показано въ Соображеніяхъ о причинахъ ихъ величія и паденія, только потому, что ихъ конституція, опиравшаяся на началѣ равновѣсія властей, была долгое время плотиной противъ торжества частныхъ интересовъ надъ общими и обезпечивала то постоянство честолюбивыхъ замысловъ, безъ котораго послѣдніе не могли бы увѣнчаться успѣхомъ.

Въ ряду причинъ, дѣлающихъ невозможнымъ возстановленіе единой имперіи, Монтескьё приводитъ и свойственный Европѣ партикуляризмъ. На сколько Азія является страною обширныхъ

---

[1]) Mémoires sur les mines, Voyages, томъ II, стр. 241 по 282.

[2]) Deux opuscules, стр. отъ 30 по 33.

[3]) Ibid, стр. 16.

имперій, настолько Европа—ареной для государствъ средняго размѣра. Монтескьё объясняетъ это различіе и физическими, и нравственными причинами. Европа болѣе изрѣзана горами и орошается богатыми водою и представляющими поэтому большую преграду рѣками. Азія, наоборотъ, страна обширныхъ степей и, по своему болѣе южному положенію (авторъ очевидно не принимаетъ въ расчетъ не игравшихъ исторической роли горныхъ хребтовъ и тундръ Сибири), имѣетъ меньше снѣговыхъ вершинъ, а потому и недостатокъ въ рѣкахъ. Къ этимъ различіямъ присоединяется то, что Европа не въ состояніи была мириться съ существованіемъ той деспотической власти, которая одна можетъ сдержать воедино обширные конгломераты разнородныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ восточныхъ имперій. Монтескьё подходитъ такимъ образомъ къ тѣмъ вопросамъ, разностороннее развитіе которыхъ войдетъ въ задачу его главнаго сочиненія; онъ указываетъ на то, что въ государствахъ съ ограниченной территоріей возможно закономѣрное правительство и сохраненіе, какъ онъ выражается, изъ вѣка въ вѣкъ генія свободы, тогда какъ въ обширныхъ имперіяхъ Азіи произволъ правителя и раболѣпіе подданныхъ равно необходимы. Основанныя германскими народами государства представляли подобіе арміи, въ которой присутствіе одного военачальника не мѣшаетъ власти второстепенныхъ предводителей. Еслибы, прибавляетъ Монтескьё, давая тѣмъ самымъ возможность болѣе яснаго пониманія извѣстнаго афоризма Духа Законовъ: «свобода родилась въ лѣсахъ Германіи», готскому правителю пришло на мысль говорить объ абсолютной власти и неограниченномъ верховенствѣ, онъ разсмѣшилъ бы все свое войско [1]). Другими словами феодальная монархія, начало которой положено было германскими нашествіями, была правительствомъ уравновѣшеннымъ, примирявшимъ единоначаліе съ политическимъ равноправіемъ феодальнаго дворянства, и дѣлавшимъ изъ короля только перваго между равными. Монтескьё отражаетъ на себѣ такимъ образомъ вліяніе ученій, высказанныхъ политическими писателями XVI вѣка, въ томъ числѣ авторомъ Франко-

---

[1]) Deux opuscules, стр. 21.

Галліи, Готоманомъ, которые, въ виду начавшихся съ религіозныхъ войнъ захватовъ абсолютизма, считали нужнымъ напомнить правителямъ и подданнымъ дѣйствительную природу феодальныхъ монархій съ ихъ представительствомъ высшихъ и второстепенныхъ вассаловъ, призванныхъ къ совѣту и участію въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. Монтескьё отмѣчаетъ также въ своемъ трактатѣ начавшееся вырожденіе этого, какъ онъ называетъ его, готическаго правительства (le gouvernement gotique). Оно раздѣлило общую судьбу всѣхъ правительствъ и подверглось порчѣ. Монтескьё, уже ранѣе указавшій, какъ мы видѣли, причины вырожденія Римской Имперіи, задается на этотъ разъ вопросомъ о томъ, чѣмъ обусловливается ростъ современнаго ему абсолютизма въ ущербъ ограниченной сословіями монархіи. Онъ указываетъ на созданіе постоянной арміи, какъ на ближайшій источникъ такого явленія [1]). Послѣдствіемъ было обремененіе подданныхъ налогами, необходимыми для содержанія войска, Европа настолько разорена, что еслибы три частныхъ человѣка очутились въ томъ положеніи, въ какомъ находятся три главныя державы, Франція, Германская имперія и Испанія, имъ не чѣмъ было бы жить [2]).

Вопросъ о налогахъ и государственныхъ займахъ занимаетъ Монтескьё въ двухъ мемуарахъ, написанныхъ въ эпоху регентства и министерства Флери. Филиппъ Орлеанскій въ числѣ прочихъ мѣръ къ поднятію доходовъ казны задумалъ налогъ на капиталистовъ. Монтескьё высказывается противъ него и рекомендуетъ взамѣнъ частичное банкротство. Правительство объявило бы, что сокращаетъ на треть или четверть обязательства, заключенныя покойнымъ королемъ, держась при этомъ строго принципа прогрессивности, увеличивая вычетъ или уменьшая его, обратно пропорціонально тому, какую часть состоянія даннаго лица представляютъ его помѣщенія въ правительственныхъ бумагахъ. Никто не потеряетъ при этомъ, утверждаетъ онъ, разъ всѣ понесутъ равномѣрную утрату. Въ защиту этихъ сомнительныхъ положеній, Монтескьё приводитъ между прочимъ то

---

[1]) Deux opuscules, стр. 28.

[2]) Ibid, стр. 40.

соображеніе, что и послѣ такого уменьшенія ихъ капитала, владѣльцы правительственныхъ бумагъ окажутся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ земельные собственники, у которыхъ tailles и aides часто поглощаютъ всю выручку [1]). Онъ объявляетъ себя одновременно сторонникомъ выкупа подданными наиболѣе тяжкихъ налоговъ, въ томъ числѣ налога на соль «gabelles», одно взиманіе котораго увеличиваетъ на цѣлую треть сумму требуемыхъ съ плательщиковъ пожертвованій. Онъ рѣшительно не допускаетъ возможности покрытія дефицита установленіемъ новыхъ податей и ходатайствуетъ объ отмѣнѣ поголовнаго сбора, capitation и подоходнаго, dixième, говоря, что Его Высочеству должно быть извѣстно, въ какой мѣрѣ эти прибавки къ tailles отяготительны для простонародія и ненавистны дворянству, (впервые привлеченному съ момента ихъ установленія къ платежу прямыхъ налоговъ). Эти реформы въ области податей должны сопровождаться оживленіемъ старинной практики самообложенія народа чрезъ посредство созываемыхъ на провинціальные штаты уполномоченныхъ, а также засѣдающихъ въ муниципальныхъ совѣтахъ народныхъ избранниковъ. Провинціальные штаты, пишетъ Монтескьё, не должны вызывать никакихъ опасеній со стороны правительства, такъ какъ на нихъ не обсуждается общихъ вопросовъ государства. Королевская власть не уменьшилась бы отъ ихъ возстановленія. Вѣдь въ тѣхъ провинціяхъ, которыя удержали сословное представительство, авторитетъ короля ничуть не меньше, чѣмъ въ остальныхъ.

Возстановленіе провинціальныхъ штатовъ было бы желательно въ интересахъ самой казны. Король не пользуется больше никакимъ кредитомъ, но штаты безъ труда нашли бы лицъ, готовыхъ дать имъ въ заемъ нужныя правительству суммы. Расширеніе власти сословій позволило бы сократить функціи интендантовъ, но подъ условіемъ вдохнуть новую жизнь въ городскія общины, которыя нынѣ являются только тѣнью прежняго. Никто, прибавляетъ Монтескьё, не стремится болѣе къ занятію муниципальныхъ должностей, такъ велико паденіе того

---

[1]) Mémoire sur les dettes de l'état, ibid, стр. 240.

почета, какимъ онѣ пользовались прежде. Мемуаръ заканчивается слѣдующимъ характернымъ заявленіемъ: сказанное мною о возстановленіи провинціальныхъ штатовъ покажется страннымъ на первый взглядъ, но если хорошо обдумать мой проектъ, то не трудно будетъ открыть въ немъ много преимуществъ и между прочимъ то, что предлагаемая реформа сдѣлаетъ непоколебимымъ самое регентство, такъ какъ всѣ будутъ заинтересованы въ поддержаніи начатаго имъ дѣла [1]).

Монтескьё снова возвращается къ обсужденію финансовыхъ и административныхъ интересовъ Франціи въ мемуарѣ, написанномъ въ защиту правъ гвіенскихъ винодѣловъ разводить лозы на протяженіи своихъ пахатныхъ полей. Государственный совѣтъ постановленіемъ отъ 27-го февраля 1725 года пытался остановить этотъ ростъ винодѣлія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ повлечь къ вздорожанію цѣнъ на хлѣбъ.

Монтескьё побѣдоносно доказываетъ, что собственникъ лучше министра знаетъ дать своимъ землямъ наиболѣе выгодное употребленіе. Если запретить французскимъ провинціямъ посадку новыхъ лозъ, иностранцы поспѣшатъ расширеніемъ своего винодѣлія удовлетворить запросу сѣверныхъ народовъ Европы, такъ что вся выгода окажется на ихъ сторонѣ.

Опасеніе, что въ Гвіенѣ обнаружится недостатокъ въ хлѣбѣ, не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, если бы оно и оправдалось, ея жителямъ не трудно было бы восполнить недостающее морскимъ подвозомъ въ Бордо. Напрасно ссылаются также на возростаніе заработной платы, какъ на послѣдствіе усиленной посадки лозъ. Оно вызвано неуспѣхомъ системы Джона Ло и связаннымъ съ нимъ денежнымъ кризисомъ, да къ тому же нечего особенно тревожиться жалобами на это вздорожаніе труда, нечего прислушиваться къ голосу алчности. Собственники всегда будутъ утверждать, что рабочіе обходятся имъ слишкомъ дорого, а рабочіе, что ихъ трудъ недостаточно оплачивается. Предоставьте самимъ заинтересованнымъ выборъ того или другого производства, и общее благосостояніе не только не понизится, но еще возрастетъ.

---

[1]) Ibid, стр. отъ 243 по 245.

На сбываемое за границу вино можно будетъ покупать избытокъ хлѣба, производимаго въ другихъ провинціяхъ Франціи.

Созданіе новыхъ заработковъ увеличитъ число жителей, а передача въ руки собственниковъ права рѣшать судьбу своихъ земель сдѣлаетъ ненужнымъ вмѣшательство интендантовъ въ такую сферу, въ которой они, не будучи мѣстными уроженцами, обыкновенно сами ничего не понимаютъ [1]).

Мы покончили съ обзоромъ тѣхъ частью изданныхъ, частью неизданныхъ мемуаровъ и путевыхъ замѣтокъ, составленіе которыхъ предшествовало выходу въ свѣтъ главнаго сочиненія Монтескьё.

§ 4.

Этотъ подробный анализъ нерѣдко отрывочныхъ мыслей, высказанныхъ имъ по вопросамъ политики и экономіи, позволилъ намъ прослѣдить зарожденіе тѣхъ взглядовъ, систематическимъ развитіемъ которыхъ занятъ Духъ Законовъ. Намъ остается теперь только показать тотъ порядокъ, въ которомъ Монтескьё собралъ воедино результаты своихъ продолжительныхъ чтеній и наблюденій надъ правительственной практикой важнѣйшихъ государствъ Европы. Но для этого намъ нужно прежде всего рѣшить вопросъ, какова та центральная мысль, которая служитъ къ сведенію въ стройное цѣлое, этого пестраго и разнохарактернаго матерьяла. Что позволило Монтескьё переводить сплошь и рядомъ вниманіе читателя отъ Турціи, Персіи, Китая къ Англіи и Франціи, отъ обычаевъ и нравовъ краснокожихъ къ учрежденіямъ древней Греціи и Рима? Заглавіе сочиненія не даетъ намъ еще отвѣта на этотъ счетъ, какъ не даетъ его и заявленіе автора: «я наблюдалъ людей и убѣдился, что несмотря на характеризующее ихъ разнообразіе законовъ и нравовъ, они руководствуются не одними личными пристрастіями; я установилъ принципы, послѣ чего частные случаи сами подошли подъ нихъ; исторіи отдѣльныхъ націй оказались только развитіемъ этихъ началъ и каждый частный законъ связаннымъ съ прочими или зависящимъ отъ болѣе общаго. Самые же принципы выведены мною не изъ моихъ предубѣжденій, а изъ природы вещей».

---

[1]) Ibid, стр. 253 по 258.

Недостаточно сказать въ самомъ дѣлѣ, что Монтескьё поставилъ себѣ задачей открыть причину всѣхъ законовъ или указать ихъ зависимость отъ физическихъ и нравственныхъ вліяній, изъ которыхъ складывается обстановка тѣхъ или другихъ націй. Сами эти вліянія не представляютъ неизмѣнныхъ величинъ, подлежатъ воздѣйствію времени, входятъ отдѣльными звѣніями въ общую цѣпь развитія, благодаря которой живущіе въ лѣсахъ Германцы становятся, напримѣръ, выражаясь языкомъ того же Монтескьё, творцами сперва уравновѣшанной сословіями готической монархіи, а затѣмъ основанной на раздѣленіе властей англійской конституціи. Мы въ правѣ спросить себя поэтому, сознавалъ ли Монтескьё эту идею всемірной эволюціи, этого неизбѣжнаго прогресса экономическихъ и политическихъ формъ?

Ничто въ его сочиненіи не доказываетъ такого сознанія, ничто не даетъ права утверждать, чтобы идея преемства была бы тою руководящей нитью, которая позволила ему выйти съ успѣхомъ изъ лабиринта накопленныхъ имъ фактовъ и наблюденій.

Мѣсто общей теоріи развитія занимаетъ у него частное обобщеніе, идущее наперекоръ такому признанію. По мѣрѣ своего территоріальнаго расширенія, свободныя и измѣнчивыя въ своихъ политическихъ формахъ государства приближаются къ неподвижности восточныхъ деспотій. Избѣжать такого исхода можно только или воздержавшись отъ неограниченнаго распространенія своего владычества надъ другими народами, или связавъ ихъ судьбы съ своими собственными путемъ установленія федераціи, примиряющей преимущества автономіи и той болѣе широкой безопасности, какую обезпечиваетъ обширность области и населенія. Такова на мой взглядъ центральная мысль автора Духа Законовъ, позволяющая ему въ равной мѣрѣ интересоваться раскрытіемъ и тѣхъ причинъ, какими обусловливается свобода народовъ, едва вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, и тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ политическое безправіе, въ какомъ жили и живутъ жители обширныхъ имперій Азіи и Востока Европы. Она дѣлаетъ возможнымъ включить въ сферу его обобщеній отдѣльныя явленія и цѣлыя картины изъ быта классическихъ

республикъ, описаніе начавшагося въ нихъ вырожденія въ направленіи къ единовластію. Она вызываетъ въ его умѣ сопоставленія античной культуры съ современной, такъ какъ республики, подобныя Венеціи или Голандіи, по мѣрѣ утраты ими политическаго равновѣсія, въ такой же мѣрѣ склоняются къ тираніи, въ какой готическая, монархія переходитъ въ подобіе восточной деспотіи. Этотъ частный законъ извращенія политическихъ формъ, по мѣрѣ измѣненія прежней обстановки, занимаетъ въ ученіи Монтескьё то самое мѣсто, какое въ новѣйшихъ сочиненіяхъ по соціологіи теорія эволюціи.

Процессъ, совершающійся въ сферѣ политическихъ учрежденій, опредѣляетъ въ его глазахъ всѣ прочіе. Отсюда возможность говорить объ отношеніяхъ, въ какихъ воспитаніе, торговля, гражданскіе законы, законы о роскоши и т. д. стоятъ съ природою отдѣльныхъ формъ правленія. Монтескьё далекъ отъ мысли видѣть въ государственныхъ учрежденіяхъ одну надстройку сложившагося на почвѣ борьбы экономическихъ интересовъ общественнаго строя. Она для него фундаментъ, къ которому должны приспособиться всѣ прочіе порядки націи. Въ республикахъ необходимо поэтому возможное равенство состояній и поддерживающіе простоту нравовъ законы о роскоши, какъ въ монархіяхъ мыслимо существованіе допускающихъ внѣшній блескъ громадныхъ состояній и не имѣютъ смысла предписанія, задерживающіе развитіе соціальныхъ контрастовъ. Въ республикахъ желательно ограниченіе торговой предпріимчивости и роста, тогда какъ то и другое не согласно съ природою монархій. Въ республикахъ немыслимо также допущеніе свободы завѣщаній и необходимъ возможно равный раздѣлъ наслѣдствъ, тогда какъ въ монархіяхъ, майораты и субституціи допустимы, какъ содѣйствующія созданію тѣхъ средостѣній, которыя препятствуютъ ихъ вырожденію въ неограниченныя единовластія.

Послѣ сказаннаго понятно и принятое Монтескьё распредѣленіе матеріала по книгамъ, и самый порядокъ слѣдованія этихъ книгъ. Сперва рѣчь идетъ о природѣ правительствъ и ихъ жизненныхъ принципахъ. Затѣмъ о соотвѣтствіи системы воспитанія съ этой природою и этими принципами, о

соотвѣтствіи имъ также всего законодательства, гражданскаго и уголовнаго, въ частности законовъ о роскоши, о личномъ и имущественномъ положеніи женщинъ. Извращеніе формъ правленія и его причины занимаютъ послѣ этого мысль автора, который, въ связи съ установленнымъ имъ тяготѣніемъ правительствъ къ деспотіи, говоритъ о связи, существующей между системами народной обороны и формами правительства, между политической и гражданской свободой, съ одной стороны, государственными учрежденіями и обусловленными ими уголовными законами, съ другой. Податная система приводится въ соотвѣтствіе съ природой и жизненными принципами республиканскихъ, монархическихъ и деспотическихъ правительствъ; какъ съ ними же ставится въ связь существованіе или отсутствіе гражданскаго рабства и большей или меньшей зависимости женщинъ и дѣтей отъ главы семейства.

Опредѣляя собою всѣ эти различія, формы правленія въ свою очередь обусловлены климатомъ и всею совокупностью физическихъ причинъ, въ томъ числѣ протяженіемъ занятой народомъ территоріи и болѣе или менѣе благопріятнымъ расположеніемъ страны въ отношеніи къ торговымъ путямъ. Отсюда рядъ книгъ, посвященныхъ обсужденію всѣхъ этихъ вопросовъ, въ томъ числѣ того, въ какой мѣрѣ климатъ содѣйствуетъ или препятствуетъ развитію политическаго рабства, въ какой мѣрѣ сложившіяся подъ его вліяніемъ нравы и привычки налагаютъ свой отпечатокъ на законодательство. Монетная система и численность населенія, приводятся затѣмъ въ связь съ формами политическаго устройства.

Отдѣльныя книги (24 и 25) отведены обсужденію возможныхъ отношеній церкви и государства, отношеній, измѣнчивыхъ сообразно формѣ правленія. Сочиненіе заканчивается разсужденіями о различной природѣ законовъ, божескихъ и естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ, а также о порядкѣ составленія положительныхъ законовъ. Экскурсами и иллюстраціями сказаннаго прежде надо считать распространенныя историко-юридическіе этюды о происхожденіи и развитіи наслѣдственнаго права у римлянъ и феодальнаго законодательства въ связи съ перемѣнами, пережитыми франкской монархіей.

Имѣя своими предшественниками учителей естественнаго права, Грота, Гоббса, Спинозу, Пуфендорфа и Локка, и желая по возможности отдѣлить свое дѣло отъ ихняго, Монтескье въ первыхъ двухъ книгахъ, служащихъ какъ бы введеніемъ, опредѣляетъ характеръ своей задачи и особенности своего индуктивнаго и сопоставительнаго метода, который имѣетъ дѣло не съ выводомъ общихъ началъ изъ проблематической природы первыхъ людей, а съ установленіемъ прочныхъ обобщеній на основаніи массы наблюденій, сдѣланныхъ надъ древними и новыми народами. Вслѣдъ затѣмъ онъ самъ отступаетъ отъ этихъ можно сказать, положительныхъ пріемовъ изслѣдованія и, говоря о естественныхъ законахъ, пытается вывести ихъ изъ природы, какую люди якобы имѣли до момента возникновенія общежитія. Такъ какъ наблюденію доступны только люди, состоящіе членами какихъ либо союзовъ, начиная отъ родовыхъ и оканчивая государственными, то немудрено, если современная соціологія исключаетъ изъ сферы своихъ задачъ изслѣдованіе вопроса о томъ, каковы были психическія и нравственныя ихъ свойства до возникновенія первыхъ сообществъ; ей не доступно то, что обнимается понятіемъ первобытности и если подчасъ отдѣльные изслѣдователи и позволяютъ себѣ обращеніе къ этому термину, то они каждый разъ связываютъ съ нимъ представленіе о древнѣйшемъ изъ періодовъ общественности, извѣстныхъ намъ по даннымъ исторіи и этнографіи. Удовлетворяя запросу времени и сознавая въ то же время зыбкость той почвы, на которой опираются всѣ соображенія о естественномъ состояніи и о естественныхъ законахъ, Монтескье удовольствовался нѣкоторыми отрывочными заявленіями о первыхъ, такъ сказать прирожденныхъ нравственныхъ понятіяхъ, пытаясь связать ихъ съ физическими потребностями и вытекающей изъ нихъ заботой о самосохраненіи.

Но и въ этомъ стоящемъ за предѣлами точнаго знанія вопросѣ онъ пытается опереть свои соображенія на наблюденіяхъ. Въ его время много толковали «о лѣсныхъ людяхъ», якобы найденыхъ въ Гановерѣ и имѣвшихъ не малый успѣхъ въ

Англіи при Георгѣ I-мъ. Эти лѣсные люди, которые, разумѣется давали такое же слабое представленіе о первобытномъ человѣчествѣ, какое можно составить себѣ, наблюдая въ парижскомъ гиподромѣ «человѣка собаку и человѣка медвѣдя», т. е. обросшихъ съ ногъ до головы волосами крестьянъ Великоросіи, заставляетъ Монтескье утверждать, что первобытному человѣку свойствена въ равной мѣрѣ физическая слабость и робость, одинаково непримиримые съ тѣмъ представленіемъ о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, какое Томасъ Гоббсъ связываетъ съ естественнымъ состояніемъ. Прирожденная трусость, думаетъ Монтескьё, заставила бы людей скорѣе избѣгать другъ друга, нежели искать сообщества, еслибы этому чувству не противодѣйствовало стремленіе половъ къ сближенію и то удовольствіе, которое люди выносятъ изъ общенія другъ съ другомъ, наконецъ еслибы ему не противились пріобрѣтаемыя людьми познанія, познанія, зарождающіяся подъ вліяніемъ потребности продлить свое существованіе завоеваніемъ у природы необходимыхъ средствъ къ жизни, легко достижимыхъ путемъ соединенія силъ [1]).

Только что разобраная глава вызвала съ самаго начала ожесточенные нападки, при чемъ автора одновременно упрекали въ двухъ противорѣчивыхъ пристрастіяхъ, къ пантеизму Спинозы и атеизму Гоббса, и все это въ виду того, что Монтескьё позволилъ себѣ сказать, что мысль о Творцѣ міра и связи людей съ нимъ, хотя и въ правѣ считаться важнѣйшимъ изъ естественныхъ законовъ, отнюдь не можетъ быть признана первымъ по времени. Насъ, разумѣется, ни мало не интересуетъ возникшая по этому поводу полемика; мы желаемъ только отмѣтить тѣ дополненія, какія къ своимъ краткимъ замѣткамъ о естественномъ состояніи привноситъ написанная Монтескьё въ отвѣтъ критикамъ, «Защита Духа Законовъ». Одной изъ задачъ автора, пишетъ онъ, было опровергнуть систему Гоббса, систему жестокую, такъ какъ она признаетъ источникомъ всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ пороковъ законы, которые мы дали самимъ себѣ. Доказывая, что люди рождаются въ состояніи вѣчной войны, что пер-

---

[1]) Ibid., книга I, глава II.

вымъ закономъ была война всѣхъ противъ всѣхъ, Гоббсъ, подобно Спинозѣ, подкашиваетъ въ корнѣ религію и всякую нравственность. Въ противность имъ, авторъ Духа Законовъ, говоритъ о себѣ Монтескьё, показываетъ, что состояніе войны возникло послѣ образованія первыхъ человѣческихъ сообществъ, что справедливость и правда существовали на землѣ до изданія положительныхъ законовъ. Авторъ въ тоже время пытался установить тотъ порядокъ, въ какомъ возникли въ людяхъ первыя впечатлѣнія, чувства и понятія; и онъ остановился на той мысли, что страхъ, а затѣмъ потребность самосохраненія, появились въ человѣкѣ прежде всего, что ощущенія предшествовали въ немъ во времени размышленіямъ, почему и идея о Творцѣ зародилась не съ самаго начала [1]).

Отведши всего на всего одну страницу Духа Законовъ соображеніямъ о естественномъ состояніи и естественномъ правѣ, Монтескьё переходитъ сразу къ опредѣленію источника и природы положительныхъ законовъ.

Выходомъ изъ состоянія войны, въ какомъ жили первыя человѣческія сообщества, было установленіе постоянныхъ нормъ, изъ которыхъ однѣ опредѣлили отношеніе народовъ другъ къ другу, другія отношеніе управителей и управляемыхъ, третьи отношеніе гражданъ между собою. Такимъ образомъ возникли право международное, право политическое и право гражданское. Первое опирается на томъ принципѣ, что народы въ мирное время должны дѣлать другъ другу возможно больше добра, а въ военное возможно меньше зла. Политическое же право занимается вопросомъ объ организаціи правительствъ и отношеніи къ нимъ подданныхъ. Монтескьё, слѣдуя въ этомъ, какъ, онъ самъ признаетъ, ученію Гравина, высказываетъ одно положеніе, которое найдетъ затѣмъ болѣе всестороннее развитіе у Руссо. Суверенитетъ, въ его терминологіи слывущій подъ названіемъ общей силы (force générale), является результатомъ соединенія всѣхъ частныхъ силъ, но это соединеніе возможно, учитъ онъ, лишь подъ условіемъ, чтобы всѣ частныя воли слились въ общую волю.

---

[1]) Ibid., Défense de l'esprit des Lois, часть первая.

Мы имѣемъ такимъ образомъ на лицо уже всѣ элементы той доктрины, которая ищетъ источникъ суверенитета въ добровольномъ соединеніи той мощи, какой люди располагаютъ каждый въ отдѣльности, а въ самомъ суверенитетѣ выраженіе общей воли. Но въ отличіе отъ Руссо, Монтескьё считаетъ возможнымъ надѣлить верховенствомъ не одну совокупность гражданъ. По его ученію, «общая сила» можетъ быть въ рукахъ одного человѣка или многихъ, на чемъ и опирается различіе монархіи и республики. Высказывая это мнѣніе, онъ въ то же время, по примѣру Локка и Сидпея, вооружается противъ ученія Фильмера о патріархальномъ характерѣ первыхъ правительствъ, о развитіи власти монарха изъ власти отца семьи, и указываетъ на то, что государственное общежитіе создано лишь съ момента дробленія семей и образованія самостоятельныхъ очаговъ. Согласнымъ съ природою надо поэтому считать, думаетъ Монтескьё, не одну монархію, но и всякое правительство, которое всего болѣе отвѣчаетъ генію народа (à la disposition du peuple pour lequel le gouvernement est établi), а это возможно лишь тогда, если законы, которые для него тоже, что велѣнія разума, (положеніе, уже встрѣчавшееся раньше въ сочиненіяхъ голандскихъ публицистовъ по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ праву международному) [1], вполнѣ отвѣчаютъ физическимъ и нравственнымъ условіямъ той націи, для которой они изданы. Вступительная книга заканчивается обѣщаніемъ обнаружить тѣ отношенія причинности, въ какихъ законы стоятъ ко всѣмъ тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ слагается гражданственность, въ чемъ авторъ и видитъ задачу своего сочиненія. Уже въ предисловіи онъ защищается отъ намѣренія критиковать тѣ или другія учрежденія. Каждая нація найдетъ въ моей книгѣ, пишетъ онъ, объясненіе господствующихъ у нея принциповъ. Изъ этого, надѣюсь, выведутъ то заключеніе, что предлагать перемѣны въ существующемъ могутъ позволить себѣ только тѣ, кто настолько счаст-

---

[1]) Такъ Бенкерегукъ напримѣръ говорилъ еще въ 1719 году о правѣ международномъ: ratio, ipsa inquam ratio est juris gentium anima (Курсъ международнаго права Каченовскаго, выпускъ I-й).

[2]) Préface à i'esprit des Iois.

ливо одаренъ природой, что можетъ обнять однимъ взглядомъ весь строй государства.

Такая чисто научная задача очевидно не предполагаетъ возможности искать въ Духѣ Законовъ теорій, разрушительныхъ для существовавшаго во Франціи порядка, а между тѣмъ положенія изъ него заимствованныя, какъ мы показали въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, явились составнымъ элементомъ революціонной доктрины прошлаго вѣка. Это повидимому явное противорѣчіе объясняется, однако, какъ нельзя лучше указанной уже выше основной мыслью автора о вырожденіи современныхъ ему правительствъ въ деспотіи и о возможности избѣжать этого вырожденія возстановленіемъ той системы противовѣсовъ, какой отличалась завѣщанная средними вѣками сословная или «готическая» монархія и ея усовершенствованный образецъ—англійская конституція. Такимъ образомъ Монтескьё содѣйствуетъ развитію революціонной доктрины самымъ своимъ консерватизмомъ, тѣмъ уваженіемъ, какимъ онъ окружаетъ почтенные обломки старинныхъ вольностей, и той скрытой критикой недавно водворившихся во Франціи порядковъ, какую заключаетъ въ себѣ описаніе имъ самого процесса вырожденія монархій въ деспотіи. Его дѣло сходится такимъ образомъ съ дѣломъ Руссо, въ той мѣрѣ, въ какой послѣдній подкапывается подъ основы всѣхъ существующихъ правительствъ, доказывая ихъ несоотвѣтствіе съ общей волей, неотчуждаемой и недѣлимой и находящей выраженіе себѣ въ законахъ, издаваемыхъ самими гражданами или ихъ большинствомъ. Какъ бы различны ни были основныя посылки, на которыхъ опирается теорія политическихъ противовѣсовъ и теорія народнаго суверенитета, теорія, настаивающая на необходимости и теорія, отрицающая возможность его раздѣла въ интересахъ народной свободы, но это не мѣшаетъ тому, что Руссо, подобно Монтескьё, склоняется, какъ мы увидимъ въ ближайшей главѣ, въ пользу раздѣленія правительственныхъ функцій и вытекающаго отсюда противовѣса властей, т. е. въ конечныхъ посылкахъ присоединяется къ сторонникамъ умѣренныхъ правительствъ, защитникомъ которыхъ былъ авторъ Духа Законовъ.

ГЛАВА IV.

Родоначальники политической доктрины 1789-го года: Руссо и его теорія закона, какъ выраженія общей воли.

§ I.

Въ отличіе отъ Монтескьё, политическіе воззрѣнія котораго складываются постепенно подъ вліяніемъ опыта жизни, чтеній, путешествій и наблюденій, Руссо выступаетъ сразу съ готовымъ ученіемъ вполнѣ выработаннымъ и согласованнымъ въ частяхъ. Говорить о сознательномъ измѣненіи имъ первоначальныхъ взглядовъ, о переходѣ напримѣръ отъ органической къ механической теоріи общества, отъ оптимизма къ пессимизму, и противупологать съ этой цѣлью его статью въ Энциклопедіи Дидеро позднѣе отпечатанному разсужденію «о Неравенствѣ» и трактату «объ Общественномъ Договорѣ», могутъ только тѣ, кому неизвѣстно, что всѣ оригинальныя стороны его доктрины имѣются уже въ неизданномъ сочиненіи о «Политическихъ Учрежденіяхъ». Многіе правда подвергли сомнѣнію категорическое утвержденіе женевскаго мыслителя, что со времени пребыванія въ Венеціи вопросы философіи права и государства постоянно занимали его мысль и что «Общественный Договоръ» не болѣе, какъ извлеченіе изъ ранѣе написаннаго, но не законченнаго труда. А между тѣмъ въ Женевѣ уцѣлѣли отрывки изъ этого сочиненія и простаго сопоставленія ихъ съ тѣмъ, что обнародовано было Руссо по вопросамъ политики достаточно, чтобы признать эту весьма несовершенную рукопись первоисточникомъ всѣхъ его позднѣйшихъ разсужденій о природѣ общества, народнаго

суверенитета, закона и правительства, т. е. тѣхъ четырехъ основныхъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ занятъ его основной политическій трактатъ.

Прибавимъ къ этому, что въ Невшательской библіотекѣ Штрекэйзену Мульту и Бужи также удалось открыть весьма цѣнные фрагменты и даже набросокъ цѣлаго сочиненія, предметомъ котораго было бы выясненіе, какъ условій, отъ которыхъ зависитъ величіе и счастіе націй, такъ и природы законовъ, роли религіи и нравовъ, въ томъ числѣ представленій о чести, на устойчивость государствъ, наконецъ того разлагающаго вліянія, какое могутъ оказать на нихъ роскошь, торговля и искусства. Сочиненіе должно было заключать въ себѣ отдѣльныя главы; посвященныя анализу тѣхъ злоупотребленій (abus), поводъ къ которымъ даетъ жизнь въ обществѣ, и критику «Платоновой республики». Разсужденіе о богатствѣ, также оставшееся въ рукописи и обнародованное впервые Бужи, даетъ дальнѣйшее развитіе тѣмъ мыслямъ, какія высказаны въ одномъ изъ фрагментовъ Institutions politiques, а комментарій къ проекту вѣчнаго мира аббата Сенъ Пьера сходится въ основной точкѣ зрѣнія съ тѣмъ, что Руссо говоритъ въ тѣхъ же фрагментахъ о роли федерацій.

Два раза, сперва на страницахъ своего разсужденія о причинѣ неравенствѣ, затѣмъ въ пятой главѣ Эмиля, женевскій мыслитель даетъ программу тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ необходимо входитъ въ задачу политической философіи, и оба раза мы не только замѣчаемъ поразительное сходство въ его заявленіяхъ, но и соотвѣтствіе съ тѣмъ, что по этимъ вопросамъ сказано или намѣчено было имъ въ фрагментахъ его неизданнаго трактата. Невольно приходитъ поэтому на мысль, что сочиненіе это, согласно утвержденію его автора, существовало еще въ эпоху редактированія имъ какъ Эмиля, такъ и Общественнаго договора, и подвергнуто было уничтоженію, какъ мы видѣли не полному, только впослѣдствіи: изъ него перешелъ въ Эмиля общій планъ политическаго образованія. Общественный договоръ по всей вѣроятности цѣликомъ заимствованъ изъ этой неизданной рукописи, да и не онъ одинъ, а почти вся статья Великой Энциклопедіи, посвященная политической экономіи, что позволяетъ отнесть время редактированія

трактата объ учрежденіяхъ къ періоду сотрудничества Руссо съ Даламберомъ и Дидеро.

Попытаемся теперь съ помощью уцѣлѣвшихъ частей рукописи и руководствуясь тѣми можно сказать общими схемами политической философіи, какія содержатъ въ себѣ разсужденіе о Неравенствѣ и 5-я глава Эмиля, возстановить основное ученіе Руссо, какъ оно вылилось изъ подъ его пера въ моментъ составленія первоначальнаго наброска всей его схемы, т. е. задолго до того, когда забота о литературномъ успѣхѣ могла, какъ совершенно произвольно допускаютъ нѣкоторые новѣйшіе критики, повліять невыгоднымъ образомъ на изложеніе имъ основныхъ началъ государственнаго права.

Еще въ разсужденіи о Неравенствѣ Руссо заводитъ рѣчь о договорѣ, какъ объ источникѣ и общества, и правительства. Соглашеніемъ народа съ избранными имъ начальниками положено начало повиновенію и власти, не имѣющихъ другихъ задачъ, кромѣ соблюденія законовъ. Руссо оспариваетъ ученіе тѣхъ, кто кладетъ въ основу правительства завоеваніе и принужденіе, объявляя что сила не можетъ создать права. Онъ отвергаетъ также патріархальную теорію, видящую въ правителяхъ государства преемниковъ первыхъ отцовъ семейства, и объявляетъ, что родительская власть прекращается съ совершеннолѣтіемъ лицъ, ей подчиненныхъ, а слѣдовательно можетъ быть продолжена только въ силу договора. Онъ задается послѣ этого вопросомъ о границахъ той власти, какой пользуются правители, и говоритъ, что она связана конституціей и законами. Слѣдуетъ краткое указаніе тѣхъ причинъ, которыми вызвано различіе между формами правленія, замѣна избирательнаго начала наслѣдственностью и вырожденіе закономѣрнаго правительства въ тиранію. Неравенство, начавшееся созданіемъ законовъ и собственности, и ознаменованное установленіемъ правительства, упрочивается окончательно съ момента перехода государственныхъ сановниковъ въ деспотовъ. Законъ замѣняется съ этого момента произволомъ, но такъ какъ сила не можетъ создать права, то отъ деспотизма къ анархіи одинъ шагъ. Руссо слѣдитъ за процессомъ этихъ измѣненій и указываетъ на ту связь, въ какой они стоятъ съ

сопровождающимъ ихъ ростомъ неравенства въ средѣ самихъ гражданъ и установленіемъ различія бѣдности и богатства, вызваннаго въ меньшей мѣрѣ, думаетъ онъ, заботою о матеріальномъ благосостояніи, чѣмъ стремленіемъ къ отличіямъ и ложной славѣ, стремленіемъ, въ которомъ лежитъ источникъ одинаково пороковъ и добродѣтелей, знаній и заблужденій. Всѣ эти детали, прибавляетъ онъ, могутъ послужить темою для обширнаго сочиненія, въ которомъ подверглись бы разбору выгоды и невыгоды различныхъ формъ правленія, выступающія при ихъ сопоставленіи съ естественнымъ состояніемъ. Это сочиненіе представило бы собою картину постепеннаго роста неравенства соотвѣтственно природѣ отдѣльныхъ правительствъ и тѣмъ измѣненіямъ, которымъ они подвергаются подъ вліяніемъ времени. Оно бы въ частности показало усиленіе правительственнаго гнета, сокращеніе правъ гражданъ и національныхъ вольностей и сосредоточеніе въ рукахъ продажнаго меньшинства права отстаивать общіе интересы. Съ этой эволюціей можно было бы связать обезлюденіе деревень, покидаемыхъ ихъ воздѣлывателями подъ вліяніемъ увеличивающагося бремени налоговъ, развитіе преувеличеннаго представленія о чести (point d'honneur), ненужныхъ искусствъ, безплодныхъ наукъ и массы предразсудковъ, поддерживаемыхъ и поощряемыхъ начальствомъ съ цѣлью породить рознь въ гражданахъ и опереть на ней правительственный произволъ или деспотію. Но съ послѣднею исчезло бы не только владычество законовъ, но и нравовъ и добродѣтели, такъ какъ тиранъ не терпитъ рядомъ съ собою никакой другой власти, въ томъ числѣ власти общественнаго мнѣнія и личнаго сознанія о долгѣ. Сочиненіе закончилось бы обоснованіемъ того взгляда что съ деспотизмомъ, какъ съ владычествомъ грубой силы, прекращается обязанность повиновенія, выговореннаго въ общественномъ договорѣ, почему граждане и возвращаются въ прежнее естественное состояніе. Государство разлагается и мѣсто его занимаютъ самосудъ и право сильнаго.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ эта программа выполнена въ текстѣ дошедшихъ до насъ фрагментовъ отъ неизданнаго, незаконченнаго и, какъ утверждаетъ Руссо, уничтожен-

наго имъ трактата «О политическихъ учрежденіяхъ»? Та часть его, которая уцѣлѣла въ женевской рукописи, носитъ характеръ начальныхъ главъ и отвѣчаетъ на вопросъ о происхожденіи самого государства? Она начинается словами, не оставляющими сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло со вступленіемъ. Руссо заявляетъ, что много писателей уже ставило себѣ задачей изложеніе принциповъ правительства и правилъ гражданскаго быта, такъ что ничего полезнаго, повидимому, нельзя больше сказать объ этомъ предметѣ. Но можетъ быть, замѣчаетъ онъ, соглашеніе было бы достигнуто по этимъ вопросамъ и правильное отношеніе между различными частями общественнаго тѣла было бы болѣе ясно указано, еслибы писатели о политикѣ начали съ опредѣленія самой природы общества. Но этого не было сдѣлано и этимъ то и намѣренъ заняться Руссо.

Не ходъ правительственной машины, а описаніе ея составныхъ частей и пружинъ, составляютъ задачу его трактата. Автора занимаетъ вопросъ о самомъ строеніи общества, такъ сказать о его анатоміи, а не о физіологіи. Обѣщанное сочиненіе касается, сказали бы мы, государственнаго права, а не политики. Начальная глава заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ тѣ самыя мысли, которыя найдутъ выраженіе себѣ въ пятой главѣ Эмиля. «Публичное право, скажетъ въ ней Руссо, еще не народилось. Единственный изъ современниковъ, отъ котораго можно было ждать созданія этой науки, Монтескьё, воздержался отъ обсужденія принциповъ, на которыхъ должно быть построено государство; а между тѣмъ, кто здраво хочетъ судить о существующихъ правительствахъ, не можетъ обойтись безъ знанія того, что должно бы имѣть мѣсто; оно необходимо ему для сужденія о томъ, что существуетъ».—И такъ, основная задача политической философіи,—опредѣлить природу закономѣрнаго правительства, поставлена Руссо еще въ первомъ неизданномъ сочиненіи и при томъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ томъ самомъ смыслѣ, что и во всѣхъ его послѣдующихъ трактатахъ.

«Общественный договоръ», «Эмиль» и «Письма съ горы» одинаково формулируютъ эту проблемму слѣдующимъ образомъ:

найти такое основаніе для власти и подчиненія, при которомъ бы удержана была свобода лицъ, соединяющихся въ обществѣ. Всѣ три указанныхъ сочиненія также одинаково рѣшаютъ ее въ томъ смыслѣ, что для этого необходима уступка каждымъ всѣхъ его правъ государству въ силу общественнаго договора, постановляющаго, что отнынѣ дѣйствія индивидовъ подчинены будутъ общей воли, т. е. безстрастному рѣшенію разума, будто бы говорящему устами народа каждый разъ, когда послѣдній не испытываетъ на себѣ вліянія какихъ либо посредствующихъ группъ или сильныхъ индивидовъ, навязывающихъ ему свою волю, дѣлающихъ его орудіемъ собственныхъ интересовъ?

Что содержитъ на этотъ счетъ женевская рукопись? Высказавшись противъ космополитизма современныхъ философовъ (имѣются въ виду энциклопедисты), которые бы желали сліянія всѣхъ государственныхъ обществъ въ одно (la société générale), Руссо переходитъ затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ путемъ «соединенія люди создаютъ сумму силъ, достаточную для того, чтобы сломать всякую попытку частнаго противодѣйствія». Это соединеніе предполагаетъ необходимо соглашеніе или договоръ, которымъ «каждый обобщаетъ съ другими свою волю, свои имущества, свою силу и свою личность, ставитъ себя и ихъ подъ руководство общей воли и становится взамѣнъ неотчуждаемой частью общаго цѣлаго». Это мѣсто, какъ и все послѣдующее развитіе того положенія, что государство имѣетъ въ своемъ основаніи соглашеніе, цѣликомъ вошло въ текстъ «Общественнаго договора». Тщетно стали бы мы искать различій въ развитіи этой главной темы въ неизданномъ и изданныхъ сочиненіяхъ Руссо, придираясь скорѣе къ отдѣльнымъ выраженіямъ, нежели къ цѣлымъ мыслямъ. Новѣйшіе критики указываютъ, правда, на то, что въ женевской рукописи, какъ позднѣе и въ статьѣ о политической экономіи, Руссо уподобляетъ общество организму и что то же уподобленіе отсутствуетъ въ текстѣ «Общественнаго договора». Они стараются представить Руссо поперемѣнно сторонникомъ и противникомъ государства и ловятъ его въ противорѣчіи, будто бы состоящемъ въ томъ, что государству онъ сперва хотѣлъ предоставить только часть тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ входя-

щимъ въ составъ его индивидамъ, а затѣмъ потребовалъ отъ нихъ цѣлостнаго пожертвованія самихъ себя со всѣми ихъ преимуществами и достаткомъ въ пользу общаго цѣлаго [1]). Остановимся на разборѣ этихъ навѣтовъ; спросимъ себя, въ какой мѣрѣ они оправдываются текстомъ недавно найденной рукописи и тѣми отступленіями, какія Руссо будто бы сдѣлалъ впослѣдствіи въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ отъ высказанныхъ въ ней мыслей. Начнемъ съ вопроса о томъ, вѣрно ли, что Руссо отказался отъ своего первоначальнаго ученія объ органической природѣ государства и перешелъ въ ряды его противниковъ.

Въ «Политическихъ Учрежденіяхъ» Руссо какъ нельзя опредѣленнѣе говоритъ, въ какомъ смыслѣ общество является для него организмомъ. Заявивъ во вступленіи, что его задача,—показать какъ построено государство, а не какъ оно дѣйствуетъ, описать его пружины и составныя части, сдѣлать машину годной къ ходу, онъ въ текстѣ одной изъ послѣдующихъ главъ говоритъ: le corps politique n'étant qu'une personne morale n'est qu'un être de raison. Otez la convention publique, l'état est détruit sans la moindre alteration dans tout ce qui le compose [2]) et jamais toutes les conventions des hommes ne sauraient changer rien dans la nature des choses». Что это значитъ какъ не то, что «общественное тѣло» уподобленное имъ ранѣе машины, въ глазахъ Руссо не болѣе, какъ юридическое лицо, обязанное своимъ существованіемъ, подобно любой корпораціи, исключительно соглашенію входящихъ въ составъ его индивидовъ? Все, что Руссо скажетъ впослѣдствіи по вопросу о подобіи между государ-

---

[1]) Alexis Bertrand. Mémoire lu à l'académie des sciences morales sur le texte primitif du Contrat social, 4 Avril. 1891, стр. 19 и 22.—См. также Mentha, который даже рѣшается высказать противъ Руссо слѣдующее тяжкое обвиненіе: онъ уничтожилъ въ 1759-мъ году свои „Политическія учрежденія“ изъ опасенія, чтобы въ его бумагахъ не нашли слѣдовъ сочиненія, проникнутаго совершенно другимъ духомъ, чѣмъ „Общественный договоръ“ (Mentha. Discours sur le systême politique de J. J. Rousseau. Academie de Neuchatel, a 1888—9, p. 15).

[2]) См. изданіе Общественнаго договора, сдѣланное Dreyfus—Brisac, Paris, 1896, Appendice II.

ствомъ и организмомъ, ни мало не будетъ устранять въ его представленіи возможности считать его юридическимъ лицомъ, дѣломъ рукъ человѣческихъ, и потому способнымъ выдержать также сравненіе съ машиной и ея сложнымъ механизмомъ. Въ статьѣ о политической экономіи, текстъ которой на половину заимствованъ изъ неизданнаго трактата объ «Учрежденіяхъ», Руссо съ цѣлью отмѣнить взаимную зависимость, въ какой находятся между собою различные классы общества, прибѣгаетъ къ аналогіи государства съ физическимъ лицомъ, отдѣльные органы котораго дѣйствуютъ согласно и находятся во взаимномъ подчиненіи [1]). Въ «Общественномъ договорѣ», также извлеченномъ въ большей своей части изъ той же рукописи, главную заботу автора составляетъ открытіе закономѣрныхъ основъ государства, которыми въ его глазахъ является соглашеніе повиноваться общей воли или закону и выполняющимъ его велѣнія уполномоченнымъ народа—правителямъ. Ему необходимо оттѣнить поэтому ту роль, какую въ созданіи государства играетъ иниціатива людей. Послѣдняя, замѣчаетъ онъ, не можетъ создать новыхъ силъ, а только утилизировать существующія. Она дѣлаетъ это, кладя основы, какъ общественной, такъ и правительственной организаціи. И та, и другая, въ его терминологіи одинаково слывутъ «нравственными и коллективными тѣлами», т. е. не организмами, а юридическими лицами, имѣющими, какъ таковые, свое обособленное существованіе, свою волю [2]).

---

[1]) Le corps politique, pris individuellement, peut être consideré comme un corps organisé, vivant et semblable à celui de l'homme. Le pouvoir souverain représente la tête., le commerce, l'industrie et l'agriculture sont la bouche et l'estomac, les citoyens sont le corps et les membres qui font mouvoir, vivre et travaller la machine. (De l'économie politique).

[2]) L'acte d'association produit un corps moral et collectif composé d'autant de membres que l'assemblée a de voix, le quel reçoit de ce même acte son unité, son moi commun, sa vie et sa volonté (Contrat social, livre I, ch 6). См. также кн. II, главу 4, гдѣ одновременно государство объявляется personne morale и corps social, и кн. III, главу I, гдѣ о правительствѣ сказано: le gouvernement est en petit ce que le corps politique qui le renferme est en grand. C'est une personne morale, douée de certaines facultés, et qu'on peut décomposer en d'autres rapports semblables.

И такъ, съ самаго начала Руссо, прибѣгая къ сравненію государства и физическаго лица, ища аналогій между различными органами тѣла и составными частями «политіи», не шелъ далѣе утвержденія, что общество и создаваемое имъ правительство являются самодавлѣющими единицами, вызванными къ жизни не природою, а искусствомъ человѣческимъ.

Не больше противорѣчій можно открыть въ томъ, что авторъ Общественнаго договора въ разное время высказывалъ по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ переходъ отъ естественнаго состоянія къ общественному можетъ считаться добромъ или зломъ. Въ трактатѣ объ «Источникѣ неравенства» онъ разумѣется больше чѣмъ гдѣ либо долженъ былъ оттѣнить невыгоды общественности, такъ какъ ею и вызвано къ жизни анализируемое имъ бѣдствіе, но это обстоятельство не мѣшаетъ ему признать, что безъ выхода изъ той изолированности, въ какой онъ жилъ на первыхъ парахъ, человѣкъ навсегда остался бы неспособнымъ къ самоусовершенствованію звѣремъ [1]).

Въ «Общественномъ договорѣ» онъ возвращается къ той же мысли и развиваетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Хотя, говоритъ онъ, съ переходомъ подъ власть государства человѣкъ лишается многихъ преимуществъ, но онъ пріобрѣтаетъ въ то же время много новыхъ; его способности развиваются, мысли расширяются, чувства облагораживаются, вся душа его принимаетъ такой полетъ, что еслибъ злоупотребленія, вкравшіяся въ эти новыя для него порядки, не ставили его въ условія, подчасъ хуже прежнихъ, онъ бы долженъ былъ непрестанно благословлять то счастливое мгновеніе, когда онъ вырванъ былъ изъ

---

[1]) Pourquoi l'homme seul est-il sujet à devenir imbecile? N'est ce point qu'il retourne ainsi dans son état primitif, et que tandis que la bête qui n'a rien acquis et qui n'a rien non plus à perdre, reste toujours avec son instinct, l'homme reperdant par la viellesse ou d'autres accidens, tout ce que sa perfectibilité lui avoit fait acquérir retombe ainsi plus bas que la bête même ? Il'seroit triste pour nous d'être forcés de convenir, que cette faculté distinctive et presque illimitée est la source de tous les malheurs de l'homme, que c'est elle qui le tire à force de tems de cette condition originaire, dans la quelle il couleroit des jours tranquilles et innocens (Discours sur l'origine etc de l'inégalité. Amsterdam. 1755 г., стр. 33 и 34).

естественнаго состоянія и изъ животнаго, безсмысленнаго и ограниченнаго, сдѣлался существомъ разумнымъ и человѣкомъ [1])». Этотъ отрывокъ взятъ цѣликомъ изъ Женевской рукописи [2]) и доказываетъ такимъ образомъ, что Руссо всегда смотрѣлъ на жизнь въ обществѣ, какъ на прогрессъ сравнительно съ естественнымъ состояніемъ и только сѣтовалъ на тѣ извращенія, какія вкрались въ нее со временемъ и которыя въ зародышѣ присущи были ей съ самого начала [3]).

Не оправдывается также текстами и то заявленіе, будто Руссо высказывался сперва за ограниченіе правъ государства въ пользу личности, а затѣмъ всецѣло принесъ ее въ жертву ему.

Женевская рукопись уже говоритъ о цѣлостномъ перенесеніи на общество всего, что составляло преимущества частнаго лица въ естественномъ состояніи. Руссо тутъ же дѣлаетъ оговорку, что общество нуждается только въ части уступаемыхъ ему правъ.

Все, что «Общественный договоръ» считаетъ нужнымъ прибавить къ этимъ словамъ, это то, что государство въ правѣ рѣшить, въ какихъ границахъ оно воспользуется сдѣланнымъ въ его пользу отказомъ, что изъ уступленнаго нужно ему для достиженія его цѣлей. Что Руссо навсегда остался вѣренъ такому взгляду, что его отнюдь нельзя считать сторонникомъ теоріи неотъемлемыхъ правъ, которая нашла признаніе себѣ въ составленной будто бы подъ его вліяніемъ декларацiи 1789-го года, что, однимъ словомъ, мы

---

[1]) Contrat social, кн. I, глава 9.

[2]) Глава III, въ изданіи Dreyfus—Brisac, стр. 258.

[3]) Сравни что говоритъ на этотъ счетъ Izoulet, De J. J. Rousseau, utrum misopolis fuerit an philopolis. 1894-го года, стр. 6, 20, главы первой и всю вторую главу.—См. также Paul Janet, La morale, стр. 418.—Нигдѣ Руссо не высказываетъ такъ опредѣленно своего взгляда на то, что не жизнь въ обществѣ, а вкравшіяся въ нее злоупотребленія причина всѣхъ нашихъ бѣдствій, какъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ „Писемъ о добродѣтели и счастіи“: Ce n'est pas à la société qu'il faut nous en prendre, si, ne faisant rien de ce qu'elle ordonne, nous nous rendons malheureux en l'offensant. Streckeisen Moultou. Oeuvres et Correspondance inédite de Rousseau, Paris 1861, стр. 138.

имѣемъ въ его лицѣ не приверженца ученія о государственномъ невмѣшательствѣ въ иныя сферы, кромѣ правосудія и безопасности, въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что таже женевская рукопись говоритъ намъ о принудительномъ исповѣдованіи какого то гражданскаго символа вѣры, въ которомъ на степень догмата возводится не одно признаніе Верховнаго Существа, но и загробной жизни, вѣчнаго блаженства добрыхъ и наказанія злыхъ, наконецъ святости общественнаго договора и законовъ [1]. И въ другихъ неизданныхъ фрагментахъ сказывается тотъ же взглядъ на необходимость возможно широкаго толкованія государственныхъ задачъ и правомочій. «Несчастье человѣка, читаемъ мы въ одномъ изъ отрывковъ, относимыхъ Штрейкэйзеномъ Мульту къ числу главъ уничтоженнаго трактата о Политическихъ Учрежденіяхъ, лежитъ въ противорѣчіи между нашимъ дѣйствительнымъ положеніемъ и нашими желаніями, между обязанностями и влеченіями, между природой и общественными порядками, между человѣкомъ и гражданиномъ. Сдѣлайте человѣка цѣльнымъ, и Вы тѣмъ самымъ сдѣлаете его счастливымъ. Передайте всего его государству или оставьте его всецѣло самому себѣ. Но разъ вы дѣлите его сердце, вы рвете его на части.» Руссо рисуетъ далѣе идеалъ счастливаго гражданства. Имъ пользуются тѣ, кто носитъ въ сердцѣ «общественный законъ»... Будучи чѣмъ либо только въ силу принадлежности своей къ государству, они всецѣло живутъ для него. Государство будетъ имѣть все, что они имѣютъ и будетъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ являются они сами. При всякой другой системѣ, всегда будетъ нѣчто, государству не принадлежащее, напримѣръ частная воля лицъ, его составляющихъ. Но кому неизвѣстно, какое вліяніе могутъ оказать на ходъ событій эти частныя воли, мы бы сказали интересы [2]?

---

[1]) Dreyfus—Brisac. Приложеніе I къ тексту Contrat Social, стр. 299.

[2]) Streckeisen Moultou. Oeuvres et correspondance inédite de Rousseau, стр. 224. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій, въ проэктѣ конституціи для Корсики, Руссо дѣлаетъ слѣдующее признаніе, вполнѣ согласное съ тѣмъ, что высказываемо было имъ съ самаго начала: Loin de vouloir que l'état soit pauvre, je voudrais au contraire qu'il eut tout et que chacun n'eut sa part aux biens communs qu'en proportion de ses services (ibid, стр. 100).

Но что вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи задачъ правительства волновалъ Руссо въ такой же мѣрѣ, какъ и современныхъ намъ публицистовъ, что онъ сознавалъ невозможность безграничнаго всемогущества государства надъ личностью, показываетъ другой отрывокъ, освѣщающій то, что онъ разумѣетъ, говоря въ Общественномъ договорѣ: «государство нуждается только въ части уступаемыхъ ему правъ». Въ этомъ фрагментѣ, также входившемъ въ составъ «Политическихъ Учрежденій», задачи государства сведены къ заботамъ о внѣшней безопасности, внутреннемъ мирѣ и изобиліи (abondance), которое въ свою очередь истолковывается, какъ возможность заработать все необходимое трудомъ [1]). Не видѣть ли въ этомъ косвенное признаніе Руссо того самаго права на трудъ, въ которомъ не отказывали частному лицу ни Монтескьё, ни Тюрго?

§ 2.

Наша задача была показать единство и цѣльность той политической доктрины, основы которой положены были «Общественнымъ Договоромъ». Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ эта доктрина можетъ считаться продуктомъ творческой дѣятельности Руссо? Противники его ученій охотно приписываютъ ему привычку скрывать свои заимствованія у современниковъ и предшеетвенниковъ, высказывать старыя истины и еще чаще старые парадоксы, избѣгая всякихъ цитатъ и ссылокъ [2]).

Справедливо ли такое обвиненіе или, наоборотъ, Руссо, отличный въ этомъ отъ всѣхъ прочихъ писателей о политики, перестроилъ всецѣло эту науку. отрѣшившись отъ всякихъ авторитетовъ, не подчиняясь ничьимъ вліяніямъ? И то, и другое,

---

[1]) Ibid, стр. 249.

[2]) Нѣмецкія диссертаціи особенно богаты попытками подобнаго рода. Такъ напримѣръ G. Krueger посвящаетъ цѣлую монографію вопросу о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Руссо въ первомъ его разсужденіи о вліяніи наукъ и искусствъ. Если вѣрить г-ну Крюгеру Руссо обобралъ не только Агриппу фонъ Нетесгеймъ и Григорія Джирольди, но и Монтеня (G. Krueger. Fremde Gedanken in J. J. Rousseau ersten Discours' 1891 г.).

одинаково невѣрно. Руссо несомнѣнно новаторъ, но тѣ измѣненія, какія внесены имъ въ философію публичнаго права, подготовлены были вѣковымъ ея развитіемъ, начиная съ Платона и оканчивая Спинозою, Локкомъ и Монтескье.

Никто, какъ Платонъ, опредѣлилъ его возрѣніе на республику, какъ на верховную обладательницу и источникъ всѣхъ правъ, какими пользуются составляющія ее граждане. Самая его теорія общей воли, какъ всегда совпадающей съ велѣніями разума и долженствующей поэтому въ формѣ закона опредѣлять собою образъ дѣйствій и въ значительной мѣрѣ даже образъ мыслей частныхъ лицъ, слишкомъ близка къ ученію Платона о мудрости, какъ необходимо управляющей государствомъ, чтобы можно было приписывать Руссо полную оригинальность въ ея построеніи. Не даромъ же «Республики» Платона отведено, особое мѣсто въ первоначальномъ проэктѣ «Политическихъ Учрежденій», а въ разсужденіи объ источникѣ неравенствѣ будущій авторъ «Общественнаго Договора» признаетъ болѣе разсудительнымъ сказать «за одно съ мудрымъ Платономъ», что полное благосостояніе обезпечено государству лишь въ томъ случаѣ, если его правитель повинуется закону, а послѣдній всегда направленъ къ справедливости и общему благу [1]).

За одно съ Платономъ, Руссо сохраняя самодержавіе за народомъ, желаетъ надѣлить правительственными полномочіями меньшинство мудрѣйшихъ, такъ какъ раздѣляетъ его опасенія, что предоставленная самой себѣ толпа неизбѣжно перейдетъ отъ самовластія къ анархіи [2]). Картина демагогіи или охлократіи, незамѣтно приводящей къ тираніи, какую Платонъ нарисовалъ въ своей Республикѣ, оживаетъ въ томъ образѣ честолюбцевъ, льстящихъ народу и всячески поощряющихъ его къ неповиновенію законамъ съ тѣмъ, чтобы наложить на него новыя цѣпи, къ которому прибѣгаетъ Руссо въ своемъ обращеніи къ Же-

---

[1]) Discours sur les Origines de l'inégalité (прил. къ тексту Contr. Soc, изд. Dreyfus—Brisac. стр. 360.

[2]) S'ils (les peuples) tentent de secouer le joug, ils s'eloignent d'autant plus de la liberté que prenant pour elle une licence effrénée qui lui est oposée, leurs révolutions les livrent presque toujours à des séducteurs qui ne fout qu'agraver leurs chaines (Ibid. Посвященіе).

невскому правительству, съ цѣлью показать необходимость поручать и въ народоправствахъ заботы управленія немногимъ избраннымъ.

Но не съ однимъ Платономъ могутъ быть установлены параллели, при внимательномъ изученіи «Общественнаго договора», а также со всей древней политической философіей. Для Руссо, какъ и для Аристотеля и анналистовъ Греціи и Рима, въ томъ числѣ Плутарха, республика совпадаетъ съ городомъ. Правильными образами правленія являются только тѣ, въ которыхъ народъ сохраняетъ за собою въ большей или меньшей полнотѣ аттрибуты самодержавія. Монархія, неизбѣжно вырождающаяся въ деспотію очевидно такъ же мало можетъ считаться въ его глазахъ правильной формой правленія, какъ и въ глазахъ автора «Политики» [1]). Свобода мыслима, думаетъ онъ, только тамъ, гдѣ государство имѣетъ тѣсныя границы, гдѣ всѣ части общаго цѣлаго болѣе или менѣе близки по природѣ, гдѣ менѣе разлагающихъ элементовъ и исполнительная власть легче можетъ поддержать поэтому порядокъ и единство. Но если въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, Руссо сходится съ авторомъ Духа Законовъ, то только потому, что оба писателя въ своемъ ученіи о республикахъ и въ частности о демократіяхъ руководствовались примѣрами и идеалами древности. Руссо тѣмъ легче было стать на такую именно точку зрѣнія, что его родина, Женева, для которой, по собственному его утвержденію, были предназначены его разсужденіе о неравенствѣ и «Общественный договоръ, были такой же «политіей», какъ и греческія Аѳины или Римъ въ періодъ сложенія его республиканскихъ учрежденій. Нельзя также утверждать, что ученіе Руссо о естественномъ состояніи обошлось безъ заимствованій у римскихъ юристовъ. Уже Ульпіанъ призналъ свободу и равенство основными преимуществами этого догосударственнато порядка, и, если авторъ «Общественнаго Договора», вслѣдъ за Гуго де Гротомъ, Гоббсомъ, Сиднеемъ

---

[1]) Dans toute monarchie, пишетъ Руссо 28-го ноября 1754 года къ Пердріо въ Женеву, le roi veut être l'état, lui tout seul et ne prétend pas que le peuple soit quelque chose. (Oeuvres complètes, изд. Hachette, т. X, стр. 91).

и Локкомъ, высказываетъ ту же мысль, какъ не требующую доказательства аксіому, то очевидно потому, что считаетъ ее общепризнанной еще въ древности [1]).

Помимо греческихъ философовъ и римскихъ законовѣдовъ, рядъ новыхъ мыслителей, преимущественно тѣхъ, которые заняты были вопросомъ объ условіяхъ республиканскаго образа правленія, были прочитаны Руссо и наложили свою печать на его доктрину. Въ своей «Исповѣди» онъ ни мало не скрываетъ вліянія, какое оказали на него предшественники и въ слѣдующихъ словахъ описываетъ тотъ путь, какимъ складывались въ его головѣ тѣ или другія представленія. «Убѣдившись въ противорѣчіи, въ какомъ находятся доктрины важнѣйшихъ философовъ новаго времени, Паскаля, Локка, Малебранша, Лейбница, Декарта, и въ невозможности примирить ихъ, я остановился на мысли, усвоить возможно большее число идей, вѣрныхъ или невѣрныхъ, но всегда ясныхъ, въ ожиданіи той минуты, когда разумъ мой достаточно окрѣпнетъ для того, чтобы подвергнуть ихъ сравненію и произвесть изъ нихъ выборъ». Руссо сталъ согласно этому усваивать мысли читаемыхъ имъ авторовъ, не подвергая ихъ до поры до времени никакой критикѣ. На разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ думалъ чужимъ умомъ, у него сложился фондъ свѣдѣній, достаточный для того, чтобы разсуждать безъ чужой помощи [2]).

Нѣтъ основанія пологать, что Руссо отказался отъ того же пріема впослѣдствіи, въ эпоху редактированія имъ первыхъ главъ Общественнаго договора, Разсужденія о неравенствѣ и пятой главы Эмиля, одинаково занятыхъ вопросами политики и нравственности. Разсѣянныя въ нихъ упоминанія о Гуго де Гротѣ, Гоббсѣ, Альтузіи, Спинозѣ, Локкѣ, Сиднеѣ, и Монтескье, даютъ поводъ думать, что чтеніе этихъ писателей предшествовало у Руссо тому процессу творчества отдѣльныхъ сентенцій и цѣлыхъ главъ, потому, по словамъ «Исповѣди», онъ посвящалъ свои безсонныя ночи и свои одинокія прогулки [3]).

---

[1]) Ulpianus. Quod ad jus naturale attinet omnes homines aequales sunt... jure enim naturali ab initio omnes homines liberi nascebantur.

[2]) Les Confessions. часть 1, книга 6.

[3]) Ibid. часть II, книга 8.

При внимательномъ чтеніи женевской рукописи Общественнаго договора легко отмѣтить, какъ изъ критики тѣхъ или другихъ положеній, высказанныхъ его предшественниками или современниками, складывалось самостоятельное ученіе Руссо и какъ искусно онъ умѣлъ орудовать тѣми возраженіями, какія каждый изъ нихъ направлялъ противъ своихъ антагонистовъ.

Изъ всѣхъ сторонниковъ неограниченнаго единовластія ни одинъ повидимому не занималъ такъ часто мысль автора «Общественнаго договора», какъ Гоббсъ. Не даромъ въ письмѣ къ Маркизу Мирабо отъ 26-го Іюля 1767 года Руссо объявляетъ что не видитъ возможности другаго выбора, какъ между суровой демократіей и самымъ совершеннымъ Гоббизмомъ [1]). Самъ онъ не разъ слѣдуетъ за авторомъ Левіаѳана въ такихъ роковыхъ для его теоріи положеніяхъ, какъ то напримѣръ, что государство поглащаетъ собою права личности или что сфера его вліянія распространяется и на область религіи, на сколько послѣдняя сливается съ основами гражданской нравственности.

Въ письмѣ къ Вольтеру отъ 18-го Августа 1756-го года онъ правда обзываетъ Гоббса соѳистомъ [2]) за то, что послѣдній хотѣлъ признать начало невмѣшательства государства въ дѣла вѣры, но въ то же время онъ не прочь думать, что «принципы нравственности и естественнаго закона» могутъ составить предметъ особаго символа вѣры, обязательнаго для всѣхъ гражданъ. Онъ повидимому не даетъ себѣ правильнаго отчета въ томъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повесть вынужденіе такого признанія и какъ трудно сохранить при немъ превозносимую имъ терпимость [3]).

Изъ сторонниковъ абсолютизма Фильмеръ не избѣгаетъ его

---

[1]) Correspondance. Lettre au marquis de Mirabeau (Trye, 26 Juillet 1767 г.).

[2]) Tout gouvernement humain se borne par sa nature aux devoirs civils et quoi qu'en ait pu dire le sophiste Hobbes, quand un homme servi bien l'état il ne doit compte à personne de la manière dont il sert son Dieu.

[3]) Ouevres complètes, изд. Hachette, т. X, стр. 132,

сарказмовъ и онъ даже отказывается серьезно разбирать теорію, которая видитъ въ прородителѣ Адамѣ перваго монарха въ такой же мѣрѣ, какъ и перваго человѣка [1]).

Не съ большимъ уваженіемъ относится онъ къ ученію Гроція, отрицавшаго, чтобы правительство всегда создаваемо было въ пользу управляемыхъ [2]) Руссо справедливо упрекаетъ его въ частомъ смѣшеніи факта съ правомъ и полагаетъ, что въ вопросѣ о суверенитетѣ, признаваемомъ имъ за единоличнымъ правителемъ, онъ не расходится существенно съ такъ сильно порицаемымъ имъ Гоббсомъ [3]). Руссо не разъ возвращается къ этой мысли, подчеркивая напримѣръ то положеніе Гроція, что народъ въ правѣ передать себя въ руки монарха, какъ частный человѣкъ поступитъ въ кабалу къ избранному имъ хозяину [4]).

Чтобы объяснить причину, по которой люди готовы поставить надъ собой повелителя, Гроцій, за одно съ Аристотелемъ, признаетъ въ нихъ естественное влеченіе къ общественной жизни, предполагающей необходимо господство и подчиненіе, а Гоббсъ уподобляетъ естественное состояніе борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Руссо критикуетъ оба возрѣнія. Всѣ правила естественнаго права, пологаетъ онъ, вытекаютъ изъ комбинаціи двухъ врожденныхъ человѣку началъ, стремленія къ личному благосостоянію и самосохраненію, съ одной стороны, и отвращенія, съ какимъ мы относимся къ гибели и страданію существъ, одинаковыхъ съ нами по природѣ. Нѣтъ необходимости предполагать присутствія въ насъ еще какого то самостоятельнаго общественнаго инстинкта (principe de sociabilité—то же, что appetitus societatis Гроція) [5]).

---

[1]) Contrat Social, кн· 1, глава 2.

[2]) De jure belli ac pacis, кн. 1, гл. 3.

[3]) Contrat social, кн. 1, гл. 2. См. также 5 гл. Эмиля: leurs, principes sont exactement semblables.

[4]) Il est permis à chaqne homme en particulier de se rendre esclave de qui il veut... pourquoi donc un peuple libre ne pourrait il pas se soumettre à une ou plusieurs personnes en sorte qu'il leur transfère entière. ment le droit de gouverner sans s'en réserver aucune partie (De jure belli ac pacis, въ переводѣ Barbeyrac, кн. I, гл. III).

[5]) Discours sur les Origines de l'inégalité—Je crois appercevoir dans

Еще ошибочнѣе приписывать людямъ въ естественномъ состояніи враждебныя другъ другу чувства. Руссо нѣсколько разъ возвращается къ развитію этой мысли въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ «Политическихъ Учрежденій.» Ошибка Гоббса, говоритъ онъ, состоитъ въ признаніи, что война присуща природѣ человѣческой, что она причина, а не послѣдствіе людскихъ пороковъ [1]). Неудержимое стремленіе къ пріобрѣтенію всего возможнаго, какое онъ признаетъ въ естественномъ состояніи, непримиримо разсуждаетъ Руссо, съ желаніемъ извести всѣхъ своихъ ближнихъ.

Побѣдитель, который имѣлъ бы несчастіе остаться одинъ въ мірѣ, ничѣмъ бы не пользовался, владѣя въ то же время всѣмъ [2]). «Наперекоръ ужасной и нелѣпой системѣ Гоббса», война не предшествуетъ, а слѣдуетъ во времени за выходомъ изъ естественнаго состоянія [3]). Въ послѣднемъ человѣкъ пугливъ и потому самому склоненъ къ міру. Малѣйшая опасность обращаетъ его въ бѣгство. Привычка и опытъ необходимы ему для того, чтобы набраться мужества. Честь, интересы, предразсудки, жажда мщенія, однимъ словомъ всѣ страсти, которыя заставляютъ людей пренебрегать опасностью и смертью, чужды естественному состоянію. Только въ союзѣ съ другими рѣшается человѣкъ на нападеніе; онъ становится гражданиномъ прежде, чѣмъ сдѣлаться солдатомъ. Во всемъ сказанномъ трудно найти что либо, способное породить въ первыхъ людяхъ желаніе начать войну противъ ближнихъ [4]).

---

l'âme humaine deux principes antérieurs à notre raison dont l'un nous intéresse ardemment à notre bien-être et à la conservation de nous-mêmes et l'autre nous inspire une répugnance naturelle à voir périr ou souffrir tout être sensible, et principalement nos semblables. C'est du concours et de la combinaison que notre esprit est en état de faire de ces deux principes, sans qu'il soit nécessaire d'y faire entrer celui de sociabilité, que me paraissent découler toutes les règles du droit naturel. Въ томъ же Discours см. стр. 68 амстердамскаго изданія.

[1]) Первоначальный текстъ Общественнаго Договора (изд. «Дрейфусъ-Бризакъ, стр. 254).

[2]) Фрагменты, уцѣлѣвшіе въ библіотекѣ Невшателя (ibid, стр. 304).

[3]) Ibid, стр. 315.

[4]) Ibid, Рукопись Невшательской библіотеки (Dreyfus Brisac, стр.

Но если Руссо расходится съ Гоббсомъ въ пониманіи условій, въ которыхъ впервые зародилась мысль о государственномъ общежитіи, то онъ не соглашается также съ тѣмъ, что Монтескьё пишетъ о справедливости, какъ присущей человѣку съ самаго начала и принадлежащей такъ сказать къ числу его прирожденныхъ свойствъ. «Законъ предшествуетъ справедливости, говоритъ онъ совершенно въ духѣ Гоббса, а несправедливость закону [1].» Это разнорѣчіе, которому мы найдемъ не мало примѣровъ при сопоставленіи взглядовъ обоихъ французскихъ писателей, не мѣшаетъ уважительному отношенію Руссо къ автору Духа законовъ.

Онъ не только ставитъ его рядомъ съ Локкомъ и аббатомъ Сенъ-Пьеромъ, въ число тѣхъ, кто высказывался по вопросамъ философіи права и политики съ тою же свободою, что и самъ онъ [2], но и открыто заявляетъ, что изъ всѣхъ современныхъ ему публицистовъ никто болѣе Монтескье не былъ бы способенъ положить прочныя основы праву политическому [3], еслибы забота объ изученіи положительныхъ законодательствъ не поглотила всецѣло его вниманія и не отвлекла его отъ мысли установить принципы, на которыхъ должно быть построено это право [4].

Во всемъ что касается вопроса о зависимости, въ какой форма правленія стоитъ отъ величины территоріи и степени населенности государства [5], какъ и въ томъ, что Духъ Законовъ со-

---

305.—Тѣже мысли Руссо развиваетъ въ своемъ Discours sur l'origine de l'inégalité (Амстерд. изд., стр. 16).

[1]) Женевская рукопись Общественнаго Договора (ibid, стран. 289-я)-

[2]) Locke, Montesquieu, l'abbé de Saint.—Pierre ont traité les mêmes matières (que moi) et souvent avec la même liberté tout au moins (Lettres écrites de la montagne (lettre VI).

[3]) Le seul moderne en état de créer cette grande et inutile science (le droit politique) eut été l'illustre Montesquieu.

[4]) Mais il n'eut garde de traiter des principes du droit politique; il se contenta de traiter du droit positif des gouvernements établis, et rien au monde n'est plus différent que ces deux études (c. ibid)

[5]) Un gouvernement purement démocratique convient à une petite ville plutôt qu'à une nation (Projet de const. pour la Corse, стр. 68). Un peuple non

держитъ въ себѣ насчетъ вліянія климата и нравовъ на характеръ учрежденій [1]), Руссо является послѣдователемъ Монтескьё. Подобно ему, онъ думаетъ найти въ «умѣренности» въ пользованіи преимуществами, какія даетъ богатство и кредитъ, условіе, благопріятное устойчивости аристократическихъ правительствъ, опирающихся на основы народнаго самодержавія, а въ добродѣтели, т. е. въ согласіи разума и общей воли [2]), жизненный

---

encore corrompu peut avoir dans ses dimensions les vices qui ne sont pas dans sa substance etc. (См. слѣдующую за этими словами часть третьей главы женевской рукописи, что все, за исключеніемъ приведеннаго мѣста, вошло цѣликомъ въ кн. II, гл. 9 Общественнаго Договора).

[1]) Les peuples ainsi que les hommes ne sont maniables que dans leur jeunesse; ils deviennent incorrigibles en vieillissant. Quand une fois les coutumes sont établies et les préjugés enracinés, c'est une entreprise dangereuse et vaine de vouloir y toucher... Il ya peu de nations avilies sous la tyrannie qui fassent le moindre cas de la liberté, et celles mêmes qui en voudraient encore ne sont plus en état de la supporter (глава III Женевской рукописи). Но нигдѣ эти мысли не развиты Руссо съ такою полнотою, какъ въ двухъ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, посвященныхъ реформѣ политическаго устройства Польши и Корсики. „Mais si par hazard, значится въ первомъ, vous aimez mieux former une nation libre, paisible et sage, alors il faut rétablir chez vous des moeurs simples“ (гл. XV). — On voit dans la Suisse une application bien frappante de ces principes, читаемъ мы во вступленіи къ проэкту конституціи для Корсики. La Suisse est en géneral un pays pauvre et stérile; son gouvernement est partout républicain. Mais dans les cantons plus fertiles que les autres, tels que ceux de Berne, de Soleure et de Fribourg, le gouvernement est aristocratique. Руссо выставляетъ то общее положеніе, qu'il y a dans la nature et le sol de chaque pays des qualités qui lui rendent un gouvernement plus propre qu'un autre (Oeuvres inédites. стр. 67 и 66). Въ статьѣ о политической экономіи Руссо многими годами раньше сказалъ: C'en sera même assez pour que l'état ne soit pas mal gouverné si le législateur a pourvu, comme il le devait, à tout ce qu'exigent les lieux, le climat, le sol, les moeurs, le voisinage et tous les rapports particuliers du peuple qu'il avait à instituer. — Rien ne peut suppléer aux moeurs pour le maintien du gouvernement.

[2]) Chaque forme de gouvernement, скажетъ Руссо въ своемъ Projet de constitution pour la Corse, a son esprit qui lui est naturel et propre et du quel elle ne s'écarte jamais (Streckeisen Moulton, Oeuvres inédites, p, 76... La démocratie ne connait d'autre noblesse après la vertu que la liberté (ibid, p. 71).

принципъ демократій. Высокое понятіе о чести, необходимое въ глазахъ Монтескьё для устойчивости монархіи, получаетъ въ устахъ Руссо болѣе отвѣчающее ей названіе честолюбія (ambition). Имъ онъ объясняетъ причину, почему люди, долгое время состоявшіе въ политическомъ рабствѣ, не способны измѣнить условій своего существованія. Каждый, пишетъ онъ, озабоченъ мыслью не о томъ мѣстѣ, какое занимаетъ, а о томъ, какое стремится занять. Честолюбіе ослѣпляетъ его и не даетъ времени думать о выходѣ изъ угнетенія [1]).

Но если отъ этихъ чисто философскихъ разсужденій, мы перейдемъ къ основнымъ задачамъ государственнаго устройства, намъ на каждомъ шагу, прійдется отмѣтить полное несоотвѣтствіе между взглядами двухъ писателей, которыя въ равной мѣрѣ доставили оружіе противъ существующаго въ ихъ время порядка и одинаково содѣйствовали выработки революціонной доктрины. Монтескье допускаетъ раздѣлъ суверенитета. Руссо высказывается противъ него. Монтескье считаетъ правительство однимъ изъ органовъ самодержавія. Руссо низводитъ его до роли простого уполномоченнаго, дѣйствующаго въ чужомъ интересѣ. Монтескье комбинируетъ съ раздѣломъ суверенитета обособленіе законодательной, исполнительной и судебной власти и подаетъ голосъ въ пользу ихъ взаимнаго ограниченія и равновѣсія. Руссо объявляетъ самодержавіе не только недѣлимымъ, но и неотчуждаемымъ, почему исполнительная власть въ лицѣ сановниковъ подчинена у него законодательной власти народа, который даетъ ей жизнь въ формѣ учредительнаго закона и опредѣляетъ своимъ выборомъ ея личный составъ. Для Монтескье свободное правительство есть то, въ которомъ публичныя права гражданъ находятъ судебную защиту, а интересы сословій представительство въ лицѣ членовъ двухъ палатъ, образующихъ изъ себя законодательный корпусъ. Руссо одинаково высказывается и противъ системы представительства, какъ несогласной съ началомъ недѣлимости и неотчуждаемости суверенитета.

---

[1]) Ibid. глава III, Женевск. рук. (кн. II глава 8 Обществ. Договора) у Dreyfus—Brisac, стр. 290.

Гораздо ближе стоятъ къ республиканскому идеалу Руссо англійскіе левеллеры и отразившіе на себѣ въ значительной степени ихъ вліяніе Сидней и Локкъ. Руссо открыто заявляетъ, что оба названные писателя близки къ нему по своимъ взглядамъ [1]), но самые эти взгляды имѣютъ въ корнѣ своемъ то ученіе о политической власти, какъ основанной на договорѣ подданныхъ съ правителемъ (covenant), которое выставлено было, вслѣдъ за политическими писателями французскаго протестантизма, шотландскими пресвитеріанцами съ Бухананомъ во главѣ и англійскими левеллерами въ томъ числѣ Лильборномъ [2]). И тѣ, и другіе, едва ли были извѣстны Руссо, который познакомился съ идеаломъ англійскихъ революціонеровъ XVII-го вѣка изъ позднѣйшихъ по времени и болѣе теоретическихъ по содержанію трактатовъ Сиднея и Локка. У перваго можно найти то сведеніе всѣхъ причинъ, обусловливающихъ собою появленіе на землѣ общества и власти, или къ общественному договору, или къ насилію, какое, какъ мы видѣли, даетъ поводъ Руссо высказаться въ пользу соглашенія, какъ единственнаго закономѣрнаго источника гражданскаго общежитія и правительства. У обоихъ писателей замѣтно одинаковое стремленіе соединить выгоды аристократіи и демократіи, удерживая самодержавіе за народомъ и ввѣряя исполнительную власть меньшинству лучшихъ или мудрѣйшихъ гражданъ [3]). Еще легче провести аналогію между взглядами Руссо и Локка. Начать съ того, что подобно Локку и въ противность Гоббсу, Руссо признаетъ фактъ возникновенія частной собственности еще въ періодъ естественнаго состоянія; съ Локкомъ онъ видитъ источникъ ея въ трудѣ [4]). Какъ и для Локка границей

---

[1]) Le malheureux Sidney pensait comme moi... Locke en particulier a traté les mêmes matières (que moi) exactement dans les mêmes principes (Lettres écrites de la Montagne. Lettre IV).

[2]) См. мою статью о родоначальникахъ англійскаго радикализма въ Русской Мысли и недавнюю монографію G. P Gooch. English Democratic ideas in the seventeenth century, Cambridge 1898 г., стр. 13, 65—67, 139—256,

[3]) Ibid., стр. 335—339.

[4]) Противуполагая семью государству, Руссо говоритъ, что въ

индивидуальнаго присвоенія являются у Руссо личныя потребности. Узурпаціей считаетъ онъ все, что превосходитъ это мѣрило, точь въ точь какъ Локкъ, присоединяющій къ этому еще требованіе, чтобы въ рукахъ другихъ участниковъ раздѣла оставалось не меньшее количество однохарактерныхъ предметовъ [1].

послѣднемъ l'administration générale n'est établie que pour assurer la possession particulière qui lui est antérieure. (Глава V Женевской рукописи, отрывокъ воспроизв. въ статьѣ о политич. экономіи). Въ внѣшнемъ противорѣчіи съ этимъ заявленіемъ стоитъ то, что Руссо говоритъ въ главѣ III той же женевской рукописи Обществ. Дог., а затѣмъ и въ окончательной редакціи его объ обмѣнѣ человѣкомъ при выходѣ изъ естественнаго состоянія права на все на право владѣть въ собственность тѣмъ, что уже состоитъ въ его фактическомъ обладаніи (гл. III жен. рук. кн. I, гл. 8 окончательной редакціи). Онъ нѣсколько далѣе поясняетъ свою мысль, говоря, что при отчужденіи всѣхъ своихъ имуществъ въ пользу государства люди, впервые сходящіеся въ общество, получаютъ ихъ затѣмъ обратно отъ него съ гарантіей его дальнѣйшей защиты. Узурпація обращается въ право, пользованіе становится собственностью. (Общ. Дог. кн. I, глава IX) Руссо очевидно рисуетъ себѣ порядки, довольно близкіе къ тѣмъ, образцы которыхъ преставляетъ господствующее или еще недавно господствовавшее на нашемъ сѣверѣ, а также въ степяхъ Украйны, заимочное или захватное владѣніе. Государство кладетъ конецъ его произвольному расширенію или сокращенію, признавая за каждымъ право собственности на поднятую имъ впервые и состоящую въ его рукахъ новь. Въ разсужденіи объ источникѣ неравенства Руссо категорически заявляетъ, что нельзя приписать собственности другаго источника кромѣ ручного труда (il est impossible de concevoir l'idée de la propriété naissante que de la main—d'oeuvre).

[1]) Ignorez vous qu'une multitude de vos frères périt ou souffre du besoin de ce que vous avez de trop, et qu'il vous fallait un consentement exprès ou unanime du genre humain pour vous approprier sur la subsistance commune tout ce qui allait audelà de la votre? (Discours sur les origines de l'inégalité, стр. 132 часть II). Несмотря на декламаторскій тонъ, какимъ написано это разсужденіе и который Руссо въ своей Исповѣди объясняетъ вліяніемъ Дидеро, теорія происхожденія собственности въ немъ таже, что и въ Общественномъ договорѣ. De la culture des terres, говоритъ Руссо, s'ensuivit nécessairement leur partage. Онъ совершился путемъ захвата, признаннаго молчаливымъ согласіемъ окружающихъ (le premier qui ayant enclos un

Общую съ Локкомъ черту представляетъ также все, что Руссо говоритъ о договорномъ происхожденіи государства. Но при этомъ намъ необходимо сдѣлать ту оговорку, что англійскій мыслитель считалъ такое происхожденіе историческимъ фактомъ, не засвидѣтельствованнымъ письменно только потому, что время его совершенія предшествовало всякой письменности; Руссо же по видимому прибѣгалъ къ этой теоріи, какъ къ гипотезѣ, позволявшей ему видѣть въ установленіи государства не торжество грубой силы, а явленіе закономѣрное. Вотъ почему онъ позволяетъ себѣ замѣчаніе, что описываемый имъ порядокъ на самомъ дѣлѣ можетъ быть никогда не имѣлъ мѣста.

Если онъ останавливается на идеѣ открытаго или молчаливаго соглашенія, какъ фундамента, на которомъ построено государственное сообщество, то только потому, что не видитъ возможности положить въ его основу ни акта грубой силы, ни естественнаго роста изъ семейно-родовыхъ группъ. Исключивъ эти два фактора, ему необходимо остановиться на томъ, какой представляетъ добрая воля людей, или, какъ онъ выражается, ихъ искусство, состоящее въ комбинированіи путемъ общественнаго договора имѣющихся на лицо силъ отдѣльныхъ индивидовъ въ интересахъ общаго всѣмъ блага.

Руссо сходится съ Локкомъ и въ отрицаніи того, чтобы народъ, установляющій въ своей средѣ государство, вправѣ былъ отказаться отъ самодержавія въ пользу какого нибудь частнаго лица или монарха и создать такимъ образомъ ту абсолютную власть, которую Гуго де Гротъ, Гоббсъ, а за ними и Пуффендорфъ, равно признавали закономѣрной [1]).

---

terrain, s'avisa de dire: ceci est à moî et trouva des gens assez simples pour le croire fut le vrai fondateur de la société civile), Заимка, предшествующая собственности и обусловленная примѣненіемъ труда въ формѣ утилизаціи почвы въ границахъ фактической нужды,— вотъ къ чему сводится ученіе Руссо, и въ равной мѣрѣ теорія Локка, на счетъ источника, изъ котораго вытекло различіе моего и твоего.

[1]) Въ Two treaties on goverument, и именно во второй книгѣ говорится о томъ, что забота объ уравновѣшиваніи властей (balancing the powers of government) путемъ передачи ихъ въ разныя руки (by placing several parts of it in different hands) была первоначальна

Общей обоимъ писателямъ чертой можно также считать ту, что, отдѣляя исполнительную власть отъ законодательной, они въ тоже время подчиняютъ ее послѣдней. Локкъ дѣлаетъ это съ цѣлью оправдать поведеніе Парламента, призвавшаго на престолъ новую династію въ лицѣ Вильгельма Оранскаго, Руссо—въ видахъ сохраненія за правительствомъ характера обыкновеннаго полномочія, даваемаго самодержавнымъ народомъ лицамъ собственнаго выбора.

Но англійскій и женевскій мыслители радикально расходятся въ вопросѣ о роли большинства и возможности народнаго представительства. Локкъ отождествляетъ общую волю съ тою, которой держится большинство гражданъ, надѣленныхъ будто бы въ самый моментъ установленія государства правомъ представлять меньшинство. Руссо же отождествляетъ, какъ мы видѣли, общую волю съ безстрастнымъ рѣшеніемъ разума, говорящимъ устами народа каждый разъ, когда онъ не подчиняется вліянію частныхъ или корпоративныхъ интересовъ.

Наконецъ, въ отличіе отъ Локка, Руссо не признаетъ за государствомъ той полноты власти, которая бы позволяла ему распоряжаться жизнью и собственностью гражданъ, такъ какъ считаетъ послѣднюю установленной еще въ естественномъ состояніи, а человѣка, лишеннымъ уже въ это время права рас-

---

неизвѣстна, но что со временемъ во всѣхъ умѣренныхъ и хорошо организованныхъ правительствахъ упрочилось обособленіе законодательства и исполненія, такъ что каждое осуществляется отдѣльными органами (the legislative and executive power are in distinct hands).

Въ книгѣ III, главѣ 1-ой Contrat social мы читаемъ: Nous avons vu que la puissance législative appartient au peuple et ne peut appartenir qu' à lui. Il est aisé de voir au contraire par les principes ci—devant établîs, que la puissance éxecutive ne peut appartenir à la généralité comme législatrice ou souveraine, parceque cette puissance ne consiste qu' en des actes particuliers qui ne sont point du ressort de la loi... Il faut donc à la force publique un agent propre qui la réunisse et la mette en oeuvre selon les directions de la volonté générale... Voilà quelle est dans l'état la raison du gouvernement... j'appelle donc gouvernement ou suprême administration l'exercice légitime de la puissance éxécutive.

поряжаться своей жизнью, слѣдовательно и уступать его кому бы то ни было, въ томъ числѣ и государству. Говоря о цѣлостномъ переносѣ себя съ имуществами въ руки общества въ моментъ выхода изъ естественнаго состоянія, Руссо тѣмъ самымъ послѣдовательно признаетъ за государствомъ право не только на имущество, но и на жизнь своихъ членовъ. Теорія неотчуждаемыхъ правъ личности не можетъ поэтому считать Руссо въ числѣ своихъ родоначальниковъ, но эта честь должна быть признана за авторомъ «Двухъ трактатовъ о правительствѣ».

Если всѣ перечисленные мною писатели въ возростающей прогрессіи сдѣлали свой вкладъ въ общую сокровищницу, изъ которой во второй половинѣ XVIII-го вѣка вытекло ученіе о неотчуждаемомъ народномъ суверенитетѣ, то тоже еще въ большей степени можетъ быть сказано о тѣхъ республиканскихъ публицистахъ, которые, какъ Алтузій, Спиноза, Жюрье, прониклись въ своихъ политическихъ построеніяхъ примѣромъ демократическаго строя пресвитеріанской церкви и образцомъ довольно ограниченныхъ, правда, народоправствъ, какія представляли въ XVI и XVII столѣтіяхъ Соединенные Нидерланды и смежная съ ними Фрисландія, а также Англія временъ Кромвеля. Профессоръ Гирке какъ нельзя лучше показалъ, что ученіе о томъ, что одинъ народъ закономѣрно владѣетъ верховенствомъ и послѣднее неотчуждаемо, высказано было Алтузіемъ почти двумя столѣтіями раньше Руссо [1]).

Тотъ же Алтузій выводилъ политическое общежитіе изъ договора, добровольно заключеннаго людьми и отличнаго отъ того, какими установлено было ими же впослѣдствіи правительство. Самыя функціи послѣдняго понимаемы были обоими писателями, Алтузіемъ и Руссо, въ смыслѣ простыхъ полномочій, а не цѣлостного перенесенія на одного или нѣсколькихъ лицъ правъ свободного самоопредѣленія, какими люди пользуются на равнѣ съ равенствомъ въ предшествующемъ государству естественномъ состояніи [2]).

---

[1]) См. Iohannes Althusius und die Entwickelung der naturrechtlichen Staatstheorien von Otto Gierke въ Untersnchungen zur Deutschen Staats und Rechtsgeschichte. Breslau 1880 г., стр. 9, 29, 99, 107, 115—118.

[2]) Сопоставленія немногихъ выдержекъ изъ сочиненій Алтузія

Эти ученія, высказанныя Алтузіемъ еще въ 1603 году въ извѣстномъ трактатѣ «О политикѣ», представляли собою перенесеніе въ область государственнаго права порядковъ пресвитеріанской церкви, въ которой священнослужители не болѣе, какъ избранники и уполномоченные паствы, въ рукахъ которой сосредоточивается такимъ образомъ дѣйствительное руководительство духовными интересами. Неудивительно поэтому, если тѣ же взгляды раздѣляемы были и писателями гугенотами

съ соотвѣтствующими имъ взглядами Contrat social достаточно будетъ для обоснованія этой мысли. Алтузій относитъ государство, называемое имъ consociatio universalis къ societates voluntariae т. е. къ сообществамъ, возникающимъ по соглашенію или договору.— Тоже и Руссо, кн. I, глава VI.—О верховныхъ правахъ или суверенитетѣ Алтузій говоритъ: proprietatem vero illorum et usumfructum adeo jure ad regnum seu populum pertinere contendo, ut hisce, etiamsi velit, se abdicare eosque in alium transferre et alienare ne quaquam possit, non minus quam vitam quam quisque habet alii communicare potest— Руссо во второй книгѣ Общественнаго Договора признаетъ la souveraineté du peuple inaliénable et indivisible (главы I и II-ая). Самое опредѣленіе суверенитета у обоихъ писателей тождественно. Для Альтузія онъ тоже, что potestas praeeminens et summa universalis disponendi de iis quae universaliter ad salutem curamque animae et corporis membrorum Regni seu Reipublicae pertinent. Точно также, по мнѣнію Руссо, верховенство народа возникаетъ благодаря цѣлостной передачи каждымъ себя и имущества другимъ, подъ условіемъ взаимности. Женевскій мыслитель говоритъ согласно этому объ aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté опять таки съ цѣлью trouver une forme d'association qui défende et protège de toute la force commune la personne et les biens de chaque associé. (кн. I, гл. 6). Volonté générale Руссо, которой должны безпрекословно подчиняться личныя воли, находитъ свой частичный прообразъ въ ученіи Алтузія, что осуществленіе суверенитета народа должно происходить de communi consensu, въ которомъ участвуютъ universa membra. Для Алтузія, какъ и для Руссо, правительство не надѣляется правами суверенитета, такъ какъ jura majestatis, ut a corpore consociato inceperunt, sic individue et inseparabiliter illi adhaerent nec in alium transferri possunt. Его установленіе слѣдовательно, выражаясь языкомъ Руссо, не предполагаетъ договора подданныхъ съ правительствомъ. Ce n'est absolument qu' une commission, un emploi dans le quel, simples officiers du souverain, ils exercent en son nom le pouvoir dont il les a faits dépositaires (кн. III, глава 1).

во Франціи, въ родѣ предполагаемыхъ авторовъ Vindiciae contra tyrannos, Губерта Ланге или Дюплесси Морне [1]), и шотландскимъ публицистомъ Бухананомъ, послѣдователемъ того же Кальвинистскаго вѣроученія, и близкимъ къ передовымъ сектамъ протестантизма авторомъ «Богословско-политическаго трактата», Спинозою, и церковно-политическими радикалами, слывшими въ Англіи подъ наименованіемъ левеллеровъ, и антагонистомъ Боссюе, кальвинистскимъ проповѣдникомъ Жюрье. У Спинозы и Жюрье особенно рельефно выступаетъ ученіе объ «общественномъ договорѣ», какъ составляющемъ основу всякого законномѣрнаго политическаго устройства, ученіе, которое у публицистовъ первой англійской революціи, Лильборна и Мильтона въ томъ числѣ, прилагается затѣмъ къ частному вопросу объ отношеніи подданныхъ къ правительству и служитъ оправданіемъ дѣйствій Долгаго Парламента, низложенія имъ и суда надъ Карломъ I. У этихъ творцовъ демократической доктрины новаго времени всего легче открыть и основныя логическія посылки Руссо. Въ lettres pastorales, говоритъ г. Мента, Жюрье выводитъ политическую власть правителей изъ договора, которымъ суверенный народъ облекаетъ ихъ извѣстнымъ авторитетомъ и ставитъ пользованіе имъ въ извѣстныя условія и границы. Нарушеніе тѣхъ и другихъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ самый контрактъ; права верховенства возвращаются къ народу, который одинъ призванъ не давать никому отчета въ пользованіи ими. Вотъ почему то, что кажется возстаніемъ народа противъ князя, по существу не болѣе, какъ упраздненіе договора одной изъ сторонъ въ виду несоблюденія его другимъ контрагентомъ. Всякая власть, учитъ Жюрье, дѣлая тѣмъ самымъ весьма спорной свою основную посылку и навлекая на себя справедливую критику Боссюэта, создается добровольнымъ соглашеніемъ. Оно лежитъ въ основѣ правъ не только мужа надъ женою, но и господина надъ слугами и родителей надъ дѣтьми [2]).

---

[1]) См. попытку Лоссена доказать, въ противность Белю, что авторомъ Vindiciae былъ Дюплесси Морне (мем. Мюнхенской академіи за 1887-ой годъ).

[2]) Mentha. Discours sur le système politique de Rousseau, стр. 4.

Съ гораздо большей оригинальностью развиваетъ Спиноза въ своемъ Богословско-политическомъ трактатѣ то же ученіе о народномъ суверенитетѣ, какъ о вытекающемъ изъ первичнаго договора, соединившаго людей въ общество, и о народправствѣ, какъ о единственной закономѣрной формѣ правленія въ виду того, что при ней права верховенства не выходятъ изъ рукъ націи, остаются неотчуждаемыми и недѣлимыми. Если въ послѣдующихъ своихъ трактатахъ, въ Этикѣ и Политикѣ, онъ и умалчиваетъ о договорѣ, какъ объ источникѣ государственнаго общежитія, предпочитая ему тотъ appetitus societatis, или общественный инстинктъ, мысль о которомъ Гуго де Гротъ заимствовалъ у Аристотеля, то въ первомъ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1670 году, возникновеніе государства еще объясняется тѣмъ, что люди сговорились, чтобы право всѣхъ на все, данное имъ природой, осуществляемо было впредь сообща, и право каждаго опредѣлялось не его силой и вожделѣніями какъ прежде, а волею и мощею всѣхъ [1]). Развѣ это въ сущности не то же, что, сказать, за одно съ Руссо: общественный договоръ сводится къ заявленію: всѣ въ совокупности и каждый въ отдѣльности ставитъ свою личность и мощь подъ руководительство общей воли [2])? Какъ у Руссо, возникновеніе государства предполагаетъ, по мнѣнію Спинозы, цѣлостное перенесеніе всей своей мощи на общество (uuusquisque omnem quod habet potentiam in societatem transfert [3])· Послѣдствіемъ такого акта оба писателя считаютъ сохраненіе каждымъ равенства и свободы. Въ виду этого Спиноза, который въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ даетъ философское обоснованіе одинаково

---

[1]) In unum conspirare debuisse, ac proinde efecisse, ut jus quod unus quisque ex natura ad omnia habet, collective haberent, neque amplius ex vi et appetitu unusquisque, sed ex omnium simul potentia et voluntate determinaretur (Tractatus theologico-politicus cap. 16).

[2]) Si donc on écarte du pacte social ce qui n'est pas de son essence, on trouvera qu' il se réduit aux termes suivants: chacun de nous met en commun sa personne et toute sa puissance sous la suprême direction de la volonté générale; et nous recevons en corps chaque membre comme partie indivisible du tout (livre I, ch. 6).

[3]) Сравни заявленіе Руссо: De plus, l'aliénation se faisant sans réserve l'union est aussi parfaite qu' elle peut l'être... (ibid кн. I, гл. 6).

и монархіи, и аристократіи, въ «Трактатѣ богословско-политическомъ», который, повидимому, одинъ извѣстенъ былъ Руссо, признаетъ правомѣрной только чистую демократію quia maxime naturale videbatur et maxime ad libertatem... Каждый передаетъ другимъ свое естественное право такимъ образомъ, чтобы впредь все рѣшалось большинствомъ, почему, разсуждаетъ онъ, всѣ и остаются равными между собою, ни больше, ни меньше, какъ въ естественномъ состояніи [1]. Не повторяетъ ли той же мысли и Руссо, говоря: chacun se donnant tout entier, la condition est égale pour tous... Chacun s'unissant à tous, n'obéit pourtant qu' à lui même, et reste aussi libre qu' au paravant [2]. Политическія пристрастія обоихъ писателей при этомъ тождественны. Что въ томъ, если Руссо рекомендуетъ избирательное аристократическое правительство на основѣ широкаго народовластія, а Спиноза объявляетъ себя сторонникомъ демократіи, разъ оказывается, что все различіе между аристократіей и демократіей Богословско-политическій трактатъ сводитъ къ тому, что въ первой народные избранники, а во второй старѣйшіе по возрасту, наиболѣе зажиточные или тѣ, на которыхъ указалъ жребій, осуществляютъ правительственныя функціи. Вѣдь и въ той, и въ другой, народъ одинаково удерживаетъ за собой суверенитетъ, и нѣтъ власти, которая бы не была имъ поставлена [3]. Оба писателя одинаково впадаютъ въ оптимизмъ, признавая общую волю всегда разумной и потому обязывающей къ повиновенію. Спиноза считаетъ невозможнымъ, чтобы большинство постановило

---

[1]) Atque hac ratione omnes manent ut antea in statu naturali aequales (cap. 16).

[2]) Contrat social, кн. I, гл. 6.

[3]) См. его Tractatus politicus, глава VIII §§ 1. Сравни Contrat social, кн. III, гл. 5. C'est l'órdre le meilleur et le plus naturel que les plus sages gouvernent la multitude, quand on est sûr qu'ils la gouvernent pour son profit. Изъ той же главы слѣдуетъ, что подъ этими plus sages Руссо разумѣетъ лицъ наиболѣе вліятельныхъ и зажиточныхъ. Mais à mesure que l'inégalité d'institution l'emporta sur l'inégalité naturelle, la richesse ou la puissance fut préférée à l'âge et l'aristocratie devint élective. Эту избирательную аристократію авторъ Contrat social объявляетъ лучшей (la meilleure, l'aristocratie proprement dite).

что либо абсурдное [1]) Руссо категорически заявляетъ que la volonté générale ne peut errer [2]), qu'elle est toujours droite et tend toujours à l'utilité publique. Въ виду этого ни Спиноза, ни Руссо, не кладутъ другихъ границъ народному верховенству, кромѣ фактической мощи.

Никакой суверенитетъ не въ силахъ добиться того, разсуждаетъ Спиноза, чтобы человѣкъ пересталъ быть человѣкомъ, ut homo esse desinat [3]), чтобы въ частности онъ отказался отъ свободы молчаливаго сужденія, внутренней свободы совѣсти. И Руссо, признавши предварительно за обществомъ право рѣшать, какую степень самоопредѣленія можно оставить за частнымъ лицомъ, говоритъ въ одной изъ главъ своего «Общественнаго договора» о границахъ верховенства и о естественномъ правѣ, которымъ граждане продолжаютъ пользоваться и въ государствѣ, какъ люди (en qualité d'hommes). И для него, какъ видно изъ Profession de foi du vicaire savoyard и разсужденій Contrat social о естественной религіи, государство и суверенитетъ не въ правѣ посягать на внутреннюю свободу совѣсти.

Дальше этого не идетъ, ни тотъ, ни другой писатель. Оба одинаково высказываются противъ открытой проповѣди безбожія и безнравственности и составляютъ родъ символа вѣры, въ которомъ мы одинаково встрѣчаемъ признаніе верховнаго, справедливаго и милостиваго существа, единаго и вездѣсущаго, верховнаго господина и повелителя, культъ котораго требуетъ служенія справедливости и милосердію, т. е. любви къ ближнему [4]). Эта «гражданская религія» включаетъ въ себя также

---

[1]) Nam fere impossibile est ut major unius coetus pars in uno absurdo conveniat (Tractatus theologico-politicus, глава 16.

[2]) Contrat social, кн. II, глава 3.

[3]) Tractatus theologico-politicus, глава 16.

[4]) Согласно Спинозѣ fidei universalis dogmata (cap. 14. Opera. v. I) состоятъ въ признаніи: Deum hoc est ens supremum, justum et misericordem existere: eum esse unicum, eum ubique esse presentem; ipsum in omnia supremum habere jus et dominium; cultum Dei in sola justitia et charitate, sive amore erga proximum consistere; omnes qui hac vivendi ratione Deo obediunt salvos tantum esse, reliquos autem perditos: denique Deum poenitentibus peccata condonare.—Для Руссо les dogmes de

вѣру въ наказаніе нераскаянныхъ грѣшниковъ и въ вѣчное спасеніе благочестивыхъ. Руссо одинъ вводитъ въ нее признаніе святости общественнаго договора и законовъ. Но въ чемъ оба писателя снова сходятся, это въ утвержденіи, что государство въ правѣ принуждать каждого изъ своихъ гражданъ къ исповѣданію сочиненнаго имъ символа вѣры и къ согласованію съ нимъ своего образа дѣйствій [2]).

§ 2.

Это сопоставленіе взглядовъ женевскаго мыслителя съ тѣми, которые высказаны были ранѣе его насчетъ природы государства и власти, необходимо приводить къ заключенію, какъ разъ обратному тому, какое пытался установить г-нъ Vuy. Онъ думалъ открыть источникъ политическихъ возрѣній Руссо въ специфическихъ условіяхъ, созданныхъ его родинѣ, Женевѣ, особенностями ея государственнаго устройства, и въ томъ положеніи, какое самъ Руссо занялъ среди борющихся въ ней

---

la religion civile сводятся къ слѣдующему: l'existence de la Divinitè puissante, intelligente, bienfaisante, prévoyante et pourvoyante, la vie à venir, le bonheur des justes, le châtiment des méchants, la sainteté du Contrat social et des lois (Contrat social. кн. IV, глава 8).

[1]) Omnes patricii, пишетъ Спиноза, ejusdem religionis simplicissimae scilicet et maxime catholicae qualem in tractatu theologico politico descripsimus, esse debent.—Il y a une profession de foi purement civile, значится въ книгѣ IV, главѣ 8 Общественнаго договора, dont il appartient au souverain de fixer les articles, non pas précisément comme dogmes de religion mais comme sentiments de sociabilité, sans lesquels il est impossible d'être bon citoyen ni sujet fidèle. Sans pouvoir obliger personne à les croire, il peut bannir de l'état quiconque ne les croit pas; il peut le bannir non comme impie, mais comme insociable, comme incapable d'aimer sincèrement les lois, la justice, et d'immoler au besoin sa vie à son devoir. Que si quelqu' un après avoir reconnu publiquement ces mêmes dogmes, se conduit comme ne les croyant pas, qu' il soit puni de mort; il a commis le plus grand des crimes, il a menti devant les lois.

Адольфъ Менцель въ монографіи, озаглавленной Wandlungen in der Staatslehre Spinoza (stuttgart 1898) остановился подробно на вопросѣ о заимствованіяхъ Руссо изъ Tractatus theologico-politicus (см. стр. 23—28).

партій. Вюи пытается увѣрить насъ, что въ грамотѣ епископа Адемара Фабри отъ 1387 года, которой за Женевою признаны были ея старинныя обыкновенія и между прочимъ провозглашено, что ни въ какое время граждане не могутъ лишиться участія въ государственныхъ дѣлахъ, какъ бы продолжителенъ ни былъ перерывъ въ осуществленіи этого права, надо видѣть дѣйствительный источникъ основнаго ученія Руссо о суверенитетѣ націи, какъ о чемъ то неотчуждаемомъ и вѣчно ей присущемъ [1]).

Мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ, во 1-хъ потому, что неотчуждаемость разъ дарованныхъ преимуществъ, если не прямо выговорена, то подразумѣвается во всѣхъ городскихъ вольностяхъ и слѣдовательно могла быть въ равной мѣрѣ открыта Руссо при чтеніи жалованныхъ грамотъ, выданныхъ любымъ феодальнымъ сеньеромъ любой изъ средневѣковыхъ комунъ, во 2-хъ потому, что между соучастіемъ въ осуществленіи извѣстныхъ политическихъ функцій заодно съ поставленными епископомъ властями и народнымъ самодержавіемъ лежитъ еще цѣлая бездна, въ 3-хъ наконецъ, потому, что епископъ Адемаръ надѣляетъ правами не всѣхъ уроженцевъ Женевы, а только исконныхъ ея гражданъ и лицъ, принятыхъ въ ихъ среду послѣдующими «припущеніями», лишая въ то же время всякого участія въ осуществленіи власти позднѣйшихъ поселенцовъ и сельскихъ обывателей, тогда какъ Руссо наоборотъ не знаетъ никакого различія въ этомъ отношенія между жителями одного и того же государства.

Не болѣе вѣскимъ кажется намъ мнѣніе, выраженное профес-

---

[1]) Вотъ буквальный текстъ Вольностей Женевы отъ 1387 года, который имѣетъ въ виду г-нъ Vuy: Item si dicti clerici et cives gebennenses nunc et in futurum et qni pro tempore fierint in dicta civitate, procuratores vel sindici eiusdem, singulis privilegiis predictis et capitulis eorundem non uterentur, quod propter non usum dictis civibus et communitati per non usum triginta, quadragindta, quinquaginta et plurium annorum non amitterent, nec amittere deberent privilegia praedicta in toto vel in singulis capitulis, nec prescriptio curreret in predictis contra clericos, cives et communitatem predictos (см. Vuy. Origine des idées politiques de Rousseau Deuxième édition. Genève 1889, стр. 38).

соромъ Алексѣевымъ [1]). Онъ думаетъ, что Руссо имѣлъ въ виду обнародованіемъ своего Contrat social занятъ въ Женевѣ среднее положеніе между олигархической партіей, требовавшей переноса правъ самодержавія въ руки синдика и тѣсныхъ совѣтовъ, и радикалами въ родѣ Делюка, стоявшими за возстановленіе верховныхъ правъ общихъ собраній гражданъ, такъ называемыхъ Conseils généraux. Нѣтъ конечно сомнѣнія въ томъ, что Руссо, какъ въ Общественномъ договорѣ, такъ и въ позднѣйшихъ по времени Письмахъ съ горы, высказывается за сосредоточеніе исполнительныхъ функцій въ немногихъ рукахъ [2]); но ученію о народномъ суверенитетѣ, имъ провозглашенному, могло отвѣчать только возстановленіе законодательной власти гражданъ Женевы, иначе говоря «Большихъ Совѣтовъ». Вотъ почему въ примѣчаніяхъ къ Письмамъ съ горы (письмо 6-ое) рукою Руссо написано: однимъ изъ лучшихъ средствъ предупредить вырожденіе политическаго тѣла надо признать общія и періодическія собранія, въ которыхъ исправлялись бы ошибки правительства и дѣйствія его находили ратификацію закона. Правительству трудно удержаться (въ предѣлахъ законности) тамъ, гдѣ эти собранія не существуютъ. Говоря это, Руссо очевидно не противорѣчитъ [3]) тому, что сказано было имъ ранѣе въ Общественномъ договорѣ, напримѣръ въ слѣдующемъ афоризмѣ: «когда народъ въ полномъ своемъ составѣ законодательствуетъ по вопросу, касающемуся всего народа,... мы имѣемъ дѣло съ закономъ» или еще: «какъ пріобрѣсть увѣренность въ томъ, что частная воля находится въ соотвѣтствіи съ общей иначе, какъ подвергнувъ принятое ею рѣшеніе свободному голосованію націи» [4]). Нельзя видѣть несоотвѣтствія со сказаннымъ въ томъ, что Руссо говоритъ въ своей статьѣ «О политической экономіи» насчетъ безполезности созывать народъ ежечасно въ обширныхъ монархіяхъ и для рѣшенія каждаго вновь возникающаго и непредвидѣннаго случая, такъ какъ онъ старается отмѣтить прак-

---

[1]) Этюды о Руссо, часть вторая.

[2]) Le meilleur des gouvernements est aristocratique, la pire des souverainetés est l'aristocratique. Письма съ горы (письмо 6-ое).

[3]) См. Dreyfus—Brisac, стр. 402, примѣчаніе 2-ое.

[4]) Ibid. Женевская рукопись, стр. 277. Contr. Soc, кн. II, глава 7.

тическую неосуществимость подобныхъ созывовъ и возможность узнать соотвѣтствіе принятого рѣшенія съ общей волею по другому признаку, а именно тому, что оно отвѣчаетъ общему благу [1]).

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что Руссо по своимъ политическимъ симпатіямъ стоялъ на сторонѣ той партіи, которая хотѣла оживить вліяніе народныхъ собраній или Большого совѣта, передачей ему не законодательнаго почина, а одного referendum, подводимаго подъ понятіе droit négatif. Если онъ и расходился съ нею, то отнюдь не въ цѣляхъ, а въ средствахъ. Дорожа болѣе всего сохраненіемъ гражданскаго мира и согласія, онъ всячески старался отвратить своихъ соотечественниковъ отъ усобицъ и осуждалъ производимую ими революціонную пропаганду. Человѣкъ, писавшій маркизу Мирабо, что онъ не видитъ возможности найти середину между суровой демократіей и деспотизмомъ во вкусѣ Гоббса [2]), очевидно не могъ довольствоваться той едва сохранившей нѣкоторые корни въ народѣ олигархіей тѣсныхъ городскихъ совѣтовъ, какая установлена была въ Женевѣ Кальвиномъ, въ ней отнюдь нельзя искать прототипа его политическихъ возрѣній.

На основаніи всего сказаннаго я не считаю возможнымъ видѣть въ томъ фактѣ, что Руссо посвятилъ свой трактатъ о причинахъ неравенства женевскому правительству, ничего иного, кромѣ доказательства его приверженности къ республиканской формѣ правленія и можетъ быть косвенной сатиры на присущія его родинѣ олигархическія тенденціи [3]). Женева дорога автору Общественнаго договора отнюдь не болѣе Спарты или Рима первыхъ временъ республики. Его пристрастіе къ ней объясняется ея близостью къ типу ограниченнаго предѣлами города классическаго государства, въ которомъ нѣтъ тѣхъ препятствій къ осуществленію народнаго самодержавія, какими въ современныхъ

---

[1]) Dreyfus-Brisac, стр. 374.

[2]) Письмо отъ 26 іюля 1767 г.

[3]) Руссо самъ признается въ томъ, что такія можно сказать дидактическія цѣли не были ему чужды, говоря въ своихъ Письмахъ съ горы: Mon livre (разумѣется Contrat Social) portait témoignage contre l'attentat qu'on allait faire (à Genève): voilà ce qu'on ne m'a pas pardonné (письмо VI) Dreyfus—Brisac, стр. 403.

ему европейскихъ монархіяхъ является обширность территоріи, численность населенія, развитіе соціальныхъ контрастовъ, любовь къ роскоши и извращеніе нравовъ. Не даромъ же въ одномъ изъ примѣчаній къ женевской рукописи встрѣчаются слова: нельзя думать, что городскія республики (cités) могутъ возникнуть повсюда. Во всей Европѣ нѣтъ больше народа способнаго нести почетное бремя свободы. Существующія націи годны только для цѣпей; свобода слишкомъ тяжела для нихъ [1]). Политическая теорія Руссо съ характеризующими ея чертами основаннаго на добровольномъ соглашеніи народнаго суверенитета и подчиненія правительства закону или, что то же, общей воли, возникла на основаніи не односторонняго знакомства съ женевскими учрежденіями въ ихъ прошломъ и настоящемъ, а на провѣркѣ ходячихъ теорій объ общественномъ договорѣ и объ условіяхъ закономѣрнаго правительства сравнительнымъ изученіемъ историческаго опыта республикъ древняго и новаго міра, начиная со Спарты и Рима и оканчивая Венеціей. Право утверждать это даетъ мнѣ и уцѣлѣвшій отрывокъ изъ задуманной Руссо Исторіи Спарты съ преувеличенными отзывами о преимуществахъ ея конституціи [2]), и заключительныя главы Общественнаго Договора, всецѣло посвященныя анализу римскихъ государственныхъ порядковъ [3]), и свидѣтельство «Исповѣди» о томъ, что несовершенство хваленой Венеціанской конституціи впервые породили въ немъ желаніе заняться изуче-

---

[1]) Примѣчаніе къ шестой главѣ второй книги. (Dreyfus—Brisac, стр. 293).

[2]) См. Janson. Fragments inédits de Jean Jacques Rousseau, стр. 11 Histoire de Lacédémone (1752 г.) Préface. Sans décider si jamais les plus puissants peuples en ont fourni de plus sages (рѣчь идетъ объ учрежденіяхъ Спарты (il me suffit de croire qu'on n'en proposera jamais à la considération des sages de plus propres à faire sentir ce que peuvent sur l'homme les lois et les moeurs et ce que peut l'homme lui même quand il aime sincèrement la vertu.

[3]) Livre IV ch. 4. Les Comices romains. Livre IV ch. 5. Du tribunat Livre IV, ch. 6. De la dictature. Livre IV ch. 7. De la censure. За этими главами слѣдуетъ не связанный съ ними и заимствованный изъ Женевской рукописи экскурсъ о гражданской религіи (глава 8) и нѣсколько строкъ заключенія.

ніемъ вопросовъ государственнаго устройства, написать книгу «О политическихъ учрежденіяхъ [1]).

Основанное такимъ образомъ на изученіи моралистовъ и политиковъ древности и новаго времени, а также на сравнительномъ анализѣ наиболѣе прославленныхъ республиканскихъ конституцій, сочиненіе объ общественномъ договорѣ является въ глазахъ его автора произведеніемъ, которымъ онъ считаетъ себя въ правѣ гордиться [2]), которое не обвѣтшаетъ и останется книгою для всѣхъ временъ [3]). Руссо называетъ его дорогимъ для него сочиненіемъ (mon cher livre) и объясняетъ причину своего пристрастія новизною затронутыхъ въ немъ вопросовъ и удачностью ихъ рѣшенія. «Основы правительства, говоритъ онъ въ Письмахъ съ горы, тѣже повсюду, но въ моей книгѣ онѣ установлены лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было» [4]). Изъ пятой главы

---

[1]) Il y avait treize à quatorze ans que j'en avais conçu (рѣчь идетъ о трактатѣ, озаглавленномъ Institutions politiques) la première idée, lorsque, étant à Venise, j'avais eu quelque occasion de remarquer les défauts de ce gouvernement si vanté. Depuis lors mes vues s'étaient beaucoup étendues (рѣчь идетъ о 1756 года) par l'étude historique de la morale. (Confessions).

[2]) Lettre à Rey (Montmorency, 29 Mai 1762). Il ne s'ensuit pas que Vous deviez ôter mon nom d'un livre que je m'honore d'avoir fait, qui ne contient rien que de très convenable aux sentiments d'un honnête homme et d'un bon citoyen, rien que je veuille désavouer, rien que je ne sois prêt à soutenir devant tel tribunal compétent que ce puisse être.

[3]) Письмо къ тому же отъ 7-го ноября 1761 г. Quoiqu'il (le Contrat social) ne soit pas de nature à se répandre aussi promptement qu'un roman, j'espère qu'il ne s'usera pas de même et que ce sera un livre pour tous les temps, s'il n'est pas rebuté par le public.

[4]) O mon ouvrage, mon cher ouvrage, que va-t-il-devenir, (письмо къ Рею отъ 13 янв. 1762 г.). Les fondements de l'état sont les mêmes dans tous les gouvernements, et ces fondements sont mieux posés dans mon livre que dans aucun autre (Lettres de la montagne, lettre 6). Мнѣ кажется поэтому совершенно произвольнымъ слѣдующее положеніе г-на Алексѣева: „Работа, которою такъ неохотно занимался Руссо (рѣчь идетъ объ Общественномъ договорѣ), не могла удовлетворить его, когда она лежала наконецъ готовой передъ нимъ. Это чувство неудовлетворенности очень ясно проглядываетъ въ его перепискѣ, относящейся къ эпохѣ окончанія „Общественнаго Договора“, и въ

Эмиля, въ которой, подъ предлогомъ дать программу для преподаванія политики, Руссо излагаетъ вкратцѣ содержаніе своего Общественнаго договора, мы узнаемъ, что̀ именно онъ разумѣетъ, говоря: наука о государствѣ только въ зародышѣ, въ моемъ трудѣ основы ея указаны всего лучше. «Разъ установлено, продолжаетъ Руссо, что ничто не связываетъ подданныхъ, кромѣ общей воли, намъ необходимо узнать, какъ она обнаруживается, по какимъ признакамъ ее можно узнать, что такое законъ, какова его дѣйствительная природа. Предметъ этотъ совсѣмъ новъ: опредѣленіе закона еще не дано» [1]). И такъ, наканунѣ появленія Общественнаго договора, Руссо считалъ нерѣшеннымъ основной вопросъ государственнаго права о томъ, что такое законъ и чѣмъ обусловлена обязанность подчиненія ему со стороны подданныхъ и правительства. Посильную попытку къ его рѣшенію онъ сдѣлалъ впрочемъ еще раньше въ статьѣ О политической экономіи. Въ ней давалось уже опредѣленіе закона, какъ общей воли, высказываемой по вопросу, задѣвающему не частные интересы тѣхъ или другихъ лицъ или корпорацій, а общіе интересы всего гражданства. Но, хотя Руссо и говорилъ объ этой статьѣ, что она продиктована ему сердцемъ, онъ, повидимому, не считалъ еще вполнѣ выясненной ту причину, которая заставляетъ частныхъ лицъ подчинять свои поступки общимъ велѣніямъ. И дѣйствительно, безъ признанія договорнаго характера тѣхъ отношеній, какія возникаютъ, съ одной стороны, между частнымъ лицомъ и государствомъ, а съ другой, между народомъ и правительствомъ, трудно дать разумное обоснованіе теоріи «закономѣрнаго повиновенія, не только не стѣсняющаго, но и расширяющаго еще личную свободу каждаго«. Мысль Руссо останавливалась тѣмъ не менѣе уже тогда, какъ слѣдуетъ изъ первой редакціи его «Политическихъ учрежденій», на томъ рѣшеніи, какое дано имъ этому основному вопросу государственнаго устройства въ окончательномъ текстѣ Общественнаго договора. Въ этомъ легко убѣдиться между про-

---

его позднѣйшемъ отношеніи къ этому политическому трактату. (Этюды о Руссо, часть II, стр. 16).

[1]) Emile, гл. 5, въ кн. Dreyfus-Brisac. стр. 385.

чимъ изъ слѣдующаго отрывка невшательской рукописи: «Человѣкъ свободенъ, хотя и подчиненъ законамъ, не тогда, конечно, когда онъ повинуется частному лицу, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ служитъ чужой воли, а тогда, когда, повинуясь законамъ, онъ на самомъ дѣлѣ подчиняетъ свое поведеніе общей воли, которая въ такой же мѣрѣ его воля, какъ и воля любого. Господинъ можетъ дозволить одному, что онъ запрещаетъ другому. Законъ же не дѣлаетъ изъятій,—почему условія всѣхъ равны и исчезаютъ различія господина и слуги [1]). Связать эту мысль съ теоріей общественнаго договора, въ силу котораго каждый уступаетъ себя всецѣло другимъ и въ то же время не только не лишается преимуществъ естественнаго состоянія, но еще увеличиваетъ ихъ, — такова задача Contrat social. Руссо на столько доволенъ ея выполненіемъ, что на разстояніи цѣлыхъ пяти лѣтъ со времени выхода своего трактата въ письмѣ къ Маркизу Мирабо еще сводитъ основную проблему политики къ рѣшенію вопроса о томъ, какая форма государственнаго устройства способна дать закону преобладаніе надъ частной волей. Въ его глазахъ этой формой является предложенное имъ «суровое народовластіе»; онъ не думаетъ, чтобы внѣ его подчиненіе закону могло быть достигнуто иначе, какъ принужденіемъ и упроченіемъ самого неограниченнаго произвола или, что для него тоже, «наисовершеннѣйшаго Гоббизма». Между обоими нѣтъ посредствующихъ звеньевъ: превозносимая физіократами легальная деспотія — не болѣе, какъ звукъ пустой, какъ соединеніе двухъ противорѣчивыхъ понятій [2]).

И такъ, вотъ къ чему сводится въ глазахъ Руссо оригинальность его политическаго трактата; вотъ въ чемъ мысль его, питавшаяся, по собственному его сознанію, ученіями древнихъ и новыхъ философовъ и моралистовъ, а также опытомъ классическихъ республикъ, аристократій и демократій Италіи, Швейцаріи и Голландіи, обнаружила свою творческую силу, создала нѣчто прочное и окончательное.

Можно ли послѣ этого принимать свидѣтельство Дюссо о

---

[1]) Dreyfus Brisac, стр. 319.

[2]) Lettre au marquis de Mirabeau. Trye 26, Juillet 1767.

томъ, что въ послѣдніе годы жизни авторъ Общественнаго Договора считалъ его «книгой, нуждающейся въ передѣлкѣ» (c'est un livre à refaire) иначе, какъ въ смыслѣ недовольства не его содержаніемъ, а редакціей; можно ли на основаніи этихъ ничѣмъ и никѣмъ не подтвержденныхъ словъ и, несмотря на явное ихъ противорѣчіе со всѣмъ, что самъ Руссо говоритъ намъ о своемъ трактатѣ, приписывать женевскому философу отрицательное отношеніе къ доктринамъ, на которыхъ въ значительной мѣрѣ опирается его слава? Я думаю, что мы не имѣемъ къ тому ни малѣйшаго основанія [1]).

Спросимъ себя теперь, какой пріемъ встрѣтило это новое ученіе о закономѣрномъ повиновеніи, какъ непосредственно вытекающемъ изъ принципа народнаго суверенитета, суверенитета неотчуждаемаго, недѣлимаго и потому исключающаго возможность всякихъ другихъ отношеній между обществомъ и правительствомъ, кромѣ тѣхъ, какія существуютъ между довѣрителемъ и его уполномоченымъ?

Пріемъ этотъ былъ различенъ, смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло со сторонниками демократіи или съ защитниками отживающихъ формъ политическаго устройства, выродившейся въ олигархію аристократіи и перешедшей въ деспотію монархіи.

Въ средѣ политическихъ единомышленниковъ Руссо Общественный договоръ вызвалъ настоящій взрывъ энтузіазма. Протестантскій пасторъ Мульту, уроженецъ Монпелье и слѣдовательно французъ по рожденію, но котораго религіозныя преслѣдованія заставили укрыться въ Женевѣ, справедливо увидѣлъ въ Contrat social отвѣтъ на поставленный имъ самимъ вопросъ: каковы принципы республиканскаго образа правленія, отчего происходитъ ихъ вырожденіе и какъ можно предупредить его? Монтескье, писалъ онъ Руссо 7-го марта 1761 года, отчасти затронулъ эту тему. Но вы призваны сказать ваше слово и послѣ Монтескье. Это предметъ, достойный васъ. Настало къ

---

[1]) Другого мнѣнія держится профессоръ Алексѣевъ, избравшій эпиграфомъ своей диссертаціи вышеприведенныя слова Дюссо, и отводящій цѣлую главу своей книги доказательству этого на мой взглядъ ничѣмъ не оправдываемаго положенія.

тому же время имъ заняться (намекъ на переживаемыя Женевой внутреннія волненія). О Руссо, нашъ ангелъ хранитель, спасите насъ, или по крайней мѣрѣ разоблачите причины нашего вырожденія [1]). Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя первые экземпляры Общественнаго Договора достигли Женевы, Мульту въ слѣдующихъ словахъ рисуетъ сдѣланный ему пріемъ. Наши «граждане» говорятъ, что «ваша книга — арсеналъ свободы. Меньшинство рветъ и мечетъ, большинство торжествуетъ» [2]). Contrat social всѣми читается съ жадностью. Сами враги принуждены сознаться, что въ этомъ сочиненіи вашъ геній сказался съ наибольшей силой. Какая глубина мыслей! Какая мощь слога! Насколько вы превзошли самого даже Монтескье. Ваша книга должна вселить ужасъ всѣмъ тиранамъ, родившимся или имѣющимъ родиться. Она вызываетъ во всѣхъ сердцахъ любовь къ свободѣ [3]).

Среди этого дружнаго хора похвалъ слышались однако идущіе въ разрѣзъ съ нимъ голоса пасторовъ-кальвинистовъ, которые не могли простить Руссо его односторонняго пристрастія къ естественной религіи. Священникъ Вернъ принадлежалъ дотолѣ къ числу его личныхъ друзей, что, впрочемъ, не мѣшало ему высказывать уже и тогда соболѣзнованіе на счетъ того, что въ Новой Элоизѣ главное дѣйствующее лицо, Вольмаръ, изображено безбожникомъ и въ то же время честнымъ человѣкомъ [4]). При появленіи Эмиля, предшествуемаго обнародованіемъ Contrat social, онъ счелъ долгомъ совѣсти написать ихъ автору слѣдующее письмо, какъ нельзя лучше рисующее то положеніе, какое должны были занять по отношенію къ нему, какъ деисту, исповѣдники самого даже передоваго протестантизма: О, другъ

---

[1]) J. J. Rousseau, Ses amis et ses ennemis, т. I, стр. 11.

[2]) Письмо отъ 16-го Іюня 1762 г. (ibid. стр. 39).

[3]) Письмо отъ 18-го Іюня того же года (ibid. стр. 41).

[4]) Lettre du 26 Mai 1761. Il n'ya que ce Volmar athée qui m'a attristé, il me semble qu'il est impossible qu'un honnête homme ne croie pas en Dieu... J'avoue, mon cher Rousseau, que je ne vois aucune bonne raison qui ait pu Vous déterminer à faire de l'excellent Volmar un athée déterminé, ou du moins de ne l'avoir pas fait changer de système à la fin du roman (ibid. т. I, стр. 151).

мой, имѣй вы достаточно довѣрія, чтобы предупредить меня о томъ, что вы намѣрены напечатать, мнѣ можетъ быть удалось бы отклонить Васъ своими дружескими представленіями отъ такого проэкта. Еслибы все, что сказано вами о христіанствѣ, и было справедливо, какую пользу можете вы оказать обществу, отнимая у него одинъ изъ самыхъ твердыхъ устоевъ? Какая тревога поднялась въ нашихъ душахъ при видѣ, что человѣкъ, обожаемый за его талантъ и геній, высказываетъ рядъ сомнѣній (противъ того, что мы признаемъ истиной Откровенія). Я не отрицаю, что ваше ученіе о естественной религіи превосходно. Я прочелъ то, что Вы пишите о ней съ восторгомъ и не знаю ничего, что бы даже издали приближалось къ этому дивному отрывку, но, еслибы вы не ограничились одной естественной религіей, какую бы пользу вы могли принесть религіи Христа и Апостоловъ, которая только расширяетъ и совершенствуетъ вашу собственную систему [1]). Въ свою очередь Мульту, отдавая дань восторга «Исповѣди Савойскаго викарія» [2]), тщетно убѣждалъ Руссо изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное ею среди проповѣдниковъ кальвинизма, и обнародовать съ этой цѣлью въ формѣ письма заявленіе, гласящее, что его религіозные принципы, не допуская тѣхъ придатковъ, какія римская курія сдѣлала къ Евангелію, вполнѣ согласны съ началами, проповѣдуемыми всѣми истинными послѣдователями Христа, подъ которыми онъ очевидно разумѣлъ приверженцовъ кальвинистскаго толка [6]). Агитація Женевскаго духовенства была вполнѣ успѣшна не только въ рядахъ простонародья, но и въ средѣ вожаковъ демократической партіи, въ томъ числѣ Делюка. Бывшая почитательница Руссо въ анонимномъ письмѣ приглашала его сжечь свои сочиненія и не оскорблять болѣе

---

[1]) Ibid, письмо отъ Іюля 1762 г. (стр. 133 и 134).

[2]) J'ai lu vingt fois, пишетъ онъ, Votre manuscript (la profession de foi du Vicaire savayard) et à chaque lecture que j'en ai faite j'ai éprouvé de nouveaux sentiments d'admiratiron — Non, on n'a rien écrit d'aussi fort, d'aussi lumineux, d'aussi vrai sur la religion naturelle, et Vous — même, Monsieur, Vous n'avez rien fait qui approche de ce morceau (письмо отъ 5 февраля 1762 г., ibid. т. I, стр. 23 и 24).

[3]) Письмо отъ 18 Іюня 1762 года (ibid. стр. 42).

перомъ Бога и человѣчество [1]). О Делюкѣ же Мульту писалъ: онъ видитъ въ васъ гражданина и соболѣзнуетъ о томъ, что не можетъ признать въ васъ христіанина [2]).

Есть основаніе предполагать, впрочемъ, что къ недовольству религіозными возрѣніями Руссо присоединялась у де Люка и неудовлетворенность его политическими принципами, его пристрастіемъ къ аристократіи, если не какъ къ образу государственнаго устройства, то какъ къ формѣ правительства. Не даромъ же онъ высказывалъ соболѣзнованіе, что Руссо не прочелъ его книги, посвященной болѣе вопросамъ политической борьбы и государственной организаціи Женевы, нежели защитѣ догматовъ христіанства [3]).

Не даромъ также самъ Мульту подчеркивалъ эту именно сторону «Общественнаго Договора», высказывая сомнѣніе, чтобы тѣ, которыхъ не удовлетворяетъ существующая въ Женевѣ демократія (?), помирились съ превозносимой Руссо аристократіей? Вѣдь ихъ симпатій не способна была бы завоевать и сама Спарта [4]).

Такимъ образомъ съ самаго начала можно было предвидѣть, что политическое credo Руссо, и независимо отъ его религіозныхъ возрѣній, встрѣтитъ отпоръ въ нѣкоторой части его согражданъ, далеко однако не въ той, которая, какъ мы увидимъ вскорѣ, подъ вліяніемъ даннаго Франціей примѣра, рѣшилась подвергнуть преслѣдованію, какъ оба такъ тѣсно связанныя между собою сочиненія, такъ и самого ихъ автора.

Намъ необходимо теперь, спросить себя, какой пріемъ сдѣланъ былъ Общественному Договору и политико-религіознымъ

---

[1]) Письмо d'une anonyme genèvoise отъ 1762 года (ibid. т. II, стр. 466 и 467).

[2]) Письмо отъ 18-го Іюня 1762 г. (ibid, т. I, стр. 43).

[3]) Tout cela, dit il (De Luc), ne lui serait pas arrivé s'il avait lu mon livre, et ce livre Vous le connaissez (ibid).

[4]) Il me tarde de pouvoir Vous apprendre le succès du Contrat Social à Genève. Si Vous y préférez l'aristocratie à tout autre gouvernement, je comprends toutes les limitations que Vous lui donnez; mais pensez Vous que ceux à qui notre démocratie déplait s'accomoderaient de notre aristocratie? Celle de Sparte leur aurait elle plu? (письмо отъ 5 Іюня 1762 г., ibid, т. I, стр. 35).

главамъ Эмиля въ странѣ Вольтера и Дидеро, начиная прежде всего съ этихъ двухъ корифеевъ новыхъ доктринъ. Ссора Руссо съ «философами», вызванная, какъ справедливо замѣчаетъ Текстъ, прежде всего его враждебностью къ матеріализму и невѣрію, несомнѣнно во многомъ объясняетъ себѣ то скрытое или явное недоброжелательство, съ какимъ патріархъ Фернэ и глава Энциклопедистовъ встрѣтили два важнѣйшихъ сочиненія женевскаго мыслителя.

Со стороны Дидеро такой образъ дѣйствій кажется тѣмъ болѣе изумительнымъ, что Contrat social въ сущности только развиваетъ взгляды, выраженные ранѣе въ Разсужденіи о неравенствѣ и въ статьѣ о Политической Экономіи. Первое, по собственному сознанію Руссо, написано было подъ вліяніемъ Дидеро [1]), второе же отпечатано въ его Энциклопедіи и развиваетъ мысли о естественномъ правѣ и законѣ, близкія къ тѣмъ, какія можно прочесть въ статьѣ о loi naturelle, написанной самимъ Дидеро, вѣроятно въ сотрудничествѣ съ будущимъ авторомъ Общественнаго договора [2]). Это обстоятельство и дало, быть можетъ, основаніе бывшему союзнику обвинить впослѣдствіи Руссо въ отсутствіи всякой оригинальности. Въ замѣткахъ на Жизнь Сенеки Дидеро категорически заявляетъ, что у Руссо нельзя встрѣтить ни одной выдающейся мысли, которая бы не была заимствована [3]). Еще рѣзче высказывается Вольтеръ, не видящій на первыхъ порахъ въ обоихъ сочиненіяхъ ничего, кромѣ грубыхъ оскорбленій королямъ и безвкуснаго повторенія выходокъ Беля противъ христіанства. Это, впрочемъ, не помѣшаетъ ему измѣнить впослѣдствіи свое мнѣніе, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Исповѣди Савойскаго священ-

---

[1]) De ces méditations résulta le Discours sur l'inégalité, пишетъ Руссо въ своей Исповѣди, ouvrage qui fut plus du goût de Diderot que tous mes autres écrits et pour le quel ses conseils me furent le plus utiles. (Dreyfus Brisac, стр. 324).

[2]) Теорія общей воли, какъ составляющей сущность закона и имѣющей своимъ признакомъ соотвѣтствіе не съ частными, а съ общими интересами, встрѣчается уже въ этой статьѣ и сближаетъ ее поэтому съ разсужденіемъ Руссо О политической экономіи.

[3]) Сравни Krueger. Fremdengedanken in J. J. Rousseau ersten Discours. Halle 1891 г.

ника, которую въ 1766 году онъ объявитъ «заслуживающей уваженія». Но общественный договоръ навсегда останется въ глазахъ Вольтера трактатомъ противуобщественнымъ (le Contrat social très insocial) [1]).

Совсѣмъ не таково было отношеніе другого изъ выдающихся умовъ XVIII-го вѣка. Даламбера. Не смотря на различіе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ и недавнюю довольно горячую полемику [2]), онъ спѣшитъ признать въ авторѣ Эмиля человѣка, давшаго людямъ «планъ разумной религіи» (le plan d'une religion raisonable). Для Даламбера послѣднія сочиненія Руссо содержатъ въ себѣ великія и новыя истины и окончательно упрочиваютъ его извѣстность [3]). Такая оцѣнка встрѣчала болѣе или менѣе дружный откликъ не только въ кружкѣ Герцога Люксембургскаго, въ тѣсномъ общеніи съ которымъ Руссо провелъ мѣсяцы, предшествовавшіе появленію Эмиля и Contrat social, но и въ болѣе широкой сферѣ ревнителей новыхъ политическихъ доктринъ, не порвавшихъ однако всякой связи, если не съ католицизмомъ, то съ теистическимъ міросозерцаніемъ. Объ

---

[1]) Письмо отъ 25 Іюня 1762 года, 24 Января 1766 г. (Сравни Caro, La fin du dix — huitième siècle т. I, стр. 118). Особенно характерно первое изъ этихъ посланій. Оно направлено къ Damilavile и заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее характерное мѣсто: Ce contrat social ou insocial n'est remarquable que par quelques injures dites grossièrement aux rois par le citoyen du boure de Genève et par quatre pages insipides contre la religion chrétienne. Ces quatre pages ne sont que des centons de Bayle. Ce n'était pas la peine d'être plagiaire.— Не болѣе лестенъ отзывъ, данный объ Общественномъ Договорѣ личнымъ врагомъ Руссо, другомъ и сотрудникомъ творцовъ Энциклопедіи, Гриммомъ. Въ его Correspondance littéraire отъ Іюля 1762 г. мы читаемъ: On dit que le Contrat Social est de la même trempe (que l'Emile), obscur et embarassé dans ses principes, souvent petit et plat, souvent hardi, élevé et admirable.

[2]) Она вызвана была статьей Даламбера о Женевѣ и его жалобами на нетерпимость Кальвинистскихъ проповѣдниковъ къ спектаклямъ. Всѣмъ извѣстенъ отвѣтъ, данный на эти обвиненія Руссо въ его знаменитомъ посланіи о вредѣ театральныхъ представленій.

[3]) Письмо отъ 15-го Іюня 1762 г. (J. J. Rousseau, Ses amis et ses ennemis, т. I, стр. 270—272).

этомъ можно судить по тѣмъ отзывамъ, какія даютъ въ своихъ письмахъ къ Руссо, Рюльеръ, будущій авторъ Исторіи Россіи, въ это время проживавшій въ Петербургѣ [1]), критикъ Делэръ, извѣстный своимъ анализомъ философіи Бекона, разсужденіемъ о геніи Монтескье и рядомъ статей въ Великой Энциклопедіи [2]), — наконецъ аббатъ Кондильякъ, по словамъ Делэра «любившій и уважавшій» — женевскаго мыслителя и послѣ изгнанія его изъ Франціи [3]). Мы съ удивленіемъ не находимъ въ тѣхъ же рядахъ Мабли, политическое credo котораго такъ близко къ возрѣніямъ Руссо, но который не могъ простить послѣднему той роли въ возбужденіи внутреннихъ несогласій между гражданами Женевы, какую несправедливо приписывалъ ему въ это время кружокъ Вольтера [4]).

Нечего и прибавлять, что какъ противники, такъ и сторонники, какихъ новая политическая и религіозная доктрина встрѣчала, въ средѣ литераторовъ, равно далеки были отъ мысли принимать мѣры, препятствующія ея распространенію въ публикѣ. Первые удары въ этомъ направленіи посыпались изъ рядовъ католическаго духовенства и его вліянію надо также приписать то обстоятельство, что парижскій Парламентъ, высказывая одновременно такую же заботу объ упроченіи законности [5]), какой проникнута теорія «Общественнаго

---

[1]) Письмо отъ 20 Февр. 1763 г. и 12 Іюля 1764 г. (ibid, т. I, стр. 307—314).

[2]) Письмо отъ 22 Дек. 1763 г. (ibid, стр. 218 I. т.).

[3]) Письмо отъ 27 Апр. 1764 г. (ibid, т. I, стр. 224).

[4]) Письмо отъ 11 Февр. 1765 г. (ibid, т. I, стр. 516 и 517).

[5]) Въ рукописномъ Дневникѣ книгопродавца Гарди воспроизведенъ слѣдующій отрывокъ изъ Ремонстрацій, представленныхъ Парижскимъ Парламентомъ королю Людовику XV. Онѣ отражаютъ образъ мыслей, довольно близкій къ тому, какого придерживался Руссо, говоря, что главную заботу политиковъ должно составить открытіе такой формы правительства, при которой законъ поставленъ былъ бы выше частнаго лица (письмо къ Маркизу Мирабо, отъ 26 Іюля 1767 года). Que le caractère essentiel du gouvernement monarchique est... de procurer la stabilité au bonheur des sujets par la conservation de leur liberté, de leurs honneurs et de leurs droitst, que

Договора». тѣмъ не менѣе открылъ преслѣдованіе противъ его автора.

Мысль о томъ, что высказываемыя имъ ученія могутъ навлечь на него громы правительства, повидимому, не разъ приходила въ голову Руссо еще въ эпоху первой незаконченной имъ редакціи сочиненія о Политическихъ Учрежденіяхъ. Въ своей Исповѣди онъ говоритъ намъ, что постоянно скрывалъ даже отъ такихъ близкихъ ему людей, какъ Дидеро или Дюкло, характеръ предпринятой работы, изъ опасенія, чтобы его задача не показалась слишкомъ смѣлой для того времени и той страны, въ которой она была предпринята, и чтобы ихъ добрые совѣты не отклонили его отъ ея исполненія [1]). Но терпимость, обнаруженная правительствомъ по отношенію къ Разсужденію о неравенствѣ, повидимому успокоила Руссо насчетъ той судьбы, какая могла ожидать его сочиненіе объ Общественномъ договорѣ, такъ какъ все что есть смѣлаго въ этомъ послѣднемъ, было по его словамъ, высказано имъ уже раньше въ ранѣе допущенномъ къ обращенію трактатѣ [2]). Самый тонъ новаго сочиненія, какъ болѣе сдержанный и спокойный, долженъ былъ, по его разсчету, создать ему меньше противниковъ. Руссо склоненъ объяснять отсутствіемъ тѣхъ вліяній, какимъ онъ подчинялся въ эпоху редактированія первыхъ своихъ разсужденій, благодаря тѣсному общенію съ Дидеро, эту счастливую особенность всѣхъ своихъ позднѣйшихъ работъ. Его оптимизмъ находилъ также пищу себѣ въ томъ соображеніи, что французскому правительству не придетъ въ голову преслѣдовать сочиненіе, написанное чужестранцемъ и обнародованное внѣ предѣловъ

---

ces précieux avantages, fondemens de la durée des monarchies, prennent leur source dans les loix qui règlent les droits respectifs du souverain et de ses peuples. Que de ces lois les unes sont immuables, les autres peuvent être changées pourvu que ce changement n'altère point les premières... Que le monarque doit à ses sujets la protection, l'appui, le soutien et la conservation des droits que leur assurent les loix. (Remontrances faites en 1764 le 16 Janvier dans l'affaire du Duc de Fitz James) Bibl. Nat. Fonds français № 6680, стр. 42 и слѣд.

[1]) Dreyfus Brisac, стр. 326.

[2]) Tout ce qu'il y avait de hardi dans le Contrat Social etait auparavant dans le Discours sur l'inégalité.

Франціи. «Какую пользу можетъ оно найти въ препятствованіи республиканцамъ обнаруживать свой республиканскій образъ мыслей [1])?»

Всѣ эти разсчеты оказались, однако, ошибочными. Наиболѣе религіозный изъ всѣхъ философовъ XVIII-го вѣка навлекъ на себя немилость церковныхъ пастырей въ лицѣ парижскаго архіепископа Христофора де Бомонъ. Современники, въ томъ числѣ авторъ доселѣ необнародованнаго дневника, книгопродавецъ Гарди, говоря о примасѣ Франціи, далеко не рисуютъ намъ образа суроваго аскета и ревнителя правовѣрія. Въ лицѣ преслѣдователя Руссо мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ прелатовъ, которые, пренебрегая обязанностями своего сана и званія и держась одинаково далеко отъ священства и паствы, вели свѣтскій образъ жизни, утопая въ роскоши и поражая всѣхъ своей расточительностью [2]). Отличаясь большимъ честолюбіемъ и въ то же время подозрительностью, Бомонъ съ любовью прислушивался ко всякимъ навѣтамъ и подъ ихъ вліяніемъ спѣ-

---

[1]) Un livre où l'on n'examine les gouvernements que par leurs principes ne peut avoir nul trait à aucun gouvernement particulier, пишетъ Руссо своему издателю Рею изъ Монморанси 29 мая 1762-го года. Ce serait avoir d'étranges idées que de préfendre nous ôter à nous autres républicains le droit d'examiner et de discuter les fondements et les défauts des gouvernements monarchiques en général... Quant à mes principes de doctrine, à moi républicain, publiés dans une république, il n'y a en France ni magistrat, ni tribunal, ni parlament, ni ministre, ni le Roy lui-même qui soient en droit de m'interroger là dessus et de m'en demander aucun compte.

[2]) Говоря о Христофорѣ де Бомонъ, Гарди заявляетъ, что во 1-хъ во все время занятія имъ архіепископскаго стола, онъ не сдѣлалъ ни одного объѣзда по епархіи, во 2-хъ) ни разу не созывалъ церковнаго сѵнода, въ 3-хъ) тщательно избѣгалъ всякаго посѣщенія церковной службы, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда ему положено было совершать литургію. Со дня своего призыва на архіепископскій столъ и до кончины, какъ въ парижскомъ дворцѣ архіепископа, такъ и въ его лѣтней резиденціи въ Conflants, и въ праздничные, и въ постные дни, одинаково слѣдовали пріемъ и трапеза для приглашенныхъ. См. Mes loisirs, дневникъ книгопродавца Hardy. Рукопись Національной библіотеки въ Парижѣ (fonds français 6684, стр. 108).

шилъ обнажать свой духовный мечь противъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ единовѣрія.

Эмиль своей проповѣдью естественной религіи и сжатой передачей теоріи народнаго самодержавія навлекъ на себя гнѣвъ архіепископа. Въ посланіи къ паствѣ онъ слѣдующимъ образомъ мотивируетъ свое осужденіе высказаннымъ въ немъ ученіямъ: изъ нѣдръ заблужденія поднялся человѣкъ, который, не будучи философомъ, не прочь говорить языкомъ философовъ, котораго масса накопленныхъ свѣдѣній не озарила истиннымъ свѣтомъ и который поэтому можетъ только породить мракъ въ умахъ людей. Человѣкъ этотъ, значится далѣе въ текстѣ анализируемаго нами посланія къ паствѣ, соединяетъ съ простотою нравовъ надменность мыслителя и съ ревностью къ установленнымъ принципамъ страсть къ новшествамъ. За этой характеристикой писателя слѣдуетъ оцѣнка его произведеній. Обновляя тѣ обвиненія, какія впервые сдѣланы были Вольтеромъ, говорившимъ, что авторъ Разсужденія о неравенствѣ порождаетъ желаніе ходить на четвереньках, епископское посланіе утверждаетъ, не доказывая, что Руссо въ этомъ сочиненіи «принижаетъ человѣка до уровня животныхъ». въ Новой же Элоизѣ онъ «прививаетъ людямъ ядъ сладострастія, принимая въ то же время личину его гонителя». Наконецъ въ Эмилѣ Руссо, по словамъ епископа, «съ колыбели готовъ овладѣть человѣкомъ съ цѣлью водворить царство невѣрія».

Такъ какъ послѣднее всегда связано съ духомъ независимости и мятежа по отношенію къ свѣтскимъ властямъ, продолжаетъ обличитель, то неудивительно, если авторъ Эмиля готовъ вселить своему питомцу увѣренность, что человѣчество составлено изъ однихъ націй, независимо отъ лицъ, которымъ ввѣрено управленіе ими, что оно могло бы поэтому обойтись и безъ королей. Пока послѣдніе существуютъ большинство всегда будетъ приносимо въ жертву меньшинству и общая польза частному интересу; правосудіе и подчиненіе будутъ служить не болѣе, какъ средствомъ къ насилію и неправдѣ. Привиллегированныя сословія, будто бы созданныя въ интересахъ общей пользы, служатъ только собственной выгодѣ ихъ членовъ.—Не безинтересно отмѣтить тотъ фактъ, что архі-

епископъ уже выводитъ изъ ученія Руссо тѣ самые практическія заключенія, какія впослѣдствіи сдѣланы будутъ изъ него не только дѣятелями Учредительнаго Собранія, Сейесомъ въ томъ числѣ, но и первыми французскими республиканцами.

Можно было бы думать, что Руссо въ письмѣ къ Христофору де Бомонъ, выгораживая себя отъ обвиненія въ невѣріи, распространить свою защиту и на приписываемые ему политическіе догматы. Но его преданность принципамъ народнаго самодержавія и гражданскаго равенства настолько велика, что во всемъ его посланіи нельзя найти ни одного мѣста, которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ отказа отъ самого суроваго республиканизма. Не даромъ же одновременно онъ писалъ Рею: странная претензія отнять у насъ республиканцевъ право подвергнуть обсужденію и критикѣ основы и недостатки монархическаго образа правленія, тогда какъ писатели на жалованіи у королей (écrivains royaux) ежедневно наполняютъ свои книги непристойными и глупыми выходками противъ республиканскаго правительства. Государства этого послѣдняго типа столь же самодержавны, какъ и короли, и въ правѣ поэтому требовать къ себѣ равнаго уваженія [1]).

Преслѣдованія, которымъ Эмиль подвергся со стороны французскаго духовенства, начались впрочемъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе обнародованія Христофоромъ де Бомонъ только что разобраннаго посланія къ паствѣ. Богословскій факультетъ въ Сорбонѣ открылъ въ сочиненіи Руссо 58 предложеній, всего болѣе заслуживающихъ осужденія [2]); одновременно янсенисты, располагавшіе большинствомъ голосовъ въ Парижскомъ Парламентѣ, высказались въ пользу сожженія всѣхъ имѣвшихся въ продажѣ экземпляровъ [3]). Руссо объясняетъ этотъ приговоръ местью янсенистовъ за тотъ неуважительный отзывъ, какой онъ далъ о нихъ въ одномъ изъ примѣчаній къ новой Элоизѣ [4]).

---

[1]) Lettre à Rey, 29 Мая 1762 г.

[2]) См. Documents officiels sur quelques unes des condamnations de l'Emile et du Contrat Social, recuellis et publiés par Marc Viridet. Genève 1850, стр. 67.

[3]) Приговоръ постановленъ былъ 9 Іюня 1762 года (ibid, стр. 1 и слѣдующія).

[4]) Примѣчаніе къ седьмому письму шестой части. Оно гласило:

Члены верховнаго трибунала высказывались противъ книги Руссо по причинамъ частью религіознымъ, частью политическимъ.

«Сочиненіе это, объявляли они, все сводитъ къ естественной религіи и проповѣдуетъ вѣротерпимость. Оно въ то же время придаетъ ложный и ненавистный характеръ верховной власти и уничтожаетъ въ корнѣ принципъ, на которомъ опирается повиновеніе ей подданныхъ» [1]).

Руссо не счелъ нужнымъ опровергнуть этихъ обвиненій, какъ онъ сдѣлалъ это по отношенію къ тѣмъ, какія были выставлены противъ него архіепископомъ Парижскимъ, но на поляхъ парламентскаго приговора онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ, очевидно не предназначавшихся для обнародованія, но весьма любопытныхъ, такъ какъ въ нихъ съ наглядностью выступаетъ положеніе, занятое проповѣдуемой имъ гражданской религіей въ вопросѣ о терпимости. Нападки на колебаніе имъ основъ правительствъ повидимому также мало задѣваютъ его на этотъ разъ, какъ и при критикѣ архіепископскаго посланія. Онъ очевидно держится того мнѣнія, что эти основы понимаются имъ отлично отъ того толкованія, какое даютъ имъ офиціальные представители монархіи и католицизма.

Но въ вопросѣ объ отношеніи государства къ различнымъ культамъ разногласія его съ парламентомъ вызваны, какъ онъ думаетъ, не отрицаніемъ имъ началъ христіанство, а неправильнымъ пониманіемъ послѣднихъ нетерпимыми янсенистами, изъ которыхъ составлено, по его мнѣнію, большинство Парламента».

---

piétistes — sorte de tous qui avaient la fantaisie d'être chrétiens et de suivre l'évangile à la lettre à peu près comme sont aujourd'hui les methodistes en Angleterre, les moraves en Allemagne, les jansénistes en France; excepté pourtant qu'il ne manque à ces derniers que d'être les maîtres pour être plus durs et plus intolérants que leurs ennemis — Въ lettre à M-r de Beaumont Руссо прямо заявляетъ, что это примѣчаніе было виновникомъ всѣхъ направленныхъ противъ него преслѣдованій (la véritable source de tous mes malheurs).

[1]) См. Marc Viridet. Documents sur les condamnations de l'Emile et du Contrat Social-Arrêt du Parlement de Paris du 9 Juin 1762.

Въ этихъ впервые обнародованныхъ Жансономъ помѣткахъ невольно поражаетъ то противорѣчіе, въ какомъ стоитъ краснорѣчивая защита свободы совѣсти, повторенная затѣмъ въ посланіи къ Христофору де Бомонъ, и рѣшимость принудить всѣхъ къ исповѣданію въ числѣ другихъ догматовъ естественной религіи такихъ, напримѣръ, какъ существованіе загробной жизни, награжденіе въ ней добрыхъ и наказаніе злыхъ. Съ одной стороны, Руссо негодуетъ на тѣ преслѣдованія, какія вызвало различное пониманіе нѣкоторыхъ истинъ Откровенія, съ другой, онъ объявляетъ, что Божескіе Завѣты, насколько они раскрываются естественной религіей, обязательны для всѣхъ наравнѣ съ Законами государей. Парижскій Парламентъ, подчиняясь вліянію янсенизма, прибавляетъ онъ, не прочь признать эти Велѣнія связующими совѣсть только тѣхъ, кто имѣетъ вѣру, такъ какъ безъ нея соблюденіе ихъ не доставило бы никому вѣчнаго блаженства. Онъ не хочетъ понять, что вѣра въ загробную жизнь, въ награду добрымъ и въ наказаніе злымъ, не составляетъ части Откровенія и вытекаетъ непосредственно изъ естественной религіи, почему и встрѣчается во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. И такъ, поборникъ терпимости, пока дѣло идетъ о защитѣ протестантскихъ сектъ противъ католицизма [1]), становится ея противникомъ въ спорѣ между деистами и матеріалистами «Естественная религія, пишетъ онъ, единая, вѣчная и неизмѣнная, по природѣ своей нетерпима во всемъ, что касается обязанностей человѣка къ Богу и ближнему; она —

---

[1]) См. въ Lettre à Mr de Beaumont слѣдующее заявленіе: Si j'étais roi, non; ministre; encore moins; mais homme puissant en France, je dirois: Tout tend parmi nous aux emplois, aux charges; tout veut acheter le droit de malfaire; Paris et la Cour engouffrent tout. Laissons ces pauvres gens (les protestants français) remplir le vide des provinces; qu'ils soient marchands, laboureurs, et toujours laboureurs. Ne pouvant quitter leur état, ils en tireront le meilleur parti possible; ils remplaceront les nôtres dans les conditions privées dont nous cherchons tous à sortir; ils feront valoir le commerce et l'agriculture que tout nous fait abandonner; ils alimenteront notre luxe; ils travailleront et nous jouirons—„Vorte morceau sur les protestants de France est admirable", писалъ Руссо протестантскій пасторъ Мульту, разумѣя только что приведенный отрывокъ (письмо отъ 30 Марта 1769 г.).

основа, на которой опираются всѣ законы политическіе и всякая гражданская нравственность. Правитель государства — ея верховный судья и первосвященникъ». Не нужно лучшаго коментарія къ той религіи Верховнаго Существа, которая со временемъ побудитъ Робеспьера къ преслѣдованію Гебертистовъ, какъ повинныхъ въ безбожіи и культѣ Разума. Только что приведенныя строки какъ нельзя лучше доказываютъ, что Руссо въ защитѣ свободы совѣсти не пошелъ далѣе Локка, также ставившаго атеистовъ внѣ закона и при томъ на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ. «Никакія мнѣнія, противныя человѣческому общежитію и тѣмъ нравственнымъ принципамъ, какіе необходимы для сохраненія гражданскаго общества, не могутъ быть терпимы правительствомъ, говорилъ Локкъ, прибавляя, что по этой причинѣ свобода совѣсти не можетъ быть примѣнена къ тѣмъ, кто отрицаетъ Бытіе Божіе, такъ какъ никакія обѣщанія, договоры и присяги, которыми держатся общества людей, не имѣютъ силы для атеистовъ» [1]). Руссо въ сущности говоритъ то же не только въ разобранныхъ уже нами главахъ Общественнаго договора и Эмиля, но и въ Письмахъ съ Горы, первая часть которыхъ почти цѣликомъ посвящена защитѣ того положенія, какое онъ занялъ по отношенію къ христіанству вообще и къ протестантизму въ частности. «Я различаю, пишетъ онъ въ нихъ, во всякой религіи и независимости отъ внѣшняго культа, двѣ стороны: одна состоитъ изъ догматовъ рѣры, другая изъ правилъ нравственности. Между самими догматами одни устанавливаютъ принципы, опредѣляющіе природу нашихъ обязанностей, и потому служатъ основой нравственности, другіе, составляя предметъ вѣры, носятъ чисто спекулятивный характеръ. Та сторона религіи, которая интересуетъ нравственность, т. е. справедливость, общее благо, повиновеніе законамъ, какъ естественнымъ, такъ и положительнымъ, общественныя

---

[1]) First letter concerning toleration въ Works of John Locke in ten Volumes, изд. 1812 г., т. VI, стр. 45 и 47. Локкъ шелъ далѣе Руссо, ставя на равную ногу съ атеистами и католиковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ папѣ они признаютъ верховнаго правителя, помимо того, который призванъ управлять ихъ страною. (ibid, стр. 46).

добродѣтели и обязанности человѣка и гражданина—подлежитъ вѣдѣнію правительства. Только этой своей стороною религія подпадаетъ его юрисдикціи. Оно обязано искоренять не заблужденіе въ томъ, что касается догматовъ, а всякое проявленіе чувствъ, вредныхъ общественному союзу... Согласно сказанному, Руссо признаетъ «религію не только полезной, но и необходимой для народовъ»... Отрѣшенная отъ всякихъ предразсудковъ и богословскихъ тонкостей, всецѣло направленная къ вкорененію въ людяхъ сознанія ихъ обязанностей, религія ставится имъ подъ защиту законовъ и правительства». Всѣ должны подчиняться ей, пишетъ Руссо, такъ какъ она не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго естественному разуму, ничего, что бы не было связано непосредственно съ благомъ общества, ничего, что бы заключало въ себѣ положенія, безразличныя для нравственности и представляющія чисто отвлеченный характеръ» [1]).

Такимъ образомъ Руссо, расходящійся съ правящимъ классомъ во Франціи въ вопросѣ о естественныхъ основахъ правительства и границахъ его полномочій, готовъ пойти за одно съ нимъ въ защитѣ силою меча и страхомъ наказаній важнѣйшихъ, какъ онъ думаетъ, основъ христіанства. Онъ такъ же далекъ отъ впервые осуществленнаго въ Соединенныхъ Штатахъ отдѣленія церкви отъ государства, какъ далеки отъ него творцы «Гражданской организаціи духовенства», требовавшіе, по примѣру учителя, отъ священнослужителей присяги конституціи 1791-го года—«этого, выражаясь языкомъ Руссо, новаго общественнаго договора», соблюденіе котораго ставится имъ въ уровень съ признаніемъ религіозныхъ догматовъ. Удивительно ли послѣ этого, если протестъ противъ господствующей церкви и мысль о равноправіи всѣхъ вѣроисповѣданій, которую одинаково можно открыть въ сочиненіяхъ Руссо и въ дебатахъ Учредительнаго Собранія, выродилась, и въ теоріи Общественнаго Договора, и на практикѣ революціонеровъ, въ новый цезаризмъ въ дѣлахъ вѣры, осуществляемый на этотъ разъ не въ пользу исторически сложившихся церквей, а чисто субъективнаго пониманія какой то естественной религіи и гражданской морали.

---

[1]) Lettres écrites de la Montagne, lettre première.

Разборъ тѣхъ нападковъ, какимъ сочиненія Руссо подверглись во Франціи—показалъ намъ, какъ нельзя лучше, ту бездну, какая отдѣляла новое ученіе основаннаго на народномъ самодержавіи закономѣрнаго правительства отъ монархіи стараго порядка. Неудивительно поэтому, если и въ послѣдующіе годы, несмотря на заступничество такихъ покровителей, какъ напримѣръ, принцъ крови, герцогъ Конти, и широкую терпимость задѣтаго духомъ времени министра Шуазеля, Руссо приходилось проживать во Франціи не иначе, какъ подъ чужимъ именемъ. «Вамъ не могутъ простить, писала ему его пріятельница, г-жа Верделенъ, «Общественнаго Договора» [1]). Но высказанные въ немъ принципы были весьма близки къ тѣмъ, въ силу которыхъ гановерская династія въ Англіи призвана была принять наслѣдство низложенныхъ Стюартовъ; они такъ тѣсно сходились съ ученіями Локка о происхожденіи гражданскаго общества, природѣ правительства и границахъ вѣротерпимости, что Георгу III не было никакого основанія препятствовать поселенію Руссо въ Англіи. Выдающіеся государственные дѣятели и писатели Великобританіи въ лицѣ Лорда Кейта, обоихъ братьевъ Бентинковъ и Юма, не говоря о легіонѣ другихъ, высказывали открыто свое сочувствіе положенію, заня-

---

[1]) Il me semble qu'on Vous reproche fort le Contrat Social, пишетъ Руссо г-жа Верделенъ 15 Марта 1768 г. Она въ то же время совѣтуетъ ему не показываться публично въ Парижѣ. Генеральный прокуроръ при Парижскомъ Парламентѣ, протестуя противъ тѣхъ, кто предполагалъ въ немъ намѣреніе задержать Руссо, въ то же время считалъ нужнымъ передать его друзьямъ qu'il n'était pas le maître d'empêcher un homme méchant de dénoncer un matin à la grand'chambre le séjour (de Rousseau) à Paris et d'être forcé à une recherche désagréable pour lui... que nos lois et notre foi étaient si austères, qu'avec toute la tolérance possible on gênerait au moins Votre liberté si on Vous saisissait... Le gouvernement n'était pas maître de Vous permettre d'habites Paris ct qu'il avait éte tout près d'être fort embarassé de la publicité de Votre séjour au Temple.

Четырьмя годами ранѣе графиня Буффлеръ писала Руссо объ Эмилѣ: Ваша книга содержитъ въ себѣ принципы, противные нашей религіи, и я полагаю поэтому, что поступили законно, запретивъ распространеніе ея въ этой странѣ (J. J. Rousseau. Ses Amis et ses ennemis, т. II, стр. 41. Письмо отъ 24 Іюня 1762 г.).

тому имъ, какъ въ религіозныхъ, такъ и въ политическихъ вопросахъ [1]). Въ цѣлой Европѣ, писалъ Юмъ г-жѣ Беффлерсъ, нѣтъ человѣка, о которомъ, бы я имѣлъ болѣе высокое представленіе; такъ какъ репутація его вполнѣ установлена въ Англіи, то я несомнѣваюсь, что всѣ въ ней поспѣшатъ засвидѣтельствовать ему всячески свое уваженіе [2]). Тамъ гдѣ все позволено говорить, справедливо замѣчала объ Англіи г-жа Буффлерсъ въ письмѣ къ Руссо, нечего опасаться, чтобы провозглашаемыя вами вольности кого либо испугали [3]).

Но если въ монархической Европѣ можно было найти страну, въ которой мысли Руссо не только не встрѣчали отпора, но наоборотъ вызывали сочувствіе, доходившее какъ въ простыхъ гражданахъ, такъ и въ правительствѣ, до готовности дѣятельной помощи и поддержки [4]), то того же отнюдъ нельзя было сказать о выродившихся въ олигархіи аристократическихъ республикахъ въ родѣ Берна и Женевы. Причина ихъ враждебности не лежала исключительно въ разномысліи проповѣдниковъ кальвинизма со сторонникомъ «гражданской религіи»; иначе Берну нечего было бы присоединяться къ преслѣдованіямъ, открытымъ Женевой противъ автора Общественнаго Договора, предавать сожженію его книги и не раньше обнаружить нѣкоторую терпимость по отношенію къ нему лично, какъ заручившись обѣщаніемъ, что онъ не будетъ писать болѣе ничего по вопросамъ не только религіи, но и государственнаго устройства. Въ отвѣтъ на такое заявленіе, Руссо извѣщенъ былъ о

---

[1]) Ibid, т. II, стр. 49, 55, 63, 72, 96, 105.

[2]) Ibid, т. II, стр. 44. Письмо отъ 1 Іюля 1762 г.

[3]) Il n'est pas vraisemblable que dans un pays où il est permis de tout dire, on soit fort choqué de vos libertés (ibid, письмо отъ 10 сентября 1762 г., т. II, стр. 48). Самому Руссо Юмъ писалъ 2 Іюля 1762 года de tous les hommes de lettres en Europe, depuis la mort du président de Montesquieu, vous êtes la personne que je révère le plus, à la fois pour la force de Votre génie et la grandeur de Vorte esprit (ibid, т. II, стр. 276).

[4]) Извѣстны гостепріимство, оказанное ему г-нъ Давенпортомъ въ Вутонѣ, и пенсія, ассигнованная ему англійскимъ королемъ. См. Fritz Berthoud, Rousseau au Val de Travers, стр. 400).

готовности Совѣта въ Бернѣ принять его подъ свою защиту [1]). Пришлите мнѣ два слова на этотъ счетъ, писалъ ему его корреспондентъ полковникъ Шалье, и я берусь успокоить умы его членовъ. Они гораздо больше опасаются того, что Вы говорите объ образѣ правленія, чѣмъ всего сказаннаго Вами о чудесахъ; это, по видимому весьма мало ихъ тревожитъ [2])». Ни одно правительство не пошло однако такъ далеко въ преслѣдованіи теорій Руссо, какъ то, порядки котораго еще недавно онъ поставилъ въ образецъ всѣмъ странамъ [3]), Руссо не счелъ себя въ правѣ на этотъ разъ ограничиться презрительнымъ молчаніемъ. Если анонимному автору памфлета «Мнѣніе гражданъ Женевы», по видимому ошибочно отождествленнаго имъ съ бывшимъ своимъ пріятелемъ, пасторомъ Верномъ, Руссо не нашелъ нужнымъ отвѣтить иначе, какъ перепечаткой его книги съ собственнымъ предисловіемъ [4]), то по отношенію къ Женевскому совѣту, его осудившему, онъ счелъ нужнымъ занять совершенно иное положеніе. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій нашего автора, я разумѣю Евгенія Риттера, издалъ въ 1883 году текстъ этого рѣшенія. Еще ранѣе отпечатанъ былъ докладъ генеральнаго прокурора Троншэнъ, поведшій къ осужденію обоихъ сочиненій и къ заявленію, что самъ Руссо, въ случаѣ прибытія въ Женеву, подвергнется задержанію. Тотъ же Троншенъ далъ впослѣдствіи болѣе обстоятельное развитіе своимъ взгля-

---

[1]) Lettre de Rousseau à M-r Meuron, Motiers. 6 Avril 1765 года. Je m'impose la loi de me taire et pour mon repos et pour celui de l'état où j'ai le bonheur de vivre, je m'engage librement à ne plus traiter aucune matière qui puisse y déplaire ni dans aucun des états voisins,— Въ отвѣтѣ на это письмо значится: le conseil m'a chargé de Vous temoigner sa satisfaction et de vous réitérer l'assurance de sa protection.

[2]) Письмо полковника Chaillet къ Руссо отъ 2 Апрѣля 1765 года. Оно приведено въ извлеченіи Fritz Berthoud въ сочиненіи J. J. Rousseau au Val de Travers, стр. 278.

[3]) Посвященіе Discours sur l'inégalité и шестое изданіе писемъ съ Горы.

[4]) Déclaration relative au pasteur Vernes въ томѣ IX Oeuvres Complétes de Rousseau, изд. Hachette, стр. 82 и слѣдующія.

дамъ на теорію Общественнаго Договора въ «Письмахъ изъ деревни», вызвавшихъ со стороны Руссо систематическое опроверженіе въ надѣлавшихъ въ свое время столько шума «Письмахъ съ горы». Мы имѣемъ такимъ образомъ передъ собою всѣ акты процесса, въ которомъ можетъ быть впервые, если не въ Европѣ [1]), то въ странахъ романскаго міра, олигархическимъ правительствамъ пришлось отстаивать свое существованіе противъ притязаній едва зарождавшейся демократіи.

Прислушаемся повнимательнѣе къ доводамъ обѣихъ сторонъ. Онѣ современемъ будутъ повторены, если не въ стѣнахъ Учредительнаго Собранія, то въ Конвентѣ. Троншенъ не отрицаетъ, подобно сторонникамъ абсолютизма, тотъ источникъ, изъ котораго Руссо выводитъ всякую власть, другими словами добрую волю людей сошедшихся въ гражданское общество и установившихъ въ своей средѣ уполномоченныхъ или правителей. Онъ признаетъ наоборотъ, что Руссо выводитъ авторитетъ правительства изъ самаго чистаго родника (fait dériver l'autorité des gouvernans des sources les plus pures). Онъ также гораздо лучше многихъ современныхъ критиковъ понимаетъ отношеніе Руссо къ естественному состоянію и гражданскому обществу, говоря, что онъ счастливо доказываетъ преимущества послѣдняго. Разногласіе начинается по вопросу о тѣхъ правахъ, какія создавшая правительство народная масса сохраняетъ на измѣненіе ею же установленной формы правленія. Руссо не проводитъ различія между обыкновенными за-

---

[1]) Я дѣлаю эту оговорку въ виду того, что въ Англіи въ эпоху республики и въ частности въ 1649 году, одинаково въ Долгомъ Парламентѣ, и въ собраніи офицеровъ арміи, поставлены были на очередь тѣ самые вопросы, которые послужили поводомъ къ препирательствамъ между правительствомъ Женевы и Ж. Ж. Руссо. См. изданныя недавно Clarke — Papers, т. I и II. Въ статьѣ „Два Парламента", какъ и въ „Родоначальникахъ Англійскаго радикализма" изложены мною различные доводы, приведенные въ это время въ пользу неограниченнаго народовластія. Въ настоящее время теоріи левеллеровъ нашли талантливую передачу какъ въ послѣднихъ двухъ томахъ Гардинера (History of the Commonwealth), такъ и въ монографіи Gooch. „The history of english democratic ideas".

конами и основными или учредительными. И тѣ, и другіе, согласно его теоріи, вотируются народомъ. Во всякое время народъ въ правѣ поднять руку на созданную имъ же конституцію. «Никакія обязательства, жалуется Троншенъ, не связываютъ въ его ученіи народа съ тѣми, кто имъ управляетъ; послѣдніе не болѣе, какъ его орудія. Отъ народа зависитъ сломать ихъ и замѣнить новыми» [1]).

Эти несогласія Троншена съ Руссо далеко не были чисто теоретическими. Переведенные на почву практическихъ отношеній, они означали, что въ глазахъ Руссо общія собранія гражданъ Женевы или такъ называемые Большіе Совѣты, существовавшія еще въ XIV вѣкѣ и упоминаемые въ привиллегіяхъ епископа Адемара Фабри, сохраняютъ и законодательную и учредительную власть, а слѣдовательно также контроль за дѣйствіями тѣсныхъ совѣтовъ и единоличныхъ правителей. Руссо, жалуется Троншенъ, не знаетъ другаго средства противъ захвата власти, кромѣ періодическаго созыва народныхъ комицій. Пока онѣ въ сборѣ всѣ органы правительства принуждены бездѣйствовать. Эти общія собранія, прибавляетъ онъ, запрещены нашими законами. Они сдѣлали бы свободу болѣе обременительной, чѣмъ ея отсутствіе. А между тѣмъ эта «бѣшенная» свобода, не знающая никакихъ границъ, для автора является Божествомъ, которому онъ готовъ принесть въ жертву само христіанство, такъ какъ находитъ въ Евангеліи несогласные съ нею принципы. Вотъ почему христіанская республика кажется ему противорѣчивой, наша вѣра опорой тираніи, а сами мы, какъ христіане, призванными пресмыкаться въ низкомъ рабствѣ,

Такимъ образомъ Троншенъ, утрируя нѣкоторыя замѣчанія Руссо, связываетъ теорію Общественнаго договора съ тѣмъ деизмомъ, въ которомъ обвиняли его автора проповѣдники— кальвинисты. На развалинахъ христіанства, утверждаетъ онъ, Руссо желалъ бы основать свою естественную религію, прин-

---

[1]) Conclusions de M-r le procureur Jean Robert Tronchin suz la Contrat Social et l'Emile, 19 Iuin 1762 въ Documents officiels sur quelques unes des condamnations de l'Emile et du Contrat Social, publiéepar Marc Viridet. Gnève, 1850, p. 13.

ципы которой изложены имъ впрочемъ съ поразительной ясностью и величавой энергіей.—Общее заключеніе генеральнаго прокурора о книгахъ Руссо можетъ быть передано его же словами въ слѣдующемъ видѣ. Оба трактата, равно носящіе на себѣ печать большой смѣлости ума и даже геніальности, содержатъ въ себѣ великія истины и гибельныя заблужденія. Анархія смѣшана въ нихъ со свободой, хаосъ естественнаго состоянія перенесенъ въ гражданское общежитіе, топоръ поднятъ на самые корни правительствъ, возможно чистая нравственность проповѣдуется рядомъ съ неограниченнымъ скептицизмомъ въ дѣлахъ вѣры, похвалы христіанству чередуются съ оскорбленіями по его адресу, догматы Откровенія замѣнены одною естественной религіей. Никогда однимъ словомъ вѣра народа и власть правительства не подвергались большимъ нападкамъ. — Совѣтъ Женевы повторяетъ въ своемъ рѣшеніи большинство этихъ обвиненій. Оба сочиненія Руссо, по его словамъ, заключаютъ въ себѣ начала, разрушительныя для всякаго правительства и для всякой «откровенной религіи». Они содержатъ въ себѣ явную проповѣдь деизма. Общественный договоръ, въ частности, проповѣдуетъ начала, опасныя для женевской конституціи особенно въ своей XVIII главѣ, въ которой говорится о мѣрахъ, способныхъ предупредить всякую узурпацію власти (это та самая глава, на которую указано было Троншеномъ). Особенно вреднымъ женевскій совѣтъ признаетъ то ученіе, по которому народъ долженъ имѣть свои періодическія собранія, открываемыя двумя обязательными предложеніями, первое о томъ, желательно ли народу самодержцу сохранить существующей образъ правленія, второе о томъ, угодно ли ему сохранить власть въ рукахъ ея носителей. Онъ объявляетъ такіе принципы анархическими и колеблящими въ корнѣ всякую конституцію и всякую форму правительства [1]).

По словамъ Мульту рѣшеніе принято было громаднымъ большинствомъ. Несогласныхъ съ нимъ оказалось не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ. «Плохо понимаемое благочестіе, пи-

---

[1]) Le Conseil de Genève jugeant les oeuvres de Rousseau, publication faite par Eugène Ritter, 1883.

шетъ въ оправданіе совѣта обычный корреспондентъ Руссо въ Женевѣ, омрачило умы людей и не позволило имъ замѣтить, что, поступая такимъ образомъ, они оказались не болѣе, какъ орудіемъ чужой политики (намекъ на французское министерство, которому совѣтъ поспѣшилъ донесть о случившемся [1]).

Руссо отвѣтилъ на это постановленіе прежде всего отказомъ отъ дальнѣйшаго пользованія прирожденными ему правами женевскаго гражданства. Когда же долгое время хранимые въ тайнѣ [2]) мотивы постановленнаго противъ него приговора нашли печатную огласку и благопріятный имъ комментарій въ анонимномъ сочиненіи прокурора Троншена, озаглавленномъ «Письма изъ деревни», авторъ Общественнаго Договора счелъ нужнымъ обнародовать если не защиту, то новое обоснованіе своихъ принциповъ въ «Письмахъ съ Горы». Большая часть ихъ посвящена препирательствамъ съ проповѣдниками кальвинизма по поводу той свободы, какую самый фактъ разрыва съ католицизмомъ даетъ каждому въ толкованіи священнаго писанія. Въ пылу полемики Руссо не упускаетъ случая изложить снова начало своей гражданской религіи въ указанномъ выше смыслѣ и, нападая на Кальвина за его нетерпимость, слѣдуетъ въ то же время его примѣру, провозглашая свои принципы частью охраняемаго государствомъ закона.

Для насъ всего болѣе интересно шестое письмо въ которомъ Руссо выгораживаетъ себя отъ обвиненія въ колебаніи основъ правительствъ и переноситъ его на тѣхъ, кому выпало въ удѣлъ руководительство дѣлами Женевы и которые, «не боясь болѣе самодержавнаго народа, ставятъ себя выше закона» [3]). Въ этомъ письмѣ Руссо опредѣленнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, указываетъ на близость своего ученія съ тѣмъ, какого держались его предшественники въ области философіи права. Здѣсь также съ наглядностью выступаетъ его забота не столько дать историческое объясненіе факту происхожденія государства, сколько

---

[1]) J. J. Rousseau. Ses amis, ses ennemis т. I, стр. 45.

[2]) Въ сообщеніи ихъ отказано было даже живущимъ въ Женевѣ родственникамъ Руссо.

[3]) On voit combien est déplorable le sort d'un particulier soumis à d'injustes magistrats, quand ils n'ont rien à craindre du souverain, et qu'ils se mettent au-dessus des lois (Lettres de la montagne. Lettre VI).

узаконить его признаніемъ добровольнаго соглашенія или договора за его источникъ и основу. «Возможно ли прочнѣе опереть обязанность повиновенія, восклицаетъ онъ, какъ признавъ его вытекающимъ изъ свободно принятого долга. Позволено спорить насчетъ всякого другого положенія, только не этого». Но теорія Руссо, по его собственному признанію, ставитъ себѣ еще другую цѣль: доказать, что договоръ, служащій основой государству, вполнѣ отвѣчаетъ формамъ естественнаго права и охраняемой ими свободѣ. Послѣдняя не терпитъ умаленія въ государствѣ, такъ какъ вступающіе въ него люди принимаютъ обязательство подчиняться самимъ себѣ, иначе говоря общей воли, выражаемой путемъ законовъ т. е. заявленій, имѣющихъ предметомъ общіе интересы. Эта общая воля и является самодержцемъ, права котораго по природѣ своей неотчуждаемы и недѣлимы. Вотъ почему правительство не можетъ быть участникомъ суверенитета, а простымъ уполномоченымъ и посредникомъ между гражданами и самодержцемъ, т. е. совокупностью составляющихъ государство индивидовъ. Большей или меньшей численностью ихъ объясняетъ Руссо различіе формъ правленія. Изъ этихъ формъ онъ отдаетъ предпочтеніе аристократической, занимающей середину между единоначаліемъ и владычествомъ толпы, другими словами его симпатіи, какъ онъ самъ говоритъ это, лежатъ на сторонѣ женевской конституціи[1]). Какъ утверждать послѣ этого, что «Общественный договоръ колеблетъ основы правительства, которыя нашли въ немъ только болѣе прочное обоснованіе, чѣмъ прежде». Вмѣсто того, чтобы низвергать правительства, я, говоритъ Руссо, утвердилъ ихъ. Такова въ глазахъ самого автора дѣйствительная задача провозглашенной имъ новой теоріи народнаго суверенитета и закономѣрной власти.

Въ его глазахъ такое ученіе не содержитъ въ себѣ ничего анархическаго и только свидѣтельствуетъ о его преданности учрежденіямъ родины. Хотя безпристрастіе и заставляло его

---

[1]) Que pensiez Vous, Monsieur, en lisant cette analyse courte et fidèle de mon livre? Je le devine. Vons disiez en Vons-même: „Voilà l'histoire du gouvernement de Genève“. C'est ce qu'ont dit à la lecture du même ouvrage tous ceux qui connaissent votre constitution. (Ibid).

отмѣтить положительныя стороны монархіи, но «одновременное обнаруженіе и ея недостатковъ очевидно не даетъ еще основанія подвергать его преслѣдованію и наказанію въ республиканской Женевѣ».

Руссо не придется болѣе возвращаться къ систематическому изложенію основъ своего ученія, но отдѣльные принципы, имъ установленные, будутъ болѣе подробно и въ новомъ освѣщеніи раскрыты въ «Соображеніяхъ насчетъ государственнаго устройства Польши» и въ «Проэктѣ конституціи для Корсики».

§ 4.

Если въ настоящее время, пользуясь всѣми послѣдующими коментаріями, мы вздумаемъ дать систематическое изложеніе доктрины, призванной играть такую рѣшающую роль въ судьбахъ не только французской, но и всей европейской демократіи, намъ придется, чтобы избѣжать догматизма, изучить ее въ процессѣ ея историческаго образованія. Только подъ этимъ условіемъ можно найти отвлеченіямъ Руссо связь съ жизнью и объяснить причину, по которой, отвѣчая практическому запросу, они нашли откликъ въ рядахъ передовой партіи не только въ его родинѣ—Женевѣ, но и въ революціонной Франціи.

Политическія воззрѣнія Руссо сложились задолго до изданія первыхъ Разсужденій. Литературная дѣятельность его началась, какъ извѣстно, поздно и ему пришлось присмотрѣться ко многому и въ собственной родинѣ, и на чужбинѣ, прежде чѣмъ обстоятельства натолкнули его на мысль сказать свое слово по волнующимъ его современниковъ вопросамъ. Онъ самъ говоритъ намъ, что еще въ бытность свою въ Венеціи, онъ уже сталъ интересоваться вопросами политическаго устройства [1]).

---

[1]) См. также Ceressoles. Rousseau à Venise. Neufchatel 1888—9, p. 15). Въ свою очередь Alexis Bertrand находитъ въ Contrat Social „dualité manifeste d'inspiration, tiraillement de deux doctrines qui refusent de se concilier“. Для него Руссо n'a pas la probité logique et dialectique. (См. Le texte primitif du Contrat Social, mémoire lu à l'Académie des sciences morales et politiques dans la séance du 4 Avril 1891 стр. 21.

Пребыванія его въ республикѣ Святого Марка въ роли частнаго секретаря при французскомъ посланникѣ Montaigu [1]) совпадаетъ съ эпохой пробудившагося сознанія невыгодъ олигархическихъ порядковъ, постепенно утвердившихся въ Венеціи, начиная съ закрытія дожемъ Пьетро Градениго въ концѣ XIII столѣтія доступа въ Большой Совѣтъ семьямъ, не входившимъ въ составъ его въ моментъ производства этого государственнаго переворота, и оканчивая торжествомъ превозносимой Паоло Сарпи политики недовѣрія не только къ простонародію, но и къ среднему сословію и незажиточному дворянству, недовѣрія, результатомъ котораго было постепенное перенесеніе въ руки Сената и Совѣта Десяти верховныхъ правъ, прежде осуществляемыхъ Большимъ Совѣтомъ [2]). Полемика, вызванная такъ много надѣлавшимъ въ свое время шума сочиненіемъ Амело де ла Гуссэ и брошенными имъ въ венеціанское правительство обвиненіями, не могла не приковать къ себѣ вниманія человѣка, котораго еще въ 1737 году въ моментъ женевскихъ междоусобій, задѣли заживо столкновенія патриціата съ простонародіемъ [3]). Позднѣйшій отзывъ Руссо о Венеціи свидѣтельствуетъ о знакомствѣ его между прочимъ съ сочиненіемъ Фрошо (Новый отчетъ о республикѣ Святого Марка), появившемся въ 1709 году и въ которомъ какъ нельзя лучше проведенъ тотъ взглядъ, что венеціанская аристократія, долгое время поддерживавшая свое господство умѣренностью въ пользованіи властью и допущеніемъ къ участію въ суверенитетѣ большаго числа дворянскихъ семей, въ началѣ XVII-го вѣка представляла собою настоящую олигархію, такъ какъ фактически правительственныя функціи сосредоточились въ ней исключительно въ рукахъ немногихъ династій [4]), Этотъ результатъ достигнутъ былъ не благодаря насилію, а

---

[1]) См. объ этомъ посланникѣ статью въ Correspondent.

[2]) См. IV томъ моего „Происхожденіе Современной Демократіи“, стр. 22.

[3]) Объ этихъ междоусобіяхъ Руссо упоминаетъ и въ своихъ Confessions, часть I. кн. V, и въ сочиненномъ въ 1737 г. стихотвореніи Le Verger de Charmette.

[4]) См. Du gouvernement de Venise, стр. 256.

въ виду захудалости многихъ дворянскихъ родовъ, извѣстныхъ въ Венеціи подъ наименованіемъ барнаботовъ, имѣвшихъ право засѣдать въ Большомъ Совѣтѣ и участвовать въ выборѣ сановниковъ. Попавъ въ положеніе кліентовъ, барнаботы охотно подаютъ свой голосъ за патроновъ, приходящихъ имъ на помощь деньгами, хлѣбомъ, виномъ и т. д. [1]). То, что Руссо говоритъ намъ о роли тѣхъ же дворянъ—кліентовъ настолько приближается къ только что прочитанному заявленію, что имѣется полное основаніе думать, что онъ знакомъ былъ съ трактатомъ Фрошо. «Множество захудалыхъ семей, пишетъ онъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ барнаботовъ, не имѣютъ доступа къ должностямъ и другой привилегіи, кромѣ права титуловаться превосходительными и засѣдать въ Большомъ Совѣтѣ. Если народъ не участвуетъ въ правленіи, то само дворянство является въ Венеціи народомъ».

Изъ дальнѣйшихъ словъ Руссо о Венеціи видно, что его интересовали въ ней сходства и различія съ собственной его родиной. Члены Большого Совѣта Венеціи, пишетъ онъ, такъ же мало пользуются какими либо гражданскими преимуществами, какъ и члены женевскаго; однимъ словомъ, если отвлечься отъ тѣхъ различій, какія представляютъ между собою эти республики,—можно сказать, что буржуазія Женевы отвѣчаетъ венеціанскому патриціату, наши «поселенцы и обыватели» венеціанскому гражданству, а крестьяне—подданнымъ Terra Ferma [1]).

---

[1]) Ibid, стр. 258.

[2]) См. Происхожденіе Современной демократіи, т. IV, стр. 8 и 9. Жители Женевской республики распадались въ серединѣ XVIII вѣка на гражданъ, буржуа, поселенцевъ, уроженцевъ и подданныхъ (citoyens, bourgeois, habitans, natifs, sujets). Первые два класса, принимали участіе въ государственной дѣятельности съ тою разницею, однако, что граждане одни могли занимать высшія должности. Ими считались дѣти гражданъ и буржуа, рожденные въ Женевѣ. Буржуа же именовались лица, получившіе эту привиллегію отъ республики, благодаря выдачи имъ такъ называемыхъ lettres de bourgeoisie. Иностранцы, купившіе право на поселеніе, и ихъ дѣти, родившіеся въ Женевѣ, образовали два класса—поселенцевъ и уроженцевъ. Наконецъ подданными считались крестьяне женевскаго округа. См. Tableau de la Constitution de Genève à

Руссо очевидно интересовало уже въ это время взаимное отношеніе, существующее между политически-полноправнымъ гражданствомъ и призываемымъ къ осуществленію правительственныхъ функцій меньшинствомъ знатныхъ семей. Недаромъ же еще въ 1742 году въ стихотворномъ посланіи къ Париссо онъ дорожитъ своимъ прирожденнымъ правомъ быть «membre du souverain», составною частью самодержавнаго гражданства Женевы, правомъ «открывающимъ ему возможность надѣлять правительственными полномочіями лучшихъ гражданъ и издавать наимудрѣйшіе законы» [1]).

Обоснованіе этого права и составляетъ теоретическую задачу Contrat social. Есть поэтому полное основаніе утверждать, что мысль Руссо была занята опредѣленіемъ желательныхъ отношеній между народнымъ самодержавіемъ и правительствомъ десятки лѣтъ ранѣе отпечатанія имъ того трактата, въ которомъ изложено въ систематическомъ видѣ его ученіе на этотъ счетъ. Въ настоящее время послѣ изданія, сперва господиномъ Алексѣевымъ, а затѣмъ Дрейфусъ Бризакомъ первоначальнаго текста «Общественнаго договора», текста сохранившагося въ рукописяхъ женевской библіотеки, нѣтъ основанія сомнѣваться болѣе въ томъ, что еще до выхода первыхъ разсужденій, Руссо занятъ былъ вопросами политики. Въ своей «Исповѣди» онъ говоритъ, что первая мысль о работѣ, долженствовавшей носить названіе «Политическія Учрежденія», зародилась въ немъ

---

l'époque ou Rousseau publia les Lettres de la montagne par P. G. Petitain въ изданіи сочиненій Руссо 1875 года in 4, edition Firmin Didot. т. III.

[1]) .... Mais on m'apprit aussi qu'ayant par ma naissance
Le droit de partager la suprême puissance.
Tout petit que j'étais, faible, obscure citoyen,
Je faisais cependant membre du souverain,
. . . . . .
Qu'enfin la liberté, ce cher présent des cieux,
N'est qu'un fléau fatal pour les coeurs vicieux.
Avec le lait, chez nous, on suce ces maximes,
Moins pour s'énorgueillir de nos droits légitimes,
Que pour savoir un jour se donner à la fois
Les meilleurs magistrats et les plus sages lois.

въ Венеціи. Руссо объясняетъ причину, по которой онъ задался ею именно здѣсь, заявляя, что онъ имѣлъ возможность подмѣтить недостатки этого столь прославленнаго государственнаго строя».

Недостатки эти сводились, какъ мы видѣли, къ вырожденію народнаго самодержавія въ олигархію, явленіе, которое можно было наблюдать одинаково нетолько въ Женевѣ, но и въ любой изъ городскихъ республикъ Италіи, Фландріи или Нидерландовъ, не говоря уже объ обширныхъ монархіяхъ Запада, такъ какъ повсюду тѣсные городскіе совѣты, пополняемые путемъ кооптаціи или внутренняго выбора и нерѣдко также составленные исключительно изъ членовъ извѣстныхъ династій, постепенно оттѣснили на второй планъ не только вѣчевыя собранія гражданъ, такъ называемую arringha, magnum consilium или parliamentum, но и смѣнившіе ихъ со временемъ Большіе Совѣты. Говорить поэтому объ «Общественномъ договорѣ», какъ о вызванномъ къ жизни исключительно женевскими событіями и наблюденіями Руссо надъ женевской конституціей и женевскими общественными движеніями, значитъ умалять произвольно и бездоказательно задачу его автора [1]). Что Руссо незадумался

[1]) Въ этомъ и состоитъ главный упрекъ, какой можно сдѣлать сочиненію г. Алексѣева, озаглавленному „Связь политической доктрины Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы“. Мысль объ этой связи принадлежитъ впрочемъ не ему, а Jules Vuy, автору трехъ монографій, сперва появившихся отдѣльно, а затѣмъ собранныхъ подъ общимъ заглавіемъ Origine des idées politiques de Rousseau. Въ нихъ г. Vuy старается обосновать тотъ взглядъ, что Руссо заимствуетъ свой идеалъ политическаго устройства изъ текста тѣхъ Franchises, какія признаны были за гражданами Женевы 23-го Мая 1387 года ея княземъ-епископомъ, Адемаръ Фабри. Въ этихъ вольностяхъ дѣйствительно признано, что право верховенства въ смыслѣ участія въ законодательствѣ, выборѣ делегатовъ, вотированіи налоговъ и отправленіи правосудія, принадлежатъ женевскому гражданству. Въ уцѣлевшемъ отрывкѣ „Женевской Исторіи“ Руссо говоритъ, что буржуазія его роднаго города смотритъ на Franchises 1387, какъ на основу своей свободы, Revue Suisse, 1861 г., стр. 463 а въ восьмомъ „Письмѣ съ горы“, что идея „Общественнаго договора“ взята имъ „изъ первоначальной конституціи Женевскаго правительства“. (Сравни третій мемуаръ Vuy, 2-е издан.

впервые о вопросахъ политическаго устройства подъ вліяніемъ женевскихъ событій, показываетъ между прочимъ то обстоятельство, что въ 1737 году, будучи свидѣтелемъ гражданскихъ усобицъ своего родного города, онъ не находитъ для соотечественниковъ другихъ совѣтовъ, кромѣ проповѣди мира и согласія, покупаемаго даже цѣной французскаго вмѣшательства.

Я не вижу поэтому причины, которая бы заставила насъ отнестись съ недовѣріемъ къ собственному его заявленію, что недостатки столь хваленой венеціанской конституціи впервые побудили его задуматься надъ вопросами, политическаго устройства, дотолѣ остававшимися ему чуждыми. Я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ пережитый имъ въ то время психологическій моментъ. Нѣмой свидѣтель гражданскихъ распрей, раздиравшихъ Женеву въ 1737 году, неспособный пріискать для нихъ другого объясненія, кромѣ «вліянія демона несогласій», Руссо на широкомъ примѣрѣ пережитой Венеціей эволюціи отъ демократіи къ олигархіи, впервые начинаетъ сознавать, къ чему клонятся и чѣмъ грозятъ непонятыя имъ прежде потрясенія. Онъ видитъ въ тоже время, что зло, о которомъ идетъ рѣчь и отъ котораго въ равной мѣрѣ страдаютъ обѣ республики, носитъ общій характеръ и связано съ самыми основами государственнаго права, основами, надъ которыми, какъ замѣчаетъ онъ, не задумывались ни Гуго де Гротъ, ни Пуфендорфъ, ни Монтескье, эти три важнѣйшихъ авторитета въ области политической философіи. Что въ томъ, если первый объяснялъ происхожденіе

1889 г., стр. 102 и слѣд.). Въ противность Vuy, г. Алексѣевъ пытается возвести политическій идеалъ Руссо къ конституціи, данной Женевѣ Кальвиномъ, забывая что, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Женевы (см. Revue Suisse 1877, стр. 159), Кальвиновской реакціи надо приписать „частичную потерю исконныхъ вольностей, а именно сосредоточеніе въ рукахъ однихъ старинныхъ семей правъ верховенства, тогда какъ прежде, по выраженію Бонивара „ni en nom, ni en faict n'havoit différence“ (между citoyens, bourgeois и habitants). Съ Кальвина же (1541—1543 годъ) ведетъ свое начало ограниченіе законодательныхъ функцій Большаго Совѣта необходимымъ согласіемъ Малаго на вотированныя имъ мѣры (Vuy, стр. 132 и 133).

государства путемъ общественнаго договора, положившаго якобы конецъ естественному состоянію людей, когда единственно существенный вопросъ, вопросъ о закономѣрности правительства, его соотвѣтствіи съ тою цѣлью, для которой оно создано сознательною волею гражданъ, совершенно теряется имъ изъ виду и общественный договоръ, какъ онъ его понимаетъ, ведетъ къ добровольному закабалѣнію народа монарху. Этотъ упрекъ еще въ большей мѣрѣ приложимъ къ Гоббсу, для котораго выходъ изъ естественнаго состоянія равнозначителенъ передачѣ себя всецѣло единоличному правителю, создающему собственность, законы, понятіе о правѣ и неправѣ. Монтескье не подлежитъ тѣмъ-же упрекамъ, но только потому, что не задается даже вопросомъ о томъ, каковъ дѣйствительный источникъ политической власти и въ какой мѣрѣ самымъ этимъ источникомъ опредѣляется ея характеръ, размѣры и задачи [1]).

Все это надо имѣть въ виду, чтобы понять дѣйствительный смыслъ высокомѣрнаго заявленія Руссо, что онъ ни у кого не черпаетъ своихъ мыслей, что никто раньше его ими не задавался, что онъ строитель новой науки. Это не мѣшаетъ ему признать въ первой редакціи своего Общественнаго Договора, что много знаменитыхъ людей не разъ разсуждали о принципахъ правительства такъ, что трудно сказать что либо новое на этотъ счетъ; но, прибавляетъ онъ, быть можетъ соглашеніе было-бы достигнуто и правильное отношеніе между частями общественнаго тѣла яснѣе сознано, еслибы начато было съ самаго опредѣленія его природы. Это то я и пытаюсь сдѣлать

---

[1]) Emile P. 5 p. 153. Le droit politique est encore à naître et il est à présumer qu'il ne naîtra jamais. Grotius, le maître de tous nos savants en cette partie, n'est qu'un enfant et qui pis est un enfant de mauvaise foi. Quand, j'entends élever Grotius j'usqu'aux nues et couvrir Hobbes d'éxècration, je vois combien d'hommes sensés lisent ou comprennent ces deux auteurs. La verité est que leurs principes sont exactement semblables; ils ne diffèrent que par les expressions. Ils diffèrent aussi par la méthode. Hobbes s'appuie sur des sophismes et Grotius sur des poètes: tout le reste leur est commun. Въ предисловіи къ тому же Emile значится... Ce n'est pas sur les idées d'autrui que j'écris, c'est sur les miennes. Je ne vois point comme les autres hommes, il y a longtemps qu'on me l'a reproché.

въ моемъ сочиненіи [1]). Въ «Разсужденіи о неравенствѣ», какъ и въ окончательномъ текстѣ Общественнаго Договора, Руссо не разъ оттѣняетъ отличіе своихъ задачъ отъ той, какую преслѣдовали его предшественники въ области политики. Они писали о естественномъ состояніи и положившемъ ему конецъ общественномъ договорѣ, какъ объ историческомъ фактѣ. Руссо же «ищетъ права и разума и не споритъ о фактахъ» [2]). Говоря о естественномъ состояніи, и основаніи общества путемъ договора, Руссо не увѣренъ въ томъ, чтобы первое когда либо существовало на дѣлѣ, а второе нашло письменную запись; онъ только желаетъ путемъ чистаго мышленія освободить дѣйствительную природу человѣка отъ той искусственной амальгамы, какой надѣлила ее жизнь въ обществѣ [3]). Въ первоначальной

---

[1]) Первая глава первоначальной редакціи Общественнаго Договора. (См. издан. Общественнаго Договора Edmond Dreyfus Brisac. Appendice I, стр. 245.)

[2]) Il y a mille manières de rassembler les hommes, il n'y a qu'une de les unir. C'est pour cela que je ne donne dans cet ouvrage qu'une méthode pour la formation des sociétés politiques, quoi que dans la multitude d'aggrégations qui existent actuellement sous ce nom il n'y en ait peut-être pas deux qui aient été formées de la même manière, *et pas une qui l'ait été selon celle que j'établis*. Mais je cherche le droit et la raison et ne dispute pas des faits. Ibid, гл. 5, стр. 262,

[3]) Смотри предисловіе къ Разсужденію объ источникѣ неравенства... Ce n'est pas une légère entreprise de démêler ce quil y a d'originaire et d'artificiel dans la nature actuelle de l'homme, et de bien connoître un état qui n'existe plus, *qui n'a peut-être point existé*, qui, probablement, n'existera jamais et dont il est pourtant nécessaire d'avoir des notions justes pour bien juger de notre état présent. Commençons donc par écarter tous les faits car ils ne touchent point à la question. Il ne faut pas prendre les recherches dans lesquelles on peut entrer sur ce sujet pour des vérités historiques, mais seulement pour des raisonnemens hypothétiques et conditionnels, plus propres à éclaircir la nature des choses qu'à en montrer la véritable origine, et semblables à ceux que font tous les jours nos physiciens sur la formation du monde., стр. 51.

Смотри также Contrat social. Les clauses de ce contrat sont tellement déterminées par la nature de l'acte que la mindre modification les rendrait vaines et de nul effet; en sorte que *bien qu'elles n'aient peut être jamais été formellement énoncées*, elles sont partout les mêmes. (кн. I, глава 6-я).

редакціи Общественнаго договора онъ еще опредѣленнѣе высказываетъ свое разнорѣчіе съ тѣми, кто идеализировалъ догосударственный бытъ людей, и говоритъ: счастливая жизнь золотого вѣка всегда была состояніемъ, чуждымъ человѣческому роду, частью потому, что онъ не сознавалъ его требованій, когда этотъ золотой вѣкъ былъ еще въ предѣлахъ возможности, частью потому, что самое состояніе было потеряно, когда человѣчество сдѣлалось способнымъ понимать его [1]). Если Руссо высказывается за установленіе государствъ путемъ договора, то не потому, чтобы ему не было извѣстно историческое обоснованіе ихъ войною и завоеваніемъ [2]), а потому, что, отрицая возможность установленія чего либо закономѣрнаго силою, онъ видитъ только въ добровольномъ соглашеніи источникъ отвѣчающаго праву общества и правительства [3]).

Его несогласіе съ Гуго де Гротомъ, какъ и съ Гоббсомъ, всецѣло сводится къ отрицанію того, чтобы сила когда либо могла сдѣлаться источникомъ права. По Гроту слѣдуетъ, что, подобно тому, какъ частное лицо можетъ произвесть отчужденіе своей свободы и стать рабомъ, такъ точно и народъ въ правѣ передать себя всецѣло въ руки короля. Но сдѣлать это, говоритъ Руссо—тоже, что отказаться отъ правъ человѣка и его обязанностей. Никакое вознагражденіе не мыслимо въ такомъ случаѣ, такъ какъ дѣло идетъ объ отчужденіи всего. Такое соглашеніе недѣйствительно и противорѣчиво, такъ какъ имъ установляется для одной изъ сторонъ абсолютная власть, а для

---

[1]) ...l'heureuse vie de l'âge d'or fut toujours un état étranger à la race humaine, ou pour l'avoir méconnu, quand elle en pouvait jouîr, ou pour l'avoir perdu, quand elle aurait pu le connaître. Смотри первоначальный текстъ Общественнаго Договора, глава II, изд. Dreyfus – Brisac, стр. 248.

[2]) Въ Discours sur l'origine de l'inégalité мы читаемъ: Je sais que plusieurs ont doné d'autres origines aux sociétés politiques, comme les conquêtes du plus puissant, ou l'union des foibles, et le choix entre ces causes est indifférent à ce que je veux établir (seconde partie).

[3]) Du contrat social, глава III, Du droit du plus fort. La force est une puissance physique: je ne vois point quelle moralité peut résulter de ses effets etc... глава V, Qu'il faut toujours remonter à une première convention.

другой — безграничное повиновеніе. И такъ, Руссо отрицаетъ одновременно закономѣрность какъ личнаго закабалѣнія, такъ и общественнаго. Но онъ находитъ нужнымъ опровергнуть еще другое положеніе де Грота о войнѣ, какъ источникѣ обоихъ видовъ рабства, наравнѣ съ добровольной передачей себя въ неволю, и заявляетъ, что какъ частный плѣнникъ, такъ и народъ завоеванный, не имѣютъ никакихъ обязанностей по отношенію къ повелителю; они слушаются его пока ихъ къ тому принуждаютъ. Понятія рабства и права взаимно исключаютъ другъ друга. Идетъ ли рѣчь объ отношеніяхъ двухъ людей между собою или частнаго лица и народа, одинаково безсмысленной была бы слѣдующая рѣчь: «Я заключаю съ тобою договоръ, который весь клонится къ твоей невыгодѣ и къ моей выгодѣ; я буду соблюдать его пока мнѣ это угодно и ты будешь соблюдать его пока мнѣ это угодно [1]).

По той же причинѣ Руссо расходится и съ Пуфендорфомъ, утверждающимъ, говоритъ онъ, что, подобно тому, какъ люди уступаютъ другъ другу имущества, они могутъ отказаться въ чужую пользу и отъ свободы. Въ Разсужденіи объ источникѣ неравенства Руссо повторяетъ ту же мысль о невозможности положить въ основу права силу и самовольное отреченіе, какая развита имъ болѣе подробно въ Общественномъ Договорѣ. Правительства, заключаетъ онъ, не начались съ созданія произвольной власти; она—результатъ ихъ вырожденія, она тотъ крайній предѣлъ, за которымъ снова начинаетъ дѣйствовать право сильнаго; вѣдь для устраненія послѣдняго и была создана политическая власть. Начнись даже правительство съ такого произвола, все-же слѣдовало бы признать, что неограниченная власть, какъ незаконная по природѣ, не могла сдѣлаться основаніемъ для правъ общественнаго союза [2]). Что касается до Гоббса, то Руссо считаетъ себя въ правѣ возразить ему словами императора Калигуллы: одно изъ двухъ: или короли боги, или народы скоты. Только такой диллемой можно объяснить переходъ

---

[1]) Du contrat social, глава IV.

[2]) Oeuvres complètes de J. J. Rousseau, Nouvelle édition, 1790 года томъ VII, страница 158 по 160.

людей изъ естественнаго состоянія подъ произволъ единоличнаго правителя [1]).

Руссо не игнорируетъ также и того объясненія, которое даютъ возникновенію государства и власти сторонники патріархальной теоріи, видящіе въ монархѣ отца расширенной семьи, обнимающей собою весь народъ; но онъ не считаетъ нужнымъ вступать въ полемику съ ними, такъ какъ признаетъ ихъ доводы разбитыми Сиднеемъ и Локкомъ [2]). Въ «Разсужденіи объ источникѣ неравенства» онъ только насмѣхается надъ тѣми, кто, подобно Фильмеру, сопоставлялъ права неограниченнаго правителя съ правами отца, говоря; первый все беретъ у своихъ подданныхъ, тогда какъ второй надѣляетъ ихъ своимъ достояніемъ. Отголоскомъ этой полемики въ «Общественномъ Договорѣ» осталась слѣдующая шутка: «я ничего не сказалъ ни о королѣ Адамѣ, ни объ императорѣ Ноѣ. На меня надѣюсь не посѣтуютъ за это, такъ какъ, происходя самъ отъ одного изъ этихъ князей и можетъ быть въ старѣйшей линіи, я пожалуй оказался бы по повѣркѣ титуловъ законнымъ правителемъ человѣческаго рода. Нельзя разумѣется не согласиться, что Адамъ былъ самодержцемъ міра, какъ Робинсонъ—своего острова. Преимуществомъ его имперіи было то, что, какъ единственный обитатель, онъ прочно сидѣлъ на своемъ тронѣ, не опасаясь ни возстаній, ни войнъ, ни заговоровъ» [3]).

---

[1]) Смотри Du contrat social, глава III. Въ Emile Руссо, какъ мы видѣли, не устанавливаетъ различій между мнѣніемъ Гроція и Гоббса, говоря: La vérité est que leurs principes sont exactement semblables; ils ne diffèrent que par les expressions. Вотъ почему и въ Общественномъ Договорѣ слова Калигуллы кажутся ему выражающими одинаково взгляды обоихъ. Le raisonnement de ce Caligula revient à celui de Hobbes et de Grotius.

[2]) Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité: Quant à l'autorité paternelle, dont plusieurs ont fait dériver le gouvernement absolu et toute la société, sans recourir aux preuves contraires de Locke et de Sidney, il sufit de remarquer, que rien au monde n'est plus éloigné de l'esprit féroce du despotisme que la douceur de cette autorité, qui regarde plus à l'avantage de celui qui obéit qu'à l'utilité de celui qui commande etc. (seconde partie).

[3]) Глава II.

Въ число политическихъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ Руссо могъ почерпнуть основы своего ученія о естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ, нельзя включать Монтескье, съ отдѣльными мнѣніями котораго Руссо, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, нетолько считается, но и соглашается весьма часто. Нельзя этого сдѣлать потому, что, въ Эмилѣ Руссо рѣшительно заявляетъ, что Монтескье, «этотъ единственный изъ публицистовъ новаго времени, который могъ создать великую науку права политическаго (droit politique)», уклонился отъ всякихъ разсужденій о его принципахъ и ограничился изложеніемъ положительнаго законодательства существующихъ правительствъ. Но ничто въ мірѣ не представляетъ большаго различія, какъ эти два вида изслѣдованій [1]).

Изъ современныхъ толкователей Руссо никто не отмѣтилъ такъ рѣзко отличія поставленной имъ задачи отъ тѣхъ, какія преслѣдовались его предшественниками, какъ Штамлеръ, говоря: „я не стану останавливаться на элементарномъ недоразумѣніи, состоящемъ въ томъ, будто Руссо говоритъ объ общественномъ договорѣ, какъ объ историческомъ фактѣ, почему и самая его теорія можетъ найти подтвержденіе и опроверженіе лишь въ исторіи. Это совершенно невѣрно, Общественный договоръ даетъ философское обоснованіе идеи права. Онъ желаетъ установить общеобязательный маштабъ, по которому можно былобы судить всякій изданный въ государствѣ законъ. Если такой законъ или точнѣе установленное имъ право отвѣчаетъ общественному договору, оно можетъ считаться закономѣрнымъ. Такимъ образомъ общественный договоръ, вмѣсто того, чтобы быть историческимъ основаніемъ государства, въ представленіяхъ Руссо является идеальной цѣлью, которую долженъ имѣть въ виду и осуществлять по частямъ законодатель. Только подъ этимъ условіемъ возможно возникновеніе права между людьми, желающими сохранить свою свободу, при соединяющей ихъ воедино юридической связи [2]).

---

[1]) Emile, книга V.

[2]) Theorie des Anarchismus, стр. 14. Все, что Липманъ и Гейманъ говорятъ интереснаго и новаго при анализѣ юридической филосо-

Но при самомъ построеніи этой по существу своему новой теоріи Руссо не отрѣшается вполнѣ отъ вліянія современниковъ и не разъ раздѣляетъ ихъ взгляды и предубѣжденія.

Близкія сношенія, существовавшія нѣкогда между нимъ и Дидро, невольно наводятъ на мысль искать въ сочиненіямъ послѣдняго, все равно знакомятъ ли они насъ съ собственными его мыслями или только съ ученіями шотландскихъ моралистовъ, указаній на источникъ происхожденія нѣкоторыхъ основныхъ положеній Руссо, нашедшихъ выраженіе себѣ какъ въ его Разсужденіяхъ, такъ и въ трактатѣ объ Общественномъ Договорѣ. Къ числу этихъ положеній я отношу во первыхъ то представленіе, какое Руссо дѣлаетъ себѣ о естественномъ состояніи людей, во-вторыхъ его ученіе объ общежительной природѣ человѣка, вытекающей не изъ какого то неразложимаго на болѣе простые элементы инстинкта общественности, какъ утверждалъ Аристотель, а за нимъ Гуго де Гротъ, а изъ двоякаго чувства:—стремленія, съ одной стороны, обезпечить собственное благополучіе общеніемъ съ ближними, а съ другой, благоволенія къ этимъ послѣднимъ; мы сказали бы: изъ эгоизма и альтруизма. Вліяніе Дидро сказывается также въ томъ положеніи, что общая воля сама по себѣ непогрѣшима, что соглашеніе частнаго интереса съ общимъ всегда возможно, но подъ условіемъ недопущенія промежуточныхъ инстанцій между индивидомъ и государствомъ, тѣхъ самостоятельныхъ союзовъ, преслѣдующихъ частные интересы, interêts particuliers, какими являются дворянство, духовенство, цеховое мѣщанство и организованная въ ассоціаціи рабочая чернь. Мы видѣли, что эти послѣднія мысли пользовались широкимъ признаніемъ въ XVIII вѣкѣ, что ихъ раздѣляла съ энциклопедистами школа физіократовъ и самый выдающійся изъ ихъ писателей, Тюрго. Точно также ученіе о естественномъ состояніи, какъ о чуждомъ понятію закона, собственности и общеобязательной власти, принадлежало въ XVIII вѣкѣ къ числу ходячихъ, такъ что оригинальность Дидро надо искать по преимуществу въ тѣхъ мысляхъ, какія высказываются имъ о нравственныхъ качествахъ

фіи Руссо, вращается вокругъ этой мысли и представляетъ ея развитіе и обоснованіе.

человѣческой природы, какъ поведшихъ къ возникновенію общежитія, и о природѣ естественнаго закона, какъ заключающаго въ себѣ выраженіе общей воли, всегда согласной съ правильно понятымъ интересомъ.

Что касается до перваго ученія, то оно является только отраженіемъ взглядовъ, ранѣе высказанныхъ шотландскими философами—моралистами, въ частности Кумберландомъ и Шафтсбери. Руссо могъ познакомиться съ первымъ изъ перевода Барбейрака, вышедшаго въ 1744 году, а со вторымъ изъ передачи его ученій Дидро. У Кумберланда можно было прочесть направленную противъ Гоббса защиту добрыхъ качествъ человѣка. Изъ волковъ, какими рисуетъ людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ авторъ Левіафана, Кумберландъ обращаетъ ихъ въ существа благожелательныя. Всѣ естественные законы, думаетъ онъ, могутъ быть сведены къ одному всеобщему, который слѣдуетъ выразить такимъ образомъ: забота объ общемъ благѣ всей системы разумныхъ агентовъ содѣйствуетъ благу каждой изъ частей этой системы, благу, въ составъ котораго входитъ наше собственное, такъ какъ мы одна изъ этихъ частей [1]). Мы сказали бы, частное благополучіе зависитъ отъ общаго, а отсюда возможность и того вывода, который, какъ мы увидимъ, дѣлаетъ одинаково и Дидро, и Руссо, вывода о совпаденіи правильно понятнаго частнаго интереса съ общимъ, о томъ, что volonté genérale не расходится съ intéret particulier, если понимать послѣдній должнымъ образомъ. Руссо читалъ Кумберланда, какъ показываютъ ссылки на него въ Разсужденіи о происхожденіи неравенства [2]). Внѣ сомнѣнія стоитъ также фактъ

---

[1]) Traité philosophique des Loix Naturelles par le docteur Richard Cumberland: Le soin d'avancer, autant qu'il est en nôtre pouvoir, le Bien commun de tout le systême des Agens Raisonnables sert à procurer, autant qu'il dépend de nous, le Bien de chacune de ses Portions, dans le quel est renfermée notre propre Félicité, puisque chacun de nous est une de ces Parties, смотри стр. 11.

[2]) Мы встрѣчаемъ въ ней слѣдующую фразу: Hobbes prétend que l'homme est naturellement intrépide, et ne cherche qu'à attaquer et combattre. Un philosophe illustre pense au contraire, et Cumberland et Puffendorf l'assurent aussi, que rien n'est si timide que l'homme dans l'etât de nature, et qu'il est toujours tremblant et prêt à fuir... etc.

знакомства его съ Шафтсбери въ переводѣ Дидро, такъ какъ въ отрывкахъ изъ неизданныхъ сочиненій автора Общественнаго Договора, отрывкахъ, обнародованныхъ Шрекэйзенъ Мульту, встрѣчаются слова: добродѣтельный Шафтсбери и его достойный истолкователь [1]). Въ этомъ сочиненіи шотландскаго философа въ горячей полемикѣ съ тѣми, кто думаетъ что міръ управляется интересами, проводится тотъ взглядъ, что человѣкъ благожелателенъ по своей природѣ. Если есть что естественнаго во всякомъ живомъ существѣ, такъ это стремленіе къ тому, что обезпечиваетъ сохраненіе всего вида этихъ существъ, къ сохраненію ихъ въ наилучшемъ состояніи. Если признать естественнымъ, что измѣна или неисполненіе даннаго слова признаются несправедливыми, то столь же естественнымъ надо считать, что безчеловѣчное отношеніе къ ближнему и неисполненіе въ какомъ бы то ни было смыслѣ должнаго по отношенію къ человѣческому роду, считается равно несправедливымъ. Если ѣсть и пить естественно, то столь же естественно ходить стадомъ; въ число естественныхъ чувствъ необходимо включить поэтому и чувство общественности [2]).

Совершенно въ духѣ этого ученія Руссо говоритъ въ своемъ Разсужденіи о причинахъ неравенства между людьми, что Гоббсъ не правъ и упускаетъ изъ виду прирожденное отвращеніе человѣка причинять страданіе ближнему [3]). Въ первѣйшихъ и простѣйшихъ проявленіяхъ души человѣческой. Руссо различаетъ двоякого рода чувства: одно состоитъ въ заботѣ о собственномъ благополучіи и самосохраненіи, другое въ естественномъ отвращеніи ко всему, что можетъ причинить страданіе или ги-

---

[1]) Переводъ Шафтсбери, сдѣланный Дидро, вышелъ въ 1745 году

[2]) Этотъ отрывокъ приведенъ Эспинасомъ въ статьѣ, озаглавленной Le Système de J. J. Rousseau и отпечатанной въ Revue internationale de L'Enseignement, 15 ноября, 1895 года, стр. 438 и 439.

[3]) Il y a d'ailleurs un autre principe que Hobbes n'a point apperçu et qui, ayant eté donné à l'homme pour adoucir en certaines circonstances la férocité de son amour propre ou le désir de se conserver avant la naissance de cet amour, tempère l'ardeur qu'il a pour son bien-être par une répugnance innée à voir souffrir son semblable. Je parle de la pitié, Discours sur l'origine de l'inégalité. Oeuvres, томъ VII, стр. 96 и 97.

бель всякому существу, надѣленному чувствительностью и прежде всего намъ подобнымъ. Изъ комбинаціи этихъ двухъ чувствъ вытекаютъ всѣ правила естественнаго права, такъ что нѣтъ необходимости прибѣгать при объясненіи его источника къ прирожденному инстинкту общественности, къ предполагаемому Гуго де Гротомъ appetitus societatis [1]).

Если такимъ образомъ имѣется полная возможность привести ученіи Руссо о нравственной природѣ человѣка въ связь съ ученіемъ шотландской школы и ея истолкователя Дидро, то не меньшее соотвѣтствіе открывается при сопоставленіи того, что Дидро говоритъ о соотвѣтствіи общей воли съ частной въ статьѣ Энциклопедіи, озаглавленной Droit naturel, и ученія Руссо о томъ же предметѣ. Сходство такъ велико, что одинъ изъ недавнихъ истолкователей соціальной философіи Руссо, Францъ Гейманъ, высказываетъ даже ничѣмъ не обоснованную догадку, что разсужденіе о естественномъ правѣ, носящее иниціалы Дидро, на самомъ дѣлѣ было написано никѣмъ инымъ, какъ авторомъ Общественнаго Договора [2]).

Въ статьѣ О политической экономіи Руссо говоритъ: общая воля всегда стремится къ сохраненію и къ благосостоянію цѣлаго и отдѣльныхъ его частей; она источникъ закона; она установляетъ для всѣхъ гражданъ понятіе права и неправа, идетъ ли рѣчь объ ихъ отношеніяхъ между собою или къ государству.

---

[1]) Laissant donc tous les livres scientifiques qui ne nous apprennent qu'à voir les hommes tels qu'ils se sont faits, et méditant sur les premières et plus simples opérations de l'âme humaine, j'y crois appercevoir deux principes antérieurs à la raison, dont l'un intéresse ardemment notre bien-être et la conservation de nous-mêmes, et l'autre nous inspire une répugnance naturelle à voir périr ou souffrir tout être sensible et principalement nos semblables. C'est du concours et de la combinaison que notre esprit est en état de faire de ces deux principes, sans qu'il soit nécessaire d'y faire entrer celui de la sociabilité, que me paroissent découler toutes les règles du droit naturel. Oeuvres, изданіе 1790 года, томъ VII, предисловіе къ Разсужденію объ источникѣ неравенства, стр. 39.

[2]) Смотри Jean Jacques Rousseau Sozialphilosophie von Franz Heyman, стр. 81 и 82.

Хотите, чтобы она осуществилась, сдѣлайте такъ, чтобы всѣ частныя воли слились съ нею. Такъ какъ, добродѣтель состоитъ въ соотвѣтствіи частной воли съ общей, то это значитъ тоже, что доставить торжество добродѣтели [1]). Въ полномъ соотвѣтствіи съ сказаннымъ Дидро въ своей статьѣ О естественномъ правѣ утверждаетъ: общая воля всегда права (la volonté générale est toujours bonne); у нея частное лицо должно искать совѣта, въ какой мѣрѣ ему надлежитъ быть человѣкомъ, гражданиномъ, подданнымъ, отцомъ, когда и какъ ему жить и умереть: ей надо предоставить опредѣленіе границъ всѣхъ обязанностей. Все затѣваемое ею будетъ хорошо, велико, возвышено, если оно согласно съ общимъ интересомъ [2]).

Этимъ не ограничивается еще вліяніе философіи XVIII-го вѣка и ея корифея на такъ рѣзко разорвавшаго съ ними впослѣдствіи автора Общественнаго Договора. Возникшая съ XVII-го вѣка идеализація дикаря, какъ человѣка лишеннаго прививаемыхъ цивилизаціей страстей и пороковъ, находитъ выраженіе себѣ не въ однихъ соціальныхъ романахъ, начиная отъ Северамбовъ, но и въ дидактическихъ сочиненіяхъ Дидро [3]). Дидро, приглашающій Бугэнвилля покинуть берега невинныхъ и счастлиныхъ островитянъ Таити въ увѣренности, что онъ только помѣшаетъ ихъ счастью, такъ какъ они чужды еще порокамъ и преступленіямъ,

---

[1]) Разъ частному лицу нельзя предоставить рѣшеніе вопроса о правѣ и неправѣ, продолжаетъ Дидро, то кому-же дать его на судъ, какъ не роду человѣческому, незнающему другой страсти, кромѣ общаго блага. Но, говоря это, онъ уже рѣшительно расходится съ авторомъ Общественнаго Договора, посвящающимъ въ своей первоначальной рукописи этого трактата довольно длинный экскурсъ развитію той мысли, что такое право должно быть признано за государствомъ и народомъ, а не за человѣчествомъ (см. женевскую рукопись гл. II. De la société générale du genre humain. Dreyfus Brisac, стр. 246.). Обращаю вниманіе на это разнорѣчіе еще по слѣдующей причинѣ: оно какъ нельзя лучше доказываетъ, что, какъ-бы далеко не простиралось сотрудничество Руссо въ Энциклопедіи, статья о естественномъ правѣ, заключающая въ себѣ только что приведенный отрывокъ, не была имъ написана.

[2]) Discours sur l'économie politique. Oeuvres, томъ VII, стр. 281 и 269.

[3]) См. Supplément au voyage de Bougainville, Oeuvres, томъ II-ой, страница 206-я.

существующимъ во французскомъ обществѣ, очевидно говоритъ тоже, что и Руссо, начинающій свой трактатъ о воспитаніи словами: все прекрасно, когда выходитъ изъ рукъ Создателя міра, все вырождается въ рукахъ человѣческихъ, съ Руссо, заявляющимъ, что большинство нашихъ бѣдъ происходитъ отъ насъ самихъ и что мы избѣжали бы ихъ, сохранивъ тотъ простой, однообразный и одинокій образъ жизни, какой предписанъ намъ природой [1]).

Отличіе Руссо отъ авторовъ соціальныхъ романовъ и дидактическихъ разсужденій, предметомъ которыхъ одинаково является характеристика человѣка въ естественномъ состояніи, лежитъ исключительно въ томъ, что первые, изображая дикарей тѣми красками, какими рисовали ихъ описатели быта туземцевъ Перу до завоеванія его Пезаро и установленной іезуитами теократической республики краснокожихъ Парагвая, отправлялись отъ наблюденія дѣйствительныхъ фактовъ, значительно впрочемъ идеализированныхъ: тогда какъ второй не считалъ возможнымъ возстановить дѣйствительную природу «естественнаго человѣка» иначе, какъ отправляясь отъ современности и освободивъ людей нашего времени отъ всѣхъ нажитыхъ привычекъ, страстей и пороковъ [2]).

Черезъ посредство Дидро ученіе шотландской философской школы, въ частности Кумберланда и Шафтсбери, доставило Руссо не одни элементы критики по отношенію къ теоріи Гоббса о неограниченномъ ничѣмъ эгоизмѣ людей въ естественномъ состояніи, эгоизмѣ, производящемъ войну всѣхъ противъ всѣхъ и неминуемо влекущемъ за собою или взаимное истребленіе

---

1) Tout est bien sortant des mains de l'Auteur des choses, tout dégénère entre les mains de l'homme (начальная фраза Эмиля).... voilà les funestes garans que la plupart de nos maux sont notre propre ouvrage, et que nous les aurions presque tous évités en conservant la manière de vivre simple, uniforme et solitaire, qui nous étoit prescrite par la nature. Discours sur l'origine de l'inégalité. Oeuvres, изданіе, 1790 года VII, стр. 62.

2) En dépouillant cet être, ainsi constitué, de tous les dons surnaturels qu'il a pu recevoir... et de toutes les facultés artificielles qu'il n'a pu acquérir que par de longs progrès, страница 54. Mais sans recourir aux témoignages incertains de l'histoire etc (стр. 74).

или всецѣлую передачу себя въ руки повелителя, создающаго законы нравы, право и собственность; оно позволило ему также вывести всю систему естественныхъ законовъ изъ дуализма эгоистическихъ и альтруистическихъ импульсовъ, присущихъ человѣку съ самаго начала, насажденныхъ въ немъ природою. Благодаря посредничеству того же Дидро, лучшаго знатока англійской литературы во Франціи XVIII-го вѣка, теорія Локка о трудовомъ происхожденіи собственности всецѣло была усвоена авторомъ Общественнаго Договора со всѣми тѣми ограниченіями, какія кладетъ индивидуальному присвоенію англійскій мыслитель, утверждающій, что оно закономѣрно, когда не превосходитъ дѣйствительныхъ нуждъ и оставляетъ въ рукахъ ближнихъ достаточное количество равнокачественныхъ предметовъ [1]). Лирическія отступленія выражающія напримѣръ скорбь о томъ, что разрушеніемъ первыхъ загородей не пресѣченъ былъ въ корнѣ источникъ тѣхъ бѣдствій, къ какимъ ведетъ институтъ собственности [2]), не въ состояніи поколебать несомнѣнности того положенія, что въ современномъ состояніи общества Руссо считалъ собственность зломъ неизбѣжнымъ и призывалъ всѣхъ къ ея соблюденію [3]). Это не мѣшало ему однако, за одно съ Лок-

---

[1]) Discours de l'origine de l'inégalité. C'est le seul travail qui donnant droit au cultivateur sur le produit de la terre qu'il a labourée, lui en donne par conséquent sur le fonds, au moins jusqu'à la récolte, et ainsi d'année en année; ce qui, faisant une possession continue, se transforme aisément en propriété, (стр. 136) ...Ignorez-vous qu'une multitude de vos frères périt ou souffre du besoin de ce que vous avez de trop, et qu'il vous falloit un consentement exprès et unanime du genre humain pour vous approprier sur la subsistance commune tout ce qui alloit au-delà de la vôtre (стр. 143). См. также Contrat social, главу IX.

[2]) Le premier qui ayant enclos un terrain s'avisa de dire ceci est à moi, et trouva des gens assez simples pour le croire, fut le vrai fondateur de la société civile. Que de crimes, de guerres, de meurtes, de miseres et d'horreurs n'eût point épargnés au genre humain celui qui, arrachant les pieux ou comblant le fossé, eût crié à ses semblables: Gardez-vous d'écouter cet imposteur; vous êtes perdus si vous oubliez que les fruits sont à tous, et que la terre n'est à personne! Oeuvres, изданіе 1790 года, томъ VII, стр. 116.

[3]) Il est certain que le droit de propriété est le plus sacré de tous

комъ, Монтескье и Дидро, рекомендовать различныя законодательныя мѣры, послѣдствіемъ которыхъ было бы ея дробленіе, а слѣдовательно и уравненіе состояній. Въ то время, какъ Дидро въ статьѣ о человѣкѣ, какъ субъектѣ политическихъ правъ, предпочиталъ равномѣрное распредѣленіе чистой выручки, даваемой производствомъ, поднятію ея до возможной высоты путемъ соединенія богатствъ въ рукахъ немногихъ и раздѣленію общества на бѣдныхъ и богатыхъ, Монтескье внушалъ составителю статьи о налогѣ, статьи, напечатанной въ той-же Энциклопедіи, мысль о прогресивномъ обложеніи и о совершенномъ изъятіи отъ него состояній, не превышающихъ извѣстнаго минимума; Руссо же совѣтовалъ отмѣнить свободу завѣщаній, ограничить законное наслѣдованіе близкими степенями и освободить отъ обложенія какъ предметы первой необходимости, такъ и тѣхъ, кто владѣетъ только нужнымъ для жизни [1]).

Едва-ли слѣдуетъ настаивать, послѣ того, что сказано было нами раньше, на той мысли, что договорная теорія государства вовсе не является изобрѣтеніемъ политической метафизики прошлаго вѣка, такъ какъ она лежитъ въ основѣ всего феодальнаго строя и только воспринята политическими писателями XVII и XVIII-го вѣка. Что Руссо остановился на ней, однако, не въ силу изученія средневѣковыхъ порядковъ, доказываютъ тѣ немногія слова, въ которыхъ онъ бичуетъ ихъ, какъ нелѣпѣйшіе изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ [2]).

---

les droits des citoyens, et plus important à certains égards que la liberté même. Discours sur l'économie politique, стр. 304 и 305.

[1]) C'est donc une des plus importantes affaires du gouvernement de prévenir l'extrême inégalité des fortunes, (Ibid, стр. 295), C'est, comme l'a montré Puffendorf, que, par la nature du droit de propriété, il ne s'étend point au-delà de la vie du propriétaire, et qu'à l'instant qu'un homme est mort, son bien ne lui appartient plus., стр. 305. Celui qui n'a que le simple nécessaire ne doit rien payer du tout; la taxe de celui qui a du superflu peut aller au besoin jusqu'à la concurrence de tout ce qui excède son nécessaire, (стр. 322 и 323). C'est par de tels impôts, qui soulagent la pauvreté et chargent la richesse, qu'il faut prévenir l'augmentation continuelle de l'inégalité des fortunes, (стр. 333).

[2]) Gouvernement féodal, systême absurde s'il en fut jamais, contraire

Мы имѣемъ поэтому основаніе сказать, что его воззрѣнія и на этотъ счетъ сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ политическихъ мыслителей. Изъ нихъ одинъ въ особенности опредѣлилъ способъ пониманія имъ характера и задачъ Общественнаго договора, я разумѣю Гоббса и его ученіе о добровольной передачѣ людьми, выходящими изъ естественнаго состоянія, всѣхъ своихъ правъ въ руки создаваемой ими самодержавной власти. Расходясь съ Гоббсомъ по вопросу о томъ, въ чью пользу произведенъ былъ такой отказъ, Руссо въ тоже время настаиваетъ, подобно ему, на томъ, что, создавая верховную власть, люди не удерживаютъ за собою никакихъ правъ.

Ученіе Руссо гласитъ, что общественный договоръ ставитъ себѣ цѣлью такую ассоціацію людей, которая бы покровительствовала и защищала совокупными силами личность и собственность каждаго изъ членовъ, и при которой всякій вступающій въ союзъ повиновался бы только себѣ самому, сохраняя прежнюю свободу. Эта задача, по мнѣнію Руссо, можетъ быть осуществлена только всецѣлой передачей себя со всѣми своими правами обществу. Имъ достигается, съ одной стороны, равенство условій, а, съ другой, полнота единенія.

Еслибы, разсуждаетъ Руссо, вступающіе въ сообщество люди удержали что за собою, кто бы могъ постановлять рѣшенія по столкновеніямъ, возникающимъ между ними и обществомъ? Руссо думаетъ также, что такая цѣлостная передача не ведетъ къ умалѣнію правъ личности; отдавая себя всѣмъ, учитъ онъ, никто не отдаетъ себя никому, и такъ какъ нѣтъ ни единаго изъ вступающихъ въ ассоціацію, который не пріобрѣталъ бы на остальныхъ сочленовъ такихъ же правъ, какія онъ самъ уступаетъ, то изъ этого будто бы слѣдуетъ, что каждый пріобрѣтаетъ эквивалентъ потеряннаго и придатокъ силъ для защиты того, что имѣетъ. Считаю нужнымъ чистосердечно сознаться, что я никогда не понималъ и теперь не понимаю силы этого разсужденія.

---

aux principes du droit naturel et à toute bonne politique. Смотри Du Contrat social, стр. 20.

Я не постигаю, почему право наложить руку на свободу самоопредѣленія другихъ можетъ служить мнѣ эквивалентомъ за потерю собственнаго моего права самоопредѣленія. Я думаю поэтому, заодно съ Спинозой и Локкомъ, что частное лицо отказывается въ пользу государству отъ личнаго осуществленія только извѣстныхъ правъ и прежде всего права самозащиты, что есть извѣстныя неотъемлемыя права, предшествующія во времени всякому гражданскому общежитію и пожертвованія которыми не можетъ требовать отъ меня никакая власть, какъ бы демократиченъ ни былъ ея источникъ. Руссо старается объяснить свою мысль, говоря, что при установленіи общества человѣкъ теряетъ только естественную свободу и неограниченное право на все, что искушаетъ его и что ему доступно; пріобрѣтаетъ же онъ взамѣнъ гражданскую свободу и право собственности на все, чѣмъ владѣетъ. Послѣднее замѣчаніе какъ нельзя болѣе вѣрно; оно доказываетъ, что въ глазахъ Руссо, въ догосударственный періодъ существуетъ только право индивидуальнаго владѣнія, которое переходитъ въ собственность съ момента признанія его пожизненнымъ или наслѣдственнымъ со стороны государства. Но чего я не понимаю, это фразы о тѣхъ выгодахъ, какія получаются для индивида отъ замѣны естественной свободы гражданской, Руссо видитъ различіе обѣихъ въ томъ, что первая не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ той силы, какой распологаетъ пользующійся ею, а вторая—ограничена общей волей. Если она только ограничена, то значитъ она продолжаетъ существовать и не было слѣдовательно той цѣлостной передачи, о которой говоритъ авторъ [1]). Приращеніе къ собственнымъ силамъ, какое человѣкъ пріобрѣтаетъ жизнью въ общественномъ союзѣ, не требуетъ отказа отъ всѣхъ правъ и достигается перенесеніемъ на общество тѣхъ только личныхъ функцій, которыя могутъ быть осуществлены имъ болѣе совершенно [2]). Я тщетно ищу дальнѣйшихъ разъясненій мысли Руссо

---

[1]) Смотри главы VI и VII Общественнаго договора.

[2]) Въ главѣ IV, книги второй, Руссо самъ допускаетъ, что общество нуждается въ осуществленіи только части тѣхъ правъ, какія принадлежатъ личности. On convient que tout ce que chacun aliène par le pacte social, de sa puissance, de ses biens, de sa liberté, c'est

въ той попыткѣ передать въ сжатомъ видѣ содержаніе его основнаго трактата, какое содержитъ въ себѣ шестое изъ его «Писемъ съ горы». Руссо ограничивается повтореніемъ своего основнаго положенія, что особенность общественнаго договора отъ всякихъ другихъ контрактовъ заключается въ томъ, что, хотя въ немъ и заключается всецѣлая передача правъ личности, безъ оговорокъ и удержаній, онъ все же не можетъ быть несправедливымъ, или подать поводъ къ злоупотребленіямъ. Руссо объясняетъ свой оптимизмъ, говоря, что общество не можетъ вредить самому себѣ до тѣхъ поръ, пока цѣлое желаетъ за всѣхъ. Особенность общественнаго договора, продолжаетъ Руссо, состоитъ еще въ томъ, что онъ связываетъ договаривающіяся стороны, не подчиняя ихъ въ то же время никому. Давая имъ единственнымъ правиломъ поведенія ихъ собственную волю, онъ оставляетъ ихъ столь-же свободными, какъ и прежде [1]).

Прибавьте къ этому еще заявленіе, что общественный договоръ не можетъ нарушить естественныхъ законовъ, какъ частные контракты—законовъ положительныхъ, и трудно будетъ не прійти къ тому выводу, что одно изъ основныхъ положеній всей доктрины Руссо осталось столь-же смутнымъ и противорѣчивымъ въ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, какъ и въ основномъ трактатѣ.

Если естественные законы не могутъ быть отмѣнены общественнымъ договоромъ, то мыслимо ли всецѣлое отчужденіе себя совокупности гражданъ? Разъ происходитъ такое отчужденіе, то какъ можетъ быть сохранена прежняя свобода? Наконецъ какую увѣренность имѣемъ мы въ томъ, что, сосредоточивъ въ себѣ всю полноту частныхъ правъ, общество никогда не воспользуется своимъ всемогуществомъ для угнетенія меньшинства? Руссо утверждаетъ, что такое угнетеніе не мыслимо пока совокупность желаетъ блага всѣхъ; но кто же поручится,

---

seulement la partie de tout cela dont l'usage importe à la communauté. Contrat social, глава IV, книга II, стр. 55.

[1]) Lettres de la Montagne. VI lettre. Oeuvres, ed. 1790 томъ IX, стр. 266.

что эта совокупность не можетъ заблуждаться, не можетъ подчиниться вліянію временныхъ настроеній и страстей. Руссо утверждаетъ, но не доказываетъ, что общая воля всегда справедлива [1]).

Въ этомъ сказывается рѣшающее и въ данномъ случаѣ, какъ я думаю, несчастное вліяніе указанной выше доктрины Дидро и энциклопедистовъ. Новѣйшіе толкователи Руссо, въ частности Францъ Гейманъ [2]), видятъ не безъ основанія ключъ къ пониманію его доктрины въ положеніи, что общая воля всегда преслѣдуетъ правильно понятые интересы частныхъ лицъ и что, если этого не бываетъ на дѣлѣ, то причину тому надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что общая воля подпала вліянію той или другой изъ частныхъ группъ, входящихъ въ составъ государства и преслѣдующихъ свои корпоративные интересы. И дѣйствительно, для Руссо, какъ слѣдуетъ одинаково изъ текста Общественнаго Договора, Эмиля и Писемъ съ Горы, суверенитетъ совпадаетъ съ общей волей. Одна общественная воля, учитъ онъ, можетъ направить силы государства къ той цѣли, для которой она создана, т. е. къ общему благу. Суверенитетъ заключается поэтому въ осуществленіи общей воли [3]).

Въ Эмилѣ еще опредѣленнѣе сказано: верховная власть ничто иное, какъ общая воля [4]). Та же мысль, наконецъ

---

[1]) Discours sur l'économie politique, томъ VII, стр. 269.

[2]) Wenn wir in dem schier unentwirrbaren Gemenge einer unsystematischen Anordnung schwer verständlicher Einzelthesen die Hoffnung auf einheitliche Erfassung des Ganzen aufzugeben gewillt sind und mit der Konstatierung von unlöslichen Widersprüchen von diesem wundersam angelegten Gebäude Rousseauscher Rechtphilosophie resigniert Abschied zunehmen im Begriffe stehen, dann möge den exakten Litteratur historiker der Gedanke zu neuer Forschung anspornen dasz mit der Erkenntnis der systematischen Bedentung und des Klaren Gehalts der „volonté générale", der Schlüssel zu dem Verständnis dieser Philosophie endgiltig und unverlierbar gefunden ist. Jean Jacques Rousseau's Sozialphilosophie von Franz Heymann, стр. 75.

[3]) La souveraineté n'étant que l'exercice de la volonté générale etc. Contrat social, книга II, глава I.

[4]) Emile, книга I, глава V. L'autorité souveraine n'étant autre chose, que la volonté générale.

повторена въ Письмахъ съ Горы: общая воля есть поэтому порядокъ, верховное правило; въ своемъ олицетвореніи оно и есть то, что я называю сувереномъ [1]).

Ошибочно думать, что Руссо подъ общей волей разумѣетъ совокупность частныхъ воль или ихъ большинство; чтобы стать ею, частныя воли должны быть направлены къ общему благу [2]); необходимо, чтобы «volonté générale» была всегда прямой или справедливой, droite: но какой къ тому имѣется критерій. Руссо очевидно сказать не въ силахъ. Подчиненіе частной воли общей и есть высшая обязанность гражданъ; она въ глазахъ Руссо равнозначительна добродѣтели [3]). Законы для Руссо не болѣе, какъ выраженіе общей воли. Она же даетъ своими велѣніями возможность отличить право отъ неправа [4]). Поставить законъ выше человѣка, т. е. общую волю выше частной, такова задача, осуществленіе которой возможно только въ наилучшей формѣ государственнаго устройства. Трудность найти ее понимаетъ самъ Руссо, уподобляющій эту проблему той, которая состояла бы въ открытіи квадратуры круга [5]).

Не разъ указывали на то обстоятельство, что, различая Об-

---

[1]) Шестое письмо, томъ IX, стр. 266.

[2]) Pourquoi la volonté générale est elle tonjours droite... Il y a souvent bien de la différence entre la volonté de tous et la volonté générale; celle ci ne regarde qu'à l'intérêt commun, l'autre regarde à l'intérêt privé et n'est qu'une somme de volontés particulières. C. s. II, 4 C. s. II, 3.

[3]) La vertu n'est que cette conformité de la volonté particulière à la générale. Ec. pol.

[4]) ...cette volonté générale, qui tend toujours à la conservation et au bien-être du tout et de chaque partie, et qui est la source des lois, est, pour tous les membres de l'état, par rapport à eux et a lui, la règle du luste et de l'injuste, Discours sur l'économie politique, стр. 266.

[5]) Il n'y aura jamais de bonne et solide constitution que celle où la joi règnera sur les coeurs des citoyens. Considérations sur le gouvernement de Pologne, томъ VIII, стр. 273. Письмо къ маркизу Мирабо отъ 26 іюля 1767 года. Voici dans mes vielles idées le grand problème en politique que je compare à celui de la quadrature du cercle en géometrie et à celui des longitudes en astronomie. Trouver une forme de gouvernement qui mette la loi au-dessus de l'homme. Si... cette forme est trouvable, cherchons-la et tâchons de l'établir.

щественный договоръ т. е. тотъ актъ, въ силу котораго частныя лица вступаютъ между собою въ союзъ съ цѣлью основанія государственнаго общежитія и народъ, выражаясь языкомъ Руссо [1]), становится народомъ, отъ факта установленія правительства, Руссо является простымъ послѣдователемъ Пуфендорфа. Такое заявленіе вѣрно только отчасти. Авторъ Естественнаго права дѣйствительно обособляетъ эти два акта въ два различныхъ договора, договоръ единенія и договоръ подчиненія, actum unionis и actum subjectionis [2]). Но ему совершенно чуждо то уподобленіе послѣдняго вида договора простой довѣренности, въ которомъ и заключается дѣйствительная оригинальность Руссо. Тѣ, утверждаетъ онъ, кто пологаетъ, что актъ подчиненія народа начальству не есть договоръ, вполнѣ правы; это не болѣе, какъ выдача полномочій, опредѣленіе на должность простыхъ чиновниковъ верховной властью. Они осуществляютъ ее отъ имени суверена, который довѣрился имъ, который въ правѣ ограничить ихъ власть, измѣнить ее или взять обратно. Отказъ отъ такого права непримиримъ съ природой общества и противорѣчитъ той цѣли, съ которой оно создано [3]). Если правительство можетъ очутиться въ рукахъ одного лица, многихъ или большинства гражданъ, смотря по тому, будутъ ли полномочія общества даны монарху, аристократамъ или удержаны за имъ самимъ, то верховная власть, какъ совпадающая съ общей волей и обязанная своимъ возникновеніемъ добровольному отказу отъ личнаго самоопредѣленія только въ пользу всего общества, не можетъ принадлежать никому иному, какъ совокупности гражданъ. Ошибочно было-бы считать Руссо первымъ правовѣстникомъ ученія о народномъ суверенитетѣ. Мы находимъ его въ средніе вѣка у Марсилія Падуанскаго, говорящаго, что первоисточникомъ закона является народъ и совокупность гражданъ или лучшая часть послѣднихъ по ихъ выбору или желанію, открыто выраженному въ общемъ собраніи [4]). То же повторяетъ и Альтузій.

---

[1]) Contrat social, кн. I, глава V.

[2]) De jure naturae et gentium libri octo, кн. VII, глава I и II.

[3]) Contrat social, книга III, глава I-я.

[4]) Nos autem dicamus secundum veritatem atque consilium Aristotelis

объявляя, что верховная власть едина, что ея нельзя приписать ни королю, ни оптиматамъ, а только совокупности всѣхъ гражданъ республики или королевства [1]).

Но и помимо теоретиковъ, Руссо могъ найти элементы своей доктрины о неотчуждаемости и недѣлимости народнаго суверенитета въ одномъ изъ основныхъ законовъ хорошо извѣстной ему женевской республики. Что онъ знакомъ былъ съ исторіей ея государственнаго строя, доказываютъ найденные еще въ 1861 году въ Невшательской библіотекѣ отрывки изъ задуманной имъ исторіи его родного города.

Въ этихъ отрывкахъ онъ какъ нельзя лучше указываетъ на невозможность возводить вольности Женевы далѣе эпохи епископовъ, которые, говоритъ онъ, вмѣсто того чтобы быть, какъ думали тиранами отечества, были его отцами и благодѣтелями. «Епископъ Адемаръ Фабри, правда, признаетъ за даруемыми имъ вольностями, незапамятную древность, но трудно допустить, чтобы въ тѣхъ безпорядкахъ, какіе повело за собою паденіе Римской Имперіи, какому либо городу или народу удалось сохранить даже тѣнь своей свободы»[2]). Изъ сдѣланной выдержки слѣдуетъ, что Руссо извѣстна была грамота Адемара Фабри отъ 1387 года. Въ ней, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ Chartes de commune, приняты были мѣры къ обезпеченію личности и имущества гражданъ, а также къ сосредоточенію городского само-

---

(III, Pol. cap. IV) legislatorem seu causam legis effectivam, primam et propriam esse populum seu civium universitatem aut ejus valentiorem partem, per suam electionem seu voluntatem in generali civium congregatione per sermonem expressam. Defensor pacis Pars I, c. XII, édit. de 1522.

[1]) Politica, первое изданіе 1603 года, второе 1610 г. Цитирую по третьему изданію 1617 года, стр. 121, въ которомъ о summa potestas говорится, какъ объ una semper non plures potestates sicuti una anima non plures in corpore physico imperant; сравни также на страницѣ 123 слѣдующія слова: summam potestatem nequamquam possum tribuere regi aut optimatibus quem senteutiam tamen Bodinus acerrime propugnare conatur, sed jure illa tantum corpori universitatis consociationis nimirum Reipublicae vel regno, tanquam propria est adscribenda.

[2]) Смотри изданіе этихъ отрывковъ. Jules Sandoz, Neuchâtel 1861 г. Histoire de Genève, Fragments inédits, стр. 8 и 19.

управленія въ рукахъ общаго совѣта, составленнаго изъ всей совокупности уроженцевъ Женевы и пріобрѣтающаго право назначать по выбору на всѣ должности. Предвидя возможность отнятія у Женевы послѣдующими правительствами дарованныхъ имъ вольностей, по нерадѣнію или податливости самихъ гражданъ, грамота епископа Фабри знаменитой 78 статьей объявляла ихъ неотчуждаемыми и неподлежащими давности [1]).

Такой же неотчуждаемой, недѣлимой и не допускающей поэтому представительства признаетъ верховную власть и Руссо. Въ Письмахъ съ горы, резюмируя содержаніе своего Общественнаго Договора и указывая, что въ немъ выставлены тѣ самые принципы, которые лежатъ въ основѣ женевской конституціи [2]), Руссо говоритъ: суверенитетъ, который для него, какъ мы видѣли, совпадаетъ съ общей волей, не дѣлимъ, не отчуждаемъ и сосредоточивается въ рукахъ совокупности всѣхъ членовъ общества [3]). Этому положенію онъ даетъ слѣдующее развитіе въ своемъ Общественномъ Договорѣ; такъ какъ, говоритъ онъ, самодержавіе состоитъ въ торжествѣ общей воли, то оно не подлежитъ отчужденію. Будучи существомъ не индивидуальнымъ, а коллективнымъ, суверенный народъ никѣмъ не можетъ быть представленъ. Можно передать другому власть, но нельзя передать другому воли [4]). Та самая причина, по которой суверенитетъ неотчуждаемъ, дѣлаетъ его недѣлимымъ; въ противномъ случаѣ, разсуждаетъ Руссо, онъ пересталъ-бы выражать собою общую волю [5]). Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Руссо понимаетъ подъ такой неотчуждаемостью и недѣлимостью одну

---

[1]) Смотри подробности объ этомъ любопытномъ документѣ у Jules Vuy въ Miscellanea di Storia Italiana, seria II, vol. XII стр. 135, и у Henri Fazy. Les constitutions de la République de Genève, стр. 22.

[2]) J'ai donc pris votre constitution, que je trouvois belle, pour modèle des institutions politiques: et vous proposant en exemple à l'Europe, loin de chercher à vous détruire, j'exposois les moyens de vons conserver..... Comment pouvois-je tendre à renverser tous les gouvernemens, en posant en principes tout ceux du vôtre? VI lettre.

[3]) Il suit de là que la souveraineté est indivisible, inaliénable, et qu'elle réside essentiellement dans tous les membres du corps. ibid.

[4]) Ibid, книга II, глава I.

[5]) Книга II, глава II.

невозможность ввѣрить кому либо, помимо народа, осуществленіе законодательной власти. Всѣ акты суверена могутъ быть только законами, пишетъ онъ въ третьей книгѣ Общественнаго Договора. Суверенъ не имѣетъ другой власти, кромѣ законодательной, и дѣйствуетъ не иначе, какъ въ формѣ законовъ. Эта мысль встрѣчается у Руссо еще въ первоначальномъ текстѣ его трактата [1]). Онъ повторяетъ ее и въ Эмилѣ, и въ Письмахъ съ Горы [2]). Но законъ для Руссо то же, что выраженіе общей воли по общему вопросу. Только подъ этимъ условіемъ можетъ общая воля избѣжать опасности сдѣлаться служительницей частныхъ интересовъ и тѣмъ самымъ впасть въ несправедливость, дозволить себѣ злоупотребленіе властью. Только въ виду этого можетъ она оставаться всегда прямой, droite, всегда преслѣдующей общее благо [3]). Весьма полно Руссо развиваетъ эту мысль уже при первоначальной редакціи своего основного трактата. Такъ какъ, говоритъ онъ, постановляемое имѣетъ въ виду обезпеченіе общаго блага, то изъ этого слѣдуетъ, что предметомъ закона должно быть всегда нѣчто столь-же

---

[1]) Et qu'est-ce qu'une personne publique? Je réponds que c'est un être moral qu'on appelle souverain à qui le pacte social a donné l'existence et dont toutes les volontés portent le nom de lois.

[2]) Les actes du souverain ne peuvent être que des actes de volonté générale, des lois. Emile L.5 - me p. 159 Mais comment agit cet être abstrait et collectif (la société)? Il agit par des lois, et il ne sauroit agir autrement.

[3]) Мы читаемъ въ Письмахъ съ Горы: Et qu'est-ce qu'une loi? C'est une déclaration publique et solemnelle de la volonté générale sur un objet d'intérêt commun. Je dis sur un objet d'intérêt commun, parceque la loi perdroit sa force, et cesseroit d'être légitime, si l'objet n'en importoit à tous. VI lettre. Смотри, также Contrat social, часть II, кн. IV. Qu'elle (la loi) doit partir de tous, pour s'appliquer à tous; et qu'elle perd sa rectitude naturelle, lorsqu'elle tend à quelque objet individuel et déterminé, parce qu'alors, jugeant de ce qui nous est étranger, nous n'avous aucun vrai principe d'équité qui nous guide, книга I, глава IV, Ainsi, de même qu'une volonté particulière ne peut représenter la volonté générale, la volonté générale à son tour change de nature, ayant un objet particulier, et ne peut comme générale prononcer ni sur un homme ni sur un fait.

общее, какъ и диктующая его власть; эта двойная универсальность присуща природѣ закона. Въ самомъ дѣлѣ, разъ рѣчь заходитъ о какомъ нибудь частномъ предметѣ, къ которому разныя лица стоятъ въ разныхъ отношеніяхъ, каждый необходимо лелѣетъ по отношенію къ нему особыя желанія и нѣтъ поэтому возможности достигнуть на его счетъ выраженія вполнѣ единой общей воли [1]).

Въ окончательномъ видѣ «Общественный Договоръ» иллюстрируетъ ту же мысль примѣромъ аѳинской демократіи, которая, осуществляя въ формѣ декретовъ, примѣнимыхъ къ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ свою мнимо-законодательную власть, тѣмъ самымъ попадала въ условія, при которыхъ общей воли трудно отрѣшиться отъ вліянія частныхъ интересовъ [2]). Руссо подтверждаетъ свое ученіе и на другомъ примѣрѣ, доказывая, что право объявлять войну или заключать миръ не входить въ функціи законодательной власти и должно осуществляться не самодержавнымъ народомъ, а уполномоченнымъ имъ правительствомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ общая воля сказывалась-бы по частнымъ вопросамъ.

Я особенно подчеркиваю эту мысль, такъ какъ она современемъ послужитъ руководящей нитью при рѣшеніи Учредительнымъ собраніемъ вопроса о томъ: кому, королю или палатѣ, предоставить право войны и мира. Ограничивъ такимъ образомъ сферу законодательной власти, Руссо объявляетъ себя противникомъ осуществленія ея черезъ посредство какъ единоличнаго законодателя, въ родѣ Солона или Ликурга, такъ и собранія народныхъ представителей. Какъ-бы высоко ни ставилъ онъ «мудреца, надѣляемаго народной фантазіей характеромъ небеснаго посланника и полубога», какъ-бы краснорѣчиво не разсуждалъ онъ о невозможномъ болѣе въ нашихъ обществахъ единоличномъ законодателѣ, по своей мудрости стоящимъ выше страстей и партій и потому нерѣдко избиравшимся греческими городами и итальянскими республиками, а также Женевою изъ среды иностранцевъ (намекъ на Кальвина), Руссо все-же

---

[1]) Смотри изданіе Дрейфуса Бризакъ.

[2]) Contrat social, книга II, глава IV.

отказываетъ въ признаніи за его кодексомъ обязательной силы пока своимъ голосованіемъ народъ не выскажетъ того, что сдѣланное его довѣрителемъ, отвѣчаетъ общей воли [1]).

Тѣ-же требованія примѣняетъ онъ и къ законамъ, вотируемымъ народными представителями. Они не могутъ постановить ничего окончательнаго; законъ, не утвержденный народомъ, не есть законъ. Сами депутаты не въ правѣ считать себя представителями, а только комиссарами или делегатами. Суверенитетъ не можетъ быть представленъ никѣмъ въ такой-же мѣрѣ, въ какой онъ не можетъ быть отчужденъ. Въ тотъ самый моментъ, когда народъ даетъ себѣ представителей, онъ перестаетъ быть свободнымъ, онъ болѣе не народъ [2]). Какъ для единоличнаго законодателя, такъ и для членовъ законодательныхъ камеръ, Руссо одинаково требуетъ утвержденія всего постановленнаго народомъ. Мы сказали-бы, выражаясь языкомъ современнаго публичнаго права, онъ требуетъ народнаго референдума.

Насколько въ ученіи объ общественномъ договорѣ и народномъ суверенитетѣ Руссо, сохраняя свою самостоятельность, отражаетъ на себѣ тѣмъ неменѣе вліяніе всей предшествующей литературы естественнаго права, а также раздѣляемой энциклопедистами нравственной философіи шотландскихъ мыслителей, настолько въ ученіи о правительствѣ, его формахъ, природѣ властей и ихъ взаимномъ отношеніи, онъ слѣдуетъ Аристотелю, Бодену, Локку и Монтескьё. Это не мѣшаетъ ему подвергать отдѣльные ихъ взгляды серьезной критикѣ, нерѣдко подъ вліяніемъ непосредственнаго наблюденія надъ ходомъ конституціоннаго развитія, не однихъ классическихъ народовъ древности, но и Венеціи, Генуи, Женевы и Берна.

Самое опредѣленіе имъ республики, какъ всякаго закономѣрнаго правительства, напоминаетъ извѣстную терминологію Бодена [3]), по которой droit gouvernement, т. е. основанное на правѣ

---

[1]) Смотри Contrat Social, книга II, глава VII.

[2]) Contrat Social, книга III, глава XV.

[3]) République est un droit gouvernement de plusieurs mesnages et de ce qui leur est commun avec puissance souveraine. Сравни съ этимъ слѣдующее мѣсто изъ Писемъ съ Горы. Un peuple est libre, quelque

начальство, будетъ ли имъ монархія, аристократія или демократія, всегда заслуживаетъ имя республики. Требуемое авторомъ Общественнаго Договора обособленіе исполнительной власти отъ законодательной приближаетъ его къ воззрѣніямъ Локка, а ученіе о томъ, что законодательная власть должна пользоваться контролемъ по отношенію къ исполнительной [1]), съ удобствомъ можетъ быть сближено съ извѣстнымъ текстомъ одинадцатой книги Духа Законовъ: «въ свободномъ государствѣ законодательная власть не должна, правда, останавливать дѣйствіе исполнительной, но она имѣетъ право и обязанность слѣдить за тѣмъ, какъ примѣняются на дѣлѣ исходящіе отъ нея законы.»

Но Руссо расходится съ Монтескьё, когда признаетъ власть судебную только частью исполнительной, и не выдѣляетъ ее въ особую самостоятельную категорію, какъ дѣлалъ это авторъ Духа Законовъ подъ вліяніемъ существующей во Франціи системы верховныхъ палатъ. Онъ снова приближается къ нему въ ученіи о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ образовъ правленія. Слѣдуя Аристотелевой классификаціи, Руссо различаетъ простыя и смѣшанныя формы правленія и въ числѣ первыхъ демократію, аристократію и монархію; для демократіи онъ признаетъ, подобно Монтескьё, необходимой добродѣтель, которую онъ опредѣляетъ болѣе точно, какъ подчиненіе личныхъ интересовъ общему.

Но повторяя мысль «знаменитаго, какъ онъ выражается, автора», онъ въ то же время порицаетъ его за непониманіе

---

forme qu'ait son gouvernement, quand dans celui qui le gouverne, il ne voit point l'homme, mais l'organe de la loi. Письмо VIII и Contrat social, часть II-я глава VI J'appelle donc république tout état régi par des lois, sous quelque forme d'administration que ce puisse être: car alors seulement l'intérêt public gouverne et la chose publique est quelque chose.

[1]) Le pouvoir législatif consiste en deux choses inséparables: faire les lois et les maintenir; c'est à dire avoir inspection sur le pouvoir exécutif. Il n'y a point d'Etat au monde, où le souverain n'ait cette inspection. Sans cela toute liaison, toute subordination manquant entre ces deux pouvoirs, le dernier ne dépendrait point de l'autre; l'exécution n'aurait aucun rapport nécessaire aux lois; la loi ne serait qu'un mot et ce mot ne signifierait rien.

той истины, что суверенитетъ, принадлежащій неизмѣнно народу при всѣхъ формахъ правленія, дѣлаетъ добродѣтель желательной для каждаго [1]). Переходя къ аристократіи, Руссо требуетъ отъ оптиматовъ умѣренности въ пользованіи властью, какъ дѣлаетъ это и Монтескьё, который въ данномъ случаѣ отражаетъ на себѣ, какъ мы видѣли, вліяніе, писателей XVI и XVII вѣка о венеціанскихъ порядкахъ. Для монархіи, условія существованія которой Руссо понимаетъ въ духѣ ученій Маккіавелли и политическихъ завѣщаній Ришельё и Лувуа, думая, что въ ней интересъ правителя требуетъ слабости и нищеты народа, попадающаго тѣмъ самымъ въ невозможность ему противиться, Общественный Договоръ, подобно Духу Законовъ, допускаетъ существованіе тѣхъ средостѣній, ordres intermédiaires, какими являются придворная знать и дворянство и которые для него, какъ мы видѣли, немыслимы всюду, гдѣ воля народа одна является закономъ [2]). Вліяніе Монтескьё сказывается также и въ пониманіи природы англійскаго правительства, какъ смѣшаннаго, какъ основаннаго на раздѣлѣ правительственныхъ функцій между различными властями и взаимномъ ихъ подчиненіи. Но симпатіи Руссо не на сторонѣ этого правительства. Въ его глазахъ оно упраздняетъ суверенитетъ народа, допуская отчужденіе верховенства въ руки представителей. Руссо вообще не сторонникъ смѣшанныхъ правительствъ, по крайней мѣрѣ, пока дѣло не заходитъ о монархіи; въ этой же послѣдней, онъ, подобно Монтескье, признаетъ пользу посредствующихъ инстанцій между отрѣшившимся отъ всякой зависимости королемъ и народомъ. Эти посредствующія инстанціи, подъ которыми не трудно узнать парламенты и другія верховныя палаты Франціи, не сокращая правительственныхъ функцій монарха, въ то же

---

[1]) Voilà pourquoi un auteur célebre a donné la vertu pour principe à la république; car toutes ces conditions ne sauroient subsister sans la vertu; mais, faute d'avoir fait les distinctions nécessaires, ce beau génie a manqué souvent de justesse, quelquefois de clarté, et n'a pas vu que l'autorité souveraine étant partout la même, le principe doit avoir lieu dans tout état bien constitué, plus ou moins, il est vrai, selon la forme du gouvernement. Contrat social, книга III, глава IV.

[2]) Contrat social, книга III, глава VI.

время уравновѣшиваютъ его власть, что, по мнѣнію Руссо, и позволяетъ говорить о такихъ образахъ правленія не какъ о смѣшанныхъ, а какъ объ умѣренныхъ [1]).

Руссо снова указываетъ на свое согласіе съ основными воззрѣніями Монтескьё, когда говоритъ о томъ, что свобода не доступна въ равной мѣрѣ всѣмъ климатамъ и всѣмъ народамъ и что поэтому не всякая форма правленія годна для любой націи [2]).

Трудно также открыть много оригинальности въ томъ, что Руссо пишетъ о необходимости усиленія правительства по мѣрѣ увеличенія числа гражданъ [3]), какъ и въ томъ, что сказано имъ объ умѣренныхъ климатахъ, какъ болѣе благопріятныхъ расцвѣту свободныхъ учрежденій [4]). Болѣе самостоятельны, но соотвѣтственно и болѣе спорны, слѣдующія положенія: монархія свойствена націямъ богатымъ; аристократія среднимъ по зажиточности и размѣрамъ, демократія бѣднымъ и малымъ.

Примѣры республикъ древности, какъ и Венеціи, постепенно переходившей отъ демократіи къ аристократіи, по мѣрѣ расширенія своей територіи и увеличенія въ собственной средѣ массы богатствъ и роскоши, составляютъ фактическую основу этихъ теоретическихъ построеній. Изъ сказаннаго видно, что Руссо не настолько пренебрегалъ индукціей, какъ обыкновенно утверждаютъ это его критики. Пристрастіе-же къ тому, что онъ самъ

---

[1]) Contrat social, книга III, глава VII.

[2]) La liberté, n'étant pas un fruit de tous les climats, n'est pas à la portée de tous les peuples. Plus on médite ce principe établi par Montesquieu, plus on en sent la vérité. Plus on le conteste, plus on donne occasion de l'établir par de nouvelles preuves. Contrat social, книга III, глава VIII.

[3]) Руссо отправляется при этомъ отъ той мысли, что чѣмъ больше число гражданъ, тѣмъ труднѣе добиться соглашенія общей воли съ частными, тѣмъ необходимѣе поэтому усиленіе правительства съ цѣлью добиться этой гармоніи. Contrat social, книга III, глава I.

[4]) Quand tout le midi seroit couvert de républiques et tout le nord d'états despotiques, il n'en seroit pas moins vrai que, par l'effet du climat, le despotisme convient aux pays chauds, la barbarie aux pays froids, et la bonne politique aux régions intermédiaires. Contrat social, книга III, глава VIII.

называетъ «математической терминологіей», въ такой-же степени объясняется у него и современниковъ быстрымъ развитіемъ физическихъ наукъ, въ какой разсужденіе объ общественномъ организмѣ соціологовъ второй половины XIX-го вѣка отражаетъ на себѣ успѣхи біологіи [1]).

Что касается до воззрѣній Руссо на зависимость формъ правленія отъ климата, богатства, протяженія и населенности отдѣльныхъ государствъ, то они интересны, какъ зародышъ позднѣйшихъ ученій о тѣхъ разлогающихъ силахъ по отношенію къ національному единству, которыя своимъ числомъ и степенью интензивности обусловливаютъ усиленіе или ослабленіе правительственной власти [2]).

Любопытно при этомъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ ряду ихъ мы не находимъ ни національныхъ, ни классовыхъ несогласій; тѣ и другія очевидно еще не успѣли сказаться съ достаточной силой въ эпоху составленія Общественнаго Договора, да и противорѣчили основному ученію его автора о невозможности существованія въ государствѣ корпоративныхъ учрежденій и корпоративнаго духа, которые преслѣдовали-бы иныя цѣли помимо интересовъ частнаго лица или общей воли гражданъ.

Кто ищетъ политическихъ пристрастій Руссо въ томъ рядѣ разсужденій о природѣ правительствъ и смѣнѣ формъ правленія, какія заключаетъ въ себѣ его трактатъ, не безъ удивленія констатируетъ, что во многомъ его правительственный идеалъ приближаются къ идеалу Кальвина, устроителя женевской республики на аристократическомъ началѣ. Въ своей Institution

---

[1]) Руссо впрочемъ не идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, какъ Кондорсэ, напримѣръ, готовый примѣнить математику къ политикѣ. Въ первой главѣ третьей книги Общественнаго Договора мы находимъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе о такомъ заимствованіи терминовъ и понятій одной наукою у другой, замѣчаніе, подъ которымъ не прочь былъ бы подписаться и основатель положительной философіи: j'emprunte un moment des termes de géométrie, je n'ignore pas cependant que la précision géométrique n'a point lien dans les quantités morales.

[2]) См. Passy. Des formes du gouvernement et des lois qui les régissent.

chrétienne Кальвинъ категорически заявляетъ, что при сравненіи монархіи, аристократіи и демократіи преимущество должно быть отдано правительству немногихъ или смѣшанному изъ демократіи и аристократіи [1]).

Въ отрывкахъ изъ недоконченнаго сочиненія Руссо объ исторіи Женевы мы уже находимъ слѣдующее заявленіе, бросающее яркій свѣтъ на дѣйствительный характеръ его политическихъ пристрастій.

Одна изъ отличительныхъ чертъ демократій лежитъ въ томъ, что чѣмъ большею свободой пользуется народъ, тѣмъ больше должна быть власть избранныхъ имъ правителей [2]). Эта мысль не стоитъ въ противорѣчіи съ общимъ ученіемъ Руссо, какъ думаетъ новѣйшій авторъ конституціоннаго развитія Женевы, г-нъ Фази, и находитъ себѣ дальнѣйшее развитіе и обоснованіе въ томъ, что Руссо говоритъ намъ объ избирательной аристократіи, какъ о лучшей на его взглядъ формѣ правленія, и о демократіи, какъ о никогда не существовавшей и не способной существовать въ дѣйствительномъ смыслѣ слова, такъ какъ естественному порядку противорѣчитъ, чтобы большинство управляло меньшинствомъ. Наиболѣе совершеннымъ, продолжаетъ авторъ Общественнаго Договора, высказывающійся на этотъ разъ въ духѣ Платона, надо признать то правительство, при которомъ мудрѣйшіе управляютъ толпою въ ея интересахъ, а не въ своихъ собственныхъ [3]).

Расходясь съ обычнымъ пониманіемъ преемства политическихъ формъ, думая, что исторія государства началась не съ монархіи, а съ демократіи, Руссо далеко не ждетъ осуществле-

---

[1]) Minime negaverim aristocratiam vel temperatum ex ipsa et politia statum aliis longe omnibus excellere, значится въ латинскомъ изданіи, и та же мысль подробно развита во французскомъ, въ которомъ мы читаемъ: Parquoy le vice, ou défaut des hommes, est cause que l'espèce de supériorité la plus passable et la plus seure est que plusieurs gouvernents, aident les uns aux autres, et l'advertissent de leur office, et si quelqu'un s'eslève trop haut, que les autres lui soyent comme censeurs et maistres (L, IV. Ch. XX. 8).

[2]) См. цитированное уже сочиненіе Фази о констицуціяхъ Женевы, стр. 19.

[3]) Contrat social, книга III, глава IV и V.

нія своего политическаго идеала отъ будущаго. Развѣ народовластіе не уступило мѣсто правительству дворянскихъ родовъ въ Венеціи, развѣ Большой Совѣтъ, составленный изъ всего гражданства Женевы, не отодвинутъ на второй планъ тѣсными совѣтами, стремящимися присвоить себѣ всю полноту власти? Развѣ тотъ-же совѣтъ не попалъ въ Бернѣ въ руки немногихъ семей исконнаго или наиболѣе зажиточнаго гражданства?

Въ упомянутой уже Венеціи, которая, благодаря многочисленности своихъ аристократическихъ родовъ и равнаго участія ихъ въ Большомъ Совѣтѣ, еще сохранила нѣкоторыя черты народнаго правленія, выступаютъ уже всѣ задатки дальнѣйшаго сосредоточенія власти въ рукахъ трехъ инквизиторовъ и совѣта десяти. Это обстоятельство, заодно съ главенствомъ дожа и политическимъ безправіемъ дворянства провинцій, позволяетъ Руссо доказывать, вслѣдъ за Контарини, Парута и Ботеро, смѣшанный характеръ венеціанской конституціи. Въ Женевѣ захваты тѣсныхъ совѣтовъ грозятъ ниспровергнуть самыя основы этого правительства, нѣкогда столь образцоваго [1]). Уже могутъ быть отмѣчены нѣкоторые признаки вырожденія. Воля народа, созываемаго въ Большой Совѣтъ, связана. Онъ не можетъ болѣе высказывать ея иначе, какъ по приглашенію сановниковъ; если послѣднимъ вздумается не созывать совѣта, народу нѣтъ средства высказать своего недовольства иначе, какъ тщетными жалобами. Ежегодно втеченіи четырехъ онъ народъ является самодержцемъ съ тѣмъ, чтобы въ остальное время быть отданнымъ на произволъ сановникамъ. Съ Женевой повторилось то же, что и съ другими однохарактерными правительствами: сперва народъ владѣлъ одинаково законодательной и исполнительной властью; позднѣе неудобство такого порядка было сознано и граждане уполномочили нѣкоторыхъ лицъ приводитъ въ исполненіе ихъ волю. Изъ временныхъ комиссіи ихъ стали со временемъ постоянными, изъ отвѣтственныхъ безотвѣтственными, изъ дѣйствую-

---

[1]) J'ai donc pris votre constitution, que je trouvois belle, pour modèle des institutions politiques; et vous proposant en exemple à l'Europe, loin de chercher à vous détruire, j'exposois les moyens de vous conserver. Шестое письмо съ горы.

щихъ согласно народной воли, дѣйствующими по собственному произволу и въ собственномъ корпоративномъ интересѣ. Такимъ образомъ исполнительная власть одна остается на лицо; но она не болѣе, какъ сила; а гдѣ царитъ сила, а не право, тамъ государство можетъ считаться разложившимся [1]). Этотъ процессъ вырожденія правительствъ кажется Руссо настолько общимъ, что онъ пытается, весьма впрочемъ неумѣло, навязать его и древнему Риму. По его словамъ въ эпоху Ромула Вѣчный городъ имѣлъ не монархическое, а смѣшанное устройство, выродившееся скоро въ деспотію и поведшее, сперва къ изгнанію царей, затѣмъ къ упраздненію всемогущества патриціевъ, этой наслѣдственной аристократіи и потому худшей формы правленія. Демократія установилась въ Римѣ, утверждаетъ Руссо, вслѣдъ за Маккіавелли, съ установленіемъ трибуната. Съ этого времени правительство начало вырождаться въ аристократію, точь въ точь, какъ въ Венеціи и Генуѣ, а затѣмъ въ монархію. Силла, Юлій Цезарь, Августъ, были уже единоличными правителями. Эта смѣна политическихъ формъ повела въ концѣ концовъ къ установленію деспотизма при Тиверіи, когда государство въ смыслѣ закономѣрнаго правительства перестало существовать (l'état fut dissout) [2]).

Понятая такимъ образомъ исторія конституціоннаго развитія древнихъ и новыхъ народовъ позволяетъ Руссо возвести на степень закона гипотезу о естественномъ вырожденіи правительствъ, которое, по его мнѣнію, происходитъ двоякимъ образомъ: 1) путемъ сосредоточенія власти въ рукахъ все меньшаго числа лицъ, сперва аристократіи, затѣмъ монарха, 2) путемъ узурпаціи правительствомъ правъ самодержавнаго народа, что сказывается въ томъ, что законы уступаютъ мѣсто произволу и внутри страны возникаетъ какъ бы новое государство, составленное изъ однихъ членовъ правительства и которое для прочихъ гражданъ можетъ считаться только владыкою или тираномъ. Въ томъ случаѣ, когда правительство состоитъ изъ нѣсколь-

---

[1]) См. письмо седьмое.

[2]) Contrat Social, книга III, глава X.

кихъ лицъ или коллегіи, узурпирующихъ свою власть въ ущербъ народу, мы сразу получаемъ рядъ такихъ мелкихъ государствъ, соперничающихъ другъ съ другомъ, вносящихъ разъединеніе и смуту и ведущихъ въ концѣ концовъ къ гибели страны или къ перемѣнѣ ею формы правленія. Это ученіе о естественномъ выражденіи правительствъ Руссо связываетъ съ ученіемъ древнихъ, въ частности Аристотеля, о правильныхъ и неправильныхъ формахъ государственнаго устройства и переходѣ первыхъ въ послѣднія. Демократія вырождается въ охлократію, аристократія въ олигархію, что же касается до монархіи, то, по мнѣнію Руссо, она переходитъ въ деспотію въ томъ случаѣ, когда узурпаторъ присваиваетъ себѣ верховную власть, ставя себя выше закона [1]). Вырожденіе правительствъ ведетъ въ концѣ концовъ къ гибели государства. Если Спарта и Римъ пали, то что же можетъ удержаться вѣчно, восклицаетъ Руссо. Политическое тѣло, подобно человѣческому, начинаетъ умирать съ самаго момента рожденія и носить въ себѣ самомъ зародыши своего разрушенія. Но, подобно тому, какъ могучее тѣлосложеніе можетъ продлить жизнь человѣка, такъ точно прочныя учрежденія дѣлаютъ болѣе продолжительнымъ существованіе государства; первое дается природой, вторыя искусствомъ. Отъ людей зависитъ продлить не свою жизнь, а жизнь государства, надѣливши его возможно лучшими учрежденіями. Эти учрежденія не должны быть одними и тѣми же для всѣхъ народовъ и мѣняются, какъ мы видѣли, сообразно физическимъ и экономическимъ условіямъ. Но имѣется вѣрный признакъ для сужденія о томъ, хороши они въ примѣненіи къ данному государству или нѣтъ. Этотъ признакъ—увеличивающійся ростъ населенія [2]). Но размноженіе жителей только свидѣтельствуетъ о томъ, что данное правительство отвѣчаетъ дѣйствительнымъ

---

[1]) См. Contrat Social, книга III, глава VI.

[2]) См. книгу III, главу IX, Des signes d'un bon gouvernement. Toute chose d'ailleurs égale, le gouvernement sous lequel, sans moyens étrangers, sans naturalisations, sans colonies, les citoyens penplent et multiplient davantage, est infailliblement le meilleur; celui sous lequel un peuple diminue et dépérit est le pire.

нуждамъ народа; оно не есть условіе его жизненности; можно даже сказать—обратное, утверждая, въ духѣ ученія Руссо, что послѣдствіемъ размноженія должна быть перемѣна формы правленія, въ виду усиленія исполнительной власти, по мѣрѣ увеличенія числа несогласныхъ съ общей волею частныхъ интересовъ. Въ чемъ же, въ концѣ концовъ, видѣть элементъ жизненности правительствъ? Да ни въ чемъ иномъ, какъ въ сохраненіи ими возможно большихъ чертъ первоначальной демократіи и прежде всего частой наличности народа законодателя.

Таковъ смыслъ этого, на первый взглядъ, парадоксальнаго заявленія: государство живетъ не законами, а законодательною властью, но законодательная власть, или что тоже верховенство, приводится въ дѣйствіе только созывомъ народа; отсюда необходимость періодическаго собранія его въ напередъ установленные сроки, собранія, происходящаго, при томъ, по собственной его иниціативѣ. Нужно также предоставить сановникамъ право созывать его въ чрезвычайныхъ случаяхъ и помимо этихъ сроковъ, но въ установленномъ закономъ порядкѣ. Чѣмъ большею властью надѣлено будетъ правительство, тѣмъ чаще должны быть эти періодическія появленія самодержавнаго народа. Но какъ достигнуть этого въ обширныхъ государствахъ, гдѣ физически невозможно собрать всѣхъ на одной площади? Такое возраженіе, говоритъ Руссо, не можетъ быть сдѣлано человѣку, который не желаетъ другихъ государствъ, кромѣ малыхъ [1]).

Политическая свобода, думаетъ авторъ Общественнаго Договора, насколько она связана съ осуществленіемъ народнаго самодержавія, мыслима только въ государствахъ съ ограниченной территоріей; она возможна также въ тѣхъ, которые сумѣли примирить преимущества незначительнаго протяженія съ матерьяльною силою, достаточной для противодѣйствія обширнымъ имперіямъ, и вступили съ этою цѣлью между собою въ постоянные союзы, образовавъ изъ себя федераціи. Такъ поступили нѣкогда города Греціи съ созданіемъ амфикціонійскаго и эолій-

---

[1]) Ibid., глава XIII.

скаго союзовъ, такъ сдѣлали въ новое время штаты Голландіи и Кантоны Швейцаріи [1]).

Руссо рекомендуетъ ту же практику и Польшѣ, которой, въ интересахъ сохраненія свободы и политическаго могущества, необходимо предоставить автономію своимъ тремъ составнымъ частямъ, Литвѣ, Великой и Малой Польшѣ, и сохранить между ними одну федеративную связь [2]).

Имѣя такимъ образомъ постоянно передъ глазами типъ классическаго государства, ограниченнаго предѣлами одного города, и высказывая рѣшительный скептицизмъ насчетъ того, чтобы обширныя имперіи способны были сохранить свободу и не сдѣлались рано или поздно жертвою деспотизма или анархіи, Руссо въ то же время не закрываетъ добровольно глазъ на доказанную древностью невозможность для мелкихъ государствъ обойтись безъ рабства, въ виду всецѣлаго поглощенія гражданства государственными заботами [3]).

Это соображеніе, въ связи съ сознаніемъ невозможности для мелкихъ народовъ отстоять свою независимость отъ крупныхъ иначе, какъ путемъ взаимной помощи и поддержки, и заставило его уже въ эпоху окончательной редакціи Общественнаго Договора заняться вопросомъ о природѣ и условіяхъ возникновенія федерацій. Онъ собирался посвятить этому предмету послѣднюю часть своего трактата [4]), но такое намѣреніе

---

[1]) Ibid., глава XIII.

[2]) Considérations sur le gouvernement de Poolgne. Que la séparation des deux Pologues soit aussi marquée que celle de la Lituanie: ayez trois états réunis en un. Je voudrois, s'il étoit possible, que vous en eussiez autant que de palatinats; formez dans chacun autant d'administrations particulières, глава V.

[3]) Quoi! la liberté ne se maintient qu'à l'appui de la servitude? peut-être. Les deux excès se touchent... Pour vous, peuples modermes, vous n'avez point d'esclaves, mais vous l'êtes, vous payez leur liberté de la vôtre. Contrat Social, глава XVI, книга III.

[4]) Je ferai voir ci-après comment on peut réunir la puissance extérieure d'un grand peuple avec la police aisée et le bon ordre d'un petit état. Note. C'est ce que je m'etois proposé de faire dans la suite de cet ouvrage, lorsqu'en traitant les relations externes j'en serois venu aux confédérations, matière toute neuve, et où les principes sont encore à établir.

было выполнено имъ лишь впослѣдствіи. Виконтъ д'Антрегъ, одинъ изъ депутатовъ правой въ Учредительномъ собраніи, ранѣе извѣстный своими радикальными брошюрами въ духѣ Руссо, получилъ отъ женевскаго философа рукопись этихъ такъ сказать дополнительныхъ главъ, возведенныхъ на степень самостоятельнаго трактата, и въ которыхъ, насколько можно судить изъ другихъ сочиненій, написанныхъ ихъ авторомъ въ послѣдній періодъ его жизни, проведенъ былъ тотъ взглядъ, что федерація одна въ состояніи примирить преимущества мелкихъ и большихъ государствъ [1]). Д'Антрегъ, сдѣлавшись эмигрантомъ, уничтожилъ этотъ трактатъ, объясняя въ письмѣ изъ Лозаны, что причиной его рѣшимости было нежеланіе дать политическимъ противникамъ новое оружіе и связать имя уважаемаго имъ писателя съ дѣломъ для него ненавистнымъ, хотя и прикрываемымъ его авторитетомъ. Такимъ образомъ мы лишились такъ сказать заключительной главы Общественнаго Договора, который, выяснивъ предварительно условія закономѣрности правительства и природу мелкихъ республикъ, свойственныхъ большинству древнихъ народовъ и меньшинству новыхъ, долженъ былъ указать тѣ пути, какими эта закономѣрность можетъ быть удержена и въ современныхъ обширныхъ монархіяхъ. Намъ не осталось другой возможности отгадать заключительную мысль Руссо, какъ знакомясь съ тѣми совѣтами, какіе онъ даетъ вступившимъ по его мнѣнію въ періодъ анархіи и потому впавшимъ въ новое подобіе естественнаго состоянія гражданамъ Рѣчи Посполитой.

Но если только что указанное обстоятельство развязываетъ

---

[1]) Въ главѣ V своихъ Соображеній о правительствѣ Польши, написанныхъ въ 1772 году, Руссо пишетъ: En un mot, appliquez-vous à étendre et perfectionner le systême des gouvernemens fédératifs, le seul qui réunisse les avantages des grands et des petits états. См. также его Extrai du projet de paix perpétuelle de M. l'Abbé de Saint-Pierre. Руссо говоритъ въ немъ слѣдующее о федеративномъ образѣ правленія: Ce gouvernement paroit d'ailleurs préférable à tout autre, en ce qu'il comprend à la fois les avantages des grands et des petits états, qu'il est redoutable au dehors par sa puissance, que les lois y sont en vigueur, et qu'il est le seul propre à contenir également les sujets, les chefs et les étrangers. Oeuvres, изданіе 1790 года, томъ VII, стр. 346.

руки ея реформатору и ставитъ его въ возможность создавать самыя основы будущаго правительства въ такой-же мѣрѣ, въ какой онъ дѣлалъ это для едва завоевавшихъ себѣ независимость и не имѣющихъ еще прочнаго устройства корсиканцевъ, то тѣмъ любопытнѣе отмѣтить въ немъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, привычкамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ законамъ и порядкамъ. Эта черта стоитъ въ связи съ основнымъ воззрѣніемъ Руссо, по которому правительства не совершенствуются, а только портятся со временемъ, по которому не существуетъ политическаго прогресса и государства необходимо старѣютъ и умираютъ, съ тѣмъ, чтобы возродиться снова въ формѣ, наиболѣе близкой къ той, которой отличался періодъ ихъ «молодости», періодъ ихъ выхода изъ естественнаго состоянія.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что такова именно была его мысль, стоитъ бросить бѣглый взлядъ на отношеніе Руссо къ государственнымъ порядкамъ тѣхъ странъ, въ которыхъ ему пришлось жить, или недостатки которыхъ ему поручено было указать и исправить. Уроженецъ Женевы, избравшій мѣстомъ жительства французскую монархію и пишущій проекты конституціи для Корсики и Польши, Руссо попадаетъ тѣмъ самымъ въ положеніе человѣка, призваннаго давать совѣты подданнымъ самыхъ противоположныхъ по характеру правительствъ. Отъ сторонника народнаго самодержавія, закономѣрности и равенства, можно было бы ждать призыва къ ниспроверженію всѣхъ тѣхъ политическихъ наростовъ, какими онъ считаетъ, какъ тѣсные совѣты олигарховъ, узурпирующихъ свою власть у народа и преслѣдующихъ несогласные съ общей волею корпоративные интересы, такъ и сословныя палаты, нарушающія въ своей конституціи принципъ равенства, такъ, наконецъ, и ставящихъ себя выше законовъ, отымающихъ у народа его неотчуждаемый суверенитетъ, единоличныхъ наслѣдственныхъ правителей. Руссо не дѣлаетъ однако ничего подобнаго. Свидѣтель междоусобій, раздиравшихъ Женеву въ 1737 году, онъ, по собственному его сознанію, проникся уже въ то время убѣжденіемъ въ зловредности всякихъ общественныхъ потрясеній и переворотовъ. Пять лѣтъ спустя онъ еще называетъ управляющихъ Женевою правителей мудрыми са-

новниками и говоритъ, что въ стѣнахъ его родного города царствуетъ свобода и простота нравовъ; каждый, не нарушая равенства, сохраняетъ подобающее ему мѣсто и вся политика сводится къ стремленію быть справедливымъ [1]).

Не критику, какъ думаетъ г-нъ Алексѣевъ, а идеализацію существующихъ въ Женевѣ порядковъ, заключаетъ въ себѣ извѣстное посвященіе трактата. О происхожденіи неравенства. Признавая въ немъ законодательство принадлежностью всѣхъ гражданъ, Руссо въ то же время высказывается противъ предоставленія кому бы то ни было, помимо сановниковъ, права законодательнаго почина. Исполнительная власть и судебная должны принадлежать не народу, а избираемымъ имъ самостоятельнымъ органамъ. Все это имѣется въ женевской конституціи, она превосходна, она созданіе высшаго разума.

Чѣмъ болѣе авторъ задумывается на счетъ гражданскаго и политическаго положенія своей родины, тѣмъ сильнѣе становится его убѣжденіе въ томъ, что природа человѣческихъ отношеній не допускаетъ ничего лучшаго [2]). Природное равенство и созданное людьми неравенство нигдѣ не комбинированы съ большей мудростью, разсуждаетъ Руссо, какъ въ Женевѣ. Ея государственный строй всего ближе подходитъ къ требова-

---

[1]) Epitre à Parissot:

Nous vivons sans regret dans l'humble obscurité:
Mais du moins dans nos murs on est en liberté.
Nous n'y connoissons point la superbe arrogance,
Nuls titres fastueux, nulle injuste puissance.
De sages magistruts, établis par nos voix,
Jugent nos différends, font observer nos lois.
L'art n'est point le soutien de notre république:
Être-juste est chez nous l'unique politique;
Tous les ordres, divers sans inégalité,
Gardent chacun le rang qui leur est affecté.
Nos chefs, nos magistrats, simples dans leur parure,
Sans étaler ici le luxe et la dorure,
Parmi nous cependant ne sont point coufondus:
Ils en sont distingués, mais c'est par leurs vertus.

[2]) Oeuvres, изданіе 1790 года, т. VII, стр. 13, 14, 15 и 17.

ніямъ естественнаго закона и всего болѣе отвѣчаетъ задачамъ общества; онъ лучше другихъ гарантируетъ порядокъ и обезпечиваетъ счастье частныхъ лицъ. Желаніе Руссо родиться подъ кровомъ демократическаго правительства, мудро умѣреннаго и жить свободнымъ, т. е. подчиненнымъ однимъ законамъ, нашло осуществленіе себѣ въ той счастливой случайности, которая сдѣлала его уроженцомъ Женевы и членомъ ея гражданства, о которомъ, говоритъ онъ, въ другихъ націяхъ имѣютъ столь превратное и низменное представленіе. Эти оптимистическія воззрѣнія Руссо на конституцію его родины вполнѣ согласны съ тѣми взглядами, какіе онъ высказываетъ въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ своей Исторіи Женевы. Мудро-умѣренная демократія, о которой онъ говоритъ въ посвященіи, въ этихъ отрывкахъ оживаетъ въ словахъ: чѣмъ народъ свободнѣе, тѣмъ авторитетъ правителей долженъ быть больше [1]).

И въ Общественномъ Договорѣ не заключается никакой существенной критики женевскихъ политическихъ порядковъ, ничего, чтобы позволяло видѣть въ Руссо сторонника той демократической агитаціи, которая одновременно происходила въ его родномъ городѣ. Скажу болѣе, утвержденіе, что лучшій порядокъ состоитъ въ томъ, чтобы мудрые управляли толпою въ интересахъ общаго блага (пятая глава второй книги), сближаетъ политическія воззрѣнія Руссо, съ тѣми, какихъ придерживалась консервативная партія въ Женевѣ. Требованіе, чтобы народу предоставлено было послѣднее слово при вотированіи законовъ далеко не тоже, что требованіе законодательной иниціативы. Мы видѣли, что послѣднюю Руссо сосредоточиваетъ всецѣло въ рукахъ сановниковъ; онъ сторонникъ референдума, т. е. призыва гражданъ къ голосованію не по вопросу, хороша или дурна та или другая мѣра, а только по вопросу, отвѣчаетъ ли она общей волѣ самодержавнаго народа. Но этого права не отымали у гражданъ, созванныхъ въ Большой Совѣтъ республики, и члены умѣренной партіи. Кто изъ двухъ мо-

---

1) C'est encore un des caractères de la démocratie que plus le peuple est libre, plus l'autorité des chefs qu'il élit doit être étendue. См. Fazy, стр. 19.

жетъ считаться сувереномъ, сенатъ или народъ, спрашиваетъ въ 1734 году авторъ стихотворнаго памфлета, озаглавленнаго «Посланіе изъ деревни»? Отвѣтъ гласитъ: никто другой, какъ Большой Совѣтъ. Сенатъ никогда не имѣлъ неограниченной власти; онъ только хранитель той, какая предоставлена ему Большимъ Совѣтомъ. Добрая политика требуетъ отъ гражданъ сохраненія свободы и демократіи. Нельзя быть свободнымъ, не сохранивъ суверенитета; по отношенію къ нему не существуетъ никакой давности. Эдиктъ не имѣетъ силы безъ утвержденія его народомъ. Народу принадлежитъ и право взять его обратно, и право подвергнуть его тому или другому толкованію [1]).

Позднѣе, подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго въ немъ запрещеніемъ его сочиненій и изгнаніемъ изъ родного города, Руссо не только не соглашается аппелировать къ народу, другими словами въ Большой Совѣтъ, на рѣшеніе женевскаго правительства, какъ рекомендовали ему это нѣкоторые члены радикальной партіи [2]), но еще открыто признаетъ въ той защитѣ своихъ взглядовъ, какой надо признать «Письма съ горы», что основные принципы Общественнаго Договора заключаютъ въ себѣ не болѣе, какъ теоретическое выраженіе тѣхъ, которыя лежатъ въ основѣ женевской конституціи и что эту конститу-

---

[1]) Du peuple ou du sénat léquel est souverain?
Le conseil-général, ce principe est certain,
Le sénat n'eut j'amais un pouvoir arbitraire,
Il n'est de ce pouvoir que le dépositaire...
De maintenir l'état libre et démocratique
C'est là des citoyens la bonne politique,
L'on n'est libre qu'autant que l'on est souverain.
. . . . . .
Contre les souverains nul prescription.
Pour décider du sens d'une loi souveraine,
Il faut que le public la déclare certaine,
S'il approuve les lois, il peut les révoquer,
A plus forte raison peut-il les expliquer...
Алексѣевъ, приложеніе ко второму тому Этюдовъ о Руссо.

[2]) См. Алексѣевъ, Этюды о Руссо, часть II, стр. 304.

цію онъ поставилъ въ образецъ всѣмъ народамъ [1]). Его критика установившихся за послѣднее время порядковъ сводится къ одному напоминанію о томъ, что въ демократіи, какой по своей природѣ является женевская республика, народъ долженъ быть созываемъ возможно часто и что, при рѣдкомъ созывѣ Большого Совѣта, Женева неизбѣжно пойдетъ по той наклонной площади, которая привела другія однохарактерныя республики къ совершенному вырожденію [2]). Руссо требуетъ поэтому не новшества, а возвращенія къ старому; онъ не только не стоитъ за передачу народнымъ совѣтамъ права давать направленіе международной политикѣ, но и отказываетъ имъ въ законодательномъ починѣ. Народное собраніе только утверждаетъ своимъ согласіемъ законы, вотированные мѣстными совѣтами, да и то лишь въ томъ случаѣ, если они заключаютъ въ себѣ дѣйствительныя перемѣны, а не озабочены однимъ сохраненіемъ существующаго. Суверенитетъ народа требуетъ только постояннаго контроля Большого Совѣта за тѣмъ, чтобы старинныя выраженія народной воли, т. е. унаслѣдованные отъ предковъ законы, соблюдаемы были установленными властями. Отсюда право его обращаться къ нимъ съ представленіями. Оно состоитъ не въ починѣ, а въ протестѣ, c'est un droit négatif; иначе демократіи угрожала бы лихорадка законодательной дѣятельности, а между тѣмъ въ прочно установленномъ правительствѣ, совершенно естественно отвращеніе къ новшествамъ. Какую бы пользу не обѣщали новые законы, преимущества, ими обезпечиваемыя, во всякомъ случаѣ меньше тѣхъ опасностей, какія связаны съ ихъ принятіемъ [3]).

---

[1]) См. письмо VII-е.

[2]) La vôtre (constitution), au coutraire, n'est bonne qu'autant que le corps législatif agit toujours... Il vous est arrivé, messieurs, ce qu'il arrive à tous les gouvernemens semblables au vôtre... L'inaction de la puissance qui veut le soumet à la puissance qui exécute: celle-ci rend peu à peu ses actions indépendantes, bientôt ses volontés; au lieu d'agir pour la puissance qui veut, elle agit sur elle. Il ne reste alors dans l'état qu'une puissance agissante, c'est l'éxecutive. La puissance exécutive n'est que la force; et où règne la seule force, l'état est dissout. См. письмо VII.

[3]) Письмо VIII.

Писатель, котораго привыкли изображать ярымъ демократомъ и потому противникомъ ученій Монтескьё, заканчиваетъ развитіе своей мысли похвалою системѣ «равновѣсія властей». Эта система и требуетъ, думаетъ онъ, періодическаго созыва народныхъ собраній, безъ чего исполнительная власть тѣсныхъ совѣтовъ кончила бы присвоеніемъ себѣ вмѣстѣ съ законодательствомъ и всей полноты народнаго верховенства [1]).

Руссо относится съ такимъ же уваженіемъ и къ вѣковымъ обычаямъ другихъ народовъ.

Въ 1764 году завоевавшая свою независимость Корсика, обращается къ нему съ просьбой написать для нея проектъ конституціи. Выборъ сподвижниковъ Паоли объясняется отчасти тѣмъ, что въ Общественномъ Договорѣ посвящено ихъ родинѣ нѣсколько теплыхъ словъ и высказано убѣжденіе въ томъ, что «изъ всѣхъ существующихъ народовъ ни одинъ не приближается больше Корсиканцевъ къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ возможна организація свободы путемъ законодательства» [2]). Руссо сразу постигаетъ всю трудность предлагаемой ему задачи. Какое бы вниманіе, пишетъ онъ, ни было приложено къ тому, чтобы ввести въ Корсикѣ только самыя необходимыя перемѣны, надѣленіе ея народа конституціей все же вызоветъ потрясеніе въ самыхъ основахъ его быта. Надо поэтому сдѣлать такъ, чтобы въ будущемъ не было необходимости въ подобныхъ же переворотахъ, а для этого слѣдуетъ приспособить затѣваемое устройство къ физическимъ, нравственнымъ, экономическимъ и историческимъ условіямъ націи. Женевскій мыслитель заканчиваетъ свое письмо къ Бутта Фуоко, своему корсиканскому кореспонденту, просьбой о присылкѣ ему подробныхъ свѣдѣній и о производительныхъ силахъ острова, и о географическомъ положеніи составляющихъ его городовъ и селъ, объ ихъ промыслахъ и торговли,

---

[1]) См. Oeuvres, изданіе 1790 года, томъ IX, стр. 343. Car quel meilleur gouvernement que celui dont toutes les parties se balancent dans un parfait équilibre, стр. 407. Celui seul de l'Angleterre qui est sous nos yeux, et qu'il cite avec raison comme un modèle de la juste balance des pouvoirs respectifs, mérite un moment d'examen.

[2]) Книга первая, конецъ главы X-ой.

о ролѣ, какую играетъ въ Корсикѣ духовенство и о томъ, существуютъ ли въ ней какія либо привилегіи въ пользу дворянъ и муниципій; его равно интересуютъ нравы жителей, ихъ вкусы, занятія, удовольствія, военное и гражданское устройство, состояніе администраціи и судовъ, экономическое и финансовое положеніе. Руссо не берется законодательствовать иначе, какъ постигнувъ первоначально геній націи, дабы приспособить къ нему новыя учрежденія [1]).

То же убѣжденіе въ томъ, что нѣтъ наилучшей формы правленія, примѣнимой ко всѣмъ народамъ, и что творцу конституціи надо считаться со всѣмъ складомъ народной жизни, заставляетъ его въ 1772 году рекомендовать спрашивающимъ его совѣта полякамъ возможно большій консерватизмъ въ ихъ политической реформѣ. «Доблестные поляки, пишетъ онъ, берегитесь, чтобы изъ желанія сдѣлать возможно лучше, вы бы не ухудшили своего положенія; исправьте, буде это мыслимо, злоупотребленія, вкравшіяся въ ваше государственное устройство, но не презирайте конституціи, которая сдѣлала васъ тѣмъ, что вы есть [2]). Страхъ задѣть самыя основы народной жизни и вызвать тѣмъ переворотъ въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ судебъ націи заставляетъ Руссо мириться даже съ такими темными сторонами польскихъ порядковъ, какъ крѣпостное право и привилегіи, какими пользовались въ странѣ дворянство и шляхта. Хотя Польша, по его мнѣнію, и вступила въ періодъ вырожденія своихъ государственныхъ порядковъ, но она представляетъ то утѣшительное и единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, что въ ней, несмотря на нѣсколько сотлѣтнее развитіе, этотъ процессъ остановился на одной промежуточной стадіи анархіи или смѣшенія властей, а не завершился, какъ у другихъ націй, торжествомъ деспотизма [3]).

Все, что Руссо считаетъ возможнымъ рекомендовать полякамъ, сводится къ ослабленію тѣхъ бѣдъ, какими грозитъ

---

[1]) См. второе письмо къ Буттофуоко, отъ 15 октября 1764 года. Oeuvres, томъ VIII, стр, 466 по 470.

[2]) Ibid., стр. 271.

[3]) Ibid., стр. 366.

обширность занимаемой ими территоріи; съ этою цѣлью онъ рекомендуетъ имъ переходъ къ федеративной формѣ правленія и всяческое поощреніе автономіи въ границахъ отдѣльныхъ провинцій или палатинатовъ. Онъ также совѣтуетъ имъ произвесть раздѣлъ исполнительной власти съ цѣлью ея ослабленія, и еще въ большей мѣрѣ частое собраніе мелкихъ сеймовъ, въ которыхъ онъ видитъ «палладіумъ» польской свободы.

Но, производя всѣ эти реформы, поляки не должны упускать изъ виду того важнѣйшаго принципа, что не надо ничего измѣнять безъ необходимости. Не будучи, какъ мы видѣли, сторонникомъ монархіи, Руссо не видитъ возможности для такой обширной страны, какъ Польша, обойтись безъ королевской власти. Онъ надѣляетъ эту послѣднюю широкими функціями въ сферѣ суда и управленія; но онъ желалъ бы лишить ее права назначенія членовъ сената, а слѣдовательно и возможности прямого воздѣйствія на власть законодательную. Самый этотъ сенатъ Руссо хотѣлъ бы надѣлить и большимъ участіемъ въ администраціи, и сдѣлать одновременно составъ его смѣшаннымъ, образовавъ это Собраніе изъ на половину пожизненныхъ, на половину временныхъ членовъ. Король, наслѣдственность котораго онъ желалъ бы замѣнить избраніемъ, нашелъ бы при такихъ условіяхъ въ сенатѣ власть умѣряющую его исполнительныя функціи, а въ палатѣ уполномоченныхъ власть, ограничивающую его въ сферѣ законодательства. Еслибы поляки рѣшились сохранить преемство престола, необходимо было бы, думаетъ Руссо, установить наслѣдственную перію. Главная его забота—упрочить равновѣсіе властей, законодательной и исполнительной, и раздѣлить обѣ власти, отнявъ у сейма всякое участіе въ администраціи; послѣ этого, думаетъ онъ, требованіе единогласія по отношенію къ законамъ, какое заключаетъ въ себѣ liberum veto, сдѣлается только условіемъ консерватизма существующаго и препятствіемъ къ законодательной горячкѣ [1]).

Сторонникъ народовластія и равенства, требующій поэтому отмѣны маіоратовъ и субституцій, Руссо въ то же время стоитъ

---

[1]) Ibid, глава VIII, стр. 354 и 355, глава IX, стр. 358 и 359.

за дарованіе избирательнаго права однимъ земельнымъ собственникомъ [1]) и вооружается противъ тѣхъ, кто, «утрируя его принципы, высказываетъ требованія, идущія далѣе его намѣреній и указаній разума»; все равно, заходитъ ли рѣчь объ экономическихъ или соціальныхъ реформахъ [2]).

Такимъ образомъ и въ примѣненіи къ странамъ монархическимъ, Руссо является передъ нами не революціонеромъ, а консерваторомъ, озабоченнымъ лишь отдаленнымъ приближеніемъ положительнаго законодательства къ своему идеалу демократической въ источникѣ избирательной аристократіи. Онъ не перестаетъ быть консерваторомъ и тогда, когда ему приходится высказать сужденіе о той политикѣ, какой слѣдуетъ держаться въ отношеніи къ французскому королевству. Правда въ одной изъ главъ Общественнаго Договора, именно той, которая посвящена изображенію природы единовластія, не трудно открыть довольно прозрачную критику установившихся во Франціи порядковъ. Руссо, которому въ его продолжительныхъ перегринаціяхъ пришлось встрѣчаться съ крестьянами, прятавшими имущество изъ страха податныхъ надбавокъ [3]), не могли казаться тенденціозными преувеличеніями тѣ заявленія, какія содержатъ въ себѣ отпечатанныя за границей и еще недавно признаваемыя апокрифическими политическія завѣщанія Ришелье и Лувуа; для него имѣли прямой смыслъ и значеніе тѣ «совѣты, какіе даетъ народу» въ своемъ изображеніи политики Цезаря Борджіа авторъ «Князя», Маккіавелли. Онъ считаетъ поэтому возможнымъ заявить, что въ монархіяхъ частный интересъ правителя нерѣдко требуетъ слабости и нищеты народа изъ опасенія, чтобы въ противномъ случаѣ онъ не поднялъ знамени возстанія [4]).

Трудно также не видать намековъ на современные ему

---

[1]) Стр. 372 и 373.

[2]) Ibid, стр. 385.

[3]) Confessions, часть I, глава IV.

[4]) Leur intérêt personnel est premièrement que le peuple soit foible, misérable, et qu'il ne puisse jamais leur résister, стр. 132.

французскіе порядки въ слѣдующемъ заявленіи: въ монархіяхъ на выдающіяся должности попадаютъ обыкновенно мелкіе плуты и интриганы; ихъ крошечные таланты позволяютъ имъ занимать при дворѣ видное положеніе, но разъ они попадаютъ на отвѣтственный постъ, имъ съ разу приходится обнаружить всю свою неспособность [1]). Но, высказывая такія мысли, авторъ Общественнаго Договора не смѣшиваетъ монархіи съ деспотіей и установляетъ между обѣими ту существенную черту различія, что король подчиняетъ свою волю законамъ, а деспотъ ставитъ себя выше закона. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сила заступаетъ мѣсто права, а такъ какъ сила сама по себѣ не создаетъ никакихъ общественныхъ обязательствъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что деспоту всякій въ правѣ противиться, такъ какъ его узурпація нарушила силу общественнаго договора и вернула гражданъ въ прежнія условія естественнаго состоянія, при которомъ слабый подчиняется сильному до тѣхъ поръ, пока остается менѣе сильнымъ. Но изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы Руссо оправдывалъ возстаніе противъ установившихся властей; въ его трактатѣ можно найти афоризмы идущіе на перекоръ такому утвержденію: только величайшая опасность можетъ поставить людей въ положеніе измѣнить существующій порядокъ политическаго устройства [2]). Хотя, какъ видно изъ его Соображеній о правительствѣ Польши, онъ и приравнивалъ политическое устройство Франціи къ деспотіи [3]), но это не помѣшало ему въ болѣе раннемъ, правда, сочиненіи высказаться противъ реформъ, предложенныхъ аббатомъ Сенъ Пьеромъ, на томъ основаніи, что рекомендуемая послѣднимъ множественность совѣтовъ и ихъ избирательный характеръ не примиримы съ природою монархіи, въ которой единоличный правитель самъ выбираетъ всѣхъ своихъ помощниковъ [4]). Только изъ устъ консерватора, какимъ въ дѣйствитель-

---

[1]) Ibid, стр. 135.

[2]) Глава VI, четвертой книги.

[3]) On regarde en France comme une maxime d'état de fermer les yeux sur beaucoup de choses, c'est à quoi le despotisme oblige toujours; Oeuvres томъ VIII, стр. 374.

[4]) Le sort, ni les suffrages, n'out aucun lieu dans le gouvernemeut

ности былъ Руссо, могли раздаться рѣчи въ родѣ слѣдующей: какой опасностью грозитъ малѣйшая попытка взволновать народныя массы французской монархіи, кто въ состояніи будетъ остановить разъ начавшееся движеніе или предвидѣть всѣ его послѣдствія. Здравый смыслъ мѣшаетъ намъ отмѣнять старинныя обыкновенія, измѣнять исконные принципы, сообщать государству другое устройство, чѣмъ то, къ какому привело его тринадцати-вѣковое существованіе. Сохраняетъ ли еще правительство Франціи свою старинную форму или отклонилось отъ нея незамѣтно въ теченіи столѣтій, одинаково неблагоразумно будетъ наложить на него руку. Если теперешнее правительство отвѣчаетъ прежнему, необходимо уважать его, если оно выродилось, то произошло это подъ вліяніемъ времени и по самой силѣ вещей, такъ что человѣческая мудрость не можетъ предпринять противъ этого ничего [1]). Фатализмъ Руссо такъ великъ, что онъ отрицаетъ даже за монархомъ способность остановить начавшійся процессъ вырожденія, повернуть, какъ онъ выражается, ходъ развитія. Если справедливо, что монархія имѣетъ естественный наклонъ къ деспотіи, то далеко не ясно, какими политическими пріемами правитель въ состояніи былъ бы измѣнить его, особенно если принять во вниманіе, что мѣропріятія одного короля могутъ быть отмѣнены его наслѣдниками и ихъ министрами. Дошедши до того мѣста, въ которомъ аббатъ Сенъ-Пьеръ предлагаетъ ввести рекомендуемую имъ реформу путемъ вотированія ея генеральными штатами, какъ основного закона страны, которому король обязанъ присягнуть, Руссо не находитъ другихъ словъ, кромѣ слѣдующихъ: перо падаетъ изъ рукъ, когда видишь человѣка со здравымъ смысломъ серьезно рекомендующаго такія средства. Руссо яснѣе выражаетъ свою мысль, говоря, что вводимая аббатомъ множественность избираемыхъ совѣтовъ мыслима только въ государствахъ со смѣ-

---

monarchique. Le monarque étant de droit seul prince et magistrat unique, le choix de ses lieutenans n'appartient qu'à lui. Quand l'abbé de Saint—Pierre proposoit de multipiier les conseils du roi de France et d'en élire les membres par scrutin, il ne voyoit pas qu'il proposoit de changer la forme du gouvernement. Ibid, глава III, книга IV, стр. 204.

[1]) Polysynodie de l'abbé de Saint-Pierre, томъ VII, стр. 462.

шаннымъ образомъ правленія, при которомъ глава правительства былъ бы только президентомъ этихъ совѣтовъ и пользовался одной исполнительной властью, а не могъ бы предпринять чего-либо самъ; она совершенно недопустима при настоящей формѣ монархіи [1]).

Соображая все сказанное, мы полагаемъ, что Руссо въ правѣ былъ говорить о себѣ, какъ о человѣкѣ, постоянно настаивавшемъ на сохраненіи существующихъ учрежденій, какъ о человѣкѣ, проникнутомъ уваженіемъ къ законамъ и конституціямъ, а также отвращеніемъ къ возстаніямъ и политическимъ заговорщикамъ [2]), что разумѣется ни мало не помѣшало ему предвидѣть наступающее во Франціи потрясеніе и объявить въ своемъ Эмилѣ: мы приближаемся къ эпохѣ кризиса, мы вступаемъ въ вѣкъ революцій [3]).

Консерватизмъ присущъ автору Общественнаго Договора не только въ сферѣ политическихъ, но и въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ. Поставленный обстоятельствами въ необходимость измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ, Руссо въ то же время рекомендуетъ всѣмъ и каждому придерживаться унаслѣдованной отъ предковъ религіи. Викарный священникъ Савои, въ уста котораго Руссо влагаетъ свои собственныя мысли, проповѣдуетъ необходимость

---

[1]) Ibid. стр. 473 и 475.

[2]) Troisième dialogue его самозащиты. Il a toujours insisté sur la conservation des institutions existantes, soutenant que leur destruction ne ferait qu'ôter les palliatifs en laissant les vices, et substituer le brigandage à la corruption... L'on s'est obstiné à voir un promoteur de bouleversements et de troubles dans l'homme dn monde qui porte le plus vrai respect aux lois et aux consitutions nationales et qui a le plus d'aversion pour les révolutions et pour les ligueurs de tout espèce qui le lui rendent bien.

Въ проэктѣ Конституціи для Корсики также находимъ слѣдующее заявленіе: J'ai un profond respect pour la république de Gènes; j'en ai pour chaque souverain en particulier, quoique je leur dise quelquefois à tous des vérités un pen dures (Oeuvres et correspondance inédite de Rousseau, publiée par Streckeisen—Moultou, 1861, стр. 60.

[3]) Emile, томъ I, стр. 238, изданіе Hachette: Vous vous fiez à l'ordre actuel de la societé, sans songer que cet ordre est sujet à des révolutions inévitables... Nous approchons de l'état de crise et du siècle des révolutions.

строгаго соблюденія обрядовъ даже человѣкомъ, не признающимъ за ними иного значенія, кромѣ историческаго. Всякій философски-религіозный прозелитизмъ находитъ строгое осужденіе въ слѣдующихъ словахъ: при той неизвѣстности, въ какой мы находимся, не простительнымъ высокомѣріемъ было бы исповѣдывать другую религію, кромѣ той, въ какой мы родились. Я полагаю, что совѣтовать кому-либо перемѣну вѣры, значитъ склонять его къ дурному поступку, а слѣдовательно и самому дѣйствовать дурно [1]).

При такой точкѣ зрѣнія неудивительно, если Руссо довольно узко понимаетъ принципъ свободы совѣсти. Всецѣлая передача себя государству, какую предполагаетъ его теорія, не примирима съ сохраненіемъ за частнымъ лицомъ той полноты самоопрдѣленія въ сферѣ мысли, какую выговариваетъ за нимъ Спиноза. Правда, въ одной изъ главъ его основнаго трактата сдѣлана слѣдующая существенная оговорка: право, которое общественный договоръ даетъ суверену по отношенію къ подданнымъ, не преступаетъ границъ общей пользы, почему подданные и обязаны суверену отчетомъ въ своихъ мнѣніяхъ лишь настолько, насколько въ нихъ заинтересовано общество [2]). Но, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ автора, эту заинтересованность общества Руссо понимаетъ по меньшей мѣрѣ такъ же широко, какъ и Локкъ, отымавшій у частнаго лица право не имѣть никакой религіи [3]). Соглашаясь съ англійскимъ философомъ, женевскій утверждаетъ, что для государства важно, чтобы каждый гражданинъ исповѣдывалъ какую-нибудь вѣру, которая заставляла бы его любить свои обязанности. Самые

---

[1]) Въ Emile, Profession de foi du Vicaire Savoyard, въ четвертой главѣ.

[2]) Contrat social, стр. 256 и 257.

[3]) Тѣ, кто отрицаетъ Бытіе Божіе, говоритъ Локкъ, не должны быть терпимы, такъ какъ обѣщанія, ими сдѣланныя, въ формѣ ли договора, или присяги, обѣщанія, которыя служатъ важнѣйшей связью гражданскихъ отношеній, для нихъ не обязательны, Атеистъ не связанъ своимъ словомъ; изгоните изъ міра вѣру въ Божество, и вы неизбѣжно введете тѣмъ самымъ безпорядокъ и смуту. См. Franck, Réformateurs et publicistes de l'Europe au XVIII-me siècle, стр. 54.

догматы религіи интересуютъ государство лишь настолько, насколько они затрогиваютъ нравственность и взаимныя обязанности гражданъ другъ къ другу. Отсюда, въ отличіе отъ Локка, Руссо сочиняетъ какой-то гражданскій символъ вѣры, установленіе котораго предоставлено самодержавному народу. Въ немъ должны быть провозглашены, учитъ онъ, тѣ принципы, безъ которыхъ нельзя быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ. Авторъ Общественнаго договора указываетъ далѣе, какихъ вопросовъ долженъ касаться этотъ гражданскій катехизисъ и въ какомъ именно смыслѣ подлежатъ они его рѣшенію. Бытіе Божества, могущественнаго, разумнаго, благодѣтельнаго, предусмотрительнаго и заботливаго, жизнь загробная, блаженство праведныхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ, таковы, говоритъ онъ, его положительные догматы. Государство, въ правѣ изгнать изъ своихъ предѣловъ всякого, кто не исповѣдуетъ ихъ, не какъ не вѣрующаго, а какъ человѣка противообщественнаго, какъ неспособнаго любить искренно законы, справедливость, и жертвовать жизнью ради своихъ обязанностей. Тотъ же, кто послѣ принесенія публичной клятвы въ соблюденіи этихъ догматовъ, станетъ вести себя такъ, какъ будто онъ не вѣритъ въ нихъ, долженъ быть наказанъ смертью, какъ виновный въ величайшемъ изъ преступленій, во лжи предъ лицомъ законовъ. Въ этихъ словахъ намѣчены уже всѣ тѣ положенія, на которыхъ основано будутъ Учредительнымъ Собраніемъ требованіе отъ членовъ духовенства присяги конституціи подъ угрозою изгнанія и конфискаціи имуществъ. Въ нихъ скрывается также зародышъ будущаго государственнаго деизма Робеспьера, связаннаго съ преслѣдованіемъ и казнью тѣхъ, кто, подобно гебертистамъ, замѣняетъ религіей разума вѣру въ бытіе Верховнаго Существа,

Но если въ вопросѣ объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью Руссо, по собственному его сознанію, всего ближе примыкаетъ къ мнѣнію Гоббса и къ практикѣ англійскихъ королей и русскихъ императоровъ, требуя не отдѣленія, а сліянія церковнаго верховенства со свѣтскимъ, то онъ въ то же время значительно расширяетъ сферу религіозной свободы въ томъ смыслѣ, что признаетъ равно терпимыми всякаго рода

какъ христіанскія, такъ и не христіанскія секты, разъ онѣ исповѣдуютъ то, что по его терминологіи отвѣчаетъ понятію droit du divin naturel, чистой и простой вѣрѣ Евангелія, и сказывающемуся еще въ естественномъ правѣ закону Божьему (droit divin naturel). Его теорія относилась поэтому отрицательно не къ государственной религіи вообще, а только къ возведенію нетерпимаго къ другимъ вѣроученіямъ католицизма на степень государственнаго учрежденія. Эдгаръ Кинэ [1]) правъ, разумѣется, находя въ «Исповѣди» савойскаго викарія всѣ элементы англійскаго уніонизма, но съ той оговоркой, однако, что этотъ уніонизмъ признается Руссо составною частью конституціи и ставится имъ подъ охрану созданнаго ею свѣтскаго меча.

И такъ, ученье о происхожденіи всѣхъ закономѣрныхъ правительствъ путемъ общественнаго договора и о всецѣлой передачи себя людьми въ руки создаваемой ими верховной власти народа, не предполагаетъ необходимо въ глазахъ его основателя революціоннаго отношенія къ существующимъ правительствамъ. Вмѣсто того, чтобы умалять сферу ихъ вліянія, Руссо расширяетъ ее въ ущербъ независимости отдѣльныхъ церквей и философскихъ школъ. Какими-же судьбами, спрашивается, оставаясь консерваторомъ по своимъ конечнымъ выводамъ, онъ могъ, на равнѣ съ Монтескье, сдѣлаться родоначальникомъ революціонной дектрины? Мы займемся рѣшеніемъ этого вопроса въ ближайшей главѣ.

---

[1]) См. его „Révolution“.

ГЛАВА V.

Пропогандисты доктрины.

§ 1.

Чтобы понять то революціонное воздѣйствіе, какое ученія Монтескье и Руссо оказали на ихъ современниковъ, необходимо въ немногихъ чертахъ напомнить характерныя особенности тѣхъ порядковъ, въ которыхъ застали Францію событія 1789 года, и показать противорѣчіе, въ какомъ эти порядки стояли съ политическими принципами изученныхъ нами писателей. Верховенство, по праву принадлежащее королю, не имѣетъ часто другого органа, кромѣ счастливаго временщика, пользующагося подъ именемъ государственнаго контролера, столь же неограниченнымъ произволомъ, какой на востокѣ выпалъ въ удѣлъ великому визирю. У этого перваго министра, имѣются въ провинціяхъ всесильные помощники, во все проникающіе и всѣмъ завѣдующіе, я разумѣю интендантовъ. Ему нечего болѣе опасаться противодѣйствія ни переставшихъ собираться съ 1614-го года генеральныхъ штатовъ, ни поставленныхъ подъ контроль интендантовъ штатовъ провинціальныхъ, уцѣлѣвшихъ къ тому же лишь въ немногихъ областяхъ или замѣненныхъ недавно созданными провинціальными собраніями, на которыхъ тяготѣетъ еще въ большей мѣрѣ рука всемогущаго правителя и его послушныхъ агентовъ. Не страшны ему также ни верховныя палаты, ни административные суды; опозицію первыхъ новымъ эдиктамъ онъ можетъ ежечастно сломать личнымъ приказомъ короля, контроль вторыхъ фактически упраздненъ переносомъ

въ руки интендантовъ и государственнаго совѣта всѣхъ дѣлъ о неправильномъ или неравномѣрномъ обложеніи вновь установленными податями.

Въ государствѣ со строго проведенной административной централизаціей, въ которомъ избраніе на должность смѣнилось назначеніемъ или пріобрѣтеніемъ ея путемъ покупки, самоуправленіе городскихъ и сельскихъ общинъ уступило мѣсто правительственной опекѣ, такъ что мѣстная жизнь совершенно замерла и получаетъ импульсъ только изъ Версаля.

Въ этой постепенно отрѣшившейся отъ прошлаго чиновной монархіи, уцѣлѣли тѣмъ неменѣе аристократическія привилегіи дворянства и его ничѣмъ не оправдываемое болѣе вмѣшательство въ отправленіе вотчинной полиціи и суда, не говоря уже о правѣ дарового распоряженія трудомъ поселянъ и о всякаго рода производительныхъ монополіяхъ. Эти привилегіи кажутся еще болѣе вопіющими въ виду того, что доступъ къ нимъ открытъ людямъ зажиточнымъ или заслужившимъ милости двора.

Путемъ облагораживанія мѣщанинъ возводится въ дворянское сословіе; тѣмъ самымъ онъ изъемлется отъ участія въ платежѣ большинства прямыхъ податей и пріобрѣтаетъ доступъ къ закрытымъ простому гражданству должностямъ не только при дворѣ, но и въ войскѣ. Въ лицѣ младшихъ членовъ своей семьи аристократическіе роды замѣщаютъ должности высшихъ церковныхъ іерарховъ, оставляя за простымъ гражданствомъ однѣ плохо оплачиваемыя мѣста приходскихъ священниковъ и викарныхъ. Высшая юрисдикція въ свою очередь сосредоточивается въ рукахъ особаго судебнаго дворянства, въ такой же мѣрѣ отдѣленнаго отъ народа стѣною привилегій и податныхъ изъятій, какъ и феодальное. Въ средѣ буржуазіи все болѣе и болѣе выступаетъ обособленіе не только крупныхъ капиталистовъ, обыкновенно являющихся откупщиками косвенныхъ налоговъ, но и пріобрѣтшихъ за деньги и нерѣдко осуществляющихъ наслѣдственно свои хозяйственныя функціи мастеровъ, отъ массы простыхъ исполнителей труда и домашней челяди. Такимъ образомъ, на ряду съ уравненіемъ всѣхъ передъ произволомъ начальства, уцѣлѣло самое вопіющее неравенство не толь-

ко въ почестяхъ, но и въ тягостяхъ, несомыхъ въ пользу государства.

Въ такомъ видѣ французская монархія конца XVIII-го вѣка является очевидно рѣшительнымъ отрицаніемъ и той теоріи уравновѣшеннаго правительства, въ которомъ Монтескьё видѣлъ необходимое условіе политической свободы, и того равенства передъ закономъ, налогомъ и судомъ, ревнителемъ котораго онъ являлся, за одно съ физіократами и энциклопедистами. Она еще менѣе отвѣчала той неотчуждаемости народнаго суверитета, сказывающагося въ прямомъ осуществленіи гражданами законодательной власти, и тому возможно равномѣрному распредѣленію частной собственности, какіе рекомендовалъ Руссо въ своемъ Общественномъ Договорѣ. Не удивительно поэтому, если ближайшіе къ революціи публицисты, повторяя высказанные обоими теоретиками взгляды, въ то же время сумѣли направить ихъ противъ самыхъ основъ существующаго строя.

Въ ряду этихъ публицистовъ первое мѣсто занимаетъ аббатъ Сейесъ со своимъ Опытомъ о привилегіяхъ, появившимся въ 1788 году, и съ надѣлавшей несравненно болѣе шуму брошюрой «Что такое среднее сословіе».

Въ первомъ онъ выставляетъ то общее положеніе, что привилегіи по самой своей природѣ несправедливы, ненавистны и противорѣчатъ той высшей цѣли, для которой существуютъ гражданскія сообщества.

Его осужденія не избѣгаютъ и чисто почетныя преимущества дворянства, каковы титулы и гербы. Отправляясь отъ того положенія, что все незапрещенное прямо закономъ входитъ въ кругъ гражданской свободы и должно быть равно доступно всѣмъ, онъ объявляетъ почетныя преимущества несогласными съ такимъ положеніемъ и дающими нѣкоторымъ лицамъ исключительное право на то, что не запрещено закономъ. Между гражданами, говоритъ онъ, повторяя въ сущности то, что въ примѣненіи къ демократіи сказано было Монтескьё, а по отношенію ко всѣмъ вообще правительствамъ повторено Руссо, не должно существовать другихъ различій, кромѣ тѣхъ, какія предполагаетъ установленіе властей, т. е. обособленіе правящихъ и управляемыхъ. Послѣднее реально и необходимо: оно не наполняетъ гордостью однихъ и не оскорбляетъ самолюбія дру-

гихъ; оно связано не съ личностью, а съ должностью. Изъ всѣхъ привилегій самыми нелѣпыми, думаетъ Сейесъ, надо считать наслѣдственныя, т. е. такія, которыя созданы не заслугами, а фактомъ рожденія.

Немыслима никакая другая общественная іерархія помимо той, какая существуетъ между должностными лицами, этими агентами самодержавія, какъ называетъ ихъ Сейесъ, раздѣляющій такимъ образомъ точку зрѣнія Руссо на правителей государства, какъ на простыхъ уполномоченныхъ націи. Внѣ чиновниковъ существуютъ только граждане, которые не могутъ зависѣть другъ отъ друга, такъ какъ это было бы равносильно рабству, а подчинены однѣмъ властямъ, оказывающимъ имъ покровительство, защиту и правосудіе. Владѣющій обширнымъ состояніемъ не стоитъ выше человѣка, распологающаго однимъ дневнымъ заработкомъ. Скажутъ, богатый больше платитъ налоговъ въ пользу государства. Это вѣрно, но за то въ его рукахъ и больше собственности, требующей государственной защиты. Динарій бѣдняка столь же драгоцѣненъ для государства, какъ и сокровища богачей. Его имущество и личность должны пользоваться по меньшей мѣрѣ равной охраной.

Вооружаясь противъ сторонниковъ средостѣній и слѣдовательно косвенно противъ Монтескьё, Сейесъ говоритъ имъ: «въ вашей узкой политикѣ вы считаете нужнымъ выдѣлить извѣстную часть гражданъ, чтобы поставить ее между правительствомъ и народомъ. Но взвѣсили ли вы должнымъ образомъ тѣ послѣдствія, какія будетъ имѣть подобный шагъ». Сейесъ предсказываетъ, что обособленная такимъ образомъ группа или будетъ участвовать въ осуществленіи правительственныхъ функцій, и въ такомъ случаѣ сольется съ чиновничествомъ, или же сдѣлается чуждымъ тѣломъ, тѣломъ зловреднымъ, препятствующимъ прямымъ сношеніямъ правителей и управляемыхъ, давящимъ пружины общественной машины, становящимся, въ силу самыхъ своихъ отличій отъ прочаго гражданства, лишней для него тягостью [1]).

---

[1]) Essai sur les privilèges 1788 года, въ перепечаткѣ 1822 года, стр. 7, 29, 30, 32 и 35.

Въ самый разгаръ полемики о томъ, должна ли буржуазія пользоваться двойнымъ представительствомъ на генеральныхъ штатахъ и слѣдуетъ ли замѣнить прежнее голосованіе по сословіямъ поголовнымъ, Сейесъ издаетъ вторую свою брошюру (въ январѣ 1789 года). Кто посмѣетъ утверждать, восклицаетъ онъ въ ней, что среднее сословіе не содержитъ въ себѣ все необходимое для того, чтобы считаться націей? Не представляетъ ли оно сильнаго и мощнаго человѣка, одна рука котораго на привязи? Въ томъ случаѣ, еслибы привилегированное сословіе было упразднено, нація не стала бы чѣмъ-нибудь меньшимъ противъ прежняго, а наоборотъ чѣмъ-то большимъ. И такъ, что такое среднее сословіе? Все! Но это все задержано въ своей дѣятельности и угнетено. Что сталось бы съ нимъ при несуществованіи привилегированнаго сословія? Среднее по прежнему было бы всѣмъ, но всѣмъ свободнымъ и процвѣтающимъ. Ничто не можетъ обойтись безъ него, но все пошло бы несравненно лучше безъ привилегированныхъ. Къ числу послѣднихъ Сейесъ относитъ однихъ только дворянъ. Если духовенство, говоритъ онъ, является чѣмъ-нибудь, то только потому, что оно профессія; будь оно только сословіемъ, оно было бы ничѣмъ; оно не должно быть сословіемъ, такъ какъ въ націи сословныя различія ненужны.

Всю свою полемику авторъ направляетъ такимъ образомъ противъ одного дворянства; онъ берется доказать, что ему нѣтъ мѣста въ общественномъ организмѣ, что оно можетъ быть тягостью для націи, отнюдь не ея составною частью. Намеками на современность проникнуты заявленія въ родѣ слѣдующихъ: хуже всего организованнымъ надо считать государство, въ которомъ не отдѣльныя лица, а цѣлый классъ гражданъ ставитъ свою честь въ томъ, чтобы оставаться неподвижнымъ среди общаго движенія, и, потребляя лучшую часть годовыхъ урожаевъ, ничего не дѣлать для ихъ полученія. Такой классъ очевидно самой своей лѣнью осужденъ оставаться чуждымъ націи, но постороннимъ ей является онъ и тогда, когда отдѣленъ отъ прочихъ жителей государства гражданскими и политическими преимуществами. Что такое нація, спрашиваетъ себя Сейесъ, и отвѣчаетъ въ духѣ Руссо: совокупность лицъ, вступившихъ ме-

жду собою въ ассоціацію подъ условіемъ жить подъ однимъ закономъ и быть представленными въ общемъ законодательномъ собраніи. Но отвѣчаетъ ли такому опредѣленію включеніе въ націю дворянства съ его привилегіями и изъятіями, которыя оно дерзаетъ называть своими спеціальными правами. Не является ли дворянство націей въ націи, какъ имѣющее особыя гражданскія права и отличное отъ другихъ представительство? Что въ томъ, если его депутаты и будутъ засѣдать въ одномъ залѣ съ депутатами отъ простого гражданства; это не помѣшаетъ имъ имѣть особый источникъ происхожденія и преслѣдовать цѣли, отличныя отъ тѣхъ, какія ставятъ себѣ народные депутаты: не общій интересъ всѣхъ, а частный интересъ своего сословія.

Изъ всего этого Сейесъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что среднее сословіе заключаетъ въ себѣ всѣхъ, кто входитъ въ составъ націи; кто не состоитъ его членомъ, тѣмъ самымъ не можетъ считать себя принадлежащимъ къ націи. На вопросъ, что такое среднее сословіе, можно отвѣтить поэтому: все. Утверждая это, Сейесъ далекъ отъ мысли отрицать тѣ преимущества, какія даетъ собственность; ея вліяніе, пишетъ онъ, естественно. Я не намѣренъ устранять его. Онъ вооружается такимъ образомъ не противъ имущественнаго неравенства, а противъ неравенства передъ закономъ. 200,000 привилегированныхъ, изъ которыхъ составлена во Франціи свѣтская и духовная знать, не могутъ идти въ расчетъ, когда рѣчь заходитъ объ устройствѣ 25 или 26 милліонной націи. Злоупотребленія, выгодныя для высшихъ сословій, не могутъ быть отмѣнены депутатами націи, разъ за этими высшими сословіями оставлено будетъ право вето; разъ счетъ голосовъ не поголовный, права большинства приносятся въ жертву меньшинству [1]). Тѣмъ, кто приводитъ

---

[1]) Сейеса не удовлетворяетъ и предложеніе ограничить совмѣстное обсужденіе и поголовный счетъ голосовъ только вопросами, касающимися обложенія. Вотированіе бюджета, говоритъ онъ, обыкновенно происходитъ въ послѣднихъ по времени засѣданіяхъ генеральныхъ штатовъ. Трудно допустить, чтобы первыя прошли безъ того, чтобы депутаты не согласились на принятіе какого нибудь общаго порядка обсужденія дѣлъ; я надѣюсь, что ихъ

примѣръ Англіи въ доказательство необходимости дать высшимъ сословіямъ самостоятельное представительство, Сейесъ справедливо указываетъ на различіе французскихъ порядковъ отъ англійскихъ. Въ Англіи дворянами считаются только тѣ, кому конституція предоставила часть законодательной власти; всѣ прочіе члены аристократическихъ семей сливаются съ простымъ гражданствомъ, имѣютъ общіе съ нимъ интересы и не знаютъ спеціальныхъ привилегій. Несомнѣнно, что и во Франціи какихъ-нибудь 300 или 400 семей, составляющихъ высшее дворянство, не прочь были бы отослать въ нижнюю палату всѣхъ другихъ членовъ своего сословія, и удержать привилегіи исключительно за собою. Это имѣло бы только послѣдствіемъ наполненіе народной камеры лицами, преслѣдующими не общій, а частный интересъ. Прежде, чѣмъ говорить о соединеніи сословій въ общей камерѣ, надо отмѣнить привилегіи; иначе три разнородныхъ элемента никогда не сольются воедино и привилегированнымъ удастся только захватить большинство депутатскихъ мѣстъ въ свои руки. Не встрѣчаетъ одобренія Сейеса и проектъ, по которому высшія сословія составили бы совмѣстно верхнюю палату, а среднее—нижнюю. Такая комбинація, по его мнѣнію, только усилила бы вліяніе привилегированныхъ и рознь ихъ со среднимъ сословіемъ, а поэтому въ концѣ концовъ увеличила бы власть министровъ, «которымъ не трудно догадаться, что между двумя враждующими націями имъ однимъ надлежитъ предписывать законы».

Сейесъ не противникъ системы двухъ или многихъ палатъ, но подъ условіемъ, чтобы составъ ихъ былъ однохарактеренъ, чтобы онѣ преслѣдовали задачи общаго блага, а не частные интересы. Его не убѣждаютъ ссылки на опытъ Англіи, верхняя палата которой для него не болѣе, какъ «остатокъ готическихъ предразсудковъ». Не будемъ терять изъ виду, говоритъ онъ, что истинная наука гражданскаго общежитія возникла недавно. Го-

---

выборъ остановится на такомъ порядкѣ, который обезпечитъ имъ возможность воспользоваться всѣми свѣдѣніями и всей мудростью, какія имѣются въ собраніи (другими словами на томъ, при которомъ рѣшенія принимаются послѣ совмѣстнаго обсужденія и большинствомъ голосовъ).

воря это, онъ разумѣетъ Общественный Договоръ Руссо, у котораго заимствуетъ за тѣмъ три основныхъ положенія: неотчуждаемость народнаго суверенитета, передачу депутатамъ только части тѣхъ правъ, какія принадлежатъ націи, и подведеніе ихъ полномочій подъ понятіе простой довѣренности. Сейесъ указываетъ одновременно и на чисто абстрактный характеръ, какой имѣетъ для него общественная наука, говоря, что механизмъ общества нельзя понять иначе, какъ уподобляя его обыкновенной машинѣ, всѣ части которой должны быть обсуждены отдѣльно и связаны затѣмъ мысленно между собою, съ цѣлью обнаружить ихъ взаимное соотвѣтствіе и гармонію. Разъ признано, что наука объ обществѣ едва зародилась, нечего слѣдовать примѣру другихъ странъ; лучше съ самаго начала возвыситься до самостоятельныхъ созданій и самимъ сдѣлаться предметомъ подражанія. Не будемъ смущаться тѣмъ, что прошлое не завѣщало намъ ничего отвѣчающаго нашему современному положенію. Создавая свою конституцію, англичане постарались быть на уровнѣ современнаго имъ знанія: не будемъ ниже того, какое выпало намъ въ удѣлъ.

Таковы въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ мысли, выраженныя Сейесомъ въ брошюрѣ, которая сама по себѣ является памятникомъ времени и завоевала ему сразу репутацію глубочайшаго знатока въ области политики. Какъ видно изъ сказаннаго, оригинальность Сейеса не идетъ далѣе примѣненія къ Франціи основныхъ положеній Общественнаго Договора и какъ нельзя лучше показываетъ тотъ революціонный характеръ, какой ученіе Руссо о равенствѣ передъ закономъ и неотчуждаемости народнаго суверенитета должно было получить въ монархіи, сохранившей сословныя привилегіи и перенесшей суверенитетъ народа въ руки всесильной бюрократіи и дворянства.

Чѣмъ для Сейеса является Руссо, тѣмъ для Черутти-Монтескье. Объ этомъ бывшемъ іезуитѣ заходитъ рѣчь въ тайныхъ мемуарахъ Башомона еще въ 1767 году [1]). Онъ пренебрегъ, читаемъ мы въ нихъ, запретомъ, мѣшавшимъ членамъ его ор-

---

[1]) Mémoires secrets, pour servir à l'histoire de la République des lettres en France. Лондонъ 1777 года, стр. 205, отъ 17 Мая 1767 года.

дена жить во Франціи, но попавъ въ Парижъ, видится только съ Даламберомъ и энциклопедистами. Позднѣе мы находимъ Черутти въ числѣ сторонниковъ Неккера, котораго онъ прославляетъ въ своихъ брошюрахъ, какъ посланнаго Провидѣніемъ спасителя престола и націи [1]). Въ моментъ обсужденія вторымъ собраніемъ нотаблей формы созыва генеральныхъ штатовъ, порядка ихъ засѣданій и голосованія. Черутти выступаетъ съ сочиненіемъ, озаглавленнымъ: «Мемуаръ для французскаго народа». Въ немъ ученіе Монтескье о равновѣсіи властей приводится въ подтвержденіе той мысли, что народу, т. е. среднему сословію, должно быть отведено большее мѣсто въ дѣлахъ страны. Если народъ не будетъ представленъ на штатахъ, пишетъ Черутти, раздѣленіе и равновѣсіе властей сдѣлается невозможнымъ по причинѣ отсутствія самаго существеннаго участника въ раздѣлѣ правительственныхъ функцій. Свобода, замѣчаетъ онъ далѣе, показывая тѣмъ самымъ готовность восполнить взгляды Монтескье ученіемъ Руссо, состоитъ въ извѣстномъ равенствѣ. Дворяне же стремятся только къ независимости и владычеству. Она требуетъ также терпимости и согласія. Епископы же, слѣдуя, своимъ интересамъ и убѣжденіямъ, обнаруживаютъ тяготѣніе къ нетерпимости и угнетенію. Въ интересахъ свободы желательно изданіе человѣчнаго уголовнаго кодекса; члены же верховныхъ судовъ не рѣшаются поднять рукъ на существующее законодательство, для нихъ священное и которому они поклялись въ вѣрности.

Дать въ генеральныхъ штатахъ преобладаніе дворянству, высшему духовенству и магистратурѣ, значитъ не только надѣлить законодательными функціями тѣхъ, кто является органами исполненія и суда, но и создать, взамѣнъ свободнаго правительства, правительство бурное, orageux [2]). Разумѣется,

---

[1]) Въ обращеніи къ королю онъ говоритъ: два добрыхъ генія охраняютъ вашъ престолъ; геній націи и геній Неккера. Они созданы для вашей добродѣтели. Вы можете довѣриться имъ.

[2]) Mémoire pour le peuple françois, стр. 37 и 38, въ Oeuvres diverses de M. Cerutti, изданіе 1792 года, томъ I.

что и при существованіи трехъ отдѣльныхъ палатъ, какъ на генеральныхъ штатахъ 1614 года, народъ будетъ пользоваться, если не иниціативой, то правомъ отвергать мѣры, принятыя двумя высшими сословіями; но, замѣчаетъ Черутти, ссылаясь на этотъ разъ открыто на Руссо, отрицательное право (pouvoir négatif)—оружіе не достаточное и которое съ теченіемъ времени неизбѣжно притупляется [1]). Какъ для писателей XVIII вѣка и въ частности для Руссо, законъ для Черутти долженъ быть выраженіемъ общей воли; если народъ недостаточно представленъ, общая воля уступитъ мѣсто тираніи немногихъ, а общіе интересы—алчности меньшинства [2]). При такомъ представительствѣ не возможно будетъ рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, для которыхъ созываются штаты. Невозможно будетъ искоренить злоупотребленія и создать удержъ для министровъ, установить равномѣрное распредѣленіе налоговъ и, не упраздняя церковной собственности, дать ей болѣе правильное назначеніе, пріурочивая къ нуждамъ бѣдныхъ. Немыслимо прежде всего удовлетворить главной задачѣ созываемыхъ штатовъ—созданію конституціи, которая бы дала представительство общей волѣ и охрану интересамъ каждаго.

Какъ сторонникъ теоріи равновѣсія властей, Черутти не желаетъ упраздненія почетныхъ привилегій дворянства. Столь обширная имперія, какой является французское королевство, не можетъ обойтись безъ средостѣній (corps intermédiaires). Аристократія дворянъ необходима, какъ противовѣсъ аристократіи богатыхъ. Чистая домократія такъ же невозможна во Франціи, какъ и республика; то и другое мыслимо только въ мелкихъ государствахъ; но будучи призываемы къ участію въ законодательствѣ и имѣя право на исключительный почетъ, дворяне не должны разсчитывать ни на какія гражданскія преимущества или податныя изъятія. Неотчуждаемымъ правомъ средняго сословія надо признать то, какое большинство имѣетъ надъ меньшинствомъ. Вѣдь къ прочимъ сословіямъ среднее стоитъ въ отношеніи ста тысячъ къ одному. Не надо забывать

---

[1]) Ibid, стр. 10-я.

[2]) Ibid, стр. 11.

также тѣхъ преимуществъ, какія даетъ ему самая его полезность для государства. Среднимъ сословіемъ пустыни обращены въ плодородныя нивы, имъ дана жизнь ремесламъ и промысламъ. Тотъ, на чьей сторонѣ большинство, преимущественныя услуги, высшее образованіе, не можетъ быть лишенъ голоса въ дѣлахъ страны. Собраніе, въ которомъ народъ, или что то же среднее сословіе, не имѣлъ бы преобладающаго значенія, уподобилось бы жертвоприносителямъ, рѣшающимъ въ храмѣ судьбу стада, которое спокойно ждетъ у входа своей участи [1]). Чтобы избѣжать возрожденія феодальной олигархіи, какимъ грозило бы возстановленіе генеральныхъ штатовъ въ томъ видѣ, какой они имѣли въ 1614 году, французскому демосу надо соединиться съ престоломъ и передать въ его руки выработку текста конституціи [2]). Для Черутти, какъ и для Монтескье, Англія является достойнымъ подражанія образцомъ; въ ней одной сенатъ, соединяя въ своихъ стѣнахъ всѣхъ дѣйствительныхъ вожаковъ націи, находитъ противовѣсъ какъ въ палатѣ общинъ, представляющей всѣхъ собственниковъ, такъ и въ монархѣ, который регулируетъ ходъ обѣихъ палатъ [3]). Въ ней же депутаты, въ отличіе отъ того, что практиковалось во Франціи, имѣютъ общія и широкія полномочія и не получаютъ приказовъ отъ избирателей. Не надо терять изъ виду, учитъ Черутти, что, законодательствуя въ интересахъ націи, депутатъ долженъ постоянно жертвовать частными интересами общимъ; ограничивать его довѣренность, это то же, что связывать общую волю [4]).

Такимъ образомъ Черутти постоянно восполняетъ теорію равновѣсія властей и общественныхъ средостѣній положеніями Руссо о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, вредѣ привилегій, необходимости обезпечить торжество общей воли надъ интересами отдѣльныхъ группъ и дать націи въ лицѣ средняго со-

---

[1]) Ibid, стр. 33.

[2]) Pressons-nous autour du trône; et pour la sûreté populaire, maintenons le pouvoir monarchique, ibid, стр. 38. см. также стр. 49 и слѣдующую.

[3]) Ibid, стр, 45 и 46.

[4]) Ibid, стр. 52.

словія рѣшающій голосъ въ дѣлахъ страны.

Противорѣчіе какое новѣйшіе писатели указываютъ между ученіями Руссо и Монтескье, не останавливаютъ на себѣ вниманія публицистовъ 89 года. Вмѣсто того, чтобы полемизировать съ этими равно признанными авторитетами, они заимствуютъ своидоводы и соображенія у обоихъ. Мысль Черутти постоянно витаетъ между проводимымъ Монтескье англійскимъ образцомъ и демократической монархіей. Ревнитель средостѣній заканчиваетъ свой памфлетъ словами, болѣе умѣстными въ устахъ Сейеса, противника этихъ средостѣній. «Я защитилъ права французскаго народа; еслибы духовенство, дворянство, магистратура, вздумали спросить меня, что такое французскій народъ безъ насъ, я бы отвѣтилъ имъ: взгляните на наши села, на наши промышленныя заведенія, торговыя конторы, порты, флоты, армію, суды, академіи, и послѣ этого отвѣтьте сами, составляетъ ли французскій народъ что нибудь и безъ васъ» [1]).

Нельзя, съ другой стороны, признать одностороннимъ ученикомъ Руссо извѣстнаго Рабо Сенпъ-Этьена, сына выдержавшаго столько преслѣдованій протестантскаго проповѣдника, послѣдовавшаго карьерѣ отца и до революціи уже пріобрѣтшаго на родинѣ, въ Нимѣ, да и во всей кальвинистской Франціи, репутацію своими брошюрами въ пользу религіозной терпимости. Когда рѣшенъ былъ вопросъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ, Рабо Сентъ-Этьенъ, котораго связывали съ Неккеромъ общность культа и сходство политическихъ возрѣній, рѣшился подать голосъ въ волновавшемъ націю вопросѣ о ближайшемъ устройствѣ народнаго представительства. Онъ посвятилъ ему два трактата: «Соображенія о правахъ и обязанностяхъ средняго сословія» и «Вопросъ публичнаго права, какъ надо голосовать въ собраніи». Въ обоихъ развиваются однѣ и тѣ же мысли; оба заключаютъ въ себѣ одинаковую попытку подвергнуть критикѣ ученіе о политическихъ противовѣсахъ и средостѣніяхъ, приложивъ къ нему ту мѣрку, какую даетъ теорія Руссо о законѣ, какъ выраженіи общей воли.

---

[1]) Ibid, стр. 65.

Это не значитъ, однако, чтобы Рабо Сентъ-Этьенъ признавалъ себя противникомъ Монтескьё; онъ спѣшитъ наоборотъ высказать свое уваженіе къ автору Духа Законовъ и пытается выгородить его отъ обвиненія въ исключительномъ пристрастіи къ англійской конституціи. Съ этою цѣлью онъ ссылается на заключительныя слова шестой главы одинадцатой книги, въ которой Монтескьё, представивъ картину англійскихъ порядковъ, говоритъ: «я не намѣренъ тѣмъ унизить достоинства другихъ правительствъ, ни сказать, что это крайнее развитіе политической свободы должно оскорбить тѣхъ, кто пользуется ею въ меньшей степени. Какъ можетъ сдѣлать это человѣкъ, полагающій, что излишекъ разума не всегда желателенъ и что люди довольствуются почти всегда серединой, а не крайностями». По мнѣнію Рабо въ авторѣ Духа Законовъ надо различать историка права и законодателя. Монтескьё весьма часто выступаетъ въ первой роли и весьма рѣдко во второй. Не надо думать, какъ это дѣлаютъ сплошь и рядомъ что, описывая нравы и учрежденія тѣхъ или другихъ народовъ, въ связи съ окружающей ихъ средою, онъ въ то же время ставитъ эти порядки въ примѣръ для подражанія.

Сдѣланную Монтескьё характеристику англійской конституціи Рабо объявляетъ безподобной, хотя и позволяетъ себѣ ту оговорку, что она не можетъ считаться единственной удержью министерскаго произвола и что ее трудно пересадить во Францію въ виду того, что два народа никогда не находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, такъ какъ различны по характеру и физическому складу. Только народъ младенческій и лишенный всякой политической организаціи могъ бы сдѣлать успѣшную попытку устроиться по образцу даже лучшаго изъ существующихъ правительствъ. Говоря это, Рабо очевидно повторяетъ тѣ самыя мысли, какія высказаны были Руссо въ примѣненіи, какъ къ такимъ стариннымъ націямъ, какими являются поляки или французы, такъ и къ такому новому народу, какимъ были освободившіеся отъ ига Генуи Корсиканцы. Рабо Сентъ-Этьенъ какъ нельзя лучше указываетъ на то, что всѣ порядки англичанъ тѣсно связаны между собою и вытекаютъ изъ принциповъ, на которыхъ покоится ихъ правительство. Въ этомъ

отношеніи онъ очевидно раздѣляетъ мнѣніе Монтескьё о рѣшающемъ вліяніи этихъ принциповъ на весь строй народной жизни. Усвоитъ англійскіе порядки можно было бы только воспринявъ все цѣликомъ, но это значило бы перевернуть націю верхъ дномъ и вызвать тревогу во всѣхъ интересахъ. Современная задача состоитъ въ томъ, чтобы тщательно выяснить вопросъ, невозможно ли, и безъ заимствованія, найти такую комбинацію, которая позволила бы добиться свободы въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее Монтескьё, т. е. какъ право дѣлать все, что не запрещено законами. Не хуже Сейеса. Рабо указываетъ на то различіе, какое существуетъ между англійской палатой Лордовъ и обѣими камерами привилегированныхъ сословій на генеральныхъ штатахъ Франціи. Перы наслѣдственны, депутаты отъ дворянства и высшаго духовенства— выборны. Трудно допустить, чтобы масса привилегированныхъ отказалась отъ права избранія въ пользу немногихъ семей. Въ Англіи дворянство и высшее духовенство не представляютъ собою ничего, кромѣ ранга, младшіе члены дворянскихъ семей входятъ въ среду гражданъ на равнѣ со всѣмъ духовенствомъ, за исключеніемъ епископовъ. Во Франціи дворянство и духовенство составляютъ отличныя отъ націи тѣла, надѣленныя привилегіями и озабоченныя ихъ сохраненіемъ. Если, объявляетъ Рабо, высшія сословія Франціи пожелаютъ принять англійскіе порядки, они должны, будутъ согласиться на сліяніе съ націею и отказаться отъ своихъ привилегій; если же наоборотъ они хотятъ сохранить послѣднія, то имъ нельзя и думать объ англійской конституціи [1]).

Но, и не зависимо отъ этихъ соображеній, нашъ авторъ считаетъ нужнымъ высказаться, если не противъ теоріи раздѣленія властей, то противъ того отождествленія ея съ раздѣломъ суверенитета, которое теряетъ изъ виду единство государственнаго тѣла. Совершенно справедливо мнѣніе Монтескьё, гово-

---

[1]) Oeuvres de Rabaut-Saint-Étienne, томъ I. Question de droit public. Doit –on recueillir les voix dans les états généraux par ordres, ou par têtes de délibérans, стр. 398 по 406.

ритъ онъ, что всѣ три власти не должны быть въ однѣхъ рукахъ, что соединеніе ихъ въ лицѣ монарха имѣетъ послѣдствіемъ деспотизмъ, въ лицѣ народа—ярую анархію, готовую снести всѣ головы, подымающіяся надъ общимъ уровнемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждая изъ этихъ властей не была эманаціей общаго авторитета, однимъ изъ выраженій общей воли, чтобы она имѣла права сама по себѣ, а не въ силу порученій, данныхъ ей цѣлымъ. Что это, какъ не примиреніе взгляда Руссо на единство народнаго суверенитета, являющагося выраженіемъ общей воли, съ положеніемъ Монтескьё о пользѣ раздѣлить власти въ интересахъ политической свободы [1])? Если существуетъ общій интересъ, то должна быть на лицо и общая воля, разсуждаетъ Рабо; констатировать ее и составляетъ задачу голосованія въ представительномъ собраніи [2]).

Тѣ, кто, находя въ государствѣ разные интересы, полагаютъ, что можно достигнуть выраженія общей воли, создавъ въ каждомъ изъ нихъ противовѣсъ остальнымъ, дѣлаютъ ту непростительную ошибку, допускаютъ ту вопіющую несправедливость, что ставятъ на одну доску интересы, на сторонѣ которыхъ стоитъ право, и интересы, имѣющіе источникомъ узурпацію.

Изъ всѣхъ интересовъ, существующихъ въ націи, тотъ, въ пользу котораго высказывается большинство, долженъ считаться по праву преобладающимъ. Говоря это, Рабо Сентъ-Этьенъ очевидно отступаетъ отъ Руссо и приближается къ общему ученію сторонниковъ демократіи. Онъ утверждаетъ далѣе, что интересъ большинства, какъ таковой, является наиболѣе справедливымъ, такъ какъ необходимо сливается съ общей пользою. Всѣ же прочіе интересы, которые имѣютъ въ виду пользу немногихъ и противорѣчатъ общей, которые стремятся поэтому не къ равенству, а къ привилегіи, не имѣютъ права быть поставлены рядомъ съ общимъ и не должны имѣть возможности останавливать выраженіе его требованій. Теорія противовѣсовъ прекрасна, разъ она не выходитъ изъ области чистаго мышленія, а также въ самый моментъ установленія ея на практикѣ законодателемъ;

---

[1]) Ibid, стр. 413 и 414.

[2]) Ibid, стр. 347.

но на дѣлѣ ея неудобство состоитъ въ томъ, что, вмѣсто того, чтобы подавлять частные интересы въ пользу общаго, она только даетъ имъ большую силу; вмѣсто того, чтобы сохранять единство государства, она дробитъ его на столько частей, сколько имѣется въ немъ интересовъ; къ тому же самое равновѣсіе между ними не можетъ быть поддерживаемо безконечно; оно необходимо будетъ ниспровергнуто энергіей или удачей одного изъ интересовъ, инерціей или неудачей остальныхъ [1]). Французская конституція, говоритъ Рабо въ своихъ «Соображеніяхъ объ интересахъ средняго сословія», съ самаго начала знала только націю и короля. Согласіе обоихъ необходимо было для ея совершенства. Всѣ промежуточныя власти, частныя тѣла, общія собранія, верховныя палаты, всѣ прерогативы, привилегіи, притязанія, возникшія въ разное время, въ силу ли полночій, даннымъ націей, или по милости монарха, не могутъ ссылаться на давность противъ короля и народа, такъ какъ создавшій сохраняетъ право ежечаснаго упраздненія или измѣненія имъ созданнаго [2]). Среднее сословіе—это нація безъ дворянства и духовенства; упразднite ихъ, останется нація; но исчезнетъ среднее сословіе, и націи не будетъ [3]). Дворяне и духовные въ большинствѣ случаевъ лица, вышедшія изъ рядовъ буржуазіи.

Такимъ образомъ на первыхъ порахъ и по природѣ вещей существуетъ только нація съ королемъ; они образуютъ единое тѣло—государство. Если монархъ отличаетъ нѣкоторыхъ лицъ прерогативами, онъ этимъ не создаетъ еще обособленныхъ отъ государства тѣлъ, имѣющихъ противорѣчивые съ нимъ интересы. Думать иначе, значило бы допустить, что король самъ пожелалъ внести разногласіе въ свое царство. Рабо дѣлаетъ отсюда тотъ практическій выводъ, что на генеральныхъ штатахъ не должно бы существовать различія по сословіямъ, порождающаго три противоположныхъ интереса и нарушающаго единство собранія.

---

[1]) Ibid, стр. 350 по 353, 359 и 360.
[2]) Ibid, стр. 13.
[3]) Ibid, стр. 25.

Всѣ, кто входитъ въ составъ послѣдняго, попадаютъ въ него, какъ плательщики налоговъ; генеральные штаты не болѣе, какъ представительство этихъ плательщиковъ [1]). Въ единствѣ представительства лежитъ интересъ короля. Всѣ частныя тѣла по природѣ своей—естественные враги, какъ націи, такъ и монарха; вѣдь они озабочены сохраненіемъ и приумноженіемъ своего авторитета, своихъ прерогативъ и богатствъ въ ущербъ другимъ. Посредствующія власти противорѣчатъ природѣ вещей [2]) и не служатъ тому назначенію, которое имъ обыкновенно приписывается; онѣ только въ силу обстоятельствъ и благодаря случайности могли бы служить удержью для деспотизма. Рабо пытается доказать эту мысль тѣмъ соображеніемъ, что, будучи избранниками націи, эти промежуточныя тѣла сливаются съ нею воедино, а будучи созданіемъ короля, они являются его орудіемъ и надѣляются имъ милостями и богатствами въ ущербъ народу, такъ какъ все, что ни принадлежитъ королю, дано ему націей [3]). Каждый разъ, когда они пользуются изъятіями, они являются врагомъ общаго блага [4]). Корпоративный духъ, утверждаетъ авторъ, давая выраженіе общему недовѣрію писателей XVIII вѣка ко всякаго рода ассоціаціи интересовъ, всегда противорѣчитъ общему благу (intérét général [5]).

Авторъ не отрицаетъ, впрочемъ, необходимости дворянства, по крайней мѣрѣ личнаго, въ такой обширной монархіи, какъ Франція, и указываетъ тѣмъ на свою готовность принять положеніе Монтескьё о чести, какъ о жизненномъ принципѣ монархій; но онъ не хочетъ, чтобы дворянство надѣлено было исключительными политическими правами или податными изъятіями [6]).

Недовѣріе къ esprit particulier, какъ несогласному съ общей волей, заставляетъ Рабо обратиться съ призывомъ къ единенію

---

[1]) Ibid стр. отъ 28 по 31.
[2]) Ibid, стр. 39.
[3]) Стр. отъ 38 по 42
[4]) Ibid, стр. 43.
[5]) Ibid, стр. 48 по 51, 55.
[6]) Ibid, стр. 57 по 61.

не только къ двумъ высшимъ сословіямъ, но и къ тѣмъ разнообразнымъ группамъ, изъ которыхъ слагается среднее. Я знаю, пишетъ онъ, что у насъ нѣтъ еще общаго интереса, но уже имѣется интересъ преобладающій; этотъ интересъ покоится въ васъ, люди средняго сословія. Не отдѣляйте его отъ общаго блага, и онъ сдѣлается интересомъ всей страны [1]).

Съ такимъ же призывомъ къ единенію обращается Рабо и къ отдѣльнымъ провинціямъ Франціи. Бретонцы, провансальцы, дофинезцы, пишетъ онъ, смотрите, чтобы излишняя заботливость о вашихъ почтенныхъ привилегіяхъ не помѣшала вамъ увидѣть того, что вы обязаны сдѣлать въ интересахъ всѣхъ. Идеаломъ Рабо уже въ это время является ассоціація провинцій подъ властью одного закона, управленіе ихъ по однимъ принципамъ [2]). Внѣ этого онъ не видитъ возможности торжества общаго интереса надъ частными.

Къ числу писателей, стремящихся не противуставить, а примирить взгляды Монтескьё и Руссо, надо отнесть также великого Кондорсэ. Въ годы, непосредственно предшествовавшіе французской революціи, ничто не предвѣщало въ немъ будущаго вліятельнаго республиканца и одного изъ творцовъ конституціи 1793 года. Онъ стоитъ еще подъ вліяніемъ Тюрго и физіократовъ, раздѣляетъ ихъ не только экономическія, но и политическія доктрины. Въ настоящую минуту насъ интересуютъ одни его взгляды на вопросы государственнаго возрожденія Франціи; они нашли выраженіе себѣ въ «Письмахъ Ньюгевенскаго буржуа» въ брошюрѣ «О допущеніи женщинъ къ правамъ гражданства», въ «Перепискѣ американца съ французомъ о текущихъ вопросахъ», въ «Идеи деспотизма», наконецъ, въ «Мысляхъ республиканца о провинціальныхъ и генеральныхъ штатахъ» [3]).

Въ первой изъ этихъ брошюръ Кондорсэ дѣлаетъ попытку связать выгоды представительной системы съ прямымъ участі-

---

[1]) Ibid, стр. 87.

[2]) Ibid, стр. 95 и 96.

[3]) Всѣ эти сочиненія появились съ 1787 по 1789 годъ и отпечатаны въ IX томѣ сочиненій Кондорсэ, (изданіе Араго).

емъ народа въ законодательствѣ. Извѣстно, что Руссо отвергалъ возможность такого примиренія и, не желая отымать у народа суверенитета, т. е. какъ мы видѣли, законодательства, высказывался противъ представительства. Мабли, раздѣляя съ нимъ ученіе о народномъ верховенствѣ, въ то же время сознавалъ необходимость, разъ дѣло идетъ о государствахъ съ большой территоріей, отступить отъ ригоризма принциповъ и передать законодательныя функціи народнымъ уполномоченнымъ. Сейесъ, Черутти, Рабо-Сентъ-Этьенъ не подымали даже вопроса о возможности обойтись безъ собранія избранныхъ депутатовъ; они такимъ образомъ разрывали съ Руссо и переходили на сторону Монтескьё. Кондорсэ слѣдуетъ ихъ примѣру, но высказываетъ въ то же время желаніе сохранить кое что изъ ученія о неотчуждаемости народнаго верховенства и ставитъ такимъ образомъ на очередь вопросъ о референдумѣ. Согласно его проекту, трети голосовъ въ трети избирательныхъ собраній достаточно для того, чтобы добиться внесенія тѣхъ или другихъ добавочныхъ статей въ тотъ основной законъ, въ ту декларацію правъ, которая должна, по его мнѣнію, опредѣлить порядокъ составленія законодательнаго корпуса и границы предоставленной ему власти. Измѣненіе во всѣхъ прочихъ законахъ требуетъ уже согласія большинства избирательныхъ округовъ. Законы приводились бы въ дѣйствіе тотчасъ по ихъ изданіи; но ихъ можно было бы сразу отмѣнить путемъ народнаго referendum'а. Этотъ терминъ еще не встрѣчается у Кондорсэ, но все, что онъ говоритъ о порядкѣ народнаго контроля за законами, вызываетъ въ умѣ представленіе именно о referendum'ѣ. Избирательнымъ собраніямъ ставится вопросъ, желаютъ ли они принять ту или другую статью новаго закона. Они не въ правѣ требовать измѣненій въ немъ и должны ограничиться однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ. Только при ихъ согласіи декреты собранія получаютъ обязательную силу [1]). То же желаніе, предохранить и на будущее время свободу народнаго самоопредѣленія, заставляетъ Кондорсэ высказаться противъ неизмѣнности конституціонныхъ законовъ и требовать

---

[1]) Lettres d'un bourgeois de New-Haven, стр. 30 и 31, 41 и4 2.

ихъ пересмотра спеціально созваннымъ для того представительствомъ. Онъ боится деспотизма собранія въ такой же мѣрѣ, какъ и деспотизма министровъ, и не желаетъ, чтобы оно могло связать свободу грядущихъ поколѣній, свободу устроиться такъ, какъ они вздумаютъ. Его не пугаетъ то обстоятельство, что рекомендуемая имъ реформа не освящена опытомъ и не находитъ себѣ примѣра въ Англіи. Онъ раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, кто думаетъ, что отсутствіе цензуры и право ассоціацій, habeas corpus, судъ присяжныхъ, гласность и публичность, одни позволили англичанамъ сохранить свободу, вопреки недостаткамъ ихъ конституціи, въ числѣ которыхъ однимъ изъ главныхъ надо считать ея косность [1]).

Какъ мало понималъ Кондорсэ механизмъ англійскаго парламентаризма, видно изъ того, что онъ говоритъ о вредѣ политическихъ партій. Періодическая смѣна виговъ и торіевъ въ управленіи страною кажется ему опасной для свободы и благопріятной развитію политическихъ софизмовъ и политическаго подкупа. Онъ не хочетъ понять того, что одно распаденіе представительства на двѣ партіи, одинаково готовыя взять въ свои руки завѣдыванье судьбами націи, дѣлаетъ возможнымъ въ Англіи мирное теченіе политической жизни. Съ перемѣщеніемъ голосовъ въ парламентѣ, соотвѣтственно измѣненіямъ въ общественномъ мнѣніи, мѣняется здѣсь и правительство. Это происходитъ безъ потрясеній, безъ заговоровъ и революцій. Голосъ націи, или вѣрнѣе ея большинства, играетъ при этомъ рѣшающую роль; народное самодержавіе является такимъ образомъ не пустымъ звукомъ, а дѣйствительностью. Взгляды Коодорсэ и въ данномъ вопросѣ составились подъ вліяніемъ физіократическихъ ученій. Его, какъ и физіократовъ, пугалъ прежде всего корпоративный духъ. Съ бо̀льшимъ или меньшимъ основаніемъ онъ видѣлъ въ вигахъ и торіяхъ наслѣдственныхъ защитниковъ неизмѣнныхъ политическихъ программъ. Этого было достаточно, чтобы осудить ихъ, признать ихъ противниками свободы, такими же противниками, какими въ глазахъ физіократовъ, благодаря своему кор-

---

[1]) Ibid, стр. 75 и 76.

поративному духу, являлись католическое духовенство и магистратура.

Враждебность къ корпораціямъ, подсказанная Кондорсэ ненавистью къ нетерпимости и консерватизму верховныхъ судовъ, сказалась наглядно въ 1787 году при столкновеніи французскихъ министровъ съ парламентами. Общественное мнѣніе видимо клонилось въ пользу послѣднихъ. Парламенты настаивали на свободѣ своихъ регистрацій и протестовъ, отказывали въ повиновеніи законамъ, не внесеннымъ ими въ реестры и, въ виду отсутствія генеральныхъ штатовъ, провозглашали себя единственными тормазами самовластія. Кондорсэ отнесся враждебно къ такимъ притязаніямъ. Подъ псевдонимомъ «Американскаго гражданина», онъ въ открытомъ письмѣ къ французамъ представляетъ цѣлый обвинительный актъ противъ парламентовъ. Для него ясно, что они грозятъ установленіемъ во Франціи аристократической тираніи. Съ этою цѣлью они желали бы присоединить къ неограниченной судебной власти и вето въ законодательныхъ вопросахъ. Такое соединеніе властей прямо грозитъ свободѣ, тѣмъ болѣе, что парламенты не считаютъ себя строго связанными буквой закона и не желаютъ признать ни за кѣмъ права кассаціи своихъ рѣшеній. «Прибавьте къ этому захватъ ими верховной администраціи королевства (въ частности книжной цензуры), прибавьте пополненіе ихъ личнаго состава не въ силу королевскаго назначенія или народнаго выбора, а путемъ своего рода кооптаціи, принимающей форму покупки должности и дѣлающей возможнымъ переходъ ея отъ отца къ сыну,— и вы поймете, пишетъ Кондорсэ, что нашей главной задачей должна быть борьба съ парламентской аристократіей. Я ненавижу деспотизмъ, прибавляетъ онъ, но я еще болѣе ненавижу аристократію, т. е. деспотизмъ не одного, а нѣсколькихъ. Моя ненависть возростаетъ по мѣрѣ того, какъ деспотизмъ этотъ становится анархическимъ; а такимъ только и можетъ быть совмѣстное владычество духовенства, дворянства и тридцати верховныхъ судовъ, разсѣянныхъ по провинціямъ» [1]).

---

[1]) Lettres d'un citoyen des Etats-Unis à un français sur les affaires présentes. Oeuvres. T. IX, стр. 98.

Кондорсэ посвящаетъ цѣлый трактатъ выясненію той мысли, что деспотизмъ не связанъ необходимо съ единовластіемъ. Онъ можетъ быть, по его мнѣнію, двоякаго рода — прямымъ и косвеннымъ. Прямой существуетъ тамъ, гдѣ представители націи не пользуются правомъ вето и не могутъ поэтому вліять на измѣненіе законовъ, не согласныхъ съ разумомъ и справедливостью; косвенный — всюду, гдѣ, вопреки волѣ закона, имѣется подчиненіе какому-нибудь авторитету, что бываетъ всего чаще тамъ, гдѣ представительство распредѣлено неравномѣрно. Примѣромъ послѣдняго Кондорсэ приводитъ Англію, въ которой,— говоритъ онъ,—палата общинъ, благодаря только-что указанной причинѣ, не является дѣйствительнымъ представителемъ націи, а аристократическимъ тѣломъ, рѣшенія котораго диктуются сорока или пятьюдесятью лицами—министрами, пэрами и нѣкоторыми вліятельными членами палаты общинъ.

Это утвержденіе далеко не въ такой мѣрѣ противорѣчитъ истинѣ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Кондорсэ имѣетъ передъ глазами не англійскій парламентъ, реформированный тремя послѣдовательными избирательными законами, 1832, 1867 и 1884 годовъ, а англійскій парламентъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Вальполя, практиковавшаго въ широкой степени фаворитизмъ и систему офиціальныхъ кандидатуръ. Онъ помнитъ обвиненія Болингброка, помнитъ, какъ, благодаря правительственному давленію и надѣленію избирательнымъ правомъ «гнилыхъ мѣстечекъ», небольшая кучка аристократовъ и людей на жалованьи замѣщала скамьи парламента своими креатурами, тщательно устраняя возможность всякого независимаго мнѣнія, всякого неподдѣльнаго выраженія народныхъ нуждъ и желаній. Англійскіе друзья — Прайсъ, Пристлэ, Стенгопъ, не могли не познакомить его со всѣми несовершенствами избирательныхъ законовъ, надъ реформою которыхъ задумывался въ концѣ вѣка не одинъ Фоксъ и его политическіе союзники, но и торіи съ Питтомъ Младшимъ во главѣ.

Больше физіократическаго доктринерства заключаютъ въ себѣ нападки Кондорсэ на англійскую систему раздѣленія властей. Для него она равносильна анархіи и инерціи. Вѣчная вражда и безсиліе, одинаково въ добрѣ и злѣ, ея необходимыя по-

слѣдствія. Кондорсэ предлагаетъ мѣры для борьбы съ обоими видами деспотизма. Прямой деспотизмъ сдѣлается невозможнымъ тогда, когда ни одинъ законъ не будетъ издаваться безъ согласія народныхъ представителей и ни одинъ налогъ не будетъ установленъ помимо ихъ. Но что это, спросимъ мы, какъ не исконныя англійскія вольности? Кондорсэ указываетъ причины, порождающія косвенный деспотизмъ правительства, законодательныхъ и судебныхъ палатъ. Когда представительство распредѣлено неравномѣрно, деспотизмъ собранія становится неизбѣжнымъ. Только реформой въ избирательномъ законѣ можно положить конецъ ему, а чтобы открыть путь къ подобнымъ реформамъ, необходимо допустить періодическій пересмотръ конституціи. Лучшимъ средствомъ избѣжать деспотизма правительства являются мѣры, обезпечивающія свободу представителей вотировать налогъ, собираться и расходиться по собственному выбору. Чтобы положить конецъ деспотизму сословій, необходимо устранить всякія различія, всякія привилегіи, налоговыя, служебныя, законодательныя; необходимо установить свободу культа и свободу печати. Деспотизмъ судебныхъ палатъ—самый ненавистный изъ всѣхъ видовъ деспотизма, такъ какъ онъ пользуется закономъ, какъ орудіемъ. Всюду, гдѣ судьи являются постоянными и не подлежатъ народному выбору, гдѣ гражданская юстиція не отдѣлена отъ уголовной, нѣтъ настоящей свободы. Соглашенія судовъ съ главою арміи (королемъ) достаточно для установленія деспотизма. Послѣдній еще болѣе неизбѣженъ, когда суды имѣютъ участіе въ законодательствѣ и образуютъ изъ себя корпорацію, такъ какъ въ этомъ случаѣ они достаточно сильны, чтобы внушить главѣ арміи (королю) готовность ладить съ ними. Кондорсэ какъ нельзя лучше выражаетъ предубѣжденіе своихъ современниковъ противъ независимой магистратуры и ихъ идеалъ избираемыхъ на срокъ судей, лишенныхъ права распространительнаго толкованія законовъ. Ему совершенно недоступно пониманіе той истины, что борьба интересовъ и торжество той или другой партіи на выборахъ можетъ придать народной магистратурѣ тотъ пристрастный характеръ, какого не имѣютъ пожизненные органы правосудія, нэ запугиваемые возможностью будущей забаллотировки. За-одно

со своими современниками, онъ видитъ только противорѣчіе между корпоративнымъ духомъ палатъ и общимъ интересомъ націи. Для него, какъ и для Сейеса, виновникомъ всѣхъ золъ является l'intérêt particulier des corps. Въ заслугу ему надо поставить то предвидѣніе, съ какимъ, въ самый годъ созыва генеральныхъ штатовъ, онъ предсказывалъ возможность и новой формы деспотизма.— деспотизма толпы. По его словамъ, онъ особенно опасенъ въ государствѣ съ многолюдной столицей и большими торговыми центрами. Предупредить его можно, противясь искусственному скопленію черни въ городахъ, благодаря пріуроченью къ нимъ однимъ права занятія ремеслами. Свобода промышленности и торговли можетъ оказать эту услугу.

Кондорсэ настаиваетъ на необходимости отличать деспотизмъ отъ тираніи. Послѣдняя состоитъ въ нарушеніи правъ человѣка положительнымъ закономъ. Чтобы предупредить ее, необходимо издать декларацію тѣхъ правъ, противъ которыхъ законодательная власть ничего не можетъ предпринять. Такимъ образомъ онъ въ числѣ первыхъ подаетъ голосъ въ пользу ограниченія самой верховной власти націи и ея выразителя — народнаго представительства. Англійская теорія всемогущества парламента не удовлетворяетъ его. Онъ предпочитаетъ ей американскую практику. Въ тѣсномъ общеніи съ Джефферсономъ, исполнявшимъ въ это время обязанности посланника отъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ проникся американскими идеями политической свободы. Для него, какъ и для составителя виргинской декларацiи правъ, надъ положительными законами стоятъ естественныя права. Они существовали до нихъ и не могутъ быть отмѣнены ими. Эти права—свобода личности и ея безопасность, свобода собственности и ея безопасность, наконецъ, равенство, не въ смыслѣ одинаковости матеріальныхъ условій, а въ смыслѣ отмѣны всякихъ различій передъ закономъ. Самое это уравненіе не требуетъ всеобщаго голосованія. Кондорсэ еще въ 1789 году рѣшается утверждать, что равенство не нарушено въ томъ случаѣ, когда собственники одни пользуются политическими правами, такъ какъ они одни владѣютъ территоріей [1]).

---

[1]) Idée sur le despotisme, стр. 167. (Oeuvres, т. IX).

Въ брошюрѣ, изданной двумя годами ранѣе, онъ требуетъ избирательнаго ценза даже для собственниковъ. Тѣ, владѣнія которыхъ не достигаютъ установленнаго закономъ минимума, пользуются совмѣстно столькими голосами, сколько разъ общая цѣнность ихъ имущества превышаетъ легальный минимумъ. «Скажутъ, что передача выборовъ въ руки однихъ собственниковъ, пишетъ Кондорсэ, противорѣчитъ общему праву людей и естественному равенству. Ничуть не бывало. Мнѣ кажется возможнымъ защищать ее слѣдующими соображеніями. Она на самомъ дѣлѣ не создаетъ никакихъ изъятій, такъ какъ человѣку, не впавшему въ крайнюю бѣдность, легко пріобрѣсть небольшое имущество и тѣмъ получить доступъ къ выборамъ. Дайте равный голосъ всѣмъ гражданамъ, бѣднымъ и богатымъ, и вы усилите тѣмъ вліяніе богачей, тогда какъ въ собраніи, менѣе численномъ и составленномъ изъ однихъ собственниковъ, владѣльцы небольшихъ участковъ въ состояніи оказать имъ противовѣсъ». На ряду съ этими мотивами, Кондорсэ приводитъ одинъ, цѣликомъ заимствованный у физіократовъ: «не-собственники заинтересованы въ законодательствѣ наравнѣ съ собственниками. Но интересъ послѣднихъ больше, когда дѣло идетъ о гражданскихъ законахъ, охраняющихъ ихъ имущество, и о законахъ налоговыхъ, непосредственно затрогивающихъ ихъ доходъ; нѣтъ поэтому никакой опасности (?) ввѣрить имъ интересы всего общества». По природѣ вещей не-собственники только потому и сидятъ на земляхъ, что собственникамъ угодно было допустить ихъ къ этому [1]). Если они располагаютъ другими правами, помимо права на жизнь и свободу, то только по надѣленію собственниковъ. Послѣдніе могутъ поэтому, не нарушая справедливости, считать себя единственными гражданами государства. Кондорсэ еще такъ далекъ отъ мысли, что политическое равенство непримиримо съ цензомъ, что вслѣдъ за сказаннымъ заявляетъ: «я могу помириться только съ конституціей, основанной на признаніи естественныхъ правъ человѣка, въ томъ числѣ равенства» [2]).

---

[1]) Lettres d'un bourgeois de New-Haven à un citoyen de Virginie. 1787 г. Oeuvres, т. IX, стр. 11—13.

[2]) Ibid, стр. 14.

Это равенство требуетъ, по его мнѣнію, того, чтобы женщины пользовались одинаковыми правами съ мужчинами. Уже въ 1789 году онъ высказываетъ на этотъ счетъ тѣ же мысли, какія болѣе подробно развиты были имъ впослѣдствіи въ трактатѣ «О допущеніи женщинъ къ отправленію правъ гражданства». Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ его взгляды изложены болѣе систематично, то мы и остановимся на немъ по преимуществу. Трудно доказать,— думаетъ Кондорсэ, — что женщины неспособны къ пользованію политическими правами. Почему беременность можетъ помѣшать имъ больше въ этомъ смыслѣ, чѣмъ мужчинамъ подагра или подверженность простудѣ? Если допустить даже, что умственныя преимущества мужчинъ не зависятъ исключительно отъ бо́льшаго образованія,—а это далеко не доказано,—то все же необходимо признать, что эти преимущества проявляются у нихъ только въ двоякомъ направленіи. 1) Женщины не заявили себя пока серьезными открытіями въ наукахъ, 2) не обнаружили генія въ искусствахъ и литературѣ. Но кто же рѣшится утверждать, что политическія права должны принадлежать только людямъ геніальнымъ! Говорятъ, что женщины не имѣютъ тѣхъ свѣдѣній и той силы разсудка, какой отличаются нѣкоторые мужчины. Но если исключить этихъ немногихъ, то какъ не сказать, что между остальными мужчинами и женщинами незамѣтно въ этомъ отношеніи большой разницы. Можно ли утверждать, что женскій умъ и женское сердце представляютъ извѣстныя особенности, которыя препятствуютъ пользованію политическимъ правами? Но развѣ Елизавета англійская, Марія-Терезія, Екатерина I и Екатерина II, не доказали, что сила духа и неустрашимость ума вполнѣ свойственны женщинамъ? Нашлись люди, рѣшившіеся утверждать, что разумъ никогда не руководитъ поступками женщинъ. Въ этомъ заявленіи справедливо только одно: женщины слѣдуютъ велѣніямъ не мужского, а своего разума. Такъ какъ законы, которымъ онѣ подчиняются, отличны отъ мужскихъ, то многое, что для насъ имѣетъ особую цѣну, не имѣетъ ея для нихъ. Ихъ интересы отличны отъ нашихъ; а если такъ, то, не нарушая требованій разума, онѣ могутъ руководиться въ своихъ поступкахъ другими принципами и преслѣдовать отличныя

отъ насъ цѣли. Сказано было еще о женщинахъ, что имъ чуждо понятіе справедливости, что онѣ слѣдуютъ скорѣе указаніямъ чувства, нежели совѣсти. Это наблюденіе болѣе вѣрно, но и оно ничего не доказываетъ. Указанное различіе создано не природой, а воспитаніемъ, и тѣми общественными условіями, въ какія поставлены женщины. Ни школа, ни среда, не научили ихъ тому, что надо считать справедливымъ, а только тому, что надо считать приличнымъ. Но, скажутъ намъ, допущеніе женщинъ къ пользованію политическими правами имѣетъ то неудобство, что чрезмѣрно усилитъ ихъ вліяніе на мужчинъ. Мы отвѣтимъ, что это вліяніе, какъ и всякое другое, болѣе опасно, когда проявляется въ тиши. Не доказываетъ ли также опытъ прошлаго, что чѣмъ ниже падало положеніе женщинъ благодаря законамъ, тѣмъ сильнѣе становилась опасность ихъ вліянія. Не болѣе вѣско и слѣдующее возраженіе: общая польза пострадаетъ отъ надѣленія женщинъ политическими правами, такъ какъ устранитъ ихъ отъ занятій, для которыхъ онѣ созданы. Какова бы ни была конституція въ существующихъ условіяхъ гражданственности, только весьма небольшое число людей можетъ посвятить себя государственнымъ заботамъ; а если такъ, то почему думать, что уравненіе съ мужчинами отыметъ женщинъ въ большомъ числѣ отъ домашняго хозяйства, чѣмъ земледѣльцевъ отъ плуга и ремесленниковъ отъ мастерской? Кондорсэ обращаетъ вниманіе на то противорѣчіе, въ какое законодатель впадаетъ съ самимъ собою, допуская женщинъ къ престолу и удаляя ихъ отъ занятія всякой другой публичной должности. Онъ проситъ, чтобы на его доводы не отвѣчали однѣми шутками и декламаціей; онъ готовъ сдаться только тогда, когда ему будетъ доказано, что между мужчинами и женщинами существуетъ природное различіе, на которомъ можно основать невыгодное для послѣднихъ изъятіе [1]).

Въ то время, какъ большинство его современниковъ ждало для Франціи обновленія отъ созванныхъ по иниціативѣ парижскаго парламента генеральныхъ штатовъ, Кондорсэ отнесся къ

---

[1]) Sur l'admission des femmes au droit de cité. Oeuvres. T. X. стр. 121—130.

нимъ съ опасеніемъ. Правильное представительство націи по его мнѣнію могло возникнуть болѣе естественнымъ путемъ, изъ объединенія тѣхъ провинціальныхъ собраній, устройство которыхъ задумано было еще Тюрго. Въ этихъ собраніяхъ основой представительства служитъ не сословность, а землевладѣніе. Къ чему оживлять снова устарѣвшія привилегіи, прибѣгать къ созыву камеръ дворянства, духовенства, буржуазіи? Не лучше ли поручить провинціальнымъ собраніямъ назначеніе депутатовъ въ національное. Парламентъ потребовалъ генеральныхъ штатовъ потому, что надѣется съ ихъ помощью отстоять налоговыя изъятія. Онъ боялся также того, чтобы по истинѣ національное собраніе не приняло мѣръ противъ дальнѣйшаго существованія постоянныхъ верховныхъ палатъ [1]).

Но разъ рѣшено созвать генеральные штаты, необходимо, по крайней мѣрѣ, направить ихъ дѣятельность въ желательную сторону, изложивши въ особой декларацiи права гражданъ, обязательныя для нихъ самихъ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ достигнуть наилучшей редакціи такого документа Кондорсэ считаетъ частную иниціативу. Онъ первый даетъ примѣръ тому, издавая въ формѣ брошюры мотивированный текстъ подобнаго заявленія. Въ массѣ статей, изложенныхъ въ его проектѣ, нѣкоторыя заслуживаютъ быть отмѣченными по той связи, въ какой онѣ стоятъ съ физіократическими доктринами. Законодательная власть не въ правѣ установить налога, который бы не былъ пропорціоналенъ чистому доходу; граждане могутъ устраивать сообщества, но подъ условіемъ признанія ихъ законодательной властью [2]). Это недовѣріе къ ассоціаціямъ и къ проводимому ими частному интересу, всегда якобы враждебному общему, составляетъ столь же характерную черту физіократической доктрины, какъ и предлагаемый ею единый земельный налогъ. Оба возрѣнія оказала, какъ мы увидимъ, большое вліяніе на законодательство Конституанты, побудили ее къ упраздненію цеховъ и запрещенію рабочихъ сообществъ.

---

[1]) Sentiments d'un républicain sur les assemblées provinciales et les états généraux. Oeuvres, т. IX, стр. 127—131.

[2]) См. Déclaration des droits. 1789. Oeuvres, т. IX, стр. 199 и 208.

На примѣрѣ четырехъ самыхъ выдающихся публицистовъ 89 года, мы показали цѣльность и единство революціонной доктрины. О томъ, въ какой мѣрѣ эта доктрина раздѣлялась также практическими дѣятелями, а не одними теоретиками, свидѣтельствуетъ содержаніе данныхъ депутатамъ наказовъ и текстъ того королевскаго декрета (отъ 23 іюня 1789 г.), которымъ, Людовикъ XVI тщетно пытался отвратить готовившееся во Франціи потрясеніе. Общность требованій, обусловленная общностью политическихъ убѣждѣній, выступаетъ и въ инструкціи, данной герцогомъ Орлеанскимп составителямъ наказовъ во всѣхъ приходахъ, расположенныхъ въ предѣлахъ его имѣній, и въ тѣхъ проектахъ регулированія законодательнымъ путемъ отношеній короля къ народному представительству, которые разновременно предложены были Лафайетомъ, Мунье, Малуэ и другими. О ней можно составить себѣ наконецъ понятіе и по частной перепискѣ предпологаемаго главы европейской коалиціи противъ создавшей у себя республику Франціи,—я разумѣю австрійскаго императора Леопольда.

Читая и сопоставляя между собою эти разнообразнѣйшіе по источнику документы, эти политическія программы, вышедшія одинаково изъ рядовъ защитниковъ и противниковъ революціи, приходишь къ заключенію, что по основнымъ вопросамъ государственнаго устройства политической философіи XVIII вѣка удалось установить между всѣми партіями своего рода соглашеніе. Всѣ безъ различія понимали необходимость конституціонныхъ гарантій для личной свободы и собственности, пользу предоставленія народному представительству права участія въ составленіи законовъ и бюджета, неотложность строгаго отдѣленія суда отъ администраціи и упроченія независимости юстиціи. Всѣ, наконецъ, одинаково признавали желательнымъ установленіе начала отвѣтственности министровъ и его необходимаго дополненія—безотвѣтственности короля. Однимъ словомъ, всѣ въ большей или меньшей степени считали нужнымъ дать законодательное признаніе тому принципу народнаго участія и народнаго контроля въ государственныхъ дѣлахъ, на осуществленіе котораго въ Англіи съ полнымъ основаніемъ указывали политическіе мыслители.

Нельзя отказаться отъ нѣкотораго изумленія, находя въ той «profession de foi», которую Леопольдъ счелъ нужнымъ послать изъ Флоренціи 25 января 1790 года на имя герцога Саксенъ-Тешенскаго, губернатора Нидерландовъ, выраженіе такихъ, напримѣръ, мыслей: «я думаю, что наслѣдственный даже монархъ не болѣе, какъ уполномоченный и чиновникъ народа. Я думаю, что каждое государство нуждается въ основномъ законѣ или договорѣ между народомъ и правителемъ. Этотъ договоръ долженъ ограничивать авторитетъ и власть послѣдняго. Несоблюденіе его монархомъ равнозначительно отказу отъ занимаемаго имъ поста; оно освобождаетъ подданныхъ отъ обязанности повиновенія». Исполнительная власть, продолжаетъ Леопольдъ, принадлежитъ королю, законодательная же—народу и его представителямъ. При каждой перемѣнѣ правленія народъ и его представители могутъ поставить новыя условія и новыя ограниченія авторитету монарха. Послѣдній же ни прямо, ни косвенно, не можетъ вмѣшиваться въ отправленіе гражданскаго и уголовнаго правосудія, измѣнять процессуальныя формы, характеръ и мѣру наказанія или устанавливать чрезвычайныя судебныя коммиссіи. Онъ призванъ давать ежегодно точный отчетъ въ расходованіи государственныхъ средствъ, не вправѣ облагать произвольно налогами и поборами: одному народу принадлежитъ ихъ установленіе. Правительство представляетъ о нуждахъ государства; депутаты провѣряютъ и обсуждаютъ предложенныя имъ смѣты; признавъ точность сдѣланныхъ выкладокъ, они даруютъ субсидіи не болѣе, какъ на годъ. Этотъ срокъ можетъ быть продленъ, но не иначе и не прежде, какъ послѣ представленія правительствомъ подробнаго отчета въ расходахъ. Никакія измѣненія въ общей системѣ политики, никакіе новые законы, никакія пенсіи и пожалованія, не мыслимы безъ предварительнаго заявленія о нихъ представителямъ и формальнаго согласія съ ихъ стороны. Личные приказы монарха пріобрѣтаютъ силу закона только послѣ утвержденія ихъ штатами.

Переходя затѣмъ къ гарантіямъ личныхъ правъ гражданъ, Леопольдъ заявляетъ, что, согласно его принципамъ, войско должно служить для защиты территоріи, отнюдь не противъ народа. Никто, продолжаетъ онъ, не можетъ быть задержанъ и

подвергнутъ преслѣдованію иначе, какъ по распоряженію судьи. Всякій произвольный приказъ объ арестѣ, исходи онъ даже отъ монарха, не имѣетъ обязательной силы. Судъ долженъ происходить публично съ соблюденіемъ установленныхъ процессуальныхъ формъ.

Будущій императоръ заканчиваетъ изложеніе своихъ принциповъ воспроизведеніемъ ходячаго ученія о неотъемлемомъ правѣ народа устанавливать правительство съ тѣмъ, чтобы оно «обезпечивало ему счастіе и благополучіе не такъ, какъ оно само считаетъ лучшимъ, но такъ, какъ этого желаетъ народъ». Учредительное право народа никогда не можетъ быть потеряно, такъ какъ оно гарантировано ему естественнымъ закономъ. Единственная же цѣль всякаго общежитія и всякаго государства есть счастіе входящихъ въ составъ его лицъ [1]).

Несравненно скромнѣе были тѣ конституціонныя уступки, какія Людовикъ XVI дѣлалъ народу въ своемъ декретѣ отъ 23 іюня 1789 года. Но и въ этомъ документѣ, не удовлетворившемъ требованій націи и не задержавшимъ поэтому хода революціи, мы встрѣчаемъ признаніе многихъ существенныхъ правъ, упроченіе которыхъ составило впослѣдствіи задачу Учредительнаго Собранія. Въ числѣ ихъ мы находимъ обѣщаніе, что законы будутъ издаваемы не иначе, какъ при участіи штатовъ, а налоги взимаемы съ согласія народнаго представительства; тому же условію подчинены займы, дѣлаемые государствомъ. Равенство гражданъ признано настолько, насколько оно предполагаетъ обложеніе всѣхъ сословій одними и тѣми же налогами. Личная свобода получала существенную гарантію въ отмѣнѣ системы произвольныхъ арестовъ, такъ называемыхъ lettres de cachet. Еще ранѣе этого король обезпечилъ интересы протестантовъ изданіемъ декрета о вѣротерпимости; теперь онъ предлагалъ восполнить систему личныхъ правъ дарованіемъ свободы печати, «на-

---

[1]) Письмо написано 25 февраля 1790 года и послано изъ Флоренціи за нѣсколько дней до кончины императора Іосифа II. Леопольдъ въ это время правилъ Тосканой. См. Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits publiés par F, Feuillet de Conches, томъ III, 1865 (стр. 248, 249 и 250).

сколько она совмѣстна съ уваженіемъ къ религіи, къ добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ».

Декретъ 23 іюня 89 года вызвалъ всеобщее недовольство, не столько въ виду недостаточности даруемыхъ имъ вольностей [1]), сколько благодаря отверженію имъ въ принципѣ системы совмѣстнаго обсужденія конституціонной реформы собранными па штатахъ сословіями. Неккеръ утверждаетъ даже, что ближайшей причиной раздраженія было то обстоятельство, что вводимыя въ государствѣ реформы пріобрѣтали благодаря декрету характеръ королевскаго пожалованія и переставали быть дѣломъ народнаго представительства. «Кто повѣритъ этому? Враждебное чувство, какое національное собраніе испытало при чтеніи этого декрета, пишетъ онъ въ 1792 г., произошло отъ мысли, что король принимаетъ на себя слишкомъ большую роль въ возрожденіи народнаго благополучія. Не объявлялъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, великодушно жертвуя, если не своими правами, то своею властью, что законы и налоги впредь будутъ устанавляемы не иначе, какъ съ народнаго согласія... И не отъ него ли также исходило предложеніе примирить свободу печати съ религіей, нравами и оградить свободу личности?» [2]).

Въ томъ видѣ, въ какомъ декретъ представленъ былъ палатамъ, онъ однако настолько уклонился отъ первоначальнаго проекта, составленнаго Неккеромъ, что этотъ министръ не пожелалъ принять на себя отвѣтственность за него и подалъ ко-

---

[1]) Ces concessions calculées pour répondre en partie aux voeux des peuples, пишетъ одинъ изъ членовъ собранія, Александръ Ламетъ, étaient bien loin de les satisfaire eutièrement. Elles ne produisaient qu'une réforme passagère dans l'état présent de la nation et c'étaient des changements légaux et un nouvel ordre de choses que l'opinion d'alors exigeait. Les formules impératives employées dans cette séance royale et le caractère qu'y prenait le roi comme seul représentant de la nation ne considérant ses mandataires que comme de simples conseillers, n'étaient point de nature pour obtenir l'assentiment des deputés. L'injonction donnée à chaque ordre de se retirer dans sa chambre particulière pour y continuer ses délibérations, annoncait i'intention d'annuler les résolutions de l'assemblée nationale. Hist. de l'ass. Nat., I т., стр. 29.

[2]) Du pouvoir exécutif dans les grands états par. M. Necker, томъ второй (издан. 1792, стр. 233).

ролю прошеніе объ отставкѣ. Политическая программа Неккера была значительно шире и изложена имъ по пунктамъ въ сочиненіи «Объ исполнительной власти». Вотъ въ чемъ состояла она.

1) Присвоеніе законодательства представителямъ націи, но при сохраненіи королевской санкціи. Къ области законодательства долженъ быть отнесенъ также выборъ и установленіе налоговъ.

2) Смѣта государственныхъ расходовъ и опредѣленіе контингента арміи тою же законодательною властью.

3) Представленіе счетовъ доходовъ и расходовъ коммиссарамъ, назначеннымъ народнымъ представительствомъ.

4) Ежегодное возобновленіе полномочій на производство налоговыхъ сборовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые служатъ обезпеченіемъ государственнаго долга.

5) Отмѣна всякаго произвола въ пользованіи властью и право каждаго предъявлять гражданскій и уголовный искъ противъ чиновника, злоупотребившаго своими полномочіями.

6) Запрещеніе военнымъ дѣйствовать въ предѣлахъ государства иначе, какъ въ силу требованія гражданскихъ властей.

7) Ежегодное возобновленіе народнымъ представительствомъ законовъ, опредѣляющихъ дисциплину, силу и внутренній порядокъ арміи.

8) Свобода печати, насколько она совмѣстима съ нравственностью и общественнымъ спокойствіемъ.

9) Равномѣрное распредѣленіе податныхъ тягостей и законное право каждаго на занятіе общественныхъ должностей.

10) Отвѣтственность министровъ и всѣхъ ближайшихъ агентовъ правительства.

11) Наслѣдственность престола.

12) Присвоеніе полноты исполнительной власти королю и надѣленіе его всѣми необходимыми средствами къ ея осуществленію [1]).

Если оставить въ сторонѣ вопросъ объ устройствѣ народнаго представительства, о принятіи системы двухъ палатъ или единой нераздѣльной камеры, нельзя будетъ не признать программы Нек-

---

[1]) Ibid., стр. 314, 326.

кера весьма близкой къ той, которая предложена была конституціоннымъ комитетомъ Учредительнаго Собранія по иниціативѣ, главнымъ образомъ, Мунье. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привесть содержаніе первыхъ шести параграфовъ этого проекта.

1) Образъ правленія во Франціи монархическій. Нѣтъ въ государствѣ авторитета выше закона. Король правитъ только въ силу закона; когда онъ повелѣваетъ что либо иначе, какъ именемъ закона, онъ не можетъ требовать повиновенія.

2) Никакой актъ не долженъ считаться закономъ, если онъ не вышелъ изъ рукъ народныхъ представителей и не получилъ королевской санкціи.

3) Судебная власть не осуществляется королемъ, и судьи, которымъ она предоставлена, не могутъ быть лишены своихъ мѣстъ ранѣе установленнаго срока и иначе, какъ въ законномъ порядкѣ.

4) Верховная правительственная власть (разумѣется исполнительная) сосредоточивается въ рукахъ короля.

5) Корона нераздѣльна и наслѣдственна въ мужской линіи въ порядкѣ первородства.

6) Личность короля священна и неприкосновенна, но министры и прочіе агенты правительства отвѣтственны за всѣ нарушенія законовъ, каковы бы ни были полученные ими приказы.

Комитетъ выдавалъ предложенный имъ проектъ за подлинное выраженіе желаній, высказанныхъ націей въ ея наказахъ, и съ этимъ заявленіемъ приходится согласиться, когда читаешь «резюме» этихъ наказовъ, сдѣланное графомъ Клермонъ Тоннеръ въ засѣданіи 7 іюля 1789 года. Изъ его сообщенія слѣдовало, что между избирателями существуетъ полное согласіе по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Образъ правленія во Франціи монархическій.

2) Личность короля священна и неприкосновенна.

3) Корона наслѣдственна въ мужской линіи.

4) Королю принадлежитъ исполнительная власть.

5) Агенты правительства отвѣтственны.

6) Королевская санкція необходима для обнародованія законовъ.

7) Законъ создается націей при участіи короля.

8) Согласіе націи требуется для производства займа и обложенія.

9) Налогъ не можетъ быть установленъ на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ отъ одной сессіи генеральныхъ штатовъ до другой.

10 и 11) Собственность и личная свобода священны [1]).

Но, можетъ быть, эта программа, успѣвшая объединить всѣхъ, кто серьезно былъ преданъ монархіи и мечталъ объ одномъ лишь ограниченіи ея съ помощью тѣхъ пріемовъ, какими англичане добились установленія политической свободы, рѣзко расходилась съ тою, какой придерживалась оппозиція. Быть можетъ, она ничего не имѣла общаго съ тѣми стремленіями, выразителями которыхъ была партія герцога Орлеанскаго или его противникъ Лафайетъ? Ничуть ни бывало. Въ инструкціи, данной избирателямъ герцогомъ Орлеанскимъ, излагаются тѣ самыя конституціонныя положенія, съ которыми мы могли познакомиться изъ чтенія проекта Мунье. Повторяя требованіе народнаго участія въ законодательствѣ и обложеніи, высказываясь въ пользу министерской отвѣтственности и провозглашая принципъ личной свободы, эта инструкція только входитъ въ нѣкоторыя добавочныя подробности относительно средствъ обезпечить эту свободу. Любопытно констатировать, что въ выборѣ послѣднихъ составитель, которымъ долгое время несправедливо считали Сейеса, слѣдуетъ указаніямъ опыта — англійской административной и судебной практикѣ. Каждый гражданинъ, пишетъ онъ, буквально воспроизводя то, что на этотъ счетъ говорятъ Блакстонъ и Делольмъ, долженъ пользоваться свободой мѣстожительства, а также свободой передвиженія, не стѣсняемой необходимостью чьего бы то ни было согласія. Никто также не долженъ быть арестованъ иначе, какъ въ силу приказа, исходящаго отъ обыкновенныхъ судей. Задержанный въ теченіе 24 часовъ долженъ быть переданъ въ руки своего естественнаго судьи. Всякое произвольное

---

[1]) Rapport du comité de constitution contenant le resumé des cahiers relatifs à cet objet, fait à l'assemblée nationale par M. le comte de Clermont-Tonnerre, séance du 27 juillet 1789 года.

задержаніе, по чьему бы велѣнію оно ни было сдѣлано, подвергаетъ виновного смертной казни или по меньшей мѣрѣ тѣлесному наказанію. Права личности должны быть расширены благодаря признанію свободы печати. «Человѣкъ не можетъ быть свободнымъ, если мысли его не свободны». Отсюда отмѣна цензуры и признаніе за однимъ представительствомъ права установлять временныя ограниченія для безотвѣтственнаго пользованія печатнымъ станкомъ. Отсюда необходимость признать неприкосновенность собственности, не допускающей возможности государственной экспропріаціи иначе, какъ съ вознагражденіемъ, и другихъ налоговъ; кромѣ вотированныхъ штатами. Отсюда равенство всѣхъ въ дѣлѣ обложенія, равномѣрное распредѣленіе податей, строгая отчетность министровъ въ ихъ расходованіи, консолидація государственнаго долга, публичность всѣхъ относящихся къ нему распоряженій, періодичность народнаго представительства и, какъ средство обезпечить его и добиться конституціи и личной свободы, вотированіе налоговъ въ концѣ сессіи послѣ дарованія королемъ обѣщанныхъ вольностей. Отсюда, наконецъ, изданіе новаго гражданскаго кодекса, допускающаго между прочимъ свободу разводовъ и смягчающаго суровость наказаній за государственную измѣну. Таковы требованія, какія герцогъ Орлеанскій и его партія желали бы вложить въ уста избирателей. Задача генеральныхъ штатовъ—добиться признанія ихъ правительствомъ.

Опять таки и въ этой инструкціи нѣтъ ничего, чтобы противорѣчило общности той политической доктрины, какая положена была въ основу учредительной дѣятельности національнаго собранія. Различіе касается не сущности дѣла, а его частностей и способа формулированія. То же можетъ быть сказано и о политической программѣ Лафайета, по крайней мѣрѣ, въ ея окончательномъ видѣ, насколько она извѣстна намъ изъ его тайныхъ переговоровъ съ графомъ Эстергази, личнымъ агентомъ Маріи Антуанеты. Эти переговоры ведены были лѣтомъ 1791 года въ то время, какъ Лафайетъ успѣлъ уже убѣдиться въ практической негодности многихъ статей новой конституціи и сознавалъ необходимость усиленія исполнительной власти. Въ письмѣ своемъ къ шведскому королю Густаву III

Эстергази передаетъ намъ слѣдующія подробности о своихъ сношеніяхъ съ начальникомъ національной гвардіи. На вопросъ, желаетъ ли онъ быть Кромвелемъ или Монкомъ, Лафайетъ заявилъ себя сторонникомъ порядка и обѣщалъ представить проектъ раздѣла власти между королемъ и націей,— раздѣла, который въ его глазахъ долженъ былъ служить къ упроченію этого порядка. Обѣщаніе было исполнено на слѣдующій же день. Вотъ существеннѣйшія статьи этого проекта въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ ихъ намъ Эстергази. Король долженъ былъ сохранить власть надъ арміей, назначеніе судей и распоряженіе цивиль-листомъ. Министры отвѣчаютъ передъ націей въ расходованіи вотированныхъ суммъ въ томъ размѣрѣ, какой опредѣленъ собраніемъ для потребностей войска, флота и внѣшнихъ сношеній, другими словами они должны отказаться отъ того, что въ позднѣйшей административной практикѣ Франціи извѣстно подъ названіемъ «droit de virement», или права переносить денежные фонды съ однихъ статей расходовъ на другія. Король объявляетъ войну и заключаетъ миръ, но чрезвычайныя издержки на покрытіе военныхъ расходовъ должны быть вотируемы націей. Начальники надъ войскомъ не имѣютъ никакой гражданской власти. Гражданскіе же чиновники всѣ назначаются путемъ избранія [1]). За исключеніемъ послѣдней статьи, остальныя мало уклоняются отъ общихъ началъ монархической программы, впервые выставленной партіей Мунье и поддерживаемой Мирабо до самой его смерти [2]).

Если мы примемъ во вниманіе легкость, съ какою Людовикъ XVI далъ свое согласіе на «Декларацію правъ человѣка и гражданина», и его готовность предупредить рѣшеніе палатой такого крупнаго для него вопроса, какъ вопросъ объ участіи короля въ законодательной власти, добровольнымъ отказомъ отъ

---

[1]) Le comte Valentine Esterhazy au roi de Suède, Dresde, le 30 août 1791. (Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth; Lettres et documents inédits, publiés par F. Feuillet de Conches, томъ IV (издан. 1866).

[2]) См. рѣчи Мирабо о правѣ короля объявлять войну и заключать миръ, а также о значеніи королевскаго „veto“. Histoire parlementaire, Buchez et Roux, томъ III и IV.

абсолютнаго вето, если, съ другой стороны, мы взвѣсимъ надлежащимъ образомъ значеніе того факта, что самъ Маратъ въ 1789 г. высказывался въ пользу монархической конституціи [1]), и что въ слѣдующемъ затѣмъ авторъ извѣстнаго памфлета, озаглавленнаго «La France libre», Камилль-Демуленъ, насчитывалъ во всей Франціи не болѣе десяти республиканцевъ [2]), то намъ трудно будетъ допустить, что по вопросу о раздѣлѣ политической власти между королемъ и народнымъ представительствомъ не могло состояться соглашенія.

Источникъ несогласія лежалъ не столько въ различномъ пониманіи королемъ и собраніемъ обязанностей правительства и правъ народа, сколько въ различномъ отношеніи ихъ къ сословному и церковному вопросу. Тотъ самый король, который не отступалъ передъ мыслью присягнуть конституціи и видѣлъ свою обязанность въ строгомъ соблюденіи положенныхъ ею границъ, отказывалъ въ своей санкціи законамъ, вводившимъ «гражданское устройство духовенства» и конфисковывавшимъ имущества выселившагося за-границу дворянства. Короля и палату раздѣляло не пониманіе существенныхъ требованій политической свободы, а неодинаковость ихъ отношенія къ имуще-

---

[1]) Въ 1774 году Маратъ печатаетъ первый свой политическій памфлетъ, озаглавленный „Цѣпи рабства". Вліяніе Монтескье, Руссо, Мабли, замѣтно въ немъ на каждомъ шагу: незначительность территоріи одна позволяетъ государству устроиться по типу республики (Руссо). Добрый монархъ—благороднѣйшее созданіе Всевышняго (Монтескье). Пока земли раздѣлены поровну между жителями, всѣ имѣютъ равныя потребности и равныя средства къ ихъ удовлетворенію... Это положеніе наиболѣе благопріятно свободѣ (Мабли). Единственное, чего нельзя найти въ этомъ памфлетѣ, это сколько нибудь самостоятельной мысли. Маратъ представляется исключительно компиляторомъ и послѣдователемъ. Но его памфлетъ любопытенъ для насъ, такъ какъ служитъ лучшей иллюстраціей къ проводимому нами взгляду о единствѣ революціонной доктрины.

[2]) Въ статьѣ, озаглавленной L'idée républicaine et démocratique avant 1789 (La Révolution française 14 Іюля 1898 г.) профессоръ Aulard какъ нельзя лучше доказываетъ слѣдующее положеніе: en 1789, au moment de la convocation des états généraux, il n'y avait pas en France de parti républicain (стр. 6).

ственнымъ и сословнымъ правамъ дворянства и духовенства. Трудности, лежавшія на пути къ составленію либеральной конституціи, имѣли своимъ источникомъ не пристрастіе Людовика XVI къ абсолютизму и не республиканскія стремленія народнаго представительства [1]). По замѣчанію современниковъ, Людо-

[1]) Очень цѣнны въ этомъ отношеніи письма Джефферсона. Еще осенью 1782 г., охарактеризовавши предварительно настроеніе короля по отношенію къ будущимъ штатамъ словами, что „Людовикъ XVI серьезно намѣренъ ихъ выслушать и послѣдовать ихъ указаніямъ“, Джефферсонъ высказываетъ убѣжденіе, что „король и министерство стоятъ за свободу. Опираясь на двадцать три съ половиною милліона средняго сословія, они принудятъ къ подчиненію ничтожное меньшинство дворянъ и духовныхъ“. Въ письмѣ отъ 18 ноября онъ говоритъ, что король уже сдѣлалъ серьезную уступку, признавъ открыто самымъ фактомъ созванія штатовъ, что нація не можетъ быть облагаема иначе, какъ своимъ представительствомъ. Говоря о рапортѣ, сдѣланномъ королю Неккеромъ 27 декабря 88 года и обнародованномъ въ „Газетѣ Франціи“, Джефферсонъ справедливо отмѣчаетъ въ немъ оффиціальное признаніе слѣдующихъ правъ націи:

1) Правительство возобновляетъ обѣщаніе не устанавливать новыхъ налоговъ и отказаться отъ старыхъ, разъ не послѣдуетъ согласія народнаго представительства.

2) Оно предоставляетъ штатамъ право пріуроченія государственныхъ доходовъ къ издержкамъ, послѣдствіемъ чего, прибавляетъ онъ, явится необходимость для двора ограничить свои затраты размѣрами цивиль-листа. И дѣйствительно, рапортъ открыто объявляетъ, что въ число издержекъ, размѣры которыхъ опредѣлены напередъ, Его Величество готово включить и тѣ, которыя непосредственно затрогиваютъ его самого (qui tiennent plus particulièrement à sa personne).

3) Правительство даетъ свое согласіе на періодичность созыва штатовъ.

4) Оно готово предоставить штатамъ обсужденіе вопроса объ отмѣнѣ lettres de cachet и связанной съ ними системы административныхъ арестовъ и произвольнаго заточенія,

5) а также право рѣшить, въ какой мѣрѣ дарована будетъ свобода печати.

6) Оно согласно, пишетъ Джефферсонъ, на изданіе декларацiи о правахъ, и

7) есть даже въ рапортѣ мѣсто, которое можно истолковать въ смыслѣ, благопріятномъ признанію начала министерской отвѣт-

викъ XVI по своему характеру могъ бы быть идеальнымъ королемъ въ такой конституціонной странѣ, какъ Англія. Съ другой стороны, вожаки учредительнаго Собранія неоднократно заявляли себя убѣжденными монархистами, вся задача которыхъ сводится къ тому, чтобы найти въ народныхъ вольностяхъ но-

---

ственности (см. переписку Джефферсона томъ II, письмо къ Джону Дже отъ 11 янв. 89 года, стр. 557). Кромѣ упомянутыхъ Джефферсономъ вольностей, въ рапортѣ Неккера говорится еще объ установленіи во всей Франціи провинціальныхъ собраній по образцу тѣхъ, которыя введены были Людовикомъ XVI въ нѣкоторыхъ генералитетахъ, объ упрощеніи всей административной машины; наконецъ, о равенствѣ всѣхъ въ дѣлѣ обложенія, съ нѣкоторыми ограниченіями въ пользу небогатыхъ дворянъ, ведущихъ лично свое хозяйство. О томъ, въ какой мѣрѣ эта программа встрѣчала сочувствіе короля, можно судить по слѣдующему. Хранитель печати, Барентенъ въ своихъ посмертныхъ мемуарахъ разсказываетъ, что рапортъ Неккера подвергся зрѣлому обсужденію въ рядѣ засѣданій, длившихся 4—5 часовъ каждое. При голосованіи Барентенъ и Вильедель высказались противъ него, Ниверне и Пюисегюръ сказали ни да, ни нѣтъ; король же, Неккеръ, де Фуркэ, де Монморенъ, де ла Люцернъ, де Сенъ Пристъ, дали утвердительный отвѣтъ. Но при открытіи генеральныхъ штатовъ, замѣчаетъ Оларъ, Людовикъ XVI отступилъ отъ этой, слишкомъ смѣлой, по мнѣнію придворныхъ, программы. Въ его тронной рѣчи встрѣчаются выраженія „о командованіи надъ націей, объ авторитетѣ и власти, какими располагаетъ король среди преданнаго монархіи народа; о предстоящихъ реформахъ говорится, какъ о не имѣющихъ иного источника, кромѣ нѣжнаго участія, какое король принимаетъ въ общественномъ благоденствіи“. Хранитель печати Барентенъ въ своей рѣчи упоминаетъ только о слѣдующихъ реформахъ: объ уравненіи налоговыхъ тягостей, о предоставленіи штатамъ регулировать вопросъ о печати, о порученіи коммиссіи судей редакціи новаго уголовнаго кодекса, о приведеніи въ силу старинныхъ регламентовъ касательно народнаго образованія и восполненіи ихъ лишь немногими новыми статьями. Говорящій вслѣдъ за Барентеномъ Неккеръ значительно отступаетъ отъ содержанія своего прежняго рапорта. Вліяніе королевы и партіи реакціи не прошло безслѣдно. Отсюда то разочарованіе, какое, по словамъ венеціанскаго посла Капелло, произвело на присутствующихъ двухчасовое чтеніе неккеровскаго отчета (сравни Le programme royal aux élections de 1789. La Révolution française, t. XVI, Janvier—Juin 1889, p. 288).

вый оплотъ для власти короля. Трудность всецѣло лежала въ тѣхъ препятствіяхъ, какія на пути къ созданію демократіи дѣятеля 89 года встрѣтили въ сложившейся въ теченіе вѣковъ сословной организаціи привилегированной церкви и дворянства. Только ихъ оппозиціи и поддержкѣ, какую она встрѣтила въ лицѣ членовъ королевской семьи, надо приписать неуспѣхъ той системы «королевской демократіи», въ установленіи которой Учредительное Собраніе видѣло средство «къ возрожденію Франціи». Только симпатіей къ этимъ интересамъ объясняется то рѣшительное противодѣйствіе, какое дѣятельность собранія встрѣтила со стороны защитниковъ стараго порядка, одинаково во Франціи и за ея предѣлами. Ею же опредѣлился и характеръ многихъ мѣръ, въ которыя вовлечены были, можно сказать, противъ ихъ воли, дѣятели 89 года и содержаніе которыхъ ни мало не отвѣчало ни даннымъ имъ наказамъ, ни раздѣляемой ими политической доктринѣ.

Сказанное не исключаетъ возможности открыть много несовершенствъ въ созданной ими конституціи. Большинство ихъ вызвано было внутреннимъ противорѣчіемъ той доктрины, какая руководила ихъ учредительной дѣятельностью. Они не поняли или не хотѣли понять [1]), что ограничивая до послѣднихъ

---

[1]) Многія свидѣтельства сходятся въ утвержденіи того факта, что въ рядахъ народнаго представительства небольшое число республиканцевъ сознательно подготовляли уже въ это время наступленіе тѣхъ порядковъ, начало которымъ было положено революціей 10 августа 92 года. Уже 20-го сентября 89 года Джефферсонъ въ письмѣ къ Дже сообщаетъ, что имѣющіеся въ національномъ собраніи республиканцы готовы временно помириться съ наслѣдственностью первой магистратуры королевства, но они настаиваютъ на томъ, чтобы она подчинена была какъ можно больше законодательной власти и чтобы эта законодательная власть всецѣло сосредоточивалась въ народной палатѣ. (Томъ III полнаго собранія его сочиненій, стр. 116). Мнѣ завѣдомо извѣстно, пишетъ Мирабо въ тайномъ мемуарѣ для двора отъ 14 октября 90 года, что законодатели Франціи имѣли скрытую цѣль организовать государство такимъ образомъ, чтобы оставить за собою право выбора между монархіей и республикой, между сохраненіемъ и упраздненіемъ королевской власти, смотря по тому, насколько дѣйствительными окажутся грозящія имъ опасности. То, что я говорю, заканчиваетъ

предѣловъ власть короля, установляя систематическую рознь между народнымъ представительствомъ и органами исполненія, они дѣлаютъ неизбѣжнымъ столкновеніе, конечнымъ исходомъ котораго можетъ быть или возвращеніе къ старому порядку, или установленіе республики. Весьма вѣроятно, однако, что и въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность не была вполнѣ свободна, что многія изъ принятыхъ ими мѣръ къ ограниченію королевской власти были прямымъ отвѣтомъ на тотъ вызовъ, какой дѣлала имъ придворная партія, отождествлявшая постоянно свои интересы съ приносимыми въ жертву привилегіями.

онъ, даетъ ключъ къ пониманію великой загадки (Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck pendant les années 1789, 1790 et 1791, томъ II, стр. 226).

Важнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка сверху.	Строка снизу.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
52	4	—	переходящихъ	преходящихъ
57	15	—	говорилъ	говоритъ
66	16	—	умѣмысль	умѣ мысль
67	5	—	Скареднная	Скаредная
69	2	—	жизнью расплачивается	жизнью, расплачивается
71	5	—	выставила	представила
72	8	—	родоначаль никъ	родоначальникъ
72	13	—	напростѣйшую	наипростѣйшую
73	12	—	дешевивзны	дешевизны
73	—	17	заключалось	заключалась
77	—	4	является	являются
78	—	2	ихъ	его
80	2	—	повести и къ тому,	повести къ тому,
84	2	—	Лежундра	Лежандра
84	14	—	истолкователей	истолкователемъ
94	10	—	размножающихся	размножающихся
94	11	—	Обстоятельства, опредѣляющія	Обстоятельство, опредѣляющее
96	1	—	сторонамъ	странамъ
96	19	—	по этому	поэтому
97	14	—	ихъ	изъ
97	—	9	водитъ	видитъ
99	11	—	Эта	эта
100	6	—	политикѣ вполнѣ	политикѣ, вполнѣ
100	14	—	по чемъ	по чему
102	9	—	Въ брошюрѣ	въ брошюрѣ
107	15	—	замѣтитъ	замѣтите
110	6	—	богатствъ, промысловъ	богатствъ промысловъ
120	2	-	высказывалъ	высказалъ
121	—	4	гостдарственный	государственный
123	18	—	Мерсье де-ла-Риньеръ	Мерсье де-ла-Ривьеръ
124	—	6	нри	при
126	5	—	хтѣба	хлѣба
126	—	11	катовъ	актовъ
127	8	—	сдѣлки имѣющей	сдѣлки, имѣющей

Стр.	Строка сверху,	Строка снизу.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
129	—	6	критикуемой	критикуемый
132	4	—	воздухъ долженъ	воздухъ, долженъ
136	—	17	опредѣлѣніе	опредѣленіе
136	—	16	идти	итти
138	—	12	Форбэннэ	Форбоннэ
140	—	8	шелка	шелковъ
140	—	3	Глазгова	Глазго
141	—	5	Джерарда	Жерара
147	9	—	трактатомъ допустившимъ	трактатомъ, допустившимъ
148	—	12	производства	производство
149	—	6	статьями вносящими	статьями, вносящими
160	5	—	многіе	многія
164	—	5	сочиненія	сочиненіи
165	—	7	тѣхъ, изъ нихъ	тѣхъ изъ нихъ,
173	16	—	прежней	прежнимъ
177	16	—	Наказы,	Наказы
177	22	—	ему,	ему
178	—	14	оеобое	особое
181	—	16	памфлети	памфлета
188	15	—	Окзерры	Окзеры
190	1	—	Буленнэ	Булоннэ
194	—	18	изъ среды	отъ
195	1	—	Viane	Vaine
195	—	16	конвента.	конвента,
195	6	—	прогона“	прогона“,
196	4	—	ихъ; правами	ихъ правами;
202	—	2	богатыхъ, становятся	богатыхъ. Они становятся
203	5	—	что	что,
203	—	12	разрѣзали на мелкіе	разрѣзывали на мелкія
204	—	5	интнресомъ	интересомъ
207	11	—	сроду	среду
207	11	—	ремеела	ремесла
207	—	13	унотребленія	употребленія
212	1	—	приходскихъ	сельскихъ
220	17	—	быть обложенъ [2]).	быть обложенъ“ [2]).
220	—	16	казна [3]).	казна“ [3]).
220	—	8	310—313	310—313).
222	—	6	ни	не
228	2	—	прочимъ	прочимъ,
228	—	15	какоѣ	какой
233	—	17	по произволу	но произволъ
234	7	—	За-одно	Заодно
235	8	—	большое	большее
235	—	10	въ пищу	для пропитанія
239	11	—	подвергнуться	подвернуться
240	5	—	и	или
240	12	—	которого	котораго
240	—	18	должна	можетъ
244	—	20	возникновені я	возникновенія
245	—	20	представляюъ	представляютъ
264	17	—	которыхъ	который
264	—	7	нарѣканій	нареканій
270	—	10	велъза	велъ за

Стр.	Строка сверху.	Строка снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
297	2	—	парижѣ	Парижѣ
307	—	13	въ чьихъ рукахъ	въ чьи руки
317	—	10	заключенiи	заключенiя
319	5	—	ее	ея
360	1	—	школьной	школой
363	9	—	знакомство	знакомства
364	—	1	послѣднее впрочемъ	послѣднее сочиненiе впрочемъ
384	10	—	краткосрочно	кратковременно
385	—	5	утверждаетъ	укрѣпляетъ
387	11	—	Если бы	Еслибы
388	—	12	замѣтилъ	замѣтитъ
390	9	—	объясняется	объясняется,
391	2	—	зависть съ другой	зависть, съ другой,
391	18	—	практики	практикѣ
391	—	3	странахъ	странахъ,
392	—	12	роскошъ	роскошь
395	18	—	идеалъ,	идеалъ
396	—	5	о законахъ о политикѣ	о законахъ и о политикѣ
397	15	—	жизненнымъ	жизненномъ
397	16	—	отличнымъ	отличномъ
401	2	—	не дѣлается	не ведется
401	12	—	мометнъ	моментъ
401	16	—	на всегда	навсегда
402	—	9	серебра	серебра,
403	13	—	они	они,
403	—	4	страпою	страною
406	6	—	соль	соль,
407	8	—	пмъ	имъ
413	18	—	достижимыхъ	достижимымъ
415	10	—	Сидпея	Сиднея
415	13	—	создано	возникло
415	—	4	Бенкерегукъ	Бенкерсгукъ
418	—	16	неравенствѣ	неравенства
423	-	5	„общественное тѣло“	„общественное тѣло“,
424	7	—	отмѣнить	отмѣтить
425	—	2	благословлять	благославлять
430	12	—	въ деспотiю	въ деспотiю,
431	9	—	предшественники	предшественники,
431	—	11	пятой главы Эмиля, одинаково занятыхъ	пятая глава Эмиля одинаково занятая
448	10	—	§ 2	§ 3
454	8	—	признакамъ ее можно	признакамъ можно
460	5	-	объясняетъ себѣ то	объясняетъ то
462	—	1	droitst,	droits.
467	—	14	христiанство,	христiанства
469	—	9	религiи и независимо	религiи независимо
473	14	—	нужнымъ	возможнымъ
476	—	10	существующей	существующiй
476	—	9	ему сохранить	ему удержать
477	—	20	начало	начала
480	1	—	Пребыванiя	Пребыванiе
486	12	—	искусственной	искуственной

Стр.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
490	9	—	нрава	права
490	—	4	связи [2])	связи [2])“
497	14	—	отступленія	отступленія,
500	5	—	государству	государства
501	5	—	заключается	лежитъ
503	2	—	оно	она
513	—	12	приближаются	приближается
515	—	13	онъ	дней
512	—	2	съ созданіемъ	созданіемъ
522	7	—	трактата.	трактата
523	4	—	умѣреннаго и	умѣреннаго, и
523	—	11	законовъ	законовъ,
525	6	—	площади,	плоскости,
525	—	16	правительствѣ,	правительствѣ
530	—	18	на перекоръ	наперекоръ
530	—	19	афоризмы	афоризмы,
531	5	—	послѣдствія.	послѣдствія!
533	5	—	не простительнымъ	непростительнымъ
533	14	—	опрдѣленія	опредѣленія
537	11	—	монархіи,	монархіи
549	—	8	не зависимо	независимо
551	14	—	полночій, даннымъ	полномочій, данныхъ
552	6	—	приумноженіемъ	пріумноженіемъ
552	18	—	врагомъ	врагами
553	—	11	буржуа“	буржуа“,
554	9	—	Рабо-Сентъ-Этьенъ	Рабо-Сентъ-Этьенъ,
555	—	10	самодоржавіе	самодержавіе
562	—	15	большомъ	большемъ
563	17	—	для нихъ самихъ	для самихъ штатовъ
563	—	6	оказала,	оказали,
564	10	—	Орлеанскими	Орлеанскимъ
566	18	—	не задержавшимъ	не задержавшемъ

1888 4

JC
421
K68
1899
t.1
ch.3-4

Kovalevskii, Maksim Maksimovich
Proiskhozhdenie sovremennoi demokratii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 11 12 07 015 4